100 ВЕЛИКИХ РЕЛИКВИЙ МИРА

Слово «реликвия» буквально означает «наследие» – драгоценные памятники прошлого, без которого нет будущего. Реликвиями называют величайшие святыни мировых религий: ковчег Завета и крест Иисуса Христа, чашу Грааля и святую Каабу, меч пророка Мухаммеда и статую Изумрудного Буллы. Из этой книги вы узнаете и о тех реликвиях, которыми стали бережно хранимые регалии царских и королевских династий, драгоценные самоцветы, ценившиеся их владельцами выше собственной жизни… А что касается исторических реликвий, – таких, как ладья фараона Хеопса и Фестский диск, Капитолийская волчица и ацтекский Камень Солнца, Знамя Победы и спускаемый аппарат первого космического корабля, – то это поистине бессмертная летопись нашей цивилизации.

100 великих реликвий мира

100 великих реликвий мира
Составитель Андрей Низовский

С 1998 года издательство «Вече» выпускает книги серии «100 великих» – уникальные энциклопедии жизни знаменитых людей и выдающихся творений человеческого гения, самых удивительных явлений и загадок природы, величайших событий истории и культуры.

Более ста томов сгруппированы в коллекции серии «100 великих»:

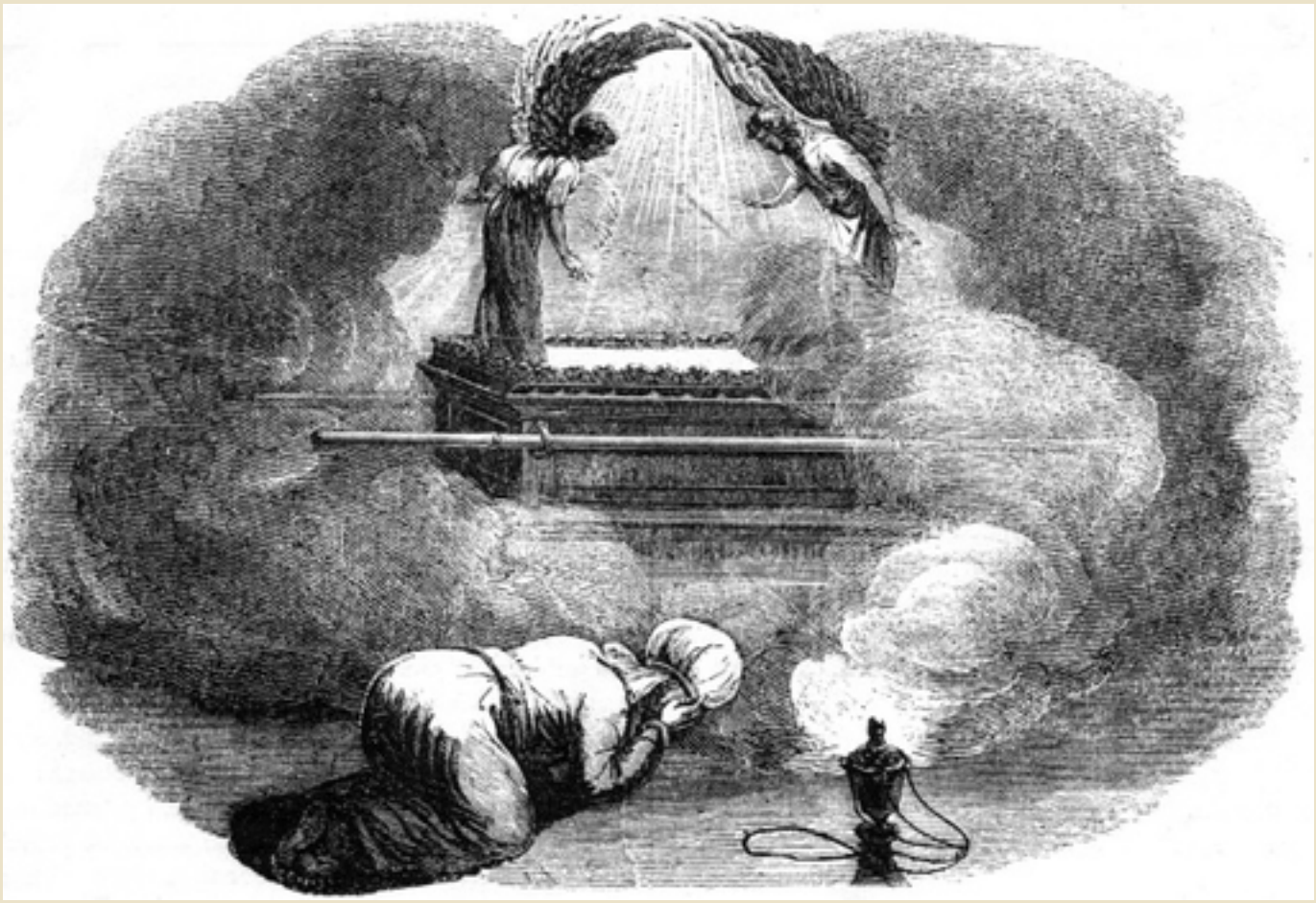
КОЛЛЕКЦИЯ ТАЙН И ЗАГАДОК
КОЛЛЕКЦИЯ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ВОЕННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
КОЛЛЕКЦИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ
КОЛЛЕКЦИЯ МАСТЕРОВ КУЛЬТУРЫ
КОЛЛЕКЦИЯ РЕКОРДОВ

«Сто великих»® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ЗАО «Издательство «Вече». Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается

Реликвии мировых религий
Ковчег Завета

Местонахождение – предположительно церковь Марии Сионской, Аксум, Эфиопия

«Мы с пренебрежением отвергаем все те научно разработанные мифы, что Моисей был легендарной личностью, на которой народ основал свою религиозную и социальную систему. Мы считаем, что самым научным, самым здравым и самым удовлетворяющим убеждением будет буквальное принятие библейского повествования.

Мы уверены, что все произошло так, как записано в Священном Писании. Мы можем иметь полную уверенность в том, что все происшедшее случилось с людьми, подобными нам, и что их переживания аккуратно записаны и сохранены на протяжении столетий с большей точностью, чем многие телеграфные сообщения наших дней…

Пусть ученые и исследователи увеличивают свое знание и делают всевозможные испытания подробностей записей тех отдаленных веков, достигших наших дней. Этими исследованиями они лишь докажут нам простоту и существующую точность записанных истин, которые до сих пор освещают путь странствования человека».

Эти строки написал когда-то один из крупнейших деятелей XX столетия – премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. И для него, и для миллионов других людей, читавших и читающих Библию, было неоспоримо, что один из наиболее ярких персонажей Ветхого Завета – Моисей, принадлежал к числу великих мужей дохристианского мира. Избранный Богом, он изменил направление всей человеческой истории. Много позже христианская Церковь приняла откровение Ветхого Завета через народ, с которым некогда заключил союз сам Бог. А зримым символом этого союза служил ковчег Завета, знаменовавший присутствие Бога среди людей.

«Сделайте ковчег из дерева ситтим: длина ему два локтя с половиною, и ширина ему полтора локтя, и высота ему полтора локтя; и обложи его чистым золотом, изнутри и снаружи покрой его; и сделай наверху вокруг него золотой венец; и вылей для него четыре кольца золотых и утверди на четырех нижних углах его: два кольца на одной стороне его, два кольца на другой стороне его. Сделай из дерева ситтим шесты и обложи их [чистым] золотом; и вложи шесты в кольца, по сторонам ковчега, чтобы посредством их носить ковчег; в кольцах ковчега должны быть шесты и не должны отниматься от него… Сделай также крышку из чистого золота: длина ее два локтя с половиною, и ширина ее полтора локтя; и сделай из золота двух херувимов: чеканной работы сделай их на обоих концах крышки; сделай одного херувима с одного края, а другого херувима с другого края; выдавшимися из крышки сделайте херувимов на обоих краях ее; и будут херувимы с распростертыми вверх крыльями, покрывая крыльями своими крышку, а лицами своими будут друг к другу: к крышке будут лица херувимов. И положи крышку на ковчег сверху… там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения…» (Быт. 12: 9—10).

Выполняя эту заповедь, данную Богом, Моисей поручил изготовить ковчег мастеру по имени Веселеил, которого Господь «исполнил… Духом Божиим, мудростью, разумением, ведением и всяким искусством…». И когда ковчег был готов, Моисей вложил в него две скрижали, которые были даны ему на горе Синай и на которых Бог записал десять заповедей. Позже к ним прибавились сосуд с манной небесной и процветший жезл Аарона.

Самое раннее упоминание ковчега в Библии приходится на период странствий сынов израилевых, выведенных Моисеем из египетского плена (ок. 1250 г. до н. э.). Из пустынь Синая ковчег был доставлен евреями в землю обетованную. Благодаря исходившим от него сверхъестественным проявлениям народ Израиля был непобедим. Сила ковчега осушила реку Иордан, вызвала мор среди филистимлян.

Царь Давид поставил ковчег Завета в шатре (скинии), где ежедневно общался с Богом. Сын и преемник Давида, Соломон, торжественно перенес ковчег в Святая Святых построенного им Иерусалимского храма. Своей формой храм напоминал форму ковчега Завета и служил скорее святилищем, чем местом для массовых богослужений. Золотые цепи ограждали хранившуюся в нем реликвию, многочисленная золотая утварь таинственно мерцала в полумраке…

Последние упоминания о ковчеге относятся к временам правления иудейского царя Иосии (Vil в. до н. э.). Его следы теряются после того, как вавилонский царь Навуходоносор в 587 г. до н. э. захватил и разрушил Иерусалим. Однако ковчег Завета не упоминается в числе реликвий и сокровищ, захваченных Навуходоносором в храме Соломона. Судьба его так и осталась неизвестной. Профессор древнееврейской и сравнительной религии Калифорнийского университета (США) Ричард Эллиот Фридман, много лет посвятившей этой загадке, называет ее «одной из величайших тайн Библии»; с его мнением согласны многие ученые.

На страницах Ветхого Завета можно обнаружить более двухсот упоминаний о ковчеге Завета вплоть до эпохи Соломона (970–931 гг. до н. э.), но он почти не упоминается после правления этого мудрого царя. Нет ни

одного сообщения о том, что «”Ковчег был увезен, уничтожен или спрятан”», – писал в 1987 году Р.Э. Фридман. – Нет даже упоминания о том, что “и тогда Ковчег исчез и мы не знаем, что с ним случилось”, или что “и никто не знает, где он находится по сей день”. Самый важный, с библейской точки зрения, предмет попросту перестал существовать». В этом-то и заключается подлинная историческая загадка: дело не только в том, что пропала необычайно ценная реликвия, но и в том, что исчезновение ковчега – при всем его огромном религиозном значении – окружено плотной стеной молчания.

Есть все основания предполагать, что ковчег исчез задолго до того, как в 587 году до н. э. армия вавилонского царя Навуходоносора сожгла Иерусалим. Он не достался вавилонянам в качестве трофея. И ковчега

Завета определенно не было во втором храме, построенном на развалинах первого, после того как евреи вернулись в 538 году до н. э. из вавилонского плена.

В тайну исчезновения ковчега пытались проникнуть многие исследователи. Его поисками занимались нескольких археологических экспедиций, но все они оказались неудачными.

Древние (и не очень) предания рассказывают, что ковчег якобы до сих пор остается в Иерусалиме, укрытый где-то в недрах Храмовой горы. Согласно одной легенде, возникшей уже после вавилонского пленения, Соломон предвидел разрушение храма и поэтому «придумал место для сокрытия ковчега». Апокрифический «Апокалипсис Баруха» – относительно поздний текст – сообщает, что реликвия была поглощена землей и скрыта под краеугольным камнем, на котором стоял храм Соломона. В Талмуде можно встретить свидетельство, что «ковчег был похоронен в своем месте». Царь Иосия, правивший в Иерусалиме с 639/ 640 по 608/609 год до н. э., то есть за десятилетие до захвата города вавилонянами, предвидя неминуемое разрушение храма, будто бы «спрятал ковчег и все его принадлежности, дабы предохранить их от осквернения врагом». Другое предание, записанное в Мишне *1 Мишна (Мишней Тора) – обширное собрание законов и постановлений, регулирующих почти все сферы еврейской жизни. Ее окончательная редакция завершена ок. 200 года н. э.*, утверждает, что реликвия была схоронена «под мощеным полом дровяного сарая, чтобы она не попала в руки врага». Этот дровяной сарай находился на территории храма Соломона, но место его расположения ко времени возвращения евреев из Вавилонского пленения было забыто и «осталось тайной на все времена». В Мишне рассказывается, что однажды некий священник работал во дворе храма (второго) и случайно наткнулся на «участок мощения, отличавшийся от остального. Он пошел и сказал об этом своему приятелю, но не успел он закончить, как жизнь оставила его. Так они точно узнали, что там покоится ковчег».

Совершенно иную версию сокрытия ковчега предлагает Вторая книга Маккавейская, составленная между 100 годом до н. э. и 70 годом н. э. евреем-фарисеем, писавшим на греческом языке. В ней говорится, что пророк Иеремия, «по бывшему ему Божественному откровению (о грядущем разрушении храма. – Авт.), повелел скинии и ковчегу следовать за ним, когда он восходил на гору, с которой Моисей, взойдя, видел наследие Божие. Придя туда, Иеремия нашел жилище в пещере и внес туда скинию,

и ковчег и жертвенник кадильный, и заградил вход».

По мнению ученых, этот рассказ – всего лишь вымысел, с помощью которого автор Второй книги Маккавейской пытался возродить интерес еврейской диаспоры к исторической родине. Поскольку книга была написана примерно через пять столетий после смерти Иеремии, ее даже нельзя назвать древним преданием, хотя автор попытался представить его таковым. Тем не менее поиски ковчега Завета велись и в месте, указанном во Второй книге Маккавейской, и в других местах.

Еще в XII столетии рыцари-тамплиеры (храмовники) пытались отыскать ковчег в Иерусалиме в недрах Храмовой горы. Их поиски окончились ничем. Сегодня на Храмовой горе находятся третья и четвертая по значению святыни ислама – мечети «Купол Скалы» и Аль-Акса, поэтому современным археологам доступ на гору закрыт: мусульманские власти противятся проведению здесь каких бы то ни было научных исследований. С их точки зрения, это было бы осквернением святынь. Не менее сильное сопротивление оказывают и еврейские религиозные руководители. Еще в 1967 году, когда профессор Археологического института Еврейского университета Мазар впервые начал переговоры о раскопках с сефардским и ашкеназским главными раввинами, те ответили категорическим отказом: что случится, если в результате археологических раскопок ковчег Завета вдруг будет найден? Ведь считается, что евреи пребывают в состоянии «нечистоты» со времени разрушения второго храма и это состояние якобы закончится лишь с приходом истинного Мессии. А поскольку сыны израилевы «нечисты» с точки зрения религиозного закона, им запрещено касаться ковчега Завета. Поэтому немыслимо даже думать о раскопках до прихода Мессии!

Подобного рода догма стала серьезным препятствием на пути археологов. Тем не менее им удалось убедить раввинов, а также преодолеть возражения представителей двух других монотеистических религий – христианства и ислама. И в конце 1960-х годов ученые начали раскопки. Правда, велись они только на южной стороне Храмовой горы, где удалось найти вход в тоннель, выкопанный тамплиерами в XII столетии. Его проследили на глубину примерно тридцати метров. Тоннель тянется и дальше, но копать в пределах Храмовой горы строго запрещено, так что дальнейшие работы были свернуты. Археологи сумели лишь понять, что туннель ведет с юга в глубь горы и, по-видимому, проходит непосредственно под мечетью «Купол Скалы». Она стоит на том самом месте, где некогда располагалась Святая Святых храма Соломона и где когда-то хранился ковчег Завета.

Ничего не дали и поиски на горе Нево, где похоронен Моисей, и на соседней горе Фасги. Единственные следы! ковчега Завета можно сегодня отыскать только лишь… в Африке, в Эфиопии, столь далекой от Святой Земли!

Эфиопия – одно из древнейших африканских государств. Ее начальная история изложена в обширной рукописи XIV века «Кыбрэ Нэгэст» («Слава царей»). Основание древней эфиопской монархии (ок. 1000 г. до н. э.), просуществовавшей вплоть до 1974 года, эта хроника связывает с именем Македы, царицы Шебы. Умная, просвещенная и любознательная правительница, она известна во всем мире как царица

Савская. Под этим именем она упоминается и на страницах Ветхого Завета.

«Кыбрэ Нэгэст» рассказывает, что царица прослышала о мудрости царя Соломона и о чудесах Иерусалима, и решила увидеть все это своими глазами. Она собрала караван, насчитывавший 797 верблюдов и столько ослов и мулов, что их число невозможно было подсчитать. Все эти животные были нагружены дарами для великого царя.

Несколько месяцев провела царица при дворе Соломона. Беседы с ним произвели на нее такое воздействие, что она отреклась от языческой религии своих предков и уверовала в единого Бога. В свою очередь, Соломон был поражен красотой этой женщины, и его охватила страсть к царице Шебы. Прощаясь, Соломон снял кольцо со своей руки и вложил его в руку Македы. «Если у тебя будет сын, отдай ему это кольцо и пришли сына ко мне», – сказал он.

Македа вернулась в Эфиопию и вскоре родила сына. Когда он вырос, то захотел увидеть своего отца и отправился в Иерусалим. Соломон сразу узнал его. Освященным елеем он помазал принца и дал ему имя – Менелик, что значит «как он красив». Соломон объявил, что отныне только потомки Менелика по мужской линии должны править Эфиопией. Так оно и случилось: после Менелика I в стране царствовали только его потомки по мужской линии; последним из них был император Хайле Селассие, свергнутый в 1974 году.

Прощаясь с отцом, Менелик попросил у Соломона часть покрова с ковчега Завета, чтобы эфиопы могли поклоняться этой реликвии. Соломон удовлетворил его просьбу. Однако в результате подмены в руках Менелика оказался. подлинный ковчег Завета! Впрочем, Соломон не стал убиваться по этому поводу, сказав, что «ковчег Завета передан не иноземцу, а моему сыну». Так ковчег оказался в Эфиопии, а в Иерусалиме осталась подделка.

Корни этой легенды, несомненно, уходят в текст Священного Писания. Ученые считают, что наиболее распространенная ее версия была обработана эфиопскими священнослужителями в XIV веке и в этом виде вошла в народный эпос. Как бы то ни было, легенда о Соломоне и царице Шебы приобрела сакральное значение, освящая власть эфиопских императоров – потомков Менелика, династия которых именовалась Соломоновой.

Эту историю, как и все легенды подобного рода, нельзя рассматривать некритически. В Эфиопии (Абиссинии) X века до н. э. не существовало и не могло существовать высококультурной централизованной монархии, описанной в «Кыбрэ Нэгэст». Нет никаких подтверждений и тому, что царица Савская была эфиопкой – напротив, по другим сведениям, ее родина находилась в Аравии, на юге Аравийского полуострова. Однако нет и оснований считать это совершенно невозможным: в своих знаменитых «Иудейских древностях» Иосиф Флавий, например, называет ее «царицей Египта и Эфиопии». Факт существования Менелика еще менее достоверен: историки считают предполагаемого основателя Соломоновой династии эфиопских императоров чисто легендарной фигурой.

В легенде, рассказанной в «Кыбрэ Нэгэст», существует еще много других нестыковок, анахронизмов и неточностей. А вот что касается ковчега Завета…

Народ Эфиопии свято верит в то, что он на протяжении многих веков обладает этой священной реликвией. Для эфиопов это так же очевидно и обыденно, как и утверждение о том, что «Волга впадает в Каспийское море» – для русских. Достоверно известно и место хранения реликвии: церковь Марии Сионской в древнем городе Аксум, расположенном на севере страны. На протяжении многих веков он являлся столицей Эфиопии и до сих пор сохранил за собой значение ее главного сакрального центра. Кстати, Аксума еще не было и в помине в тот период, когда ковчег, предположительно, был привезен в Эфиопию: этот город был основан не ранее III века до н. э., быть может, даже не ранее II века – иными словами, через семьсот или восемьсот лет после предполагаемого исчезновения ковчега.

Первоначальное здание церкви Святой Марии было построено в 372 году н. э. Она стала самой первой христианской церковью в Черной Африке. Просторная пятинефная базилика с момента своего основания являлась местом массовых паломничеств: ведь она была специально построена для хранения ковчега Завета, который – если верить легендам – был доставлен в страну задолго до рождения Иисуса Христа и до того, как христианство стало официальной религией в Аксумском государстве.

Следует заметить, что христианская религия в Эфиопии имеет ряд весьма специфических черт, и уж ни в коем случае не является «православной», как это иногда утверждают некоторые отечественные авторы.

Эфиопская церковь принадлежит к числу древних восточных (дохал-кидонских) церквей, отказавшихся признать нераздельное и неслиянное существование во Христе двух начал: божественного и человеческого, и принявших в качестве догмы учение о поглощении человеческого начала Христа божественным – т. н. з. монофизитство. Монофизитство было осуждено Халкидонским собором 451 года; сегодня его придерживаются несколько церквей: Армянская апостольская (которую иногда также ошибочно считают «православной»), Коптская, Эфиопская, Эритрейская, Сирийская (яковитская) и Сиро-Маланкарская.

Другой особенностью Эфиопской церкви является чрезвычайно заметное влияние иудаизма. По всей Эфиопии в среде христиан встречаются несомненно иудейские по происхождению обычаи и верования. Миллионы эфиопских христиан избегают есть «нечистых» птиц и млекопитающих (особенно свиней), соблюдают еврейскую субботу – но не вместо воскресенья, святого для их единоверцев в других местах, а вдобавок к нему. Они делают обрезание своим сыновьям на восьмой день после их рождения, как установлено книгой «Левит», – этот обычай из всех народов мира соблюдают сегодня только евреи и эфиопы. Отмечаются и другие праздники, хотя внешне христианские, но изначально явно иудейские. Так, эфиопский праздник Нового года (Инкуташ) близко соответствует еврейскому Новому году (Рош Хашанах). Оба они справляются здесь в сентябре, и за обоими через несколько недель следует второй праздник (Маскал в Эфиопии и Йом Кипур в Израиле). Эфиопские христиане также строго соблюдают многие из законов Пятикнижия Моисеева. Христианская вера не устанавливает ни одного из

этих ограничений, но Пятикнижие требует соблюдения их всех. В целом же англиканский архиепископ Дэвид Мэтью еще в 1947 году описал «весь комплекс религиозных отправлений в Эфиопии как древний и культовый, пропитанный иудейскими обычаями».

Христианские церкви Эфиопии по своему устройству восходят едва ли не ко временам храма Соломона. Ведущий специалист в этой области профессор Лондонского университета Эдвард Уллендорф пишет по этому поводу:

«Внешняя аркада абиссинской церкви из трех концентрических частей называется кене махлет, то есть место для исполнения псалмов, она соответствует уламу храма Соломона. Следующее помещение – кеддест, где отправляется обряд причащения. Внутренняя часть – макдас, куда имеют доступ только священники… Такое разделение на три помещения свойственно всем абиссинским церквам, даже самым маленьким. Таким образом, совершенно очевидно, что абиссинцы предпочли форму еврейского храма базилике, принятой первыми христианами повсеместно».

Профессор Уллендорф не стал строить догадки, почему абиссинцы оказали предпочтение дохристианской модели для своих христианских церквей. Он только лишь делает вывод:

«Ясно, что эти и другие традиции… были составной частью абиссинского национального наследия задолго до обращения в христианство в IV веке, ибо было бы непонятно, почему народ, недавно обращенный из язычества в христианство (и не христианином-евреем, а сирийским миссионером Фрументием), начал бы потом похваляться иудейской родословной и настаивать на израильских связях, обычаях и институтах».

Сирийскому миссионеру Фрументию, обратившему Аксумское царство в христианство – коптский патриарх Александрии назначил его в 331 году н. э. первым архиепископом Эфиопии, – по-видимому, пришлось приспосабливать институты новой веры к уже существовавшим иудейским обычаям страны. Но когда, каким образом иудаизм мог попасть в эту далекую африканскую страну?

Академический мир в большинстве своем сходится во мнении, что иудейская вера достигла Эфиопии не ранее II века н. э. Ее принесли сюда бежавшие от римских преследований эмигранты из Палестины, основавшие крупную еврейскую общину в Йемене, а затем перебравшиеся через Красное море на Африканский континент. Одним из самых решительных сторонников такой точки зрения был упоминавшийся выше профессор Уллендорф, в своем обширном труде «Эфиопия и Библия» категорично утверждавший, что евреи проникали в Эфиопию из Южной Аравии на протяжении длительного периода с 70 по 550 год н. э.

Южная Аравия действительно выглядит наиболее вероятным исходным пунктом миграционного движения из этого региона в Эфиопию. Однако отношение ученых к «йеменскому следу» отнюдь не единодушно. Имеются немало сведений, указывающие на то, что иудейская вера играла важную роль в Эфиопии еще задолго до прихода сюда в IV веке н. э. христианства. С этим, в частности, связана загадка фалаша – эфиопских иудеев.

«Евреи в Эфиопии были всегда, с самого начала», – писал в XVII веке португальский иезуит Балтазар Теллеш. Фалаша (фалаши), «черные евреи Эфиопии», внешним видом и одеждой почти не отличаются от других жителей Абиссинского нагорья. Их родное наречие является диалектом древнего агавского языка, на котором когда-то говорили многие жители северных провинций Эфиопии. Единственной чертой, отличавшей фалашей, была их религия – несомненно иудейская, хотя весьма архаичного и своеобразного типа. Европейские миссионеры, побывавшие в Эфиопии в XIX веке, с удивлением писали: «Фалаши ничего не знают о Вавилонском или Иерусалимском Талмуде, которые были сочинены во время и после Вавилонского пленения. Они также не соблюдают праздников Пурим и Освящения Храма, которые свято соблюдаются евреями нашего времени»

Праздник Освящения Храма был известен как Ханука. Он был установлен в 164 году до н. э. и по этой причине обязательно должен был бы соблюдаться еврейской общиной, обосновавшейся в Йемене после 70 года н. э. Несоблюдение фалашами Хануки подсказывает только один вывод: они обратились в иудаизм до 164 года до н. э., и значит, эта религия пришла к ним не из Йемена, а из какого-то другого места.

Как писал в 1869 году в своей книге «Фалаши Абиссинии» немецкий миссионер Мартин Флад, праздник Пурим эфиопские евреи также не соблюдали. Между тем этот праздник отмечался уже со II века до н. э. Он может иметь и более раннее происхождение: отмечаемые им события имели место в середине V века до н. э., и высказывались предположения, что его соблюдение стало весьма популярным уже к 425 году до н. э. Значит, фалаши оказались изолированными от основного русла мирового иудаизма задолго до этой даты, быть может, еще в VI веке до н. э.!

Другой миссионер, Генрих Штерн, в своей опубликованной в 1862 году книге «Странствия среди фалашей Абиссинии» утверждает, что эфиопские евреи соблюдали верность закону Моисея, «в соответствии с которым они строили свой культ», однако при этом совершали жертвоприношения животных. Однако практика совершения местных жертвоприношений вне стен главного храма в Иерусалиме была отменена царем Иосией в VII веке до н. э. Получается, что предки нынешних фалашей были обращены в иудаизм еще до этого времени?

Архаичные обычаи фалашей ставят под серьезное сомнение утверждения о позднем (южноаравийском) происхождении эфиопского иудаизма. Напротив, они довольно убедительно свидетельствуют в пользу того, что иудейская вера могла прийти в Эфиопию еще во времена Первого храма. А содержащаяся в «Кыбрэ Нэгэст» легенда позволяет понять, как и почему иудаизм пустил корни в сердце Африки в столь давнюю эпоху: да потому, что связана эта история непосредственно с ковчегом Завета!

«Кыбрэ Нэгэст» совершенно ясно указывает на то, что иудаизм проник в Эфиопию в 950-х годах до н. э., когда Менелик и его свита вернулись в страну с ковчегом. Существование туземных «черных евреев» в Эфиопии служит красноречивым доказательством присутствия там и ковчега. Их приверженность древним, давно забытым в других местах обычаям привела ряд путешественников к выводу, что фалаши являются «потерявшимся племенем Израиля». В 1970-х годах это представление

получило официальное благословение иерусалимских раввинов, недвусмысленно называющих фалашей евреями, т. е. считающимися достойными израильского гражданства в соответствии с законом о репатриации.

По иронии судьбы главной причиной столь запоздалого признания был явно ветхозаветный характер фалашской религии, который никак не вписывался в Талмуд (свод иудейских законов и толкований, накопленных между 200 г. до н. э. и 500 г. н. э.). Поэтому фалаши казались довольно чуждыми израильтянам и остальным евреям. Позже было признано, что незнание талмудических предписаний было лишь следствием того, что эфиопская ветвь была отсечена от мирового иудаизма на весьма ранней стадии. Эта изолированность объясняла приверженность фалашей давно запрещенной практике, в частности приношения в жертву животных.

Но каким образом это «потерявшееся племя» оказалось почти в двух тысячах километров от Израиля? На этот вопрос однозначного ответа нет. А что говорят сами фалаши?

Часть их считает себя потомками царя Соломона. Остальные же евреи в Эфиопии якобы являются потомками телохранителей сыновей израильских старейшин, которые сопровождали Менелика с ковчегом Завета.

В Эфиопии долгое время существовала династия еврейских царей. Иудеи порой даже вели успешные войны с христианскими правителями. Возможно, в центре этой борьбы находился ковчег Завета, который эфиопские христиане сумели каким-то образом отобрать у иудеев. В «Кыбрэ Нэгэст» есть такие строки: «Царству иудеев придет конец, и будет установлено царство Христа… Так Бог дал царю Эфиопии больше славы, милости и величия, чем всем остальным царям на земле, из-за величия Сиона, ковчега закона Божьего».

Фалаши сопротивлялись христианам довольно долгое время. Путешественник IX века Элдад Хадани, более известный как Элдад Данянин, в письме, датируемом 833 годом, писал, что потомки колена Данова и три других потерявшихся еврейских колена проживали в Эфиопии, где пребывали в постоянной вражде с христианскими правителями страны: «И они убивали людей Эфиопии, и по сей день они бьются с сынами царств Эфиопии». Элдад утверждал, что фалаши эмигрировали из Святой Земли в Эфиопию во времена Первого храма, вскоре после распада Израиля на два царства – Иудейское и Израильское (т. е. около 931 года до н. э.). Поэтому, писал он, они не отмечали праздников, установленных после этой даты, вроде Пурима и Хануки. Не было у них и раввинов, «ибо последние появились со Вторым храмом и сюда не пришли». У фалашей действительно не было раввинов: своих религиозных деятелей они называли «кахен» – производное от еврейского слова «кохен», означающего «жрец» и восходящего к эпохе Первого храма.

В заключение Элдад сообщает, что иудеи Эфиопии были удачливы в войнах и «наложили руки свои на шеи врагов своих». Это – довольно точное описание истинного баланса сил христиан и евреев в IX – начале X века. Именно в это время была свергнута Соломонова династия царей Аксума, и полстолетием позже у власти утвердилась династия Загве, к которой принадлежал знаменитый царь Лалибэла. Вначале Загве,

несомненно, были иудеями, но позже обратились в христианство, а впоследствии (лет через пятьдесят после кончины Лалибэлы) последний император этой династии отрекся от трона в пользу представителя Соломоновой династии.

В XII столетии известный путешественник, купец Вениамин из Туделы сообщал о присутствии в Эфиопии иудеев, которые «не находились под ярмом иноверных» и имели «свои города и замки на вершинах гор». Писал он и о войнах фалашей с христианами. В XV веке еврей-путешественник Элия из Феррары рассказывал, что встретил в Иерусалиме молодого фалаша, который сообщил ему, как его единоверцы «сохранили свою независимость в горных районах, откуда они постоянно развязывали войны против христианских императоров Эфиопии». А столетием позже христианский епископ Овьедо писал, что фалаши укрывались «в недоступных горах и отобрали у христиан многие земли, став их хозяевами, а цари Эфиопии не могли покорить их, ибо они выступали только малыми силами и было весьма трудно проникнуть в их цитадели в скалах».

Император Эфиопии Сарса Денгел, правивший с 1563 по 1594 год, вел против фалашей непрерывную семнадцатилетнюю войну, которую современные ученые сравнивают с крестовым походом. Фалаши оборонялись в Симиенских горах к западу и югу от реки Тэкэзе. Позже фалашский царь Радаи был взят в плен и казнен. А в конце XVI века пали две последние крепости фалашей в Симиенских горах.

В последующие двадцать лет были уничтожены многие тысячи фалашей, а их дети проданы в рабство. Немногим выжившим, по свидетельству шотландского путешественника Джеймса Брюса, «было приказано отречься под страхом смерти от своей религии и креститься.

И они согласились на это, ибо не видели другого выхода… Многие из них были крещены, и всех их заставили пахать и боронить в субботу».

В результате непрерывного притеснения эфиопские евреи лишились своей автономии и постепенно стали уходить в забвение. В первом десятилетии XVII века численность фалашей исчислялись примерно «100 тысячами мужчин». Если предположить, что на каждого мужчину приходилась семья из пяти человек, общая численность фалашей в тот период составляла около 500 тысяч. В конце XIX века еврейский ученый Иосиф Халеви насчитал уже около 150 тысяч фалашей. К концу первой четверти XX столетия их численность упала до 50 тысяч, а в голодный 1984 год фалашское население Эфиопии оценивалось в 28 тысяч человек. Сейчас их осталось, вероятно, не больше двадцати тысяч, и большинство из них уже перебралось в Израиль.

Но вот вопрос: почему некая группа евреев в глубокой древности эмигрировала из Израиля так далеко – аж в Эфиопию? Значит, у эмигрантов был какой-то сильный побудительный мотив. Какой?

…На протяжении столетий иудеи и христиане Эфиопии вели борьбу не на жизнь, а на смерть. В ней победили христиане, которым и достался ковчег Завета. Они включили его в свои собственные религиозные обряды. Таково единственное возможное объяснение той уникальной в христианском мире роли, которую в службах Эфиопской церкви играют «таботы» – копии великой реликвии Ветхого Завета.

Табот – таинственный предмет, считающийся в высшей степени священным – хранится во внутреннем святилище, «святая святых» каждой из более чем двадцати тысяч христианских церквей Эфиопии. Входить в это святилище могут только старшие священники. Мирянам их вообще не полагается видеть. Даже когда таботы выносят во время крестного хода, они всегда завернуты в ткань.

Таботы окружены почти суеверным благоговением. Именно табот придает святость церкви, в которой он хранится. При освящение храма в него торжественно вносится освященный патриархом табот, что составляет главную особенность церемонии. В некоторых церквях и монастырях хранится даже по десять – двенадцать таботов, которые используются для различных ритуалов.

Как давно эфиопские христиане начали использовать таботы? Первое упоминание о них принадлежит португальскому священнику Фран-сишку Альварешу, посетившему север страны в XVI столетии и побывавшему в Аксуме. Очевидно, однако, что он засвидетельствовал уже сложившуюся и весьма давнюю традицию.

Слово «табот» можно перевести как «ковчег». В Библии говорится, что ковчег Завета был деревянным, покрытым золотом ларцом размерами 2,5 х 1,5 х 1,5 локтя. Но соответствуют ли таботы такому описанию? Нет. Ни один из таботов не походит на библейское описание ковчега. Все они представляют собой плоские пластины из камня, а иногда и из дерева, и размер их гораздо меньше описанного. По всей видимости, они призваны изображать собой скрижали, хранившиеся в ковчеге Завета – ведь люди порой нуждаются в осязаемом свидетельстве своей веры…

Профессор Эдвард Уллендорф считает, что не трудно объяснить, каким образом эфиопы стали называть «таботами», т. е. «ковчегами», пластины из дерева и камня:

«Подлинный ковчег, как предполагается, хранится в Аксуме; все остальные церкви могут обладать только копиями. В большинстве случаев, однако, они являются копиями не всего ковчега, а лишь его предполагаемого содержимого, т. е. скрижалей Закона… Иными словами, описание этих каменных или деревянных дощечек словом «таботат» – просто «часть вместо целого», касающаяся самого важного в ковчеге – скрижалей Завета».

Все жители Эфиопии знают, что ковчег Завета хранится в церкви Святой Марии Сионской в Аксуме. И хотя его практически никто – за исключением очень узкого круга высших иерархов Эфиопской церкви – не видел, сохранилось описание очевидца, арабского географа по имени Абу Салих, по происхождению армянина. Он жил в самом начале XIII столетия и сделал обзор христианских церквей и монастырей, находившихся в Египте. Кроме того, он посетил ряд соседних стран, в том числе и Эфиопию. В книге Абу Салиха «Церкви и монастыри Египта и некоторых соседних стран» говорится:

«Абиссинцы обладают ковчегом Завета, в котором хранятся две скрижали с написанными пальцем Бога заповедями для сынов Израилевых. Ковчег Завета помещен в алтаре, но он уже алтаря; высотой он с человеческое колено и обложен золотом».

Абу Салих был свидетелем и того, как христиане Аксума использовали этот предмет:

«Литургия с ковчегом служится четыре раза в год в царском дворце, и его накрывают пологом, когда переносят из церкви, в которой он хранится, в дворцовую церковь; а именно: в праздник великого Рождества, в праздник славного Крещения, в праздник Воскресения Христова, в день Страстей Господних».

Размеры и внешний вид реликвии, описанный Абу Салихом, способ транспортировки реликвии под «пологом» – все совпадает с тем, что говорится в Библии!

Крестный ход с таботом является центральной частью обрядов, посвященных празднику Тимкат – Богоявлению. Эфиопы, как и все восточные христиане, связывают этот праздник с Крещением Христовым, но их обряды коренным образом отличаются. В частности, уникально использование табота, не имеющее ничего подобного в любой другой христианской культуре. Этот обряд не признается даже Коптским патриархом в Александрии, который ставил в Эфиопии своих архиепископов со времен обращения в христианство Аксумского царства в 331 году до получения Эфиопской церковью самостоятельности в 1959 году. Это присутствие, даже доминирование дохристианской реликвии – ковчега Завета – составляет центральную особенность эфиопского христианства.

Главные обряды, связанные с праздником Тимкат, проводятся в священном городе Аксуме у стен церкви Марии Сионской. Ее нынешнее здание построено в середине XVII века императором Фасилидасом. Недалеко от него видны руины когда-то внушительной постройки, от которой остались лишь глубоко врытые фундаменты. Здесь стояла первоначальная церковь Марии Сионской, построенная в IV веке н. э. – во время обращения Аксумского царства в христианство. Примерно двенадцать столетий спустя, в 1535 году, ее сровнял с землей фанатичный мусульманский завоеватель Ахмед Гран (Левша), орды которого, вторгшись с Аравийского полуострова, поставили под вопрос само существование эфиопского христианства. Незадолго до разрушения храм посетил португальский священник Франсишку Альвареш. Он стал первым европейцем, записавшим эфиопский вариант легенды о царице Савской и о рождении ее сына Менелика.

В это время ковчег все еще находился в святая святых древней церкви. Ему, однако, недолго предстояло оставаться там. Когда вторгшиеся в страну армии Ахмеда Грана подошли к городу, священная реликвия была перенесена в один из многочисленных островных монастырей на озере Тана и тем самым избежала уничтожения. Столетие спустя, после восстановления мира во всей империи, ковчег был торжественно возвращен в храм Святой Марии, построенный Фасилидасом рядом с развалинами старой церкви. Там он находился до 1965 года, когда император Хайле Селассие переправил его в новую, более надежно защищенную часовню, сооруженную в качестве придела церкви XVII века. Никто из простых смертных, даже президент Эфиопии, не имеет права видеть реликвию. Однако нынешний эфиопский патриарх Абун Паулос

утверждает, что видел ковчег своими глазами и что он в точности соответствует описаниям Ветхого Завета.

Но что скрывается за легендой о Соломоне, царице Савской и Менелике? Кто на самом деле привез ковчег в Эфиопию, когда и при каких обстоятельствах?

Приблизительно в 955 году до н. э. царь Соломон поместил ковчег в специально построенный храм, как об этом рассказывается в Третьей книге Царств:

«Тогда созвал Соломон старейшин Израилевых… И внесли священники ковчег Завета Господня на место его, в давир храма, во Святое Святых… Когда священники вышли из святилища, облако наполнило дом Господень; и не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень. Тогда сказал Соломон: Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле; я построил храм в жилище Тебе, место, чтобы пребывать Тебе во веки… Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил…»

В «Кыбрэ Нэгэст», в главе 62, описывается горе Соломона после того, как он обнаружил, что его сын Менелик выкрал реликвию из храма и увез ее в Эфиопию. Когда же царь собрался с мыслями, то обратился к старейшинам Израиля, также громко оплакивавшим утрату ковчега, и предостерег их:

«Перестаньте, дабы необрезанные не глумились над вами и не могли сказать: “Их славу забрали, и Бог оставил их”. Ничего не открывайте чужим… И… старейшины Израиля сказали ему в ответ: “Да исполнится воля твоя, как и воля Господа Бога! Что же до нас, то никто из нас не нарушит слово твое, и мы не сообщим кому-либо, что ковчег был забран у нас”. И к такому соглашению они пришли в доме Божьем – старейшины Израиля со своим царем Соломоном». Иными словами, если верить «Кыбрэ Нэгэст», ковчег был увезен в Эфиопию при жизни Соломона, но вся информация об этой трагической утрате скрывалась, и поэтому о нем не упоминается в Священном Писании. Таким образом, изъятие ковчега из Иерусалимского храма могло быть произведено под прикрытием заговора молчания, организованного царем и высшими священниками. Но каким царем, если не Соломоном?

Ни одно из содержащихся в Третьей книге Царств упоминаний о ковчеге не датировано временем позже царствования Иосии (640–609 гг. до н. э.). То же самое можно сказать и об упоминаниях в книге «Второзаконие». А одно место в главе 8 Третьей книги Царств особенно интересно:

«И внесли священники ковчег Завета Господня на место его, в давир храма, во Святое Святых, под крылья херувимов. Ибо херувимы простирали крылья над местом ковчега, и покрывали херувимы сверху ковчег и шесты его. И выдвинулись шесты так, что головки шестов видны были из святилища пред давиром, но не выказывались наружу; они там и до сего дня».

Почему книжник посчитал необходимым уверить читателей, что шесты ковчега в его время можно было видеть выступающими из внутреннего святилища? Это утверждение имело бы смысл только в том

случае, если бы ковчега в действительности там… не было!

В 1928 году исследователь Библии Юлиан Моргенштерн, удивившись странным словам: «они там и до сего дня», пришел к заключению, что автор пытался «уверить читателей в том, что шесты ковчега и, следовательно, сам ковчег находились во внутренней части храма, даже если их не могли видеть простые люди или фактически никто, кроме первосвященника, входившего в святая святых один раз в год – во время Иом-Кипура… Тот факт, что [автор] считал себя обязанным настаивать таким образом на том, что в его время ковчег все еще находился в храме… свидетельствует, что он должен был противостоять широко распространенному и упорному сомнению в этом – сомнению, основанному, по всей вероятности, на реальном факте». Налицо признаки попытки убедить народ в том, что ковчег все еще находится на своем месте в храме; это похоже на старания скрыть правду, то есть тот факт, что реликвии уже не было там.

Однако, скорее всего, во времена Иосии было обнаружено лишь отсутствие ковчега, а утрачен он был еще раньше. Почему? Да потому что Иосия был усердным приверженцем единого Бога, стремившимся подчеркнуть первостепенное значение Иерусалимского храма. Немыслимо, чтобы такой монарх позволил изъять из святая святых главный символ своей религии. Напрашивается вывод: ковчег исчез еще до воцарения Иосии, то есть до 640 года до н. э.

В некоторых легендах говорится, что в последние годы своего царствования Иосия, предвидя скорое разрушение храма вавилонянами, спрятал ковчег и все его принадлежности, дабы уберечь их от осквернения в руках врага. Но Иосия никак не мог предсказать события 598–587 годов до н. э. Он умер в 609 году до н. э. – за пять лет до того, как Навуходоносор, разрушитель Иерусалима, унаследовал вавилонский трон. Предшественник же Навуходоносора, Набупаласар, не проявлял никакой агрессии в отношении Израиля. Таким образом, исторический фон царствования Иосии не подтверждает версию о том, что он мог заранее спрятать ковчег Завета.

Самое последнее упоминание священной реликвии в Ветхом Завете встречается в том месте Второй книги Паралипоменон, где описываются меры Иосии по восстановлению традиционных богослужений в храме:

«И изверг Иосия все мерзости из всех земель, которые у сынов Израилевых… И поставил он священников на местах их… и сказал левитам, наставникам всех Израильтян, посвященным Господу: поставьте ковчег святый в храме, который построил Соломон, сын Давидов, царь Израилев; нет вам нужды носить его на раменах…»

Иосии не было нужды просить левитов поставить ковчег в храме, если он уже находился там. Следовательно, царь не мог изъять реликвию, поскольку явно полагал, что ее забрали левиты, и, во-вторых, ковчег исчез из храма до обращения Иосии к левитам. Вторая книга Паралипоменон точно датирует это обращение: «в восемнадцатый год царствования», иными словами, в 622 году до н. э.

Из текста Библии неясно, выполнили ли левиты царский приказ. В нем нет ни описания церемонии возвращения ковчега в храм (если таковое имело место), ни вообще никаких упоминаний о ковчеге после этого

времени. Похоже, слова царя не были услышаны, а если и были, то теми, кто не мог выполнить их.

Таким образом, к 622 году до н. э. ковчега в храме уже не было. Пропасть он мог только в период между смертью Соломона (955 г. до н. э.) и воцарением Иосии (640 г. до н. э.). По этому поводу в книге профессора Менахема Харана «Храмы и храмовая служба в Древнем Израиле». говорится:

«Был только один-единственный период, когда его (иерусалимский храм. – Авт.) лишали изначальной функции и он перестал служить как храм Бога… Это случилось во время царствования Манассии… который установил сосуды Ваала… во внешнем святилище и внес Астарту во внутреннее святилище храма… Это единственное событие, которое может объяснить исчезновение ковчега и херувимов… Мы вправе заключить, что идол Астарты заменил… ковчег и херувимов. Примерно пятьдесят лет спустя, когда Иосия вынес Астарту из храма, сжег ее в долине Кедрона, истер ее в прах и даже развеял прах ее, ковчега и херувимов уже не было там».

Следовательно, ковчег Завета был утрачен во время царствования Манассии! Вот почему его нет в перечне сокровищ храма, захваченных вавилонянами. Но если ковчег был вынесен в связи с идолопоклонством Манассии, тогда как объяснить тот факт, что в Священном Писании нет никакого упоминания о его утрате?

По всей видимости, это событие вызвало у книжников такие скорбные чувства, что они умышленно воздержались от рассказа об исчезновении реликвии. Священники-левиты ни при каких обстоятельствах не могли позволить ковчегу Завета находиться в одном помещении с идолом Астарты. Но во времена Манассии Иерусалим, да и вся страна, не могли считаться безопасным местом для тех, кто сохранял верность Богу. И следовательно, реликвию надо было переправить в более надежное место…

Интересно, что согласно преданиям абиссинских фалашей, их предками были евреи, которые, прежде чем перебраться в Эфиопию, жили в Египте. Они жили там сотни лет и даже построили свой храм близ Асуана. Он простоял долгое время и в конце концов был разрушен. Под давлением внутренних неурядиц, начавшихся в Египте в связи с персидским завоеванием, иудеи были вынуждены уйти – сперва в Мероэ (Судан), а затем новая война изгнала их еще дальше. Беглецы разделились на две группы: одна поднялась по реке Тэкэзе, другая по Нилу. Такими путями они прибыли в Абиссинию и поселились близ озера Тана.

Ковчег Завета был доставлен на озеро Тана и там укрыт на острове Тана Киркос. В памяти фалаша этот остров еще долгое время считался священным. Реликвия оставалась на острове на протяжении восьми столетий, пока не была в конце концов доставлена в Аксум. Это произошло во времена обращения Эфиопии в христианство…

Есть ли под этими преданиями хотя бы крупица истины?

Как установили археологи, иудейский храм в египетском Асуане действительно существовал, только находился он не в самом Асуане, а на острове Элефантина посреди Нила. Этот храм был разрушен в V веке до н. э., и после этого еврейская община бесследно исчезла с острова. Но ведь

именно в V веке до н. э., по преданиям фалашей, ковчег Завета был доставлен в Эфиопию!

Раскопками на Элефантине установлено, что здесь в VII–V веках до н. э. существовало еврейское поселение. Между Элефантиной и Иерусалимом велась оживленная переписка, письма писались на глиняных черепках и папирусных свитках. Во многих из них упоминается храм Яхве на Элефантине. Сегодня археологи с точностью до метра знают его местоположение, знают, когда он был построен – ок. 650 года до н. э., когда он был разрушен – в 410 году до н. э., а также то, что в последующие века на его месте был построен древнеримский храм.

Иудейский храм на Элефантине имел внушительные размеры: около 30 м в длину и 30 в ширину – соответственно 60 и 20 локтей. Любопытно, что Библия указывает те же размеры для храма Соломона в Иерусалиме. Подобно храму Соломона, кровля храма на Элефантине была сделана из кедра. Но если храм Соломона был построен, чтобы разместить в нем ковчег Завета, не логично ли предположить, что и храм близ Асуана был сооружен с той же целью?

Время постройки храма на Элефантине приходится на период царствования Манассии– царя, внесшего идола в святая святых Иерусалимского храма и тем самым принудившего священников вынести оттуда ковчег. В течение двух столетий реликвия могла храниться на Элефантине. Характерно, что в храме на Элефантине регулярно приносились в жертву животные, в том числе совершалось жертвоприношение барана в пасхальную неделю. Это свидетельствует о том, что элефантинская еврейская община эмигрировала в Египет еще до реформ царя Иосии (640–609 гг. до н. э.), когда жертвоприношения были запрещены где бы то ни было, кроме Иерусалимского храма (этот запрет соблюдался даже евреями, угнанными в вавилонский плен). Поскольку местные евреи регулярно переписывались с Иерусалимом, нет сомнений в том, что они знали о введенном Иосией запрете и все же продолжали совершать жертвоприношения. Следовательно, они считали себя вправе поступать так. Такое право они могли иметь благодаря присутствию ковчега Завета в их храме…

Из найденной археологами переписки мы узнаем, что евреи на Элефантине считали, что Бог физически присутствовал в их храме. В Древнем Израиле (и во время скитаний евреев по пустыне) считалось, что Бог обитает там, где находится ковчег; эта вера была утрачена лишь с признанием утраты ковчега. Когда евреи на Элефантине говорили о божестве, физически присутствовавшем с ними, они вполне могли иметь в виду ковчег.

Разумеется, нет никаких неопровержимых фактов, связывающих фалашей Эфиопии с Элефантиной. Однако, принимая во внимание глубоко ветхозаветный характер религии фалашей, вполне логично предположить, что иудаизм был принесен в Эфиопию из Египта. Одно из доказательств древности иудаизма в Эфиопии – крайне архаичный характер фалашской религии, в которой центральную роль играет жертвоприношение, типичное для Элефантины. Это добавляет веса гипотезе о том, что ковчег Завета мог быть доставлен в Эфиопию с этого острова.

Иудейский храм на Элефантине имел собственное духовенство. В текстах переписки они именуются «кхн» (без гласных). Добавив гласные «а» и «е», получим «кахен». Но ведь так называют фалашских священников!

Одно из названий иудейского храма на Элефантине – «мсгд» (без гласных), что означает «место, где падают ниц». И по сей день у эфиопских фалашей нет синагог, как нет и храма, но свои скромные святилища они называют «месгид».

Таким образом, ковчег Завета мог прибыть в Эфиопию в 470 году до н. э. или около того, иными словами – спустя пятьсот лет после Соломона, Менелика и царицы Савской. Характерно, что Эфиопия – единственная страна, которая еще в древности восприняла иудаизм и сохранила ему верность вплоть до XX века. И это единственная страна в мире, в истории которой ковчег Завета сыграл такую огромную роль и жители которой до сих пор убеждены, что владеют этой реликвией.

Стоит вспомнить, что в книге пророка Софонии, написанной между 640 и 622 годами до н. э., в уста Господа вложены следующие слова: «Из заречных стран Ефиопии поклонники Мои, дети рассеянных Моих, принесут Мне дары» (Соф. 3: 10). Но когда Софония говорит о «рассеянных», какое именно событие он имеет в виду? Ведь до времени жизни Софонии не было никакого «рассеяния» евреев из Святой Земли!

Слова «заречные страны Ефиопии» встречаются в Библии еще один раз, в книге пророка Исайи: «Горе земле, осеняющей крыльями по ту сторону рек Ефиопских, посылающей послов по морю, и в папировых суднах по водам! Идите, быстрые послы, к народу крепкому и бодрому, к народу страшному от начала и доныне, к народу рослому и все попирающему, которого землю разрезывают реки».

Время жизни Исайи – приблизительно 740–687 (или 745–695) годы. до н. э. Согласно одному преданию, пророк умер мученической смертью от рук царя Манассии. Возможно, в приведенном выше тексте Исайя говорит об Абиссинии и о районе традиционного расселения фалашей: высокогорье вокруг озера Тана действительно «прорезано» реками. Обитатели этой земли – люди «рослые» и «страшные»; такое описание вполне применимо к эфиопам, чья блестящая, каштаново-коричневая кожа отличается от черной кожи жителей других африканских стран. Наконец, Исайя знал, что люди этой земли плавают в «папировых суднах». До сих пор обитатели районов вокруг озера Тана широко используют лодки из папируса, которые они называют «тан-куас».

…Эфиопы говорят: если хочешь спрятать дерево, помести его в лес. Чем иным являются «таботы», которым они поклоняются в двадцати тысячах своих церквей, как не настоящим лесом? А в самом сердце этого леса таится легендарный ковчег Завета, построенный у подножия горы Синай, пронесенный через пустыню и реку Иордан, принесший победу израильтянам в их борьбе за землю обетованную, доставленный царем Давидом в Иерусалим и помещенный Соломоном в святая святых первого иерусалимского храма. Приблизительно триста лет спустя он был забран оттуда верными священниками, стремившимися оградить его от осквернения и доставившими его в безопасное место на далеком египетском острове Элефантина. Там для него был построен новый храм, в

котором он и хранился следующие двести лет. Когда же храм был разрушен, начались новые скитания. В итоге ковчег был доставлен в Эфиопию, в землю, вдоль и поперек пересеченную реками. С одного острова его переправили на другой – зеленый Тана Киркос, где установили в шатре-скинии и где ему поклонялись последователи единого Бога. На протяжении последующих восьми столетий он был центром своеобразного иудейского культа, поклонники которого стали предками нынешних эфиопских евреев-фалашей. Потом наступило время религии Нового Завета. Христиане переправили ковчег в Аксум и поместили в большой церкви, посвященной Пресвятой Богородице – Деве Марии.

Прошло еще много лет. С течением веков изгладилась память о том, каким путем ковчег попал в Эфиопию. Остались лишь легенды, объяснявшие тот таинственный факт, что небольшой городок среди гор Тиграи был избран Богом как последнее пристанище самой прославленной реликвии времен Ветхого Завета. Легенды эти были позже записаны в книге «Кыбрэ Нэгэст», содержащей, однако, такое множество ошибок и несоответствий, что последующие поколения ученых долго не могли добраться до скрытой в них истины…

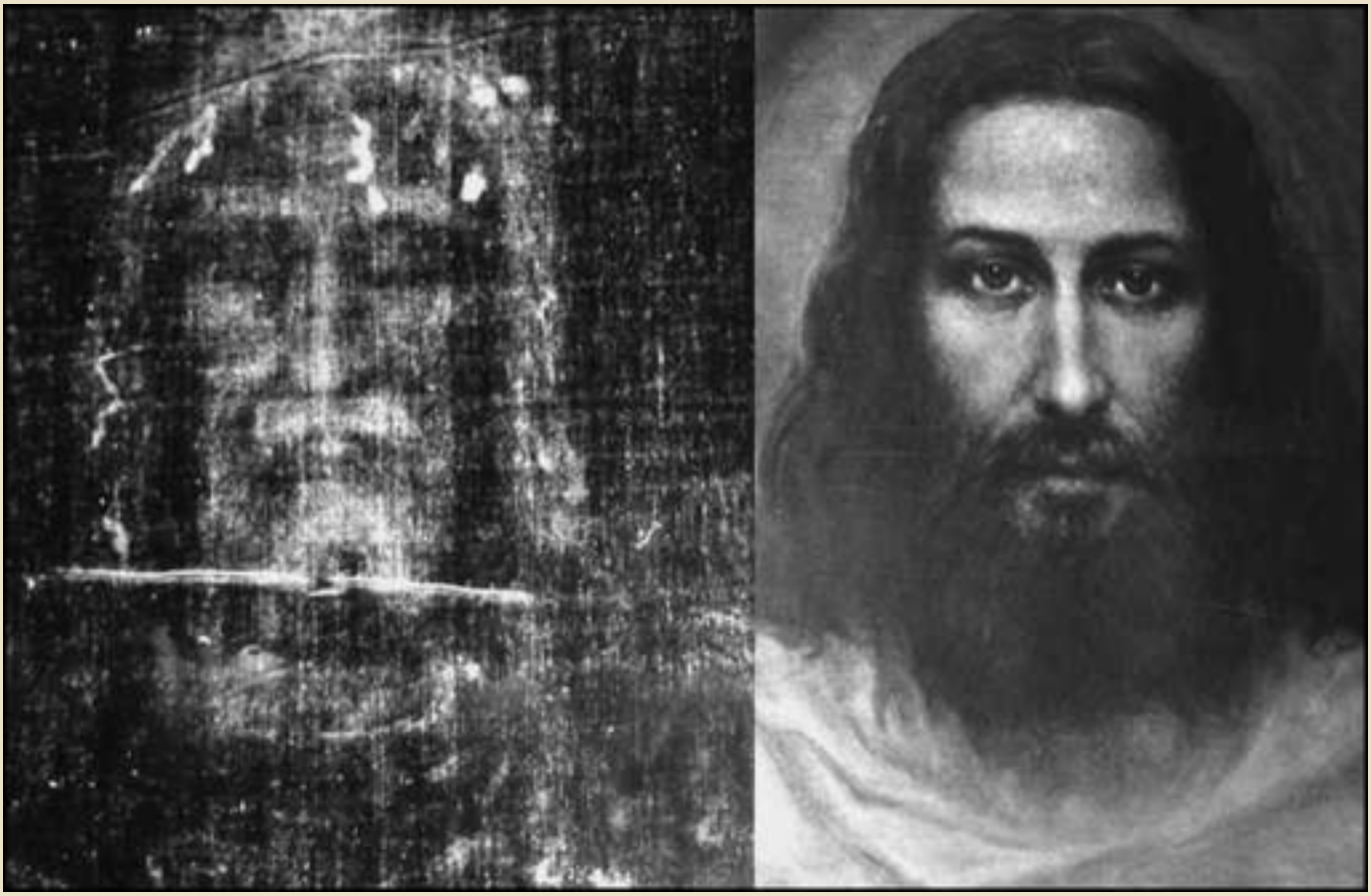
Жители Эфиопии верят, что священная реликвия хранит их страну от врагов и бедствий. Хранители ковчега убеждены, что «все в Эфиопии живут в мире, потому что сила ковчега осеняет их». Как бы то ни было, но Эфиопия – единственная африканская страна, которая за всю свою тысячелетнюю историю ни разу не лишалась независимости и с неизменным успехом, хотя и с различной степенью трудности, отражала любых агрессоров. И это внушает эфиопам уверенность в том, что они являются избранным народом, хранителями подлинного ковчега Завета, теми, кто унаследовал обеты, данные Богом Аврааму.

Туринская плащаница

Местонахождение: капелла Гуарини, кафедральный собор, Турин, Италия

Христианство – это религия воплощения. Поэтому все, связанное с человеческой историей, сущностно связано и с христианством. Бог не только всегда с нами – Он жил на нашей земле и оставил здесь следы своего пребывания. Иначе и быть не могло.

В первые же часы после смерти распятого Христа Иосиф Аримафейский отправился к Понтию Пилату и просил его разрешения снять с креста тело Иисуса. Пилат позволил сделать это, и Иосиф направился на Голгофу вместе с человеком по имени Никодим, который взял с собой специальный состав из смирны (мирры) и алоэ, «литр около ста» (Ин. 19: 39). Вдвоем они сняли с распятия тело Христа и отнесли его в ближайший сад, «и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен» (Ин. 19: 41).

Погребение совершалось в спешке «ради пятницы Иудейской» (Ин. 19: 42). Был самый канун субботы, а в этот день евреям запрещается производить какую-либо подготовку к захоронению умерших, включая обмывание тела, его помазание, подвязывание челюсти, кистей и стоп. Иосиф и Никодим произвели лишь минимальную подготовку умершего к погребению. Они завернули тело в ткань и в таком виде оставили его в гробнице, которую прикрыли большим камнем. Во время погребения были использованы принесенные благовония, хотя как это было сделано точно, неясно.

На третий день после распятия, как повествуется в Евангелии от Иоанна, ранним утром, когда еще не рассвело, Мария Магдалина пришла к могиле Иисуса. Она увидела, что камень отвален от гроба, и сразу же побежала к апостолу Петру «и к другому ученику, которого любил Иисус» (Ин. 20: 2; этим эвфемизмом апостол Иоанн обычно именует самого себя). Вместе они вернулись к могиле и убедились в отсутствии тела в гробнице.

Ученики Христа возвратились к себе, а Мария Магдалина осталась стоять у гроба, горько плача. Неожиданно перед ней предстали два ангела в белых одеяниях. Они спросили Марию, почему она плачет, и та ответила: «унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его» (Ин. 20: 13). В этот момент она обернулась и… увидела стоящего перед ней Иисуса!

В первый момент Мария не узнала его, приняв за садовника. «Жена! Что ты плачешь? Кого ищешь?» – спросил Иисус. Думая, что это садовник,

Мария воскликнула: «Господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его» (Ин. 20: 15). «Мария!» – позвал ее Иисус, и женщина наконец поняла, кто стоит перед ней: «Раввуни!» («Учитель!»)

Иисус сказал ей: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему» (Ин. 20: 17). Он попросил Марию пойти к ученикам и рассказать им о том, что она видела Господа – не мертвого, но живого. В гробнице остался лежать лишь кусок льняной материи, – немой, но весьма красноречивый свидетель Воскресения Христова…

Свидетельства о том, что умерший на кресте Христос был завернут в ткань (плащаницу), содержатся в трех синоптических Евангелиях. В Евангелии от Марка мы читаем: «Пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия, осмелился войти к Пилату и просил Тела Иисусова… Он, купив плащаницу и сняв Его, обвил плащаницею, и положил Его во гробе, который был высечен в скале, и привалил камень к двери гроба» (Мк. 15: 43–47). И, как это ни удивительно, есть все основания полагать, что эта плащаница, которая обвивала тело умершего Иисуса Христа, сохранилась до наших дней. Она хранится на севере Италии, в городе Турине в кафедральном соборе, в специальной часовне, защищенная пуленепробиваемыми стеклами и системой сигнализации, запечатанная в драгоценном ковчеге, скрытая от взоров посторонних. А на льняной ткани плащаницы таинственным образом отпечаталось изображение Его распятого тела.

Туринская плащаница имеет длинную историю. Но никогда она не использовалась для того, чтобы убедить кого-либо в истинности Воскресения. Напротив, само присутствие плащаницы как подлинной реликвии в некоторые моменты подвергалось сомнению.

Ранняя история плащаницы известна плохо. Христиане Палестины издавна хранили память о местах, связанных с земной жизнью Иисуса Христа. Когда Елена, мать императора Константина, начала широкое строительство храмов на значимых для христиан местах, она руководствовалась лишь устными преданиями. Елена отыскала Крест Господень и другие реликвии. Однако о ткани, в которую было обернуто тело Иисуса, в те времена еще нет никаких упоминаний.

При императоре Константине умножилось число паломничеств в Святую Землю. Возвращаясь на родину, паломники имели обыкновение приносить с собой реликвии, иногда – просто взятые на память камни, землю, масло из светильников. Реликвии быстро превратились в предметы торговли; за них платили огромные суммы. Это оправдывалось тем, что места хранения реликвий становились центрами паломничеств. Естественно, вскоре проявились негативные стороны этого: мошенничество, а значит, и разочарование верующих. Вот почему церковь рано заняла весьма сдержанную позицию по отношению к реликвиям и под страхом суровых наказаний, вплоть до отлучения, запретила разделение, куплю-продажу и передачу реликвий и мощей без разрешения соответствующих церковных властей.

В свете всего вышесказанного стоит задаться вопросом: что же представляет собой знаменитая Туринская плащаница – еще одну расхожую реликвию, по отношению к которой следует проявлять сдержанность, или же речь идет о чем-то особенном, связанном со

страстями, смертью и Воскресением Господа – словом, всем тем, что составляет безусловный центр христианской веры?

Нужно сказать, что нет абсолютно точных указаний, касающихся ткани, в которую было обвито тело Иисуса после снятия с креста. Евангелисты свидетельствуют, что мертвое тело Христа было обернуто в «плащаницу». Св. Иоанн говорит о «пеленах» и дважды – о «плате, который был на главе Его». И все-таки после Воскресения никаких сведений об этой ткани и о ее местонахождении нет. Некоторые считают странным, что возможные доказательства Воскресения Господа не сохранились в качестве аргумента и не были предъявлены как неопровержимое доказательство. Если реликвия, которую мы называем плащаницей, действительно является той, о которой говорят Евангелия, то почему о ней столько времени не было ничего известно и почему появилась она лишь в определенный момент? Может быть, она долгое время подвергалась (как впоследствии подтвердит история) постоянному риску быть украденной или уничтоженной теми, кто стремился покончить с христианством? Если добавить к этому иудейские понятия о нечистоте всего, что связано с трупом, то причина долгого сокрытия тканей, плата и плащаницы, касавшихся тела умершего Иисуса, становится еще более прозрачной, несмотря на то, что эти ткани, как и пустой гроб, являются первым доказательством Воскресения Господа.

Некоторые апокрифы своими намеками могут помочь нам восполнить эти пробелы. Так, Св. Иероним в своем «De viris illustribus» приводит отрывок из «Евангелия иудеев», апокрифического текста, относящегося ко II столетию: «Отдав плащаницу рабу священникову, Господь явился Св. Иакову»; и в другом месте: «Отдав плащаницу Симону Петру…» Предание о том, что апостол Петр хранил плащаницу, проживет еще довольно долго.

Есть интересное свидетельство, связанное со Св. Ниной, просветительницей Грузии (ок.337 г.). В одном из писем она спрашивает о новых сведениях о плащанице у своего учителя Ниафора и других ученых христиан Иерусалима. Из ее писем следует, что погребальные пелены сначала принадлежали жене Пилата, до тех пор, пока св. евангелист Лука не поместил их в более надежное место. Позднее апостол Петр якобы обнаружил их местопребывание и хранил у себя.

Какие-то ранние следы пребывания нерукотворного образа Иисуса Христа (плащаницы?) обнаруживаются в городе Эдессе (в настоящее время он носит название Урфа). Евсевий Кесарийский в своем труде «История Церкви» (325 г.) рассказывает о царе Эдессы Авгаре; существует также параллельное предание, приведенное в книге «Учение Аддаия» конца V века. Согласно этим источникам, царь Авгар посылал своего архивиста и художника Ханнана к Иисусу и Ханнан вернулся в Эдессу с нерукотворным образом Христа.

В 544 году, во время осады Эдессы персидским царем Хосровом Ануширом, в стене над городскими воротами был найден кусок ткани. На ней был изображен образ Христа Нерукотворного. Этому факту приписывается бегство врагов, осаждавших город (об этом свидетельствует Евагрий Схоластик, 594 г.). В эту же эпоху вновь появляется рукопись «Учение Аддаия», но уже переделанное и под другим

названием: «Деяния Фаддея». В ней говорится, что Иисус запечатлел черты Своего Лика на ткани «tetradiplon» («тетрадиплон») – то есть четырежды сложенной вдвое. Эта ткань получает название «syndon» – плащаницы. В это же время эту ткань называли «mandylion» («мандильон»), то есть плат. О нем упоминает в своих сочинениях византийский император Константин VII Багрянородный (913–959). Император был убежден, что этот образ запечатлен самим Христом, приложившим плат к лицу. Он предполагал, что это произошло в Гефсиманском саду, когда во время молитвы со лба Иисуса струился пот, подобный каплям крови. Один из учеников дал Христу плат, и на ткани навсегда остались черты Божественного Лика. Согласно Константину царь Авгар Эдесский прикрепил этот плат к доске, украшенной золотом. На иллюстрациях можно видеть большой прямоугольник, который больше в ширину, чем в высоту, покрытый ромбовидной решеткой, в центре наверху – круг, где виден лик Христа; по бокам – края ткани. Можно понять, что ткань, на которой находился образ, была сложена в несколько раз. Отсюда, вероятно, и возникло слово «тетрадиплон» – неологизм, соответствующий новизне вновь обретенного образа.

Неруковторный образ Христа сыграл важную роль в борьбе с иконоборчеством. Свидетелями тому являются Св. Андрей Критский, папа

Григорий II, константинопольский патриарх Герман I и Св. Иоанн Дамаскин. В 769 году папа Стефан IV, принимая участие в Синоде, созванном по поводу иконопочитания, использует образ Иисуса Христа, известный как «Эдесский мандильон», в качестве аргумента против иконоборцев. Наконец, Второй Никейский собор в 787 году говорит об образе из Эдессы как о «нерукотворном» и приводит его в качестве одного из аргументов в пользу иконопочитания.

В 944 году византийская армия осадила Эдессу, к тому времени захваченную арабами. Чтобы добиться мира, эмир города вынужден был отдать плащаницу Иоанну Гургену, армянскому военачальнику, находящемуся на службе у императора Константина VII Багрянородного. С этих пор о плащанице постоянно упоминается в перечнях реликвий, хранящихся при дворе византийских императоров.

Свидетельства об этом весьма многочисленны. Первое из них принадлежит самому императору Константину VII, который в своем трактате о реликвии из Эдессы описал ее как нечто нерукотворное и чудесное. В греческой рукописи, хранящейся в библиотеке Ватикана (рук. 511), которую можно датировать началом X века, мы находим проповедь Григория, архидьякона храма Святой Софии Константинопольской, где он описывает нерукотворный «мандильон» как нечто чудесное, созданное самим Христом. Образ представляет собой сияние, запечатленное каплями предсмертного пота, «падавшего, как капли крови, и стекавшего, подобно потокам воды райских рек, берущих начало от дерева жизни, со Святого Лика, который есть начало благодати». Это описание дает возможность догадаться, что речь идет не только о лике Христа, но и о верхней части тела.

Наиболее явным свидетельством раннего существования плащаницы является византийская монета, отчеканенная в конце VII века. На ней представлено погрудное изображение Христа, причем данное

изображение имеет 21 сходство с тем, что имеется на плащанице. Например, на монете видны странные линии, соединяющие зрачки глаз с бровями; на плащанице дефект материи пересекает точно те же самые участки глаз. Эти особенности могут быть объяснены тем, что мастер-гравер попытался предельно точно перенести на монетное поле все особенности оригинала. Столь большое количество совпадений позволяет предположить, что плащаница уже существовала, по крайней мере, в 690 году.

Другим значительным событием, свидетельствующим в пользу существования плащаницы еще до XIII века, стало обнаружение в Венгрии иллюстрированной рукописи, где, помимо прочего, имеется и изображение плащаницы; создана рукопись в период с 1192 по 1195 год.

Изображение распятого Христа здесь имеет две примечательные особенности: его сопровождают странные геометрические фигурки (возможно, таким образом художник пытался воссоздать структуру льняной ткани «в елочку») и L-образные дуги, соответствующие тем, что имеются на дошедшей до наших дней плащанице (их, по всей видимости, можно объяснить попыткой художника представить имеющиеся на материале дыры от огня). Известно, что Туринская плащаница подвергалась воздействию огня дважды: первый пожар случился еще до 1192 года; второй имел место в 1532 году.

В 1080 году император Византии Алексей I пишет германскому императору Генриху IV, прося помощи, чтобы защитить драгоценные реликвии, хранящиеся в Константинополе. В их числе упоминается «ткань, найденная во гробе Иисуса после Воскресения». Эта просьба послужила импульсом для начала крестовых походов в Палестину.

В 1147 году император Мануил I Комнин показывал реликвию французскому королю Людовику VII, направлявшемуся в Святую Землю, а в 1171 году – Амори I, латинскому королю Иерусалима. По свидетельству Робера де Клари, летописца 4-го Крестового похода, прежде, чем крестоносцы завоевали Константинополь, в храме Влахернской Богородицы каждый день выставлялась плащаница («sydoine»), и что на ней был ясно виден Лик Иисуса.

4-й Крестовый поход стал несчастьем для Вселенской Церкви. Христиане, пришедшие с Запада, вместо того чтобы помочь своим восточным братьям, начали воевать с ними и грабить их города, часто не оставляя от них камня на камне; это – рана, которая, возможно, еще не зажила. Можно считать, что действительный раскол Церкви на восточную и западную произошел не в 1054, а в 1204 году.

17 июля 1204 году крестоносцы взяли Константинополь и разграбили его. Одним из их любимых занятий стало расхищение реликвий, торговля которыми, хотя и запрещенная и сурово каравшаяся, приносила огромную прибыль. Чтобы понять, сколько стоили реликвии, достаточно вспомнить, что французский король Людовик Святой выкупил у Балдуина II терновый венец Иисуса Христа и другие реликвии за 120 000 фунтов золота (60 000 кг)! Это – вдвое дороже, чем обошлось строительство часовни Сент-Шапель в Париже, которая была возведена специально для хранения этих реликвий.

В 1205 году Теодор Анж в письме к папе Иннокентию III сообщает о разграблении Константинополя французами и венецианцами; венецианцы взяли все мощи и реликвии, тогда как французы – «самое святое: плащаницу, в которую было обвито тело Господа нашего Иисуса Христа после Его смерти». Там же говорится, что после разграбления Константинополя плащаница попала в Афины, где в то время правил герцог Оттон де ля Рош. Он переправил реликвию во Францию.

С этого момента плащаница надолго исчезает. Поскольку в те времена кража священных реликвий каралась отлучением, очень вероятно, что виновные просто скрыли Плащаницу, чтобы не попасть в руки церковного суда. Но сохранили они ее прежде всего из-за ее ценности, в том числе и материальной.

В документах процесса над тамплиерами в начале XIV века можно встретить очень любопытное обвинение: рыцари-тамплиеры якобы тайно поклонялись образу некоего бородатого человека с рыжими волосами. После роспуска ордена его последний великий магистр погиб на костре в 1314 году. Вместе с ним в числе других высших руководителей ордена был сожжен и рыцарь Жофруа (Годфрид) де Шарни, глава храмовников Нормандии.

Легендарные сокровища ордена и оригинал упомянутого образа до сих пор не найдены. Однако была найдена копия этого образа! Она демонстрировалась в Англии в 1945 году, и его сходство с ликом на плащанице несомненно…

Спустя полтора века после ограбления Константинополя ткань, практически идентичная той, что хранилась в храме Влахернской Богородицы, неожиданно объявилась в скромной деревенской церкви в Лири, в 19 километрах от Труа (Франция). Она была преподнесена в дар местным сеньором. Остается загадкой, каким образом реликвия, описание которой совпадает с описанием Туринской плащаницы, попала в руки дарителя. Но зато известно имя этого дарителя: Жофруа де Шарни. Точно так же звали рыцаря-тамплиера, сожженного на костре вместе с великим магистром ордена в 1314 году.

Нет, конечно, никаких оснований полагать, что речь идет об одном и том же лице. Однако несомненно, что тамплиер де Шарни и сеньор Лири находились в родственной связи (во Франции той поры «случайных» однофамильцев не было). И по всей видимости, именно тамплиеры являются тем таинственным «недостающим звеном», что соединяет пропажу плащаницы в Афинах в 1204 году и ее внезапное появление в маленькой сельской церкви в Шампани в 1353 году. Во всяком случае, именно так считает английский исследователь Вильсон.

Церковь в Лири выстроена сеньором Жофруа де Шарни, который, согласно документу, хранящемуся в частной коллекции семьи де Шан, получил плащаницу в дар от короля Филиппа Красивого. По другой версии, высказанной историком Бонне-Эймаром, плащаница с 1-й половины XIII века находилась в руках семейства Шарпиньи из Мореи (Греция; глава семьи был рыцарем-крестоносцем, участником 4-го Крестового похода), с которой семья де Шарни породнилась в начале XIV столетия. Агнесса де Шарпиньи стала супругой Дре де Шарни, старшего брата Жофруа, и, возможно, привезла с собой плащаницу в качестве приданого. Как бы то ни

было, после 1353 года история плащаницы хорошо документирована.

Хранившаяся в Лири реликвия представляла собой двойной образ Христа на льняной ткани. Как свидетельствуют документы, плащаница сразу же привлекла в это небольшое селение в Шампани море паломников. Епископ Труа Анри де Пуатье решил проверить подлинность реликвии. Он написал настоятелю церкви в Лири и потребовал передать ему реликвию, чтобы подвергнуть тщательному исследованию. Однако, сопротивляясь передаче реликвии в руки епископа, духовенство лирийской церкви отдало ее семейству Шарни на сохранение в замке, находившемся за пределами епархии Труа.

Новый епископ Труа, Пьер Д'Арси, продолжал собирать данные для исследования реликвии. Результаты его он представил папе Клименту VII в 1389 году. После заседания епархиального синода епископ запретил священникам говорить о реликвии в проповедях и под страхом отлучения обязал духовенство лирийской церкви отказаться от новых публичных выставлений плащаницы, потому что она была сочтена поддельной. Настоятель церкви в Лири отказался подчиниться этому требованию. После этого сам сеньор Лири начал демонстрировать народу реликвию, добившись для этого охранной грамоты от короля вопреки решению епископа.

Епископ Дарсис передал дело в суд. Декретом короля Карла VI в начале августа 1389 году суду города Труа было предписано изъять реликвию и поместить ее в одном из храмов города до тех пор, пока не будет вынесено окончательное решение по этому делу. Настоятель, сославшись на то, что у него нет ключей от места, где хранилась реликвия, отказался отдать ее. Тем временем он и сеньор Лири написали папе Клименту VII, прося разрешения продолжать практику выставления плащаницы.

6 января 1390 года понтифик разрешил публичный показ реликвии, на которой есть «образ или изображение Святой плащаницы». При этом, однако, следовало избегать всякой торжественности и вслух объявить народу, что речь идет не о самой плащанице Господа, а о ее изображении. Папа предписал епископу хранить молчание по этому поводу, а настоятелю церкви в Лири запретил говорить о реликвии как о подлиннике.

В 1418 году Маргарита де Шарни, внучка Жофруа де Шарни-второго, при согласии духовенства лирийской церкви, решает отдать реликвию на сохранение своему мужу, графу де ля Рошу. Обе стороны заключили 6 июля 1418 года договор, в котором говорится, что священники церкви в Лири отдали сеньору де ля Рошу «ткань, на которой находится образ или изображение плащаницы Господа нашего Иисуса Христа, помещенной в сундук с гербами рода Шарни», с обещанием вернуть ее, «когда закончатся злоключения, которые претерпевает Франция ныне». Вероятно, реликвия после этого была перенесена в крепость Монфор во Франш-Конте: поздние хроники XVII века сообщают о том, что раз в году в одном из селений этой области производилось публичное выставление плащаницы.

Поскольку Маргарита де Шарни так и не вернула реликвию, клирики лирийской церкви представили дело в суд. В 1443 году судья вынес решение в пользу храма в Лири, требуя возвращения всех драгоценностей и реликвий, кроме плащаницы, которую Маргарита де Шарни имела право

оставить еще на три года. В качестве компенсации она должна была каждый год уплачивать большую сумму. Причин, по которым дама стремилась удержать реликвию у себя, были две: плащаница «была приобретена ее почившим дедом Жофруа де Шарни… и то, что Лири – место, еще небезопасное для реликвии».

На протяжении четырех лет священники настаивали на своих требованиях в суде, но Маргарита продолжала ссылаться на прежние аргументы. 18 июля 1447 года ей дали отсрочку еще на два года, по истечении которых и после уплаты новой суммы денег клирики разрешили продлить хранение еще на три года.

Интересно, что во время этих судебных процессов, историческая достоверность которых не подлежит сомнению, ткань уже не именуется «образом или изображением», как раньше, но прямо называется подлинной плащаницей Христа.

Маргарита де Шарни всегда держала реликвию при себе. Между тем политические обстоятельства вынудили даму отправиться в Савойю, где она должна была отстаивать интересы и наследственные права своего рода от притязаний герцога Людовика Савойского и его жены Анны Лузиньян. Преодолев многие трудности, Маргарита смогла достичь своих целей. Как видно из договора, который был подписан в Женеве в 1453 году, Людовик Савойский оказался очень щедр с ней из-за «многих и похвальных услуг, которые дама оказала герцогу». Эта фраза может быть намеком на то, с чем сегодня согласны почти все исследователи: Маргарита де Шарни уступила реликвию герцогу Савойскому.

Нетрудно понять причины, по которым герцог так заинтересовался реликвией. Прежде всего он стремился поднять престиж своего рода. Кроме того, его жена, Анна Лузиньян, считала себя по рождению наследницей королей Иерусалима и Кипра, и поэтому особым образом связанной с плащаницей.

Сначала реликвия считалась частной собственностью герцогов Савойских. Она хранилась в домовой часовне и повсюду следовала за двором. Все члены семьи высоко чтили ее. Мало-помалу реликвия становилась все более известной; кардинал Франческо делла Ровере, будущий папа Сикст IV, сообщает о реликвии, находящейся у Савойской династии, в своем труде «De sanguine Christi», опубликованном в 1473 году.

У реликвии еще не было постоянного местонахождения, потому что Савойский двор постоянно возил ее с собой, считая средством от всякого рода опасностей. Конечно, в этом был очевидный риск. Поэтому постепенно возникла идея возвести в Шамбери специальную часовню, чтобы хранить там плащаницу. Таким образом, реликвиия перестает быть частной собственностью и становится драгоценностью всей Савойи, а позднее – и всей Вселенской Церкви.

12 июня 1502 года реликвия была торжественно перенесена в часовню в Шамбери. Епископ Гренобля лично нес ее в руках. События в Шамбери вызвали огромный энтузиазм верующих; фамильная часовня герцогов Савойских в одночасье стала самым популярным в Европе местом массовых паломничеств. В 1506 году папа Юлий II утвердил тексты литургии для публичного почитания реликвии и провозгласил 4 мая праздником Плащаницы. Несколько лет спустя было основано братство

Святой Плащаницы.

4 декабря 1532 года в ризнице часовни в Шамбери произошел пожар. Хотя реликвию вовремя удалось спасти, одна из сторон серебряного ящика, где она хранилась сложенной, оплавился от высокой температуры, и капля расплавленного металла прошла насквозь через все слои ткани. В следующем году на праздник Плащаницы, 4 мая, реликвия не была выставлена, что вызвало разочарование верующих. Поползли слухи, что она сгорела во время пожара. Об этом писали, в частности, Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле» и Жан Кальвин в трактате о реликвиях, иронизировавший над их подлинностью.

Чтобы заставить замолчать оппонентов, было необходимо вновь проверить аутентичность плащаницы. Папа поручил эту задачу карди-налу-легату Людовику де Горрево.

Исследование состоялось 15 апреля 1534 года. Реликвия была принесена из башни, где хранилась, в часовню и разложена на столе. Были допрошены двенадцать свидетелей, которые до пожара прикасались к ней своими руками и показывали ее народу. Все подтвердили ее подлинность. Тогда кардинал-легат торжественно провозгласил, что это – аутентичная реликвия. После этого он передал ее сестрам-кларисскам и поручил им восстановить то, что было повреждено.

2 мая 1534 года реликвия была торжественно возвращена в часовню в Шамбери. Там она оставалась до 1578 года, когда герцог Эммануил Филиберт Савойский передал плащаницу в Турин. С 1694 года плащаница хранится в роскошной часовне, построенной при Туринском соборе архитектором Гверино Гуарини. Вплоть до смерти короля Умберто II в 1983 году плащаница номинально оставалась собственностью семьи Савойских, после чего в соответствии с волей умершего была передана Святейшему Престолу.

Произошедшее в мае 1898 года событие привело к значительному возрастанию интереса к плащанице во всем мире. Фотограф-любитель по имени Секондо Пиа впервые получил разрешение сделать несколько фотографий реликвии. Войдя в совершенно темное помещение (фотографии делались на стеклянных пластинках), Секондо Пиа испытал благоговейный трепет: на сделанном им негативе темные участки выглядели светлыми, а светлые, наоборот, темными, так что практически неуловимое изображение на плащанице стало живым и ярким. То, что могло оставаться на ткани практически незаметным, очень хорошо просматривалось на негативах!

Открытие Секондо Пиа произвело ошеломляющее впечатление. Позитивное изображение позволило разглядеть не только в лице, но и во всей фигуре такие детали, которые раньше увидеть было невозможно.

С этого момента к исследованию плащаницы приступили ученые. Вот уже более ста лет они пытаются разгадать тайну полотнища. Используются самые совершенные методы анализа и самая современная аппаратура; проводятся сложнейшие эксперименты; выдвигаются различные гипотезы. Возникла даже целая наука – синдонология, от греческого «синдон» – плащаница.

Замечательно, что тот лик Иисуса Христа, который мы сейчас знаем по фотографиям, сделанным с Туринской плащаницы, и который так похож

на образ с иконы «Спас Нерукотворный», проявился всего лишь сто лет назад, и известен он стал лишь благодаря достижениям тогдашней науки. Плащаница как бы «открыла» свое лицо; с этого времени она заговорила с учеными на языке, понятном только для специалистов – на языке измерений и математических вычислений. Начался полный драматизма и неожиданных открытий процесс исследования реликвии. Для физиков, биохимиков, криминалистов, медицинских экспертов плащаница стала «пятым Евангелием», повествующем о смерти и Воскресении Иисуса Христа, запечатанной книгой, которую они только-только начинают приоткрывать. Не единичны случаи, когда ученый-специалист, в силу своих профессиональных обязанностей приступивший к исследованию плащаницы, приходил к выводу о ее подлинности и через это обращался к Евангелию и ко Христу.

С точки зрения беспристрастного исследователя Туринская плащаница представляет собой кусок льняной ткани длиной 4 м 36 см и шириной 1 м 10 см. Эти размеры практически точно выражаются в единицах древней меры длины – 2 х 8 локтей. Материя пожелтела от времени, и в некоторых местах имеются сожженные участки.

Ткань соткана на примитивном станке, подобно тканям, производившимся в Сирии в начале нашей эры. Технически она определяется как саржа. В различных частях ткань неоднородна по своей структуре, отсюда разница в массе и плотности. Кроме того, льняные нити перемешаны с мельчайшими волокнами хлопка.

Полотно имеет размеры 4,34 х 1,1 м. На его лицевой и изнаночной стороне заметны слабые негативные изображения обнаженного мужского тела во весь рост, расположенные симметрично друг к другу, голова к голове. На одной половине плащаницы – образ мужчины со сложенными впереди руками и ровно лежащими ногами; на другой половине – то же тело изображено со спины.

Образ на плащанице не яркий, но достаточно детальный; он дан одним цветом – желтовато-коричневым, разной степени насыщенности. Невооруженным взглядом можно различить черты лица, бороду, волосы, губы, пальцы.

На плащанице имеются следы крови из многочисленных ран на теле. По лбу и по длинным прядям волос как бы сбегают струйки крови. Кровоподтеки от ударов бичей покрывают всю грудь, спину и ноги. На запястьях и на ступнях видны следы, похожие на пятна застывшей крови, вытекшей из ран, оставшихся от гвоздей. В боку большое пятно, возникшее, видимо, из-за глубокой раны, достигшей сердца. Все раны до мельчайших подробностей соответствуют истязаниям, описанным в Евангелии.

Можно предположить, что образ на плащанице появился тогда, когда тело Иисуса Христа, в соответствии с евангельским повествованием, было положено в пещеру. При этом тело Его лежало на одной половине плащаницы, а другая половина, перекинутая через голову, покрывала Его сверху.

В первые две трети XX столетия исследования плащаницы ограничивались изучением сделанных с нее фотографий, с каждым разом все более и более качественных. На фотографиях были выявлены детали,

которые невозможно различить невооруженным глазом.

В 1900 году профессор сравнительной анатомии Сорбонны Ив Деляж (следует упомянуть о том, что он считал себя атеистом) показал сделанные в 1898 году фотографии Секондо Пиа своему другу Полю Виньону. Вскоре к ним присоединились Рене Кольсон (профессор физики) и Арман Готье (профессор медицины). До 1902 года выполняемая этой группой работа представляла собой просто лабораторное моделирование, так как исследователям не удалось получить разрешение на проведение работ с самой плащаницей. Впрочем, на основании результатов этих исследований также можно было доказать, что Плащаница является подделкой, или, наоборот, получить доказательства ее подлинности.

Виньон попытался сперва нарисовать картину на полотне примерно такого же качества, как и плащаница. Однако сделанный им рисунок всякий раз стирался, если ткань складывали. Тогда Виньон начал экспериментировать с так называемой «теорией отпечатка»: он приклеивал себе бороду, обмазывался красной краской, ложился на стол, а ассистенты прикладывали кусок ткани к его лицу. Результаты этих экспериментов были крайне неудовлетворительными.

Затем Виньон испытал так называемую «проекционную теорию». Исследования показали, что пятна на полотне соответствуют тем частям тела, которые соприкасались с тканью или находились на расстоянии не более 1 см от нее. Их интенсивность находилась в обратной зависимости от расстояния: если оно было больше 1 см, изображение отсутствовало. Виньон предположил, что отпечаток на полотне образовался благодаря испарениям от мертвого тела: из пота на ткань, пропитанную смесью алоэ и оливкового масла, выделился аммиак, следы которого остались на ткани… Однако абсурдность этого предположения вскоре стала очевидной даже его автору.

Исследователи пытались получить аналогичное изображение на схожем с оригиналом куске холста путем окрашивания и нанесения на ткань различных химических веществ, а также путем продавливания материи; они анализировали раны и оставшиеся от плети отметины на теле Христа и на полученном изображении, сравнивая их с повреждениями, которые в действительности могли бы быть нанесены во время казни и распятия на кресте; они изучали также пятна крови на ткани во время химических тестов. К легенде, связанной с плащаницей, эти люди относились с большим скептицизмом, однако результаты исследований подтвердили, что они имеют дело с настоящей исторической реликвией и что плащаница действительно является тканью, которая однажды использовалась во время похорон.

21 апреля 1902 года Деляж представил результаты проведенных исследований во Французскую академию наук. В том же году вышла в свет и первая публикация Поля Виньона «Плащаница Христа» (сначала на французском, а затем и на английском языке).

В начале 1930 года выдающийся французский хирург Пьер Барбе провел ряд опытов над умершими, на основании которых предположил, что ключом к раскрытию тайны Плащаницы мог стать один момент, на который обращали внимание многие: почему на сделанном на ткани изображении на руках отсутствовали оба больших пальца? Экспериментируя, Барбе вбил

гвоздь в запястье ампутированной руки и обнаружил, что при этом большой палец передвигается внутрь, то есть к центру ладони, так как вбиваемый гвоздь приводит к разрыву запястного сухожилия.

Открытие Барбе существенно повысило интерес к реликвии. Сделанные к тому времени Джузеппе Энри новые фотографии плащаницы (при этом использовались более совершенные технологии и оборудование, чем во времена Пиа) снабдили ученых новым материалом для исследований.

Одним из самых важных доводов в пользу подлинности плащаницы является то, что она сообщает нам такие подробности, которые либо существенно уточняют, либо корректируют сложившиеся в веках представления о голгофских событиях. Об этих подробностях в Средние века (если считать плащаницу поздней подделкой) знать просто не могли. Характерно, например, что к XIII–XIV веками в христианской традиции сложились устойчивые каноны изображения Христа. Фигура на кресте никогда не представала нагой, но всегда в набедренной повязке; руки бывали пробиты в ладонях; терновый венец, если изображался (чаще не изображался), рисовался в виде обруча. На плащанице же распятый совершенно обнажен, что соответствует римским обычаям; руки пробиты в запястьях, что опять-таки соответствует исторической правде – ладони не выдержали бы тяжести тела; терновый венец сплетен в виде митры – царского венца древневосточных царей.

Исследования плащаницы показали, что на ней запечатлено изображение мужчины с бородой и длинными волосами, мощного и пропорционального телосложения и семитскими чертами лица. Возраст – около 30–35 лет, вес приблизительно 79 кг, рост 181 см.

Человек этот был подвергнут ужасным истязаниям. На его теле насчитывается около 600 ран и ушибов. На носу и правой щеке видны раны от удара палкой. Имеются также раны на веках и надбровных дугах, отек на правой скуловой кости, струйки крови, вытекающие из носа, вмятина с небольшим сдвигом на кончике носа, следы вырывания волос вместе с верхним слоем кожи. Все это наглядно свидетельствует о крайней степени страданий Христа. Но несмотря на это, изображение лица на плащанице поражает неповторимой красотой и покоем.

Возложение тернового венца («И воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову» (Ин. 19: 2)) не применялось ни в иудейской, ни в римской практике. Этот вид истязаний был придуман только для Иисуса. На плащанице видны многочисленные следы крови, выступившей в результате прокалывания кровеносных сосудов шипами тернового венца. Этот венец имел форму чепца, который охватывал всю голову. Анатомы насчитали 13 ран от шипов терна на лбу и 20 на темени. Поскольку под кожей головы располагается сеть нервных окончаний и кровеносных сосудов, то терновый венец вызывал невыносимую боль, а также обильное кровотечение. «Если учесть, что на 1 кв. см кожи головы приходится свыше 140 чувствительных к боли точек, то можно себе представить огромные страдания Христа во время трагической коронации», – писал Л. Коннини, директор Института анатомии Болонского университета (Италия). Исследования подтвердили совпадение мест появления крови с расположением артерий и вен на голове. Это является очередным

доказательством истинности плащаницы, поскольку кровеносная система была изучена и описана только в 1593 году.

Евангелия свидетельствуют, что Иисус был подвергнут бичеванию, и плащаница наглядно подтверждает эти свидетельства. На всем теле видны раны от ударов римской плетью-«флагрум». Это было страшное наказание, иногда даже приводившее к смерти. Плеть представляла собой три длинных ремешка, на концах которых были вшиты кусочки металла, которые при ударе рвали кожу и даже мышцы. Всего на теле имеется 120 ран от ударов плети.

Обычно бичеванию подвергались только те, кто не был приговорен к смерти. После исполнения приговора их отпускали на свободу. Пилат сперва хотел только бичевать Иисуса: «Итак, наказав Его, отпущу» (Лк. 23: 16). Этим, по-видимому, и объясняется большое количество ударов и необычайная жестокость, с какой римские солдаты бичевали Иисуса: они считали, что выполняют окончательный приговор.

Палачей было двое. Тот, который стоял справа, был более высокого роста и делал свое дело с явным садизмом. Иисус стоял, слегка наклонившись, руки Его были привязаны к столбу. Удары плетей приходились также на живот, верхнюю часть грудной клетки, голени и бедра.

Изучая следы ран на плащанице (в частности, над левой и правой лопатками), ученые пришли к общему мнению, что Иисус нес на место распятия поперечный брус креста, а руки Его были привязаны к нему.

Вес бруса составлял около 30 кг, а его длина достигала 1,8 м. Крайне изнуренному после бичевания Иисусу приходилось преодолеть путь к месту распятия длиной около 0,5 км, и для этого нужно было прилагать большие усилия. Несколько раз падая лицом вниз, он разбивал колени о каменистую дорогу. Ученые обнаружили следы от ран на лице и на коленях (особенно на правом), полученных в результате этих падений. Известно, что сам Иисус не мог донести крест, и римский сотник заставил некоего Симона Киринеянина взять крест, «чтобы нес за Иисусом» (Лк. 23: 26).

Распятие было самым жестоким и унизительным видом казни, применявшимся в Римской империи. На плащанице хорошо видны раны в пробитых гвоздями запястьях. Руки прибивали к кресту гвоздями через запястья, а не через ладони, потому что только тогда они могли выдержать тяжесть тела, висящего на кресте. Ладони, пробитые гвоздями, под весом тела разрывались.

Гвозди вбивались в пространство, называемое «щелью Десто», между запястными костями. В этом месте нет крупных кровеносных сосудов, однако проходит центральный нерв, управляющий движениями человека. «Центральные нервы, – пишет один из исследователей Туринской плащаницы, доктор Пьер Барбе, – в которые попали гвозди, выполняют двигательную функцию, но одновременно являются и сигнализаторами боли. Эта боль ужасная, но переносимая. В противном случае человек потерял бы сознание».

На плащанице видны следы, которые оставили две струйки крови из раны на левом запястье. Благодаря этому ученые смогли установить положение рук, прибитых к поперечному брусу креста. Угол между струйками составляет около 10°, это значит, вися на кресте, Иисус время

от времени старался приподняться, чтобы набрать воздуха, и тогда принимал положение 65° от линии плеча, а когда опускался – 55°. На несколько мгновений угол наклона плеч изменялся, и тогда Иисус мог набрать воздуха. Боль и изможднение принуждали Его вновь опускаться. Этот ритм подтягивания и опускания на прибитых гвоздями к кресту руках и ногах продолжался около 3 часов и был причиною ужасных страданий. С течением времени ритм становилися все более частым, пока не были полностью исчерпаны силы и не наступила смерть.

По отпечаткам стоп можно сделать вывод, что они были прибиты одним гвоздем к вертикальной балке креста. Стопы были положены левая на правую.

По мнению врача Луиджи Малантрукко, руководителя лаборатории в Фатебенефрателли (Италия), анализ следов от раны в правом боку – шириной 1,5 см и длиной 4,5 см, а также от обильного вытекания крови и жидкости, скопившихся в плевральной впадине, указывают на то, что непосредственной причиной смерти стал разрыв сердечной мышцы в результате инфаркта, после которого произошло просачивание крови в околосердечную сумку (там собралось около 2 литров крови), а затем – в плевральную впадину, вызвав гемоперикардию. Внезапный разрыв околосердечной сумки под влиянием сильного давления скопившейся там крови вызывает парализующую боль в области грудной клетки. Это было причиной вскрика, после которого Иисус умер. «Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух» (Мф. 27: 50).

Внезапная смерть, наступившая при полном сознании, в крайнем изнеможении, обычно вызывает моментальное посмертное окостенение. Этим объясняется напряженная поза тела на плащанице.

Вскоре после смерти произошло разделение скопившейся в околосердечной сумке крови на красные кровяные тельца, которые собрались в нижней части, и бесцветную плазму, которая оказалась в верхней части плевральной полости. После того как верхняя часть грудной клетки была пробита копьем, произошло внезапное излияние наружу сначала красных кровяных клеток, а затем плазмы крови – «крови и воды», как написал в Евангелии Св. Иоанн (Ин. 19: 34).

Специалисты в области судебно-медицинской экспертизы утверждают, что тело Иисуса было обернуто в плащаницу примерно через два с половиной часа после смерти и оставалось в ней до 36 часов, поскольку на плащанице не осталось следов разложения и гниения. С полной уверенностью можно утверждать, что тело не вынималось из плащаницы, поскольку на ней нет следов отделения от тела и отчетливо видны нетронутые сгустки крови.

Отпечаток мертвого тела на плащанице не указывает, однако, на какие-либо признаки его разложения.

Тщательные исследования образа на плащанице обнаружили указания на то, что вокруг головы Иисуса Христа была повязка, поддерживающая нижнюю челюсть. Другой перевязью были связаны впереди руки. Эти перевязи были под плащаницей, на самом теле Иисуса Христа.

В результате обработки трехмерного изображения ученые идентифицировали две монеты, лежавших на правом и левом глазах

человека с плащаницы. Одна монета была отчеканена между 29-м и 32-м годами во времена правления Понтия Пилата, а вторая отчеканена Пилатом в честь Юлии, матери императора Тиберия, в 29-м году после Рождества Христова. Это очередной довод в подтверждение происхождения плащаницы со времен Христа, а наличие монет на глазах отражает древний еврейский обычай при погребении умерших.

Но почему на плащанице не запечатлелась боковая поверхность тела? Ведь если плащаница лежала на теле свободно, она должна была ниспадать по бокам, и боковая поверхность тела должна так же хорошо быть видна, как и остальные участки тела.

Для ответа на этот вопрос мы должны обратиться к другому месту из Евангелия от Иоанна. «Пришел также и Никодим… и принес состав из смирны и алоэ, литр около ста» (Ин. 19: 39). Сто литров благовоний – это более 30 кг. Смирна представляет собой загустевший сок кустов бальзамической мирры, а алоэ – это порошкообразное ароматическое вещество из сандалового дерева. Внимательное чтение Библии убеждает нас, что в древности обычным делом было приготовление благовоний в твердом состоянии, особенно для длительного хранения.

Из сопоставления Евангелия от Иоанна с Евангелиями от Марка и Луки становится ясным, что Иосиф Аримафейский и Никодим не совершали омовения тела Иисуса Христа. С этой целью как раз пришли рано утром после субботы жены-мироносицы ко Гробу Господню, чтобы совершить то, что не было сделано при погребении. Плащаница также свидетельствует, что омовения тела Иисуса Христа не было совершено, иначе следы крови были бы смыты и не запечатлелись на ткани плащаницы. Поэтому следует предположить, что либо Иосиф и Никодим передали состав смирны и алоэ для приготовления мира женщинам, которые стояли поодаль при погребении Иисуса Христа, либо они оставили смирну и алоэ в пещере. Но первому предположению противоречит свидетельство Евангелия от Марка, в котором говорится, что жены-мироносицы сами купили благовония (Мк. 16: 1). И даже если часть порошкообразного состава из смирны и алоэ Иосиф и Никодим передали женщинам, чтобы они приготовили помазание (Лк. 24: 56), большую часть его Иосиф и Никодим, по-видимому, насыпали пригоршнями по периметру вокруг тела Иисуса Христа, лежащего на одной половине плащаницы. Тридцати килограммов для этого было достаточно.

Плащаница одновременно выполняла роль простыни, покрывала и плата. Одна половина лежала снизу, а другая накрыла тело Иисуса Христа сверху и, опираясь на насыпанные благовония, не касалась с боков Его тела. Иосиф и Никодим оставили тело Иисуса Христа покрытым плащаницей, но не связанным жгутами, чтобы позволить женщинам, стоящим поодаль, прийти после окончания субботы и завершить обряд погребения.

Не противоречит ли вышеизложенная последовательность событий, предполагающая, что тело Иисуса Христа не было омыто и помазано Иосифом и Никодимом, утверждению из Евангелия от Иоанна: «Они взяли тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают Иудеи» (Ин. 19: 40)?

Вовсе нет. Словами «как обыкновенно погребают Иудеи» апостол Иоанн объясняет читателю, не знакомому с иудейскими обычаями, что связывать тело покойного было необходимо по правилам погребения. Для Иоанна это обстоятельство чрезвычайно важно, так как в последующем повествовании именно связанные пелены, обнаруженные им в пустой гробнице, помогли ему понять, что тело Иисуса Христа не украли, но Он Воскрес.

Апостол Иоанн не утверждает, что все, требуемое законом, было исполнено при погребении. Напротив, он подчеркивает поспешность погребения ввиду приближения субботы: «Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко» (Ин. 19: 42). Что же касается необходимого помазания, то оно, как об этом сказано Самим Господом, было совершено заранее, накануне Пасхи: «Возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению» (Мф. 26: 12).

Итак, исследуя плащаницу, специалисты сумели с высокой степенью точности воссоздать события, о которых повествуют Евангелия. Однако научное сообщество менее всего склонно доверяться чудесам. Удобнее и проще было предположить, что плащаница – произведение искусства. Правда, химические анализы подтвердили, что следов краски на ткани нет. Но рисунок может быть нанесен на ткань не только с помощью красок, но и с помощью некоторых веществ, дающих при определенных условиях потемнение волокон. Анализы обнаружили следы крови на месте ран? Но она могла быть нанесена и специально для большей убедительности!

И все-таки версию о том, что плащаница – творение художника, пришлось отвергнуть. Можно допустить, что средневековые живописцы использовали для нанесения изображения на ткань вещества, которых мы не знаем и обнаружить аналитическим путем пока не можем. Но никакие алхимики не могли создать негативное изображение человеческого тела! Даже Леонардо да Винчи не смог бы сделать рисунка в форме негатива. Это вообще невозможно, даже сейчас, когда эффект негативного изображения известен и изучен. Что же говорить о временах, когда о нем не имели ни малейшего представления!

А если это все же всего лишь творение художника, то возникают вопросы: кто и почему создал это изображение? И как мог средневековый художник создать негативное изображение еще до изобретения фотографии?

Большинство врачей и патологоанатомов, занимавшихся изучением плащаницы, поражаются точности воспроизведения положения тела, полученных ран, нюансов, связанных с распятием на кресте; кроме того, специалисты отмечают анатомическую точность сделанного изображения. Исследовавшие плащаницу медики решительно отвергли все версии о ней как о деле рук художника. Они утверждают, что лицо и тело на плащанице не только анатомически идеально точны – в них обнаруживаются признаки трупного окоченения, наступившего в распятом состоянии, а по характеру подтеков крови у ран можно установить, что тело вздрагивало от боли и предсмертных конвульсий. По их мнению, не чем иным, как только отпечатком мертвого тела, изображение на Туринской плащанице быть не может.

В 1969 году произошел важный прецедент: группа специалистов (11 человек) была впервые допущена к плащанице. Правда, цели этого исследования в основном касались выяснения качества сохранности плащаницы и выработки предложений по ее дальнейшему хранению.

В 1973 и 1978 годах руководитель полицейской лаборатории в Цюрихе (Швейцария) доктор Макс Фрей дважды брал на анализ образцы биологического материала с плащаницы. На основании их изучения ему удалось выделить и идентифицировать пыльцу 58 видов растений. Некоторые из них встречаются в Европе, а 44 произрастают в Палестине, Южной Турции или окрестностях Стамбула (Константинополя). Семь из них растут только в пустынных солончаках и не могли встречаться на территории средневековых Франции и Италии, где, как известно, долгое время пребывала плащаница. В результате Фрей сделал вывод о том, что плащаница когда-то побывала в Палестине. Но поскольку с 1353 года реликвия не покидала Европы, можно сделать вывод, что когда-то она находилась в Палестине и Константинополе, что согласуется с историческими данными.

Эти результаты позже были подтверждены доктором Ури Барухом из Израильского института древностей. Он выделил уже 165 разновидностей цветочной пыльцы, причем 45 из них происходят с Ближнего Востока.

В 1977 году для изучения плащаницы был создан специальный исследовательский проект STURP. Участники проекта ставили перед собой три задачи: выяснить природу изображения на Туринской плащанице; выяснить происхождение пятен крови; объяснить механизм появления изображения.

Участвовавшие в проекте американские ученые в 1978 году установили, что изображение просматривается лишь на самой верхней части поверхности волокон; его нет ни с наружной стороны ткани, ни в центре нити (для этого они использовали микроскоп с диапазоном увеличения 6,3х—64х). Также они показали, что темные и светлые участки изображения не связаны с наличием темных или светлых волокон, как можно было бы ожидать при окрашивании; все нити на изображении были одинакового светло-желтого цвета. В местах, где этих волокон было больше, изображение казалось более темным. Это позволило установить, что изображение на плащанице является трехмерным.

Попытки обесцветить волокна, проводившиеся с использованием 25 различных растворителей, оказались безрезультатными – отпечаток на плащанице ничем невозможно удалить.

Вскоре после того как американские участники проекта STURP вернулись из Турина, двое из них протестировали взятый с окровавленных участков ткани материал и пришли к выводу, что на материи имеются пятна настоящей крови. Возможно, что они находились на ткани еще до появления отпечатка тела, так как под этими пятнами каких-либо следов изображения нет. В то же время группа итальянских ученых, возглавляемая судебным патологоанатомом доктором Пьерлуиджи Байма-Боллоне, на основании проведенных независимых тестов сделала еще более далеко идущие выводы: им не только удалось доказать, что на Плащанице имеется человеческая кровь, но они также выяснили, что это кровь группы АВ

Rh(+)!

Следующим знаменательным этапом в исследовании плащаницы стали работы американского физика Джона Джексона, преподавателя физики в военно-воздушной академии США. Работая с моделью плащаницы, он с помощью специальных приборов экспериментально измерил на курсантах-добровольцах среднее расстояние, образующееся между поверхностью тела и тканью, его покрывающей. Полученные данные он сравнил с изменением цвета на фотографиях плащаницы и обнаружил, что потемнение плащаницы в каждой точке находится в зависимости от расстояния до тела, которое оно, видимо, когда-то покрывало. Джексон, будучи специалистом в области обработки аэрофотоснимков, применил к фотографиям плащаницы разработанные для этого компьютерные программы, и ему удалось с их помощью восстановить реалистическую объемную форму лица и всего тела человека, образ которого запечатлен на плащанице. Дальнейшие эксперименты показали, что фотографии а также картины, выполненные рукой художника, не обладают подобным свойством: по ним не удается восстановить реалистическую объемную форму изображенного на них оригинала.

Открытие Джексона стало новым серьезным свидетельством в пользу нерукотворной природы образа на плащанице.

Результаты прямых научных исследований Туринской плащаницы можно попытаться суммировать следующим образом.

Во-первых, установлено, что образ не является результатом привнесения в ткань каких-либо красящих веществ. Это полностью исключает возможность того, что образ является делом рук художника.

Характерный желтовато-коричневый цвет образа вызван химическим изменением молекул целлюлозы, из которой в основном состоит ткань плащаницы.

Физические и химические исследования пятен крови на ткани в согласии друг с другом подтвердили, что это именно человеческая кровь. Было доказано, что пятна крови появились на плащанице до возникновения на ней образа. В тех местах, где была кровь, она как бы экранировала ткань от изменения ее структуры.

Однако попытки понять механизм возникновения образа на плащанице встретились с непреодолимыми трудностями.

Ситуация в исследованиях Туринской плащаницы сейчас сложилась таким образом, что полученные о ней сведения достаточны, чтобы отвергнуть все гипотезы, предлагаемые для объяснения механизма возникновения образа. Этих гипотез четыре:

1. Плащаница – произведение кисти художника.
2. Образ на плащанице – результат прямого контакта с объектом.
3. Образ на плащанице – результат диффузионных процессов.
4. Образ на плащанице – результат радиационных процессов.

Как уже было сказано, имеются убедительные доказательства того, что образ на плащанице не является произведением художника. Остаются три последние версии. Все они были подвергнуты теоретическим и экспериментальным исследованиям. Было показано, что механизмы контакта с тканью позволяют передать тонкие детали поверхности объекта, но они не способны создать образ, который за счет изменения

интенсивности цвета передавал бы плавно изменяющееся расстояние между тканью и объектом. С другой стороны, диффузионные и радиационные процессы, с учетом поглощения средой, могут создать образы, которые несут информацию о расстоянии между объектом и тканью. Однако они не способны создать образы, обладающие нужным разрешением, т. е. обеспечить достаточно высокую точность в передаче деталей, какую мы находим в изображении на плащанице.

Все полученные данные свидетельствовали о том, что плащаница, несомненно, несет на себе отпечаток мертвого тела. Но является ли оно телом Иисуса Христа? Решить вопрос о подлинности плащаницы могла только ее точная датировка.

После открытия в 1949 году метода радиоуглеродного датирования исследователи неоднократно обращались к церковным властям с просьбой провести такой анализ для точной идентификации изображения на плащанице. Если бы результаты тестов показали, что она существовала еще при жизни Иисуса Христа или даже до этого, то она могла бы действительно считаться «Священной плащаницей»; если бы ученые доказали, что ткань создана позже, то речь могла идти только о подделке. Однако на протяжении многих лет эти обращения отвергались, так как для исследований необходимо было отрезать от реликвии изрядный кусок. Однако со временем методика проведения данного исследования была значительно усовершенствована. Теперь для его выполнения понадобились бы лишь небольшие фрагменты материи, размер которых не превышает размеров почтовой марки.

В 1988 году образцы ткани плащаницы были наконец взяты для радиоуглеродного анализа. Фрагменты ткани вместе с несколькими контрольными образцами, относящимися к началу II века и к концу Средних веков, были отправлены в три независимые лаборатории в Тусоне (штат Аризона, США), Оксфорде (Англия) и Цюрихе (Швейцария). Методом масс-спектрометрии ученым удалось измерить остаточную радиоактивность изотопов углерода в нитях льна, из которых соткана материя. Точность полученных результатов составила примерно 95 процентов.

На основании проведенных исследований все три независимые лаборатории – в США, Англии и Швейцарии – выдали схожие данные: возраст Туринской плащаницы составляет всего 600–730 лет!

В исследовании плащаницы наступил кризис. Ученые во всем мире принялись анализировать полученные данные. Результаты тестирования нельзя было объяснить ни предварительной химической обработкой образцов, ни неточностью оборудования; речь могла идти лишь о наличии некоторых статистических погрешностях. Но если результаты анализа ошибочны, то может быть, проблема связана с самим исследуемым образцом?

Потребовалось двадцать лет, чтобы доказать, что плащаница все-таки подлинная, а в радиоуглеродную хронометрию вкралась ошибка. И сделали это российские исследователи.

«Странно, что крупные специалисты не учли известные факторы, которые могли вызвать эффект “омоложения” плащаницы; некоторые из них открыла именно наша лаборатория», – заявил биохимик Дмитрий

Анатольевич Кузнецов, выступая на международном совещании в Риме, состоявшемся 2 мая 1993 года. Доклад российского ученого из исследовательской лаборатории им. Е.А. Седова, стал настоящей сенсацией. Д.А. Кузнецов поставил под вопрос достоверность полученных данных для объекта, подобного плащанице, за свою долгую историю многократно подвергавшемуся сильным загрязнениям, от которых практически невозможно избавиться.

Вслед за Д.А. Кузнецовым проблему достоверности результатов радиоуглеродного датирования подняли в своих работах американец Л.Г. Вальдес, французский профессор Ж.-Б. Ринодо, немецкий исследователь Э. Линдер. Кратко суммируя результаты их исследований, можно сказать, что в результате одного только пожара в Шамбери в 1532 году ткань плащаницы могла «помолодеть» примерно на 350 лет за счет приращения содержания в ней углерода С-14. К этому следует добавить влияние микрофлоры, внутреннее биофракционирование изотопов углерода и другие факторы. Наконец, в отчетах лабораторий, проводивших в 1988 году радиоуглеродные исследования плащаницы, выявлены несоответствия, ставящие под сомнения чистоту проведенного эксперимента.

Группа российских специалистов под руководством директора Института криминалистики ФСБ Анатолия Фесенко пришла к выводу, что еще одной причиной «омоложения» ткани стали следы растительного масла, с помощью которого в Средние века реставрировали плащаницу после пожара. Эти привнесенные в ткань органические вещества более позднего происхождения «омолодили» ее на целых 1300 лет, серьезно повлияв на результаты исследования.

Московский химик Андрей Иванов провел серию собственных экспериментов. Он смоделировал пожар, при котором в Средние века пострадала реликвия, и установил, что плащаница загрязнилась «молодым» углеродом. Ученый предложил другой способ определения возраста плащаницы: по содержанию азота, который со временем замещает углерод в волокнах ткани. И хотя азота там ничтожно мало, существуют методы, способные точно зафиксировать его количество.

В поддержку версии российских ученых американские исследователи обнаружили наличие на ткани плащаницы «биопластического покрытия», возникающего в результате жизнедеятельности грибков и бактерий. Это покрытие распределено по всей поверхности ткани, начиная от угла, отрезанного в 1988 году для проведения радиоуглеродного тестирования. Эксперименты показали, что во время предварительной обработки образцов, которая проводится для их последующего изучения в лабораторных условиях, ученые, скорее всего, не смогли удалить такое сильное загрязнение.

Более того: еще в 1973 бельгийский эксперт, занимающийся изучением текстиля, Жильбер Райес, пришел к выводу, что углы плащаницы, очевидно, уже в Средние века стали постепенно снашиваться, так что потребовался ее ремонт. Именно этим объясняется появление «заплат» с изнаночной стороны всех углов плащаницы, которые фактически перекрывали даже часть изображения. В роли этих заплат выступал голландский подкладочный материал, подшитый к плащанице весной 1534 года. Поэтому можно было также предположить, что на взятый

для изучения образец ткани оказал воздействие материал, добавленный во время восстановления плащаницы в 1534 году, в результате чего содержание изотопов С-14 могло измениться за счет добавления новых нитей. В последнем случае связь между исследуемым образцом ткани и плащаницей не могла быть точно установлена до тех пор, пока не были получены аналогичные результаты для еще хотя бы одного образца, взятого из другого места плащаницы. Введение же дополнительного количества углерода в исследуемый материал серьезно искажает получаемые результаты, делая плащаницу значительно «моложе», чем она есть на самом деле. Наконец, в 2005 году в строго научном журнале Thermochimica A: ta была напечатана подробная статья, в которой доказывалось, что датировка 1988 года была ошибочной – ученым дали на исследование дефектный образец, заплатку времен Средневековья, которой латали плащаницу после одного из пожаров. Автор публикации, известный химик Раймонд Н. Роджерс, сотрудник Национальной лаборатории в Лос-Аламосе, приводит в этой статье собственные данные, согласно которым возраст плащаницы составляет от 1300 до 2000 лет.

На III Международном конгрессе по изучению плащаницы, прошедшем в Турине 6–7 июня 1998 года, были обобщены все данные, полученные в XX столетии в результате исследований и эсперимента. Особое внимание было уделено двум темам: проблеме датировки радиоуглеродным методом и проблеме происхождения изображения на ткани. Вероятность того, что образ Христа просто нарисован, исключена окончательно – ткань была подвергнута спектральному анализу и исследована в инфракрасных лучах, и это подтвердило невозможность искусственного создания изображения.

Еще одна сенсация, связанная с плащаницей, обошла мировые средства массовой информации в апреле 2004 года: итальянские и британские ученые, обработав фотографии Туринской плащаницы, обнаружили на обратной стороне покрывала второе изображение мужского лица!

«Когда я смотрел на фотографии, у меня возникло впечатление, что и на обратной стороне плащаницы есть слабое изображение», – говорит профессор Падуанского университета Джулио Фанти. Хотя это изображение было очень нечеткое, ученому удалось различить очертания носа, глаз, волос, бороды и усов. Не удалось разглядеть лишь формы тела. «На обеих сторонах полотна лик запечатлен на самой поверхности ткани и затрагивает лишь самые внешние волокна материала», – рассказывает Фанти. По его мнению, при таком раскладе очень трудно подозревать подделку.

Обратная сторона плащаницы была впервые исследована лишь в 2002 году, когда во время реставрации с реликвии сняли нашитые в 1534 году заплаты. Компьютерный анализ показал, что изображение на изнаночной стороне совпадает с изображением на лицевой. Хотя ученые получили достаточно смутные очертания лица, они смогли различить нос, глаза, волосы, бороду и усы. Обнаружить отражение тела на изнанке покрывала не удалось.

Сотрудники лондонского Института физики обнародовали 13 апреля 2004 года заявление, в котором говорится, что вновь открытое

изображение, которое было недоступно невооруженному глазу и скрывалось под всем уже известным образом, обладает «поразительным эффектом» трехмерности и, кроме того, «по форме, размеру и положению совпадает с уже известным лицом». А в докладе, опубликованном в журнале «Journal of Optics A Pure and Applied Optics», подчеркивается, что изображение на обеих сторонах плащаницы располагается на поверхности ткани и не затрагивает нитей, находящихся в глубине. Ученые выдвигают гипотезу о том, что следы на покрывале могли образоваться в результате коронного разряда. Такой разряд может возникнуть, когда тело находится в ионизированной атмосфере в электрическом поле. Похоже, ученые близки к тому, чтобы дать внятное и приемлемое в научной среде объяснение главной загадке плащаницы: каким образом на ней запечатлелось, как на фотопленке, изображение тела Христа?

Первая известная гипотеза на этот счет датируется X веком, и принадлежит она Григорию, архидьякону храма Св. Софии в Константинополе. Он предположил, что нерукотворный образ возник буквально «из-за испарины смерти на лице Спасителя». В других гипотезах предполагалось, что фактор, оказавший воздействие на ткань плащаницы, имел естественную природу. Третьи уточняли: этот естественный фактор был следствием другого сверхъестественного события – Воскресения Иисуса Христа.

Российский физик Александр Беляков доказывает, что отпечатавшееся на ткани изображение – результат процессов, происходивших в теле Спасителя при Воскресении. Он сформулировал теорию, которая получила название теории «огненного тела». Суть этой теории в том, что в момент Воскресения Иисуса Христа его плоть преобразилась в световую энергию. Энергия как бы наполнила тело в момент Воскресения, повторяя его форму.

Ученый своими экспериментами продемонстрировал необычность этого излучения. При помощи различных лучей – от ультрафиолетовых до рентгеновских – исследователь проецировал изображение на ткань. Но четкого рисунка не получалось даже на очень близком расстоянии. Между тем на плащанице изображение губ, пальцев и других более мелких деталей очень четкое. Таким образом был сделан вывод, что ни один из известных современной физике видов излучений не мог оставить на ткани таких следов!

Проведенное исследование недвусмысленно подводит нас к мысли о том, что и сам этот неизвестный фактор не был естественной природы, то есть не подчинялся законам физики. По-видимому, этот фактор стал результатом прямого действия Бога. В момент Воскресения некая световидная энергия наполнила тело Иисуса Христа или окружила Его тело, повторяя его форму.

Эта энергия, возможно, была подобна тому огню, в котором являлась сила Божия, как мы читаем об этом в Ветхом Завете. Когда Бог явился Моисею на горе Синай, Моисей увидел горящий, но не сгорающий куст терновника. Огонь горел, но не распространялся на весь куст. А когда Илия возносился на небо, Елисей увидел как бы огненную колесницу, которая подхватила Илию и понесла его.

Следует отметить, что Воскресение Иисуса Христа не было похоже на другие случаи воскресения людей из мертвых, описания которых мы встречаем в Ветхом и Новом Завете. Это Воскресение было подобным тому, о котором пишет апостол Павел: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное» (1 Кор. 15:44). Этот огонь был прямым действием Бога. Перед ним творение тает, как воск от огня, но сам этот огонь не растекается непроизвольно и не распространяется по законам физики. Плащаница, по-видимому, говорит нам о том, что Воскресение Иисуса Христа произошло в огненном теле, и это огненное тело оставило ожог в виде нерукотворного образа на ткани плащаницы. Таким образом, на плащанице запечатлено не только тело Иисуса Христа, распятого и умершего на кресте, но и его тело по Воскресении.

Действие этого огня вызвало химические изменения в ткани плащаницы и ее потемнение, подобное тому, какое происходит от сильного излучения. Энергетическая плотность огненного (плазменного) тела уменьшалась в зависимости от расстояния до поверхности ткани. Именно поэтому плащаница потемнела сильнее в тех местах, которые были ближе к телу. Максимальное потемнение возникло в точках, которые прикасались к телу.

Можно ли проверить справедливость этой версии?

Для проверки положений предлагаемой гипотезы необходимо провести соответствующий эксперимент. Однако в нашем случае мы имеем уникальный след Божьего воздействия на плащаницу, и не в нашей власти повторить что-либо подобное. Но ведь ученым приходится исследовать и такие явления, которые они не могут смоделировать в своих лабораториях. Может быть, имеются какие-то дополнительные сведения, которые могут подтвердить справедливость предлагаемой гипотезы? Такими дополнительными сведениями могли бы быть свидетельства евангелистов в сопоставлении их со свидетельством плащаницы. Если гипотеза огненного тела позволит привести в гармонию ряд, казалось бы, не связанных между собой обстоятельств, то в этом случае она получит дополнительное подтверждение.

Для того, чтобы назвать имевший место факт историческим, необходимы два условия: чтобы этот факт был включен в причинно-следственную цепь, образующую ткань действительности; чтобы он стоял в одном ряду с другими историческими событиями, так, чтобы его можно было изучать по аналогии. Воскресение Иисуса Христа не отвечает ни одному из этих условий: оно не связано причинно-следственной связью ни со смертью Иисуса, ни с пустым гробом, ни с Его последующим присутствием на этой земле. Но если данные науки верны, то все указывает на то, что Туринская плащаница – возможно, последнее напоминание о человеке, который пострадал от ужасных мук и умер на кресте в самом начале I века новой эры. И если этот человек – Иисус Христос, то мы находимся прежде всего перед доказательством любви, приведшей Его к смерти, чтобы дать нам жизнь. И в этом смысле плащаница становится источником, документом, связывающим между собой многие поколения верующих в Иисуса Христа. Они не нуждались в ней, чтобы верить, но тем не менее ревностно хранили и почитали ее, потому что она была видимым знаком любви Спасителя.

Многие сегодня забывают, что центром христианской веры является личность распятого и воскресшего Иисуса Христа, а не какие-то идеи, культура, обряды или этические позиции. Чтобы помочь нам найти личный контакт со Спасителем, провидение сохранило до нашего времени потрясающий образ Его страданий и смерти, запечатленный на погребальных пеленах Христа. Плащаница является своего рода пятым Евангелием, которое написано не чернилами, а кровью, пролитой ради нашего спасения.

Исследования плащаницы дают нам возможность вместе с нею стать свидетелями и очевидцами Воскресения Христова. Конечно, Христос – не исторический деятель прошлого. Иисус Христос живет и сегодня, потому что Он Воскрес. И именно это стало причиной возникновения общины Его последователей. Живое и прямое доказательство Воскресения Христа – это Церковь Христова, которая возникла не из согласия между Его последователями, с тем, чтобы продолжать Его дело и распространять Его учение, а потому, что Он дал им увидеть Себя Живым.

Крест Господень

Местонахождение: реликвия раздроблена на фрагменты, которые ныне хранятся в десятках церквей и монастырей христианского мира.

Крест, на котором страдал Иисус Христос и на котором Он умер, вполне естественно и логично стал объектом особого почитания христиан, одной из главных христианских реликвий. Евангелия не сообщают нам о нем никаких подробностей. Однако после обретения креста императрицей Еленой в 326 году и по мере углубления его почитания всеми христианами – и латинского, и византийского, и других обрядов – начали рождаться различные апокрифические легенды, повествующие о предхристианском происхождении креста.

В латинской традиции Западной Европы около XIII столетия родилась так называемая «Золотая легенда», впервые рассказанная в 1260 году Якопо де Вораджине, епископом Генуи. Согласно этому преданию, дерево, из которого был изготовлен Крест Господень, произросло из семени Древа Жизни, росшего в райском саду. Первый человек Адам перед смертью попросил своего сына Сифа сходить к вратам Рая и попросить у архангела Михаила семя от Древа Жизни. Когда Сиф вернулся, Адам уже умер, так что семя положили ему в рот и вместе с ним Адам был похоронен. Семя впоследствии проросло и превратилось в дерево из трех сросшихся стволов, которое продолжало расти несколько веков, до времен царя Соломона (согласно другому преданию, Лот, племянник Авраама, посадил три дерева – кипарис, сосну и кедр. Разрастаясь, за долгие века они переплелись, срослись и в конце концов срослись в одно большое дерево).

Когда царь Соломон начал сооружение своего знаменитого храма, это дерево срубили, однако по каким-то причинам строители им не воспользовались (по одной из версий, оно не подошло из-за своих размеров). Срубленное дерево использовали в качестве балки при строительстве моста. Когда царица Савская приезжала в Иерусалим к Соломону, она преклонила перед этим древом колени и предрекла, что

Спаситель всего мира будет повешен на нем, а царству иудеев придет конец. Испугавшись этого пророчества, царь Соломон приказал закопать брус в землю. Однако позже дерево было найдено при строительстве бассейна для омовения, вода которого прославилась чудесными исцелениями. Этот бассейн стал известен как Силоамская купель. После ареста Христа древо всплыло из вод купальни и из его древесины был изготовлен крест для распятия. На месте же, где когда-то, по преданию, произрастало дерево, ныне стоит монастырь Святого Креста, на протяжении многих столетий являвшийся очагом грузинской культуры на Святой Земле.

В 326 году по инициативе Елены в Иерусалиме были организованы поиски, приведшие к открытию Святого Креста и Гроба Господня. Раннехристианский писатель Евсевий Кесарийский, написавший «Жизнь Константина», подробно рассказывает о том, как по приказу Елены был снесен языческий храм Венеры, стоявший на месте погребения Христа, и срыта земля под ним. По счастью, сооружая храм, римляне не сровняли с землей скалы, в которых были высечены древние гробницы, а, привезя большое количество земли для засыпки, ограничились лишь выравниванием поверхности. Образовалась огромная земляная насыпь в виде террасы, спасшая таким образом могилы от разрушения. Раскапывая ее, рабочие обнаружили выступ природной скалы, в котором копавшие опознали Голгофу – место распятия Христа, обнаружили под ним и пустую гробницу, а неподалеку, во рву – кресты Иисуса и двух разбойников, распятых вместе с ним. Вместе с крестом были обнаружены четыре гвоздя и табличка с латинской надписью INRI (первые буквы латинской фразы «Иисус Назарейский, царь Иудейский). Подробности этого события можно прочесть у византийского историка Сократа Схоластика:

«Сняв идола, откопав и очистив место, она (Елена. – *Примеч. авт.)* нашла в гробнице три креста: один – преблаженный, на котором висел Христос, а прочие, на которых распяты были и умерли два разбойника. Вместе с ними найдена и дощечка Пилата, на которой распятого Христа провозглашал он в разных письменах царем иудейским. Но так как все еще неизвестен был крест искомый, то мать царя обуяла немалая скорбь. От этой скорби вскоре, однако, избавил ее иерусалимский епископ по имени Макарий. Он разрешил недоумение верою, то есть просил у Бога знамения и получил его. Это знамение состояло в следующем: в той стране одна жена одержима была долговременной болезнью и, наконец, находилась уже при смерти. Епископ вознамерился поднести к умирающей каждый из тех крестов, веруя, что, коснувшись креста драгоценного, она выздоровеет. Надежда не обманула его. Когда подносили к жене два креста не господних, умирающей нисколько не было лучше, а как скоро поднесен был третий, подлинный – умирающая тотчас укрепилась и возвратилась к совершенному здравию. Таким-то образом найдено древо креста».

Деятельность Константина и Елены (они позднее были канонизированы) в Святой Земле легла в основу традиции почитания святых мест Палестины, связанных с именем Христа и первых апостолов.

Согласно Сократу Схоластику императрица Елена разделила Животворящий Крест на две части: одну поместила в серебряный футляр и оставила в Иерусалиме, а вторую отправила своему сыну Константину, который поместил ее в свою статую, установленную на колонне в центре Константиновой площади. Оставшаяся в Иерусалиме часть Креста находилась там длительное время и регулярно выставлялась для поклонения народу. В 614 году персидский царь Хосров II, захвативший Иерусалим, вывез Крест в свою столицу Ктесифон. Реликвия вернулась в Иерусалим лишь после победы императора Ираклия над персами в 628году.

Практика отделения от Креста частиц началась уже при императрице Елене. По дороге в Константинополь она оставляла частицы Креста в основанных ею монастырях. В последующие века отделение частиц и целых фрагментов продолжалось; уже в IV столетии этими реликвиями, по выражению современника, «была наполнена вся земля», частицы Креста имелись даже в церквях и монастырях Северной Африки. Около 455 года иерусалимский патриарх Ювеналий отправил в подарок папе римскому Льву I фрагмент «драгоценного Древа». Еще одну часть креста привез в Рим в VII столетии папа Сергий I, византиец по происхождению.

Основная часть Креста все это время продолжала храниться в храме Воскресения Господня в Иерусалиме. Она оставалась там до эпохи Крестовых походов, однако затем его следы теряются. В XIII столетии бесследно исчезает и константинопольская часть Креста, вывезенная в 1204 году крестоносцами из захваченной столицы Византии. Считается, что по крайней мере одна часть Креста была разделена на многие частицы разного размера. К концу эпохи Средневековья эти фрагменты хранились во многих церквях и монастырях, разбросанных по всей Европе. Известный деятель Реформации Жан Кальвин язвительно говорил по этому поводу, что из всех этих «частиц Креста» можно построить целый корабль. Однако в 1870 году французский ученый Шарь Ро де Флери (1801–1875) в своей книге «Les instruments de la Passion» («Орудия Страстей», Paris, 1870), подсчитал, что общий вес всех сохранившихся к тому времени фрагментов Креста составляет всего около 1,7 килограмма. Он составил полный каталог всех известных реликвий Креста и показал, что в совокупности все эти фрагменты не достигли бы и одной трети высоты Креста Господня, который, как считается, имел три или четыре метра в высоту, с шириной поперечной перекладины 2 метра (ряд исследователей полагает, что в реальности пропорции Креста были несколько меньше). Первоначальный объем Креста, по подсчетам Ро де Флери, составлял 178 кубических метров, в то время как общий объем всех известных реликвий Креста составляет около 4 кубических метров. Таким образом, 174 кубических метра Креста бесследно утрачено за прошедшие столетия.

Наибольшая часть фрагментов Креста Господня, в совокупности составляющих 870 760 кубических миллиметров, ныне хранится на горе Афон. 537 587 кубических миллиметров фрагментов хранится в Риме, 516 090 – в Брюсселе, 445 582 – в Венеции, 436 450 – в Генте и 237 731 – в Париже. Четыре частицы Креста, ныне хранящиеся в церкви Санта-Кроче в Риме, соборе Парижской Богоматери, соборах в Пизе и Флоренции и имеющие документальные подтверждения о том, что это именно фрагменты Креста Господня, присланные в разное время византийскими императорами, подвергались научным исследованиям с использованием современных аналитических методов, причем было установлено, что все эти фрагменты происходят от одного дерева – оливы. Окончательная точка в исследованиях еще не поставлена, так что в этой истории можно ожидать многих интересных поворотов.

Терновый венец Иисуса христа

Местонахождение: часовня Сент-Шапель, Париж, Франция

Остров Сите, огибаемый двумя рукавами Сены, – исторический центр Парижа. Еще в эпоху раннего Средневековья здесь разместились главные постройки французской столицы: королевский замок, собор и епископский дворец. Об этом времени напоминают суровые башни, высящиеся над рекой в западной части острова. Это Консьержери – древняя резиденция французских королей.

Жемчужиной Консьержери является Королевская, или Святая, капелла Сент-Шапель, расположенная в юго-восточном дворе замка. Она была построена в 1246–1248 годах в рекордно короткий по тем временам срок. Имя архитектора в точности неизвестно, однако обычно постройку капеллы связывают с именем Пьера де Монтрейля, мастера из Амьена.

Из-за огромного количества украшений как внутри, так и снаружи, Сент-Шапель нередко сравнивают с ювелирным украшением. Средневековые мастера блеснули здесь поразительным искусством создавать из камня и стекла настоящее легкое кружево.

Сент-Шапель строилась как часовня-реликварий, и весь ее облик говорит об особом значении этого сооружения. И это действительно так: на протяжении шести столетий здесь хранился терновый венец Иисуса Христа, в 1239 году привезенный в Париж из Константинополя.

…В ночь перед распятием Христа римские солдаты и толпа, вооруженная палками и мечами, с фонарями и факелами отправились к месту, называемому Гефсиманией, где находился Иисус со своими учениками. Предатель Иуда приблизился к Иисусу и поцеловал его, показывая стражникам, что это именно тот, кого они ищут. Апостол Петр кинулся с мечом на толпу, отсек кому-то правое ухо, однако Иисус велел Петру убрать меч. Вооруженные солдаты схватили и связали Христа, после чего повели его ко двору первосвященника.

Немедленно созванный совет – Синедрион – устроил судебное разбирательство. Толпа лжесвидетелей выдвигала против Иисуса различные обвинения, однако Синедрион так и не смог найти весомых причин для того, чтобы предать Иисуса смерти; наконец пришли два лжесвидетеля «и сказали: Он говорил: могу разрушить Храм Божий и в три дня создать его» (Мф. 26: 61). Первосвященник обратился к Иисусу с требованием ответить что-нибудь на это обвинение, но Иисус промолчал. «И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?». На этот вопрос Иисус ответил утвердительно и предрек: «Отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется?» (Мф. 26: 63–66). В ответ на это толпа взревела: «Повинен смерти!».

На следующее утро Иисуса отвели к римскому наместнику Понтию Пилату; тот задал Иисусу несколько вопросов, после чего вышел к народу и объявил, что не считает Иисуса виновным в приписываемых ему преступлениях. По традиции в дни празднования Пасхи римский правитель освобождал из заключения кого-либо из узников, и у Пилата в тот день был выбор: отпустить разбойника Варавву или Иисуса из Назарета. Однако подстрекаемая фарисеями толпа потребовала освобождения Вараввы. В надежде успокоить возбужденных людей, Понтий Пилат приказал высечь Иисуса плетьми. Помимо этого его солдаты всячески старались оскорбить узника; они облачили Иисуса в багряницу, дали ему в руки трость, плевали на него, били и в насмешку величали «Царем Иудейским».

«И, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость: и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» (Мф. 27: 29).

После того как Иисус был избит и осмеян, Пилат снова вышел к народу и повторил, что не считает Иисуса виновным в совершении какого-либо преступления, за которое он был бы достоин смерти. Затем он вывел пленника к толпе.

Иисус был одет в багряницу; голову его покрывал терновый венец. «Распни, распни его! – вопила толпа. – Он сделал себя сыном Божьим и по закону нашему должен умереть!» Услышав эти слова, Понтий Пилат испугался и еще раз вместе с Иисусом возвратился во дворец, чтобы

спросить его, кто он. Сначала Иисус ничего не ответил ему, но когда Пилат сказал, что только он один может решить вопрос о казни или помиловании пленника, Иисус тихо произнес, что власть правителя была дана Понтию Пилату Богом и те люди, которые привели к нему Иисуса, совершили большой и тяжкий грех. Пилат снова обратился к толпе с призывом освободить Иисуса, но толпа неистовствовала: «Распни его! У нас нет другого царя, кроме кесаря!» Пилат умыл руки и передал Иисуса солдатам, которые увели его на казнь…

Терновый венец Иисуса Христа на протяжении многих веков служил объектом поклонения. Первый исторический документ, в котором упоминается эта реликвия, датирован 409 годом. В то время венец хранился в Иерусалиме, куда уже тогда стекалось множество паломников. Некоторым из них в качестве подарка вручались отдельные шипы из венца.

В 1063 году терновый венец был перевезен в императорский дворец в Константинополе. А в 1204 году столица Византии пала под ударами крестоносцев. На обломках рухнувшей державы было создано несколько новых государств, самой крупной из которых являлась Латинская империя. Ее император Балдуин II, занявший трон в 1228 году, постоянно нуждался в деньгах. В конце концов нужда заставила его распродать большинство святых реликвий, доставшихся крестоносцам после захвата Константинополя. Одним из первых на предложение Балдуина откликнулся французский король Людовик IX.

В 1239 году реликвии, включая терновый венец, доставили в Париж. По этому случаю было устроено торжественное шествие по улицам города, в котором приняли участие король и другие высокопоставленные лица. Спустя несколько лет во дворе замка Консьержери начала вырастать кружевная часовня Сент-Шапель, специально предназначенная для хранения святых реликвий.

В дни французской революции толпы граждан, озверевших от «свободы, равенства и братства», нанесли часовне колоссальный ущерб. Однако терновый венец был спасен и в 1809 году передан на хранение в собор Парижской Богоматери, в котором продолжает находиться вот уже почти два века. На поклонение реликвии сюда съезжаются паломники со всего мира.

Терновый венец представляет кольцо из терновника диаметром более 20 см. Его первоначальный вид практически не поддается восстановлению, так как на протяжении многих столетий фрагменты реликвии раздавались верующим. Несмотря на имеющиеся исторические документы, исследователей продолжает волновать вопрос: является ли данный терновый венец именно тем, что был возложен на голову Христа около двух тысячелетий тому назад? Доказать это трудно или даже просто невозможно, однако в данном случае подлинность реликвии, как и многих других реликвий, связанных с распятием Христа, является вторичной по сравнению с их исторической ценностью и глубоким смыслом, который помогает людям лучше осмыслить и понять как свое прошлое, так и настоящее.

Копье сотника Лонгина и Священное копье

Местонахождение: Музей истории искусств, Вена, Австрия

…Понтий Пилат не сумел успокоить ярость пришедшей к его дворцу толпы, жаждавшей смерти Иисуса, и в конце концов поддался ее требованию. Римские солдаты повели Иисуса на казнь.

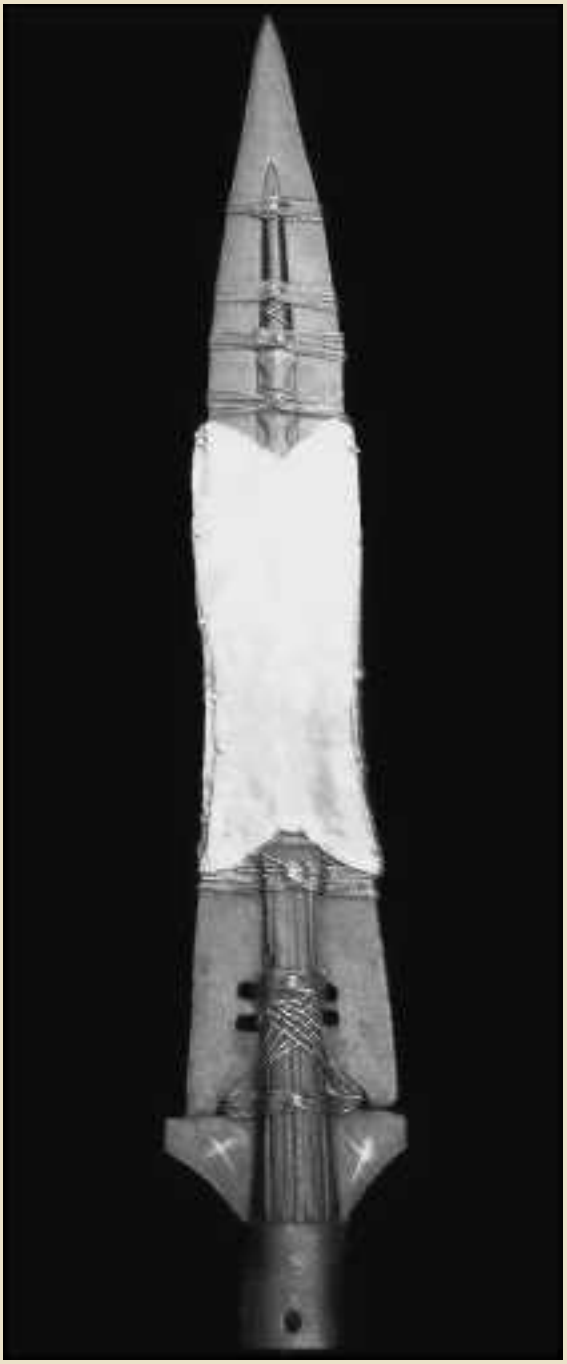
На вершине Голгофы солдаты прибили гвоздями к кресту руки и ноги Христа. Тело его обвисло под собственной тяжестью, доступ воздуха в легкий был затруднен, и, задыхаясь, он испытывал ужасные муки. Над головой Иисуса повесили дощечку с надписью: «Сей есть Иисус, Царь Иудейский» (Мф. 27: 37). Собравшиеся возле распятого Иисуса люди выкрикивали в его адрес различные оскорбления. «Если Ты Сын Божий, – кричали они, – сойди с креста» (Мф. 27: 40). «Других спасал, а Себя Самого не может спасти; если Он Царь Израилев, пусть сойдет с креста, и уверуем в Него; уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему» – насмехались другие (Мф. 27: 42–43).

Около 9 часов вечера началась агония. Из последних сил Иисус громко воскликнул: «Или, Или! Лама савахфани?», что по-арамейски означало: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27: 46). Один из солдат взял губку, намочил ее в уксусе и, наложив на трость, поднес к устам распятого. После этого Иисус опять громко возопил и испустил дух. В этот момент, как образно повествует Евангелие от Матфея, «земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись…, и многие умершие воскресли».

Солдаты перебили ноги двум несчастным, распятым одновременно с Иисусом, чтобы ускорить их смерть. Однако когда они подошли к Иисусу, то увидели, что тот был уже мертв. Тогда воин взял копье и пронзил бок Иисуса; из тела брызнули кровь и вода.

Широкое почитание реликвий, связанных со страстями Христовыми, началось во времена Елены – матери императора Константина, основателя Восточной Римской (Византийской) империи. Обратившись в христианство, Елена стала одной из самых горячих сторонниц новой религии. Она совершила паломничество в Святую землю и дала средства на строительство нескольких церквей. При ней на горе Голгофа было сделано удивительное открытие: найдены крест, на котором был распят Иисус, и гвозди, которые были вбиты в его тело во время казни.

Приблизительно к этому же времени относится и появление Священного копья – того самого, что пронзило бок Иисуса. Истинное происхождение его остается неизвестным, а первые свидетельства о его существовании относятся по крайней мере к VI веку. В числе других реликвий копье (оно получило название копье сотника Лонгина) оставалось в Иерусалиме вплоть до 614 года; в тот год персидский царь Хосров II Парвиз напал на Иерусалим.

Часть реликвий персы уничтожили, часть увезли с собой. Позднее копье вернулось в Византию и на протяжении нескольких столетий хранилось в императорской сокровищнице в Константинополе.

Когда в 1204 году крестоносцы разграбили Константинополь, часть обширного собрания реликвий, принадлежавших византийским императорам, бесследно пропала. Наряду со многими другими ценностями исчезло и копье сотника Лонгина. Оно (или не оно?) неожиданно объявилось уже после окончательного падения Византии, в 1492 году, когда турецкий султан Баязет II отправил в дар папе Иннокентию VIII копье, которое, как считалось, было тем самым пропавшим много лет назад

копьем сотника Лонгина!

Сегодня эта реликвия хранится в Ватикане, в соборе Св. Петра, но представляет она скорее исторический интерес: ведь до сих пор в точности неизвестно, является ли это копье тем самым, что много веков назад хранилось в Константинополе, и является ли копье, хранившееся в сокровищнице византийских императоров, тем самым копьем, что пронзило бок умирающего Христа…

Копье сотника Лонгина очень часть смешивают с так называемым Священным копьем. Дополнительную путаницу в этот вопрос вносят дошедшие до нас от X века записи, в которых копье, вонзенное в бок Иисуса, прямо называется Священным.

Священным копьем долгие годы владели императоры Священной Римской империи. Оно появилось в VIII или IX столетии. Внутри его острия, как считается, скрыт гвоздь – один из тех, которые пронзили руки и ноги Христа во время казни (по преданию, он был взят из гробницы Святой Елены). Вероятно, именно поэтому копье получило наименование Священного.

В Средние века считалось, что это оружие делает непобедимым его владельца. Копье переходило от одного правителя к другому, и каждый из них считал, что обладание этой святыней является гарантом их прав на суверенитет и своеобразным благословением небес.

Одним из первых обладателей Священного копья – с начала 920-х годов – был король Рудольф Бургундский. От него в результате обмена оно перешло к императору Священной Римской (Германской) империи Генриху I. Таким образом, оно стало символом Германской империи и после смерти Генриха I в 936 году было унаследовано его старшим сыном Оттоном I Великим.

Императору Оттону удалось одержать несколько громких военных побед, которые молва связала с обладанием Священным копьем (об этом подробно рассказывает итальянский хронист X века ЛиупрандКремонский).

Уже в конце XI века Священное копье уверенно считалось тем самым копьем, что пронзило бок Иисуса Христа. По прошествии двух с половиной веков другой император, Карл IV, даже приказал сделать на копье соответствующую надпись. Неизвестно, на основании чего родилась подобная уверенность; можно сказать лишь, что это безусловно была ошибка. Однако позже эта ошибка явилась одной из причин обострения конфликта между Римом и Византией – ведь византийские императоры тоже были уверены, что являются обладателем Священного копья…

Священное копье стало составной частью герба Священной Римской империи, который позднее пополнился имперским крестом, короной, яблоком (державой) и скипетром. Формально Священная Римская империя германской нации просуществовала до 1806 года и была уничтожена Наполеоном.

С XVI века обладателями копья, наряду с другими реликвиями Священной Римской империи, стали австрийские монархи из династии Габсбургов. По-видимому, уже к тому времени копье лишилось древка и его острие приобрело свой современный вид: длина – около 20 дюймов, в середине – эллиптическое отверстие, заполненное искусно вделанным в него железным стержнем; считается, что здесь находится гвоздь (или

частицы нескольких гвоздей), которыми были прибиты руки и ноги Христа во время распятия. Лезвие копья, расщепленное на две половинки, соединяется железной пластинкой; вокруг нее тянутся два пояска, серебряный и золотой, с надписями на них.

В 1918 году империя Габсбургов пала. Копье наряду с некоторыми другими реликвиями, составлявшими собственность австро-венгерской короны, перешло в собственность Австрийской республики. Пришедший в 1933 году к власти в Германии Гитлер проявлял большой интерес к Священному копью: в его глазах оно было реальным воплощением Первого рейха – Священной Римской империи германской нации, преемником которого считался гитлеровский Третий рейх.

Поэтому сразу после аннексии Австрии в 1938 году Священное копье было вывезено в Германию – в Нюрнберг, где оставалось вплоть до окончания Второй мировой войны. Оно в целости и сохранности пережило воздушный налет на Нюрнберг британских ВВС (английские летчики понесли в этот день самые большие потери, и германская пропаганда поспешила связать это с присутствием в Нюрнберге Священного копья).

2 августа 1946 года представители армии США в сопровождении городских чиновников Нюрнберга провели осмотр двенадцати хорошо упакованных ящиков, хранившихся в камере № 3 в нюрнбергской тюрьме. В восьмом ящике было найдено Священное копье. Вскоре после этого оно было возвращено обратно в Австрию.

Покров Богоматери

Местонахождение: собор Нотр-Дам, Шартр, Франция

Старинный французский город Шартр расположен в 90 километрах к юго-западу от Парижа. Его история берет свое начало в середине I тысячелетия. Приблизительно к этому же времени относится и постройка в Шартре первой христианской церкви, которая, как считают, была сооружена на месте, где во времена галлов находилось кельтское языческое капище. А спустя некоторое время – в точности неизвестно, когда, но не ранее VIII столетия – в Шартре появилась драгоценная реликвия христианства: Покров Богоматери (Святой Покров – Sainte Chemise). Предание утверждает, что именно этот покров был на Деве Марии в момент рождения Иисуса Христа.

Согласно одной из наиболее распространенных версий, реликвия появилась в Шартре во времена правления французского короля Карла II Лысого (843–877). К тому времени в Шартре сменились уже три церковных здания (все они сгорели от пожаров) и епископ Жильбер вел реконструкцию четвертого, обратив его в городской кафедральный собор. Реконструкция храма началась в 859 году после разорения, которому подвергся город во время набега норманнов годом раньше. Карл Лысый пожертвовал в восстановленный собор драгоценную реликвию – Покров Девы Марии.

В 911 году под стенами Шартра снова появились норманны. Тогда произошло первое чудо, связанное с Покровом. Шартрский епископ Жантельм, надеясь на заступничество Девы Марии, вывесил Покров на городской стене, и норманны, как свидетельствует старинная хроника, обратились в бегство.

Второе чудо в Шартре произошло в 1194 году, когда собор, где хранилась священная реликвия, был практически полностью уничтожен громадным пожаром. Но ларец, в котором хранился Покров Девы Марии, уцелел!

Случилось поистине невероятное. Два священника находились в подземной часовне церкви, когда вспыхнул огонь, и успели спрятать реликвию в специальном тайнике, устроенном на случай войн и стихийных бедствий. Спустя три дня Покров был найден среди пепелища и

торжественно пронесен по улицам Шартра.

Покров Богоматери по сей день хранится в Шартрском соборе. В своем сегодняшнем виде он представляет собой фрагмент шелковой ткани бежевого цвета длиной около двух метров и шириной 46 сантиметров. Первоначально его длина составляла около пяти с половиной метров, но во время революции, чтобы спасти реликвию, духовенство Шартрского собора разделило Покров на несколько фрагментов, которые были розданы людям, сохранившим верность Христу в кровавые времена «свободы, равенства и братства». В 1819 году самый крупный из этих фрагментов был возвращен в храм.

В 1927 году сотрудники Музея истории тканей при Торговой палате города Лион провели экспертизу Покрова Богоматери. Они пришли к выводу, что «повышенный интерес к Шартру, связанный с нахождением здесь святой реликвии, скорее всего возник в VIII–IX веке. Намного более сложной задачей является определение времени появления святыни, так как она представляет собой кусок практически бесцветной материи, а одной из основных характеристик ткани как раз и является ее цвет; тем не менее этот факт не мешает ученым считать, что данная реликвия пришла к нам из более древних времен». Предполагаемое время изготовления ткани – I век н. э. «Во время проведения исследования, – говорится в акте экспертизы, – не было выявлено никаких фактов, опровергающих предположение, согласно которому на Деве Марии в момент рождения Иисуса Христа была надета именно эта ткань. Тем не менее данное предположение остается всего лишь гипотезой, которая пока что не получила научного подтверждения». Это положение до сих пор остается в силе.

Покров Девы Марии выставляется для поклонения в первое воскресенье каждого месяца, а также в дни наиболее важных церковных праздников.

Чаша Святого Грааля

Местонахождение: кафедральный собор, Валенсия, Испания

Эта таинственная реликвия волнует человеческое воображение на протяжении уже многих столетий. Множество окутывающих ее легенд до такой степени исказили ее реальный облик, что сегодня уже почти невозможно сказать: где у этой истории начало и есть ли у нее окончание?

Существуют две – абсолютно взаимоисключающих – основные версии по поводу того, чем является Святой Грааль. По одной версии, которую условно можно назвать «христианизированной», это – чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал капли пролитой на Голгофе крови Иисуса Христа. Возможно, она была и той самой чашей, из которой апостолы пили вино на Тайной вечере: «И взяв чашу и благодарив, сказал: приимите ее и разделите между собою; ибо сказываю вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе не придет Царствие Божие» (Лк. 22: 17–18).

Другая версия – назовем ее «эзотерической» – считает Грааль большим изумрудом, или чашей, изготовленной из изумруда. По преданиям герметиков, предводитель падших ангелов Люцифер, он же сатана, имел на лбу (вариант – в короне) изумруд, который потерял при своем свержении с

небес. Впоследствии из этого изумруда и была изготовлена чаша Грааля. Этой чашей якобы обладали тамплиеры, а позднее она стала символом некоторых еретических антицерковных учений, что вообще говоря, неудивительно, раз этот «эзотерический» Грааль был связан с самим сатаной.

Хотя обе эти версии уходят своими корнями если не в предначальную эпоху, то по крайней мере к началу нашей эры, в реальности легенды о Святом Граале появились довольно поздно: лишь в XII веке. Именно в это время один за другим увидели свет несколько поэм и рыцарских романов о Граале, в том числе «Рассказ о Граале» Кретьена де Труа, начатый в 1182 году, но так и не законченный; поэма «Парсифаль», которую Вольфрам фон Эшенбах написал, как считается, между 1185 и 1210 годами; и наконец, «Смерть Артура» – эпопея, написанная Томасом Мэлори уже в середине XV столетия. В последующие годы сочинение Мэлори послужило отправной точкой для ряда книг и кинофильмов, рассказывавших о поисках Святого Грааля.

Мэлори представил христианизированную версию «единственного истинного поиска» Грааля. Он описывал реликвию как «золотой сосуд», который подавала «прекрасная чистая дева» и который содержал кровь Иисуса Христа. По-видимому, таков был образ, долго и бережно хранимый в народной памяти, где Грааль всегда представлялся в виде чаши (обычно той самой, в которую Иосиф Аримафейский собрал несколько капель крови Христа). В то же время рассказ Вольфрама фон Эшенбаха, которого считали тайным тамплиером, напротив, был более «мирским», он совершенно лишен символизма Нового Завета, а сама реликвия – которую также несла дева, как и у Мэлори, – описывалась как камень.

Между тем в самом раннем произведении, где упоминается Святой Грааль – «Сказании о Граале» Кретьена де Труа, – не говорится четко, что Грааль был чашей. Из контекста романа, однако, вытекает, что Кретьен де Труа видел его именно таковым. В нескольких местах он упоминает главного персонажа – «царя-рыбака», которому «подавали в Граале», и позже добавляет: «Ему подавали одну-единственную освященную облатку, приносимую в граале, который поддерживает его жизнь в полном расцвете, настолько божественен этот грааль». Кстати, слово «грааль» – производное от старофранцузского «градаль» (латинского «градалис»), означающее «широкий, с углублением, сосуд». В разговорной речи времен Кретьена де Труа «градаль» часто произносилось как «греаль». В более поздние времена слова «гразаль» и «гриаль» использовались в южных районах Франции для обозначения разного рода емкостей.

Кроме упоминания «освященной облатки» Кретьен не дает никакой иной недвусмысленной связи с христианством. Подобно Вольфраму фон Эшенбаху, французский поэт вовсе не упоминает кровь Христа и уж определенно не намекает на то, что реликвия служила для ее хранения. Выходит, что образ «святой крови», связанный с Граалем в народной культуре, был добавлен более поздними авторами. Этот процесс «христианизации» Грааля, по всей видимости, направлялся монашеским орденом цистерцианцев. В свою очередь, цистерцианцы находились под влиянием Св. Бернара Клервоского, крупнейшего религиозного деятеля Европы XII столетия. Именно Бернар Клервоский предложил на обсуждение мистическую точку зрения на кровь Христа, которая была включена составителями «Поисков» в новое представление о Граале. С тех пор «камень» Вольфрама фон Эшенбаха оказался совершенно преданным забвению, а «сосуд» Кретьена де Труа оказался наполненным кровью Христа.

Кретьен де Труа «изобрел» Грааль в 1182 году. До того года Грааль не существовал ни в истории, ни в мифологии. Правда, рассказывались легенды, связанные, например, с подвигами короля Артура и его рыцарей, из которых придворные поэты и рассказчики черпали вдохновение для своих историй о Граале. Эти предания, передававшиеся из уст в уста, из поколения в поколение, были хорошо известны и апробированы, знакомы всем без исключения, и вполне годились для того, чтобы придать творческий импульс новому циклу романов о Граале, начало которому

положил Кретьен де Труа в конце XII столетия.

Великий французский поэт так и не закончил свое знаменитое «Сказание о Граале». Спустя несколько лет Вольфрам фон Эшенбах воспользовался им, расширив и закончив историю, начатую предшественником, одновременно грубо обвинив Кретьена в ее «дурном изложении» и заявив, что его собственный текст является «истинной историей». Подобные заявления выглядят странными, если учесть, что Вольфрам явно заимствовал многие подробности из «Сказания о Граале» и в целом сохранил верность его сюжету и персонажам. Имеется лишь одно вызывающе очевидное отличие – причудливое нововведение, превратившее Грааль в камень. Речь не может идти о простой ошибке Вольфрама – он был слишком умным и точным рассказчиком, чтобы совершить столь вопиющую ошибку. Отсюда следует единственный вывод: Вольфрам описал реликвию таким образом по какой-то особой, известной только ему причине. Может быть потому, что был приверженцем «эзотерической», нехристианской версии? Характерно, что в своей поэме Вольфрам утверждает, что Грааль хранил рыцарский орден Templaisen – в этом искаженном немецком названии легко угадывается знаменитый орден тамплиеров…

Главным связующим звеном между ранними легендами о короле Артуре и христианским апокрифом о Граале, использующим образы Нового Завета, стал сборник «Поиски Грааля», составленный цистер-цианскими монахами в XIII столетии. В аллегорической форме Святой Грааль иногда даже отождествлялся с Девой Марией. Такая аллегория подкреплялась следующей аргументацией: Грааль (согласно поздним вариантам легенды) содержал кровь Христа; Мария до Рождества содержала Христа в своем чреве; следовательно, Грааль является – и всегда был – символом Марии: ведь в соответствии с подобной логикой Мария Богородица (греч. Теотокос) являлась священным сосудом, который содержал Слово, ставшее плотью.

Но независимо от того, какой именно смысл вкладывали разные рассказчики в понятие «Святой Грааль», чаша Святого Грааля действительно существует! Эта чаша, из которой Иисус Христос испил во время Тайной вечери и в которую Иосиф Аримафейский собрал после Распятия Его Кровь, с 1437 года хранится в Испании, в капелле дель Санто-Калис кафедрального собора города Валенсия.

История этой драгоценной чаши высотой 17 см, выточенной из розового агата и украшенной драгоценными камнями и жемчугом (ее официальное название – Саграда Сена, «Святая чаша»), крайне любопытна. По преданию, ее доставил из Палестины в Рим сам первоверховный апостол Петр. Затем в течение двух столетий она принадлежала римским епископам – преемникам Св. Петра. Когда при императоре Валериане начались очередные гонения на христиан, папа Сикст II перед своей мученической кончиной в 258 году поручил диакону Лаврентию во что бы то ни стало сохранить Святую чашу. Реликвию переправили подальше от Рима – вглубь Испании, в город Уэску. Во времена мавританского владычества чаша хранилась в монастыре Сан-Хуан да ле Пенья, и только после изгнания мавров арагонский король Альфонсо V Великодушный передал ее в кафедральный собор Валенсии.

В 1808 году, во время нашествия армии Наполеона, один старый священник увез чашу в город Аликанте. Последняя большая опасность угрожала реликвии в 1936 году, во время Гражданской войны в Испании. На этот раз ее удалось укрыть в деревне неподалеку от Валенсии.

Первый научный анализ предполагаемой «чаши Грааля» был произведен в 1960 году; тогда исследователи пришли к выводу, что она была изготовлена на Ближнем Востоке не ранее IV века до н. э. и не позднее I века н. э. – то есть время земной жизни Христа вполне укладывается в эту дату. В 1994 году появилось обширное исследование Мануэля Санчеса Наваррете, посвященная истории, легендам и традициям, связанным с чашей Саграда Сена. Прямых же свидетельств того, что именно эта чаша служила Христу и апостолам на Тайной вечере, разумеется, нет, и отыскать их практически невозможно. В своей работе, посвященной чаше Грааля, немецкий исследователь Михаэль Хессман справедливо отмечает: «Никто не может с достоверностью доказать, что речь идет о той самой чаше, которой пользовались Христос и Его ученики на Тайной вечере; этот факт остается вопросом веры».

Чаша Саграда Сена официально признана Римско-католической церковью как великая христианская святыня. Папа Иоанн Павел II во время посещения Валенсии в 1982 году назвал чашу Саграда Сена «следом пребывания Христа на земле». Ежегодно в Страстной четверг, в канун Пасхи, по улицам Валенсии с этой чашей совершаются торжественные процессии верующих.

Чаша из Антиохии

Местонахождение: Нью-Йоркский музей искусств, Нью-Йорк, США

Эта серебряная чаша, найденная при раскопках древней Антиохии, однажды стала мировой сенсацией: ученые выдвинули весьма доказательную гипотезу, что именно она является священной реликвией, считавшейся на протяжении двух тысячелетий одним из величайших утерянных сокровищ – чашей Грааля.

…В течение двух лет, начиная с 1908 года, в Сирии было обнаружено четыре клада византийских серебряных предметов. Первый нашли в Стуме; он поступил в один из музеев Стамбула. В 1909 году британские археологи обнаружили еще одно собрание византийского серебра; оно находилось в частной собственности и его владелец весьма опасался, что клад будет конфискован у него властями. В 1910 году археологи нашли клад серебра в Хаме, а спустя еще несколько месяцев четвертый клад серебряных предметов был найден в Антиохии.

Какими только эпитетами не награждали в разные времена Антиохию! «Царица Востока», «Афины Востока», «вторая столица христианства», «град Божий». Во все времена своей истории этот город находился на самых оживленных торговых путях, привлекая неисчислимое множество всевозможных дельцов и искателей приключений. Но волею судьбы этот город в эпоху раннего средневековья стал не торговой метрополией, а одним из крупнейших религиозных центров мира.

В эпоху римского владычества Антиохия являлась третьим по величине городом империи (после Рима и Александрии). Ее население составляло более полумиллиона человек. Это был настоящий «Вавилон», город с невообразимым смешением рас, народов, обычаев, культов, верований. Здесь жили сирийцы, греки, македоняне, финикийцы, иудеи, римляне, персы и множество других народов – по традиции, заведенной основателем города Селевком, каждому приходящему сюда на жительство автоматически давались права гражданства.

Несмотря на то, что в Антиохии существовали широко известные школы философии, логики, риторики, где преподавали в них знаменитые софисты, город не принадлежал к числу сколько-нибудь значимых центров античной культуры – наоборот, его жители пользовались крайне дурной репутацией. Даже их римские современники отмечали, что антиохийцы питают чрезмерную склонность к удовольствиям. Ювенал, Тацит, Малала, Ливаний, характеризуя степень растления жителей Антиохии, называли их «диким скопищем шутов, шарлатанов, мимов, чудотворцев, колдунов,

обманщиков и жрецов», «праздной и склонной к мятежам чернью», а саму Антиохию – городом «скачек, танцев, процессий, торжеств, вакханалий, безумной роскоши, вредных суеверий, фанатичных оргий и всех мыслимых и немыслимых видов разврата». Во времена Древнего Рима антиохийцы служили постоянным объектом для саркастических насмешек. И тем не менее, именно Антиохия стала второй столицей христианства.

Всемирная апостольская миссия началась с образования христианской общины в Антиохии. Здесь же за всеми, исповедующими Христа, закрепилось общее название – христиане. Об этом свидетельствует первый историк церкви, Св. евангелист Лука: «Потом Варнава пошел искать Савла и, нашед его, привел в Антиохию. Целый год собирались они в церкви и учили немалое число учеников, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами» (Деяния Апостольские, 11: 25–26).

После разгрома Иерусалима (70 г.) Антиохия стала главным центром христианства. Число последователей новой религии здесь настолько выросло, что к началу IV столетия полумиллионная Антиохия являлась фактически единственным в Римской империи христианским городом. Здесь были сооружены первые значительные по размерам церкви, к числу которых относились так называемая «Древняя» или «Апостольская» базилика – один из самых древних архитектурных памятников раннего христианства.

Со временем Антиохия стала центром патриархии, которая объединяла христиан обширных восточных провинций Римской империи и за ее пределами. В этот период Антиохию часто называли «Великой Антиохией». Император Константин Великий (306–337) в 327 году построил в городе один из самых больших и известных храмов эпохи раннего христианства, который он украсил настолько богато, что это привело в восторг современников. Этот храм вошел в историю под названием «Великой» или «Золотой» церкви и на многие столетия стал ставшая образцом для подражания.

Великий город стремительно начал приходить в упадок после катастрофического землетрясения 526 года. В 540 году Антиохия была захвачена и почти полностью разрушена персами. Императором Юстиниан (527–565 гг.) восстановил ее, но в намного меньших масштабах и дал городу новое имя – Теополис, «град Божий».

В августе 638 года Антиохия была захвачена арабами. Они видели в местных христианах союзников своих врагов-византийцев и долгое время подвергали их гонениям. В 969 году византийцы разбили арабов и вернули Антиохию в состав империи. Но к тому времени город уже утратил свое былое значение. В 1085 году, он был захвачен турками-сельджуками.

Сегодняшняя Антиохия носит названия Антакья. Это небольшой (20 тыс. жителей), практически новый город на юге Турции. От прежней густонаселенной столицы Востока уцелели мост, возведенный во времена правления римского императора Диоклетиана (III век н. э.), акведук, остатки римских храмов и театров, фрагменты крепостных стен VI столетия. Именно здесь, среди руин древнего города и был найден клад серебряных изделий, содержащий один удивительный предмет…

Обстоятельства находки клада до сих пор остаются не вполне ясными. Густав Эйзен в своей двухтомной работе «Великий кубок из Антиохии», вышедшей в 1923 году, сообщает, что сокровище обнаружили арабские рабочие в развалинах кафедрального собора византийской эпохи – знаменитой «Золотой» церкви. Рабочие разделили найденный клад между собой. Позднее весь комплект антиохийских сокровищ приобрела антикварная фирма братьев Кучакжи, имевшая свои представительства в Алеппо (Сирия), Париже и Нью-Йорке. Салим и Константин Кучакжи потратили два года на то, чтобы собрать воедино все сокровища, находившиеся в собственности различных владельцев. По окончании этой работы они отправили собранные предметы старины в Париж своему брату Джорджу, который нанял специалиста для очистки серебряных ценностей от слоя окисла. С началом Первой мировой войны коллекцию серебряных предметов отправили в Нью-Йорк, где она могла находиться в полной безопасности; в Нью-Йорке жил еще один брат Кучакжи – Хабиб – со своим сыном Фахимом.

В числе предметов антиохийского клада был комплект из двух вставленных одна в другую чаш. Внутренняя чаша имеет удлиненную форму; ее край загнут над краем наружной чаши, поверхность которой покрывают фигурки людей и животных, а также изображения виноградных лоз. Наружная чаша имеет более широкое основание. Высота чаши составляет более 19 см, а ее наружный диаметр превышает 18 см.

Было совершенно ясно, что эта двойная чаша имела какое-то особое предназначение. Фахим Кучакжи обратился к шведскому ученому Густаву Эйзену с просьбой провести ее исследование. Эйзен самым тщательным образом изучил находку: он разделил чаши и исследовал их по отдельности, обратив особое внимание на их художественное оформление.

Внутренняя чаша разительно отличается от внешней: она очень проста и, в отличие от наружной чаши, не содержит никаких украшений. Ее характерная удлиненная форма присуща изделиям рубежа I в. до н. э. – I в. н. э.

Наружная чаша более поздняя и изготовлена совершенно другим мастером и в иной технике. На ней изображены двенадцать человеческих фигур. Вокруг них прихотливо переплетаются виноградные лозы со свисающими гроздьями винограда; здесь же представлены сидящие на насестах животные и различные предметы, которые могут быть интерпретированы как символы. Верхняя часть внутренней чаши загнута наружу, так что образует цепочку розеток.

Среди человеческих фигур Эйзен распознал два изображения Христа: в одном образе он представлен мальчиком, в другом – после своего Воскресения. Образ Христа-юноши простодушен и прекрасен; лицо воскресшего Христа спокойно и задумчиво. Выше и ниже его помещены голубь и орел: первый является символом Святого Духа, а второй – Римской империи. Вокруг воскресшего Христа на разных уровнях сидят апостолы: Петр, Иоанн Богослов и его брат Иаков, Марк, Андрей, Иуда, Иаков младший, Павел, Матфей и Лука. Высокое мастерство создателей этого шедевра обеспечили яркую индивидуальность, присущую каждому из изображенных апостолов.

Тщательно изучив человеческие фигуры, животных и предметы, изображенные на поверхности внешней чаши, Эйзен попытался их интерпретировать с использованием евангельских текстов и всех доступных ему источников по истории раннего христианства. Вывод ученого был однозначен: внутренняя чаша представляет собой «драгоценную реликвию, дошедшую до нас из самых ранних лет христианства» – знаменитую чашу Грааля! По мнению Эйзена, к которому позже присоединились и ряд других ученых, именно внутренняя чаша является той самой священной реликвией, связанной с именем Христа. А если это так, то эта находка имеет огромную ценность для всего человечества!

Антиохия, несомненно, является одним из мест, где могла находиться чаша Грааля, если только она когда-либо существовала. Однако, несмотря на довольно логичную систему доводов Эйзена, большинство ученых с сомнением отнеслось к его гипотезе. Самое уязвимое место в ней – отсутствие фактов. Ведь по каким-то особым причинам эта чаша могла быть просто сделана похожей на чашу Грааля. Или Эйзен просто пошел на поводу у Кучакжи, заинтересованного в том, чтобы привлечь внимание к находке и таким образом повысить ее ценность в глазах общественности.

Справедливости ради надо сказать, что чаша действительно привлекла к себе всеобщее внимание, а связь с ней легенды о Святом Граале значительно увеличила ценность находки. Известный банкир и филантроп Джон Морган выразил желание приобрести ее, однако умер в 1913 году прежде, чем соглашение о сделке было достигнуто. После этого бесценное сокровище Кучакжи объехало всю Европу, где люди могли им полюбоваться, а по окончании путешествия оно было оставлено в хранилище банка на Уолл-стрит.

В 1950 году чаша была куплена Клойстерс – Музеем западного средневекового искусства в Нью-Йорке (этот музей является филиалом Нью-Йоркского музея искусств). Однако и здесь она не осталась без внимания публики, так как с чашей начали происходить удивительные вещи.

Наиболее примечательная история случилась в 1963 году. В Пасхальное воскресенье охранник музея и ночной сторож во время утреннего обхода стали свидетелями того, как стоявшая на полке чаша неожиданно… заколебалась, а затем внезапно поднялась на высоту около 7,5–8 см!

Чаша парила в воздухе на протяжении нескольких минут. Придя в себя, охранник бросился к телефону, и вскоре в музей примчался Томас Ховинг, помощник хранителя музея. Он осмотрел реликвию и предложил такое объяснение загадочному происшествию: между лампами, скрытыми внутри тумбы-основания и внутри витрины, была пластмассовая сетка, которая рассеивала лучи, шедшие от этих источников света. Система сигнализации была устроена таким образом, что в случае, если грабитель захотел бы вынуть чашу из витрины с того места, на котором она стояла, специальный ориентир принимал вертикальное положение, и в помещении главного офиса раздавался сигнал тревоги. Случилось так, что именно в тот момент пластмассовая сетка обрушилась, из-за чего чаша поднялась, а

в помещении зазвучал тревожный сигнал. В результате поднятия ориентира в воздух поднялись также сетка вместе с чашей.

Случайное совпадение? Возможно. Однако охранников так и не удалось убедить в том, что левитация чаши могла произойти «по вине» системы сигнализации. В любом случае музей Клойстерс постарался как можно меньше афишировать этот случай.

Тайна, или, по крайней мере, неясность, связанная с происхождением Антиохийской чаши, продолжала волновать специалистов на протяжении долгого времени. Продолжают сохраняться и противоречия, связанные с назначением этого изделия: не все исследователи согласны с тем, что она действительно может являться церковной утварью, и предлагают другие объяснения. Однако, какие бы сомнения и противоречия ни оставались, невозможно отрицать то, что Антиохийская чаша – это великолепное произведение искусства, созданное в эпоху раннего христианства.

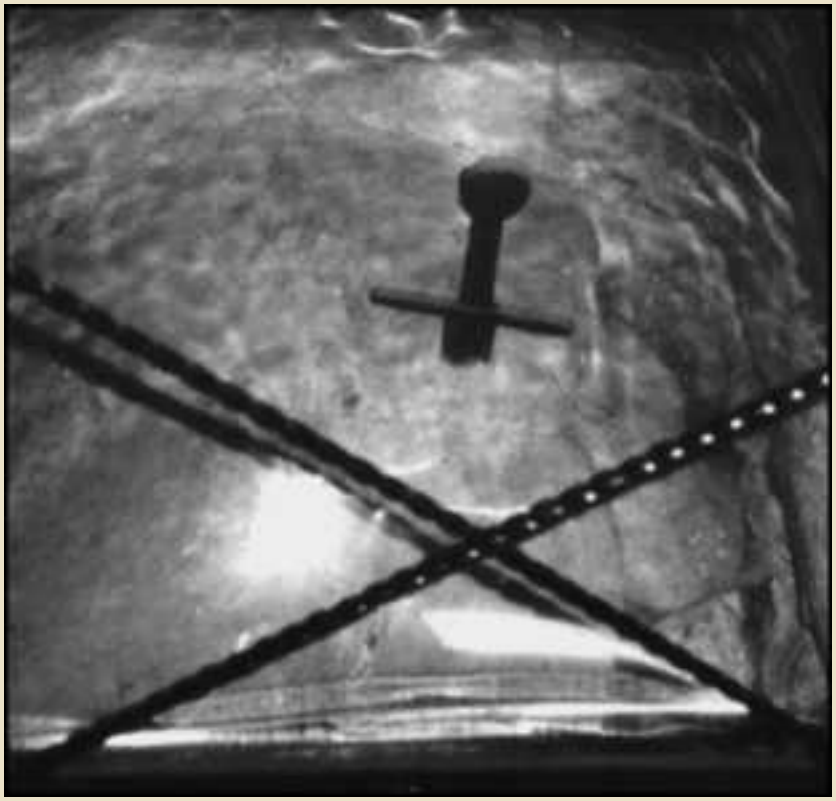
Меч Святого Гальгано

Местонахождение: аббатство Сан-Гальгано, область Тоскана, Италия

Вот уже без малого девятьсот лет гости старинного аббатства Сан-Гальгано, расположенного неподалеку от итальянского города Сиена, с безмерным удивлением взирают на главную здешнюю достопримечательность: средневековый рыцарский меч, вонзенный глубоко, по самую рукоять, в… каменный утес!

Долгое время в среде досужих обывателей бытовало мнение, что этот меч – лишь поздняя фальшивка, предназначенная для привлечения туристов и паломников. Однако всесторонние металлографические исследования, проведенные осенью 2001 года в университете города Павия, показали, что меч датируется XII столетием!

«Перед нами стояла очень трудная задача, но в итоге мы можем с уверенностью говорить, что химический состав металла, стиль и методы изготовления соответствуют той эпохе, – заявил руководитель исследований Луиджи Гарлачелли. —

Тем самым мы опровергли тех, кто утверждал, что этот меч – фальшивка недавнего происхождения».

Это заявление вызвало новую волну интереса к загадочному «мечу в камне». Что это за меч, каким образом восемь веков назад он смог пронзить скалу?

Старинная легенда связывает историю меча с рыцарем Гальгано Гвидотти (1148–1181), чей родовой замок располагался неподалеку от Сиены. Отличавшийся необузданным нравом, жестокостью и распущенностью, полный высокомерия и эгоизма, Гальгано являлся настоящим бичом здешних мест, и все окрестное население страдало от его выходок. Но в 1180 году произошла удивительная встреча: Гальгано явился архангел Михаил и указал ему путь к спасению души. Для этого Гальгано должен был поселиться в пещере и поститься. Потрясенный рыцарь выполнил это указание. Однако его родственники, недовольные внезапным постничеством недавнего удальца, стали ежедневно приходить к пещере и всячески пытаться вернуть его к прежней жизни. Раздосадованный Гальгано сел на лошадь, решив отдаться на волю Божию, и лошадь принесла его на вершину крутого холма Монте-Сиепи. Внезапно громкий голос повелел ему остановиться; на вершине холма, только что пустынного, Гальгано увидел круглый храм, а на его ступенях – Иисуса Христа и Деву Марию, окруженных апостолами. Гальгано застыл, ошеломленный; между тем видение исчезло. Однако голос с небес продолжал звучать. Он повелел рыцарю отказаться от мирских удовольствий и стать отшельником. Гальгано робко возразил, что для него это столь же трудно, как вонзить меч в эту скалу. В доказательство своих слов он ударил мечом по скале,

и… меч вошел в нее, как в масло. Лишь рукоять и несколько дюймов лезвия остались торчать снаружи.

Для Бога нет ничего невозможного. Поняв это, Гальгано остался жить отшельником на вершине Монте-Сиепи. Еще при жизни совершив несколько чудес, он умер год спустя и в 1185 году был канонизирован. Над его могилой на вершине Монте-Сиепи было выстроено цистерцианское аббатство, а над скалой с торчащим из нее мечом поднялся круглый храм – точь-в точь такой, какой предстал перед Сан-Гальгано в его видении.

Тайна меча Сан-Гальгано давно привлекала к себе внимание исследователей. Некоторые историки-медиевисты обнаруживают параллели в легенде о Сан-Гальгано и знаменитом эпосе о короле Артуре. Известно, что королю Артуру, чтобы доказать свое королевское происхождение, пришлось выдернуть из скалы меч Эскалибур. Но во всей Европе в реальности есть только один меч в скале – это меч Сан-Гальгано! Интересно и другое: легенды аббатства утверждают, что любой, кто пытался вытащить этот меч из камня, лишался рук, так что если связать оба эти предания, перед королем Артуром и вправду стояла трудная задача…

В своей книге «Тайна Сан-Гальгано» итальянский исследователь Марио Моираги утверждает, что меч Сан-Гальгано в действительности является не чем иным, как знаменитым мечом легендарного короля Артура – Эскалибуром. Моираги уверен, что легенда о короле Артуре имеет итальянское происхождение, хотя традиционно считается, что ее родина – север Европы или Франция.

Результаты анализов показали, что меч Сан-Гальгано датируется XII веком. Первые же свидетельства об Эскалибуре появляются лишь несколькими десятками лет спустя. Самое раннее упоминание об Эскалибуре найдено в поэме «Персиваль» французского поэта Робера де Борона. По его версии, меч был воткнут в наковальню, стоявшую на вершине скалы. Широкое же распространение легенды о короле Артуре и его мече получили только в XIII столетии, когда история о мече Сан-Гальгано была известна уже повсюду в Европе.

Марио Моираги отмечает, что в легендах о Сан-Гальгано есть ряд примечательных совпадений с преданиями о сэре Персевале, который нашел Святой Грааль. По мнению Моираги, это дает основания полагать, что именно жизнь святого Гальгано, рыцаря-отшельника, навеяла легенды о короле Артуре, а сам Гальгано стал прообразом сэра Персиваля.

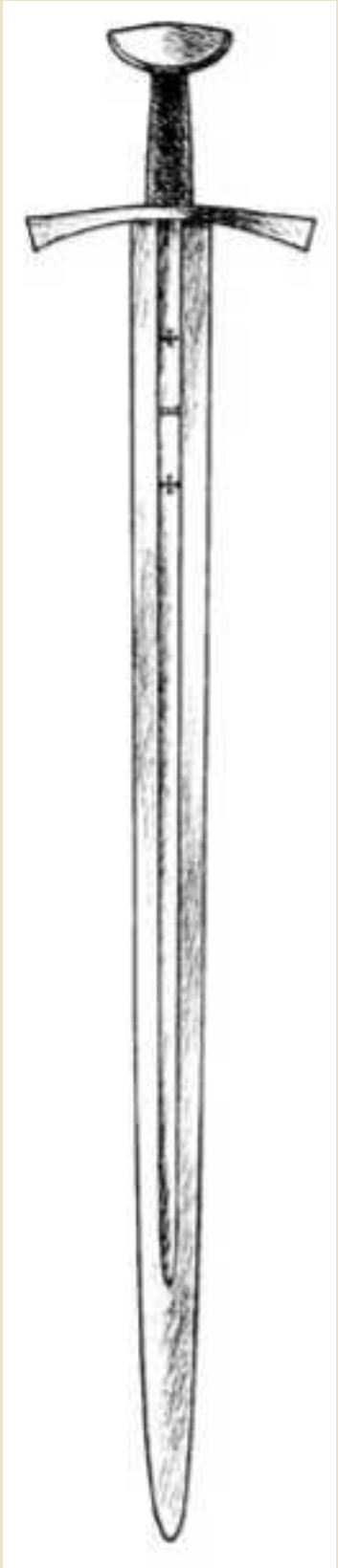
Но если личность короля Артура продолжает оставаться легендарной, то меч Сан-Гальгано вполне материален, и увидеть его сегодня, как и сотни лет назад, может любой желающий. Только не надо забывать старинные легенды и пытаться вытащить меч из скалы.

Меч Святого Маврикия

Местонахождение: Музей истории искусств, Вена, Австрия; бывший Королевский Арсенал, Турин, Италия.

Небольшой швейцарский городок Сент-Морис-ан-Вале, расположенный на дороге, ведущей из Женевы в Рим, в римские времена носил название Агуанум. Он связан с одной из ранних легенд о

христианских мучениках. Эта история была сохранена для нас Святым Эйхериусом, епископом Лионским (умер в 494 г. н. э.), написавшим труд «Passio martyrum A: aunensium». В нем он рассказал о событиях, произошедших почти за 200 лет до этого.

Во времена правления императоров Максимиана и Галерия в Верхнем Египте был сформирован римский легион, получивший название Фиванского – по названию древней столицы Верхнего Египта, Фивы.

В его рядах насчитывалось 6600 человек, большей частью уроженцев Египта и Нубии. Командовал легионом офицер по имени Маврикий, по-видимому – выходец из Нубии (во всяком случае, поздняя традиция неизменно изображает его чернокожим африканцем).

В 286 году император Максимиан включил Фиванский легион в состав римской армии, брошенной на подавление восстания багаудов в Галлии. После того как восстание было подавлено, Максимиан приказал в знак благодарности совершить человеческие жертвоприношения языческим богам. Вся армия должна была присоединиться к этим жертвоприношениям, а в качестве жертв предлагалось использовать пленных галлов, среди которых было много христиан. Фиванский легион, квартировавший в ту пору в Агуануме, в полном составе отказался подчиниться этому варварскому обряду (согласно преданию, легион сам целиком состоял из христиан). Максимиан был взбешен. Он приказал произвести в рядах мятежников децимацию (то есть каждый десятый воин должен был быть казнен). Этот приказ был исполнен, но тем не менее Фиванский легион во главе со своим командиром продолжал отказываться участвовать в языческих жертвоприношениях. Была произведена повторная децимация, но и это не помогло. Маврикий от имени всех воинов заявил императору: «Император, мы – твои слуги, но мы также и слуги истинного Бога. Мы несем военную службу и обязаны повиноваться тебе, но мы не можем отказываться от Того, кто наш Создатель и Властитель, даже при том, что ты отвергаешь Его. Во всем, что не противоречит Его закону, мы с величайшей охотой повинуемся тебе, как мы это делали до настоящего времени. Мы с готовностью выступаем против твоих врагов, кем бы они ни были, но мы не можем обагрить наши руки кровью невинных людей. Мы присягнули Богу прежде, чем принесли присягу тебе».

Тогда разъяренный Максимиан приказал умертвить всех воинов Фиванского легиона без исключения. Никто из них не оказал сопротивления, не соблазнился доказать свою правоту силой. «Так дикой жестокостью тирана был сотворен великий сонм святых мучеников. Так был убит тот поистине ангельский легион мужей, которые, как мы в это верим, на небесах вместе с легионами ангелов славят Господа Бога нашего, всегда, ныне, и присно, и во веки веков», – заключает свой рассказ Эйхериус.

Спустя сто лет после этих событий останки мучеников были обнаружены и перезахоронены Святым Теодором, епископом Октодурума. В честь Маврикия и его воинов он построил в Агуануме базилику, руины которой можно видеть и сегодня. В следующем столетии епископ Эйхериус собрал множество рассказов о чудесах, связанных с мучениками, и, вероятно, в этом же веке Маврикий был канонизирован церковью. Маврикий стал популярным святым в южной Германии и северной Италии, в Средние века он являлся небесным заступником нескольких королевских

династий, а позже – императоров Священной Римской империи. Короли, дворяне и князья церкви строили десятки церквей в его честь. В одной только Франции сегодня насчитывается более 650 храмов, посвященных Св. Маврикию, и более семидесяти населенных пунктов носят его имя. Король Сигизмунд Бургундский в 515 году пожертвовал церкви участок земли близ Агуанума для постройки монастыря в честь Св. Маврикия. В этом монастыре, который носит имя Св. Маврикия, до сих пор ежедневно совершается особая литургия в память воинов-мучеников.

Исследователи не раз пытались отыскать факты, способные подтвердить легенду о Святом Маврикии. В конце 1940-х годов в Сент-Морис-ан-Вале даже велись археологические раскопки. По мнению специалистов, изучавших различные версии легенды, епископ Эйхериус написал свой труд на основе более раннего устного предания, восходящего к епископу Теодору Октодурумскому, жившему за сто лет до Эйхериуса. Теодор, по-видимому, заимствовал это предание с христианского Востока, где также рассказывали о Святом Маврикии, римском офицере, принявшем мученическую смерть вместе со своими 70-ю воинами. Версия о том, что весь Фиванский легион якобы состоял из одних христиан и был в полном составе истреблен по приказу императора-язычника, не выдерживает никакой критики. По всей видимости, это преувеличение, призванное произвести впечатление на читателей. Вообще маловероятно, что в римских войсках могло служить сколько-нибудь значительное количество христиан, поскольку они подвергались преследованиям, и вряд ли кто из римских администраторов решился бы доверить им оружие, и уж тем более формировать из христиан отдельные воинские части.

Как бы то ни было, культ Святого Маврикия начиная с V–VI веков получил широкое распространение в Европе. В христианской традиции мученик обычно изображается вместе с инструментами казни, поэтому Святой Маврикий неизменно изображался с мечом – согласно преданию, римляне отсекли ему этим мечом голову. Приблизительно на рубеже X–XI веков наряду с мощами святого начинает почитаться и меч, с которым молва связывала мученичество Святого Маврикия. Сегодня известны целых два меча Святого Маврикия. Один хранится в императорской сокровищнице (Weltliche Schatzkammer) в Вене (Австрия), другой – в Королевском Арсенале (Armeria Reale) в Турине (Италия). По однозначному заключению специалистов, оба меча созданы в эпоху Высокого Средневековья и, таким образом, не имеют никакого отношения к римскому воину, казненному в III веке. Это, однако, не снижает их художественной и исторической ценности – оба меча являются, пожалуй, наиболее яркими образцами средневекового рыцарского вооружения.

Меч Святого Маврикия, хранящийся в Вене, известен на протяжении едва ли не тысячи лет. Считается, что император Священной Римской (Германской) империи Генрих I (919–936) получил его (наряду со Священным копьем) от короля Рудольфа Бургундского в обмен на часть швейцарских земель. Более 800 лет меч Святого Маврикия служил коронационным мечом императоров Священной Римской империи, а позднее – австрийских императоров. В последний раз он использовался при коронации императора Карла в 1916 году.

Возраст меча остается предметом дискуссий. Сотрудники Венского музея истории искусств, в ведении которого находится бывшая императорская сокровищница, полагают, что он был сделан во Франции в конце XII столетия. Ряд независимых экспертов считают, что меч несколько старше, и датируют его 1050–1120 годами. В любом случае реальный возраст меча составляет по крайней мере восемь столетий.

На позолоченном навершии рукояти меча выгравированы герб Священной Римской империи, с одной стороны, и личный герб императора Оттона IV (умер в 1218 г.) – с другой. Последнее обстоятельство заставляет некоторых специалистов предполагать, что меч мог быть изготовлен по случаю коронации Оттона IV в 1198 году. Выгравированный на навершии герб императора Оттона инвертирован (обращен снизу вверх), что указывает на то, что во время церемоний меч несли острием вверх. В нижней части навершия выгравирована надпись «BENEDICTVS DOS DES MEVS QVI DOCET MANVS *2 Немного сокращенная запись воинского девиза: «Benedictus Dominus Deus meus, qui docet manus meas ad praelium». – «Благословен Господь Бог мой, научающий руки мои битве». (Пс. 143:1) – Примеч. ред.* ».

На позолоченном перекрестье меча шириной 205 мм выгравирован другой девиз: «CHRISTUS VINCIT CHRISTUS REINAT» – на одной стороне, «CHRISTUS INPERAT» – на другой (правильное чтение – «IMPERAT»). Этот боевой клич времен Третьего Крестового похода переводится как «Христос побеждает, Христос царствует, Христос властвует». Нет, однако, оснований полагать, что этот меч использовался в Крестовых походах – по всей видимости, он вообще никогда не знал какого-либо иного применения, помимо церемониального.

На длинном и сравнительно тонком лезвии (его длина составляет 953 мм, ширина в основании – 43 мм) никаких надписей и знаков нет. Предполагается, что само лезвие может быть старше рукояти по крайней мере лет на пятьдесят, а то и сто, однако эта версия не бесспорна. Прекрасно сохранившиеся ножны меча представляют собой большую историческую редкость, поскольку большинство средневековых мечей дошли до наших дней без ножен. Специалисты полагают, что эти ножны были сделаны в Италии в последней четверти XI столетия – дополнительное свидетельство того, что и лезвие может иметь более раннюю дату, чем рукоять. Материалом для ножен послужило оливковое дерево. Их длина составляет 1010 мм – на 50 мм больше, чем длина лезвия. С обеих сторон изделие украшено чеканными золотыми накладками с изображением фигур в пышных облачениях и коронах – по-видимому, монархов. Эти фигуры обращены головами к наконечнику ножен, что указывает на то, что во время торжественных процессий вложенный в ножны меч несли острием вверх. В дополнение к накладкам, ножны щедро украшены красной, белой и синей эмалью.

Почему именно этот меч молва связывает с именем Святого Маврикия? На этот счет высказано немало гипотез, но все они небесспорны. Специалисты Венского музея истории искусств выяснили, что традиция, приписывающая этот меч Святому Маврикию, родилась не ранее XIV столетия. Причины этого неизвестны. Возможно, что когда-то меч хранился вместе с мощами Святого Маврикия и позднее стал прочно ассоциироваться с именем этого мученика.

Что касается второго меча, хранящегося в Турине, то его связь со Святым Маврикием более определенна. Первоначально он хранился в историческом аббатстве Сент-Морис-ан-Вале, по преданию, построенном на месте казни Маврикия и его воинов. Наряду с мощами святого он являлся объектом почитания. Существовало даже поверье, что бесплодная женщина, прикоснувшаяся к мечу Святого Маврикия, в самом скором времени обретет способность к деторождению.

В 1591 году король Эммануил I Савойский перенес меч и часть мощей Святого Маврикия в Королевскую часовню в Турине. С 1858 года меч хранится в Королевском арсенале. Он до сих пор находится в прекрасном состоянии и выглядит так, как будто изготовлен только вчера. А между тем его возраст весьма почтенен! Только, увы, и этот меч не имеет никакого отношения к Святому Маврикию…

По единодушному мнению специалистов, меч изготовлен в первой половине XIII столетия. В отличие от своего тезки из Вены это очень простой меч без каких-либо украшений. В то же время, пожалуй, именно этот меч может дать исчерпывающее представление о том, чем в реальности являлось средневековое рыцарское оружие. Очевидно, что его владелец был большим, крепким и очень сильным человеком, могучим и внушающим страх бойцом, а мастер, изготовивший меч, – опытным профессионалом. Это не церемониальная безделушка, а настоящий боевой меч, предназначенный для кавалерийского боя, массивный, выглядящий несколько грубо и неуклюже, и в то же время завораживающий своей особой, магической красотой. Это – меч, и этим сказано все. Возможно, именно этот простой и суровый облик повлиял на то, что этот меч был когда-то избран в качестве меча древнего святого.

Полная длина меча составляет 105 см при длине клинка 91,7 см. Ширина лезвия в основании составляет 5,4 см, весит меч 1,34 килограмма. На лезвии чьей-то быстрой и верной рукой выгравированы знаки «H + H» и «+ H +». Очевидно, что когда-то мечу пришлось соприкоснуться с чем-то твердым – близ острия хорошо заметна небольшая трещина. Это, однако, не след удара – скорее меч просто упал с большой высоты или пострадал иным образом, так как в этом же месте деформирована и оковка ножен. Лезвие тем не менее находится в таком замечательном состоянии, что даже сегодня им можно чинить карандаши. Рукоять меча сделана из дерева и обмотана тремя слоями льняной ткани, которая, в свою очередь, покрыта тонкой коричневой кожей или пергаментом. Так же просто и функционально, как сам меч, выглядят и ножны. Они изготовлены из двух деревянных планок, покрытых пергаментом, с простой железной оковкой.

До наших дней меч дошел в прекрасном состоянии; на протяжении нескольких веков он хранился в специальном футляре из темно-коричневой кожи, изготовленном в 1434–1438 годах. Очевидно, мастера, работавшие над футляром, были убеждены, что это именно меч Святого Маврикия. Об этом говорит изображение святого, украшающее футляр. Его дополняют гербы Савойи, Пьемонта и Генуи и надпись по-латыни: «O bone mauricii defende tui cor amici ut nunquam subici laqueis possit inimici». («О добрый Маврикий, защити сердце твоего друга, чтобы оно никогда не могло покориться козням врага»)

Легенда о Святом Маврикии, во многом недостоверная, как бы то ни было, донесла до наших дней сразу два великолепных произведения средневековых оружейников. И хотя оба этих меча в реальности не имеют никакого прямого отношения к раннехристианскому мученику, они тем не менее сохраняют значение исторических реликвий – в силу своего почтенного возраста, художественных достоинств, богатого прошлого. Ну и в силу традиции, наконец…

Кровь Святого Януария

Местонахождение: кафедральный собор, Неаполь, Италия

«На свете существует 126 черепов Иоанна Крестителя. Но подлинными из них можно считать только четыре», – с иронией сказал как-то один известный специалист по церковной археологии. Действительно, по всему свету разбросаны сотни городов и церквей, гордящихся «священными реликвиями» того или иного рода. И почти каждый раз после проведения исследований оказывалось, что поводов для гордости, собственно-то говоря, и нет: большинство этих реликвий в лучшем случае – легенда, в худшем – просто подделки. И лишь очень немногие действительно представляют собой феномен, сталкиваясь с которым ученые в недоумении разводят руками.

В XVI–XVII веках во многих странах Европы была популярна практика извлечения крови из тел умерших людей, прославившихся своей святой жизнью. Иногда ее извлекали спустя несколько часов, дней и даже лет после смерти. Обычно для этого просто вскрывали вену умершего. Согласно утверждениям ряда свидетелей, перед извлечением крови на лбу умершего появлялась испарина и от тела начинал исходить приятный запах. Иногда из сделанного разреза изливалось такое большое количество крови, что ею оказывались запачканными одежды свидетелей; эти одежды в дальнейшем хранились как святыни. В одном из ряда вон выходящем случае в Италии в 1750 году тело святого было эксгумировано почти через четыре года после его смерти. Свидетель этого события писал о том удивлении, которое он испытал, увидев его «нетронутое, гибкое и прекрасное тело, как будто он умер совсем недавно». Столь же удивительным является и то, что произошло далее: из разреза, сделанного на теле умершего четыре (!) года назад человека, хлынула яркая кровь.

Подобным чудесам имеется немало свидетелей. Интересно заметить также, что демонстрация крови, хранимой в качестве реликвии в дни празднования дня того или иного святого, неоднократно сопровождалась ее переходом в жидкое состояние. В числе реликвий подобного рода наиболее известной является кровь Святого Януария (Сан Дженнаро).

Об этом человеке известно очень немногое. Мы не знаем ни его происхождения, ни того, где он провел свои детские и юношеские годы, ни как он выглядел. Известно лишь, что он жил в Италии, посвятил себя службе Богу и умер в 305 году мученической смертью.

Януарий был епископом в городе Бевентуме (теперь Бевенто) во времена жестоких преследований христиан, развернутых при императоре Диоклетиане. В числе жертв этих преследований оказался и епископ Януарий. Он мужественно отказался отречься от Христа и был обезглавлен. Согласно некоторым источникам, его тело было перевезено в Неаполь (город, позднее избравший его своим святым патроном), где из него было извлечено несколько граммов крови. Помещенная в небольшой стеклянный флакончик, она до сих пор хранится в кафедральном соборе Неаполя.

С этой реликвией связано одно удивительное обстоятельство: обычно высохшая и твердая, кровь Святого Януария ежегодно в одно и то же время превращается в жидкость. И это чудо имеет долгую, документально подтвержденную историю.

В обычном состоянии кровь во флакончике твердая и темная. В жидком состоянии ее цвет меняется от пурпурного до ярко-красного. Кровь переходит в жидкое состояние восемнадцать раз в год: в день Святого Януария, отмечаемый в сентябре, а также в течение следующих семи дней; 16 декабря; в первую субботу мая и в последующие за ней восемь дней. Все документальные свидетельства, подтверждающие историю реликвии, показывают, что непосредственной связи между воздействием на кровь тепла и света и ее превращением в жидкое состояние не существует: сухая кровь может стать жидкой и в декабре, когда солнце стоит низко, а температура воздуха в Неаполе снижается до нуля, а в жаркие летние дни

она, наоборот, остается в твердом состоянии. Превращение крови из твердого состояния в жидкое не всегда происходило в положенное время, иногда оно случалось чуть раньше или позже.

Полное отсутствие такого превращения традиционно считалось предвестником катастрофы или несчастья.

Эта кровь обладает также еще несколькими любопытными свойствами. В твердом состоянии ее объем и вес могут значительно изменяться, а с превращением в жидкое состояние связаны некоторые необъяснимые пока явления. Ученый-теолог Герберт Тарстон писал: «Установлено, хотя я пока еще не встретил ни одного достаточно убедительного доказательства данного факта, что в момент, когда кровь из твердого состояния превращается в жидкое, каменная плита в Поццуоли, как предполагается, связывается со святым мучеником, краснеет и становится влажной».

Тем, кто скептически относится к «чудесам», не следует забывать о том, что кровь Святого Януария обладает определенными свойствами, наблюдаемыми, подтвержденными и зарегистрированными в ряде документов не только верующими, но и вполне компетентными наблюдателями. Современная наука, вероятно, могла бы отчасти пролить свет на загадку, однако церковь пока не давала разрешения на исследования. Возможно, тайна этой реликвии когда-либо будет раскрыта. А пока, как и сотни лет назад, необъяснимое поведение темного вещества, находящегося в маленьком стеклянном пузырьке, заставляет людей верить в чудо.

Сиенская дарохранительница

Местонахождение: кафедральный собор, Сиена, Италия

Итальянский город Сиена, раскинувшийся на холмах Тосканы, известен во всем мире не только прекрасной средневековой архитектурой и площадью Пьяцца дель Кампо, но и чудом, непрестанно продолжающимся с 1730 года.

Эта необычайная история началась вечером 14 августа 1730 года накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы. Все жители Сиены собрались в кафедральном соборе, чтобы торжественно отслужить вечерню. Другие церкви в городе были закрыты. Этим воспользовались воры, которые проникли в базилику Св. Франциска. В поисках ценных вещей они выломали дверцы дарохранительницы и забрали серебряный киворий, полный освященных гостий – облаток из пресной муки, используемых для причастия.

По канонам христианской религии, которых придерживаются все без исключения христианские конфессии, освященные во время литургии хлеб и вино силой Духа Святого пресуществляется в Тело и Кровь Христа; под видом хлеба таинственным образом присутствует сам Иисус Христос. Все христиане получают во время причащения «хлеб небесный» и «чашу спасения» в память о Христе, отдавшем свое Тело и Кровь ради спасения всего мира. Со времен первых апостолов в первый день недели, то есть в день Воскресения Иисуса Христа, христианские общины собираются вместе для «преломления хлеба», как заповедал Христос. Это таинство –

Евхаристия – является источником и вершиной церковной жизни.

Можно понять чувства жителей Сиены, когда известие о святотатстве распространилось по городу. Власти отдали приказ во что бы то ни стало отыскать воров. На следующий день один из жителей нашел

покров с украденного кивория, а еще через два дня клирик святилища Матери Божией в Провенцано заметил, что в ящике для пожертвований, стоящем возле него, полно принесенных откуда-то белых гостий. В присутствии настоятеля храма ящик был вскрыт; в нем оказались 348 целых и 6 половинок гостий, все до одной грязные и покрытые паутиной.

О случившемся был оповещен сиенский архиепископ А. Джондадари, который незамедлительно прибыл в Провенцано, чтобы установить, действительно ли это были гостии, украденные из церкви Св. Франциска: ведь на хлебе для причастия еще при выпечке ставят определенные знаки. Это были именно они!

На следующий день архиепископ А. Джондадари во главе торжественной процессии, в которой приняло участие около 3000 жителей с факелами и крестами, перенес обретенные гостии – напомним, в глазах верующих это был не просто хлеб, но Тело Христово – в базилику Св. Франциска. Наплыв верующих из окрестных деревень и городков был таким большим, что гостии целыми днями были выставлены для публичного поклонения. Люди с верой и любовью стремились умилостивить Бога за совершенное святотатство. Более 100 гостий было использовано для причастия. Остальные было решено использовать в традиционном обряде поклонения Святым Дарам.

Проходили месяцы и годы. Все с большим изумлением констатировали, что гостии не проявляют ни малейших признаков старения и сохраняют поразительную свежесть и приятный запах. Их первое официальное освидетельствование совершил 14 апреля 1780 года Карло Випера, генерал ордена францисканцев. В своем декрете он извещал: «Факт сохранения святых гостий в абсолютной свежести на протяжении 50 лет мы признали настоящим чудом».

Следующее освидетельствование состоялось 9 февраля 1789 года и было осуществлено архиепископом Тиберио Боргезе. В его отчете написано следующее: «Как я сам, так и сопровождающие меня лица, с помощью лупы скрупулезно осмотрели гостии. Мы подтверждаем их необычайную свежесть». Архиепископ даже провел специальный эксперимент, оставив на 10 лет неосвященные гостии в опечатанном кивории рядом с освященными гостиями. Когда через 10 лет этот киворий был в присутствии специальной комиссии открыт, оказалось, что от неосвященных гостий остался лишь темно-желтый порошок. Комиссия, возглавляемая епископом, отметила, что этот факт еще больше подтверждает непрестанно продолжающееся с 1730 года чудо.

Подобных освидетельствований и исследований в последующие годы было множество. В 1914 году по поручению папы Пия X сиенским феноменом занималась группа ученых из Сиены и Пизы во главе с известным химиком, профессором Сиро Гримальди. В сухих строках отчета об этом исследовании говорится, что гостии изготовлены из пресной пшеничной муки, которая сохранилась в идеальном состоянии. Тесты показали нормальное содержание крахмала. И далее: «Идеальное сохранение святых частиц неферментированного хлеба является исключительным явлением, которое опровергает естественные законы сохранения органической материи. Это – уникальный факт в анналах науки».

До сегодняшнего дня 223 гостии, освященные в 1730 году, сохраняют запах пресного хлеба, оставаясь неповрежденными и блестящими, как будто выпечены несколько дней назад, не поддаваясь даже в малейшей степени процессам разложения. Верующие убеждены, что это – знак, данный для укрепления веры в присутствие Воскресшего Христа в Евхаристии. Этим чудом Иисус Христос словно стремится показать всем людям, что Евхаристия – это Он сам, действительно присутствующий в своем воскресшем Теле.

17 числа каждого месяца дарохранительница с чудесными гостиями выставляется для публичного поклонения, а в ежегодный праздник Пресвятого Тела и Крови Христа ее проносят по улицам Сиены в процессии, в которой участвуют тысячи верующих.

Загадка образа Девы Марии Гваделупской

Местонахождение: базилика Пресвятой Девы Гваделупской, Мехико, Мексика

Трудно подобрать правильные слова, чтобы объяснить, чем для мексиканцев является Пресвятая Дева Гваделупская. Это – краеугольный камень Мексики, ее национальная гордость, символ этнической и культурной идентичности мексиканцев, объединяющий людей различных рас, языков и даже религий. Она – Мать всех мексиканцев. Ее лик реял на знаменах освободительных армий Идальго и Морелоса, сражавшихся за свободу Мексики. Ее образ можно видеть повсюду – в бедных индейских хижинах и аристократических особняках, висящим на истрепанной тесемке на груди у крестьянок и на золотой цепочке – у студенток столичного университета, на ветровых стеклах запыленных грузовиков и на массивных серебряных брелоках от ключей роскошных «кадиллаков». Если в доме случилась большая радость, то хозяин или хозяйка в благодарность первым делом затеплят свечу перед образом Пресвятой Девы Гваделупской. А в дни самого беспросветного отчаяния зажженные перед ее образом свечи сияют огоньками надежды…

История нерукотворного образа связана с явлением Девы Марии 17-летнему крестьянину-индейцу Хуану Диего. В субботу 9 декабря 1531 года он шел из Теночтитлана (Мехико) в Тлателолько и на вершине холма Тепейяк неожиданно встретил прекрасную женщину, окруженную облаком света. Ее одежды сияли подобно солнцу. Она обратилась к индейцу на его родном языке:

«Мой дорогой сын, я люблю тебя и твоих братьев. Я хочу, чтобы вы знали, кто я. Я – дева Мария, Мать истинного Бога. Я хочу, чтобы вы построили церковь на этом месте, где ты и твои братья смогут почувствовать мое сострадание к вам. Все те, кто искренне попросят моей помощи в работе и в преодолении мук, получат ее здесь, на этом месте.

Здесь я буду видеть их слезы и буду утешать их, и они пребудут в мире. А теперь иди в Теночтитлан и расскажи епископу все, что ты видел и

слышал».

Хуан Диего вернулся в Теночтитлан, явился к дворцу епископа Хуана де Сумарраги и потребовал, чтобы его немедленно пропустили к его преосвященству для личной встречи. Слуги епископа с большим сомнением оглядели бедного крестьянина и продержали его в передней несколько часов, раздумывая, стоит ли вообще пропускать этого оборванца. Наконец, епископ Сумаррага все-таки принял и выслушал его. К разочарованию юного индейца, епископ сказал лишь, что рассмотрит его просьбу и что Хуан Диего может прийти к нему еще раз, если захочет. Не зная, как убедить епископа, растерянный индеец пошел к холму Тепейяк и неожиданно для себя снова увидел Пресвятую Деву. Он рассказал ей о своем неудачном походе и робко предположил, что, наверное, было бы лучше, если к архиепископу пошел кто-нибудь другой. «Я могла бы послать к нему многих, – отвечала Дева, – «Но ты – тот, кого я избрала». Она велела Хуану Диего на следующий день снова пойти к епископу и повторить просьбу.

В воскресенье, после нового долгого многочасового ожидания, Хуан Диего предстал перед епископом. Выслушав индейца, епископ попросил, чтобы Дева Мария – раз Хуан Диего убежден в том, что это именно она – каким-либо знамением подтвердила это.

Хуан покорно вернулся к холму Тепейяк и снова увидел таинственную женщину. «Я дам такое знамение, – сказала она. – Жду тебя на этом месте завтра».

Когда Хуан Диего снова пришел на холм Тепейяк, то увидел расцветший на бесплодной скале пышный куст кастильских роз. Рядом с ним стояла Пресвятая Дева. «Вот мое знамение, которое я посылаю епископу, – сказала она – Возьми эти розы, заверни в свой плащ и отнеси ему. На этот раз он поверит тебе». И когда Хуан Диего предстал перед епископом и его советниками и развернул свой плащ, то все упали на колени: на плаще чудесным образом оказался запечатленным нерукотворный лик Пресвятой Девы – точно такой, каким его видел юный индеец…

Образ Пресвятой Девы Гваделупской вот уже пятое столетие хранится в алтарной части специально построенной для этого базилики, которая является вторым по популярности местом паломничества в католическом мире (после Ватикана). Ежечасно перед образом проходит 15 тысяч человек. А индеец Хуан Диего, канонизированный 31 июня 2002 года папой Иоанном Павлом II, стал небесным покровителем санктуария Девы Марии Гваделупской.

Научный интерес к нерукотворному образу возник еще в XVIII столетии. Загадкой было и остается то, каким образом столь детализированное и точное изображение могло быть выполнено на таком грубоволокнистом материале. Более того: шли века, а изображение не нуждалось ни в какой реставрации! Известный мексиканский художник Мигель Кабрера в 1753 году писал, что на протяжении двух лет не менее пятисот раз лично наблюдал, как паломники касались образа руками или различными предметами. Любая другая икона, созданная человеческими руками, давно бы почернела, потребовала реставрации, а то и просто пришла бы в ветхость. Но на чудесном образе из Гваделупы это не

сказалось никак…

За истекшие четыре с половиной века образ Пресвятой Девы Гваделупской осматривался и изучался множеством ученых и мастеров живописи. Систематические исследования нерукотворного образа начались в 1948 году и ведутся уже на протяжении полувека. За это время он был подвергнут самым тщательным лабораторным анализам, большинство из которых затем неоднократно делались повторно. При этом, как и в случае с Туринской плащаницей, всякий раз использовались самые современные технические средства.

В 1976 году, после многолетних исследований, мексиканские ученые Эрнесто Соди Пальярес и Роберто Паласиос пришли к заключению: полотно, на котором запечатлен образ Девы Марии, соткано из кактусовых волокон. Этот материал очень недолговечен и подвержен быстрому разрушению. Максимальный срок существования такого материала – два-три десятилетия. Тот факт, что полотно с образом Девы Марии сохраняется на протяжении уже 470 лет и никаких признаков гниения или распада на нем нет, с научной точки зрения необъясним. К этому следует добавить, что первое время – более двухсот лет! – образ находился в алтаре базилики без каких-либо защитных покрытий – стекла, оклада и т. п., в копоти сотен свеч, в дыму кадил. Перед ним ежедневно проходили сотни паломников, на него воздействовали естественные атмосферные процессы (церковь все-таки не герметичная конструкция). И все это не оставило на нем ни малейших следов! Более того: результаты научных исследований показали, что материал, на котором запечатлен образ Девы Марии, по необъяснимым причинам не покрывается пылью, не подвержен влиянию влаги и гнилостных бактерий, воздействию насекомых и грибков.

В 1977 году образ Пресвятой Девы Гваделупской был тщательно исследован американскими и немецкими учеными. В их числе был и Нобелевский лауреат, профессор химии из Гейдельберга Рихард Кун. Исследования велись с помощью новейших методов, включавших фотографирование в инфракрасных лучах. Результаты этих исследований заставили задуматься даже закоренелых скептиков: они показали, что образ не мог быть создан человеческой рукой, так как на полотне отсутствуют какие-либо следы грунтовки, разметки, предварительных набросков и т. д., и вообще сам метод, каким этот образ создан, современной науке неизвестен. Исследователи в один голос утверждают, что на полотне нет следов кисти живописца. Ученых поразило и отсутствие каких бы то ни было пигментов естественного происхождения – минерального, животного или растительного. Но синтетических пигментов тоже нет, а кроме того, синтетических красителей в 1531 году и не знали! Установлено, что каждый оттенок изображения представляет собой химическое соединение, молекулы которого непосредственно связаны с тканью. Там, где их нет, нет и цвета, а значит, и изображения.

Факт абсолютной сохранности полотна и красок неизменно поражает всех специалистов, когда-либо бравшихся за изучение образа. Профессор Филип Каллахэн из университета штата Флорида (США), исследовавший чудесный образ в 1979 году, пишет в своем отчете: «Если только одна горящая перед образом свеча выделяет 600 микроватт энергии, то в замкнутом помещении, при сотнях горящих свечей и тысячах

приходящих паломников образуется такая агрессивная среда, что в самое короткое время должно было произойти выцветание красок образа, вплоть до его полной гибели… Однако образ Девы Марии Гваделупской обладает удивительной устойчивостью ко всем воздействиям подобного рода». Ф. Каллахэн и его коллега Джоди Б. Смит изучали образ Девы Марии в инфракрасных лучах. Они обнаружили, что при изменении угла наблюдения цвета образа меняются. Это явление известно как иридесценция, и оно не может быть воспроизведено искусственным путем – то есть образ Девы Марии не может быть рукотворным!

А вот еще одна загадка. Реставраторы, работавшие над восстановлением рамы, в которую заключен образ (рама, в отличие от него, вполне рукотворная), случайно пролили на полотно едкую кислоту. И. «На том месте образа, где попала кислота, некоторое время было видно пятно, однако реактив не нанес образу ни малейшего повреждения. Постепенно пятно исчезло», – клянутся реставраторы.

Вывод исследователей однозначен: все, связанное с образом Пресвятой Девы Гваделупской, не поддается объяснению с точки зрения современной науки. Способ создания образа остается необъяснимой загадкой. Уже упоминавшийся доктор Филип Каллахэн утверждает, что образ не может быть создан рукой человека.

Отметим, что одно из необходимых условий признания феномена реально существующим явлением – повторяемость и воспроизводимость эксперимента – в случае с образом Девы Марии Гваделупской присутствует и многократно подтверждено.

Таким образом, научные исследования последних лет подтвердили то, что верующие знали с самого первого момента: образ Девы Марии Гваделупской не является произведением человеческих рук. «Феномен образа остается непонятным для науки» – говорит настоятель санктуария Девы Марии Гваделупской прелат Диего Монрой Понсе. – К нам приезжали ученые из Австралии и Германии, были даже специалисты из НАСА. Всякий раз оказывалось, что образ, несмотря на свой почтенный возраст, не имеет никаких повреждений, хотя материал, на котором он выполнен – волокно кактуса-айяте, – разлагается через несколько десятков лет после изготовления. До наших дней вообще не сохранилось ни одного образца подобной ткани, изготовленной в XVI веке».

Атеисты и материалисты эту загадку вообще предпочитают тщательно замалчивать: неоспоримые факты, многократно подтвержденные столь любимой ими наукой, слишком больно бьют по человеку, произошедшему от обезьяны. Те же из скептиков, кому приходится вплотную столкнуться с тайной образа Девы Марии Гваделупской, как правило, быстро утрачивают свой скептицизм и становятся едва ли не самыми страстными «гуаделупанос». Примеров тому сотни. Так, мексиканский архитектор Рамирес Васкес, которому в 1975 году было поручено строительство новой базилики Пресвятой Девы Гваделупской, получил разрешение на тщательное изучение образа. Результаты этого «личного знакомства» были для него шокирующими. Испытав сильнейшую интеллектуальную и духовную встряску, архитектор отказался от своего прежнего агностицизма и стал ревностным христианином.

Но то, что превратило христианскую реликвию в настоящую сенсацию последних лет, оказалось запечатленным в глазах Богоматери.

Глаза Девы Марии Гваделупской обладают необыкновенной глубиной. Они выглядят как глаза живого человека. Исследования последних лет позволили даже выявить маленькие сосуды-капилляры на веках, были идентифицированы и следы микроартериальной циркуляции крови на периферии левого глаза Богоматери. С помощью новейшей техники ученым удалось также обнаружить в глазах Девы Гваделупской явление так называемой рефлексии, которое можно наблюдать только у живых людей и которое невозможно создать при помощи даже самых изощренных, наисовременнейших методов живописи.

А в 1929 году штатный фотограф базилики Альфонсо Марке обнаружил в правом глазу Девы… ясное изображение бородатого мужчины. Сперва он не поверил собственным глазам: «Как такое может быть?» Однако, изучив многие другие снимки, он убедился, что зрение его не подводит, и известил о своем открытии администрацию базилики. Ему, однако, не поверили. Бедняге фотографу даже сильно досталось от начальства. Марке запретили даже думать об этом, а не то что рассказывать о своем открытии. Он подчинился. Но двадцать лет спустя, 29 мая 1951 года, один из ученых, занимавшихся исследованием образа, Хосе Карлос Салинас Чавес, также изучая фотографии образа (гораздо более лучшего качества), сделал точно такое же открытие! Он ясно различил изображение бородатого мужчины в правом глазу и несколько более худшее – в левом.

Открытием заинтересовались офтальмологи и физики. Группу из 20 специалистов возглавил известный в ту пору врач-окулист доктор Хавьер Торроэлья Буэно. Ученые тщательно исследовали не только фотографии, но и сам образ. Результаты были обнародованы 27 марта 1956 года. В своем отчете исследователи писали, что им удалось выявить в глазах образа Девы Марии присутствие тройного отражения (явление Пуркинье-Сансона), характерное для глаз любого живого человека. Эти отражения находятся точно там, где им и положено быть согласно с упомянутым явлением, а деформация этих образов соответствует преломлению роговицы.

В том же году доктор-офтальмолог Рафаэль Торриха Лавуанье исследовал глаза Девы Марии во всех деталях офтальмоскопом. Он заметил, что изображения людей появились на роговице глаз именно там, где и должны были появиться соответственно восприятию нормального человеческого глаза. Офтальмологи провели и множество других исследований. Все они подтвердили первоначальные выводы.

На протяжении последних двадцати лет исследованием образа Девы Марии занимается живущий в Мексике перуанский ученый Хосе Асте Тонсманн, доктор информатики. В 1979 году он занимался обработкой микроскопических изображений на компьютере. Четыре года спустя его пригласили участвовать в исследованиях образа Гваделупской Божьей Матери, проводимых Центром Гваделупских исследований (Centro de Estudios Guadalupanos) в Мехико. «В ту пору я узнал, что за 60 лет до этого некий фотограф открыл какой-то удивительный образ в зрачках

Богоматери, – рассказывает Тонсманн. – Мне также стали известны результаты исследований Хосе Карлоса Салинаса, который в 1951 году при помощи простого увеличительного стекла пытался рассмотреть эти изображения. Я же располагал компьютерной техникой, поэтому немедленно приступил к рассчитанным на долгое время работам».

Изучая образ, Тонсманн впервые использовал метод цифровой обработки изображений, использовавшийся до этого только в космических исследованиях. Исследования продвигались крайне медленно, каждый эксперимент длился месяцами. Только в начале 2001 года Хосе Асте Тонсманн опубликовал результаты своих двадцатилетних работ. Его выводы повергли научную общественность в шок.

Образ Девы Гваделупский имеет размеры 145 на 105 см, а зрачки глаз – диаметр около 7 мм. Тонсманн увеличил размер зрачков в 2500 раз. «Таким образом мне удалось обнаружить нечто крайне поразительное: в правом зрачке я уверенно различил изображение сидящего индейца».

Второй образ, который распознал исследователь, было изображение индейца Хуана Диего. Потом он обнаружил лик пожилого мужчины. «Сначала я не мог понять, кого могло представлять это изображение. Однако вскоре мне попалась на глаза картина известного художника Мигеля Кабреры, где я увидел очень похожее лицо. Это был портрет епископа Сумарраги». Затем исследователь распознал двух мужчин, один из которых имеет густую бороду. Оба смотрят на Хуана Диего, который разворачивает свой плащ.

Следующее открытие повергло ученого в полное ошеломление. «Очередным открытием было распознавание фигуры женщины, которая имела явно негритянский облик. Мне показалось, однако, что это какие-то мои заморочки. Негритянка в Мексике в 1531 году? Этого не могло быть. Но тут мне на помощь пришли историки. Оказалось, что в завещании епископа Сумарраги имеется упоминание о том, что он дарует свободу принадлежавшей ему семье негров-рабов».

Всего в левом зрачке глаза Девы Марии исследователю удалось распознать 12 фигур. Все они разного размера, так как запечатлелись в перспективе – так, как если бы изображение было фотографией того, что видела Дева Мария. Впрочем, все фигуры действительно запечатлены с фотографической точностью, и Тонсманн даже сумел идентифицировать некоторых из этих людей.

Сцена соответствует тому моменту, когда Хуан Диего разворачивал свой плащ с отпечатавшимся на нем образом Девы Марии перед епископом Сумаррагой. Кроме Диего, в группе фигур исследователь различает сидящего индейца, поднявшего глаза к небу, – скорее всего, это слуга епископа Сумарраги. Стоящий в профиль полноватый пожилой мужчина с белой бородой – это сам епископ, его облик весьма похож на портрет Сумарраги, написанный художником Мигелем

Кабрерой. Молодой мужчина, стоящий рядом с ним, – по всей видимости, переводчик Хуан Гонсалес. В сцене присутствуют и темнокожая женщина – вероятно, негритянка-рабыня, и мужчина явно испанского происхождения, с задумчивым взглядом поглаживающий бороду.

Одним из аргументов в пользу того, что наличие обнаруженных в зрачках изображений не может быть объяснено ни одним рациональным

способом, являются размеры деталей. Эти микроскопические изображения не могли быть выполнены человеческой рукой, даже в наше время такая задача была бы трудновыполнима. Так, в ухе индейца хорошо видна серьга. Ее толщина меньше, чем человеческий волос. Среди других подобных микроскопических деталей – слезы волнения на лицах, завязки сандалий сидящего на земле индейца, четко очерченный профиль этого же индейца с орлиным носом, у «испанца» – борода и усы, прилегающие к щекам, и т. д. Эта детализация необъяснима с точки зрения техники живописи: зачем она нужна, если любая икона рассчитана на восприятие ее издалека, а невооруженным глазом все равно ничего нельзя различить? Если предположить, что образ создавался человеком, то этого человека следует признать необычайно талантливым идиотом, неизвестно с какой целью кропотливо прорисовывавшим микроскопические детали изображения чуть ли не до атомарного уровня. Впрочем, мы уже говорили, что на образе Девы Марии Гваделупской нет следов работы кистью и он создан не с помощью красок, а необыкновенная, сверхъестественная детализация изображения исключает саму возможность того, что образ мог создать человек. Все результаты научных исследований свидетельствуют об этом. В мире нет больше ни одной картины и даже ни одной фотографии с подобной степенью точности и детализации.

Когда Тонсманн увеличил изображение левого глаза Богоматери, то оказалось, что в его зрачке имеются точно такие же фигуры, что и в правом, однако находящиеся под другим углом зрения и с иными пропорциями, что объясняется оптическим эффектом при отражении противостоящего объекта. Но на этом открытия Тонсманна не закончились.

В центре зрачков Тонсманн выявил еще более мелкую группу фигур, не связанных с первой. Это индейская семья – муж, жена и несколько детей. Самого маленького ребенка женщина несет на плечах – так, как это было принято у мексиканских индейцев в XVI столетии. Доктор Тонсманн видит в этом открытии своеобразный знак, данный Пресвятой Девой, ее послание адресовано нам, людям нынешней эпохи.

«Нельзя не удивляться тому, что эти микроскопические изображения оставались в неизвестности почти 500 лет, прежде чем современная техника не позволила их распознать, – говорит Тонсманн. – Это свидетельствует только о том, что послание Девы Марии ждало своего часа. Образ семейства служит для нас напоминанием о том, какое огромное, непреходящее значение имеет семья. Это особенно актуально в наше время, когда этот важнейший общественный институт пытаются отпихнуть все дальше и дальше на задний план». Не напрасно один из титулов Девы Марии Гваделупской звучит как «Покровительница детей, которым предстоит родиться». Исследователь полагает, что образ семьи в зрачках Девы Гваделупской духовно связан с нашим антигуманным и материалистическим временем, которое серьезно угрожает нравственному облику человечества, и в первую очередь семейным устоям.

«Черный камень» Каабы

Местонахождение: мечеть Харам бейт-Уллах, Мекка, Саудовская Аравия

«Черный камень» Каабы – одна из древнейших реликвий в мире (возможно, он появился даже до сотворения человека на Земле). По преданию, он упал с небес; Бог ниспослал его Адаму и Еве в знак прощения

и примирения. Считается, что он представляет собой копию камня, находящегося в небесном святилище Эль-Бейтул Мамур, непосредственно под троном Аллаха. Вокруг Эль-Бейтул Мамур водили хороводы ангелы, они пели псалмы и совершали молитвенные обряды, славя единого Бога и поклоняясь Ему. Аллах пожелал, чтобы у живущих на Земле людей была такая же святыня для поклонения Ему, и Он вручил Адаму блестящий белый камень, чтобы тот принес его на Землю из рая и установил в Каабе; именно Каабу Аллах решил сделать местом всеобщего поклонения Ему мусульман. Камень назвали аль-Худжр аль-Асвад, что означало «самый счастливый», так как именно он был выбран из множества других небесных камней.

Взяв аль-Худжр аль-Асвад в руки, Адам спустился из рая на землю. По преданию, это произошло на острове Шри-Ланка (Цейлон) – здесь до сих пор известна гора под названием Адамов пик, на вершину которой совершают паломничества тысячи верующих. Аллах указал Адаму путь в Мекку – место, расположенное на земле непосредственно под Его небесным троном. На этом месте Адам положил белый камень и возвел над ним первое святилище Каабы – аль-Байт аль-Харам, Священный дом. Оно стало первым храмом на Земле, посвященным единому Богу.

Населявшие Землю люди проявляли глубочайшее уважение к небесному камню; свое почитание они выражали целованием и прикосновением к нему. Кроме того, они приносили вблизи стен священного храма в жертву овец, коров и других животных. Впоследствии, рассказывает предание, белый камень почернел от людских грехов.

Во время Всемирного потопа храм Каабы был сильно поврежден, и камень был волей Божьей перемещен в более безопасное место. Святилище Каабы было возобновлено праотцом Авраамом (арабы называют его Ибрахимом).

История Ибрахима в исламской традиции отличается от той, которая изложена в Библии. Ибрахим-Авраам жил со своей бездетной женой Саррой и второй женой, египтянкой Агарью (по-арабски – Хаджарой). Однажды Ибрахиму приснилось, что Бог пожелал, чтобы он принес в жертву своего сына Исмаила. Ибрахим рассказал об этом Исмаилу, и мальчик согласился с Божьей волей. Некий странник, под обличьем которого скрывался сатана, пытался разубедить Ибрахима, но безуспешно. Тогда сатана принялся искушать Хаджару, но и это ему не удалось. Сатана обратился к Исмаилу, и тот тоже отказался внимать лукавым речам. Вся семья забросала сатану камнями, и тот бежал прочь.

Ибрахим уже приготовился принести сына в жертву, как Бог остановил его руку и сказал, что он выполнил посланное ему испытание. В награду Бог послал Ибрахиму второго сына – от бесплодной жены Сапры. Его назвали Исааком.

Со времен Всемирного потопа «черный камень» оставался скрытым от глаз людей до тех пор, пока Аллах не повелел Ибрахиму (Аврааму) восстановить Каабу. Архангел Гавриил (араб. Джибрил) привел Ибрахима в Мекку и передал ему «камень» для водворения его на прежнее место. Ибрахим с Исмаилом воздвигли над «камнем» новое святилище. С тех пор на протяжении последних четырех тысяч лет, несмотря на частые разрушения, Кааба постоянно отстраивалась на том же самом месте.

Изначально храм Каабы был посвящен единому Богу, но в последующие столетия в нем начали отправлять языческий культ Ваала, и уже во времена пророка Мухаммеда в храме, по некоторым сведениям, насчитывалось не менее 360 идолов различных языческих божеств.

В начале VII века в Каабе произошел сильный пожар, в результате которого святыня была практически разрушена. Тем не менее люди восстановили Каабу, сделав стены храма более высокими и увеличив высоту двери. Однако среди арабских племен, которые совместно занимались восстановлением храма, начались споры по поводу того, кому из них следует предоставить право установки священного «черного камня». Ни до чего не договорившись, они решили, что их рассудит первый человек,

который войдет во внутренний двор храма.

Случилось так, что первым, кто вошел внутрь храма, оказался юноша по имени Мухаммед. В то время он еще не знал предначертанной ему великой судьбы и просто имел репутацию честного и не по годам мудрого человека. Когда спорщики изложили ему суть проблемы, Мухаммед предложил план, который устроил все стороны. Он расстелил на землю платок и положил в его центре «черный камень». Затем он предложил выбрать от каждого племени по одному представителю, которые должны были встать вокруг платка. Все вместе они подняли лежащий на ткани священный «камень» и перенесли его в Каабу, где сам Мухаммед и установил камень в отведенное для него место.

В 610 году Мухаммеду, открыто выступавшему против почитания идолов его соотечественниками, было послано откровение Аллаха через архангела Гавриила. Отныне жизнь пророка уже не принадлежала ему, но была отдана на попечение того, кто призвал его к пророческой миссии. Остаток дней своих Мухаммед провел в служении Богу, повсеместно провозглашая его послания. Путь жизни, к которому призывал пророк, стал известен как «ислам», что означает «покорность воле Аллаха», а его последователи стали называться мусульманами («те, кто покоряется»).

Борьба Мухаммеда с идолопоклонством привела к всплеску вражды со стороны язычников, живших в Мекке. Жизни пророка угрожала серьезная опасность, и в 622 году Мухаммед переселился в Ясриб (позднее этот город стал называться Медина). Это путешествие Мухаммеда называется хиджра, и именно с этой даты берет свое начало мусульманский календарь.

Распространение ислама встретилось на первых порах со многими трудностями, однако в конечном итоге население Мекки приняло новую религию. Храм Кааба стал главной святыней мусульман. Но во время одного из нападений в 682 году Дом Аллаха снова был сильно поврежден, а «черный камень» разбит на куски. Позже правитель Мекки соединил вместе все куски «черного камня», перевязал их серебряным обручем, и поместил их в угловую стену храма.

Один раз в год мусульмане со всего мира совершают хадж – паломничество в Мекку, к знаменитому храму Каабы. Слово «Кааба» в переводе с арабского означает «куб». Кааба действительно имеет форму куба высотой 15 метров, сложенного из каменных плит. Святилище покрыто черным покрывалом – кисвой. По краям кисвы золотыми нитями вышиты стихи из Корана. Большую часть года Кааба скрыта под кисвой и открывается только во время паломничества – хаджа. По завершении хаджа покрывало снимают и, разрезав на кусочки, продают паломникам в виде сувениров. Таким образом, кисва ежегодно обновляется. Ее традиционно выделывают вышивальщики из Каира.

Знаменитый «черный камень» установлен на высоте около одного метра в наружном юго-восточном углу Каабы. По мнению некоторых европейских ученых, он, скорее всего, является метеоритом, упавшим с неба много тысячелетий назад. «Черный камень» имеет полукруглую форму, размерами приблизительно 30 на 40 сантиметров, и состоит из нескольких частей, перевязанных вместе серебряной нитью. От гладкой и прохладной поверхности камня исходит приятный аромат.

Камень установлен в специальной нише и заключен в серебряное обрамление. Глубокая впадина в середине камня образовалась в результате бесчисленных прикосновений и поцелуев паломников.

Поцелуи и прикосновения к священному камню являются древнейшей традицией мусульман, установившейся после того, как это сделал пророк Мухаммед. Мусульмане убеждены, что если кто-либо из верующих целует «камень» искренне, от всего сердца каясь в грехах, и семь раз обходит вокруг Каабы, призывая на помощь Аллаха, то «камень» обязательно станет свидетелем этой мольбы в день Страшного суда, когда обретет способность видеть и говорить.

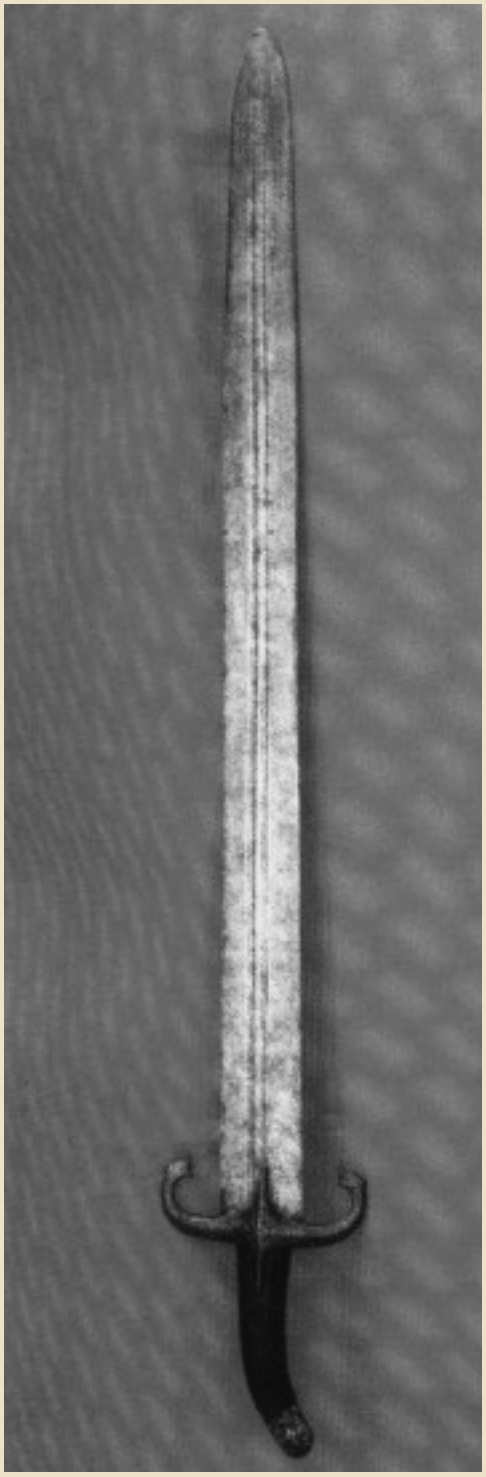
Паломники, приходящие к Каабе, должны семь раз обойти святыню против часовой стрелки. Если паломникам удается приблизиться к «черному камню», они могут коснуться его или поцеловать. Те, кто не смог приблизиться к нему, просто поднимают руки в приветственном жесте, проходя мимо «камня».

Меч пророка Мухаммеда

Местонахождение: дворец-музей Топкапы, Стамбул, Турция

Одним из наиболее известных и ярких символов мусульманского Востока является Зульфикар – меч, в соответствии с коранической традицией принадлежавший пророку Мухаммеду. Для мусульман он означает приблизительно то же, что меч короля Артура – для жителей Британии. Особенно почитают Зульфикар мусульмане-шииты. Согласно исламской традиции, после смерти Мухаммеда меч по завещанию достался Али ибн Абу Талибу, зятю пророка, который, с точки зрения шиитов, был первым и единственным законным преемником Мухаммеда (халифом).

Существуют различные варианты названия меча, отражающие региональные особенности произношения – Зульфикар, Золфагар, Тульфикар, Дульфикар, Дульфагар и т. д. Среди арабов больше распространено название «Тульфикар» (Thulfiqar), в то время как персы предпочитают именовать легендарный меч пророка Мухаммеда Зульфикаром (Zulfiqar). В зависимости от способа произношения по-разному переводится и название меча, но наиболее распространенный вариант перевода происходит от арабского Dhu al-Fiqar или Dhu'l-Fiqar – «ломающий позвонки». По другой версии, название меча происходит от арабского Dhu'l-Fakar – «обладатель метки» (из-за того, что лезвие меча имело на себе некие особые метки или знаки).

Происхождение меча окутано легендами. Рассказывают, например, что он принадлежал первому человеку – Адаму, который принес его на землю после изгнания из рая. Согласно наиболее распространенной версии, меч достался пророку Мухаммеду в качестве трофея после сражения у колодцев Бадр в 624 году, а до этого он принадлежал одному из вождей племени курейшитов. В руках пророка оружие приобрело магическую, сокрушительную силу.

По преданию, Мухаммед передал (по другой версии – завещал) Зульфикар своему зятю Али, великому воину. Большинство источников сходятся в том, что это произошло во время исторической битвы при горе Ухуд, произошедшей 23 марта 625 года. Одна из легенд утверждает, что меч для Али принес с небес сам архангел Гавриил (Джибрил) после того, как в жестокой сече тот уже сломал девять мечей. С Зуль-фикаром в руке Али бросился на вражеского предводителя, Амра ибд Абдауда, сила которого превосходила силу тысячи воинов. Никто не отваживался сойтись с ним в единоборстве. Однако для Али не было препятствий. Одним ударом волшебного меча он разрубил пополам щит противника, разбил его шлем и поверг силача на землю. Видя это, пророк Мухаммед восхищенно воскликнул: «Нет героя кроме Али, нет меча кроме Зульфикара!» В последующие века этот девиз стал боевым кличем мусульманских армий, оружейники выгравировывали его на клинках мечей.

В руке Али Зульфикар стал самым известным мечом в истории ислама. По преданию, этот меч имел два лезвия и обладал волшебными свойствами: например, им невозможно было убить невинного человека. Когда Али не сражался, он оставлял Зульфикар висеть в воздухе, просто подбрасывая его, а в случае нужды меч чудесным образом оказывался у него в руке. Считалось, что Зульфикар защищает границы мусульманского мира от врагов. Однако, как гласит известная в Средней Азии легенда, этот меч ломался, если умерший где-либо мусульманин не был похоронен. Захоронение следовало произвести как можно быстрее – для того чтобы обломки Зульфикара срослись и он снова встал на стражу границ.

Сын Али, имам аль-Хусейн ибн Али, с Зульфикаром в руках сражался против омейядского халифа Язида ибн Муавия в битве при Кербеле (Ирак) в октябре 680 года. Память об этом сражении до сих пор жива среди мусульман-шиитов. Войска Язида окружили небольшой отряд Хусейна, численность которого не превышала 300 человек. Получив несколько ран, Хусейн пал на поле битвы, почти все его люди были уничтожены. Время не смягчило горестных воспоминаний об этом событии. Шииты до сих пор переживают трагедию в Кербеле так, как будто она произошла только вчера. «Пей воду и проклинай Язида» – такую надпись можно увидеть в Кербеле на огромных кувшинах, выставленных на улице для страдающих от жажды прохожих. Считается, что само название «Кербела» происходит от выражения «карб аль-илаха» («рядом с богами»), или от «аль-курб ва аль-бала» («скорбь и беда»). А меч Зульфикар после этих событий стал восприниматься как символ чести и мученичества.

После гибели Хусейна Зульфикар перешел в руки аббасидских халифов, а затем османских султанов. Постепенно меч приобретает все более реальные очертания, окружающий его ореол легенд и преданий рассеивается. В эпоху Средневековья он становится символом военной доблести и рыцарства. Турки-османы охотно приняли и использовали символику Зульфикара. Полулегендарный меч стал одной из эмблем турецких янычаров. Его изображение помещалось на военных знаменах, на могилах павших воинов.

Существуют различные варианты изображения Зульфикара. В одних случаях он изображается с двумя параллельными лезвиями,

очевидно, призванными подчеркнуть волшебные свойства меча. Однако гораздо чаще его изображают в виде ятагана с раздвоенным острием (согласно легенде, лезвие меча раскололось, когда Али неосторожно вытягивал его из ножен). Во всех мусульманских странах изготавливались клинки, символизировавшие Зульфикар. Самые ранние из известных образцов имели раздвоенный конец, образованный треугольным вырезом. На этих клинках по традиции выгравировывалась надпись на арабском языке «Нет героя кроме Али, нет меча кроме Зульфикара!» Вариации на тему Зульфикара очень разнообразны: известны мечи-«зульфикары» с раздвоенными в вертикальной или горизонтальной плоскости остриями клинка, с «пламенеющими» или волнистыми со стороны лезвия или обуха клинками. Клинки также могли быть кривыми или прямыми и сочетаться с разными эфесами.

Ну а что же сам легендарный меч? Пройдя через столетия и приобретя поистине всемирную славу, ныне он хранится в сокровищнице дворца-музея Топкапы в Стамбуле. В Турции он известен как Дульфакар (Dhu al-Faqar). Это тот самый меч, что стал трофеем пророка Мухаммеда в битве у колодцев Бадр и в дальнейшем принадлежал имаму Али и его сыну Хусейну. На лезвии меча выгравированы две сходящиеся линии – возможно, именно отсюда родилась легенда, что меч имел два острия.

Известны еще восемь мечей, принадлежавших пророку Мухаммеду. Семь из них ныне находятся в сокровищнице дворца Топкапы. Считается, что один из них, носящий имя Кали (Кулай), – один из трех мечей, взятых пророком в качестве трофеев после сражения с еврейским племенем Бану-Курейса (Бану-Кайнака) в 627 году под стенами Медины (по другой версии, Абд аль-Муталиб, дед пророка Мухаммеда, обнаружил этот меч близ источника Земзем в Мекке). Лезвие меча имеет длину 100 см. На нем выгравирована арабская надпись: «Это – благородный меч дома пророка Мухаммеда, посланника Аллаха». Другим мечом, захваченным в сражении с Бану-Курейса, является легендарный Ал-Баттар, по преданию, принадлежавший библейскому силачу Голиафу. Следующим обладателем меча был Давид, победивший Голиафа и ставший царем Израиля. Существует легенда, что именно этим мечом Иисус Христос поразит антихриста в час своего Второго пришествия.

Меч Ал-Баттар, который также хранится в сокровищнице дворца Топкапы, называют «мечом пророков». На его лезвии (его длина составляет 101 см) выгравированы имена Давида, Соломона, Моисея,

Аарона, Иосифа, Захарии, Иоанна Крестителя, Иисуса Христа и Мухаммеда. На мече имеется также древняя надпись на языке арабов-на-батейцев и рисунок, изображающий царя Давида с отрубленной головой Голиафа.

Третий меч, принадлежащий к числу трофеев битвы при Медине, – Хатф, меч, по преданию, собственноручно выкованный царем Давидом. Он изготовлен по образцу меча Ал-Баттар, но имеет несколько большие размеры, его лезвие имеет длину 112 см и ширину 8 см. Согласно легенде, этот меч был боевым мечом царя Давида, а позже был передан им на хранение священникам-левитам. В дальнейшем меч неисповедимыми путями оказался в племени Бану-Курейса, а потом перешел в руки пророка Мухаммеда.

Меч Ал-Расуб, как считается, был фамильным мечом, долгое время принадлежавшим семье пророка. Длина его лезвия составляет 140 см. Меч украшают золотые кружки, на которых выгравировано имя некоего Джафара аль-Садыка.

Меч Ал-Матхур, известный также как Матхур ал-Фиджар, принадлежал пророку Мухаммеду еще до того, как он получил первое откровение от Бога. Он достался пророку от его отца. С этим мечом Мухаммед отправился в свое историческое путешествие из Мекки в Медину, известное как «хиджра». Ал-Матхур сопровождал пророка во всех последующих походах и по завещанию был передан его зятю Али. Длина лезвия меча составляет 99 см. Рукоять украшена двумя золотыми змеями и инкрустирована изумрудами и бирюзой; на лезвии близ рукояти имеется надпись «Абдаллах ибн Абд аль-Муталиб», выполненная старинной куфической вязью.

Шестой меч, Ал-Микдам, когда-то также принадлежал пророку Мухаммеду и от него перешел к Али ибн Абу Талибу, а от него – к его сыновьям (по другой версии, он был захвачен в качестве военного трофея Али ибн Абу Талибом во время одного из набегов на Сирию). Длина лезвия меча составляет 97 см; на нем выгравировано имя «Аль-Дин Зайн аль-Абидин» (возможно, это имя мастера). Седьмой меч, Ал-Ка-диб, скорее похож на длинный стилет (его длина составляет 100 см). Это было оружие для защиты путников и паломников. На одной стороне лезвия выгравирована длинная надпись «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его – Мухаммед ибн Абдаллах ибн Абд аль-Мута-либ». Меч Ал-Кадиб долгое время принадлежал египетским правителям из династии Фатимидов.

Меч Ал-Адб – единственный из девяти мечей пророка Мухаммеда, хранящийся за пределами Стамбула. Ныне он находится в Египте, в мечети имама Хусейна в Каире. Название меча в переводе означает «острый». Этот меч прислал Мухаммеду один из его соратников накануне сражения у колодцев Бадр. Меч Ал-Адб был в руках пророка во время битвы при горе Ухуд, а в дальнейшем омейядские и фатимидские правители использовали его в ритуальных целях: на этом мече подданные клялись в верности правящему халифу.

Реликвии дворца Топкапы

Местонахождение: дворец-музей Топкапы, Стамбул, Турция

В 1924 году по распоряжению первого президента Турецкой республики Мустафы Кемаля Ататюрка впервые распахнул свои ворота для широкой публики легендарный дворец Топкапы, на протяжении многих столетий служивший резиденцией всесильных повелителей Оттоманской империи. С тех пор посетители дворца-музея могут познакомиться не только с хранящимися здесь бесценными художественными сокровищами, но и воочию увидеть многочисленные реликвии ислама, которые в течение веков собирались и бережно хранились турецкими султанами.

Дворец Топкапы состоит из трех расположенных в ряд обширных дворов. В центре третьего двора – павильон Святой Мантии,

«Хирка-и-Саадет», в трех залах которого хранятся реликвии, связанные с именем пророка Мухаммеда.

По традиции, ежегодно 15 числа священного месяца рамадана в этот павильон торжественно приходил султан со свитой, состоявшей из высших должностных лиц империи и придворных сановников. Окруженная галереями постройка состоит из нескольких помещений, увенчанных куполами; первое из них служит вестибюлем, где в небольшом фонтане тихо журчит вода. Залы украшены майоликовыми плитками, в пестрой цветовой гамме которых преобладает светло-зеленый оттенок.

На покрытых майоликах стенах и в четырех встроенных витринах можно увидеть многочисленные реликвии ислама – сабли четырех первых халифов, ковер, принадлежавший дочери пророка Мухаммеда Фатиме, вещи, связанные с именам патриархов древности, – горшок, который принадлежал Аврааму (Ибрахиму), тюрбан Иосифа, жезл Моисея. Но главную часть экспозиции составляют реликивии, непосредственно связанные с именем основателя ислама.

В одной из комнат за стеклянной витриной можно увидеть Священное знамя пророка. Оно хранилось в специальной шкатулке зеленого цвета и извлекалось оттуда всякий раз, когда правители Оттоманской империи выступали на войну против неверных. Султан лично выносил Священное знамя к воротам дворца Топкапы и вручал его командующему войсками.

Второй по важности экспонат – мантия пророка Мухаммеда. Зал, где она хранится, украшен с изысканной роскошью – яркие цветные витражи и

серебряные решетки в окнах, золотые лампады свешиваются с потолка, всюду – мерцание золота и серебра, старинные восточные шелка. Под витым серебряным балдахином (XVI в.) покоится золотой ларец, в котором под несколькими расшитыми тканями хранится мантия пророка. Сделанная из черной шерсти, с широкими рукавами, она имеет длину 1 м 24 см.

Предание рассказывает, что однажды арабский поэт Кааб бин-Бухер преподнес Мухаммеду поэму, написанную в его честь. Восхищенный талантом поэта, пророк снял со своих плеч мантию и набросил ее на счастливого стихотворца. Потомки Кааб бин-Бухера хранили мантию как величайшую реликвию; позже ее купил у них халиф Муавийя за 20 000 частей серебра. На протяжении многих лет мантией обладали правившие в Багдаде халифы из династии Аббасидов. Накануне захвата и разрушения Багдада монголами реликвия была отправлена в Египет, где ею владели преемники Аббасидов. Турецкий султан Селим I Грозный (Явуз; правил в 1512–1529 гг.) во время своего победоносного похода в Египет захватил реликвию в качестве трофея и торжественно доставил ее в Стамбул. С тех пор мантия пророка хранится во дворце Топкапы.

В числе других реликвий – шкатулка, вырезанная из фрагмента «черного камня» Каабы; отпечаток стопы пророка Мухаммеда, его меч и волосы из его бороды; зуб, сломанный во время Хайберской войны; фляга, использовавшаяся в посмертном ритуальном омовении; земля с могилы пророка.

Чрезвычайную ценность имеет «Ахти-наме» – грамота, собственноручно написанная пророком Мухаммедом. Долгое время она хранилась в христианском монастыре Св. Екатерины на Синае. Побывав в монастыре, пророк остался чрезвычайно доволен гостеприимством синайских монахов и в благодарность за это пожаловал в 624 году монастырю Св. Екатерины охранную грамоту, в которой подтвердил все прежние привилегии, данные обители византийским императором Юстинианом, и добавил к ним новые.

Эта грамота начертана древним арабским куфическим письмом на коже газели. Текст ее заверен отпечатком руки пророка, под которой стоят подписи 21 свидетеля. Побывавший на Синае в 1843 году русский паломник А. Уманец так описывает виденную им копию «Ахти-наме»:

«Она написана на большом толстом бумажном листе красными и черными чернилами; первые употреблены там, где говорилось о Боге, о Его милостях, об особе пророка и его высоких добродетелях. Вокруг текста была кайма, расцвеченная и раззолоченная; вверху во всю ширину листа отделено место в три вершка высотою, разделенное на три равных четвероугольника, из которых в правом нарисована мечеть с минаретом под кипарисами, напоминающая храм Кааба в Мекке, в среднем засвидетельствование верности копии; в левом представлена в малом виде черною краскою десница Мухаммеда с пятью короткими пальцами, распростертыми в разные стороны».

В 1527 году подлинник письма был взят турецким султаном Селимом I Явузом в Стамбул и с тех пор хранится во дворце Топкапы.

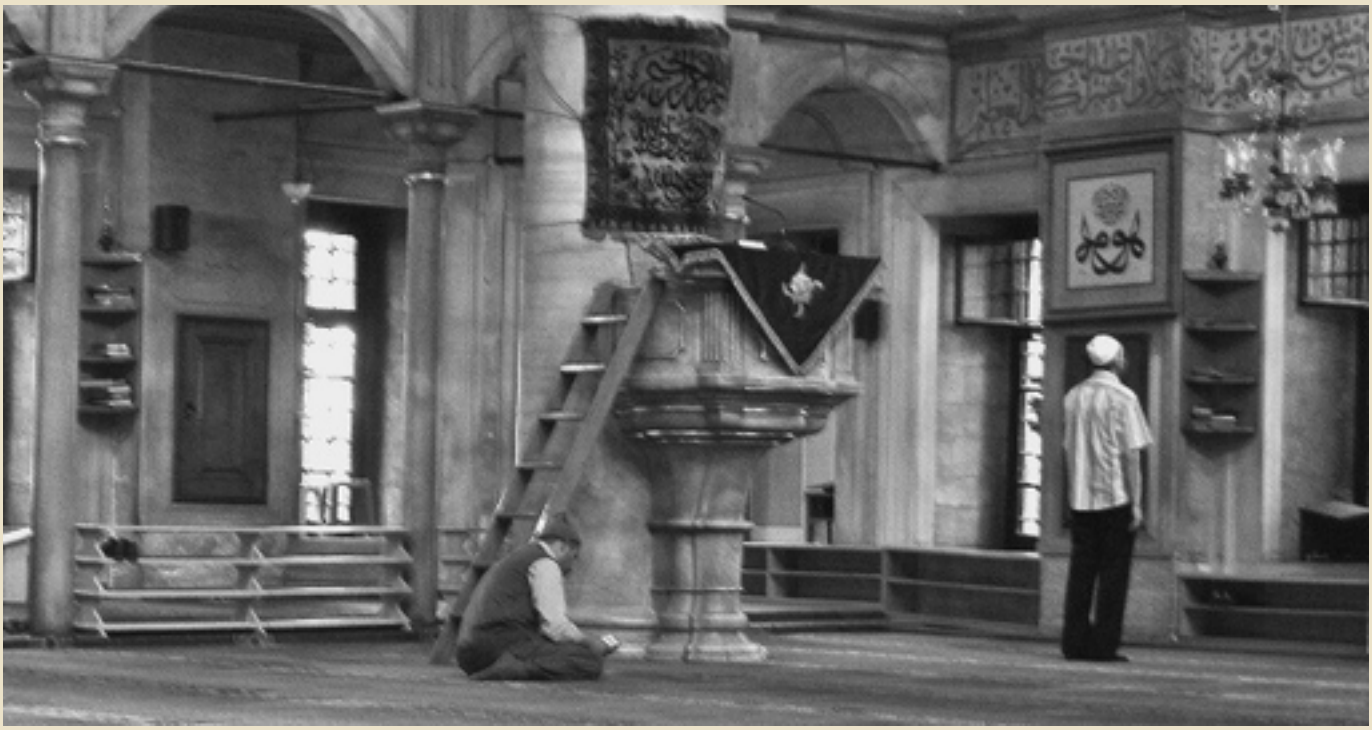
Реликвии мечети Эйюба

Местонахождение: мечеть Эйюба, Стамбул, Турция

В VII столетии, во время осады Константинополя арабами, под стенами византийской столицы пал в бою знаменосец пророка Мухаммеда – Эйюб Ансари. Эта кампания окончилась для арабов неудачей, однако Мухаммед, по преданию, произнес многозначительные слова: «Константинополь будет взят! Какая честь для армии, которая его завоюет, и какая слава для ее вождя!»

В 1453 году Константинополь был завоеван турками, исповедующими ислам. И уже спустя несколько лет им чудесным образом удалось отыскать могилу легендарного сподвижника пророка Эйюба Ансари.

На ее месте немедленно началось строительство мечети. Постепенно вокруг нее вырос даже целый район, район Эйюб. Вначале это было предместье, но затем Эйюб стал важной частью Стамбула. Эвлия Челеби так описывал его: «Это густонаселенный и процветающий район города с садами и виноградниками. Он насчитывает до 9800 дворцов и домов… Здесь же расположен рынок с 1085 лавками, где можно приобрести бесчисленное множество различных товаров… Здесь и лавки с восхитительным на вкус йогуртом и каймаком, а также популярные цирюльни. Каждую пятницу многие тысячи людей приходят на могилу святого Абу Эйюба, а рынок при этом приобретает море покупателей».

Мечеть Эйюб-джами стала первой мечетью, построенной турками после взятия Константинополя. Сооружена она в 1458 году. Мусульмане высоко чтут мечеть Эйюба, потому что здесь находится мавзолей (тюрбе) Эйюба Ансари, а также хранятся священные реликвии, в том числе камень с отпечатком ступни пророка, привезенный из Мекки. По преданию, на нем стоял пророк Мухаммед, когда наблюдал за постройкой Каабы.

Мечеть Эйюба традиционно была местом коронации владык Османской империи, во время которой султан, вступавший на престол, опоясывался мечом, хранившимся в мечети Османа. Текущий во дворе мечети источник верующие почитают священным и исцеляющим. Вокруг мечети, под сенью платанов и кипарисов, похоронены жены султанов, министры, генералы, евнухи, шейхи. Сразу же за мечетью и до самой вершины холма, покрытого кипарисами, тянется одно из самых больших кладбищ Стамбула.

Мечеть сложена из белого мрамора. При весьма впечатляющих размерах она очень проста, не имеет колонн и украшений. Купол покоится на четырех столбах, вделанных в стены. Около мечети возвышаются два стройных минарета, как «две руки, возносящие молитвы к Богу».

Тюрбе Эйюба Ансари представляет собой небольшое здание, стены которого внутри облицованы майоликой. В центре зала расположено высокое надгробие, убранное темно-зеленым покрывалом, расшитым золотом и серебром. Могила окружена высокой серебряной оградой, в углах которой стоят массивные, тоже серебряные, подсвечники. В зале разложены древние рукописи Корана. Во времена Османской империи у гроба Эйюба служители мечети днем и ночью читали Коран.

Если многие мечети Стамбула даже в праздничные дни не заполнены верующими, то в Эйюб-джами всегда многолюдно. Во дворе среди мусульман, пристроившихся на бортиках фонтана, на камнях или просто сидящих на корточках и ведущих неторопливую беседу, важно прохаживается аист, пользующийся здесь особым расположением, и бегают сотни голубей, которых кормят зерном верующие (зерно они покупают у специальных продавцов, которые сидят во дворах почти всех мечетей).

До недавнего времени лишь правоверный мусульманин, и только после нескольких омовений и молитв, удостаивался чести приблизиться к священным реликвиям мечети Эйюба; «неверные» не имели права даже взглянуть на них. Ныне мечеть Эйюба и тюрбе открыты для всех иностранных туристов независимо от их вероисповедания.

Реликвии мечети Бадшахи

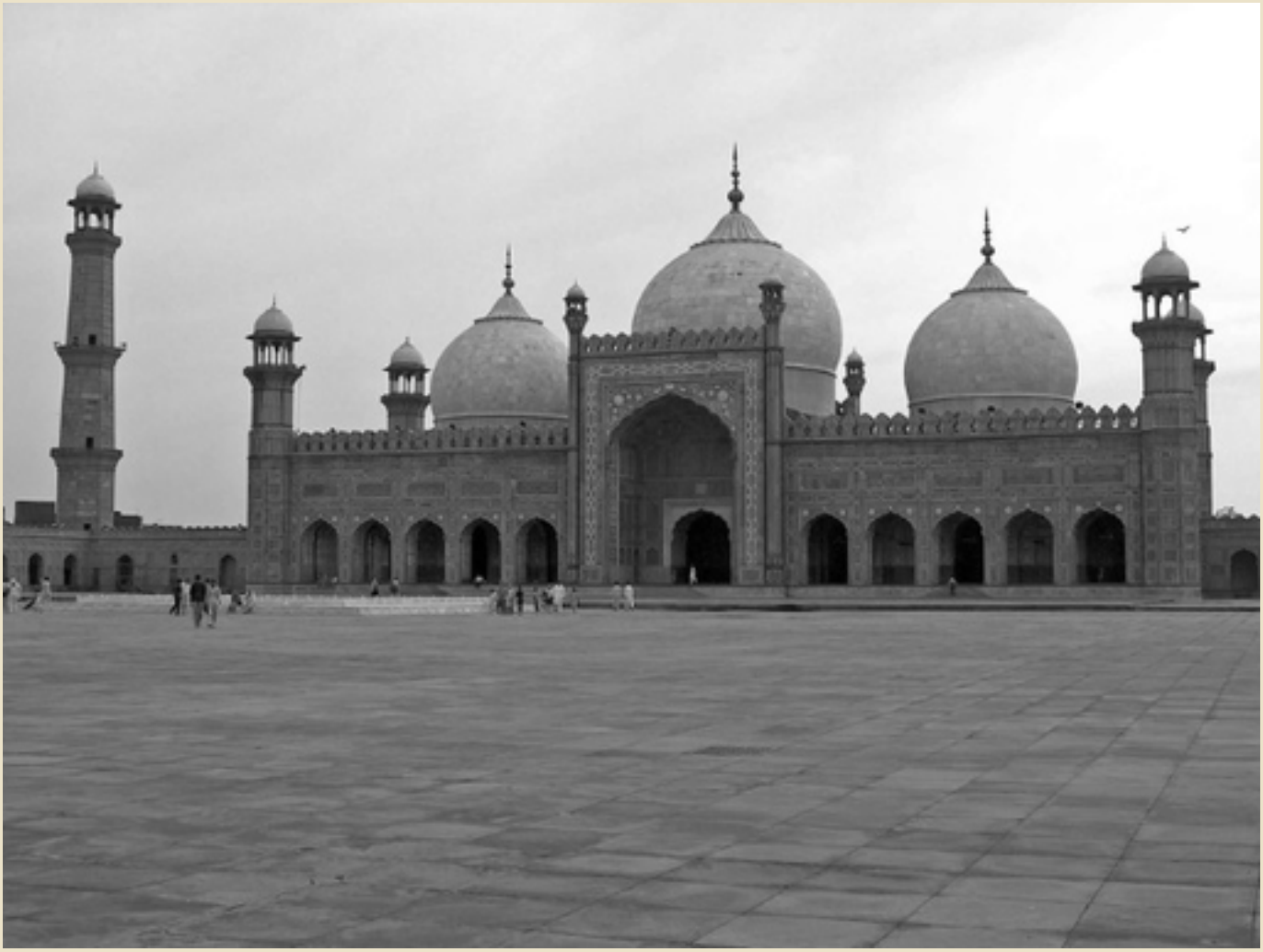
Местонахождение: мечеть Бадшахи, Лахор, Пакистан

Предание рассказывает, что город Лахор, расположенный на восточном берегу реки Рави, основал в незапамятные времена легендарный Лох – сын Рама Чандры, героя индийской эпической поэмы «Рамаяна». Впрочем, по другим сведениям, название города происходит от слова «лохавар» – крепость из стали.

Пик славы Лахора приходится на эпоху Великих Моголов. На протяжении четырнадцати лет, с 1584 по 1598 год, здесь располагалась

резиденция третьего могольского императора, Акбара. При преемниках Акбара Лахор сохранил свою роль одной из императорских резиденций. Правители из династии Великих Моголов подолгу жили здесь и украшали город новыми великолепными постройками. Последний из Великих Моголов, Аурангзеб (1658–1707), построил в Лахоре знаменитую мечеть Бадшахи – «Императорскую мечеть», воплотившую в себе весь блеск и великолепие могольской эры. Строительство мечети заняло приблизительно два года, с мая 1671 года по апрель 1673 года.

Бадшахи – одна из самых больших мечетей в мире. Жители Лахора вообще убеждены, что она самая большая в мире. Действительно, мечеть Бадшахи долгое время удерживала за собой это звание, но время не стоит на месте, и сегодня она откатилась во второй десяток крупнейших мечетей мира. В Пакистане она занимает второе место, уступив первенство мечети Шаха Фейсала в Исламабаде.

Но если по размерам Бадшахи все-таки не самая большая мечеть в мире, то она точно не имеет себе соперников по красоте и элегантности. Центром ансамбля служат три огромных, удивительно симметричных беломраморных купола, похожих на воздушные шары. С их белизной резко контрастируют красные минареты, построенные из песчаника, и ярко-синее жаркое небо. Мечеть построена на высокой платформе, и к ее главному входу с трех сторон ведут лестничные марши из двадцати двух ступеней, заканчивающиеся у сложенной из красного песчаника террасы. Здесь расположен главный вход в мечеть – увенчанный множеством башенок двухъярусный павильон высотой 19,8 м, выстроенный из белого мрамора и красного песчаника в традиционном для могольской архитектуры стиле, с высоким трехцентровым сводом, продуманно украшенным резьбой.

В верхнем ярусе главного входа расположен маленький музей, где в стеклянных витринах хранятся многочисленные реликвии ислама, общим числом двадцать семь. Среди них – зеленый тюрбан пророка Мухаммеда, отпечаток его ноги на камне-песчанике и его белое знамя с вышитыми на нем стихами Корана; платки, собственноручно вышитые Фатимой, дочерью пророка; первая глава Корана, переписанная рукой праведного халифа Али – племянника и зятя Мухаммеда; платок убитого в Кербеле Хусейна – сына Али, со следами его крови.

Большинство этих реликвий, как утверждает предание, были привезены в Лахор великим завоевателем Тимуром – «железным хромцом».

Первоначально они хранились в императорском дворце Шиш-Махал (Зеркальный дворец), а в 1883 году были переданы в мечеть Бадшахи. До недавнего времени в галерее реликвий хранились и туфли пророка Мухаммеда, однако они были похищены в 2002 году. В связи с этим ставился вопрос о переносе реликвий в Лахорский музей в целях обеспечения безопасности, однако в итоге было решено оставить их в мечети, где они являются объектами почитания. Ежегодно огромное число паломников приезжает в Лахор только для того, чтобы воочию увидеть священные реликвии ислама.

Зуб Будды

Местонахождение: храм Далада Малигава, Канди, Шри-Ланка

Зуб Будды – одна из главных реликвий буддизма, известная во всех странах буддийского мира, но объектом самостоятельного культа она является только на острове Шри-Ланка. Здесь, в 120 км от столицы Республики Шри-Ланка – Коломбо, – находится древний город Канди, бывшая столица островного королевства, сохранявшего свою независимость до 1815 года. С 1540 года Канди был резиденцией сингальских королей.

Канди расположен в горной долине. По склонам окрестных гор разбросаны чайные фабрики, а внизу, в озере Канди, отражается величественный храм Далада Малигава – храм Святого Зуба, зуба Будды. Мерные звуки барабанов, в которые бьют буддийские монахи по утрам и вечерам, эхом разносятся среди горных утесов…

Легенда рассказывает, что в момент кремации земного тела Будды один из его учеников выхватил из погребального костра зуб учителя. В течение восьми столетий эта реликвия хранилась в Индии. В 371 году правитель княжества Калинга, терпя поражения в войнах и опасаясь за судьбу своего государства, решил отправить святыню на Цейлон. Его дочь принцесса Хемалатха спрятала зуб Будды у себя в прическе и переправила реликвию на остров.

Сведения о дальнейшей судьбе реликвии крайне противоречивы. Сингальские (сингалы – основное население Шри-Ланки) хроники

утверждают, что зуб Будды ни разу не покидал пределы острова и лишь однажды, во время войны с португальцами в 1560 году был спрятан в укромном месте, чтобы не попасть в руки врага. В то же время в Бирме (Мьянме) рассказывают, что в X веке, в период расцвета Паганского царства, зуб Будды был вывезен в Бирму и долгое время находился там. А в Индии считают, что в XIII столетии, во время индосингальской войны, зуб Будды был захвачен индийским правителем и увезен в Индию, и лишь за большой выкуп сингалы сумели вернуть реликвию на остров.

С давних времен существовало поверье, что зуб обладает волшебной силой: кому он принадлежит, тому принадлежит власть. Поэтому зуб Будды всегда принадлежал королевской династии и хранился во дворце сингальских королей. Первоначально он находился в городе Анурадхапуре, затем его перенесли в Полоннаруву, а в начале XVIII века зуб был переправлен в Канди. Тогда специально для хранения реликвии и был построен храм Далада Малигава. С той поры и до сегодняшнего дня храм стал местом паломничества сотен тысяч буддистов.

Португальцы, высадившиеся в XVI веке на острове, в 1560 году стерли Канди с лица земли и истолкли в порошок «священный зуб». Но он появился вновь и снова стал предметом поклонения.

Ныне зуб Будды покоится в специальном хранилище, за решетками комнаты, постоянно охраняемой двумя монахами, в ковчеге, состоящем из семи золотых, вложенных друг в друга сосудов. Зал, в котором хранится зуб, запирается на три замка, а ключи от них хранятся у трех монахов.

По утрам старинные золотые чаши, стоящие в зале, наполняют жертвенным рисом и молоком. Дважды в день реликвию орошают водой из золотых кувшинов.

Фотографировать реликвию строго запрещено. Из европейцев ее видели всего несколько человек, в том числе немецкий ученый-естествоиспытатель Геккель. Побывав в 1881 году в Канди, он выразил сомнение в том, что «кусок слоновой кости длиной 5,5 сантиметра и толщиной 2,5 сантиметра» мог вообще принадлежать человеку, пусть даже и Будде. Теперь «священный зуб» не показывают никому из иностранцев.

С храмом Далада Малигава связан праздник нового урожая риса – Ахитсахал. С рисового поля, дарованного некогда царем храму и расположенного в пяти километрах от Канди, собирают первый урожай риса и привозят его в храм. Здесь рис варят в воде, взятой из колодца храма Далада Малигава, подносят его для освящения к «зубу Будды», а затем раздают нищим и паломникам.

В честь «священного зуба» уже несколько сот лет ежегодно устраивается праздник Эсала Перахера – один из важнейших национально-религиозных праздников Цейлона. Он длится четырнадцать дней и достигает своей кульминации в августовское полнолуние. «Эсала» – последний месяц лета на Цейлоне, а Перахера – это нечто вроде христианского крестного хода.

Для участия в процессии из храма «Зуба Будды» выносят священные изображения и символы. Ниламе, настоятель храма Далада Малигава, выносит золотую шкатулку с «зубом Будды» и бережно ставит ее в сверкающий драгоценностями паланкин, который устанавливают на

спине слона.

Главное событие праздника – шествие слонов в великолепном праздничном убранстве. Их бивни украшены серебром. Нигде невозможно увидеть такое множество слонов сразу, как в Канди во время праздника Эсала Перахера. Торжественная процессия слонов важно марширует мимо храма «Зуба Будды». Один из слонов, «королевский», несет на своей спине разукрашенный ларец со «священным зубом», за ним вышагивают еще сто слонов. Шествие слонов неторопливо движется по улицам Канди на радость множеству туристов, которые съезжаются в эти дни в Канди со всего света. Замыкает процессию толпа паломников.

Участники праздника, согласно предписанному ритуалу, одеты в национальные сингальские костюмы. С веками в это религиозное празднество вплелись элементы народных увеселений: барабанщики, танцоры, фейерверки, выступления актеров в масках, а вечером – шумное гулянье на главных улицах бывшей королевской столицы, украшенной флагами и факелами, – все это стало неотъемлемой частью праздника Эсала Перахера.

Изумрудный Будда

Местонахождение – храм Ват Пра Кео, Бангкок, Таиланд

«Над городом гордо высятся зубчатые стены королевской резиденции, золотые верхушки дворцов и храмов… Цветные изразцы, блестки, кристаллы, позолота на тонких высоких башнях горят огнем под яркими лучами тропического солнца. То здесь, то там вспыхивает пурпуровый, белый, синий, красный, голубой свет, который играет, точно бенгальский огонь на белых шпилях, осыпанных кристаллами и стеклярусом», – писал о Бангкоке французский путешественник де Воллан. Этот прекрасный город много раз удостаивался от восхищенных европейцев самых восторженных эпитетов: «Дитя Парижа», «Венеция Востока», «Город ангелов». Сами же тайцы величают свой город еще более пышно – Город богов, Великая столица мира, одаренная девятью драгоценностями, Город, дарованный богом Индрой, Резиденция Изумрудного Будды…

Название храма Изумрудного Будды (Ват Пра Кео) носит самый известный и наиболее почитаемый храм Бангкока. Он построен в 1782–1784 годах и расположен на территории старого королевского дворца. В стенах храма Ват Пра Кео хранится главная святыня Таиланда – знаменитая статуя Изумрудного Будды, по преданию, подаренная тайцам древним индийским царем Ашокой – первым правителем Южной Азии, принявшим буддизм.

Впрочем, это только одна из множества легенд, окружающих таинственного Изумрудного Будду. Говорят, например, что скульптуру вырезали небожители в течение семи дней и ночей. На землю ее в незапамятные времена доставил король ангелов, он же возвел дворец, где поместил изображение божества. Согласно другой версии, фигуру Будды вырезал в Индии некий древнегреческий скульптор. Наконец, еще одно предание утверждает, что Изумрудный Будда был создан в Индии мастерами города Паталипутра (ныне Патна) в 43 году до н. э. Статуя хранилась в Паталипутре на протяжении трехсот лет. Спасая реликвию от вспыхнувшей в Индии гражданской войны, поклонники Изумрудного Будды переправили статую на остров Цейлон (Шри-Ланка). В 457 году бирманский король Анерут отправил на Цейлон миссию с просьбой прислать в Бирму священные буддийские книги и Изумрудного Будду с тем, чтобы способствовать распространению буддизма в его стране. Просьба его была удовлетворена, однако корабль, на борту которого находился драгоценный груз, по пути в Бирму попал в шторм и был отнесен далеко к востоку, где после долгих злоключений в итоге пристал к побережью Камбоджи. Таким образом Изумрудный Будда оказался в распоряжении могущественных королей Ангкора. Когда сиамцы (тайцы) захватили Ангкор, Изумрудный Будда был отправлен ими в качестве трофея в Аюттхаю, тогдашнюю

столицу Сиама (камбоджийские источники утверждают, что на самом деле статуя была не захвачена, а подарена сиамскому королю).

Существует и еще одна версия происхождения Изумрудного Будды. Некоторые историки искусства отмечают, что эта статуя выполнена в стиле Чанг Саен, в XV столетии получившем распространение в северном Таиланде, и следовательно, является изделием местных мастеров. В Средние века на севере Таиланда располагалось могущественное королевство Ланна (Ланнатаи), основанное в 1259 году королем Менграем Великим. Оно состояло из нескольких полунезависимых городов-государств, группировавшихся вокруг столицы – города Чиангмай. Именно к этому периоду молва относит чудесное обретение Изумрудного Будды.

Судя по всему, к этому времени первоначальная история Будды – если таковая имелась – была уже основательно забыта. В 1434 году в руки монахов монастыря Чианграй попала невзрачная алебастровая статуэтка, о которой было известно только, что это великая святыня, которой домогаются многие правители. Но в чем состоит ее секрет?

В одну из ночей 1436 года в старую пагоду монастыря Чианграй ударила молния и разрушила ее. Большая трещина появилась и на алебастровой статуе Будды. И через образовавшуюся щель монахи увидели мягкое изумрудное сияние! Как оказалось, изваяние Будды было целиком высечено из огромного… нет, не изумруда, а из не менее редкого цельного куска нежно-зеленого нефрита, и это не делает Изумрудного Будду менее ценным. Высота статуи составляет около 70 см (разные источники называют разные цифры: 45 см; 61 см; 66 см; 75 см).

Есть и другая версия этого события (вообще вся история Изумрудного Будды чрезвычайно запутана!): будто в разрушенной молнией старой ступе, в которой хранились священные реликвии, обнаружили *золотую* статую Будды, а золото с нее осыпалось, обнажив нефрит, гораздо позднее, когда статуя уже находилась в храме Ват Пра Кео в Бангкоке.

Как бы то ни было, узнав о произошедшем событии, правитель Чиангмая пожелал, чтобы статуя находилась в его городе. Во главе торжественной процессии Изумрудного Будду вынесли из ворот монастыря Чианграй, погрузили на спину большого слона, и вся кавалькада двинулась по направлению к королевской столице. Однако слон упрямо поворачивал в другую сторону – по направлению к городу Лампанг. После того как слон повернул в третий раз, все усмотрели в этом знамение свыше. Таким образом, статуя оказалась в Лампанге, где оставалась до 1468 года. Лишь после этого ее наконец перенесли в Чиангмай.

В 1552 году королем Чиангмая стал лаосский принц Сеттхатират. Через некоторое время умер его отец, король Лаоса, и принц вернулся на родину, спеша занять освободившийся престол и захватив с собой Изумрудного Будду. В течение 215 лет статуя божества находилась в храмах Луангпрабанга и Вьентьяна.

В 1779 году тайский генерал Чакри (будущий король Сиама Рама I) захватил лаосскую столицу и с большой помпой возвратил Изумрудного Будду в тогдашнюю тайскую столицу Тхонбури (ныне в черте Бангкока). Став королем Сиама, Рама I начал в 1782 году строительство специального храма для Изумрудного Будды – Ват Пра Кео. 22 марта 1784 года статуя

была торжественно перенесена в свою новую резиденцию.

Каково бы ни было происхождение Изумрудного Будды, те, кто воздают ему почести, верят, что это божество обладает магической силой. Трижды в год – в марте, июле и ноябре – правящий король Таиланда совершает торжественный ритуал переоблачения статуи в новое одеяние. Существуют три комплекта одеяний Изумрудного Будды, каждый из которых соответствует трем сезонам: жаркому, дождливому и прохладному. Все они выполнены из чистого золота и отличаются только художественным оформлением. Два комплекта золотой одежды, временно не использующиеся, демонстрируются в павильоне королевских регалий, расположенном по соседству с храмом Ват Пра Кео.

Когда с залитой ярким солнцем открытой площадки входишь в храмовый полумрак, поначалу кажется, что опалово-зеленое изображение Будды в глубине помещения словно бы парит в воздухе, густо насыщенном запахом благовоний. При ближайшем рассмотрении оказывается, что статуя сидящего в позе лотоса божества, подсвеченная лучом света, поднята на пьедестал высотой в два человеческих роста, символизирующий воздушную колесницу. Будда облачен в перекинутую через плечо тогу из чистого золота, над его головой – пять золотых корон, одна выше другой. Уменьшаясь в размерах, они образуют пирамиду, верхушка которой уходит под широкий балдахин в форме остроконечного зонта, увенчанного длинным шпилем.

По сторонам статуи помещены две стеклянные сферы, символизирующие Солнце и Луну. Ниже статуи располагаются богато украшенные вазы, чаши с благовониями, всевозможные подношения. По обе стороны пьедестала установлены статуи бодхисатв, олицетворяющих королей правящей династии Чакри. Слева и справа от средней части алтаря выдвинуты вперед на пьедесталах еще две фигуры бодхисатв в рост человека. Над каждой стоящей фигурой высокая корона-пирамидка. Все это сооружение блестит золотом, сверкает драгоценными камнями.

Войдя в храм, люди склоняются в поклоне, усаживаются на скрещенные ноги или становятся на колени, опускают голову, поднося к ней сложенные вместе ладони. И так застывают, изредка поднимая голову и руки к алтарю, к мерцающей в полумраке статуе Изумрудного Будды. Полумрак, негромкий гул голосов шепчущихся между собой людей, мерцание свечей, дым курящихся благовоний создают атмосферу торжественности и таинственности.

Будда Пра Банг

Местонахождение – Национальный музей в бывшем Королевском дворце, Луангпрабанг, Лаос.

Будда Пра Банг, или «Священный Золотой Будда» – национальный символ Лаоса и одна из самых почитаемых реликвий буддизма. Его имя носит древняя столица этой страны, город Луангпрабанг. Луанг – это производная от «Накхон Луанг», что означает столица, а «Пра» означает «священный». Таким образом, название Луангпрабанг переводится как «Священная столица Золотого Будды».

В древности этот город именовался иначе – Мыон Шва (Муан Суа). Его основал в VIII столетии нашей эры принц Кхун Ло, старший сын правителя королевства Наньчжао, располагавшегося на юге Китая. В середине XIV столетия Фа Нгум, правитель Мыон Шва, объединил земли в среднем течении Меконга в единое королевство, получившее название Лан Санг Хом Кхао («Страна миллиона слонов и белого зонтика»). Его территория распространялась почти на весь современный Лаос и северовосточную часть Таиланда. Первым королем «Страны миллиона слонов» стал Фа Нгум (1353–1373).

Свои владения Фа Нгум приобрел и объединил с помощью огня и меча, но чтобы стать в глазах подданных подлинно законным правителем страны, ему требовалась помощь высших сил. Фа Нгум вырос в Камбодже, при дворе правителей могущественного Ангкора, и еще в 1338 году женился на дочери кхмерского короля. И именно к королю Камбоджи обратился за помощью Фа Нгум: взамен за поддержку могущественного тестя он обещал всемерно способствовать распространению на подвластных ему землях буддизма Теравады – наиболее консервативного течения в буддизме, приобретшего широкую популярность на Цейлоне (Шри-Ланка), в Таиланде и Камбодже. И хотя буддизм впервые был

принесен в Лаос, вероятно, еще в VIII столетии и повторно начал распространяться в XII столетии кхмерами, большая часть лаосцев продолжала исповедовать традиционные культы, включающие в себя первобытный анимизм и поклонение духам предков. Теперь буддийская религия должна была освятить власть первого лаосского короля и обеспечить ее законность как в глазах подданных, так и в глазах соседних монархов.

В 1359 году в Мыон Шва прибыла торжественная процессия буддийских монахов из Ангкора. Вместе с ними в столицу Страны миллиона слонов приехали ученые, знатоки астрономии и буддийских сутр и ремесленники, умеющие строить и украшать буддийские храмы-ваты. Они привезли с собой священные тексты на языке пали и драгоценную реликвию, которой кхмерский король благословлял своего зятя – золотую статую Будды Пра Банг.

По преданию, эта статуя изготовлена на Цейлоне в I веке н. э. и позже была подарена кхмерскому королю Пхайя Сиричанта, однако современные ученые отмечают, что создатели Золотого Будды явно вдохновлялись кхмерскими художественными традициями, так что, скорее всего, местом его изготовления следует считать Ангкор или какой-либо иной культурный центр раннесредневековой Камбоджи. Во всяком случае, известно, что в XI веке статуя хранилась в Ангкоре. Изготовленная из сплава золота, серебра и бронзы (доля золота в сплаве составляет около 80 %), она имеет высоту 83 см и весит 54 килограмма. Будда изображен в полный рост, с руками, согнутыми в локтях, и поднятыми ладонями вперед. Подобный жест известен как абхайя-мудра и означает покровительство и защиту. Таким образом, Будде Пра Банг предстояло стать покровителем и защитником Лаоса и обеспечивать благополучие короля и его подданных.

Золотая статуя была первоначально установлена в королевском дворце, а затем перенесена в храм Ват Кео. Под покровительством Будды Пра Банг Фа Нгуму удалось достичь больших успехов. Принятие единой для всей страны религии значительно способствовало усилиям короля по объединению покоренных им земель, и к концу правления Фа Нгума Лаос стал одним из крупнейших государств Юго-Восточной Азии. Для преемников Фа Нгума Будда Пра Банг стал символом их права управлять Лаосом: считалось, что только истинный и законный король мог надеяться на покровительство священного образа.

Высшие сановники государства приносили присягу на верность королю перед статуей Золотого Будды. А перед началом сельскохозяйственных работ вокруг королевской столицы устраивались многолюдные процессии со статуей Будды Пра Банг: считалось, что покровительство божества обеспечит хороший урожай.

На рубеже XV–XVI веков Лаос оказался в полосе нестабильности. Временами ситуация становилась настолько тревожной, что священную реликвию королевства требовалось перемещать из одного места в другое, более безопасное. Известно, что в 1489 году Будда Пра Банг хранился в храме Ват Канг, в 1502 году – в храме Ват Манором, в 1513 году – в храме Ват Висун. В 1563 году в связи с угрозой внешнего вторжения король Сетхатхират перенес столицу страны из Луангпра-банга во Вьентьян. Туда же была перевезена и статуя. Отныне ее резиденцией на несколько веков

стал храм Ват Пра Кео, построенный специально для Золотого Будды.

Длившиеся десятилетиями внутренние конфликты в итоге привели к распаду королевства Лан Санг в 1707 году на три независимых государства со столицами в Луангпрабанге, Вьентьяне и Чампассаке. Будда Пра Банг остался во Вьентьяне, и, таким образом, правители этого княжества могли законно претендовать на право считаться верховными правителями всего Лоаса. Однако внутренние раздоры в итоге привели к тому, что в 1778 году вторгшиеся в Лаос сиамцы (тайцы) захватили Вьентьян, разграбили и разрушили город, захватили и вывезли в Таиланд статую Золотого Будды. В течение трех лет Будда Пра Банг находился в Бангкоке и был возвращен в Лаос в 1782 году. В 1828 году войска Сиама вновь вторглись в Лаос и вновь захватили Золотого Будду. На этот раз Будда Пра Банг оставался в Бангкоке почти полвека – лаосцы вновь обрели его только в 1867 году. Будда Пра Банг был временно размещен в Королевском дворце в Луангпрабанге, а затем перенесен в храм Ват Висун, где оставался до 1887 года. Тот год стал черной страницей в истории Лаоса: вторгшиеся в страну китайские агрессоры захватили древнюю столицу Луангпрабанг и разрушили много храмов. Правда, Золотого Будду удалось спасти. Статую перенесли в храм Ват Май, где она оставалась до 1947 года, когда Золотого Будду торжественно перенесли в Королевский дворец в Луангпрабанге.

Несмотря на все последующие политические бури и войны, священный образ Будды Пра Банг до сих пор находится в стенах Королевского дворца, хотя сам дворец уже давно сменил не только свои прежние функции, но и название, и с 1975 года именуется Национальным музеем Луангпрабанга. И само здание бывшего дворца сравнительно новое: оно построено в 1904 году на месте, где когда-то стоял сожженный китайцами старый Королевский дворец. В стенах музея хранится много ценных произведений искусства, но самым дорогим экспонатом является статуя Будды Пра Банг – национальная реликвия Лаоса. Она до сих пор остается объектом почитания. Ежегодно в апреле, в третий день праздника Пимай – лаосского Нового Года, Будду Пра Банг во главе многолюдной торжественно несут из Королевского дворца в храм Ват Май, где совершается традиционный обряд омовения статуи.

Поблизости от Королевского дворца уже заканчивается строительство нового храма, который в самом ближайшем будущем должен стать новой резиденцией Золотого Будды. Между в среде специалистов тем не утихают споры о том, насколько аутентичен Будда Пра Ванг. Высказываются весьма обоснованные подозрения, что за свою долгую и достаточно драматичную историю священный образ мог быть подменен, так что ныне почитаемая статуя – вовсе не та, что привез когда-то в Луангпрабанг король Фа Нгум. Широко распространена также версия о том, что настоящий Будда Пра Ванг по соображениям безопасности хранится в сейфе Национального банка Лаоса во Вьентьяне, а в Национальном музее выставлена только его копия.

Реликвии Сарипутры и Махамогальяны

Местонахождение: монастырь Четийягири-Вихара, Санчи, штат Мадхья-Прадеш, Индия

В буддийской литературе говорится о восьмидесяти первых учениках, сопровождавших Будду. Двое из них, Сарипутра и Махамогальяна, считались, соответственно, правой и левой опорой Будды. Не раз Будда произносил похвалу в адрес двух этих учеников-монахов. Он говорил: «Как предводители всепобеждающего царя искусно управляют царством, так и эти мои два предводителя веры проведут вперед колесо Закона».

Сарипутра и Махамогальяна скончались друг после друга с интервалом в две недели. После смерти их тела были кремированы. Из разных источников известно, что останки двух учеников Будды сохранялись как реликвии и служили предметом почитания, однако в эпоху Средневековья эти реликвии были утрачены, и их следы полностью затерялись.

Прошло пятьсот лет. В 1818 году британский генерал Тейлор открыл миру ныне знаменитый буддийский архитектурный комплекс в Санчи, расположенный в нескольких километрах к северу от города Бхопал. Он был сооружен в эпоху царя Ашоки (ок. 273–232 гг. до н. э.) из династии Маурьев, который всячески способствовал распространению буддизма. Ко времени его правления относится строительство множества ступ – буддийских святилищ. Одна из них, знаменитая Большая Ступа, ныне

является центром комплекса в Санчи. Сегодня она представляет собой самый древний памятник буддийской архитектуры в Индии. Большую Ступу со всех сторон окружают другие, меньшего размера, ступы, а также буддийские монастыри и храмы, памятные колонны и другие сооружения. Весь этот обширный комплекс разновременных сооружений создавался на протяжении почти тысячи лет (III в. до н. э. – XII в. н. э.).

В 1851 году известный британский археолог сэр Александр Каннингем начал исследования памятников Санчи. Его внимание привлекла так называемая ступа № 3, расположенная в нескольких метрах к северо-западу от Большой Ступы. Она была построена приблизительно в 150–140 годах до н. э. Вершину ступы увенчивало некое подобие короны, очевидно, призванное подчеркнуть особое религиозное значение этого сооружения.

Проникнув внутрь ступы через ее единственный вход, Каннингем обнаружил в центре сооружения уходящую вглубь шахту, полузасыпанную щебнем и различным мусором, накопившимся за многие века. Расчистив ее до самого дна, археологи наткнулись на большую каменную плиту длиной более полутора метров, строго ориентированную по оси север – юг. Подняв плиту, ученые с волнением увидели под ней две таинственных каменных урны, высеченные из серого песчаника, крышки которых покрывала причудливая вязь старинного индийского письма «брахми»…

Краткая надпись на урне, лежавшей под южным концом плиты, гласила: «Сарипутаса» – «[Реликвии] Сарипутры», в то время как урна, располагавшаяся под северным концом, была помечена надписью «Махамогаланаса» («[Реликвии] Махамогальяны»). Каждая из урн содержала в себе большую плоскую шкатулку из белого стеатита (мыльного камня) шириной более чем шесть дюймов и высотой три дюйма. Поверхность шкатулок была тщательно отполирована. На внутренней поверхности крышек были сделаны краткие надписи: «Са» – на шкатулке из южной урны, и «Ма» – на шкатулке из урны северной. Первая шкатулка содержала в себе небольшой фрагмент обгоревшей человеческой кости длиной менее одного дюйма, вторая – два подобных же фрагмента.

Изучив находки, Каннингем пришел к заключению, что перед ним – останки двух знаменитых учеников Будды. После смерти «левая и правая опоры Будды» были похоронены в точном соответствии с тем положением, какое они занимали при жизни: как известно, Будда обычно сидел лицом на восток, и таким образом Сарипутра и Махамогальяна располагались соответственно к югу (справа) и к северу (слева) от него.

Приблизительно в то же самое время в одной из ступ буддийского комплекса в Сатадхара, известного как «Будда Бхита» («Памятники Будды»), приблизительно в десяти километрах от Санчи, были найдены еще две стеатитовые шкатулки, которые, судя по надписям «Сари-путаса» и «Махамогаланаса», также содержали в себе останки двух учеников Будды. Ступа в Сатадхара была разграблена еще в древности, однако реликвии, судя по всему, остались нетронутыми.

Археологи отправили шкатулки с останками в Англию, в музей Виктории и Альберта. Много позже были выявлены некоторые несоответствия между описанием шкатулок, сделанных Каннингемом, с их реальным обликом. Повторное исследование подтвердило этот

прискорбный факт: по-видимому, кто-то на каком-то этапе положил реликвии, найденные в Санчи, в шкатулки, обнаруженные в Сатадхара. Судьба подлинных шкатулок из Санчи, таким образом, осталась неизвестной.

Как бы то ни было, священные реликвии оставались в музее Виктории и Альберта вплоть до 1940-х годов. В 1939 году индийское буддийское общество Махаводхи обратилось к британскому правительству с просьбой вернуть реликвии в Индию. Англичане согласились, однако начавшаяся в том же году Вторая мировая война отложила решение вопроса в долгий ящик. В результате передача реликвий состоялась только 24 февраля 1947 года.

Прежде, чем вернуться в Индию, реликвии проделали долгий путь. Сначала их доставили на Цейлон (ныне Шри-Ланка), где были торжественно встречены местными буддистами. В течение двух с половиной месяцев реликвии были выставлены для всеобщего обозрения и поклонения в музее Коломбо, и за это время им воздали почести более двух миллионов человек. После этого реликвии были отправлены в Калькутту, где в течение двух недель демонстрировались в монастыре Дхар-мараджика-Вихара, штаб-квартире индийского общества Махаводхи. Все эти две недели ко входу в монастырь выстраивались длинные очереди. В числе паломников было даже много мусульман.

Из Калькутты реликвии Сарипутры и Махамогальяны отправились в длительное турне по Бирме (ныне Мьянма). Чтобы обеспечить доступ к реликвиям как можно большему количеству верующих, было решено транспортировать шкатулки на судне по реке Иравади, от древней бирманской столицы Мандалая до современной столицы Рангуна (Янгона). На каждой стоянке к судну стекались толпы людей из окрестных деревень, стремившихся поклониться святыням, выслушать проповеди и декламацию сутр. Наконец, свое последнее путешествие реликвии совершили в Непал и Ладакх.

После окончания этого беспримерного международного тура реликвии были возвращены в Индию. Однако бирманское правительство настойчиво просило о том, чтобы часть их была подарена верующим Бирмы. Индийское общество Махаводхи согласилось на эту просьбу, и в октябре 1950 года тогдашний премьер-министр Бирмы лично приехал в Калькутту, чтобы участвовать в церемонии передачи реликвий. Они были торжественно доставлены в Бирму и помещены в пагоду Каба Айе («пагода Мира во всем мире»), расположенную в окрестностях Рангуна. Обширные празднества, связанные с этим событием, продолжались целую неделю, с 5 по 11 марта 1952 года. Другая часть реликвий была подарена Шри-Ланке. Ныне они хранятся в особой ступе, построенной для этих целей ланкийским обществом Махаводхи.

30 ноября 1952 года оставшаяся часть реликвий Сарипутры и Махамогальяны была доставлена в Санчи и в торжественной обстановке помещена в монастырь Четийягири-Вихара, специально сооруженный для их хранения. Они остаются здесь уже более чем полвека, ежегодно привлекая в Санчи десятки тысяч паломников.

Нетленное тело Пандидо Хамбо-ламы Итигелова

Местонахождение: Иволгинский дацан, Республика Бурятия, Россия

«Мне очень нравятся слова святого Августина, который сказал, что чудо противоречит не законам природы, а только нашим представлениям о нем», – сказала доктор исторических наук, профессор

РГГУ Галина Ершова, открывая состоявшуюся в декабре 2004 года в Москве пресс-конференцию, посвященную одной из самых волнующих загадок современности – проблеме удивительной сохранности тела XII Пандидо Хамбо-ламы Даши-Доржо Итигелова, хранящегося сегодня в Иволгинском дацане (Бурятия).

…11 сентября 2002 года, в полном соответствии с требованиями законодательства РФ – с разрешения родственников и в присутствии официальных лиц, представителей судебно-медицинской экспертизы и священнослужителей буддийской традиционной Сангхи России – в Иволгинском дацане состоялось вскрытие кедрового саркофага с телом Хамбо-ламы Даши-Доржо Итигелова (1852–1927). Никто из присутствовавших не знал, что таится под деревянной крышкой. Большинство ожидало увидеть только разложившиеся останки. И можно понять то состояние шока, в который были повергнуты очевидцы вскрытия: тело ламы предстало перед ними… нет, не просто нетленным. Это тело можно было бы назвать живым. Если бы не одно обстоятельство: человек, которому оно принадлежало, умер почти 80 лет назад.

С 1911 по 1927 год Даша-Доржо Итигелов был главой буддистов Восточной Сибири (Хамбо-ламой). Он родился в 1852 году. Рано оставшись сиротой, воспитывался в зажиточной семье Надмита Батуева. В 16 лет он отправился на учебу в Анинский дацан, который в те годы был известен высоким уровнем подготовки лам. Там он провел около 20 лет, изучая санскрит, тибетский язык, логику, философию. В дальнейшем Итигелов совершенствовал свои знания в Цугольском и Агинском дацанах. Он получил известность как философ и врач. Итигелов хорошо знал физиологию человека и даже составил справочник по фармакологии. Всю свою жизнь он провел в Бурятии и лишь один раз выезжал за пределы Сибири – когда в начале февраля 1913 года присутствовал на праздновании 300-летия дома Романовых и открывал в Петербурге буддистский храм.

В 1911 году Даша-Доржо Итигелов был избран XII Пандидо Хамбо-ламой «ламаистского духовенства Восточной Сибири». В годы Первой мировой войны он активно участвовал в благотворительных акциях, организовывал госпитали и получил несколько наград.

В 1926 году Итигелов посоветовал всем буддийским монахам немедленно покинуть Россию, предсказав репрессии коммунистической власти в отношении буддийских священнослужителей и разрушение дацанов в Бурятии. Отвечая ученикам, озабоченным его собственной судьбой, Итигелов сказал: «Меня они не успеют взять».

В 1927 году лама ушел в мир иной. Обстоятельства его смерти и погребения очень не традиционны для буддизма и бурят. Окруженный учениками, Даши-Доржо Итигелов сел в позу лотоса и попросил их читать для него молитву – благопожелание для умершего. Но ученики не осмелились произнести ее в присутствии живого учителя. Тогда лама сам начал читать ее; постепенно молитву подхватили окружающие. Читая это благопожелание и находясь в состоянии медитации, лама ушел из жизни. Перед этим он завещал своим ученикам: «Вы навестите и посмотрите мое тело через 30 лет».

В позе лотоса, в которой Хамбо-лама находился во время медитации, тело поместили в кедровый саркофаг и похоронили в местности Хухэ-Зурхэн, в бумхане – мавзолее, где традиционно хоронят лам, на уровне полутора метров под землей.

Завещание «посмотреть на тело» спустя 30 лет абсолютно необычно для погребальных обычаев бурят. Посещение кладбищ для них вещь неприятная и тяжелая. А сама мысль о том, чтобы достать из земли мертвого человека, вообще противоречит традиционным представлениям. Тем не менее в 1955 году група лам во главе с Хамбо-ламой Лубсан-Нимой Дармаевым, выполняя волю Итигелова, решилось на этот невероятный шаг и втайне от властей вскрыла захоронение. Убедившись, что тело Итигелова нетронуто, его опять спрятали. В 1973 году эта операция проводилась вторично. В третий раз – в 2002 году – тело было извлечено из захоронения и перевезено в главный храм Иволгинского дацана близ Улан-Удэ.

Тело Итигелова оставалось в той самой позе лотоса, которую принял Итигелов, когда, медитируя, уходил из жизни. Представители судебно-медицинской экспертизы напрасно ожидали те самые 3–4 часа, за которые оно должно бы было превратиться в прах, как это обычно происходит в таких случаях. Их ожидания были тщетны.

«Оказалось, что в теле еще идут какие-то процессы, которые свойственны скорее живому человеку, чем мертвому, – говорит Галина Ершова. – «Еще при извлечении тела был составлен акт судебно-медицинской экспертизы, где отмечались целостность кожного покрова, ногтей, волос, мягкость и эластичность тканей, подвижность суставов. Но такого не может быть по определению – ведь после смерти Итигелова прошло 75 лет! Это полностью противоречит всем представлениям о том, что должно быть и чего не должно быть с человеческим телом после смерти. При этом на теле нет никаких следов бальзамации, каких-то других консерваций, следов вскрытия. Это тело живого человека!»

Тело Итигелова было облачено в шелковые одежды и обернуто шелковыми платками. В саркофаге было очень много соли. Считается, что соль вытягивает влагу. Но влага осталась…

Когда в 2002 году в прессе появилсь первая информация об Итигелове, многим она показалась странной, непонятной. Одни восприняли это как полную чепуху, выдумку, другие просто отмахнулись – этого не может быть! – третьи вообще не поняли важности этого факта – подумаешь, мумия! Мало ли что, вон в Египте тоже мумии есть.

Однако специалисты сразу же заинтересовались этим явлением. В Бурятию отправилась экспедиция, которую возглавил доктор медицинских наук, профессор Виктор Звягин – величина мирового масштаба в такого рода экспертизах, заслуженный врач России, руководитель отдела идентификации личности Российского центра судебномедицинской экспертизы. По его учебникам учатся практически все судмедэксперты России, он участвовал в разгадке многих деликатных и интересных проблем – изучении останков знаменитого мореплавателя Витуса Беринга, идентификации останков членов царской семьи. Но и для этого маститого специалиста тело Итигелова стало необъяснимой загадкой: в его практике до сих пор ничего подобного не встречалось.

Археологам и судмедэкспертам известны множество случаев необыкновенной сохранности тел. Как правило, эта сохранность обеспечивается путем бальзамирования – как, например, тела знаменитого хирурга Николая Пирогова или Ленина. Бывает, когда хорошо сохранившиеся тела находят в закрытых могилах при археологических раскопках. Однако когда могилу вскрывают, тело практически тут же рассыпается в прах. В торфяных болотах находят продубившиеся тела, в ледниках и вечной мерзлоте – промороженные. Известно немало фактов обретения нетленных мощей христианских подвижников. Но случай с Хамбо-ламой Итигеловым уникален. В мировой практике это единственный случай подобной сохранности тела. Это не мумификация, не бальзамирование и не сохранность в условиях вечной мерзлоты, а некое иное, никому не известное состояние. Достоверно описанных аналогов в человеческой истории не существует.

Для экспертов главным критерием допустимости тех или иных действий было отношение к Итигелову как к живому человеку, находящемуся в особом состоянии сознания и телесности. Никому пока не известен ни механизм этого состояния, как и то, что может нарушить его. Поэтому руководители буддийской традиционной Сангхи России исключают воздействие каких бы то ни было излучений или физических полей и не разрешают проводить аппаратных медицинских исследований, а также прямых съемок тела. В распоряжение судмедэкспертов были предоставлены только образцы кожных покровов и ногтей. Анализы показали, что по органике они соответствуют норме живого человека. А те незначительные изменения, которые произошли в неорганических соединениях тканей тела Итигелова, не соответствуют тем изменениям, которые происходят в мертвом теле. Все идет как раз наоборот: то, что ожидается, не происходит. А происходит то, что нельзя объяснить: результаты исследования показали, что изменения на органическом, белковом уровне, происходящие в теле Итигелова, не отличаются от того, что происходит в теле живого человека!

В сентябре 2004 года исполнилось два года, как тело ламы находится вне захоронения, на открытом воздухе. Однако оно продолжает оставаться сохранным. Хотя наблюдающие за ним монахи отмечают некоторые изменения состояний – спонтанные выделения влаги и солей. Наблюдается и некоторая потеря эластичности кожных покровов. Как бы то ни было, тело остается в этом удивительном состоянии, и пока можно только сказать, что в нем происходит какой-то процесс, объяснить который современная наука не в состоянии.

Нигде в мире, в том числе в буддийском мире, нет ни одного достоверно зарегистрированного факта такого состояния. Есть только легенды. В некоторых храмах Тибета и Юго-Восточной Азии можно видеть высохшие тела подвижников. Однако даже среди очень продвинутых буддийских практиков достижение нетленного тела – редчайший случай, считают представители буддийской традиционной Сангхи России. Только великие учителя, уходя из жизни, могут войти в состояние медитации и очистить свое тело так, что после смерти оно сохраняется. Это происходит потому, что процесс смерти – угасания жизненных функций тела –

находится под сознательным контролем. Можно только предположить, что Хамбо-лама Даши-Доржо Итигелов был практиком высочайшего уровня.

«Сейчас мы практически свободны в своих гипотезах», – считает Галина Ершова. Кто-то может говорить о состоянии парабиоза, кто-то – о летаргии. Известно, что Итигелов ушел в иной мир, находясь в состоянии медитации. Он призвал монахов читать по себе отходную молитву, однако очевидно, что он расценивал это не как смерть, а как переход в какое-то другое состояние. Но наука не может его описать. Поразительно и другое: уходя, Итигелов завещал вскрыть саркофаг через 30 лет. Он знал, что когда его через несколько десятков лет извлекут из могилы, он будет таким, какой есть сейчас. И знал это абсолютно наверняка, не имея никакой опытной базы, экспериментальных установок – словом, всего того, что мы гордо называем «наукой»…

«Он оставил нам некое послание, – считает Хамбо-лама Аюшиев, глава буддийской традиционной Сангхи России. – Он оставил послание, не сказав при этом ни слова». И это действительно так. Это действительно некое послание, а в чем оно состояло – это сейчас и пытаются разгадать верующие и ученые. Ясно только одно: Хамбо-лама Итигелов знал, что его послание дойдет до потомков.

Регалии монархов

Железная корона Ломбардии

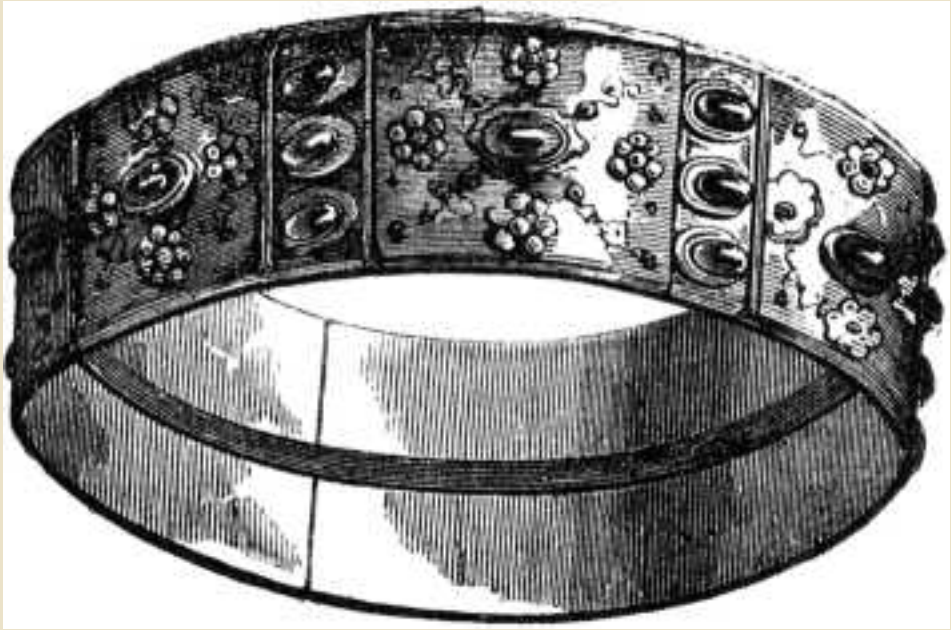
Местонахождение: кафедральный собор, Монца, Италия

Рождество 800 года Карл Великий встречал в Риме. 25 декабря, когда погруженный в молитву Карл находился в соборе Святого Петра перед могилой апостола, к нему приблизился папа Лев III и под торжествующие возгласы народа провозгласил Карла императором. Тут же папа помазал его на царство и возложил на голову императора древнюю корону ломбардских королей…

Эйнхард, придворный историк Карла Великого, позже пытался представить дело так, словно эта коронация была сплошной импровизацией, а сам Карл якобы был не расположен принимать императорский титул, и если бы знал заранее намерения папы, ни за что бы не пошел в церковь, «какой бы торжественный праздник тогда не был». Однако в действительности император лукавил: события развивались согласно хорошо продуманному сценарию. Таким образом, впервые со времени падения Римской империи в Европе появился новый император; основанная им империя позже получила название Священной Римской империи.

Корона, возложенная папой на голову Карла Великого в тот памятный день 25 декабря 800 года, сохранилась до сего дня. Она известна под именем Железной короны Ломбардии (Corona Ferrea) и находится в соборе итальянского города Монцы, где хранится в особой часовне – капелле Теодолинды. Это древнейшая из дошедших до наших дней королевских регалий Европы. Ее история, особенно ранняя, связана с многочисленными тайнами и легендами. Лишь в последние годы завеса тайн, окутывающих Железную корону, начала приподниматься благодаря исследованиям современных ученых, использующих в работе новейшие

методы научного анализа.

Железная корона получила свое название от узкой полосы железа шириной приблизительно один сантиметр, идущей по внутренней ее части. Согласно традиции, эта полоса представляет собой расплющенный гвоздь – один из тех гвоздей, которыми Иисус Христос был прибит к кресту. По этой причине корона долгое время почиталась как религиозная реликвия.

История Железной короны восходит к 324 году, к тем временам, когда императрица Елена, мать императора Константина Великого, начала свои известные раскопки в Иерусалиме на Голгофе с целью отыскания подлинных реликвий, связанных с последними часами земной жизни Иисуса Христа. Ей удалось, в частности, найти Крест Господень и гвозди, которыми тело Христа было прибито к кресту. Крест остался в Иерусалиме, а гвозди Елена отправила в Константинополь своему сыну Константину.

Несколько гвоздей Константин отослал в дар различным политическим и церковным деятелям, используя реликвии как инструмент дипломатии. Таким образом один гвоздь оказался в Италии – в точности неизвестно, как и когда. Спустя два века папа римский Григорий Великий (590–604) подарил этот гвоздь Теодолинде, королеве лангобардов (ломбардцев). В ту пору лангобарды представляли собой самую серьезную опасность для Италии. В 592 году они разрушили Рим, в 598 году нанесли поражение византийцам. Папа Григорий Великий путем долгих переговоров в итоге все же сумел устранить опасность со стороны лангобардов, и подаренный королеве Теодолинде гвоздь

Креста Господня должен был, очевидно, закрепить достигнутый успех. Таким образом, реликвия вновь послужила инструментом дипломатии.

Согласно преданию, Теодолинда распорядилась изготовить королевскую корону Ломбардии и вставить в нее подаренный папой гвоздь (по другой версии, эта корона была прислана в Италию еще Константином Великим, и Теодолинда получила ее из рук папы Григория).

В 628 году Теодолинда пожертвовала эту корону собору Сан-Джованни Баттиста в Монце, где из-за вставленного в нее гвоздя она хранилась как священная реликвия. И собор, и сам город были тесно связаны с историей королевства лангобардов. Монца являлась его фактической столицей (номинальной столицей был другой итальянский город, Павия), здесь располагались дворец Теодолинды (ранее служивший дворцом для короля остготов Теодориха Великого, 470–526) и дворцовая Палатинская капелла, в которой хранились государственная казна и символы королевской власти, включая Железную корону. Собор Сан-Джованни, где ныне хранится реликвия, был основан в Монце в 595 году королевой Теодолиндой.

Железная корона стала символов Ломбардского королевства, а позже – всей средневековой Италии. В 800 году ее статус поднялся до общеевропейского уровня: этой короной был коронован первый император послеримского периода. В дальнейшем Железной короной короновались все без исключения императоры Священной Римской империи. Итальянский историк Бартоломео Дзуччи, живший в Монце, еще в 1600 году подсчитал, что в период с 800 по 1600 год Железная корона использовалась для коронаций 34 раза. Ею короновались такие известные исторические личности, как Карл Великий, Оттон I, Генрих IV, Фридрих I Барбаросса. Согласно обычаю, императоры Священной Римской империи должны были короноваться трижды: один раз как короли Германии, один – как короли Италии, а в третий раз – как императоры (в этом случае их, как правило, короновал папа римский). Коронации с участием Железной короны происходили обычно в Милане, в соборе Сан-Амброджио, иногда – в Монце или в Павии, формальной столице Итальянского королевства, а время от времени и в других городах.

Традиция, согласно которой все короли Италии должны короноваться Железной короной, принимая ее из рук архиепископа Миланского, восходит к очень древним временам, хотя ее первые документальные подтверждения относятся лишь к XI веку. В промежутках между коронациями Железная корона хранилась в соборе Монцы. По традиции, восходящей еще к временам королевы Теодолинды, Монца считалась «королевским городом», прямой собственностью императоров, ее жители пользовалась различными привилегиями и были освобождены от уплаты налогов. Это обстоятельство, однако, не гарантировало горожан от финансовых проблем, и однажды, в 1248 году Железную корону даже пришлось заложить в качестве гарантии уплаты чрезвычайного военного налога. Вернуть ее в Монцу удалось только в 1319 году. Вслед за этим корону отправили в Авиньон, где в ту пору находился папский двор. Здесь корона оставалась до 1345 года. В течение этого периода она даже была похищена, но вора быстро нашли, а корону вернули на место.

Традицию тройных коронаций прервал император Карл V. В 1556 году он разделил земли империи между своим сыном Филиппом и братом

Фердинандом, что фактически означало обособление Италии от Германии. Столицей германских земель стала Вена, где располагались императорский двор и подчиненные ему органы управления. Два века спустя герцогство Миланское перешло под контроль Австрии, и древняя традиция была возобновлена: австрийский император Франц II короновался в 1792 году Железной короной.

26 мая 1805 года в Милане состоялась одна из самых известных коронаций с использованием Железной короны Ломбардии: Наполеон Бонапарт короновался в качестве короля Италии. Архиепископ Миланский наделил восседающего на троне Бонапарта знаками королевского достоинства, после чего Наполеон взял с алтаря Железную корону, возложил ее себе на голову и произнес традиционную формулу, используемую при возведении на престол королей Ломбардии: «Бог дал мне ее – горе тем, кто коснется ее!» В память об этом событии 15 июня 1805 года Наполеон основал орден Железной короны. После падения Бонапарта и присоединения Ломбардии к Австрии этот орден был повторно установлен австрийским императором Францем II 1 января 1816 года.

6 сентября 1838 года в Милане император Фердинанд I короновался Железной короной в качестве короля Ломбардии и Венеции. В 1859 году, после войны между Австрией и Италией, в результате которой австрийцы должны были уйти из Ломбардии, Железная корона была перемещена в Вену, где оставалась до 1866 года, после чего ее вернули Италии.

Правители объединенного Итальянского королевства (1861–1946) никогда не использовали Железную корону для собственных коронаций – отчасти потому, что в предшествующие десятилетия она стала своеобразным символом австрийского господства. В 1883 году король Умберто I подтвердил за Железной короной статус реликвии и национального исторического памятника, официально возложив ответственность за нее на клириков собора в Монце. Существовал план коронации Умберто I Железной короной в условиях, когда политический климат станет более благоприятен для этого (в те годы отношения Итальянского государства и церкви были достаточно напряжены). Однако убийство короля в 1900 году не позволило осуществиться этим планам. На могиле Умберто I в римском Пантеоне ныне лежит бронзовая копия Железной короны.

Последнее «приключение» в истории короны произошло во время Второй мировой войны: в 1943 году кардинал Ильдефонсо Шустер, опасаясь, что нацисты конфискуют реликвию, тайно переправил ее на территорию Ватикана, где корона оставалась до 1946 года.

С провозглашением Итальянской республики в 1946 году Железная корона окончательно утратила роль символа власти, сохранив за собой значение выдающейся исторической реликвии. В последние годы она стала объектом пристального внимания ученых, стремящихся разгадать загадки самой древней королевской регалии Европы.

Происхождение Железной короны остается неопределенным, хотя большинство специалистов согласны в том, что она представляет собой работу восточных ювелиров. Наиболее вероятно, что она была изготовлена в V веке в Константинополе, хотя традиция относит дату ее создания к временам правления королевы Теодолинды (ум. в 625 г.). Корона состоит из

шести прямоугольных чеканных золотых сегментов, соединенных вертикальными шарнирами и украшенных эмалью и драгоценными камнями, образующими рельефные вставки в форме крестов и цветов. Размеры каждого из сегментов, изготовленных из золота приблизительно 800-й пробы, составляют 5,3–5,5 см в высоту и 7,9–8,1 см в ширину.

Небольшой размер короны и ее шарнирная конструкция заставили некоторых исследователей предположить, что изначально Железная корона не предназначалась для целей коронации (она слишком мала для человеческой головы) и являлась либо вотивной, либо вообще не короной, а широким браслетом. Однако тщательное исследование короны и поиск новых исторических документов, проливающих свет на ее историю, позволили установить, что первоначально корона состояла не из шести, а из восьми сегментов, два из которых были утрачены, по-видимому, в период 1248–1300 годов, когда корона была отдана в залог в Умилиати, где хранилась в монастыре Святой Агаты. После 1300 года все документы описывают корону уже как «маленькую». В 1345 году она реставрировалась в мастерской известного ювелира Антелотто Браччифорте, однако два утраченных сегмента так и не были восстановлены.

Большой интерес во все времена вызывал знаменитый гвоздь от Распятия, благодаря которому корона получила наименование Железной. Традиция возводила его, равно как и корону, ко временам императрицы Елены и ее сына Константина Великого. Надгробная «Похвала» в адрес византийского императора Феодосия, написанная клириками собора Сан-Амброджио в Милане в 395 году, сообщает, что императрица Елена, отыскав гвозди, которыми Христос был пригвожден к кресту, распорядилась изготовить для сына императорскую диадему и вставить в нее один из гвоздей («Святой гвоздь увенчал главу императора»). Это произошло в понтификат папы римского Сильвестра (326 г.).

Полоска железа шириной около 10 мм и толщиной 1 мм, которая, согласно традиционным представлениям, представляет собой расплющенный гвоздь Креста Христова, тянется вдоль нижней части короны с внутренней стороны. Уверенность в том, что это именно гвоздь Распятия, появилась, надо сказать, довольно поздно: в XVI столетии. Упоминавшийся выше историк Бартоломео Дзуччи писал в 1602 году, что Железная корона, несомненно, является диадемой императора Константина и что вставленная в нее полоска железа есть нечто иное как гвоздь Креста Христова. Столетием позже другой итальянский историк, Лудовико Антонио Муратори, высказывал прямо противоположное мнение. Он отмечал, в частности, что по сравнению с гвоздями римской эпохи, которые, в частности, применялись при такой специфической казни, как распятие, полоска железа, вставленная в корону, чрезмерно мала. Церковные власти обратились к проблеме только в начале XVIII столетия. В конце концов, в 1717 году папа Климент XI постановил, что при отсутствии уверенности в реальном происхождении гвоздя Креста Христова в Железной короне корону следует почитать как реликвию на основании установившейся традиции.

В 1985 году итальянские исследователи, изучавшие корону, обнаружили, что полоска серого металла на ее внутренней части, традиционно считавшаяся железной… не притягивает к себе магнит! Это

послужило толчком к началу тщательного исследования короны. В 1993 году были опубликованы его сенсационные результаты: мнимое железо оказалось вовсе не железом! Это – потемневшее от времени серебро. По мнению итальянского ученого Валериано Масперо, серебряная полоска представляет собой результат реставрации, проведенной в 1345 году ювелиром Антелотто Браччифорте, – с ее помощью мастер укрепил обветшавшую корону, утратившую к тому времени два звена из первоначальных восьми. Легенда о «священном гвозде» родилась уже как минимум сто лет спустя, когда было обнаружено, что полоска потемневшего металла «чудесным образом» не ржавеет.

Как бы то ни было, Железная корона занимает особое место в числе реликвий древности и представляет собой нечто гораздо большее, чем просто ювелирное изделие старых мастеров. Живой свидетель огромного числа исторических событий, она символизирует собой целую историческую эпоху и сегодня по праву занимает первое место в числе других королевских регалий Европы.

Имперские Клейноды Священной Римской империи

Местонахождение: дворец Хофбург, Вена, Австрия

Прямым продолжением франкской империи Карла Великого стала Священная Римская империя германской нации. Основанная в 962 году королем франков Оттоном I, она рассматривалась как наследник античной Римской империи и в период наивысшего расцвета включала в себя территории Германии, Австрии, северной и центральной Италии, Швейцарии, северо-восточной и восточной Франции (Бургундия, Эльзас и Лотарингия), Нидерландов, Чехии и Силезии. Это государственное образование просуществовало до 1806 года и было ликвидировано в ходе наполеоновских войн. После 1438 года Священной Римской империей правили императоры из дома Габсбургов. Последний император Франц II отрекся от престола в 1806 году, сохранив за собой титул австрийского императора.

Средневековые хроники сохранили множество упоминаний о регалиях, использовавшихся императорами Священной Римской империи при коронациях, в торжественных случаях, в различных церемониях и т. п. Эти регалии – императорские клейноды (Reichskleinodien, Reichsinsignien или Reichsschatz) первоначально включали в себя имперскую корону (Reichskrone), Священное копье (копье сотника Лонгина), скипетр и державу. Позже к ним добавился коронационный меч, а еще позже набор императорских регалий разросся до тридцати различных предметов. Сегодня эта уникальная коллекция представляет собой наиболее полный и единственный в своем роде комплект монарших регалий, целиком сохранившихся от эпохи Средневековья. Некоторые из них имеют тысячелетний возраст.

С 1424 года императорские клейноды обычно хранились в Нюрнберге, а меньшая их часть – в Аахене. В число «нюрнбергских клейнодов» входили имперская корона, держава, скипетр, имперский меч, церемониальный меч, имперский крест, Священное копье, коронационные облачения и набор реликвариев. В Аахене хранились сабля Карла

Великого, имперская Библия и так называемый кошель Святого Стефана.

В 1796 году в связи с началом наполеоновских войн императорские реликвии в целях безопасности были вывезены в Вену и остаются здесь до сего дня. Города Аахен и Нюрнберг неоднократно пытались востребовать регалии обратно, но всякий раз эти требования были отвергнуты. Лишь после «аншлюса» Австрии нацистской Германией в 1938 году регалии на несколько лет покидали Вену: по приказу Гитлера их вывезли в Нюрнберг. В конце войны американские войска нашли клейноды укрытыми в подземном бункере, и в 1946 году они вернулись в австрийскую столицу. В настоящее время они хранятся и демонстрируются во дворце Хофбург, где им положено храниться до тех пор, «пока не возродится Священная Римская империя германской нации». Идентичные копии имперской короны и наиболее важных регалий можно увидеть ныне в Аахене в Коронационном зале (Kronungssaal) бывшего дворца Карла Великого (ныне городская ратуша) и в историческом музее Франкфурта.

В существующем виде клейноды Священной Римской империи включают в себя: имперскую корону (Reichskrone, 2-я пол. X столетия), имперский крест (Reichskreuz, ок. 1024–1025 гг.), Священное копье (Heilige Lanze, VIII–IX вв.), реликвии Креста Господня (Kreuzpartikel), Имперский меч (Reichsschwert, 2-я треть XI столетия), церемониальный меч (Zeremonienschwert, 1220 г.), саблю Карла Великого (2-я пол. IX столетия), державу (Reichsapfel, конец XII столетия), скипетр (Zepter, 1-я половина XIV столетия), Имперскую Библию (Reichsevangeliar или Kronungsevangeliar, конец VIII столетия), кошель Святого Стефана (Stephansbursa, 1-я треть IX столетия), парадные облачения: коронационную мантию (Kronungsmantel, 1133–1134 гг.), стихарь (1181 г.), столу (до 1338 г.), далматик (ок. 1140 г.), орлиный далматик (Adlerdalmatica, до 1350 г.), чулки (ок. 1170 г.), башмаки (ок. 1130–1220 гг.), перчатки (1220 г.), набор реликвариев: «реликварий с цепями» (ок. 1368 г.), реликварий с частью одеяния Св. Иоанна Евангелиста (ок. 1368 г.), реликварий с яслями Христа (ок. 1368 г.), реликварий с мощами руки Св. Анны (после 1350 г.), реликварий с зубом Св. Иоанна Крестителя (после 1350 г.), реликварий с частью скатерти, использовавшейся во время Тайной вечери.

Центральное место в числе всех этих реликвий занимает, конечно же, знаменитая корона Священной Римской империи – Рейхскроне. Она была изготовлена где-то в Западной Германии во времена императора Оттона I и подвергалась дополнительным переделкам при императорах Конраде II (король Германии с 1024 г., император Священной Римской империи в 1027–1039 гг.) или Конраде III (правил в 1138–1152 гг.). Первое упоминание о короне в письменных источниках относится к XII столетию; речь, по-видимому, идет именно об этой самой короне. Ее первое сохранившееся изображение можно видеть на фреске замка Карлштейн близ Праги (XIV век).

Имперская корона не похожа на большинство королевских корон: она не круглая, а восьмиугольная. Она состоит из восьми соединенных шарнирами золотых пластин, с закругляющимся верхом. Две железных ленты, соединенные золотыми заклепками с пластинами, скрепляют корону и придают ей ее восьмиугольную форму. Эта необычная форма заставляет обратиться к средневековой символике и вспомнить, в частности, один из

наиболее удивительных замков Европы – Кастель дель Монте, расположенный на юге Италии, в области Апулия. Этот белоснежный замок-корона геометрически правильной формы с восемью башнями-зубцами построен по приказу императора Фридриха II Швабского из династии Гогенштауфенов. Точное время строительства неизвестно: называют даты 1229–1249 и 1240–1246 годы. Обращает на себя внимание поразительная, подчеркнутая геометричность ансамбля: в плане он имеет правильный восьмиугольник со стороной 16,5 м, по углам которого поднимаются восьмиугольные башни 25-метровой высоты. Исследователи находят сходство внешнего облика Кастель дель Монте с «Рейхскроне», которая также имеет восьмиугольную форму. Символика восьмиугольника (октагона) довольно часто встречается в средневековой архитектуре Европы. Октагональную форму имеют, в частности, церковь Сан-Витале в Равенне и Палатинская капелла в Палермо. Восьмиугольник, как известно, образуется пересечением двух базисных геометрических форм – квадрата и круга. В Средние века квадрат символизировал человеческое совершенство, круг – совершенство Божественное. Таким образом, пересечение этих символов – восьмиугольник – символизировал совершенное богочеловечество, воплощенное во Христе. Одновременно число восемь – это символ Божественного откровения, выразившегося в семи днях творения и дне Воскресения Христова.

Каждая из восьми пластин Имперской короны сделана из высокопробного золота и украшена жемчугом и драгоценными камнями (всего в короне насчитывается 144 драгоценных камня и такое же количество жемчужин). Жемчуг и камни вставлены в сквозные отверстия и закреплены тонкой проволокой – тем самым достигался эффект особого сияния камней. Четыре пластины, большего размера (высота – 14,9 см, ширина – 11,2 см), декорированы исключительно драгоценным камнем и жемчугом. Двенадцать драгоценных камней на лицевой (передней) пластине соответствуют числу двенадцати апостолов. Четыре меньших пластины украшены эмалевыми миниатюрами в византийском стиле с сюжетами на библейские темы: три из Ветхого Завета (цари Давид, Соломон и Езекия с пророком Исайей) и один из Нового (Иисус Христос с двумя ангелами). Сопровождающие эти миниатюры краткие цитаты из Библии соответствуют порядку коронационной литургии, установленному в церковном календаре 960 года. Сюжеты миниатюр глубоко символичны: Христос – царь Вселенной; образ царя Давида призван символизировать справедливость и правосудие, образ царя Соломона – мудрость и богобоязненность. Сцена с царем Езекией и пророком Исайей иллюстрирует эпизод из Четвертой книги Царств (20: 1–6), когда смертельно больной Езекия в отчаянии взывает к Богу и тот через пророка Исайю дает ему двойное обетование – продление жизни царя еще на пятнадцать лет и избавление от угрозы ассирийского вторжения. Таким образом, вся символика Имперской короны призвана напоминать о том, что источником власти монарха является Бог, и этот источник власти накладывает на монарха ответственность и перед Богом, и перед своим народом. Увенчивает корону золотой крест высотой 9,9 см. Красный бархатный верх короны относится уже к XVIII столетию.

Исполнена глубокой символики и другая регалия – Имперский крест. Его размеры составляют: высота – 77,5 см, ширина – 70,8 см, высота основания – 17, 3 см. Крест создан в Западной Германии приблизительно в 1024–1025 годах. Основание креста более позднее, оно сделано в Праге в 1352 году.

Изготовленный из дуба крест обтянут красной тканью и покрыт золотой фольгой; в его теле имеется несколько углублений для реликвий; в частности, здесь хранятся частицы Креста Господня, привезенные в 1029 году из Константинополя. Передняя часть креста щедро украшена драгоценными камнями и жемчугом. В целом крест символизирует концепцию империи, основанную на традиционной христологической основе. Возводя происхождение Священной Римской империи ко временам Константина и Карла Великого, все императоры, начиная от Оттона I, рассматривали свое государство как Царство Христа, которым они управляли как Его представители, наместники, в ожидании грядущей победы Креста Христова и второго пришествия Христа в силе и славе. Об этом напоминает изображение Страшного суда на оборотной стороне Имперского креста.

Редким произведением искусства средневековых оружейников является Церемониальный меч. Он был изготовлен специально к церемонии коронации императора Фридриха II Швабского в 1220 году арабскими мастерами в Палермо (Италия). Длина меча составляет 108,5 см, рукоять изготовлена из твердого дерева, покрыта золотой фольгой и украшена эмалью и филигранью; головка эфеса, изготовленная из позолоченного серебра и украшенная двумя гербами – имперским орлом и чешским львом, – добавлена уже во второй половине XIV века по распоряжению императора Священной Римской империи и чешского короля Карла IV. Ножны длиной 92,5 см изготовлены одновременно с мечом. Они сделаны из дерева, пергамента и льняной ткани и украшены золотой фольгой, эмалью, филигранью и жемчугом; в центральном медальоне алеют четыре рубина.

Любопытным памятником ювелирного искусства эпохи Средневековья является так называемый кошель Святого Стефана – реликварий в форме кошелька, в котором когда-то хранилась пропитанная кровью земля, взятая на месте гибели Святого Стефана, первого христианского мученика. Этот реликварий высотой 32 см, изготовленный в первой трети IX столетия, когда-то принадлежал Карлу Великому. Зажим более поздний (XV в.); как и сам кошель, он щедро украшен золотом, драгоценными камнями, жемчугом, стеклом разной формы, цвета иразмера.

Другой реликварий, известный как «реликварий с цепями», изготовлен с участием итальянских мастеров в Риме или Праге около 1368 года. Он выполнен в форме прямоугольной шкатулки размерами 12,5 х 5,1 х 2,8 см, сделанной из золота и украшенной гравированным рисунком (линии гравировки заполнены черной эмалью) и драгоценными камнями. Шкатулка служит хранилищем для трех железных звеньев от разных цепей. Как гласят гравированные надписи на прикрепленных к ним пластинах и золотых кольцах, эти звенья представляют собой фрагменты тюремных уз, в которых были закованы святые апостолы Петр, Павел и Иоанн. На крышке шкатулки выгравировано изображение этих трех апостолов в

цепях; оно несет несомненные черты итальянского реалистического искусства. В сцене на передней стороне шкатулки изображен папа Урбан V, вручающий мощи Св. Иоанна Евангелиста императору Карлу IV в Риме в 1368 году. Неизвестный гравер постарался передать черты обоих персонажей с портретной точностью.

Комплект коронационных облачений императоров Священной Римской империи представляет собой уникальный по сохранности и полноте комплекс парадных одеяний средневековых монархов. Он был унаследован династией Гогенштауфенов в 1194 году как часть сокровищ норманнских королей Сицилии из династии Отвилей. В число церемониальных облачений входит, в частности, драгоценный шелковый стихарь, использовавшийся при коронации императоров Священной Римской империи. Он изготовлен в Палермо (как считается – арабскими мастерами) в придворных королевских мастерских в 1181 году. Об этом сообщают латинские и арабские надписи, идущие по широкому нижнему краю одеяния, украшенного золотой вышивкой, жемчугом, изумрудами, сапфирами, аметистами, шпинелями, гранатами, опалами.

Коронационная мантия также изготовлена в Палермо в королевских мастерских в 1133–1134 годах по заказу короля Рожера II (1095–1154). Она сделана из тяжелого красного шелка, имеет размеры 146 x 345 см, богато расшита золотом и разноцветным шелком, украшена тысячами жемчужин, золотыми эмалевыми вставками, драгоценными камнями. Восточные мотивы вышивки заимствованы из арабского искусства: два симметрично расположенных, соединенных спинами льва одерживают победу над верблюдом; между ними – стилизованная пальма. Она символизирует Древо жизни, а львы – монарха, побеждающего своих врагов. По обычаю мантия скреплялась золотой застежкой, украшенной драгоценными камнями и эмалью.

Из-за высокой художественной ценности мантии короли и императоры Священной Римской империи, игнорируя изображенные на ней «иностранные» мотивы, использовали ее как коронационное облачение начиная с XIII столетия. В XIV столетии первоначальное происхождении мантии уже забылось, и появилась легенда, что мантия принадлежала Карлу Великому, которому она досталась в качестве трофея во время успешной войны с маврами (в пользу этой версии говорили арабские надписи, идущие вдоль нижнего края мантии). Лишь много позже истина была восстановлена.

Регалии австрийских императоров

Местонахождение: дворец Хофбург, Вена, Австрия

Собрание австрийских императорских регалий включает в себя регалии, знаки отличия и одеяния, использовавшиеся австрийскими монархами во время церемоний коронации и в других торжественных случаях: короны, скипетры, державы, мечи, перстни, кресты, реликвии святых и церемониальные одеяния. Эта обширная коллекция – одно из самых больших и важных собраний подобного рода – складывалась на протяжении девяти веков: с X по XIX столетие и состоит из нескольких отдельных комплексов, разнящихся происхождением и составом входящих

в них предметов: знаки отличия австрийского императорского дома, сокровища Габсбургов-Лотарингских, «бургундское наследство» и орден Золотого Руна, собрание религиозных реликвий.

Первоначально Австрия была лишь маленьким герцогством, статус которого позднее был поднят до статуса эрцгерцогства. Первым правящим домом Австрии было семейство Бабенбергов. После смерти в 1246 году последнего герцога из этой династии, Фридриха II Бабенберга, опустевший герцогский трон на некоторое время занял чешский король Отокар II. В 1278 году он был побежден королем Германии Рудольфом Габсбургом и погиб в сражении, а в 1282 году Рудольф Габсбург сделал эрцгерцогом Австрии своего сына Альберта, а герцогом Штирии и Швабии – другого своего сына, Рудольфа. Тем самым было положено начало возвышению дома Габсбургов.

Церемония возведения на престол нового эрцгерцога Австрии не являлась коронацией в строгом смысле этого слова, а скорее принесением присяги от представителей разных сословий. Новый правитель, в свою очередь, гарантировал сохранение их прав и привилегий. Однако, несмотря на полуофициальный характер этой церемонии, в ней использовались герцогские регалии: корона, скипетр и держава. Две последних регалии в дальнейшем использовались при коронации королей Чехии вплоть до начала XVII столетия.

Эрцгерцогская корона впервые была запечатлена на портрете Рудольфа IV, герцога Австрии в 1358–1365 годах, хотя в реальности эта корона, вероятно, никогда не существовала. Известно, что по заказу герцога Эрнста Железного (правил в 1406–1424 гг.) была изготовлена некая корона, которая не дошла до наших дней. Другая корона была сделана для погребения эрцгерцога Фердинанда II в 1595 году. Заключительный вариант эрцгерцогской шапки (Erzherzogshut), служившей официальной короной эрцгерцогства Австрии, был изготовлен в 1616 году по заказу Максимилиана III. Место ее изготовления остается неизвестным. С тех пор и до наших дней шапка хранится в авгу-стинском аббатстве Клостернейбург (Нижняя Австрия). Впервые она была использована для коронации в 1620 году, в последний раз – в 1835 году. Помимо «большой» эрцгерцогской шапки, в число австрийских герцогских регалий входят еще две короны: герцогская корона Штирии, изготовленная в XV столетии и ныне хранящаяся в музее «Иоаннеум» в Граце, и корона, изготовленная по заказу Иосифа II для его коронации во Франкфурте в 1764 году в качестве императора Священной Римской империи.

Центральное место в собрании австрийских регалий занимают знаки отличия австрийского императорского дома. Они включают в себя императорскую корону, крест, державу и мантию, коронационные облачения королевства Ломбардии-Венеции.

Австрийская императорская корона (Österreichische Kaiserkrone), известная первоначально как корона Рудольфа II, была изготовлена в Праге в 1602 году и предназначалась лично для императора Рудольфа II. Подобная практика была широко распространена в ту пору: дело в том, что корона и другие знаки отличия Священной Римской империи постоянно хранились в Нюрнберге и использовались только для церемоний коронации. Для всех других случаев императоры должны были пользоваться своими личными коронами, подавляющее большинство которых сохранились до наших дней только на иллюстрациях. Самое старое изображение такой личной короны можно увидеть на гравюре Альбрехта Дюрера, изображающей императора Максимилиана (правил в 1508–1519 гг.); возможно, дизайн этой короны повлиял на дизайн

созданной столетие спустя короны императора Рудольфа.

Австрийская императорская корона никогда не использовалась для коронации, так как Австрийская империя, в противоположность Священной Римской империи, была наследственной монархией, управляемой династией Габсбургов, и поэтому подобный акт узаконивания власти нового монарха не был необходим. Церемония вступления нового монарха на трон фактически являлась актом его введения в должность.

Императорская корона была изготовлена Яном Вермейеном, выдающимся голландским ювелиром, которого для этой цели специально пригласили в Прагу (где тогда постоянно находился императорский двор) из Антверпена. В результате на свет появилось одно из наиболее значительных произведений европейского ювелирного искусства. По счастью, эта корона избежала судьбы многих других личных корон и не была разбита после смерти императора Рудольфа в 1612 году. 11 августа 1804 года, незадолго до краха Священной Римской империи, император Франца II принял титул императора Австрии, чтобы тем самым остаться равным Наполеону, в том же году провозглашенного императором Франции. В качестве короны Австрийской империи он избрал старую корону Рудольфа II.

По форме корона напоминает епископскую митру. Она изготовлена из чистого золота и украшена эмалью, бриллиантами, рубинами, шпинелями, сапфирами и жемчугом. Высота короны составляет 28,3 см, диаметр венца – 22,4 см, наибольший диаметр (по геральдическим лилиям) – 27,8 см. Конструктивно корона состоит из трех частей, каждая из которых в символической форме выражает право императора на власть: венца, арки и митры.

Венец, имеющий форму королевской короны, является главным элементом; арка и митра, по сути, лишь дополняют его. Венец в символической форме изображает королевскую власть. Его дизайн, очевидно, был вдохновлен дизайном чешской короны Святого Вацлава. По кругу венца идут восемь золотых лилий, которые иногда связываются с геральдическими лилиями («флер-де-лис») французской королевской династии Валуа. Восьмичастность австрийской императорской короны восходит, как считается, к восьмичастности короны

Священной Римской империи; ее украшают множество драгоценных камней – шпинели, цирконы и жемчуг.

Вторая часть короны, митра, символизирует божественное происхождение императорской власти и духовный сан императора (при возведении на престол его символически посвящали в сан дьякона). Митра изготовлена из золота, с эмалевыми вставками, изображающими птиц и растения, и разделена на четыре секции, в каждой из которой помещены медальоны с изображениями, прославляющими императора Рудольфа II. Здесь последовательно изображены его победа над турками (в передней части короны), его коронация в Регенсбурге в качестве императора Священной Римской империи, его поездка после коронации в качестве короля Венгрии в Братиславу и торжественная процессия в Праге в честь его коронации как короля Чехии.

Третья часть короны, арка, напоминает арку короны Священной Римской империи. Она украшена восьмью алмазами и увенчана большим

сине-зеленым изумрудом, в символической форме изображающим небеса. Изумруд не огранен, мастера, изготавливавшие корону, только отполировали его. На арке выгравирована надпись по-латыни: «RVDOLPHVS II ROM[ANORVM] IMP[ERATOR] AVGVSTUS HVNG[RIAE] ET BOH[EMIAE] REX CONSTRVXIT MDCII («Сделана для Рудольфа II, Римского императора, короля Венгрии и Богемии, в 1602 году»).

Императорские держава (ее диаметр составляет 26,9 см) и скипетр сделаны мастером Андреасом Осенбрюком в Праге, между 1612 и 1615 годами по заказу императора Матвея, брата и преемника Рудольфа II. Обе эти регалии изготовлены из золота и украшены эмалью, рубинами, сапфирами и жемчугом.

Коронационная мантия создавалась по заказу императора Франца II специально для коронации его сына, Фердинанда I, в качестве короля Венгрии в 1830 году. Разработка ее дизайна была поручена директору костюмерной венского Придворного театра Филиппу фон Штубенрауху. Непосредственно изготовлением мантии занимался мастер Иоганн Фритц. Мантия длиной 276 см сделана из красного бархата, белого шелка и горностаевого меха и богато расшита золотом. Основной мотив вышивки – австрийские двуглавые орлы в гербовом щитке, дубовые и лавровые листья.

Отдельное место в числе регалий австрийского императорского дома отводится коронационным облачениям королевства Ломбардии-Венеции.

После краха Наполеона и по решению Венского конгресса на землях Северо-Восточной Италии было создано королевство Ломбардии-Венеции, подвластное Австрийской империи. При подготовке коронации императора Фердинанда I в качестве короля Ломбардии и Венеции в Милане 6 сентября 1838 года вопрос возник о выборе соответствующих регалий и коронационных одеяний. В качестве короны была выбрана древняя Железная корона Ломбардии, однако все остальное требовалось изготовить заново. Проект коронационных облачений также разработал Филипп фон Штубенраух, а изготовил Иоганн Фритц. Мантия королевства Ломбардии-Венеции была фактически скопирована с австрийской императорской мантии, но сделана она из синего и оранжевого бархата, с вышивкой золотом и серебром, и с отделкой из белого муара и меха горностая. Мантию обрамляет линия медальонов с изображением Железной короны Ломбардии. Параллельно ей тянется широкая декоративная кайма, составленная из листьев пальмы, дуба и лавра.

Обширное собрание предметов, входящих в состав сокровищницы дома Габсбургов-Лотарингских, содержит преимущественно изделия, предназначавшиеся для бытовой стороны жизни монархов. В их число входят крестильные принадлежности – кувшин, купель, покрывала, облачения. В этой коллекции особо выделяются так называемая колыбель римского короля – подарок от города Парижа Наполеону и его молодой супруге Марии-Луизе по случаю рождения их сына Наполеона II в 1811 году, и изумрудный унгентариум – флакон для духов или ароматических масел, изготовленный по заказу императора Фердинанда II мастером Дионисио Мизерони в 1641 году из одного-единственного огромного изумруда массой 2 680 каратов (536 г). Этот сосуд уникален прежде всего благодаря тем, что

фактически он бесценен. Изумруд, из которого он изготовлен, является самым большим в мире изумрудом, когда-либо подвергавшимся обработке. Он был найден в Колумбии и в начале XVII столетия перешел во владение Габсбургов. В 1641 году император Фердинанд II предложил известному итальянскому огранщику Дионисио Мизерони обработать камень, однако это оказалось слишком трудной и трудоемкой задачей, связанной со слишком большой потерей материала. Чтобы избежать этого, Мизерони в своей работе неукоснительно следовал за естественной формой камня. Крышку и ножки сосуда мастер изготовил из материала, извлеченного при сверлении камня. После двух лет работы Мизерони представил законченное изделие императору. И хотя эта роскошная безделушка не имела практической ценности, сосуд стал одной из главных достопримечательностей императорской сокровищницы. Его стоимость уже в XVII веке затруднялись определить. Например, когда в 1645 году император Фердинанд III попытался заложить изумруд в Генуе, чтобы получить под него деньги, необходимые ему для военных расходов, генуэзские ювелиры отказались оценить драгоценность, поскольку, по их словам, им еще не приходилось иметь дело со столь огромными суммами. Московский царь, по слухам, предлагал за изумруд несколько сундуков жемчуга, а великий герцог Тосканский оценил его в три тонны золота.

Особое место среди сокровищ Габсбургов занимает корона Иштвана Бочкаи (1557–1606). Этот крупный венгерский магнат в 1605 году был избран князем Трансильвании и во время войны императора Рудольфа II с турками принял сторону последних. Габсбурги были номинальными королями Венгрии с 1526 года, однако значительная часть страны оставалась под турецким контролем до конца XVII столетия. При этом турки стремились в собственных политических целях использовать религиозные противоречия в Венгрии. Иштван Бочкаи, кальвинист по вероисповеданию, был одним из тех, кто оказывал помощь туркам в их борьбе с христианской Европой. В благодарность султан Ахмед I прислал Иштвану Бочкаи королевскую корону. После его смерти и коронации императора Матвея в качестве короля Венгрии в 1609 году корона была привезена в Вену.

Как считают специалисты, корона Иштвана Бочкаи изготовлена персидскими мастерами в начале 1600-х годов. Она сделана из золота и украшена рубинами, шпинелями, бирюзой, изумрудами и жемчугом. Поскольку в Османской империи короны не использовались, мастера, работавшие над ее созданием, взяли за образец византийскую камилавку (Kamelaukion), подобную той, что используется духовенством православной церкви. Корона состоит из двух основных частей: широкое кольцо с венком геральдических лилий и закрытый сферический шлем. Лобная лилия украшена изображением греческого креста. Высота короны составляет 23,2 см, диаметр – 18,8 см (минимальный) – 22 см (на уровне лилий).

Отдельная группа предметов входит в состав так называемого «бургундского наследства». Это – остаток некогда огромных сокровищ герцогов Бургундии. «Бургундское наследство» включает в себя драгоценный кубок высотой 46 см, выточенный из одного огромного кристалла горного хрусталя, оправленного в золото и украшенного эмалью, алмазами, рубинами и жемчугом. Этот кубок был создан для бургундского

герцога Филиппа Доброго (1419–1467) между 1453 и 1467 годов. Другую важную часть «бургундского наследства» составляют знаки, геральдические и литургические одеяния и прочие принадлежности рыцарей ордена Золотого руна. Этот орден был учрежден в честь Девы Марии и апостола Андрея в 1430 году бургундским герцогом Филиппом Добрым по случаю бракосочетания его с португальской принцессой Изабеллой. Кавалерами ордена могли быть только представители древних знатных родов, а гроссмейстерами – герцоги Бургундии. После смерти последнего бургундского герцога Карла Смелого (1433–1477) гроссмейстерство перешло к супругу его дочери Марии, австрийскому эрцгерцогу Максимилиану Габсбургу (впоследствии император Максимилиан I).

Не менее интересно и исторически значимо собрание религиозных реликвий, включающее в себя кресты, домашние алтари, статуи святых и другие объекты религиозного назначения, использовавшиеся при дворе и в домашнем быте Габсбургов. Эта коллекция настолько обширна, что сегодня в венском дворце Хофбург постоянно демонстрируется лишь малая ее часть, а прочие объекты выставляются лишь время от времени. В их числе выделяются золотой крест венгерского короля Лайоша Великого, сделанный в Венгрии или в Неаполе между 1370 и 1382 годами, Янтарный алтарь, созданный Оттавио Мизерони около 1620 г., реликварий с гвоздем от Креста Господня, изготовленный в Аугсбурге в середине XVII столетия, и уникальный образ Девы Марии, сделанный из перьев птицы колибри и перьев попугаев индейским мастером Хуаном Баптистом Куирисом из Мичоакана (Мексика) между 1550 и 1580 года. Изготовление предметов и украшений из птичьих перьев являлось традиционным промыслом мексиканских индейцев. Всего в сокровищнице австрийских императоров сегодня хранится семь подобных картин – это крупнейшая в мире коллекция произведений такого рода.

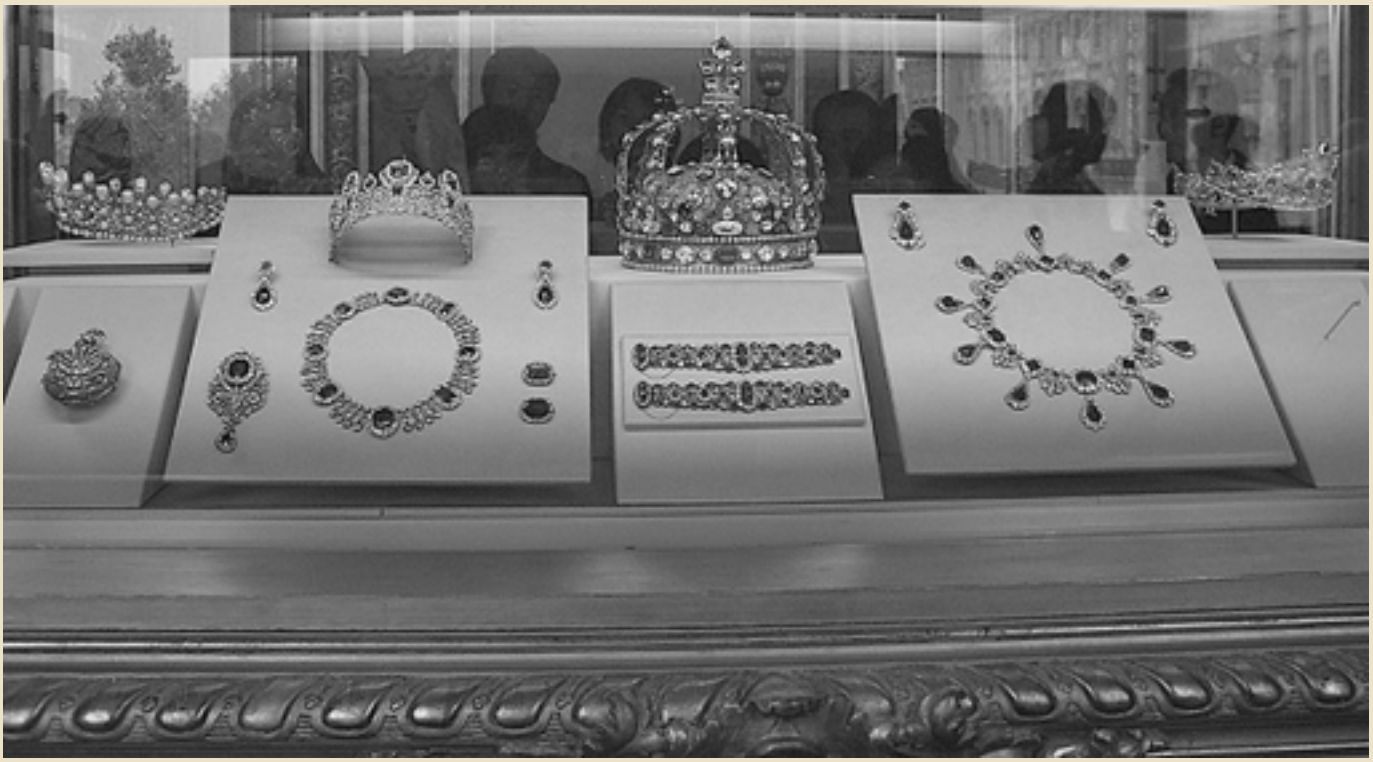
Особый интерес вызывает Агатовый шар – древняя фамильная реликвия Габсбургов. Его диаметр составляет 58–58,5 см. Предание утверждает, что когда-то этот шар принадлежал Иисусу Христу. Считалось даже, что именно этот шар и является Святым Граалем. Вырезанная в камне надпись «B.XRISTO.RI.XXPP», кажется, прямо связывает эту реликвию с именем Христа. Однако в результате исследований, проводившихся в 1951 г., ученые установили, что шар изготовлен в IV столетии, вероятно, в Трире (Германия) или в Константинополе, а надпись на нем можно прочитать как «^RISTO» – возможно, это имя мастера-резчика. Это, однако, не снимает проблемы происхождения шара и проливает мало света на загадку того, почему Габсбурги так дорожили этим странным изделием.

Регалии французских монархов

Местонахождение: Лувр, Париж, Франция

Французская монархия являлась одной из самых древних монархий Европы. За многие века короли Франции накопили в своей сокровищнице блестящее собрание регалий – корон, скипетров, держав, диадем и других знаков королевского отличия, которыми в разное время пользовалось

великое множество французских королей и королев. Это уникальное собрание, имевшее колоссальную историческую и художественную ценность, было безжалостно уничтожено и разграблено в конце XVIII века во времена кровавой французской революции, а его остатки распроданы в 1885 году властями Третьей республики. До наших дней сохранилось лишь ничтожно малое число старинных французских королевских регалий, преимущественно корон, ныне хранящихся в Лувре – главном музее Франции.

В отличие от английских монархов французские короли были в меньшей степени склонны к ритуальному использованию королевских регалий и организации пышных коронаций. Некоторые монархи или не хотели быть коронованными, или задерживали свои коронации до лучших времен. Тем не менее различные монархи заказывали для себя всевозможные дорогостоящие королевские регалии, которые независимо от того, использовались они или нет – включались затем в число коронных драгоценностей. К концу XVIII столетия сокровищница французских монархов была наполнена бесценными с исторической точки зрения реликвиями. В их числе находились легендарная корона Карла Великого; корона Людовика XV, изготовленная специально для его коронации в 1722 году; золотой скипетр 60-сантиметровой длины, изготовленный по заказу Карла V; другой золотой скипетр, с отделкой из слоновой кости; коронационный меч, по легенде, принадлежавший

Карлу Великому, а также многочисленные церемониальные чаши, державы, исторические реликвии и огромная коллекция драгоценных камней, в 1791 году насчитывавшая 9 547 алмазов. В их числе были всемирно известные алмазы «Регент», «Французский Синий», «Санси», «Гортензия», 135-каратный сапфир «Русполи».

До коронации Людовика XV в 1722 году французские короли использовали простую, почти ничем не украшенную корону Карла Великого. В последний раз ею был коронован Людовик XIV во время своей коронации в Реймском соборе в 1654 году. Его преемник Людовик XV пожелал обставить свою коронацию более пышно. Он заказал ювелирам Лорену Ронду и Августину Дюфло изготовить для него новую корону, щедро украшенную драгоценными камнями – алмазами, рубинами, изумрудами и сапфирами. В число этих камней входил и 140,5-каратный алмаз «Регент». В последний раз коронационные регалии были использованы 11 июня 1775 года при коронации несчастного Людовика XVI, убитого в 1793 году по распоряжению Конвента. В сентябре 1792 года, менее чем за полгода до убийства короля, коронные драгоценности, демонстрировавшиеся широкой публике в Гар-де-Мейбл, были разграблены. Часть их позже удалось найти, но некоторые из драгоценностей, включая легендарный алмаз «Французский Синий», бесследно пропали.

В XIX столетии изрядно оскудевшие драгоценности французской короны были пополнены сперва Наполеоном I, потом королями из династии Бурбонов и, наконец, Наполеоном III. Последняя в истории Франции коронация состоялась 28 мая 1825 года, когда король Карл X был коронован в Реймсе короной Людовика XV. Это был последний случай использования французских коронационных регалий по прямому назначению (Людовик XVIII, Луи-Филипп и Наполеон III отказались от официальной коронации).

В начале 1870-х годов, после падения Наполеона III, последний законный наследник французского престола граф Шамбор отказался от своих прав, и на этом история французской монархии завершилась. Это привело также к ликвидации остатков коронных драгоценностей. В мае 1887 года правительство Третьей республики, опасаясь реванша со стороны роялистов или бонапартистов, пошло на беспрецедентный шаг: министерству финансов было поручено организовать аукцион, на котором предстояло продать большинство драгоценностей прежних монархов – и королей, и императоров. Исключение было сделано лишь для нескольких предметов, представляющих исторический интерес: короны Людовика XV и Наполеона I, диадемы императрицы Евгении – супруги Наполеона III, алмаза «Регент» и еще пары-тройки раритетов.

С характерной для французских республиканцев мелочностью, все драгоценные камни корон были выковыряны и заменены цветным стеклом. В таком виде эти исторические реликвии ныне демонстрируются в Лувре.

В 2002 году луврское собрание французских монарших регалий пополнилось алмазно-изумрудной диадемой, изготовленной в 1819–1820 годах ювелироле Кристофом-Фредериком Бапстом для Марии-Терезии-Шарлотты, герцогине Ангулемской (1778–1851), дочерью Людовика XVI и Марии-Антуанетты, которой единственной из всей королевской семьи удалось пережить кровавую революцию. Еще одна

реликвия французского королевского дома, знаменитый сапфир «Русполи», ныне хранится в парижском Музее естествознания.

Сокровища британской короны

Местонахождение: замок Тауэр, Лондон, Великобритания

Лондонский Тауэр, живой свидетель истории Англии – один из наиболее посещаемых туристических объектов Великобритании. Ежегодно сюда приходят 2,5 млн человек. Одной из причин такой популярности является знаменитая выставка сокровищ британской короны, вот уже более семисот лет хранящихся в стенах древнего замка.

Эти символы тысячелетней английской монархии – короны, скипетры, мечи, утварь, ордена, знаки отличия, парадные облачения, уникальное собрание медалей и королевских крещальных купелей – представляют собой драгоценную часть национального наследия Великобритании. К сожалению, подавляющее большинство этих сокровищ относится уже к эпохе Нового времени – практически все древние регалии английских королей в 1649 году были уничтожены или распроданы по приказу Кромвеля. Лишь некоторые из них остались неповрежденными и позже были возвращены в сокровищницу британских монархов. Однако сохранились детальные описания старых регалий, и часть из них взамен утраченных была изготовлена заново для коронации короля Карла II Стюарта в 1661 году.

К числу таких копий относится Корона Святого Эдуарда. Она изготовлена по образцу древней короны короля Эдуарда Исповедника (1042–1066), которой до 1625 года короновались все английские монархи. В 1649 году она была разбита на части и переплавлена; считается, что часть золота, из которого изготовлена нынешняя Корона Святого Эдуарда, принадлежала старой короне. Украшенный 444 полудрагоценными камнями, этот венец используется в церемониях коронации; его стилизованное изображение присутствует в гербе Великобритании.

Знаменитая Большая императорская корона изготовлена в 1837 году для коронации королевы Виктории и была заново оформлена в 1938 году при коронации Георга VI. Ныне эта корона увенчивает главу королевы только раз в год – при открытии очередной парламентской сессии. Ее украшают 2868 бриллиантов, в числе которых – южноафриканский бриллиант «Куллинан II» («Малая звезда Африки» массой в 317,4 карат, а также 273 жемчужины, 17 сапфиров, 11 изумрудов и 5 рубинов. Среди них – огромная красная шпинель, известная под названием «Черный Принц». Этот камень, долгое время считавшийся рубином, по преданию, был подарен в 1367 году королем Педро Кастильским принцу Эдуарду Уэльскому – знаменитому «Черному принцу». Другой исторический камень, украшающий Большую императорскую корону Великобритании, – знаменитый сапфир Стюарта, великолепный овальный камень массой 104 карата, некогда входивший в число драгоценностей шотландской короны. Большой синий сапфир, установленный в центре креста на вершине короны – не менее знаменитый сапфир Святого Эдуарда (по легенде, он принадлежал еще Эдуарду Исповеднику), а четыре больших каплеобразных жемчужины, как считают, когда-то украшали серьги королевы Елизаветы I (1558–1603).

Императорская корона Индии была специально изготовлена для визита короля Георга V (1910–1936) в Дели в качестве императора Индии. Буквально усыпанная алмазами – их здесь насчитывается более шести тысяч! – это одна из самых тяжелых корон в собрании. Возможно, поэтому со времен Георга V она практически не использовалась.

Королевы-консорты, то есть жены правящих монархов, традиционно носили Корону королевы Марии, супруги короля Якова II (1685–1688). К началу XX столетия эта маленькая корона пришла уже в весьма ветхое состояние. Новая корона была изготовлена для королевы Александры, супруги Эдуарда VII (1901–1910). Другая корона, выполненная в духе средневековых британских королевских венцов, предназначалась для королевы Марии, жены короля Георга V; эта чета короновалась в 1911 году. Еще одна корона была сделана для Елизаветы, супруга короля Георга VI, вступившего на престол в 1937 году; короны всех трех королев по традиции украшал легендарный алмаз «Кох-и-Нур», переходивший с одного венца на другой. Вдовствующая королева Елизавета, она же «королева-мать» и «бабушка нации», скончалась в 2002 году; корона с «Кох-и-Нуром» сопровождала ее в последний путь.

К числу королевских регалий, изготовленных к коронации Карла II в 1661 году, относятся и два скипетра – «скипетр с крестом» и «скипетр с голубем», названные так по увенчивающим их кресту и голубю – символу Святого Духа. Парадный «скипетр с крестом» (во время обряда коронации монарх держит его в правой руке) целиком сделан из золота, его длина составляет 92,2 см, масса – около 4 кг. Он украшен эмалью и 393 драгоценными камнями, в числе которых всемирно известный бриллиант «Куллинан I» (530,2 карата) вплоть до начала 1990-х годов удерживавший за собой звание самого большого бриллианта в мире. В шар, увенчивающий скипетр, вделана частица Креста Господня. Золотая, полая внутри держава диаметром 6,5 дюйма также изготовлена в 1661 году для коронации Карла I; ее украшает более 600 драгоценных камней.

В обряде коронации используются пять мечей, и каждый из них имеет свое особое значение – один из них несут перед монархом как символ власти, другим архиепископ опоясывает монарха; в их числе есть Меч милосердия и Меч Духовного Правосудия. Три хранящихся в Тауэре меча, благополучно уцелев во времена Кромвеля, представляют собой часть древних регалий английской короны. Другими чудом уцелевшими предметами являются сосуд для елея и ложка для помазания. По традиции, этот обряд совершает над монархом во время коронации архиепископ Кентерберийский. Золотой сосуд, изготовленный в форме орла, имеет высоту 8,1 дюйма; в клюве орла имеется отверстие, через которое елей льют в золотую, украшенную жемчугом ложку. Последняя изготовлена еще в XII столетии и на сегодняшний день представляет собой самый древний предмет среди регалий британской короны.

В Средние века каждый английский монарх во время коронации надевал на палец золотое кольцо, что символизировало его «брак с нацией». Эта традиция была возобновлена королем Вильгельмом IV в 1831 году. Изготовленное специально для него золотое кольцо входит с тех пор в число королевских регалий. Еще один символ монархии – золотые коронационные браслеты, точное происхождение которых неизвестно. Считается, что в символической форме они призваны изображать королевскую мудрость. В последний раз набор золотых браслетов изготавливался для коронации королевы Елизаветы II в 1952 году; они стали даром от различных стран – членов британского Содружества наций: Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, ЮАР, Пакистана, Цейлона (ныне Шри-Ланка) и Южной Родезии (ныне Зимбабве).

Лондонский Тауэр служит местом хранения сокровищ британской короны с 1303 года. До того они хранились в Вестминстерском аббатстве, откуда были похищены. Но и Тауэр оказался не вполне надежным местом для них: во времена Карла II полковник Томас Блуд сумел связать хранителя, проникнуть в королевскую сокровищницу, и лишь счастливый случай помог спасти королевские регалии. А в годы Второй мировой войны сокровища британских монархов были тайно вывезены в Канаду и наряду с золотыми слитками Банка Англии оставались там вплоть до окончания военных действий.

Регалии шотландских королей

Местонахождение: Эдинбургский замок, Эдинбург, Великобритания

Древний замок, расположенный в центре шотландской столицы Эдинбурга, вырастает, как кажется, прямо из крутой базальтовой скалы. На протяжении своей долгой истории, подобно многим другим средневековым крепостям, он неоднократно подвергался разрушениям, а затем отстраивался вновь. Сегодня Эдинбургский замок представляет собой живописный комплекс разновременных построек, высящихся на вершине Замковой горы, царящей над городом. По обеим сторонам от входа в 1929 году были установлены статуи исторических деятелей, напоминающие о бурных событиях шотландской истории. Одна из статуй изображает Ричарда Уолласа – руководителя восстания шотландцев против английского владычества в 1297 году, другая – Роберта Брюса, короля Шотландии в 1306–1329 годах. Продолжив дело Уолласа, Брюс одержал ряд побед над англичанами, и ему удалось даже завладеть северными графствами Англии. В итоге в 1328 году, за год до смерти Брюса, Шотландия вновь стала независимым королевством.

О временах героической борьбы шотландцев за свою свободу сегодня напоминают старинные королевские регалии – корона, меч и скипетр, – хранящиеся в одном из залов Эдинбургского замка. Эти символы шотландской государственности являются самыми древними королевскими регалиями на Британских островах.

Золотая королевская корона, вероятно, относится ко временам Роберта Брюса, то есть к концу XIII – началу XIV века. Она целиком сделана из местных материалов, чем шотландцы очень гордятся: золото добыто на руднике в Кроуфорд Мур, жемчуг, украшающий корону, добыт в реках Шотландии. В 1540 году по распоряжению короля Якова VI (Якова I Английского) корона получила новое оформление; этот заказ, как считается, выполняли мастера из Франции. В этом своем новом облике корона использовалась при коронации Марии Стюарт в 1543 году, а

впоследствии при коронациях ее сына Якова VI в Стирлинге в 1567 году и ее внука Карла I в эдинбургском дворце Холируд в 1633 году; в последний раз ее надевал во время коронации в 1651 году Карл II.

Королевский скипетр – подарок от римского папы Иннокентия VIII шотландскому королю Якову IV Стюарту (1488–1513), присланный в 1494 году из Рима. Так же как и корона, он был заново оформлен при Якове VI, инициалы которого выгравированы на скипетре. В своем нынешнем виде скипетр представляет собой жезл из позолоченного серебра, увенчанный шаром из горного хрусталя в золоченой оправе. Пресноводный жемчуг из шотландских рек, украшающий навершие скипетра, – позднее дополнение, сделанное уже по распоряжению Якова VI.

Государственный меч, прекрасный образец мастерства средневековых оружейников, был прислан королю Якову IV в 1507 году римским папой Юлием II. Лезвие меча достигает одного метра в длину.

Шотландским королевским регалиям выпала нелегкая судьба – как впрочем, и всему Шотландскому королевству. В 1603 году, когда королева Елизавета I Английская умерла, шотландский король Яков VI Стюарт был избран королем Англии под именем Якова I, объединив под своей властью Англию и Шотландию. Его преемник Карл I, король Англии и Шотландии, был казнен в 1649 году по распоряжению Оливера Кромвеля. На следующий год его сын Карл (будущий Карл II Стюарт) высадился со своими сторонниками на северо-востоке Шотландии и поднял знамя восстания против узурпатора. Армия Кромвеля вторглась в Шотландию. Сторонники Стюартов поспешно короновали Карла в замке Сконе, так как столица Шотландии Эдинбург уже находилась в руках англичан. К этому времени Кромвель успел уничтожить ненавистные в его глазах символы «тирании» – древние регалии английских королей, и символы шотландской монархии были следующими в его списке.

Армия Кромвеля быстро продвигалась к Сконе, и король Карл приказал любой ценой спасти драгоценные реликвии Шотландии. Корона, скипетр и меч были перевезены в хорошо укрепленный замок Дунноттар. Узнав об этом, Кромвель приказал своим отрядам немедленно осадить замок.

На протяжении восьми месяцев крошечный – всего 70 человек! – гарнизон Дунноттара отражал все атаки сторонников Кромвеля. Когда стало очевидно, что замок вот-вот падет, его защитники предприняли меры, чтобы спасти королевские регалии. Ранним утром корона, скипетр и меч были незаметно спущены на веревке по стене, выходившей в сторону морского побережья, где их приняла женщина-служанка, якобы собиравшая на берегу водоросли. Спрятав реликвии в корзине с водорослями, она отнесла их в Киннефф – деревню, расположенную в нескольких милях к югу. Здесь их взял на хранение настоятель местного протестантского храма Джеймс Грейнджер.

Первое время пастор хранил регалии у себя под кроватью, а потом вместе с женой переправил их в устроенный под полом церкви тайник, завернув в льняную ткань. Раз в три месяца они по ночам извлекали реликвии, чтобы проветрить их от влаги. Таким образом шотландские королевские регалии пролежали в тайнике в течение девяти лет, в то время как ищейки Кромвеля, сбиваясь с ног, безуспешно искали их по всей

стране.

При восстановлении монархии в 1660 году спасенные королевские регалии были извлечены из земли и торжественно доставлены в Эдинбург. В дальнейшем они всякий раз присутствовали на заседаниях шотландского парламента, символизируя тем самым незримое присутствие короля. В 1707 году, после провозглашения унии Шотландии с Англией, когда Шотландия окончательно утратила свою независимость, а шотландский парламент был распущен, регалии запечатали в дубовый сундук и оставили храниться в опустевшем королевском дворце.

За сто лет их местонахождение успело забыться. Никто не знал, что случилось с ними. Ходили слухи, что регалии шотландкой короны вывезли в Англию. Только в 1818 году специальная правительственная комиссия, созданная по инициативе и при участии известного шотландского писателя Вальтера Скотта, вскрыла заветный сундук и обнаружила королевские регалии в полной неприкосновенности – обернутые в льняные ткани, они лежали точно так же, как их оставили в 1707 году.

С тех пор шотландские корона, скипетр и меч хранятся в Эдинбургском замке, выставленные на всеобщее обозрение. По своему прямому назначению они с этих пор были использованы только один раз – в 1953 году, когда королева Великобритании Елизавета II посетила Эдинбург и по ее настоянию регалии были вынесены в кафедральный собор Сент-Джайлз для торжественной церемонии.

Корона Святого Стефана и венгерские коронационные регалии

Местонахождение: здание Парламента, Будапешт, Венгрия

Когда 6 января 1978 года сопровождаемый усиленной охраной автобус вез по улицам Будапешта возвратившиеся из США регалии венгерской короны, многие люди вставали на колени: на родину возвращалось величайшее сокровище нации, легендарная корона Святого Стефана, Священная Корона Венгрии…

Вероятно, во всем мире не найдется другой национальной реликвии, которая была бы окружена таким благоговейным почтением и играла бы подобную почти мистическую роль в судьбах страны и народа. Мало отыщется и таких, что могут сравниться с регалиями венгерской короны по древности и сохранности, и уж точно – по наполненной приключениями истории. И всякий раз, когда корона вновь возвращалась в Венгрию, это вызывало особый эмоциональный подъем во всей стране.

На протяжении десяти столетий Священная Корона была и остается для венгров гораздо большим, чем просто королевская регалия. Она символизировала собой все королевство, весь народ, всю венгерскую нацию. Именно поэтому ее стремились спасти и сохранить даже в самых безнадежных, самых опасных ситуациях – без Священной Короны Венгрия не была бы Венгрией.

Еще во времена короля Кальмана (1095–1116) родилась и позже получила широкое хождение теория, согласно которой верховную власть в стране символизирует не король, а Священная Корона. Все, что есть в королевстве – земли, села, города, замки, – принадлежит не королю, а Священной Короне. И если какой-либо знатный род прекращал свое существование, то его земли переходили не под власть короля, а под власть Священной Короны. Приговоры в судах объявлялись не именем короля, но именем Короны. В те моменты бурной венгерской истории, когда страна вообще не имела короля, присягу приносили Священной Короне. А новые земли, присоединявшиеся к Венгрии – Хорватия, Далмация, Славония, Босния, – становились не владениями венгерского короля, а землями Священной Короны.

На протяжении веков венгры видели в Священной Короне не только символ власти, но и необходимое условие для обретения королевских полномочий. Считалось, что власть короля является законной только при соблюдении им трех условий: во-первых, он должен быть коронован только

короной Святого Стефана; во-вторых, короновать его должен только глава венгерской церкви, архиепископ Эстергомский; в-третьих, коронация должна непременно состояться в городе Фехервар (Секешфехервар). Неисполнение претендентом на трон хотя бы одного из этих пунктов могло привести к самым серьезным последствиям.

Ради обладания Священной Короной велись войны; ее похищали, выкупали, прятали, закапывали в землю. Ее история неотделима от истории страны. А началась она в далеком IX столетии…

«Боже, спаси нас от венгров!» Эта молитва без малого полувека звучала под сводами соборов и церквей Европы. Конные воины кочевого народа, во главе со своим вождем Арпадом пришедшего в 896 году из предгорий Урала, подобно вихрю налетали на европейские города, замки и аббатства, сметая все на своем пути. На протяжении нескольких десятилетий они держали в страхе всю Центральную Европу. В середине X века их дальнейшее продвижение было остановлено в битве под Аугсбургом, и венгры (мадьяры) осели на землях Паннонии и Трансильвании, время от времени совершая набеги на соседей.

Светские и духовные правители Европы мечом и крестом пытались обуздать пришельцев. В 997 году вождем венгров стал Вайк (ок.970/975—1038), потомок Арпада. Он принял святое крещение под именем Стефана (венг. Иштван) и в 1000 году стал первым королем Венгрии. Римский папа Сильвестр II прислал ему в дар золотую королевскую корону, которой в будущем предстояло стать символом страны. Это был символический акт, подчеркивавший независимость страны: тем самым папа признавал Иштвана суверенным христианским монархом.

Многие венгры до сих пор верят, что Священная Корона – это и есть та самая корона Святого Иштвана (первый венгерский король был канонизирован в 1083 году), которую он получил из рук папы Сильвестра. Однако исследователи давно установили, что в реальности она создана не ранее конца XI столетия. Более того: она состоит из. двух совершенно разных корон!

Нижнюю часть короны Святого Иштвана называют Греческой короной (corona graeca), а верхнюю – Латинской (corona latina). Греческая корона имеет, несомненно, византийское происхождение. Основу ее составляет широкий золотой обруч, украшенный крупными драгоценными камнями и эмалевыми медальонами византийской работы. Сверху и снизу по краю обруча тянутся ряды жемчужин, а верхнюю его часть увенчивают девять чередующихся треугольных и полукруглых зубцов из золота и эмали. Снизу от обруча ниспадают девять золотых подвесок – по четыре слева и справа и одна сзади. Украшенные драгоценными камнями, эти подвески являются характерной деталью византийских императорских корон.

На эмалевом медальоне в центре короны помещено изображение Христа Пантократора, сидящего на троне, с поднятой в благословляющем жесте правой рукой и книгой в левой. Слева и справа от него – архангелы Михаил и Гавриил, затем идут фигуры святых воинов Георгия Победоносца и Димитрия, святых врачевателей Козьмы и Дамиана. На медальоне в задней части короны изображен византийский император Михаил VII Дука,

а по сторонам – его юный соправитель, император Константин Багрянородный и венгерский король Геза I. Период одновременного пребывания у власти всех этих трех монархов очень узок – 1074–1077 годы, поэтому многие исследователи склонны полагать, что корона изготовлена именно в эти годы.

Эмалевые медальоны разделены крупными драгоценными камнями: двумя большими индийскими сапфирами, красным альмандином и зеленым стеклом, имитирующим изумруд. В Средние века эти камни имели символические значения: синий сапфир был связан с небом, красный альмандин представлял собой энергию огня, а зеленый цвет изображал землю; таким образом, все вместе они символизируют природные стихии, а в совокупности с фигурами Иисуса Христа, святых и земных владык корона была настоящей моделью Вселенной.

Но когда и каким образом это произведение византийских придворных ювелиров попало в Венгрию? Скорее всего, ее привезла как дар от императора Михаила Дуки византийская принцесса Синадена, ставшая женой венгерского короля Гезы I (1074–1077), однако документальные источники, подтверждающие это предположение, пока не обнаружены.

Происхождение верхней части короны Святого Стефана – так называемой Латинской короны – еще более загадочно. По одной из версий, она представляет собой уцелевший остаток той самой короны, которую папа Сильвестр II прислал в 1000 году Иштвану Святому. Однако многие исследователи убеждены, что это вообще не корона, и высказывают самые разные предположения относительно ее первоначального предназначения. Это могла быть часть декоративного оформления какой-то рукописной книги, или фрагмент переносного алтаря, а может быть, это так называемая «звездица» – богослужебный предмет в виде двух крестообразно сложенных и скрепленных на вершине металлических дуг, используемый в византийском литургическом обряде. В любом случае Латинская корона представляет собой фрагмент чего-то, что позже было утрачено.

Образующие ее две золотые перекрещивающиеся полосы украшены эмалевыми медальонами с изображениями восьми апостолов; имеются признаки, что первоначально их было все-таки двенадцать, как и положено. На вершине короны помещена эмалевая фигура Христа в образе Пантократора – Владыки мира. Все медальоны окружены золотой филигранью, жемчугом и альмандинами.

В отличие от медальонов нижней короны, несомненно, изготовленных константинопольскими мастерами, медальоны верхней короны, по-видимому, сделаны в Венгрии. По поводу даты этого события ведутся споры; диапазон предлагаемых вариантов ответа колеблется от 1160 до 1230 годов.

Знаменитый наклонившийся крест, увенчивающий корону Святого Стефана, – наиболее примечательный и запоминающийся ее элемент. Тут же появляются вопросы: а почему он наклонился? Почему его не выправляют? Какой в этом смысл?

Сегодня уже никто не может достоверно объяснить, по какой причине крест занял такое необычное положение. По одной из легенд, это

произошло во время очередных междоусобиц в Венгерском королевстве, столь частых в XIV–XV веках. Тогда, спасая священную реликвию от рук узурпаторов, корону зарыли в землю вместе с другими королевскими регалиями. А когда гроза миновала, ее выкопали вновь, но при этом лопатой задели крест, и он наклонился… Впрочем, это только одна из множества легенд, и причем не самая достоверная. Можно с уверенностью утверждать только одно: на самом раннем дошедшем до нас изображении Священной Короны, относящемся к XVIII столетию, крест уже имеет наклонное положение.

Считается, что первоначально корону Святого Иштвана увенчивал крест-реликварий, содержащий в себе частицу Креста Господня. Возможно, именно в этом и кроется причина того глубокого почитания, которым еще во времена Средневековья была окружена корона; возможно, отсюда и происходит ее наименование – Священная. В 1551 году королева Изабелла сняла этот крест и отдала его в качестве наперсного своему сыну, Яношу Жигмонду (Сигизмунду). Существующий золотой крест уже поздний, он датируется XVI столетием. Первоначально он находился в вертикальном положении, но когда и каким образом наклонился, неизвестно; несомненно, это результат какого-то физического воздействия. Как бы то ни было, исправлять его не стали, и наклонившийся крест до сих пор увенчивает корону Святого Стефана, создавая на редкость запоминающийся образ.

Обе части короны – нижняя Греческая и верхняя Латинская – были соединены на рубеже XII–XIII веков. Во всяком случае, в 1166 году Священная Корона уже существовала в своем нынешнем виде. Таким образом, ее возраст составляет более 800 лет – это самая древняя королевская регалия Европы! И несмотря на то что над ее созданием трудились разные мастера, жившие в разное время и в разных странах, она тем не менее представляет собой на редкость гармоничное и цельное произведение ювелирного искусства эпохи Средневековья.

История Священной Короны весьма насыщена событиями. В 1241 году король Бела IV укрыл ее в горной крепости Клис (Хорватия), спасая реликвию от вторжения татар. Ас 1301 года, когда скончался последний король из династии Арпадов и монархов начали избирать на престол, стремление завладеть короной стала голубой мечтой всех претендентов на венгерский трон: ведь тот, кто владел Священной Короной, владел Венгрией!

В 1307 году трансильванский воевода Ладислав захватил в плен венгерского короля Отто, отобрал у него корону и другие регалии, и хранил их у себя до 1310 года, когда под угрозой отлучения от церкви был вынужден вернуть их назад. Взошедший в 1308 году на престол король Карл Роберт Анжуйский попал в весьма затруднительное положение: ведь он не мог короноваться короной Святого Стефана, а следовательно, в глазах венгров был нелегитимен! Страна оказалась на грани анархии, и лишь спустя два года, когда воевода Ладислав все-таки возвратил корону, Карл Анжуйский наконец смог почувствовать себя королем.

В 1440 году, во время разгоревшейся после смерти короля Альберта ожесточенной борьбы за трон, священная реликвия была похищена вдовой покойного короля, Елизаветой. Стремясь сохранить право на венгерский трон за своим сыном, находящимся еще во младенчестве, она предложила

корону польскому королю Владиславу при условии, что тот сделает ее сына своим преемником. Эта сделка, однако, сорвалась, и тогда Елизавета отослала корону своему родственнику, австрийскому императору Фридриху III. Тот имел собственные виды на венгерский трон и отказывался отдавать корону назад вплоть до 1463 года. Королю Венгрии Матьяшу Корвину пришлось выкупать ее за астрономическую сумму.

В 1526 году, после катастрофического для венгров поражения от турок при Мохаче, один из венгерских вельмож, Петер Перени, пытался укрыть Священную Корону за стенами одного из замков, однако в итоге она все же попала в руки турецкого султана Сулеймана Великолепного.

Играя на противоречиях между венгерскими феодалами, султан пожаловал этот символ венгерской монархии трансильванскому воеводе Яношу Запольяи, предавшему интересы страны и перешедшему на сторону турок. Один из современников этих событий приводит в своих записках следующую легенду: когда Янош Запольяи надевал корону, она начинала вращаться, словно пытаясь свалиться с головы недостойного человека, чьи руки были запятнаны кровью соотечественников.

После смерти Яноша Запольяи его вдова отдала Священную Корону австрийскому императору Фердинанду I, принявшему титул короля Венгрии, который с тех пор вплоть до 1918 года сохранялся за его преемниками. На протяжении многих десятилетий корона хранилась в сокровищнице Габсбургов, переезжая из Вены в Прагу и обратно. В 1608 году было решено, что регалии венгерской короны будут постоянно храниться в замке Пожонь (Братислава), где по существовавшему в ту пору обычаю австрийские императоры короновались на венгерский трон. В последующие годы Священная Корона трижды покидала этот замок: в 1616–1622 годах, во время Тридцатилетней войны, ее вывозили в Вену; в 1644 году, когда в Венгрию вторглись войска трансильванского воеводы, корону эвакуировали в Дьер, и в 1683 году, во время турецкого нашествия, ее снова пришлось спасать за стенами австрийской столицы.

В 1703 году корону снова вывезли в Вену. Формальной причиной стал пожар в замке Пожонь, вызванный ударом молнии, однако в реальности это было связано с разгоревшейся в Венгрии войной за независимость, которую возглавил Ференц Ракоци. Венгерское восстание, однако, потерпело неудачу, после чего в 1712 году корона вновь была возвращена в Пожонь. Она оставалась там до 1784 года.

Император Иосиф II, проводивший политику просвещенного абсолютизма, отказался возобновлять старый обычай короноваться на венгерский трон в Пожони и приказал вывезти корону в Вену. Перед смертью он, правда, отменил этот декрет, однако с 1790 года все австрийские монархи короновались на венгерский трон уже в городе Буда, который с 1867 года стал называться Будапештом. В последний раз этот торжественный ритуал имел место в 1916 году, при восхождении на трон последнего монарха Австро-Венгрии Карла IV. А более чем за полвека до этого, в 1848 году, венгры предприняли последнюю попытку отстоять свою независимость, подняв вооруженное восстание, охватившее все провинции Венгерского королевства.

Когда после десяти месяцев борьбы революция потерпела поражение, лидеры мятежников сложили вывезенные из Буды регалии

венгерской короны в окованный железом сундук и закопали его на берегу реки близ города Оршова (ныне на территории Румынии) в надежде, что когда-нибудь венгры опять поднимутся на борьбу и тогда Священная Корона станет знаменем нового восстания. Однако в 1853 году кто-то сообщил австрийским властям о местонахождении сундука. Королевские регалии были извлечены из земли и с почестями возвращены в Будапешт. Что же касается независимости, то Венгрия обрела ее лишь в 1918 году, после распада Австро-Венгерской монархии.

Когда встал вопрос о форме государственного устройства страны, большинство венгров выступило в пользу сохранения монархии. Проблема, однако, заключалась в том, что никто из представителей европейских королевских домов не спешил занять пустующий венгерский трон. Таким образом, с 1919 по 1946 год Венгрия оставалась монархией без монарха. Это, однако, мало кого удручало – ведь символом национального суверенитета оставалась овеянная легендами Священная Корона. Вместо традиционного профиля правящего монарха на почтовых марках и денежных знаках появились изображения Короны; эти изображения можно было видеть и на фасадах общественных зданий, в национальном гербе и на национальном флаге. На Священной Короне приносили присягу все вступающие в высшие должности политические деятели; последним из них был Ференц Салаши, лидер венгерских фашистов. В 1944 году он при поддержке Берлина сверг правительство регента – адмирала Хорти и открыл доступ в страну немецким войскам, фактически установившим в Венгрии режим оккупации.

Весной 1945 года, когда части Красной армии с боями вошли на территорию Венгрии, Салаши бежал в Австрию, прихватив с собой корону и другие королевские регалии. Уже в последние дни войны он распорядился сложить реликвии в пустую металлическую бочку из-под нефти и закопать. И когда американским солдатам попали в руки ящики, содержащие, судя по описи, регалии венгерской короны, они с удивлением обнаружили, что эти ящики пусты…

Пропажа отыскалась лишь спустя несколько недель – один из участников операции по перепрятыванию реликвий выдал их местонахождение американцам. Драгоценные предметы были со всеми предосторожностями извлечены из земли и отправлены в США. До 1978 года они хранились в Форт-Ноксе, штат Кентукки – там, где, как известно, хранится золотой запас США. Американское правительство неоднократно подчеркивало, что не считает их военными трофеями, но в обстановке «холодной войны» вопрос о возвращении реликвий на родину не мог быть решен в одночасье: ведь после войны в Венгрии был установлен коммунистический режим. Лишь 5 января 1978 года, после долгих переговоров, тогдашний госсекретарь США Сайрус Вэнс передал регалии венгерским представителям. И 6 января 1978 года Священная Корона после долгих странствий снова вернулась в Будапешт.

До 2000 года корона Святого Иштвана в числе других королевских регалий экспонировалась в Венгерском национальном музее. Однако 1 января 2000 года она была торжественно доставлена в здание Парламента в Будапеште. Древний символ страны вновь вернулся в средоточие общественной жизни – ведь без Священной Короны нет Венгрии…

Наряду с короной в здание Парламента были перевезены другие регалии венгерских королей: скипетр, держава и коронационный меч. Последняя регалия, коронационная мантия, остается в Национальном музее.

Венгерский скипетр не похож ни на один скипетр монархов Европы и представляет собой очень древний тип знаков королевской власти, восходящий еще к эпохе великого переселения народов, когда в Европу волна за волной вторгались орды степных кочевников, приносившие с собой специфические культурные веяния. Авары, в VI веке поселившиеся на землях Паннонии и Трансильвании, по-видимому, стали первыми, кто познакомил европейцев с булавой – традиционным оружием степняков. Во всяком случае, именно из раскопок аварских могильников в Венгрии происходят костяные сферические булавы, своим видом напоминающие венгерский королевский скипетр.

Как считается, он был изготовлен в правление короля Белы III (1173–1196). Навершие скипетра представляет собой сферу диаметром 7 см, выточенную из горного хрусталя и оправленную в золото. На фоне филигранного узора из серебряной позолоченной проволоки, покрывающего оправу, выделяются фигуры трех седящих львов. Некоторые особенности заставили исследователей предположить, что это – работа египетских ювелиров X столетия, работавших при дворе правителей из династии Фатимидов. К оправе на золотых цепочках крепятся золотые шарики-подвески, которые, в соответствии с восточными поверьями, своим позваниванием были призваны отгонять злых духов. Навершие насажено на ореховую рукоять, также покрытую позолоченными серебряными украшениями.

Коронационный шар-держава изготовлен не ранее XIV столетия. Он состоит из двух серебряных полушарий, спаянных вместе и позолоченных. Шар увенчивает двойной апостольский крест, который, как считается, был прислан Святому Стефану римским папой Сильвестром II в 1000 году в знак предстоящей королю миссии – обратить язычников-венгров в христианство. К передней и тыльной части шара прикреплены небольшие золотые щитки, несущие объединенный герб из венгерских «полос Арпада» и лилий неаполитанского королевского дома Анжу. Подобный герб использовался в Венгрии в течение лишь небольшого отрезка времени – в годы правления короля Карла Роберта Анжуйского (1308–1342). На основании этого многие исследователи считают, что держава была изготовлена именно в это время, хотя в реальности герб мог быть добавлен и позднее.

Коронационный меч – символ защиты страны. По средневековой традиции, после коронации король верхом на лошади поднимался на вершину холма и поочередно направлял острие меча на все четыре стороны света. Это был знак, что он защитит страну от нападений с любого направления.

Первоначальный коронационный меч Святого Стефана давно утрачен. Входящий ныне в число королевских регалий меч изготовлен в XVI столетии, по всей видимости, венецианскими мастерами.

Последний предмет, относящийся к числу регалий венгерской короны – коронационная мантия, – представляет собой совершенно

уникальное произведение мастеров Средневековья. Она датируется 1031 годом, то есть принадлежит к числу древнейших дошедших до наших дней текстильных изделий. Мантия изготовлена из темно-фиолетового византийского шелка и расшита золотой нитью. Вышитая на ней латинская надпись проливает свет на дату изготовления и раннюю историю мантии: «Casula hec operata et data ecclesiae Sanctae Mariae sitae in civitate Alba anno incarnacionis xpi MXXXI indiccione XIII a Stephano rege et Gisla regina» («Эта риза изготовлена в 1031 году от воплощения Христа, в 13-м индикте, королем Стефаном и королевой Гизелой, и дана аббатству Святой Марии в Фехерваре»). Следовательно, возраст реликвии составляет более 900 лет!

Мантия расшита фигурами ангелов, ветхозаветных пророков, апостолов и святых. На фоне большого креста изображена фигура Иисуса Христа: он попирает ногами дракона и льва – знак его победы над смертью и грехом. Справа и слева изображены Дева Мария и святой евангелист Иоанн. В другой сцене Христос представлен в образе Пантократора, сидящим на троне с правой рукой, поднятой для благословения, и с книгой в левой. По сторонам от него фигуры двенадцати апостолов. Ниже – король Стефан с державой и копьем и королева Гизела с моделью аббатства в руках. Портреты королевской четы дополняет изображение юноши; по-видимому, это их сын, принц Эмерик, скончавшийся в молодом возрасте.

Коронационная мантия – единственная реликвия, целиком сохранившаяся от времени правления короля Стефана и таким образом являющаяся древнейшей в числе венгерских королевских регалий. Она дошла до наших дней практически неповрежденной; лишь во времена короля Белы III (1173–1196) ее частично переделали. Тогда, в частности, к мантии добавился расшитый жемчугом воротник.

До 1918 года в число королевских регалий входила и корона венгерских королев, изготовленная в начале XIX века. Она хранилась в сокровищнице Габсбургов в Вене. Свергнутый в 1918 году император Карл IV, отправляясь в изгнание в Швейцарию, взял корону с собой, и с тех пор ее местонахождение неизвестно. За исключением этой потери, ансамбль венгерских королевских регалий сохранился до наших дней во всей полноте, что является уникальным случаем в истории. И хотя они не все из них столь стары, как любят рассказывать венгры, возводящие происхождение Священной Короны ко временам Иштвана Святого, это ничуть не умаляет их исторического значения: ведь как бы то ни было, регалии венгерской короны действительно являются самыми древними в Европе.

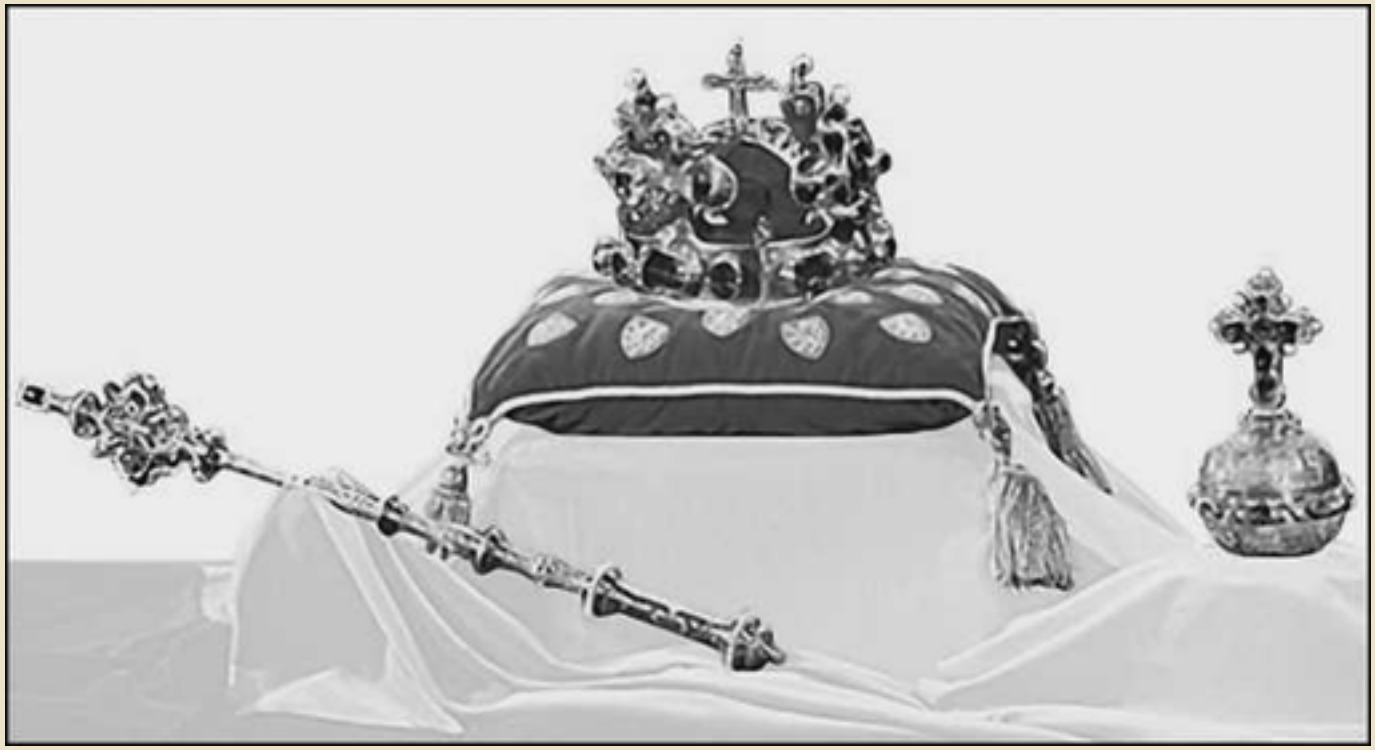
Корона Святого Вацлава и чешские королевские регалии

Местонахождение: собор Святого Вита, Прага, Чехия

Знаменитый на весь мир Пражский Град занимает первое место в числе памятников чешского культурного наследия. Второе место в этом списке знатоки неизменно отводят чешским королевским регалиям. Они хранятся здесь же, на территории Пражского Града, в стенах собора Святого Вита. Считается, что стоимость этих реликвий не может быть определена в денежном выражении – они бесценны. Помимо несомненных художественных достоинств и бесспорной исторической значимости

королевские регалии стали символом чешской государственности.

Чтобы попасть в сокровищницу, где хранятся реликвии, следует пройти через капеллу Святого Вацлава (1362–1364), которую называют сокровищницей чешского готического искусства. Капелла построена над гробницей Святого Вацлава, чешского князя в 924–935 годах, считающегося небесным покровителем Чехии. При князе Вацлаве чехи приняли христианство. Впоследствии князь был убит своим младшим братом и после гибели причислен к лику святых. В центре капеллы возвышается статуя Святого Вацлава работы известного мастера Петра Парлержа. Князь изображен в доспехах, в полном вооружении, на фоне стенной живописи, изображающей сцены из его жизни. В образе Св. Вацлава скульптор воплотил идеал святого короля.

Из часовни Св. Вацлава узкая лестница ведет в небольшую камеру с толстыми стенами – палату коронных регалий. Это, без преувеличения, наименее доступное место во всем Пражском Граде. Дверь камеры (равно как и стальной сейф, в котором хранятся реликвии) заперта на семь замков, ключи от которых находятся в руках семи различных лиц. Это – президент республики, премьер-министр, архиепископ Пражский, спикеры обеих палат чешского парламента, настоятель собора Святого Вита и мэр Праги. Для того чтобы открыть дверь сокровищницы и сейф с королевскими регалиями, эти люди должны собраться все вместе. Традиция «семи ключей» была установлена в 1791 году австрийским императором Леопольдом II, когда он согласился выполнить просьбу

чешских сословий вернуть королевские регалии из Вены в Прагу.

Чешские королевские регалии включают в себя корону чешских королей – корону Святого Вацлава, державу, скипетр, коронационные облачения, золотой крест-реликварий и коронационный меч (меч Святого Вацлава).

Чешская королевская корона единственная в Европе имеет форму полукруглой шапки-митры. Она изготовлена из практически чистого золота (проба различных частей колеблется от 880-й до 920-й), весит почти два с половиной килограмма, а ее высота (включая крест) составляет 19 см при таком же диаметре. Корона была изготовлена в 1346 году для коронации Карла IV, но многие из украшающих ее драгоценных камней, бесспорно, на сто – двести лет старше. Жемчужины, украшающие корону, также гораздо старше. Они просверлены, то есть раньше были частью какого-то ожерелья. Работа над короной продолжалась вплоть до смерти Карла IV (1378), король постоянно требовал украсить ее все новыми и новыми редкими драгоценными камнями, которые ему удавалось приобрести. Таким образом, лишь в последней трети XIV столетия корона приобрела свой современный вид. Всего ее украшает 20 жемчужин и 91 драгоценный камень (19 сапфиров, 44 шпинели, 30 изумрудов, 1 рубин), причем сапфир на передней части короны – один из самых больших в мире. Одно время считалось, что корона украшена рубинами, однако в 1998 году, во время последней публичной демонстрации королевских регалий, эксперты обнаружили, что так называемые рубины (которые, как считалось, также принадлежали к числу самых больших в мире) в реальности являются шпинелями, а настоящих рубинов в короне только один.

Первым этой короной был коронован Карл IV (2 сентября 1347 года), последним – австрийский император Фердинанд (7 сентября 1836 года). Карл IV посвятил корону небесному заступнику страны, Святому Вацлаву, и завещал ее для коронации всех будущих чешских королей, его преемников. По распоряжению Карла корона была помещена на вечное хранение в собор Святого Вита. Существует легенда, что тот, кто возложит эту корону себе на голову, не имея на то законного права, умрет в течение года. Самый известный пример тому – смерть Рейнхарда Гейдриха, нацистского функционера, возглавлявшего в начале 1940-х годов администрацию оккупированной гитлеровцами Чехии.

Королевские скипетр и держава относятся, по-видимому, к первой половине XVI века (как считается, их изготовили в правление Фердинанда I, который был коронован в качестве короля Чехии в 1527 г.) и представляют собой уникальные произведения мастеров эпохи Ренессанса. Сделанная из почти чистого (18-каратного) золота держава весит 780 граммов и достигает 22 см в высоту. Она состоит из двух гладких полушарий, связанных декоративной лентой и увенчанных большим крестом. Ниже креста по кругу идет латинская надпись: «DOMINE IN VIRTUTE TUA LAETABITUR REX ET SUPER SALUTARE TUUM EXULTABIT» *[3] «Господи! Силою Твоею возвеселится царь и о спасении Твоем возрадуется» (Пс.20:2)* . Шар щедро украшен драгоценными камнями и жемчугом, тщательно подобранными; красные шпинели, синие сапфиры, матово-белый жемчуг прекрасно гармонируют с полированным золотом и красочной многоцветной эмалью. Поверхность обоих полушарий покрыта чрезвычайно тонкими рельефными

изображениями, связанными с темой коронации. На верхнем полушарии представлены сцены, иллюстрирующие историю царя Давида – его борьба с Голиафом и помазание на царство. Ниже изображена история грехопадения человека и изгнания из рая.

Золотой королевский скипетр достигает в длину 67 см и весит 1013 граммов. Он украшен четырьмя сапфирами, пятью шпинелями, шестьюдесятью двумя жемчужинами и эмалевыми вставками. Скипетр состоит из нескольких частей различной формы, соединенных друг с другом кольцами. Вся поверхность скипетра покрыта тонко гравированным растительным орнаментом с изображением виноградной лозы и листьев аканта. Навершие скипетра смоделировано в виде цветка, усыпанного драгоценными камнями и жемчугом.

Уникальная коллекция коронационных одеяний и их фрагментов хранится в Пражском Граде начиная с X столетия. Центральным пунктом этого собрания является коронационная мантия, изготовленная из шелка, затканного золотыми лилиями. Мантия шириной 312 см и длиной 236 см целиком обрамлена мехом горностая – «мехом королей». Точная дата изготовления мантии неизвестна; по совокупности данных исследователи относят ее к началу XVII столетия – к годам правления императора Фердинанда II. Он был коронован в качестве чешского короля в 1617 году и во время этой церемонии, по сообщениям источников, облачен в «мантию с золотыми лилиями». Последним королем, кто надевал на себя эту мантию, был Фердинанд V при коронации в 1836 году. С тех пор одеяние сохраняет за собой только историческое и историко-художественное значение.

Возраст коронационного меча Святого Вацлава составляет около семисот лет. В его рукояти устроен небольшой мощевик, где хранилась частица мощей Святого Вацлава.

Согласно посмертному распоряжению Карла IV, корона Святого Вацлава и другие регалии должны были постоянно храниться в соборе Святого Вита. Однако уже непосредственный преемник Карла – его сын Вацлав IV – нарушил отцовский завет и в начале XV столетия вывез королевские регалии в замок Карлштейн. Предполагалось, что здесь реликвии будут находиться в большей безопасности, чем в Праге, охваченной гуситским брожением. С тех пор место хранения реликвий менялось несколько раз. Во время Тридцатилетней войны они были переправлены в Вену, где оставались на постоянном хранение в течении полутора столетий. В Прагу их привозили только для очередной коронации. Окончательное возвращение чешских королевских регалий в 1791 году в Прагу стало национальным праздником.

В 1866 году, во время австро-прусской войны, регалии вновь на несколько месяцев оказались в Вене из опасения, что они могут стать военной добычей пруссаков. После провозглашения в 1918 году Чехословацкой республики королевские регалии окончательно утратили свою первоначальную функцию, но остались символами национальной независимости и государственности. С этого времени они покидали Прагу всего один раз – осенью 1938 года, накануне вторжения гитлеровцев, драгоценности были укрыты в сейфе Государственного банка в Жилине.

Согласно древней традиции, восходящей еще к XIV столетию, королевские регалии демонстрируются широкой публике только в

исключительных случаях и исключительно в пределах Пражского Града. В XX столетии таких случаев было всего девять.

«Щербец» и регалии польской короны

Местонахождение: Вавельский замок, Краков, Польша

В древней польской столице Кракове, в старинном Вавельском замке, в готических залах бывшей королевской сокровищницы, в стеклянной витрине хранится «Щербец» – меч, который на протяжении многих столетий традиционно использовался в церемонии коронации польских королей. Ныне это единственная дошедшая до нашей дней часть польских коронных драгоценностей – остальные утрачены во время многочисленных войн и политических неурядиц.

Древнейшими регалиями польской короны считаются копье Св. Маврикия и золотая диадема, подаренные германским императором Оттоном III князю Болеславу Храброму (992—1025) в 1000 году. В «Хронике Галла Анонима» сообщается, что император, прибывший в польскую столицу Гнезно во время своего паломничества к мощам Св. Адальберта (Войцеха), «снял со своей главы цесарскую диадему и возложил ее на голову Болеслава в знак примирения и дружбы и дал ему в дар гвоздь от Креста Господнего и копье Св. Маврикия».

Этот обряд, строго говоря, не был коронацией. Настоящая коронация Болеслава Храброго – первая в истории польского государства – имела место в 1025 году, незадолго до смерти короля. В том же году были коронованы его преемник Мешко II Ламберт с супругой Рыксой. После смерти Мешко Рыкса вывезла королевские регалии в Германию, и больше они никогда не вернулись на польскую землю.

В период феодальной раздробленности многие князья пытались возродить традицию торжественных коронаций и заказывали себе различные регалии, призванные символизировать их власть. Но лишь в 1-й половине XIV столетия этот обряд утвердился вновь.

В 1320 году король Владислав Локоток и его супруга Ядвига были коронованы в Вавельском соборе. Для этого акта была сделана новая королевская корона, которая использовалась вплоть до конца XVIII века. Изготовленная в художественных традициях готики, она состояла из девяти сегментов в виде золотых геральдических лилий. Позже корона несколько раз переделывалась; ее изображение можно видеть на портретах различных польских королей, сохранились ее подробные описания.

Известно, что в 1609 году в короне было 396 драгоценных камней и жемчужин, в 1730 – 454, а в 1792 – 474. Камни были добавлены в разные времена и обработаны в различной манере, среди них преобладали сапфиры и жемчуг.

В сокровищнице Вавельского замка хранились еще несколько государственных корон, использовавшихся для различных случаев: нашлемная корона Казимира III Великого, короны Сигизмунда II Августа и Анны Ягеллонки, две золотые диадемы XIII века, предположительно изготовленные для Болеслава V Стыдливого и королевы Кинги. Одна из корон была сделана для короля Августа II Саксонского, избранного королем Польши в 1697 году. Ныне она находится в Королевском замке в Дрездене (Германия), и это – единственная из всех сохранившихся до наших дней польских корон.

Вплоть до раздела Польши собрания коронных драгоценностей хранились в Вавельском замке. 15 июня 1794 года в Краков вошли прусские войска. Королевские сокровища были вывезены в Берлин. 17 марта 1809 года все шесть польских королевских корон были размонтированы, а позднее, в 1811 году, полученные из них золото (25 фунтов 27 лотов) и серебро (9 фунтов 77,8 лота) были пущены на чеканку монеты. Извлеченные из корон драгоценные камни и жемчуг отдали дирекции морской торговли для розничной продажи.

Сегодня в сокровищнице Вавельского замка хранится лишь коронационный меч – символ государственной власти. Предание утверждает, что это именно тот самый меч, который Болеслав Храбрый выщербил, ударив им в Золотые ворота Киева в 1018 году, отсюда и его название – «Щербец». На самом деле киевские Золотые ворота построены лишь в 1037 году – спустя 12 лет после смерти Болеслава Храброго, а сам меч, как установили исследователи, изготовлен не ранее последней четверти XII века и не позднее 1-й пол. XIII века, возможно – по заказу князя Конрада Мазовецкого.

«Щербец» использовался в коронациях всех польских монархов – от Владислава Локотка до Станислава Августа Понятовского (1764–1795). Вместе с другими королевскими регалиями он хранился в Вавельском кафедральном соборе, а позже был перенесен в коронную сокровищницу в Вавельском замке. Несколько раз он покидал стены Вавеля – в 1370–1412 годах меч находился в Венгрии, в 1655 году, во время шведской оккупации,

его эвакуировали в Силезию.

В 1795 году, когда королевская сокровищница была разграблена пруссаками (в это время были уничтожены ножны меча), «Щербец» вывезли в Германию. В 1819 году он оказался в руках князя Дмитрия Лобанова-Ростовского, который продал его в коллекцию А.Н. Демидова, князя Сан Донато. Затем «Щербец» был выкуплен А.П. Базилевским, и в 1878 году демонстрировался на Всемирной выставке в Париже, где был опознан как древний коронационный меч польских королей и позже приобретен петербургским Эрмитажем.

В 1924 году по условиям Рижского мирного договора между Советской Россией и Польшей «Щербец» был возвращен на Вавель. В сентябре 1939 года, когда началась Вторая мировая война, меч удалось вывезти во Францию, а в 1940 году, после падения Франции – в Канаду, вместе с золотым запасом польского Государственного банка. Лишь в 1961 году «Щербец» снова вернулся на родину.

Исторический меч имеет сравнительно небольшие размеры: общая длина 98,4 см, длина лезвия – 82 см, максимальная ширина лезвия – 5 см. Рукоять покрыта обкладками – золотыми и серебряными с позолотой пластинами. На пластинах сохранилась романская гравировка, свидетельствующая о древнем происхождении меча. Здесь изображены различные фигуры, в том числе Агнец Божий – символ Христа. Они окружены надписью «HEC FIGURA VALET AD AMOREM REGUM ET PRINCIPIUM IRAS IUDICUM» («Сия ознака влияет на любовь королей и князей, на гнев судей»). В навершие начертаны имена четырех евангелистов: «IHOANNES», «MATHEUS» (Матфей), «MARCUS», «LUCAS», а рядом помещены их символы. На гарде с одной стороны выгравирован древнееврейский текст, начертанный латинскими буквами: «CON CITOMON EEBE SEDALAI EBREHEL» («Беззаветную веру возбуждают имена Бога Седалаи и Эбрехель»). С другой стороны – его продолжение, но уже на латинском: «QUICUM-QUE HEC NOMI^ DEI SECUM TULERIT PERICULUM EI OMNINO NOCEBIT» («Когда кто-либо те имена Бога при себе носить будет, тому ни одна опасность не повредит»).

Незадолго до 1792 года рукоять меча была переделана. До этого на обкладках по сторонам центральной части рукояти имелись латинские надписи: «ISTE EST GLAD(ius) BOLESLAI DUC (is)» («Это меч князя Болеслава») и «CUM QUO EI DOMINUS S (aluator) O(mnes) AUXILIE-TUR ADVERSUS AMEN» («Которым Господь Спаситель, да поможет ему против неприятеля. Аминь»). Во время реставрации, проведенной А.П.Базилевским в XIX в., часть обкладок рукояти была перемещена, и в настоящее время их расположение отличается от первоначального.

На лезвии меча, в самом начале, имеется отверстие размерами 6,4 х 0,9 см. Это след от коррозии, иногда ошибочно трактуемый как место для хранения реликвий. Сейчас это отверстие закрывает готический щиток с изображением польского герба, который некогда находился на утраченных ножнах меча.

Помимо «Щербеца» в Вавельской сокровищнице хранится громадная хоругвь короля Сигизмунда Августа (1548–1572) – еще один немой свидетель коронаций польских королей и единственная из коронных драгоценностей, никогда не покидавшая стены Вавельского замка. Во

время гитлеровской окупации она оставалась в надежном укрытии. Хоругвь, как считается, была изготовлена для коронации Екатерины Австриячки, супруги короля Сигизмунда Августа (1553). На ней изображены гербы Королевства Польского и Великого княжества Литовского, окруженные венком из 33 земельных гербов.

В сокровищнице Вавельского замка сегодня можно увидеть державы, скипетры, изысканно украшенный золоченый меч Сигизмунда I Старого (1506–1548), которым король посвящал в рыцари (1-я четв. XVI в.), кольчугу Владислава IV, меч и шляпу с изображением Святого Духа, присланные Яну III Собескому папой Иннокентием XI в честь победы над турками под стенами Вены в 1683 году, мантию кавалера ордена Святого Духа, пожалованную Яну Собескому в 1676 году французским королем Людовиком XIV, коронационные сандалии Сигизмунда

Августа, меч, присланный королю Стефану Баторию папой Григорием XIII в 1580 году, и другие исторические реликвии. Однако главные регалии польской короны до наших дней, увы, не дошли.

Шапка Мономаха и регалии московских царей

Местонахождение: Оружейная палата, Москва, Россия

В залах Оружейной палаты в Московском Кремле экспонируются тысячи произведений русского и зарубежного прикладного искусства – оружие и доспехи, золотая и серебряная посуда, ювелирные изделия, драгоценные ткани, шитье, древнерусские книги с миниатюрами, конская упряжь, парадные экипажи. Но наибольший интерес неизменно вызывают государственные регалии московских царей, в числе которых – знаменитая шапка Мономаха.

Имеются свидетельства, что еще Иван Калита (1328–1340) благословил на княжение своего старшего сына Семена Гордого некоей золотой шапкой. О золотой княжеской шапке упоминает в своей духовной грамоте в 1462 году и московский князь Василий II Темный (1425–1462). В 1498 году Иван III венчал ею на царство внука Дмитрия. С этого момента золотая шапка становится символом высшей государственной власти (неясно, правда, идет ли речь на первых порах об одной и той же шапке, передававшейся из поколения в поколения, или ее всякий раз изготавливали заново).

При Василии III (1505–1533) родилась легенда, будто бы эту золотую шапку некогда прислал в дар киевскому князю Владимиру Мономаху византийский император Константин Мономах. То, что император Константин умер еще за пятьдесят лет до того, как Владимир стал киевским князем, никого не смущало. Эта легенда всячески поддерживалась властями, так как она в духе принятой в ту пору политической мифологемы «Москва – третий Рим» подкрепляла версию о преемственности власти московских князей и царей от византийских императоров. Начиная с 1498 года этой шапкой, получившей название «шапки Мономаха», венчались на царство все русские цари до Петра I включительно.

Хранящаяся ныне в Оружейной палате шапка Мономаха представляет собой уникальное произведение искусства. Ее древнейшая

часть – тулья– составлена из восьми золотых пластин, украшенных сложным узором из тончайшей золотой проволоки, каждая из которых напоминает продолговатый равнобедренный треугольник с усеченной вершиной.

По краям пластин имеются дырочки, через которые изнутри подшивалась матерчатая основа. Специалисты считают, что пластины были изготовлены восточным ювелиром на рубеже XIII – начале XIV века. Характер орнамента и тонкость работы свидетельствуют о том, что одним из возможных мест происхождения шапки могла быть Византия, но когда и каким образом она попала в Россию, сказать невозможно.

Первоначально шапка имела жемчужные и золотые подвески. Позже ее опушили собольим мехом. Верхний колпачок с крестом, драгоценными камнями и жемчугом был добавлен уже гораздо позднее – в XVI столетии.

Второй хранящийся в Оружейной палате царский венец – так называемая «шапка Казанская». Вероятнее всего, она была изготовлена в честь покорения Казанского ханства в 1552 году, и не исключена возможность, что создавали ее татарские ювелиры, вывезенные Иваном Грозным из Казани в Москву. Произведение это несет в себе как признаки восточной работы, так и типично московские мотивы.

Основа венца – чуть вытянутая золотая тулья – украшена тонким вычурным орнаментом, исполненным с подлинно восточным изяществом. Тулью опоясывают три ряда ажурных фасонных кокошников – «городков», широко распространенных в русском прикладном искусстве. В центр каждого «городка» вставлен драгоценный камень – или большая жемчужина, или голубая бирюза, или розовый альмандин; такой подбор камней характерен для восточных изделий. Шапку венчала густо-красная шпинель. В 1627 году ее заменили большим желтым топазом, а шпинель впоследствии использовали для венца царя Ивана Алексеевича.

Как непременный атрибут венчания на царство от государя к государю передавался так называемый «филофеевский крест», впервые упомянутый в духовной грамоте Василия I (1389–1425). По преданию, крест этот был привезен митрополитом Алексеем в 1354 году от константинопольского патриарха Филофея в дар московскому князю Ивану Красному (1353–1359). Он создан византийскими мастерами в XII веке. Крест окован позолоченным серебром и украшен тонко прочеканенными медальонами и фигурами святых целителей Кира, Пантелеймона, Косьмы и Дамиана.

В первой половине XVII столетия для царя Михаила Федоровича был изготовлен исключительный по роскоши, художественному мастерству и технике исполнения «Большой государев наряд». Он включал в себя венец, скипетр, державу, бармы – царское оплечье, украшенное драгоценными камнями и изображениями святых, специальное одеяние – «платно», саадак – прибор, состоящий из колчана и налучья, и некоторые другие предметы, употреблявшиеся во время торжественных церемоний.

Царский венец и саадачный прибор были изготовлены в 1627–1628 годах работавшими в Кремле иностранными мастерами. Готовя венец, они полностью подчинились требованиям и вкусам заказчика. Его полусферическая золотая тулья окружена типично русскими прорезными «городками», на самой тулье укреплены небольшие золотые медальоны с драгоценными камнями посередине. «Городки», помимо самоцветов, украшены белой, голубой и зеленой эмалью. А по фону чеканных трав, вьющихся по самой тулье, разбросаны многочисленные изумруды, алмазы, рубины, сапфиры, жемчуг. Все это многоцветье и пышное узорочье полностью отвечало московским вкусам и, по мнению заказчика, должно было свидетельствовать о богатстве и мощи царствующей династии.

Держава и скипетр изготовлены европейскими ювелирами во второй половине XVI века (держава – ближе к концу XVI века). Местом их создания, возможно, являются придворные мастерские императора Рудольфа II в Праге. Предполагается, что эти регалии были привезены в Россию еще до начала Смутного времени посольством Рудольфа II, побывавшим в Москве в 1604 году. В числе даров, поднесенных тогда Борису Годунову, действительно значились держава и скипетр.

Держава – «яблоко государево» – представляет собой золотой шар, разделенный пояском на две равных половинки и увенчанный высоким крестом. Верхнее полушарие, в свою очередь, разделено на четыре части. В каждом сегменте помещено чеканное изображение, иллюстрирующее один из эпизодов жизни царя Давида. И держава и скипетр щедро украшены цветными камнями и эмалью.

Особое наплечное царское одеяние – бармы – заимствовано из придворных церемониалов византийских императоров. Как регалия московских царей они впервые упоминаются в 1498 году. Начиная с Ивана IV и вплоть до начала XVIII века бармы входят в парадный царский наряд. Судя по сохранившимся записям о каждодневных «выходах государей, царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича», в середине XVII столетия существовало пять венцов и барм различных степеней. В зависимости от значительности предстоящего торжества царь надевал ту или иную шапку. Ей соответствовали и бармы – от торжественных белых атласных, украшенных золотом и драгоценными камнями, до простых синих и фиолетовых, расшитых золотой и серебряной нитью.

Характерно, что каждый московский правитель или обновлял регалии своего предшественника, или заказывал новые. Так, в 1657 году Алексей Михайлович заказал константинопольскому мастеру изготовить новые державу, скипетр, посох и бармы из золота с драгоценными камнями и эмалью преимущественно изумрудного цвета. Только за шесть больших золотых медальонов для барм мастеру заплатили 18 325 рублей золотом. Английский посол Чарльз Карлайл, побывавший на приеме в Кремле в 1664 году, писал: «Мы были поражены при виде такого блеска и великолепия. Действительно, это преисполнило нас восхищения, и блеск драгоценностей нас ослепил так сильно, что мы почти потерялись среди этого бесподобного сияния света и славы…»

В 1682 году для венчания на царство двух братьев-соправителей, Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, срочно потребовалось изготовить «шапку Мономаха второго наряда». По форме она представляет собой точную копию древнего венца, но тулья у нее гладкая, украшенная лишь камнями и жемчугом. А спустя два года для немощного Ивана Алексеевича был изготовлен венец полегче – «шапка алтабасная». К ее тулье из серебристой парчовой ткани прикреплены запоны в виде «городков» с эмалью и драгоценными камнями. «Городки» эти по форме и технике очень близки к украшениям венца «Большого наряда».

В 1689 году для братьев Ивана и Петра были изготовлены две алмазные шапки. Только на венец Петра Алексеевича пошло более восьмисот алмазов. Они подобраны в сложный узор из цветов, листьев и двуглавых орлов, и все это искрится, сверкает, вспыхивая синими, красными, желтыми бликами, поражая красотой и роскошью.

В 1721 году Петр I провозгласил Россию империей. В связи с этим был введен и обряд коронации с изменением форм государственных регалий. Перестали надевать бармы, заменив их мантией. Шапку Мономаха уже не возлагали на голову царя, а несли впереди в торжественной процессии. Для коронации первой русской императрицы Екатерины I в 1724

году была создана первая русская корона из позолоченного серебра. А в 1730 году для императрицы Анны Иоанновны была создана новая корона, для украшения которой было использовано 2536 алмазов, 4 сапфира, 17 рубинов и 5 шпинелей.

Неотъемлемой частью придворного церемониала являлись царские троны. Так, в церемонии венчания царя Алексея Михайловича в 1645 году использовался «стул костяной», который впоследствии получил название «трон Ивана Грозного». Существует легенда, что этот трон якобы привезла с собой византийская принцесса Софья Палеолог, вторая жена Ивана III, но документов, подтверждающих это предположение, нет. Специалисты датируют это высокое кресло, сплошь оклеенное пластинами резной слоновой кости, XVI веком, и изготовлено оно не в Византии, а в Западной Европе. Западноевропейские мастера, создавшие трон, украсили его резными сюжетами на библейские темы и изображениями фантастических животных – тритонов и гиппокампов. В 1642 году трон реставрировали; возможно, тогда были добавлены пластины с батальными сценами.

Другой хранящийся в Оружейной палате трон датируется абсолютно точно: в 1604 году он был прислан в дар Борису Годунову персидским шахом Аббасом I. Трон окован золотыми листами с тисненым растительным узором и украшен бирюзой и драгоценными камнями.

Трон, известный под названием «трон Михаила Федоровича», прежде принадлежал Ивану Грозному. Он также был получен в дар от персидского шаха, а в начале XVII века переделан. Это кресло с высокой спинкой обито золотой басмой со множеством вставленных камней – хризолитов, турмалинов, топазов, жемчужин и бирюзы. Царь Алексей Михайлович (1645–1676) имел обыкновение использовать этот трон в качестве походного, а позже, в XVIII–XIX веках, его использовали в церемонии коронации императоров и императриц.

Самый дорогой трон, так называемый «алмазный», тоже принадлежал Алексею Михайловичу. Он был поднесен царю купцом Сарадовым от имени армянской торговой компании в Исфахане (Иран). Это кресло с высокой спинкой облицовано ажурными золотыми и серебряными пластинами и украшено алмазами (их насчитывается более 800), рубинами и бирюзой. На боковых стенках сидения помещены иранские миниатюры, а на черной бархатной спинке два вышитых гения держат жемчужную корону. Под короной – щит с надписью, прославляющей царя Алексея Михайловича, и дата: 1659 год. По описям Посольского приказа этот трон был оценен в 22 598 рублей.

В 1682 году немецкие серебряных дел мастера создали двойной трон, предназначавшийся для царей-соправителей Ивана и Петра. К двум его сиденьям ведут три ажурные ступени. Витые колонки поддерживают легкую сень с чеканными изображениями всадников, птиц и сказочных зверей. Перед троном – три высоких массивных столба с прорезным орнаментом, гравированным узором и двуглавыми орлами наверху. Столбы служили подставками для двух царских скипетров и державы. В спинке правого сиденья прорезано небольшое оконце, скрытое занавеской, – вероятно, в дни торжественных приемов за троном прятался человек, подсказывавший юному Петру нужные ответы.

До 1706 года этот трон стоял в Грановитой палате, откуда был передан в Оружейную палату.

Корона Российской империи

Местонахождение: Государственный алмазный фонд, Москва, Россия

Драгоценности российской императорской короны разделили печальную участь сокровищниц крупнейших европейских монархий – английской (до 1848 года), французской и австро-венгерской, безвозвратно утраченных в вихре войн и революций.

В 1719 году, согласно указу Петра I, для особого хранения «принадлежащих государству вещей» было организовано специальное помещение – «рентерея», где хранились государственные регалии, орденские знаки, парадные ювелирные украшения. С 1839 года это хранилище стало именоваться Бриллиантовой комнатой.

Русские императоры и императрицы, соревнуясь в роскоши с монархами других европейских стран, стремились увеличить богатство и пышность своего двора. При дворе в Петербурге работали многие выдающиеся ювелиры – И. Позье, отец и сыновья Дюваль, Л. Пфистерер, Г. Экарт. На средства казны приобретались драгоценные камни, часть их поступала в виде подарков. Кроме императорских регалий в состав коронных драгоценностей входили различные ювелирные изделия и украшения.

В начале Первой мировой войны драгоценности Бриллиантовой комнаты были поспешно и беспорядочно, даже без описи, эвакуированы из Петрограда в Москву. Там их приняли в Оружейную палату Московского Кремля. В 1922 году, спустя пять лет после октябрьского переворота 1917 года и захвата власти большевикам, и коронные ценности поступили на хранение в Гохран. А уже в 1923 году в Амстердаме и Антверпене неожиданно появились бриллианты, в которых специалисты узнали часть русских императорских драгоценностей…

Разразился скандал. Зарубежные газеты писали, что некоторые европейские предприниматели и банки используются советским правительством для валютных операций с награбленными золотом, алмазами и церковными ценностями. Чтобы заглушить возмущение, в конце 1925 года в Москве поспешно была организована выставка коронных драгоценностей, которая должна была показать миру, что они целы и невредимы. Шум, поднятый в прессе, по всей видимости, сорвал готовящуюся сделку по продаже за рубеж через Маньчжурию всех

реликвий бывшей Бриллиантовой комнаты, включавших в себя собрание императорских корон, императорский скипетр с алмазом «Орлов», державу, коллекцию бриллиантовых подвесок и диадем, бриллиантовые орденские знаки и цепи, подарочные золотые кубки, коллекцию вееров и перстней, императорские пасхальные яйца фирмы Фаберже и многое другое. Впрочем, большинство этих предметов все равно были распроданы в 1920—1930-е годы.

Некоторые позже обнаружились в частных собраниях США и Европы, например, брачный венец русских императриц, изготовленный из бриллиантового пояса Екатерины II, – осенью 1926 года она (вместе с бриллиантовой шпагой Павла I, украшением коронационного платья Екатерины Второй из гроздьев бразильских алмазов и индийских изумрудов, бриллиантовой табакеркой императрицы Елизаветы, коллекцией императорских пасхальных яиц Фаберже) была продана коммунистическими хозяевами страны американскому торговцу Норману Вайсу. Местонахождение некоторых других предметов неизвестно до сих пор (в их числе – несколько яиц фирмы Фаберже, бриллиантовый знак ордена Андрея Первозванного, принадлежавший Александру II, икона «Введение Богородицы во храм» в драгоценном окладе работы Фаберже и др.).

С 1967 года уцелевшие от распродажи коронные драгоценности постоянно демонстрируются на выставке Алмазного фонда в Москве. Наибольший интерес из них представляют Большая императорская корона, держава и скипетр.

Большая императорская корона изготовлена для коронации Екатерины II, взошедшей на престол в результате государственного переворота. Уже 8 июля 1762 года, на десятый день после расправы с Петром III, появился указ за подписью Екатерины, согласно которому камергеру Ивану Бецкому отпускалось 50 тысяч рублей на расходы по коронации, включая оплату ювелирам. Разработку эскиза короны поручили ювелиру Жереми (Иеремии) Позье (1716–1779), выходцу из Швейцарии.

Главный придворный ювелир Георг-Фридрих Экарт замысел Позье забраковал. Получив из казны золото, он сам изготовил ажурный каркас короны. Но украшал корону камнями все же Позье. «Я выбрал между вещами все самые большие камни, не годящиеся на модную отделку, отчасти бриллиантовые, отчасти цветные, – позже вспоминал Позье в своих «Записках». – Несмотря на все предосторожности, принятые мною, чтобы сделать корону легкою и употребить только самые необходимые материалы, чтобы удержать в ней камни, в ней оказалось пять фунтов весу».

Позье прекрасно справился с задачей подбора камней, выявил их красоту, очень удачно нашел переходы от одного цвета к другому и умело использовал завораживающее мерцание жемчуга. Оценили корону в два миллиона рублей – сумму по тем временам астрономическую. Добавим, что этот шедевр ювелирного искусства XVIII столетия был создан всего за два месяца.

Корона Российской империи выглядит традиционно для этого символа государственной власти. Она состоит из двух ажурных серебряных полусфер, осыпанных индийскими бриллиантами различной величины –

всего их насчитывается 4936 штук (общая масса – 2858 каратов). В нижней части венца ритмично чередуются крупные белые и розовые бриллианты. Матовое сияние двух рядов жемчуга приглушает ослепительный блеск многочисленных бриллиантов, придавая всей композиции полную завершенность. Здесь все серебристое, искрящееся; единственное цветовое пятно – большая темно-красная шпинель на вершине короны, под бриллиантовым крестом. Эта шпинель массой 398,72 карата – один из семи исторических камней, хранящихся в Алмазном фонде. Она была куплена в 1676 году русским посланником в Пекине Николаем Спафарием.

Общий вес короны составляет 1,907 кг. Длина нижней окружности короны 64 см, высота с крестом – 27,5 см. Независимо от величины и сложности композиции, она изящна и легка. Это истинный шедевр ювелирного искусства XVIII века.

Наряду с короной для коронации Екатерины II были изготовлены другие императорские регалии – держава и скипетр. Держава – полированный полый шар, увенчанный крестом, – сделан из так называемого «красного золота». Шар окружен двумя рядами крупных алмазов, сапфир на вершине весит приблизительно 47 каратов. Золотой скипетр изготовлен в строгих формах; он состоит из трех гладких частей, разделенных бриллиантовыми поясками, и увенчан двуглавым орлом, украшенным черной эмалью и бриллиантами. Ниже орла, многократно усиливая парадность скипетра, укреплен знаменитый алмаз «Орлов» (189,62 карата).

Хранящаяся сегодня в Алмазном фонде так называемая Малая императорская корона была изготовлена в 1801 году братьями Дюваль для Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I. Вес ее составляет 378 г, корону украшает 48 крупных (от 2 до 9 карата) и 200 мелких бриллиантов. Этот венец, первоначально предназначавшийся для коронации, а позже служивший для особо торжественных случаев, изготовлен как изящное женское украшение.

Сокровища турецких султанов

Местонахождение: дворец-музей Топкапы, Стамбул, Турция

«Это – единственный в своем роде исторический памятник, комментирующий и освещающий почти всю жизнь оттоманской династии; на колоннах, на стенах, на стволах его деревьев записана самая интимная, самая тайная летопись империи; 25 султанов жили здесь, здесь утвердилась династия… Здесь она достигла апогея своего величия, здесь же началось ее падение. Это была крепость, дворец, святилище… Там была голова империи и сердце ислама; это был город в городе, величественная цитадель с многочисленным населением под защитой целой армии. Эти старинные стены заключали бесконечное разнообразие зданий, уголков, полных наслаждений, уголков, полных ужаса… Султаны здесь рождались, вступали на трон, здесь их низвергали, бросали в темницы, зверски убивали… Здесь сходились нити всех заговоров и раздавались крики мятежей, сюда стекалось золото, и здесь текла самая чистая кровь империи, здесь потрясали в воздухе огромным мечом, сверкавшим над головами ста народов, сюда в продолжение трех веков

встревоженная Европа, недоверчивая Азия и испуганная Африка обращали свои взоры, как на дымящийся вулкан, угрожающий целому свету».

Так итальянский писатель Г. де Амичис описал стамбульский дворец Топкапы, Топкапы-Сарай – блестящую резиденцию некогда всесильных правителей Оттоманской империи. Его начали сооружать по распоряжению султана Мехмеда II Завоевателя вскоре после взятия турками Константинополя, на месте, где некогда располагался акрополь античного Византия. Строительство велось на протяжении четырнадцати лет, с 1456 по 1468 год. В последующие века другие правители Оттоманской империи что-то добавляли к основному ядру ансамбля, что-то перестраивали и расширяли, и в итоге на берегу Босфора вырос огромный ансамбль, на сегодняшний день являющийся самым большим дворцовым комплексом в мире. Он занимает территорию в 700 000 кв. м и окружен пятью километрами каменных стен.

До 1839 года дворец Топкапы служил единственным местопребыванием турецких султанов, пока Махмуд II не построил на берегу Босфора новый дворец – Долмабахче. Со второй половины XIX века лишь вдовы умерших или жены свергнутых правителей, их рабы и евнухи оставались в Топкапы. А в 1924 году дворец стал музеем, полным

султанских сокровищ.

Музей Топкапы демонстрирует несколько впечатляющих экспозиций, главными из которых являются собрание ювелирных украшений из сокровищницы османских султанов, картинная галерея, коллекции парадного платья и старинного китайского фарфора. Широко известна в научном мире библиотека дворца-музея Топкапы – цель паломничества ученых из многих стран мира. В Оружейной палате собрана богатая коллекция турецкого оружия и доспехов, а также трофеев, захваченных в боях. Здесь хранятся подарки султанам от монархов других государств, в частности, массивное, инкрустированное золотом ружье – дар английской королевы Виктории, украшенный бриллиантами меч и кольчуга, принадлежавшие султану Мураду IV. В витринах вдоль стен – личные вещи султанов: шелковые ткани, вазы, кубки, кинжалы, сабли, пистолеты, украшенные драгоценными камнями; многие из этих вещей изготовлены выдающимися мастерами.

В одной из построек дворцового ансамбля, там, где прежде находились казна и султанские покои, сейчас располагается главное хранилище султанских сокровищ. В нескольких залах здесь собраны неисчислимые богатства и исторические реликвии.

Владыка Оттоманской империи, управлявший из дворца Топкапы огромной, раскинувшейся на полмира державой, по традиции был для своих подданных фигурой таинственной и исполненной неземного величия. Редкие появления султана на публике организовывались таким образом, чтобы удивить подданных и наполнить их благоговейным трепетом; что касается послов иностранных государств, то встреча с всесильным повелителем турок должна была внушать им страх и уважение. Этому призваны были способствовать подчеркнуто торжественный регламент этих встреч, сияние золота и сотен драгоценных камней, украшавших огромный белый шелковый тюрбан султана, его роскошные одежды и оружие. Со всех концов мира в Стамбул свозились алмазы, жемчуг, изумруды, рубины, сапфиры; лучшие ювелиры страны работали над созданием султанских регалий, призванных символизировать величие империи. В числе этих сокровищ – усыпанные бриллиантами и жемчугом золотые курильницы; музыкальная шкатулка в виде золотого слона, несущего на спине груз драгоценных камней, фигурка шейха, целиком выточенная из одной-единственной жемчужины огромных размеров; драгоценный эгрет с двумя большими изумрудами и рубином; золотой сундук размерами 1,5 х 1,5 м, покрытый драгоценными камнями, в котором хранилась книга стихов султана Ахмета III; знаменитый алмаз «Кешикчи» («Ложечник») массой 86 каратов, оправленный в серебро и окруженный 49-ю чр алмазами меньшего размера и редкостной чистоты…

Настоящим символом сокровищницы дворца Топкапы, получившим широкую известность благодаря сотням книг, рекламных буклетов и даже кинофильмов, стал кривой нож-канджар длиной 35 см, рукоять которого состоит из трех огромных изумрудов, окруженных алмазами. Четвертый изумруд скрывает маленькие часы, устроенные в навершии рукояти. По обеим сторонам рукояти – ряды алмазов, а ее тыльная часть покрыта перламутром и эмалью. Турецкие мастера изготовили этот нож в качестве подарка от султана Махмуда I персидскому шаху Надиру. В 1746 году он

был в числе других даров отправлен в Персию. Однако в пути, когда турецкие послы еще только-только достигли Багдада, до них дошли сведения о том, что Надир-шах убит, а в стране воцарилась анархия. Послам ничего не оставалось делать, как возвращаться вместе с подарками назад. С тех пор драгоценный кинжал хранится во дворце Топкапы.

В числе наиболее выдающихся экспонатов султанской сокровищницы – бесценный трон из эбенового дерева, покрытый кованым золотом и щедро инкрустированный изумрудами, рубинами, бирюзой, жемчугом и эмалью; драгоценные камни создают на редкость причудливый мозаичный узор. Происхождение трона не вполне ясно; несомненно только, что изготовили его индийские мастера. Некоторые исследователи выдвигают смелую гипотезу, что он мог принадлежать знаменитому завоевателю Тимуру-Тамерлану; однако по традиции за ним закрепилось название «трон шаха Исмаила». Считается, что этот трон некогда принадлежал иранскому шаху Исмаилу и был захвачен в 1514 году турецким султаном Селимом I Явузом во время его похода в Персию. По другой версии, он был подарен правителем Ирана Надир-шахом султану Махмуду I в 1746 году и представляет собой часть добычи, захваченной Надир-шахом в 1739 году в Дели.

Другой трон, изготовленный турецкими мастерами XVI столетия из слоновой кости и эбенового дерева, служил султану Сулейману I (1520–1566) во время его многочисленных военных походов в Азию и Европу. Инкрустированный перламутром, он использовался султаном во время приемов высших должностных лиц империи и иностранных послов. Эбеновый трон Мурада IV (XVII в.) также служил султану в качестве походного; Мурад IV восседал на этом историческом троне при взятии турками Багдада. Хранится в сокровищнице дворца Топкапы и трон Селима III, изготовленный из черного и сандалового дерева с инкрустацией из золота, серебра и перламутра. Массивная золотая цепь поддерживает над троном огромный изумруд неправильной формы в золотой оправе длиной 10 см и шириной 4 см.

Главный церемониальный трон – тот, на котором восседали турецкие султаны во время торжественного ритуала вступления в должность (обряда коронации в его европейском понимании в Оттоманской империи не существовало), был преподнесен в 1585 году султану Мураду III наместником Египта Ибрагимом-пашой. Высота трона составляет 178 см, вес – 250 кг. Он изготовлен из древесины грецкого ореха и полностью покрыт кованым золотом; трон украшают 954 драгоценных камня. Для того чтобы изготовить этот трон, египетским мастерам пришлось переплавить 80 тысяч золотых венецианских монет-дукатов. Он остался во дворце Топкапы и после того, как в 1853 году резиденция султанов была окончательно перенесена во дворец Долмабахче.

Сокровища иранских шахов

Местонахождение: Центральный банк Ирана, Тегеран, Иран

Знаменитые алмазы «Дарья-и-Нур», «Тадж-э-Мах» и «Нур-уль-Айн»; «изумрудная витрина», где хранится одна из самых обширных в мире

коллекций изумрудов; великолепный набор желтых африканских алмазов, известных под общим названием «Иранские Желтые»; золотые, усыпанные драгоценными камнями тиары, диадемы, целый золотой глобус, украшенный изумрудами… Все это – сокровища бывших иранских шахов, хранящиеся ныне в Центральном банке Ирана в Тегеране, одно из самых обширных собраний исторических драгоценностей. Это и одно из крупнейших сокровищ в мире. Реальная его стоимость неизвестна до сих пор; разные эксперты дают различные оценки, но все они называют астрономические суммы.

Основы собрания драгоценностей иранской короны были заложены при шахе Аббасе I Великом (1588–1629). Однако самый значительный вклад в его пополнение внес Надир-кули, более известный под именем Надир-шаха. Выходец из незнатного рода тюрок-афшаров (их еще называли кызылбашами, т. е. «красноголовыми»), он сумел стать сперва главным военачальником, а с 1736 года – фактическим правителем Ирана. Особенно прославился Надир-шах своей индийской кампанией 1739 года, во время которой он занял Дели и захватил огромные сокровища Великих Моголов.

Часть этой добычи была разграблена солдатами Надир-шаха или «потерялась» на пути в Иран.

Некоторые драгоценные камни и изделия Надир-шах отправил в дар правителям соседних земель – турецкому султану Махмуду, русской императрице Елизавете и бухарскому эмиру Абульфиз-хану; другие в соответствии с благочестивым обычаем были пожертвованы святыне имама Резы в Мешхеде. Еще часть добычи распределили между собой военачальники Надир-шаха. Остальные драгоценности поступили в шахскую казну.

В 1747 году Надир-шах был убит. Созданное им обширное государство распалось, армия развалилась на отдельные отряды и шайки. Один из военачальников убитого правителя, Ахмад-шах Абдали, разграбил

шахскую сокровищницу; тогда без следа пропали множество исторических драгоценностей, включая знаменитый «Павлиний трон» и алмаз «Великий Могол». Единственной, по всей видимости, реликвией, уцелевшей от этих бурных времен, является ныне хранящийся в числе сокровищ иранской короны щит Надир-шаха. Считается, что это тот самый щит, с которым легендарный завоеватель ходил в свой знаменитый поход в Индию. Он изготовлен из шкуры носорога и имеет диаметр 46 см. Украшающие его драгоценные камни – шпинели, изумруды, алмазы и рубины – по всей видимости, были добавлены уже позднее, чтобы почтить память Надир-шаха. Шпинель в центре щита – одна из самых больших в мире, ее масса составляет 225 каратов. Четыре крупных изумруда, окружающие шпинель, закрывают собой отверстия для винтов, с помощью которых к задней части щита крепятся ремни, позволяющие держать его в руке во время сражения. Самый большой изумруд на щите весит 140 каратов.

Основателю Каджарской династии Ага-Мухаммед-хану, занявшему иранский трон в 1796 году, удалось восстановить часть разграбленной сокровищницы. Его преемник Фатх-Али-шах (1797–1834), большой ценитель драгоценных камней, создал хранилище драгоценностей шахской короны, которое, непрерывно пополняясь, в дальнейшем переходило по наследству от правителя к правителю. К временам правления Фатх-Али-шаха относятся находящиеся в числе шахских сокровищ «трон Надира» и корона Кианн; последняя долгое время служила символом иранской монархии.

Высота короны составляет 32 см (без эгрета). Она изготовлена из золота и алого бархата и буквально усыпана драгоценными камнями. Всего здесь насчитывается 1800 жемчужин (каждая от 7 до 9 мм в диаметре), около 300 изумрудов (самый большой – 80 каратов), 1800 рубинов и шпинелей (наибольший камень весит 120 каратов). Самый большой из украшающих корону алмазов весит 23 карата.

Корона Кианн использовалась всеми монархами Каджарской династии, начиная с Фатх-Али-шаха. Шах Реза (1925–1941), основатель династии Пехлеви, приказал изготовить для себя новую корону, однако корона Кианн участвовала и в его коронации, символизируя тем самым преемственность шахской власти.

Если корона Кианн прямо связана с именем Фатх-Али-шаха, то происхождение другой исторической реликвии – «трона Надира» – окружено легендами. Рассказывают, что покоритель Индии Надир-шах привез из Дели девять тронов Великих Моголов, каждый из которых являлся выдающимся произведением ювелирного искусства. Однако наиболее великолепен был знаменитый «Павлиний трон». Он так полюбился Надир-шаху, что правитель приказал изготовить его точную копию, благо драгоценных камней для этого в его сокровищнице имелось предостаточно. Вот этой-то копией «Павлиньего трона» якобы и является нынешний «трон Надира»…

Это, однако, всего лишь легенда. Практически все исследователи единодушно согласны в том, что после гибели Надира в 1747 году и «Павлиний трон», и его копия были уничтожены, а украшавшие их драгоценные камни разошлись по рукам. В то же время происхождение нынешнего «трона Надира» неизвестно; по всей видимости, он был изготовлен кем-то из первых правителей Каджарской династии.

Иностранные путешественники, побывавшие при дворе Фатх-Али-шаха, описывают в своих мемуарах и дневниках трон правителя Ирана, весьма похожий на «трон Надира»; на самом троне сохранились выгравированные стихотворные строфы, автором которых считается Фатх-Али-шах. Это, однако, еще не повод считать, что трон был изготовлен именно в это время. Предполагается, что уже при одном из ближайших преемников Фатх-Али-шаха, Нассеридин-шахе (1848–1896), трон реставрировался. Означает ли это, что уже тогда он был весьма ветх?

Как бы то ни было, одно можно сказать с уверенностью: «трон Надира» никак не связан с именем Надир-шаха. Его название происходит от персидского «надир», что означает «редкий» или «уникальный». Таким образом, это всего лишь констатация того факта, что трон является уникальным, редким. И это действительно так.

Высота трона составляет 225 см. Изготовленный из дерева, он покрыт листовым золотом и инкрустирован огромным – 26 733 штуки! – количеством драгоценных камней, сливающихся в пестрые мозаичные картины: распущенный павлиний хвост украшает спинку трона; довольно добродушного вида лев прилег на подставку для ног. Драконы, утки, прихотливый орнамент из ветвей и листьев… На фоне этой сверкающей радуги выделяются четыре больших красных шпинели (самая большая – 65 каратов) и четыре очень больших изумруда, наибольший из которых весит 225 каратов.

«Трон Надира» сделан портативным: он может легко разбираться на 12 частей и переноситься с место на место. Это было особенно удобно, когда шах со своим двором перебирался из столицы в одну из летних резиденций.

С именем шаха Нассеридина (1848–1896) связаны две другие всемирно известные реликвии, хранящиеся в числе сокровищ персидской короны: «Иранские Желтые» алмазы и легендарный золотой глобус.

По преданию, Нассеридин-шах распорядился изготовить глобус для того, чтобы использовать излишки драгоценных камней, хранящихся в его сокровищнице. Если так, то можно примерно оценить размер этих «излишков»: глобус диаметром 45 см и общей высотой 110 см – 35 килограммов чистого золота! – покрывает более 51 тысячи драгоценных камней. Моря и океаны на нем изображены с помощью изумрудов и сапфиров, суша – из рубинов и шпинелей. Некоторые страны – Иран, Англия, Франция и часть Южной Азии – выложены алмазами. Самый большой рубин на глобусе весит приблизительно 75 каратов, самый большой изумруд – 175 каратов, самый большой сапфир – около 34 каратов, а самый большой алмаз – приблизительно 15 каратов.

23 крупных желтых алмаза, добытых в Южной Африке, шах Нассеридин приобрел во время своей третьей поездки в Европу в 1889 году. Сегодня это уникальное собрание алмазов известно под общим названием «Иранские Желтые». Ценность их попросту невероятна; самый большой алмаз в собрании весит 152,16 карата, второй по величине – 135,45 карата, третий и четвертый – соответственно 120 и 114, а самый маленький – 38,18 карата.

Раз уж речь зашла об алмазах, то стоит сказать, что в бывшей сокровищнице иранских шахов их насчитывается несколько тысяч. Достоверно известно, что многие из этих камней представляют собой часть добычи, вывезенной из Индии Надир-шахом. Когда-то они принадлежали императорам из династии Великих Моголов. К их числу относится и знаменитый алмаз «Тадж-э-Мах» («Корона луны»). Найденный когда-то в копях Голконды, этот 115-каратный алмаз исключительной чистоты огранен «индийской розой». После гибели Надира в 1747 году он был спасен от рук грабителей и перешел во владение Шахруха, сына и неудачливого преемника Надир-шаха. Свергнутый с престола узурпатором Мухаммед-Хасан-ханом Каджари, Шахрух сумел спрятать спасенные им отцовские сокровища и упорно хранил тайну на протяжении нескольких лет, стойко вынося все ужасы тюремного заключения и нечеловеческие пытки, которым Мухаммед-хан подверг его. Бывшего правителя истязали голодом, жаждой и жарой; ему выкололи глаза, а тело рвали раскаленными железными щипцами. Наконец, не выдержав мучений, Шахрух рассказал, где спрятаны сокровища, и алмаз «Тадж-э-Мах» наряду с другим известным алмазом, «Дарья-и-Нур», попал в руки Мухаммед-хана. Вскоре после этого, однако, Мухаммед был убит, и все его драгоценные камни достались одному из его военачальников, Садык-хану, от которого перешли в собственность персидских монархов. Ныне «Тадж-э-Мах» занимает одно из первых мест в собрании драгоценностей иранской короны. Конкуренцию ему могут составлять только упомянутый «Дарья-и-Нур» и еще один исторический алмаз – «Нур-ул-Айн».

«Нур-ул-Айн» – один из самых больших в мире розовых алмазов. Его масса составляет 60 каратов, размеры – 30 х 26 х 11 мм. Попавший в Персию в числе добычи Надир-шаха, он, возможно, представляет собой фрагмент знаменитого розового алмаза «Большая Табличка», описанного в 1642 году французским путешественником Ж.-Б. Таверньe. Ныне «Нур-ул-Айн» украшает собой алмазную тиару, изготовленную в 1958 году известным нью-йоркским ювелиром Гарри Уинстоном по случаю свадьбы последнего иранского шаха Мухаммеда Реза Пехлеви в качестве подарка его невесте, будущей императрице Фарах. Общее количество алмазов в тиаре – 324. «Нур-ул-Айн» самый большой из них, другие весят от 14 до 19 каратов каждый.

Вероятно, Фарах понравился подарок ее будущего супруга, однако она предпочитала носить не эту, а другую тиару, также изготовленную

Гарри Уинстоном. Императрица надевала ее во всех торжественных случаях, в частности, во время официального визита шахской четы в США и Канаду в 1965 году. Изготовленная из платины, эта тиара щедро украшена желтыми, розовыми и бесцветными алмазами, а в ее верхней части расположены семь колумбийских изумрудов: самый большой весит 65 каратов, самый маленький – 10 каратов. Два самых больших алмаза – приблизительно по 15 каратов каждый. Алмазы, использованные для украшения этой тиары, представляют собой комбинацию старых, большей частью заново переограненных алмазов индийского происхождения, вывезенных Надир-шахом из Дели, и алмазов из Южной Африки, добытых уже в XIX–XX веках. Такая же комбинация из старых и новых камней использована и при создании короны императрицы, которая увенчала

голову супруги шаха Мухаммеда Реза Пехлеви во время ее коронации в 1967 году. Она сделана из зеленого бархата и белого золота, ее общий вес составляет 1,481 кг.

До 1967 года жены персидских монархов никогда не короновались. В первый и последний раз это было сделано лишь при Мухаммеде Реза Пехлеви, свергнутом в 1979 году. Таким образом, корона императрицы выполняла свои функции очень недолго – чуть менее 12 лет. Изготовили ее парижские ювелиры Ван Клиф и Арпель; драгоценные камни поступили из шахской сокровищницы. Всего для создания короны потребовалось 38 изумрудов, 105 жемчужин, 34 рубина, 2 шпинели и 1469 алмазов. Самый большой изумруд весит 91,32 карата, две самых больших шпинели – приблизительно по 83 карата, а самая большая жемчужина имеет диаметр 22 мм.

Обилие изумрудов – одна из особенностей бывшей шахской сокровищницы. Эти благородные зеленые камни самых разных оттенков можно увидеть едва ли не на всех изделиях, входящих в число драгоценностей иранских монархов. Изумрудами усыпана рукоять парадного ятагана, принадлежавшего шаху Нассеридину; крупные изумруды сверкают на золотых эполетах, надевавшихся к парадному мундиру. Широкий пояс из тканого золота, принадлежавший шаху Мухаммеду (1834–1848), украшен овальным изумрудом массой 175 каратов; по преданию, этот камень некогда принадлежал Джехангиру, индийскому императору из династии Великих Моголов.

Практически все предметы, использовавшиеся в шахском быту, были изготовлены из золота и драгоценных камней. В числе сокровищ правителей Ирана находятся 4,4-килограммовый золотой кувшин и 1,8-килограммовый золотой таз для омовения рук; золотая крышка для блюд, подаваемых к шахскому столу. Сегодняшняя стоимость этих предметов сугубо утилитарного назначения – с учетом их исторической ценности – просто невероятна, а совокупная ценность всех шахских сокровищ такова, что еще в 1837 году парламент Ирана принял закон, согласно которому основная часть коронных драгоценностей передавалась в распоряжение Национального банка для поддержки денежно-кредитной системы страны как золотой резерв. В этом качестве драгоценности иранской короны в январе 1960 года «по наследству» достались вновь созданному Центральному банку Ирана. Благодаря надежным банковским сейфам они благополучно пережили революцию 1979 года, свергнувшую монархию, и ныне хранятся в специальной сокровищнице, представляя собой драгоценнейшую – и в прямом, и в переносном смысле – часть культурно-исторического наследия страны.

«Павлиний трон»

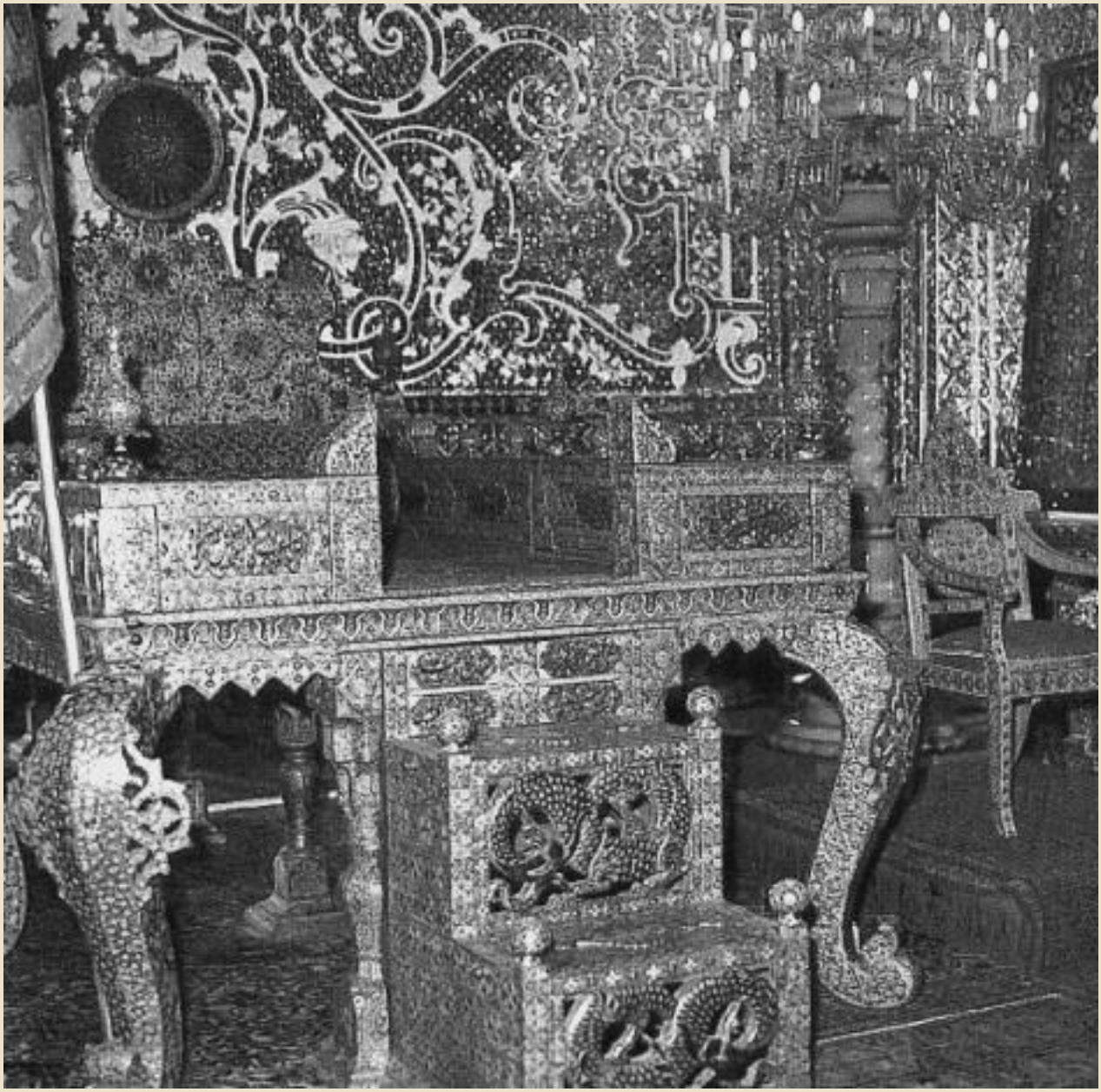
Местонахождение неизвестно

В наши дни некогда знаменитый «Павлиний трон» уже давным-давно отошел в мир легенд. Иногда даже высказывается сомнение: да полно, существовало ли в реальности это самое значительное в истории произведение ювелирного искусства? И все же большинство исследователей склонно считать: да, оно существовало.

Свидетельства о троне неслыханной ценности, украшавшем дворец Великих Моголов, дошли до нас во многом благодаря французскому путешественнику Жану-Батисту Тавернье. Он был не единственным европейцем, видевшим «Павлиний трон». Однако именно Тавернье оставил наиболее подробное его описание:

«Большой трон, который установлен в зале первого двора, имеет форму и размеры, схожие с нашей походной кроватью, длиной примерно шесть футов и шириной четыре фута, на четырех ножках, очень больших и достигающих высоты 20–24 дюймов, с четырьмя продольными брусами, на которых держится нижняя часть трона. А на этих брусах стоят 12 опор, с трех сторон поддерживающих балдахин. Спереди, если смотреть на двор, нет ни одной опоры и балдахин полностью открыт.

Как ножки, так и брусы шириной более 18 дюймов покрыты золотом и эмалью, усеяны многочисленными алмазами, рубинами и изумрудами. В центре каждого бруса виднеется тусклый рубин в окружении четырех изумрудов, образующих четырехконечный крест. По обе стороны трона по всей длине бруса располагается несколько одинаковых крестов на белой основе, в одном месте рубин окружают четыре изумруда, а в другом изумруд оказывается среди четырех тусклых рубинов. Изумруды имеют форму четырехугольника, а пространство между рубинами и изумрудами усыпано алмазами, самые крупные из которых по весу превышают 10–12 каратов, все камни на виду и чрезвычайно плоски.

В отдельных местах виднеются жемчужины, вставленные в золотую оправу. На одной стороне трона располагаются четыре поднимающиеся кверху ступеньки. Из трех подушек, находящихся на троне, та, которую кладут под спину короля, самая большая и круглая. Она подобна нашим домашним подушкам. Две другие, которые кладут по бокам, очень плоские.

На троне видны висящие сабли, секира, щит, лук, колчан со стрелами, и все эти предметы, а также ступеньки и подушки как на этом, так и на шести других тронах украшены драгоценными камнями подобающим образом и каждый в своей манере.

Я пересчитал крупные тусклые рубины, украшающие трон: их было 108, все необработанные, самый маленький из них весил, по-моему, 100 каратов. С виду вес некоторых из них достигал 200 и более каратов. Изумруды имели довольно хороший цвет, правда, очень многие напоминали

обычное стекло. Самый крупный из них весил, как мне кажется, около 60, а самый маленький – 30 каратов. Их я насчитал около 160. Изумрудов больше, чем рубинов.

Вся внутренняя часть балдахина покрыта алмазами и жемчужинами, по всему балдахину тянется бахрома из жемчуга, а под сводом виден павлин с распущенным хвостом из голубых сапфиров и драгоценных камней других расцветок. Тело птицы сделано из золота, украшено эмалью и жемчугом. Спереди на груди птицы – большой рубин, там же висят нитки жемчуга весом около 50 каратов, жемчужины слегка желтоваты.

По обе стороны павлина стоят кусты высотой с саму птицу, с множеством листьев из литого золота и украшенные драгоценными камнями. На внутренней стороне трона находятся прозрачные драгоценности, один алмаз в 80–90 каратов, рубины и изумруды. И когда король сидит на троне, эти драгоценности оказываются перед его лицом.

Я полагаю, что самое ценное на этом троне – это жемчужины на 12 опорах, поддерживающих балдахин. Они круглые по форме, белоснежные по цвету и весят, по-моему, от шести до десяти каратов каждая. В четырех шагах от трона по его обеим сторонам установлены зонты от солнца, рукоятки которых – длиной семь-восемь футов – усыпаны алмазами, рубинами и жемчугом. Зонты сделаны из красного бархата, на котором покоятся венки из жемчуга.

И это то, что я видел на знаменитом троне, сооружать который начал Тамерлан, а закончил Шах Джахан. Те, кто дает себе отчет в значимости драгоценностей короля и осознает, как много стоит это произведение искусства, уверили меня, что его цена составляет 107 тысяч рупий, что соответствует 160,5 миллиона франков нашей французской валюты».

То, что Тавернье ошибочно упоминает в этом тексте Тамерлана (по всей видимости, он имел в виду одного из предшественников Шах Джахана – Бабура или Хумаюна) – еще не повод для того, чтобы сомневаться в точности всех сообщаемых им сведений. По поводу правдивости записок Тавернье об Индии времен Великих Моголов никогда не высказывалось серьезных сомнений, так что нет оснований считать его описание «Павлиньего трона» просто плодом воображения. Гораздо меньше доверия вызывают домыслы о дальнейшей судьбе этого уникального произведения ювелирного искусства, обширно растиражированные в позднейшие времена.

По описаниям Тавернье, помимо «Павлиньего», в сокровищнице Великих Моголов имелось еще семь императорских тронов, украшенных алмазами, рубинами, изумрудами и жемчугом. «Я не хочу их описывать, чтобы не оказаться навязчивым перед великодушным читателем, – устало пишет Тавернье. – Не следует забывать, что даже самые прекрасные вещи, если они чересчур часто мелькают перед глазами, порождают неудовольствие». Все это было лишь частью накапливавшихся десятилетиями сокровищ Великих Моголов, слухи о которых волновали дворы европейских монархов.

Впрочем, не только европейских. На них давно зарились и завистливые соседи. И как только империя Моголов ослабела и начала распадаться, они не замедлили нанести ей последний удар.

В 1739 году войска персидского правителя Надир-шаха захватили Дели. Последний император из династии Великих Моголов, власть которого уже была весьма призрачна, сдался на милость победителей. Войска Надир-шаха разграбили город и опустошили императорскую сокровищницу. С этого времени теряются следы многих исторических драгоценностей, принадлежавших Великим Моголам. К их числу относится и «Павлиний трон».

Существуют две основные версии относительно его дальнейшей судьбы. Согласно одной из них, после гибели Надир-шаха в 1747 году трон несповедимыми путями попал в руки агентов английской Ост-Индской компании, был вывезен на Цейлон (Шри-Ланку) и оттуда в июне 1782 года на корабле «Гросвенор» был отправлен в Великобританию.

4 августа, после нескольких недель относительно спокойного плавания, «Гросвенор» наскочил на скалы примерно в 750 милях от мыса Доброй Надежды (Южная Африка). Люди, находившиеся на судне, оказались в бедственном положении. Из обломков рангоута и бочек был спешно сколочен плот, на котором с помощью протянутого на берег каната удалось переправить на сушу 134 человека. Однако впереди у них были еще более тяжелые испытания.

Отправившись к мысу Доброй Надежды, где располагались ближайшие голландские поселения, пассажиры и члены экипажа «Гросвенора» разделились на три группы. Две из них позже соединились снова; третья группа, возглавляемая капитаном Коксоном, бесследно исчезла. Многие умерли от голода, жажды, усталости, другие стали жертвами хищников, некоторые утонули во время переправ через реки или отравились, пытаясь утолить голод неизвестными европейцам плодами. Ослабевших от голода и болезней приходилось оставлять на произвол судьбы в местности, населенной враждебными племенами. В конце концов из 134 человек лишь шестеро добрались до голландских поселений. 116 человек погибли, еще 12 были спасены поисковым отрядом, отправленным по приказу местного губернатора.

Попытки отыскать обломки «Гросвенора» предпринимались не раз; первая имела место еще в 1787 году. Она, как и все последующие, окончилась неудачей. В 2000 году удача наконец улыбнулась группе водолазов из Венгрии и археологов из Кейптаунского университета (ЮАР). Руководитель совместной экспедиции археолог Джонатан Шафтман заявил: «Мы подняли со дна океана предметы, которые дают нам право почти со стопроцентной уверенностью говорить, что “Гросвенор” найден». Однако среди находок не было никаких следов бесценного трона. Да и был ли он на корабле?

Рассказывают, что перед выходом из порта Тринкомали на «Гросвенор» был погружен груз золота и драгоценностей: 19 ящиков с алмазами, рубинами, сапфирами и изумрудами на сумму 517 тысяч фунтов стерлингов, золотые слитки стоимостью 420 тысяч фунтов стерлингов, золотые монеты на сумму 717 тысяч фунтов стерлингов и 1450 слитков серебра. В одном из писем капитан корабля намекает на некий находящийся на борту «Гросвенора» предмет, которым он хотел удивить всю Англию. Из этих намеков можно лишь предполагать, что речь идет о

«Павлиньем троне». Но из этого вовсе не следует, что он там был!

По мнению некоторых авторитетных историков, сокровища «Гросвенора» намеренно преувеличивались заинтересованными сторонами. Тем не менее на его борту, безусловно, находились определенные ценности. Один из исследователей обнаружил перечень алмазов, оцененных в пагодах (пагода – название старинной индийской золотой или серебряной монеты), и, пересчитав их стоимость в фунтах стерлингов, пришел к выводу, что в то время она составляла 8977 фунтов. Профессор П.В. Кирби нашел более подробное описание этих алмазов; по его подсчетам, их стоимость могла составлять 9739 фунтов. Эти камни принадлежали капитану корабля Коксону, везшему, кроме того, и свои личные сбережения – около 8000 фунтов. Один из пассажиров судна, Уильям Хосс, вез алмазы стоимостью 7300 фунтов, а также золотые и серебряные монеты на сумму 1700 фунтов. С сокровищами «Гросвенора» П.В. Кирби связывает находку более тысячи необработанных алмазов не южноафриканского происхождения в Ки-Мауте (ЮАР) в 1927 году. Он предположил, что эти алмазы могли быть потеряны или спрятаны там кем-то из уцелевших пассажиров «Гросвенора».

Но если «Павлиньего трона» не было на «Гросвеноре», то какова тогда его судьба?

По версии ряда исследователей, легендарный трон правителей Могольской династии был безвозвратно утерян после гибели Надир-шаха. Скорее всего, он был просто демонтирован, а украшавшие его драгоценные камни разошлись по рукам. Часть их них осела в сокровищницах персидских и турецких правителей, часть попала в Европу. Еще в XIX столетии ходили слухи, что «Павлиний трон» в целости и невредимости хранится в шахской сокровищнице в Тегеране, однако английский путешественник лорд Керзон, получивший возможность ознакомиться с драгоценностями иранских правителей, смог убедиться, что никакого трона в действительности нет.

Интересно, что много лет спустя «Павлиний трон» появился вновь уже в ином обличье: во время коронации последнего шаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви (1941–1979) и его супруги Фарах Диба в громадном зале дворца «Гулистан» стоял «Павлиний трон», который газетчики тут же поспешили отождествить с легендарным трофеем Надир-шаха. Однако в реальности трон из дворца «Гулистан» был изготовлен в 90-х годах XVIII в. – по-видимому, «по мотивам» легендарного трона могольских императоров – и первоначально назывался «Трон солнца». Лишь позднее Фатх-Али-Шах (1797–1834) переименовал его в «Павлиний трон».

Меч царя Гоуцзяна

Местонахождение: Исторический музей провинции Хубэй, Ухань, провинция Хубэй, Китай

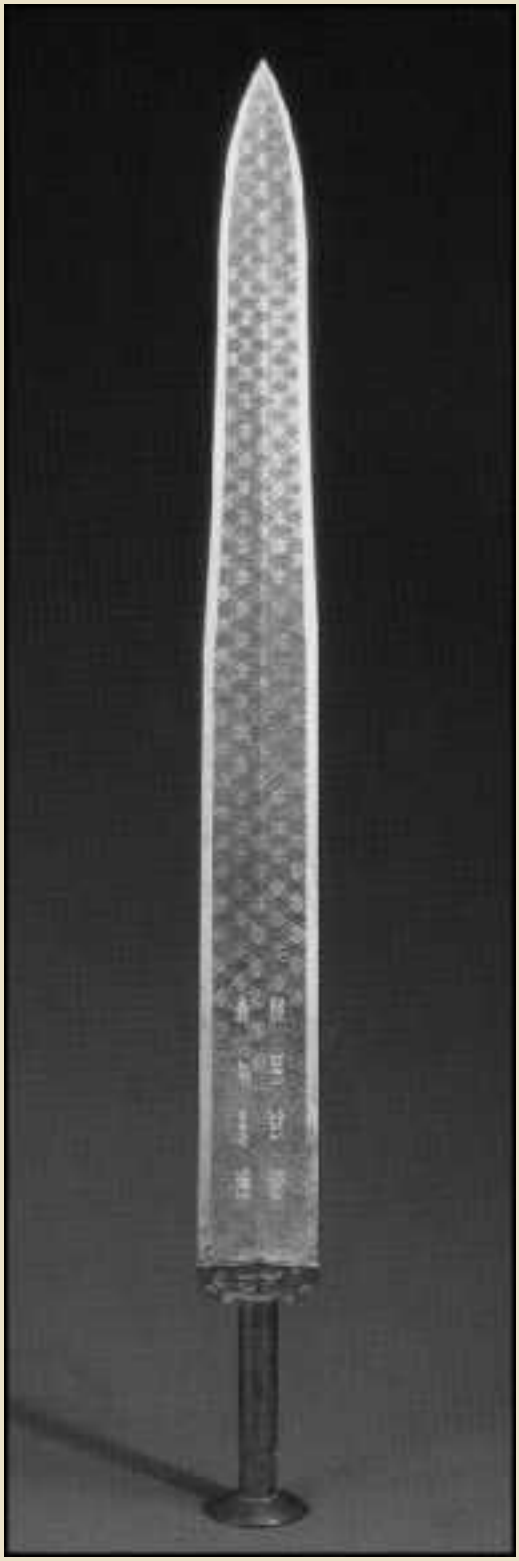
В сентябре 1965 года, проводя археологические исследования в зоне строительства гидротехнических сооружений близ Цзинчжоу (провинция Хубэй), китайские ученые обнаружили более пятидесяти древних захоронений, относящихся к периоду «Весны и Осени» (Чуньцю,

722–476 гг. до н. э.) и эпохе «Сражающихся царств» (475–221 гг. до н. э.). Раскопки этих погребений велись с середины октября 1965 года до января 1966 года. Было найдено более 2000 различных предметов, имеющих большой научный интерес. А главное открытие было сделано в один из декабрьских дней 1965 года.

Исследуя погребение эпохи «Сражающихся царств», расположенное в 7 км от руин Цзинаня – столицы древнего государства Чу, ученые обнаружили человеческий скелет, слева от которого лежал длинный черный лаковый футляр. Он был настолько тщательно сделан, что оказался практически воздухонепроницаемым. И когда один из исследователей извлек из футляра необычайно красивый и блестящий бронзовый меч, все присутствующие были потрясены.

Несмотря на то что меч пролежал в подземной гробнице более двух тысяч лет, он выглядел так, словно его изготовили вчера. Его лезвие было настолько острым, что когда один из археологов провел по нему рукой, из пальцев закапала кровь. Простой опыт показал, что меч легко разрубает стопку из двадцати листов бумаги.

На одной стороне лезвия в две колонки шла иероглифическая надпись, состоящая из восьми знаков. Это был очень древний, трудночитаемый вариант письма, но тем не менее ученые смогли его разобрать. Надпись гласила: «Царь Юэ… сделал этот меч для [своего] личного пользования». Еще два плохо разбираемых знака представляли собой, по видимости, имя этого царя. О ком шла речь?

В истории царства Юэ, начиная от его создания в 510 году до н. э. и его завоевания царством Чу в 334 году до н. э., известно девять правителей. Среди китайских ученых разгорелись споры по поводу точного определения личности владельца меча. После более чем двух месяцев

интенсивного обмена мнений исследователи начали склоняться к выводу, что этим царем мог быть только Гоуцзян (Гоуцзян-ван), правивший государством Юэ в самом конце периода «Весны и Осени». Долгое время он враждовал с правителем соседнего царства У, и хотя сперва Гоуцзян потерпел жестокое поражение, спустя десять лет сумел вырвать победу из рук противника и разгромить царство У. Уж не этим ли самым мечом Гоуцзян прокладывал себе путь к триумфу?

Длина меча составляет 55,6 см, включая почти 10-сантиметровую рукоятку, ширина лезвия – около 5 см. Каждая сторона лезвия покрыта рядами темных ромбов и украшена бирюзой, ближе к рукояти выбита надпись из восьми знаков, удостоверяющая принадлежность меча царю Гоуцзяну. Эфес перевит шелком, а навершие эфеса составлено из 11колец.

Несмотря на более чем двухтысячелетнее пребывание в земле, лезвие меча сохранило остроту и не имеет никаких признаков коррозии и даже потускнения. Чтобы разрешить эту тайну, специалистам Китайской Академии наук пришлось прибегнуть к самым современным методам анализа. Было установлено, что меч изготовлен из бронзового сплава, состоящего из меди, олова и небольшого количества примесей алюминия, железа, никеля и серы. Пропорция металлов в разных частях меча различна: если тело лезвия главным образом состоит из меди, то ближе к краям содержание олова повышается, что придает режущей кромке повышенную твердость. При изготовлении меча металл был подвергнут сульфурации (насыщению серой), а орнамент на лезвии представляет собой результат химической обработки. В целом же меч царя Гоуцзяна являет собой лучший образец продукции древних китайских металлургов. Даже сегодня создать точную копию этого меча было бы довольно затруднительно.

Со времени находки меч царя Гоуцзяна приобрел в Китае едва ли не такую же популярность, как легендарный меч короля Артура в Европе. Имеющий сегодня статус национального сокровища, меч хранится в музее провинции Хубэй.

Три священных сокровища Японии

Местонахождение: Священный меч – святилище Ацута, Нагоя; Священная яшма – императорский дворец, Токио; Священное зеркало – святилище Исе, префектура Мие, Япония.

Японские императорские регалии носят название Священных сокровищ. Эти реликвии, наверное, самые таинственные в мире. Невозможно отыскать ни их фотографий, ни рисунков, а людей, воочию видевших эти реликвии, можно пересчитать по пальцам. Тем не менее вряд ли кто возьмется утверждать, что Священных сокровищ не существует в природе. Другое дело, что о них неизвестно практически ничего достоверного – только легенды…

Самые ранние сведения о трех Священных сокровищах можно найти на страницах древних японских хроник «Кодзики» («Записи о деяниях древности») и «Нихон секи» («Анналы Японии»), составленных в VII–VIII веках. Согласно легенде, однажды бог Сусаноо, находясь в царстве богини солнца Аматэрасу, причинил ей много разного рода неприятностей.

Разгневанная Аматэрасу удалилась в небесный грот, и вся Равнина Высокого Неба погрузилась во тьму. Встревоженные боги собрались на совет, чтобы придумать, как выманить Аматэрасу из грота. Наконец, богиня Ама-но Узуме придумала повесить на дерево яшмовое ожерелье, зеркало и белые одежды, после чего боги начали хором звать Аматэрасу, Увидев свое отражение в зеркале, богиня солнца, заинтересовавшись, вышла наружу, и сразу же солнечный свет вернулся в мир.

Позже бог Сусаноо, чтобы загладить свою вину, преподнес богине Аматэрасу волшебный меч Кусанаги (Кусанагино Цуруги), «Меч, Секущий Травы». Этот меч, как рассказывает хроника «Кодзики», Сусаноо добыл в стране Идзумо (западная часть японского острова Хонсю). Однажды, спустившись там на землю, он повстречал старика Асинад-зути и его жену Тэнадзути, которые горько плакали. На вопрос, в чем причина их несчастья, старики рассказали Сусаноо, что восемь лет назад в этой стране поселился восьмиглавый и восьмихвостый змей, пожирающий молодых девушек. Он уже пожрал семь их дочерей, и вот теперь настал черед отдавать змею последнюю дочь, Кусинаду.

Сусаноо взялся помочь старикам. Он взял восемь бочек, наполнил их рисовой водкой-сакэ и выставил их на восьми платформах за забором с восемью воротами. Змей нашел приманку и, просунув в каждые ворота по голове, осушил все бочки до дна. Опьянев, он уснул. Тогда Сусаноо поочередно отрубил ему все головы, а потом принялся за хвосты. Отрубив четвертый хвост, он обнаружил в теле змея большой меч, который затем подарил богине Аматэрасу.

Внук Аматэрасу Ниниги (Нинигино Микото) сошел с Неба на Землю, чтобы стать правителем страны Идзумо (Японии). Он стал японского родоначальником императорского дома. Вместе с ним на Землю спустились пять божеств, от которых произошли главные аристократические кланы Японии. Посылая на Землю своего внука, Аматэрасу вручила ему три Священных сокровища, которыми обладала: зеркало – символ мудрости, меч – символ силы и доблести, и яшмовое ожерелье, символизирующее милосердие. Эти сокровища должны были вечно храниться в императорском дворце; без них власть императора будет считаться нелегитимной. Эти три предмета вплоть до настоящего времени являются символами императорской власти.

Как повествует «Кодзики», Ниниги, спустившись на землю, женился на Конохана-сакуя-химэ, дочери О-Ямацуми, божества гор. Их правнук, Дзиммутэнно, стал первым императором Японии. Согласно традиции, восшествие Дзиммутэнно на престол произошло в 660 году до н. э., и этот год считается датой основания японского государства.

Из-за легендарного происхождения и плотного тумана тайны, окружающей Священные сокровища, до сих пор достоверно не известны ни их подлинная история, ни точное местонахождение. Принято считать, что меч хранится в синтоистском святилище Ацута в Нагое, яшмовое ожерелье – в императорском дворце в Токио, а зеркало – в знаменитом святилище Исэ (префектура Миэ). По традиции, обладание Священными сокровищами обеспечивает легитимность правящему японскому монарху (каждый из императоров считается потомком богини Аматэрасу). С 690 года вручение этих реликвий императору является кульминацией церемонии возведения на престол нового монарха. Эта церемония совершается в одном из синтоистских святилищ, на нее допускается строго ограниченный круг лиц, и при этом не допускаются никакие кино– и фотосъемки, зарисовки и тем более телетрансляции, так что никакие изображения этой церемонии неизвестны. В то же время сам факт существования этой тайной церемонии, равно как и факт существования Священных сокровищ, не вызывает сомнений. Так, американский историк Дональд Миллер сообщает о том, что последние дни Второй мировой войны японский император Хирохито был в большей степени озабочен эвакуацией в безопасное место зеркала, меча и яшмового ожерелья, чем судьбой всей страны. Сохранились документы, датированные 25 и 31 июля 1945 года, из которых следует, что император настойчиво требовал от своих ближайших помощников «любой ценой» уберечь священные императорские регалии.

Для современных ученых истинное происхождение и возраст Священных сокровищ остаются под вопросом. По одной из версий, они могут быть связаны с буддийской культурой (активное проникновение буддизма в Японию началось в VI в. н. э.). Согласно другому

предположению, эти предметы созданы в Китае или в Корее еще в эпоху бронзы и были принесены в Японию из-за моря. На сегодняшний день по крайней мере одно (или больше) из трех Священных сокровищ не является аутентичным и представляет собой более позднюю копию.

Наиболее древний возраст из всех трех Священных сокровищ имеет, возможно, яшмовое ожерелье – «Ясаками-но Магатама». Народная традиция изображает его как набор (в другом варианте – одна-единственная часть) яшмовых (по другой версии – нефритовых) камней своеобразной формы – продолговатых и изогнутых в виде запятой. Обработанные подобным образом каменные бусины («магатама»), изготовленные из нефрита, агата, кварца, талька и яшмы, появились в Японии еще в глубокой древности, в период Дземон (VIII – середина I тысячелетия до н. э.). Их часто находят в погребениях того времени. Считается, что эти бусины играли роль вотивных приношений.

Японские археологи сегодня практически единодушно считают, что «магатама» зародились на Японских островах в эпоху культуры Дземон и позже через Корейский полуостров распространились на азиатском континенте (самая ранняя корейская «магатама» («гогок») датируется началом периода Мумун (850-е гг. до н. э.) и найдена в южной части полуострова, в непосредственной близости к Японии). Ученые других стран смотрят на эту проблему по-иному. Например, известный археолог Чарльз Т. Келли, изучающий японскую культуру периода Кофун (300–600 гг. н. э.), пишет: «Происхождение “магатама” спорно. Эти украшения из жадеита часто встречаются в погребениях периода Кофун, но в то же самое время они были широко распространены и в Корее. Этот факт заставил большинство археологов заключить, что “магатама” происходит из Кореи. Однако “магатама” найдены и на памятниках культуры Яей *4 Культура Яей, сменившая культуру Дземон, существовала на Японских островах около 300 г. до н. э. – 300 г. н. э.*, неоспоримые находки “магатама” известны также на памятниках культуры Дземон в Тохоку, датируемых приблизительно 1000 г. до н. э., т. е. намного раньше того, как “магатама” появились в Корее».

«Магатама» продолжали использоваться на Японских островах на протяжении всего периода Кофун. Некоторые исследователи полагают, что «магатама» являлись исключительно императорской принадлежностью, однако в реальности они были широко распространены среди всех социальных слоев тогдашнего японского общества. Предполагается, что «магатама» обычно носили как украшения, однако эти ожерелья имели и некий религиозный смысл. В этом последнем значении их позже в известной степени заменили буддийские четки (в период Нара, 645–794). В современной Японии форма бусины «мага-тама» – сфера с плавно отходящим от нее «хвостом» – является традиционным символом человеческого духа («хитодама»).

Очевидно, что Священное яшмовое ожерелье («Ясаками-но Магатама») было создано на заре японской истории – приблизительно в 600—700-х годах н. э. Исследователи предполагают, что первоначальное Священное яшмовое ожерелье было тем или иным способом уничтожено еще в эпоху Средневековья, а позже (в период Хэйян, 794—1185 гг.) было заменено ныне существующим нефритовым ожерельем, хотя нет никаких твердых исторических фактов, подкрепляющих это утверждение.

Второе Священное сокровище Японии – бронзовое зеркало «Ята-но Кагами». Считается, что оно хранится в святилище Исе и символизирует мудрость или, по другой версии, справедливость. Именно в это зеркало когда-то, согласно древнему преданию, заглянула богиня солнца Аматэрасу. Позже она отдала зеркало вместе с другими реликвиями своему внуку Нинигино-Микото, отправляя его на Землю, в страну Идзумо, чтобы он умиротворил тогдашнюю Японию. От него Священные сокровища перешли во владение японского императорского дома.

Легендарный меч «Кусанаги-но Цуруги» занимает в истории Японии практически то же место, что и меч короля Артура Эскалибур – в истории Британии. Судя по скупым сведениям различных источников, древних и современных, этот меч изготовлен в стиле бронзового века – он обоюдоострый, короткий и прямой, и сильно отличается от более позднего японского меча-катаны. Более раннее его название – «Ама-но Муракумоно Цуруги», «Меч, Собирающий Облака». Согласно преданию, в правление двенадцатого японского императора, Кейко, одна из жриц святилища Исе отдала меч своему племяннику, великому воину Ямато Такеру, чтобы защитить его от грозящей ему опасности. Этот подарок действительно пригодился Ямато Такеру, когда во время охоты один из его недоброжелателей заманил его в ловушку. Его слуги убили под Ямато Такеру лошадь, другие начали пускать горящие стрелы в заросли сухой травы, где укрывался Такеру. На воина двинулась стена огня. В отчаянии Ямато Такеру выхватил меч и начал рубить им траву, чтобы пламя не подобралось к нему, и с удивлением увидел, что волшебный меч не только легко срезает траву, но и способен управлять ветром, меняя его направление. Воспользовавшись этим, Такеру погнал пламя в сторону своих врагов. Избавившись таким образом от напасти, он переименовал меч в «Кусанаги-но Цуруги» – «Секущий Траву».

Современные исследователи согласны в том, что эта популярная легенда, объясняющая происхождение легендарного меча, от начала и до конца выдумана. В старояпонском языке «куса» означает «меч», а «наги» – «змею», и таким образом название меча переводится как «змеиный меч». Хотя под этим названием меч впервые упоминается в хронике «Кодзики», эта книга представляет собой сборник японских мифов и не считается историческим документом. Первое достоверное упоминание о мече можно найти в «Нихон секи». Хотя эта хроника также содержит множество исторически недостоверных легенд, в ней содержатся записи некоторых событий, современных или близких по времени к дате ее создания, и эта часть хроники считается вполне надежным источником. Согласно «Нихон секи» меч Кусанаги хранился в императорском дворце и был удален из него в 688 году после того, как в нем усмотрели причину болезни императора Тэмму. С тех пор и до сего дня меч хранится в святилище Ацута, хотя он не доступен для публичного осмотра, и потому его существование не может быть подтверждено. В период Эдо (1615–1868) один синтоистский священнослужитель оставил записки, в которых утверждает, что видел меч, и приводит его описание. Согласно этому описанию меч достигал в длину около 84 см, имел форму листа аира и находился в хорошем состоянии.

Хотя некий меч действительно может сегодня храниться в святилище Ацута, это вряд ли будет легендарный Кусанаги. Дело в том, что настоящий меч, по-видимому, был уничтожен еще в XII столетии. На это недвусмысленно указывает «Повесть о Хэйке», собрание устных преданий, записанных в 1371 году. Эти предания рассказывают об эпохе длительных междоусобных войн, которые вели в конце XII века могущественные кланы Тайра (в китайском прочтении Хэйке) и Минамото. Оба клана поочередно захватывали японский трон, то и дело меняя императоров. К исходу этой войны, когда войскам Тайра пришлось оставить столицу, они увезли с собой малолетнего императора Антоку, который принадлежал к роду Тайра. Естественно, они взяли с собой и Священные сокровища. Минамото захватили столицу, возвели на престол своего императора, но без Священных сокровищ его власть не могла считаться законной. Следовало срочно вернуть святыни.

Преследуемые врагами, Тайра вынуждены были погрузиться на корабли и покинуть берега Японии. На борту флагманского корабля находились император и Священные сокровища. Флот Минамото преследовал их. Корабли противников сошлись в Симоносекском проливе, закипел бой. Воины Минамото взяли на абордаж флагманский корабль. Тогда Киемори, бабушка 8-летнего императора Антоку, вынудила его самого и его окружение совершить самоубийство. По преданию, она сама опоясалась Священным мечом, взяла в руки ларец со Священным зеркалом и отдала шкатулку со Священной яшмой своей верной служанке, после чего, взяв за руку императора, бросилась вместе с ним в море. Однако кто-то из воинов Минамото успел подцепить императрицу багром и вытащить ее из воды. Служанка же просто не успела последовать за своей госпожой. Таким образом, Минамото смогли спасти Священную яшму и ларец со Священным зеркалом. Что касается меча, то он отвязался от пояса императрицы и пошел на дно…

«Повесть о Хэйке», хотя и рассказывает о реальных исторических событиях, тем не менее является всего лишь сборником эпической поэзии, долгое время передававшейся из уст в уста и записанной спустя почти 200 лет после описываемых событий, так что их надежность как исторического источника весьма сомнительна. Между тем, согласно некоторым хроникам, уже десятый японский император, Судзин, приказал изготовить точную копию меча Кусанаги после того, как стало известно, что настоящий меч… украден! Позже императорские чиновники утверждали, что на самом деле украдена точная копия меча, а сам меч цел и невредим, однако это следует расценивать как попытку поставить все с ног на голову. Более вероятно, что копия была сделана после того, как стало ясно, что меч утрачен навсегда. Правда, следует отметить, что историки считают императора Судзин легендарной личностью, так как в точности неизвестен ни исторический период, в который он правил, ни события его правления.

Согласно другим сообщениям, меч Кусанаги был украден (повторно?) в VI столетии неким китайским монахом. Однако судно, на котором монах возвращался на континент, затонуло, и в результате море выбросило Священный меч прямо на берег в Исе, где его нашли служители местного святилища. Учитывая несколько фантастическую природу этой

истории, ее историческая достоверность сомнительна.

Как бы то ни было, из-за категорического отказа жрецов святилища Ацута показать меч широкой публике и упорных слухов о том, что подлинный меч утрачен еще как минимум восемь-девять столетий назад, следует признать, что меч Кусанаги – наиболее спорный объект в числе трех Священных сокровищ Японии. Это обстоятельство, однако, лишь добавляет таинственности к истории Священных сокровищ, о которых слышали многие, но не видел никто, за исключением горстки избранных.

Семилезвийный меч

Местонахождение: святилище Исоноками, Тенри, префектура Нара, Япония

Семилезвийный меч – одно из национальных сокровищ Японии. Этот железный меч длиной 74,9 см имеет совершенно необычную форму: от его центрального лезвия, подобно ветвям, отходят еще шесть малых лезвий, придавая оружию странный и более чем экзотический вид. Надпись на одной стороне лезвия сообщает, что меч создан в 4 году китайской эры Тайва (Тайхэ), что соответствует 369 году нашей эры. Эту дату некоторые исследователи соотносят с сообщением старинной японской хроники «Нихон секи» («Анналы Японии») о том, что приблизительно в это же время (с учетом некоторого расхождения в календарях) правитель корейского государства Пэкче по имени Кынчхого присылал своего посла к японской императрице-регентше Цзингу.

Но почему речь зашла о Корее? Дело в том, что современные исследователи, занимаясь изучением меча, пришли к выводу, что он происходит или из Кореи, или, что менее вероятно, – из Китая. Техника его изготовления заставляет обратиться прежде всего к корейским корням меча, а точнее – к эпохе трех древних царств, Пэкче, Когуре и Силла, существовавших на территории Корейского полуострова в I–VII веках. н. э. (в VII в. царства Пэкче и Когуре вошли в состав объединенного государства Силла). Специалисты приписывают создание меча мастерам из Пэкче и полагают, что он предназначался для ритуальных целей. Внешний облик меча навеян образами корейского шаманизма и заставляет вспомнить о распространенном в корейской космогонии мотиве Мирового Древа с семью ветвями.

На обоих сторонах лезвия меча сохранилась трудночитаемая надпись, инкрустированная золотом. Существуют различные варианты ее перевода, и все они довольно спорны и являются предметом острых дискуссий между корейскими и японскими историками. Надпись на одной стороне приблизительно можно перевести так:

«Этот семилезвийный меч был сделан из <…> очищенного много раз, в полдень в одиннадцатый <…> день <…> месяца, четвертый год Тайхэ <…> эра. <…> отразить врага и служить правителю <…> сделанный.»

На второй стороне лезвия читается следующее:

«Никогда прежде не было такого меча <…> Пэкче <…> кто обязан своей жизнью императору Цзинь, сделали этот меч для правителя Ши страны Ва в надежде, что это перейдет по наследству к их потомкам» (существует версия, что вторая надпись сделана совершенно другим человеком и в другое время, чем первая). Упоминание некоего императора из династии Восточная Цзинь (317–420) и использование китайского летосчисления заставляет некоторых ученых предполагать, что меч мог быть сделан в Китае. Другие исследователи считают, что меч, вероятно, был изготовлен по заказу одного из правителей корейского государства Пэкче или его высокопоставленным придворным в качестве подарка правителю страны «Ва» – так в Древнем Китае и Корее именовалась страна Ямато – Япония. Исходя из текстов на лезвии меча, ученые разных стран высказывают прямо противоположные предположения: это был подарок от равного равному; этот меч правитель Пэкче отправил своему японскому вассалу; отправка меча в Японию означала признание вассалитета со стороны правителя Пэкче. Согласно другим гипотезам, меч был вообще изготовлен в Китае, а надписи появились на нем уже позднее, в разное время, и связаны с совершенно разными событиями. Если же оружие действительно произведено в Корее, то в этом случае оно является вершиной творческих и технических достижений оружейников страны Пэкче.

Как бы то ни было, удивительный меч считается сегодня реликвией сразу двух стран – Японии и Кореи. Само его существование доказывает, что уже к 372 году между обоими государствами имелись тесные и дружественные отношения. Оригинал меча ныне хранится в Японии, в святилище Исоноками, а многочисленные копии, изготовленные в разные времена, можно увидеть во многих музеях и святилищах Японии и Южной

Кореи.

Короны династии Силла

Местонахождение: Национальный музей в Кенджу и Национальный музей в Сеуле, Южная Корея

Долгое время на территории Корейского полуострова существовали три государства – Когуре, Пэкче и Силла, враждовавшие между собой за первенство. В конце VII века н. э. эта борьба завершилась полной победой правителей царства Силла, объединивших под своей властью весь Корейский полуостров к югу от реки Тэдонган. Древняя столица царства Силла, город Кенджу, стал столицей объединенного государства. По тем временам это был очень большой город, в нем насчитывалось около 160 тыс. домов. До сих пор Кенджу остается настоящим историко-архитектурным заповедником. Всех приезжих неизменно поражают высящиеся прямо посреди современной городской застройки десятки гробниц правителей древнего царства Силла, самой разной величины. Предметы, найденные во время раскопок этих гробниц, представляющих собой курганы-тумули, можно увидеть в Национальном музее Кенджу, а также в Национальном музее Кореи в столице страны Сеуле.

Одним из наиболее захватывающих открытий, сделанных учеными во время раскопок царских курганов, стали удивительные золотые короны правителей династии Силла. Лучшие из них сделаны из чистейшего золота и, вероятно, принадлежали правителям. Другие короны изготовлены из золота низкого качества или вообще из позолоченной бронзы и предназначались, вероятно, для принцев или соправителей. Наиболее прекрасные короны были найдены в «гробнице Золотой короны» (V в. до н. э.), «гробнице Золотого колокола» и «гробнице Небесной Лошади» (обе – VI в. до н. э.). Своей сохранности эти уникальные изделия древних мастеров обязаны тому, что могилы-тумули, в отличие от шахтных и коридорных гробниц, не имели входов. Глубокая яма, служившая погребальной камерой, после того как в нее помещали останки умершего и богатый погребальный инвентарь, перекрывалась бревнами, затем засыпалась слоем глины, потом массивными речными валунами, и, наконец, над гробницей насыпался

высокий земляной курган. Подобный способ захоронения практически исключал возможность ограбления могилы: для того чтобы добраться до сокровищ, грабителям пришлось бы извлекать из-под толщи земли тяжелые валуны, а сделать это незаметно и за короткое время было невозможно.

В 528 году правители государства Силла приняли буддизм, что привело к постепенному прекращению практики захоронений с драгоценным погребальным инвентарем, и к концу шестого столетия строительство монументальных гробниц-тумули прекратилось. Поэтому все дошедшие до наших дней золотые короны правителей Силла датируются V–VI веками. Сегодня эти уникальные произведения древних мастеров, хранящиеся в музее Кенджу, имеют статус национального сокровища.

Изготовителями корон, несомненно, были корейские ювелиры: эти изделия несут на себе очень мало следов китайского влияния, зато демонстрируют сильную связь с корейским шаманизмом – в частности в символике. Сложная форма корон и разнообразие технических приемов, с помощью которых они изготовлены, свидетельствует о том, что златокузнецы государства Силлы обладали замечательными навыками в обработке драгоценных металлов.

Короны изготовлены из тонкого листового золота и очень хрупки, притом что каждая весит более килограмма. Носить их на голове даже в течение короткого времени чрезвычайно неудобно, да и непрактично, поэтому ученые предполагают, что эти короны использовались только в особо торжественных случаях, а может быть, и не использовались вообще, и представляют собой исключительно погребальные подношения. В то же время наличие множества маленьких полированных золотых зеркалец, свисающих на цепочках с нижнего края короны, заставило ряд исследователей предположить, что эти короны носились при ярком солнечном свете. Сверкающие в лучах солнца золотые зеркальца, возможно, были призваны напоминать о традиционном представлении о том, что правители династии Силла являются наместниками Солнца на земле.

Каждая из корон состоит из двух основных частей: внутренний венец, который, возможно, был покрыт шелком, и внешняя зубчатая корона, традиционно имеющая пять зубцов, напоминающих рога северного оленя. Третьей частью короны можно считать набор золотых цепочек с золотыми и нефритовыми украшениями, крепившийся к краю внешней короны. До сих пор неясно, как именно носили (если вообще носили) эти короны: все три части вместе или каждую по отдельности? Тот факт, что разные части корон нередко находили в разных углах одного и того же погребения, заставил некоторых исследователей предположить, что в реальности речь может идти о трех разных коронах, предназначавшихся для разных церемоний, и лишь в каких-то особых случаях их, возможно, объединяли вместе.

Размеры корон разнятся. Самой большой из известных к сегодняшнему дню является корона из так называемой «гробницы Золотой короны». Она была найдена в 1921 году и имеет диаметр 19 см, достигая в высоту 44 см. Эта корона отличается сложностью рисунка зубцов, напоминающем о древних традициях корейского шаманизма.

Целых две золотых короны были найдены в 1973 году в «гробнице Небесной Лошади». Одна из них, высотой 32,5 см, с зубами в форме оленьих рогов, как считается, принадлежала правителю Соджи (правил в 479–500 гг.) либо его преемнику, королю Чиджыну (500–514). Вторая корона, высотой 27,5 см, чрезвычайно богато украшенная различными нефритовыми деталями, возможно, предназначалась для королевы. А вот корона, найденная в 1963 году в кургане Кымниенчон, вообще лишена нефритовых украшений. Эта же корона – самая маленькая из числа известных к сегодняшнему дню, ее диаметр составляет 15 см, а высота – 27 см.

Короны династии Силла, являясь во многом уникальным явлением в культуре народов Дальнего Востока, остаются в центре пристального внимания ученых. Исследователи ищут и находят в них параллели с искусством древней Японии периода Дземон, народов Сибири и Центральной Азии. Но, как бы то ни было, эти короны остаются в первую очередь чисто корейским явлением, редкими памятниками истории и чрезвычайно ценными произведениями искусства древних корейских мастеров.

Регалии таиландских монархов

Местонахождение: Королевский дворец, Бангкок, Таиланд

Первое использование королевских регалий во время торжественных церемонии коронаций относится ко временам королевства Сукотаи (XIII–XV вв.), государства, рассматриваемое исторической традицией как первое тайское королевство. Эта практика сохранялась и в дальнейшем, однако наиболее пышным цветом она расцвела в XVIII столетии, когда к власти пришла династия Чакри. Первый правитель этой династии, Пра Буддха Чулалоке, вступивший на трон 6 апреля 1782 года под именем Рамы I, правил страной в течение 28 лет (1782–1809). С его именем связан расцвет Таиланда (Сиама) и, в частности, установление пышного обряда коронации новых монархов. Тайские ремесленники, работая в освященной веками традиции, изготовили набор королевских регалий, который к сегодняшнему дню насчитывает 28 предметов. Главными же из них являются пять: Большая корона Победы, меч Победы, королевский жезл, королевское опахало и королевские туфли.

Большая корона Победы, или Пра Маха Пичаи Монгкут, изготовлена из золота в традиционном тайском стиле – в виде конической шапки, увенчанной сужающимся кверху шпилем, и украшена бриллиантами и красной и зеленой эмалью. Ее высота составляет 66 см, весит корона 7 300 граммов. По распоряжению короля Рамы IV (1851–1868) корона была увенчана крупным бриллиантом.

История меча Победы отчасти легендарна: по преданию, его нашли в озере Тонлесап, расположенном на территории Камбоджи, и тогдашний камбоджийский правитель в 1784 году подарил меч королю Раме I. Другое название этого меча – «Мудрость Короля». Он имеет обоюдоострое лезвие длиной 64,5 см и весит 1,9 кг. Длина рукояти меча составляет 25,4 см.

Она изготовлена по распоряжению короля Рамы I (согласно преданию, из Камбоджи ему прислали только лезвие) и щедро украшена золотом, эмалью и драгоценными камнями. Лезвие меча близ рукояти орнаментировано богатой золотой инкрустацией. Согласно тайской традиции, меч Победы является символом суверенитета страны, напоминающим о той давней традиции, согласно которой король рассматривался не только политическим, но прежде всего военным лидером, на плечах которого лежала обязанность защищать свой народ и

свое королевство.

Королевский жезл, традиционно являющийся символом правосудия, изготовлен из древесины кассии и с обоих концов оправлен в золото. Его длина составляет 118 сантиметров. Но если жезл (скипетр) часто встречается в числе монарших регалий других стран, то королевское опахало – более редкая вещь, она отражает национальную специфику Таиланда. Опахало изготовлено из талипотовой пальмы, щедро позолочено и декорировано красной и зеленой эмалью. Длина опахала составляет 32,5 см, а увенчивающий его пальмовый лист имеет размеры 19 х 17 см.

Пятыми в списке главных королевских регалий идут королевские туфли. Изготовленные из красного бархата, с загнутыми концами, они сплошь затканы золотом и имеют подошвы из чистого листового золота. Длина каждой туфли составляет 29 см, ширина – 12 см.

После 1932 года абсолютную монархию в Таиланде сменила монархия конституционная. Однако по традиции персона короля считается священной, олицетворяя собой силу, объединяющую Таиланд. Король руководит торжественными ежегодными ритуалами, призванными обеспечить хороший урожай, в свой день рождения принимает присягу королевской гвардии. Во время этих и других церемоний король нередко появляется либо с полным набором регалий, либо с наиболее существенной их частью. Королевские регалии используются также при восшествии на престол и коронации нового короля.

Золотой Стул ашанти

Местонахождение: Резиденция верховного вождя – асантехене, Кумаси, Гана

…Много лет назад по воле богов раскололась гора Босумгаи, и из ее недр вышли первые ашантийцы. Они стали жить на земле, где боги рассеяли много золота. Это золото принадлежало ашантийцам, и прежде всего их королю Осею Туту. В знак этого боги ниспослали ему ЗолотойСтул.

Осей Туту, который сидел под деревом кум, был поражен, когда Золотой Стул в серебристом облаке опустился ему с неба на колени. Верховный жрец Окумфо Аноче объявил вождям всех племен, что Осей Туту избран богами быть королем королей – асантехене, а в Золотом Стуле заключена «суи-сум» – душа всего ашантийского народа…

Так древние легенды повествуют о начале истории народа ашанти, живущего сегодня в центральных районах Ганы, между реками Вольта и Тано. Самоназвание «ашанти» в переводе означает «люди, объединившиеся для войны». Так назвали себя несколько племен народа акан, создавших в начале XVIII века военный союз, из которого выросло могучее африканское государство Ашанти. Опираясь на сильную военную организацию (асафо), к началу XIX века оно контролировало почти всю территорию современной Ганы. Основой его богатства были золотые месторождения и россыпи, издавна известные на земле ашанти. Вот что сообщают об этом португальские хроники:

«Фернанду Гомеш был так настойчив и удачлив, что вскоре его люди открыли источник золота в месте, которое сейчас зовем Эльмина… В крепости Эльмина торговля очень возросла, и ежегодно в Португалию

вывозится до 170 000, а иногда и больше, дублонов хорошего золота высокой пробы. Страна называется Аксим…»

Во главе государства Ашанти, представлявшем собой конфедерацию племен, стояли верховный вождь (асантехене), его соправительница (асантехема) и совет старейшин. Первым асантехене был легендарный Осей Туту (1697–1731), под властью которого была создана и укрепилась федерация племен акан. По преданию, боги ниспослали ему легендарный Золотой Стул, ставший главной национальной святыней ашанти. Как и во многих африканских обществах, сиденья служат здесь знаками власти. В них особенно тщательно отделывалась часть из резного дерева, поддерживающая сиденье.

Как рассказывает легенда, верховный жрец Окумфо Аноче провозгласил, что от сохранности Золотого Стула зависит судьба народа ашанти, и вонзил в землю свою саблю, чтобы отметить место появления

стула. Это место можно видеть и сегодня: оно представляет собой металлический овал, в центре которого виднеется рукоять старинной сабли. «Ни одна сила в мире не может вытащить эту саблю, – убеждены ашантийцы, – нельзя даже делать таких попыток. Это место – священное». А находится это место в Кумаси – бывшей столице государства Ашанти, втором по величине городе Ганы.

По преданию, чтобы выбрать место для будущей столицы, верховный жрец Окумфо Аноче посадил в разных местах две ветки. Одна из них пустила побеги, а поскольку это была ветка дерева кум, то город назвали Кумаси – «Город под деревом кум».

Столицу Ашанти иностранные купцы и путешественники называли «Золотым городом». И не только за блеск и великолепие его дворцов. Всех любителей легкой наживы манил к себе блеск ашантийского золота.

Искусство обработки золота было хорошо развито здесь еще до появления европейцев и всегда вызывало их удивление. Вот что писал один французский купец, посетивший Гану во 2-й половине XVII века:

«…Тамошние золотых дел мастера в состоянии делать большое количество мелких предметов и украшений из золота, особенно это декоративные пуговицы гладкие или филигранной работы; гладкие кольца или браслеты в виде цепочек; любопытные броши для шляп и украшения для шпаг, а также много других оригинальных предметов; я очень часто любовался тем, как мастерски изготовлены предметы из литого золота или отделаны филигранью – они очень точно передавали форму морских ракушек, а также всяких других моллюсков…»

Золото в земле ашанти было основным эквивалентом рыночной стоимости любого товара. Об этом осталось любопытное свидетельство одного английского путешественника:

«От Ассини до Вольты и по всей земле Ашанти золотой песок ходит как деньги, за него можно купить даже связку бананов, и это я видел сам: несколько крупиц золота кладут на лезвие ножа и затем ссыпают в матерчатый мешочек. Кажется, все взрослые мужчины и женщины являются специалистами по золоту… Взвешивают золото с помощью маленьких красных ягод, а иногда с помощью местных разновесков, которые имели форму насекомых и птиц».

Широкая международная торговля золотом, которую вело государство ашанти, вызвала к жизни удивительные произведения африканского искусства – голдуэйтсы, гирьки для взвешивания золотого песка. Их название происходит от английских слов «gold»– золото и «weight» – гирька, разновесок. Голдуэйтсы изготовлялись техникой потерянного воска и представляют собой миниатюрные медные, бронзовые или латунные фигурки людей, животных, птиц, рыб, насекомых, или просто геометрические фигуры и кусочки металла различной формы с непонятными узорами и рисунками. Такое разнообразие не мешало точному установлению стандартного веса одноименных фигурок. Только вождь имел право пользоваться более тяжелыми гирями, чем его подданные. Но откуда такое разнообразие форм?

Для ашанти каждый голдуэйтс был не менее точен, чем для нас гирька с цифровым клеймом. Но вот европейская система расчетов была основана на непонятных для африканцев ценностях: за свои товары

европейцы стремились брать только чистое золото, а за местные товары предлагали монеты. Причем всякий раз оказывалось, что золотые монеты были не из чистого золота, а серебряные – из низкопробного металла. Ценность медных монет для местных жителей была вообще непонятна. Вполне естественно, что такая система платежа не могла завоевать авторитета, и местные жители отказывались принимать европейские деньги. А традиционная система расчетов при помощи разновесков была близка и понятна каждому африканцу.

«В ваших деньгах, которыми вы меряете золото, нет души», – презрительно говорили ашантийцы европейским купцам. Жители Ганы как бы одушевляли золотой песок. Одинаковый, он, «проходя» через голдуэйтсы, принимал каждый раз новое обличье. Тем самым золотой песок включался во всеобъемлющую сферу ашантийской культуры.

Разумеется, европейские колонизаторы не могли оставить в стороне богатое государство Ашанти. В результате пяти войн британцы все же сломили сопротивление ашантийцев и в 1896 году ворвались в «золотой город» Кумаси. Верховный вождь – асантехене – был пленен и отправлен в ссылку на Сейшельские острова, однако главная национальная святыня Ашанти, Золотой Стул, бесследно исчезла. Защитники Кумаси надежно спрятали ее, и снова эта драгоценная реликвия появилась на свет лишь в 1924 году – после того как асантехене вернулся в Кумаси.

Но к тому времени от великолепной столицы великой африканской империи оставались лишь жалкие руины. Дворцы Кумаси были сожжены, священные гробницы верховных вождей разрушены. Сегодня только старые фотографии в музее Центра национальной культуры в Кумаси напоминают о дворцах и павильонах со стенами из резного дерева и ставнями с вкраплениями серебряных и золотых пластин, домах богатых горожан с роскошно украшенными фасадами. По традиции дома ашанти располагались вокруг двора с навесом. Стены украшались цветными глинами, накладными (из травяных жгутов) орнаментами геометрического (волны, зигзаги, спирали) и зооморфного характера. Двери жилищ делали из цельных кусков хлопкового дерева и покрывали резьбой. «Стиль Кумаси» лег в основу всей современной архитектуры Ганы.

Сегодняшний Кумаси внешне выглядит довольно скромно: старые двухэтажные домики с балконами и решетками на окнах, христианская церковь с остроконечным шпилем, крепость, в которой располагается музей. Однако повсеместно встречающееся изображение санко-фы – священной птицы, воплощающей мудрость народа ашанти, – напоминает о том, что город продолжает оставаться национальной культурной столицей. Его называют «столицей ашанти», «лучшим городом Африки», «городом-садом». Кумаси действительно самый зеленый город Западной Африки. Но знаменит он сегодня не этим, а находящимся здесь Центром национальной культуры.

Традиционные образ жизни и искусство ашантийцев сохранились до настоящего времени и получили международную известность. В 1980 году поселения ашанти, включая Кумаси, вошли в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Основное занятие местных жителей – мотыжное земледелие, выращивание масличной пальмы, золотодобыча. С давних пор здесь развиты кузнечное и гончарное ремесла, художественная обработка

золота, серебра, бронзы, ткачество, резьба по дереву. Большинство населения придерживается культа предков и умерших вождей. Что же касается вождей живых, то народом ашанти по-прежнему управляет верховный вождь – асантехене. Его резиденция, окруженная высокой оградой, расположена к северу от Кумаси.

По древней традиции асатехене не наследует свою высокую должность: его выбирают из членов уважаемых семейств ашантийской военной аристократии. К кандидату предъявляются весьма высокие требования: он должен располагать к себе людей представительной внешностью, статной фигурой, хорошими манерами, а также сообразительностью, острым умом, способностью быстро постигать суть дела и быстро решать любые тяжбы соплеменников. И во время торжественной коронации новый асантехене получает право сесть на драгоценный Золотой Стул, в обычные дни за семью замками хранящийся в резиденции вождя. Лишь по большим праздникам его торжественно выносят и ставят слева от вождя на возвышение, покрытое кожей. Специальные люди следят за тем, чтобы стул не коснулся земли.

Золотой Стул выглядит как обычный стул: около полуметра в высоту и сантиметров тридцать в ширину. Его отличает лишь обилие золотых украшений. Только в двух случаях верховный вождь ашанти может сесть на него: во время коронации и во время объявления войны.

Копия Золотого Стула сегодня хранится в Центре национальной культуры в Кумаси. Здесь же можно видеть еще одну реликвию – «Сумку сокровищ», которая не открывалась с тех пор, как жрец Окумфо Аноче передал ее королю Осею Туту. Подобные кожаные сумки несут во время торжественных выходов асантехене. Раньше из них раздавались драгоценные дары и золото. Такие сумки считались символом богатства, и до сих пор в них хранят «золотые гирьки» – голдуэйтсы. Когда-то служившие для взвешивания золотого песка, сегодня они являются модными сувенирами, воплотившими в себе лучшие черты великолепного искусства народа ашанти.

Исторические драгоценные камни

Алмаз «Большая табличка»

Местонахождение неизвестно

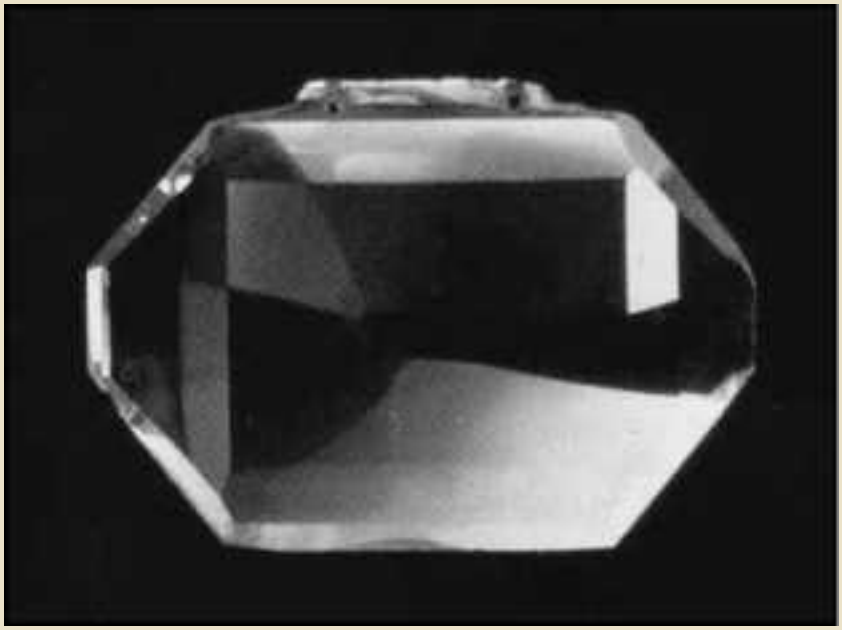
Во время своих путешествий в Индию в середине XVII столетия французский торговец драгоценными камнями Жан-Батист Тавернье видел три самых больших алмаза, которые мир когда-либо знал до этого. Один из этих алмазов походил по форме на половинку яйца и весил 280 каратов. Второй имел прекрасный синий оттенок и весил 112 каратов. Третий, продолговатый, светло-розового оттенка, по форме напоминал плоскую табличку и, по сообщению Тавернье, весил $176\,^{1}/_{8}$ мангелина, или $242\,^{5}/_{16}$ французских каратов (мангелин – единица веса, употреблявшаяся в Голконде и Биджапуре, равная $1\,^{3}/_{8}$ французского карата).

Все эти три величайших индийских алмаза пропали без следа. Судьба первого, вошедшего в историю под именем «Великий Могол», до сих пор остается предметом дискуссий. Второй через посредничество Тавернье попал в число драгоценных камней французской короны, был

известен под именем «Французский Синий» и пропал во времена кровавой революции; считается, что он был переогранен в бриллиант «Надежда». Третий – «Большая табличка» – просто исчез.

«Когда в Голконде, в 1642 году, мне показывали этот камень, это был самый большой алмаз, который я видел в Индии в руках торговцев.

Владелец камня разрешил мне сделать с него отливку, которую я послал двум моим друзьям, обратив их внимание на красоту камня и цену, которая составляла 500 000 рупий или 750 000 ливров в пересчете на наши деньги. Я получил от них полномочия, в случае, если этот камень был чистой воды, купить его за рупии, но было невозможно прийти к соглашению по цене, хотя я полагаю, что это можно было бы сделать, если бы они пожелали пойти навстречу».

Это – все, что Тавернье сообщает нам относительно этого замечательного камня, изображение которого приведено в первом издании его записок (в последующих изданиях оно нередко опускается). Характерная плоская форма камня позволила бы немедленно опознать его, если бы он где-либо вновь появился на свет. Проблема, однако, в том, что со времен Тавернье этот камень больше никто не видел.

Наиболее вероятное объяснение причин исчезновения «Большой таблички» – то, что камень был расколот на две или более части, тем более что специфическая форма алмаза легко позволяла это сделать. Сегодня в качестве «наследников» «Большой таблички» чаще всего называют бледно-розовые алмазы «Дарья-и-Нур» и «Нур-ул-Айн», хранящиеся в числе драгоценностей иранской короны. Это предположение нашло подтверждение во время экспертизы «Дарья-и-Нура» канадскими специалистами в начале 1960-х годов. Изучение показало, что камень, в

настоящее время вставленный в прямоугольную золотую оправу, вне всякого сомнения, является «Большой табличкой» или, вернее, частью этого камня. Розовый бриллиант «Нур-ул-Айн», вставленный в тиару, вполне вероятно, представляет собой другую переограненную часть «Большой таблички». По-видимому, «Табличка» случайно или преднамеренно была расколота, и ее меньшая часть была огранена в бриллиант (гранями «Большой таблички» служили природные грани кристалла). Проблема, однако, в том, что совокупная масса этих двух камней – 176 метрических каратов для «Дарья-и-Нура» и 67 метрических каратов для «Нур-ул-Айна» – превышает первоначальный вес «Большой таблички», указанный Тавернье.

Другим претендентом на роль «наследника» «Большой таблички» является алмаз «Шах Джахан» – плоский камень массой 56,71 каратав, ограненный в форме таблички размерами 44,6 х 33 х 3,6 мм. Он очень походит на камень, украшающий тюрбан Шаха Джахана на одном из его портретов. Характерная особенность «Шах Джахана», как и всех алмазов, использовавшихся Великими Моголами, – пара отверстий, с помощью которых камень мог прикрепляться к тюрбану или другим предметам одежды.

В 1985 году «Шах Джахан» предлагался на аукционе Кристи в Женеве, но не был продан.

Алмаз «Великий Могол»

Местонахождение неизвестно

В 1520—1530-х годах в Северной Индии утвердилась династия Великих Моголов, ведущих свое происхождение от Тимура-Тамерлана (1333–1405 годах), жестокого монгольского завоевателя. Основателем династии стал Бабур (1483–1530 годах), разбивший в 1526 году в битве при Панипате войска делийского султана. Более 200 лет Моголы правили Индией, ведя постоянные войны против соседних государств и создав одну из самых могущественных азиатских империй. Двор Великих Моголов славился неслыханной роскошью, а императорская сокровищница была наполнена неслыханными по красоте и размерам алмазами, поступавшими из знаменитых копей Голконды. Судьба почти всех этих алмазов в последующие столетия осталась загадкой, и сегодня никто не в состоянии документально и предельно точно установить их связь с теми камнями индийского происхождения, что появились в Европе в XVIII столетии, после падения династии Великих Моголов.

Больше всего споров велось и ведется по поводу алмаза «Великий Могол». Это название дал ему французский торговец алмазами и путешественник Жан-Батист Тавернье. Он родился в Париже в 1605 году и происходил из семьи шлифовщика драгоценных камней, перебравшегося во французскую столицу из Антверпена. Свое первое путешествие на Восток Тавернье совершил в 1630–1633 годах. Пять лет спустя он отправился в Персию а оттуда – в Индию, где посетил Агру – столицу Великих Моголов, и знаменитую Голконду. Позже он еще несколько раз побывал в Индии, всякий раз с немалой выгодой для себя: «В первую очередь я занимался алмазами – самыми дорогими из всех драгоценных камней…, – позже писал

Тавернье. – «Могу сказать, что я был первым европейцем, проложившим путь к этим копям, единственному месту в мире, где добываются алмазы». А в 1679 году в Париже вышла в свет книга, ставшая европейской сенсацией: «Описание шести путешествий, совершенных Жаном Батистом Тавернье, рыцарем и бароном д'Обонном, в Турцию, Персию и Индию за 40 лет всеми путями, какими можно достичь этих стран». Она была переведена на все основные европейские языки.

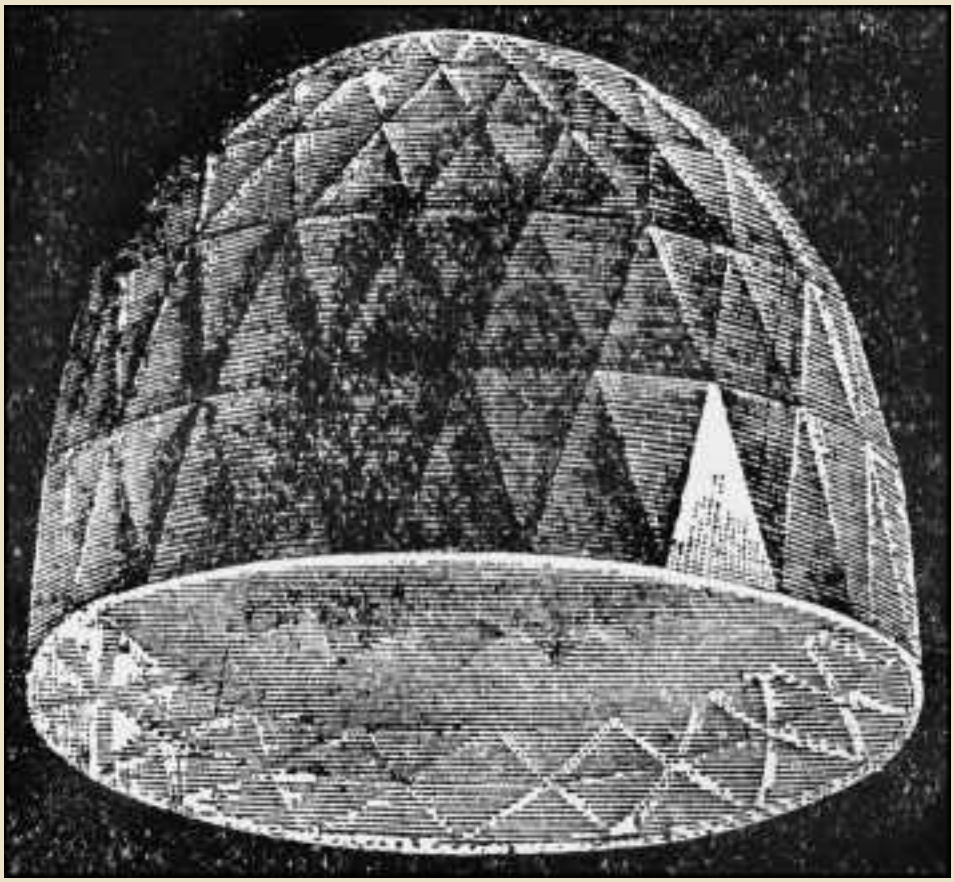
Во время своего последнего путешествия в Индию в 1665 году Тавернье побывал при дворе могущественного императора Аурангзеба, получив от него в подарок золото и драгоценные камни общей стоимостью 23 187 франков. В своих записках Тавернье описывает роскошь двора могольского правителя: «Я трижды видел, как королю, сидящему на троне, приносили пить. На золотой тарелке, украшенной алмазами, рубинами и изумрудами, ему приносят большую гладкую круглую чашу из хрусталя с крышкой, сделанной, как и тарелка, из золота и драгоценных камней. Вообще никто, кроме женщин и евнухов, не видит, как король ест, и только очень редко на трапезах присутствует кто-либо из его подданных, будь то князь или его ближайший родственник».

Перед отъездом Тавернье Аурангзеб пригласил его на праздник по случаю своего дня рождения, продолжавшийся пять дней. После этого Тавернье собирался распроститься с гостеприимным хозяином. Однако Аурангзеб попросил его отложить отъезд хотя бы на день.

На следующее утро шесть сановников отвели купца к императору. Великий Могол сидел в зале на троне, украшенном жемчугом, рубинами и алмазами. Кивком головы он приветствовал гостя и правой рукой указал на открытую дверь в дальнем конце зала: «Франк, ты гость на моем празднике, и я хочу показать тебе то, что еще никогда не видел ни один чужестранец. Акел-хан, мой главный хранитель сокровищ, покажет тебе драгоценности, которые развеселят твою душу». Хранитель поклонился и жестом пригласил Тавернье войти в сокровищницу.

По его сигналу четыре евнуха принесли две большие деревянные чаши, накрытые покровцами из красного и зеленого бархата, расшитого золотом. Из одной чаши Акел-хан извлек и показал французу огромный алмаз, похожий на половинку яйца и ограненный в форме розы. Нижний край – неровный, с инородными включениями. «Прекрасный камень! Прозрачный и блестящий», – восхищается Тавернье. «Он весит 319 рати», – сообщает Акел-хан. Тавернье пересчитывает: 280 каратов! При дворе Аурангзеба он много слышал об этом алмазе. Он был добыт в Коллурских копях (по некоторым сведениям – между 1630 и 1650 гг.) и в необработанном виде весил 907 рати, или 793 карата – самый большой алмаз, когда-либо находимый в Индии (а по тем временам – и во всеммире)!

Справедливости ради надо отметить, что Тавернье видел камень только уже после огранки, и его информация относительно массы алмаза в сыром состоянии может основываться на преувеличенных слухах (недаром в разных источниках можно встретить разные утверждения относительно первоначального размера камня). Как бы то ни было, это действительно был по тем временам самый большой бриллиант в мире.

Таверньe сообщает, что Мир Джемла (автор записок именует его Миргимола), казначей правителя Голконды, «который предал своего господина, принес в дар этот камень Чагехану (Шах Джахану)». Мир Джемла был выходцем из Персии и приобрел свое обширное богатство торговлей драгоценными камнями. Ему принадлежало несколько алмазных шахт в Коллуре. По-видимому, именно в одной из них и был найден «Великий Могол».

После того как Мир Джемла впал в немилость раджи Голконды, он нашел убежище у Шах Джахана. С помощью богатых подарков он рассчитывал убедить последнего в необходимости начать войну против Голконды и Биджапура. Среди его подарков императору был и алмаз, бесподобный по размерам и красоте.

Венецианский ювелир Ортенсио Боргис, служивший при дворе Шах Джахана, два года работал над огранкой алмаза. В итоге камень оказался обработанным так бездарно, что разгневанный император вместо награды оштрафовал его на 10 тысяч рупий (по другой версии, он приказал отобрать у ювелира все его имущество на сумму 50 тысяч рупий)…

Между тем Акел-хан показывает Таверньe другие драгоценности Моголов: грушевидный алмаз весом 62,5 рати, три шлифованных плоских камня от 55 до 60 рати каждый, украшение из двенадцати алмазов, ограненных в форме розы, украшение из семнадцати алмазов весом от 8 до

16 рати каждый. За алмазами следуют жемчужины, рубины, изумруды, топазы. Ошеломленный Тавернье заканчивает свой рассказ такими словами: «Таковы сокровища Великого Могола, которые он показал мне по своей особой милости, невиданные ранее ни одним чужеземцем. Я держал их все в своих руках и осматривал со всем усердием и тщательностью, так что могу заверить любезного читателя, что описал их весьма точно, так же как и троны, которые также получил возможность осмотреть».

Дальнейшая судьба алмаза «Великий Могол», который Тавернье видел при дворе Аурангзеба в 1665 году, осталась неизвестной. Драгоценный камень более не упоминается ни в одном документе, ни в одном мемуарном свидетельстве. Куда он пропал? На этот счет существует множество предположений, которые, по существу, ничем нельзя подтвердить.

Судя по зарисовкам и описаниям Тавернье, этот камень очень похож на алмаз «Орлов», что позже позволило некоторым авторам выдвинуть гипотезу о том, что «Великим Моголом» является «Орлов». Такое предположение основано на недоразумении: эти бриллианты хотя и сходны (но не идентичны!) по форме, но почти в 2 раза различаются по массе.

По другим предположениям, «Великий Могол» позже был переогранен в «Кох-и-Нур» или даже что и «Орлов», и «Кох-и-Нур» были получены из камня «Великий Могол». Это версия еще менее обоснованна, так как общая масса этих двух бриллиантов превышает 380 каратов.

Нельзя всерьез говорить и об идентичности «Великого Могола» и «Кох-и-Нура». История первого может быть прямо прослежена к Коллурским копям, в то время как «Кох-и-Нур» обладает гораздо более легендарной историей, начало которой теряется в самых отдаленных временах. «Великий Могол», когда был найден, весил по крайней мере 787 каратов и после обработки обрел массу в 280 каратов, а «Кох-и-Нур», попав в 1526 году в руки Бабура, уже весил приблизительно 187 каратов. Впрочем, тут имеется одна интригующая деталь: история «Кох-и-Нура», строго говоря, не имеет начала, в то время как история «Великого Могола» не имеет конца; так может быть, история «Кох-и-Нура» и является ее продолжением? Однако Тавернье описал алмаз «Великий Могол» как камень в форме половинки яйца, ограненный в виде высокой розы, совершенно бесцветный, но имевший небольшие трещинки и пятна. В то же время «Кох-и-Нур», присланный в Англию, был плоским камнем неправильной эллипсовидной формы, блеклой расцветки и сплошь покрытый трещинками. Следовательно, «Кох-и-Нур» и «Великий Могол» совершенно разные камни.

Количество претендентов на звание «наследника» «Великого Могола» отнюдь не сводится к «Кох-и-Нуру» и «Орлову» (каждый из которых, вообще говоря, имеет свою собственную историю, хотя и полуфантастическую). Некоторые исследователи связывают «Великий Могол» с большим алмазом массой 320 рати (186–187 каратов), описанном в мемуарах Бабура, основателя династии Великих Моголов (если принять ту гипотезу, что алмаз Бабура и «Кох-и-Нур» – разные камни). Однако обстоятельства появления на свет «Великого Могола», кажется, не оставляют никаких сомнений в том, что этот алмаз не был известен до середины XVII столетия. Кроме того, судьба алмаза Бабура тоже не вполне

ясна…

Некоторые исследователи, отчаявшись найти решение загадки, высказывают даже предположение, что «Великий Могол». вообще не был алмазом. Это попросту мог быть белый сапфир или топаз, а когда ошибка вскрылась, камень с позором «изгнали» из императорской сокровищницы. Это предположение тоже нельзя сбрасывать со счетов, хотя вряд ли Таверньe, рассматривая камень, мог спутать алмаз с топазом – он был слишком хороший специалист, чтобы ошибаться в подобного рода делах.

Этими гипотезами возможная дальнейшая судьба «Великого Могола» не исчерпывается – в конце концов, он мог быть просто разбит, переогранен, распилен, т. е. попросту перестал существовать как один большой кристалл. Наконец, нельзя исключать вариант, при котором «Великий Могол» остался цел и невредим и сегодня хранится в каком-либо приватном собрании, недоступный для специалистов и широкой публики. Ведь писал же М.И. Пыляев, ссылаясь на очевидцев, что этот громадный знаменитый алмаз видели у персидского шаха при визите его в Петербург в начале XIX столетия…

«Великий Могол» мог попасть в Персию в 1739 году, когда Надир-шах (1688–1747), правивший Ираном с 1736 года, вторгся в Индию, захватил Дели и подверг город ужасающему разгрому. Мухаммад-шах, последний император из династии Великих Моголов, фактически признал себя его вассалом, а несколько лет спустя империя Моголов окончательно распалась. Надир-шах вывез из Дели все сокровища Великих Моголов, включая алмаз «Кох-и-Нур» и знаменитый «Павлиний трон». В числе этой добычи мог быть и алмаз «Великий Могол», хотя во всех историях, повествующих об обстоятельствах похода Надир-шаха в Индию, в качестве вывезенного им из Дели огромного алмаза фигурирует только «Кох-и-Нур». Но что произошло с «Великим Моголом»?

Возможно, он попал в казну Надир-шаха и еще долгое время оставался среди сокровищ персидского двора. А может быть, его похитил кто-то из сподвижников персидского завоевателя и, боясь огласки, тайно распилил камень на две или даже несколько частей. В свете последней версии крайне любопытной выглядит история с алмазом «Аббас-Мирза», неожиданно всплывшая в середине XIX столетия.

В 1832 году персидская армия во главе с принцем Аббас-Мирзой отправилась на покорение Хорасана – исторической области на северо-востоке Ирана, граничащей с Афганистаном. Захватив ее главный город Куша, Аббас-Мирза нашел среди сокровищ Реза-Кули-хана, правителя Хорасана, крупный, неровно обработанный алмаз массой 130 каратов. На его самой большой, плоской стороне явственно были видны следы раскола – по всей видимости, этот алмаз был частью большого кристалла, от которого его довольно неумело и грубо откололи. Это предположение позже подтвердили и британские специалисты, в руки которых камень попал в 1850 году. После двухлетних исследований они однозначно заявили: алмаз «Аббас-Мирза» представляет собой фрагмент гораздо более крупного камня высокой чистоты и экстраординарных размеров. Но что это мог быть за алмаз, даже осколок которого сопоставим по размерам со знаменитым «Кох-и-Нуром»? Из всех известных камней речь могла идти только о «Великом Моголе»…

По наведенным справкам удалось установить, что «Аббас-Мирза» долгое время находился в собственности некоего бедняка, жителя Хорасана, который даже не сознавал истинной стоимости камня и использовал его для заточки ножей (отчего алмаз довольно сильно пострадал). Захватив камень, принц Аббас-Мирза преподнес его своему отцу, правителю Ирана Фатх-Али-шаху. Сперва предполагалось его огранить, но ювелир-армянин запросил за работу слишком высокую цену – 20 тысяч туманов (около 10 тысяч фунтов стерлингов), и шах отказался от этой затеи. Благодаря этому камень сохранил все свои особенности, что позже позволило установить его происхождение от более крупного кристалла.

Означает ли это, что «Великий Могол» действительно был расколот после захвата Надир-шахом Дели? Исследователи загадки знаменитого алмаза уверены: нет. Нельзя сбрасывать со счетов и другую версию происхождения алмаза «Аббас-Мирза».

Как мы помним, первоначально «Великий Могол» весил 787 каратов, и лишь побывав в неуклюжих руках венецианского огранщика Ортенсио Боргиса, обрел массу в 280 каратов – то есть потеря массы составила почти 64,5 %! Но так ли уж «неуклюжи» были эти руки? Может быть, ловкий венецианец попросту обокрал своего заказчика Шах Джахана, под тихую грусть отпилив от огромного камня изрядный кусок (а то и два) и позже выгодно продав их где-нибудь в Иране? Ведь еще Тавернье в своих записках удивлялся непропорционально огромной потере веса алмаза при обработке: «Если бы Ортенсио знал свое дело хорошо, то он мог получить от этого большого камня еще дюжину прекрасных бриллиантов и не навлек бы столько неприятностей на свою голову». Но если бы Ортенсио Боргис знал свое дело плохо – поручил бы ему Шах Джахан такое ответственное дело, как огранка самого большого алмаза в мире?

Если это предположение верно, то алмаз «Аббас-Мирза», возможно, действительно является одним из фрагментов «Великого Могола» – но не бриллианта, который видел Тавернье, а необработанного алмаза, преподнесенного Мир Джумлой Шаху Джахану. Однако все это никак не приближает нас к разгадке тайны исчезновения «Великого Могола».

Алмаз «Виттельсбах»

Местонахождение: частное собрание, Бавария

История многих знаменитых алмазов связана с внезапными исчезновениями и появлениями вновь, причем иногда в совершенно измененном виде. Каждое такое событие неизменно привлекает широкое внимание специалистов и средств массовой информации. Не стало исключением и событие, произошедшее в январе 1962 года, когда заголовки всех крупнейших мировых газет запестрели сообщениями: знаменитый алмаз «Виттельсбах» нашелся!

Этот редкого темно-синего цвета камень весом 35,56 каратав называют алмазом королей. На протяжении трехсот лет он переходил от одного европейского монарха к другому, пока прочно не осел в фамильной сокровищнице баварской королевской династии Виттельсбахов, получив от

них свое название. Диаметр почти круглого алмаза, ограненного на 82 грани, составляет 24,4 мм, глубина – 8,29 мм. Безупречность камня нарушают лишь несколько небольших поверхностных царапин, образовавшихся, вероятно, когда камень вынимали из оправы.

Первые известия о существовании этого алмаза относятся ко второй половине XVII столетия. Камень, несомненно, имеет индийское происхождение. Предполагалось даже, что он являлся частью знаменитого «Французского Синего» алмаза, который Тавернье привез из Индии и позже продал французскому королю Людовику XIV. «Французский Синий» весил 112,5 «старых» каратав; позже из него, как считается, был получен знаменитый бриллиант «Надежда» массой 45,52 карата. Чисто теоретически связь между «Виттельсбахом» и «Французским Синим» возможна; однако маловероятно, что привезенный из Индии камень был расколот на две части. Окончательный ответ на эту загадку может дать только сравнительный анализ физических свойств «Надежды» и «Виттельсбаха».

Первым известным владельцем алмаза был испанский король Филипп IV, который отдал камень в качестве приданого своей 15-летней дочери, инфанте Маргарите-Терезе, по случаю ее помолвки с австрийским императором Леопольдом I Габсбургом в 1664 году. Если алмаз до этого принадлежал испанской короне, то установить его раннюю историю не представляется возможным, так как королевский архив в Мадриде погиб во время Гражданской войны 1936–1939 годов. Из одного из сохранившихся документов известно, что накануне свадьбы король Филипп приказал своему казначею составить список недавно приобретенных в Индии и Португалии драгоценных камней; из этого списка и был выбран большой синий алмаз.

Брак императора Леопольда с Маргаритой-Терезой был недолговечен – инфанта скончалась в 1675 году. Ее приданое, включая алмаз, осталось в собственности дома Габсбургов. Позже император Леопольд подарил все драгоценности, оставшиеся от Маргариты-Терезы, своей третьей супруге, Элеоноре Магдалене, которая пережила мужа, скончавшегося в 1720 году, и завещала большой синий алмаз своей внучке, эрцгерцогине Марии-Амалии, дочери императора Иосифа I.

В 1717 году эрцгерцогине сделал предложение наследный принц Баварии Карл Альберт. Их свадьба в 1722 году стала решающим событием в истории синего алмаза. С этого дня он стал фамильным алмазом баварского королевского дома Виттельсбахов и оставался им вплоть до 1918 года, когда последний король Баварии Людвиг III отрекся от престола.

Алмаз был пунктом номер один в списке приданого Марии-Амалии, где он описан как «большой синий бриллиант, стоимостью 240 тысяч гульденов, окруженный бриллиантами меньшего размера». Позже драгоценный камень не раз приходил на выручку баварским монархам, время от времени испытывавшим финансовые трудности. Так, курфюрст Максимилиан Эммануил заложил алмаз банкиру Оппенхайму; спустя четыре года он был выкуплен за 543 тысячи гульденов.

Практически все первые владельцы алмаза из династии Виттельсбахов стремились придать камню особый блеск, придумывая для него новое роскошное обрамление. По заказу курфюрста Максимилиана III мюнхенские ювелиры установили «Виттельсбах» в центре бриллиантовой звезды с восемью расходящимися в стороны лучами. На создание этого украшения пошло около 700 бриллиантов разных размеров.

Последний король Баварии Людвиг III сложил свои полномочия в 1918 году. Он эмигрировал в Венгрию, где спустя три года скончался. Его останки были доставлены в Мюнхен и погребены в церкви театинцев. В этой траурной церемонии в «Виттельсбах» в последний раз сопровождал баварского монарха.

После Первой мировой войны Бавария (как часть Германии) стала республикой, и все имущество дома Виттельсбахов было передано в управление специально созданного фонда. Члены бывшего королевского семейства получили взамен денежные компенсации, которые, однако, быстро обесценились из-за бешеной инфляции. Так как тогдашнее

законодательство не позволяло обратить земельную собственность в деньги, наследники Виттельсбахов оказались в весьма затруднительном положении. Чтобы помочь им, государство, с согласия потомков последнего короля, выставило на аукцион некоторые из фамильных драгоценностей баварского королевского дома, включая «Виттельсбах».

В ноябре 1931 года исторический алмаз был выставлен на аукционе Кристи в Лондоне. Интерес к торгам был необычайно высок; аукцион продолжался более двух часов. Стартовая цена «Виттельсбаха» составила 30 000 фунтов стерлингов. Максимальную цену – 56 000 фунтов – назначил некий покупатель по имени Торп. Однако судьба алмаза осталась неясной; по общему мнению, он остался непроданным, так как предложенная цена устроителей аукциона не устроила. Тем не менее в Мюнхен камень не вернулся; с декабря 1931 года посетителям бывшего королевского дворца показывали только его стеклянную копию. Но куда же исчез алмаз?

Были слухи, что он тайно продан в Голландию при посредничестве какого-то мюнхенского ювелира. Позже появились относительно достоверные сведения, что в 1951 году «Виттельсбах» был куплен кем-то в Бельгии, а в 1955 году перепродан. Тремя годами позже посетители Всемирной выставки в Брюсселе могли лицезреть большой синий алмаз, выставленный в отделе драгоценностей. Однако никому и в голову не пришло, что это – пропавший «Виттельсбах»…

Раскрыть тайну алмаза сумел лишь известный антверпенский ювелир Джозеф Комкоммер, в то время один из ведущих специалистов алмазной отрасли. В январе 1962 года в его офисе раздался неожиданный телефонный звонок: неизвестный человек попросил Комкоммера посмотреть на один ограненный в старом стиле алмаз с целью изучения возможности его переогранки. Когда ювелир вскрыл присланный ему пакет с драгоценностью, его чуть не хватил удар: перед ним лежал знаменитый темно-синий алмаз баварских королей, долгие годы считавшийся пропавшим без вести…

С помощью своих друзей – ювелиров из Бельгии и США – Комкоммеру удалось за 180 тысяч фунтов выкупить алмаз. Его продавцом оказалась группа опекунов над состоянием недавно умершего человека, имя которого так и осталось тайной. В 1962–1963 годах. «Виттельсбах» демонстрировался на выставках в Европе и США. В 1964 году алмаз на конфиденциальных условиях приобрел некий покупатель из Баварии, и таким образом камень вернулся на родину. Считается, что до сегодняшнего дня он продолжает оставаться в частных руках.

Алмаз «Дарья-и-Нур»

Местонахождение: Центральный банк Ирана, Тегеран, Иран

Знаменитый «Дарья-и-Нур», хранящийся в сокровищнице Центрального банка Ирана, – самый большой розовый алмаз в мире. Его название в переводе означает «Море света». Это один из самых древних алмазов, известных человечеству. Его ранняя история тесно переплелась с историей другого знаменитого алмаза, «Кох-и-Нур». Предполагается, что он был найден в Коллурских копях. У современных исследователей есть все основания полагать, что «Дарья-и-Нур» – результат переогранки

знаменитого алмаза «Большая табличка», который хранился в сокровищнице Великих Моголов и о котором писал в своих записках Жан-Батист Тавернье. Такое предположение впервые высказал еще в 1791 году английский путешественник Харфорд Джонс Бриджес. А канадские ученые-геммологи, исследовавшие камень в начале 1960-х годов, пришли к заключению, что «Дарья – и-Нур» представляет собой не самостоятельный кристалл, а обломок более крупного камня. На мысль о «Большой табличке» наводит и таблитчатая огранка алмаза. Из другого обломка того же крупного камня получен также хранящийся в иранском казначействе бриллиант «Нур-ул-Айн» («Свет очей») массой 60 карат – самый крупный в мире розовый алмаз, имеющий собственно бриллиантовую огранку.

Как и «Кох-и-Нур», «Дарья-и-Нур» в 1739 году стал частью добычи Надир-шаха и был вывезен из Индии в Персию, но в отличие от первого остался там навсегда и невредимым прошел через все перипетии иранской истории XVIII–XIX веков. После гибели Надир-шаха в 1747 году алмаз достался его сыну Шахруху, от Шахруха перешел к Мир-за-Алам Хану Хорезми, от него – к Мухаммеду-Хасан-хану Каджари; затем им владел Лотфали-хан Занд, который был побежден Ага-Мухаммед-ханом, основателем Каджарской династии иранских шахов (правил в 1796–1797 гг.). В 1797 году сын Ага-Мухаммеда Фатх-Али-шах, большой знаток и коллекционер драгоценных камней, приказал выгравировать свое имя на одной из граней алмаза.

Хотя некоторые исследователи утверждают, что «Дарья-и-Нур» в середине XIX столетия был приобретен Ост-Индской компанией и демонстрировался на выставке в Лондоне в 1851 году, в реальности алмаз никогда не покидал пределы Ирана. Путаница могла возникнуть из-за того, что в мире существует еще один алмаз по имени «Дарья-и-Нур». По всей видимости, он тоже принадлежал к числу алмазов, захваченных Надир-шахом в Дели. С 1839 года этот камень находился во владении афганского семейства Амин-ад-Даулах. В дальнейшем он действительно перешел в собственность Ост-Индской компании, выставлялся в Лондоне и после выставки был продан Абдулу Гуни, правителю Дакки, за 75 000 рупий. Впоследствии алмаз находился во владении магараджей Пенджаба.

Что касается «настоящего» алмаза «Дарья-и-Нур», то вплоть до иранской революции 1979 года он оставался в числе сокровищ иранской короны. В правление шаха Нассеридина (1831–1896) камень, отличающийся исключительной прозрачностью, был установлен в золотую оправу, увенчанную Львом и Солнцем (символы шахского Ирана) и осыпанную 457 мелкими алмазами и четырьмя рубинами. В таком виде камень использовался и как брошка, и как застежка, и как украшение головного

убора. В этой оправе алмаз остается до сего дня, и в этом главная причина, по которой точный вес камня до сих пор не установлен. 186 каратов, фигурирующие во всех справочниках, – лишь оценочный вес алмаза. Его реальный вес может составлять от 175 до 195 каратов, но точно взвесить камень пока невозможно, так как его нельзя извлечь из оправы без риска повреждения или даже разрушения алмаза. Зато известны точные размеры камня – 41,4 x 29,5 x 12,15 мм.

Известно, что все поколения иранских правителей рассматривали алмаз как величайшую драгоценность. В 1906 году свергнутый конституционалистами шах Мухаммед Али, прихватив с собой «Дарья-и-Нур» и ряд других ценностей, укрылся в здании русской дипломатической миссии и наотрез отказался отдать драгоценные камни революционному правительству, утверждая, что это его личная собственность. Лишь ценой больших усилий алмаз был возвращен в казну.

После свержения в 1979 году последнего шаха Мухаммеда Резы Пехлеви все сокровища иранской короны, включая алмаз «Дарья-и-Нур», были помещены в сокровищницу Национального банка Ирана, который устраивает периодические выставки шахских драгоценностей. В последний раз «Дарья-и-Нур» демонстрировался на публике в 1992 году.

Алмаз «Дрезденский Зеленый»

Местонахождение: Альбертинский музей, Дрезден, Германия

Этот камень никогда – за исключением одного-единственного известного случая – не продавался, не покупался и не выставлялся на аукционах. Сегодня попытка его продажи, пожалуй, была бы даже бессмысленна: этот самый большой и самый прекрасный в мире зеленый алмаз весом в 40,7 карата благодаря своей огромной исторической ценности и уникальному природному яблочно-зеленому цвету фактически бесценен.

Зеленый цвет алмазов, как правило, связан с длительным контактом алмазного кристалла с неким источником радиоактивности – например, с ураном. В геологических терминах продолжительность этого контакта измеряется в миллионах лет. Изменения в цвете камня вызваны изменениями в структуре кристаллической решетки. Наиболее обычным случаем является бомбардировка альфа-частицами. Под длительным воздействием этих частиц на поверхности алмаза формируется зеленое пятно или тонкое зеленое покрытие, которое легко удаляется в процессе огранки. Воздействие бета-частиц, гамма-лучей и нейтронов окрашивает камень на большую глубину и в некоторых случаях превращает его в целиком зеленый кристалл.

Зеленые алмазы любого размера очень редки. «Дрезденский Зеленый» относится к числу редчайших. В грубой, необработанной форме этот камень весил, вероятно, более 100 каратов.

Свое название «Дрезденский Зеленый» получил по имени Дрездена, столицы Саксонии, где этот камень хранится уже без малого триста лет.

Родиной легендарного зеленого алмаза, по всей видимости, является Индия. Первое известное свидетельство о его существовании относится к 1722 году. Лондонская газета «Пост Бой» в номере за 25–27 октября сообщала:

«В прошлый вторник днем г-н Маркус Мозес (известный в ту пору лондонский торговец алмазами. – *Примеч. авт.*), недавно прибывший из Индии, имел честь продемонстрировать Его Величеству (английскому королю Георгу I, 1714–1727 – *Примеч. авт.)* большой алмаз прекрасного изумрудно-зеленого цвета… Его Величество был весьма доволен этим зрелищем. По его словам, в Европе никогда не видели ничего подобного прежде. Он (Маркус Мозес – *Примеч. авт.)* показал Его Величеству несколько других прекрасных больших алмазов, каких из Индии прежде никогда не привозили. Он был также 25-го, чтобы продемонстрировать Их Королевским Высочествам большой алмаз, и они были удивлены не только

его размерами, но и его прекрасным изумрудным цветом без какой-либо подложенной фольги под оным. Мы слышали, что этот господин оценивает камень в 10 000 фунтов».

Другая ранняя ссылка на большой зеленый алмаз содержится в письме барона Гаутьера, асессора Тайного королевского совета в Дрездене, адресованном польскому послу в Лондоне. В этом письме, датированном 1726 годом, идет речь о большом зеленом алмазе, предлагаемом неким лондонским торговцем курфюрсту Саксонии и королю Польши Фридриху Августу I (1694–1733) за 30 000 фунтов стерлингов.

Фридрих Август I, ставший в 1694 году курфюрстом Саксонии и избранный в 1697 году королем Польши под именем Августа II, отличался неимоверной физической силой, за что вошел в историю под именем Августа Сильного. Он был известен как меценат и строитель; при нем на фабрике в Мейсене начал производиться знаменитый саксонский фарфор, а столицу Саксонии Дрезден украсил великолепный ансамбль Цвингера, постройки которого Август заполнил огромным собранием редкостей, скульптур, живописи и предметов искусства. Несколько комнат в своей дрезденской резиденции Август отвел специально под свое обширное собрание драгоценных камней и других сокровищ;

это хранилище позже получило название «Зеленые Своды». Но самому Августу Сильному не суждено было пополнить коллекцию «Зеленых Сводов» уникальным зеленым алмазом: это было сделано уже при его сыне и преемнике, курфюрсте Саксонии и короле Польши Фридрихе Августе II (1733–1763).

В качестве продавца камня обычно фигурирует некий голландский торговец. Детали приобретения алмаза расходятся; по одним данным, это произошло в 1741 году по другим – в 1743 году (некоторые авторы путают не только даты, но и имя приобретателя, утверждая, что им был сам Август Сильный – невзирая на то что он умер в 1733 году!). Точно также неясна истинная цена, которую курфюрст уплатил за это редкостное сокровище: называются суммы в 60 тысяч, 400 тысяч, миллион талеров. На этот счет исследователи нашли интересную информацию в письме прусского короля Фридриха II Великого (1712–1786), который сообщает о том, что «для осады Брюнна короля Польши (т. е. Фридриха Августа II – *Примеч. авт.)* просили о присылке тяжелой артиллерии. Он отказал, ссылаясь на нехватку денег; только что ему пришлось заплатить 400000 талеров за большой зеленый алмаз». По всей видимости, называемая Фридрихом сумма была близка к реальной.

По приказу курфюрста придворный ювелир Иоганн Фридрих Динглингер вставил зеленый алмаз в знак ордена Золотого Руна, но в 1746 году работа Динглингера пошла на слом. Фридрих Август II заказал ювелиру Палларду из Вены новый знак ордена Золотого Руна, который включал бы, помимо «Дрезденского Зеленого», и алмаз «Дрезденский Белый», весящий 49,71 карата.

Во время событий Семилетней войны 1756–1763 годов. вся драгоценная коллекция «Зеленых Сводов» была эвакуирована и украты в безопасном месте, за стенами крепости Кенигштайн, расположенной на реке Эльба к юго-востоку от Дрездена. Спустя несколько лет после после окончания войны изготовленный Паллардом знак Золотого Руна также

отправился на слом, а зеленый алмаз наряду с двумя белыми бриллиантами общим весом в 40 каратов придворный ювелир Диссбах в 1768 году использовал для создания украшения для шляпы. В этом украшении «Дрезденский Зеленый» остается до сего дня.

В 1806 году Саксония стала королевством. Линия саксонских королей продолжалась до 1918 года, когда последний король отрекся от престола. Богатейшая коллекция «Зеленых Сводов» перешла под управление дирекции знаменитых Дрезденских музеев и оставалась доступной для широкой публики вплоть до начала Второй мировой войны. В 1942 году, когда начались интенсивные авианалеты союзников, сокровища саксонских курфюрстов были вновь, как и 200 лет назад, эвакуированы в крепость Кенигштайн. Здесь они благополучно сохранились до конца войны, в то время как сам Дрезден был чудовищно разрушен печально знаменитой бомбардировкой в ночь на 13 февраля 1945 года. Авиабомбы полностью уничтожили и старый королевский замок с «Зелеными Сводами», где на протяжении многих десятилетий хранились драгоценности саксонской короны.

В 1945 году советская трофейная комиссия вывезла коллекцию «Зеленых Сводов», включая знаменитый зеленый алмаз, из Кенигштайна в Москву. В Германию сокровища были возвращены в 1958 году. С тех пор и до настоящего времени они демонстрируются в залах Альбертинского музея, построенного на месте бывшего королевского замка.

«Дрезденскому Зеленому» еще раз пришлось покинуть Дрезден в 1988 году, когда его изучали специалисты Геммологического института США. Их исследования подтвердили, что «Дрезденский Зеленый» является алмазом не только экстраординарного качества, но и весьма редкого типа. Камень имеет миндалевидную форму при размерах 29,75 х 19,88 х 10,29 мм, при этом его симметрию специалисты определили как «хорошую», а полировку как «очень хорошую», что весьма удивительно для алмаза, обработанного до 1741 года. Алмаз отличается прекрасным яблочно-зеленым цветом, промежуточным между цветами изумруда и хризопраза, он абсолютно прозрачен и внутренне безупречен. Некоторые небольшие дефекты сосредоточены близ внешней поверхности, и, вероятно, новая огранка могла бы удалить их.

До января 2001 года «Дрезденский Зеленый» экспонировался в Смитсоновском институте в Вашингтоне, после чего вернулся в Альбертинский музей, где остается до сего дня.

Алмаз «Звезда Тысячелетия»

Местонахождение: корпоративная коллекция, Лондон, Великобритания

В октябре 1999 года, накануне встречи нового тысячелетия, в зале приемов алмазной Центральной сбытовой организации (ЦСО) в Лондоне состоялась необычная презентация. Перед глазами собравшихся здесь боссов алмазной промышленности и высшего менеджмента крупнейшей в мире алмазодобывающей компании «Де Бирс» предстала известная французская актриса Софи Марсо, в руках которой сверкало удивительное по красоте собрание редчайших синих алмазов – возможно, самое драгоценное из всех алмазных коллекций в мире! Фокусом, притягивавшим

взгляд, центральной точкой этого удивительного собрания был огромный синий алмаз, представленный публике как «Звезда Тысячелетия», или «Де Бирс Миллениум».

Организаторы презентации – компания «Де Бирс» и группа гранильных фабрик «Штайнметц» – решили таким образом отметить наступление нового тысячелетия. Впрочем, как философски заметил председатель правления корпорации «Де Бирс» Никки Оппенгеймер, «тысячелетия приходят и уходят, но алмазы – это навсегда». Никто из собравшихся не собирался оспаривать это утверждение: всем было ясно, что «Звезда Тысячелетия» отныне действительно навсегда вошла в число величайших сокровищ мира.

Этот внешне и внутренне безупречный камень, обработанный в форме груши, весит 203,04 карата (40,608 грамма). Исходным материалом

для него послужил большой синий алмаз масой 777 каратов (155,4 г), найденный в 1990 году в аллювиальных россыпях в районе Мбужи-Майи (Заир) и позже купленный агентами компании «Де Бирс». Четырем опытным огранщикам группы «Штайнметц» (интересно, что все четыре мастера были из разных стран – Израиля, ЮАР, Бельгии и США) потребовалось три года для того, чтобы с помощью лазерной техники огранить алмаз, придав ему классическую форму груши с 54 гранями.

Почти пять месяцев ушло на то, чтобы тщательно изучить свойства и особенности алмаза и спланировать его дальнейшую обработку. Было изготовлено около 100 пластмассовых моделей камня, на которых огранщики отрабатывали те или иные приемы, выбирая оптимальный путь решения задачи. В итоге мастера решили распилить алмаз на три части, самая большая из которых стала «Звездой Тысячелетия».

Рассказывая о технике работы над камнем, огранщики не спешили делиться своими профессиональными секретами, обратив лишь внимание на то, что условия работы и навыки, требующиеся для огранки таких больших и уникальных камней, чрезвычайно сложны и весьма отличаются от обычных фабричных условий. Для того, чтобы распилить и огранить алмаз, была создана настоящая «операционная», похожая по своим условиям на операционную в больнице. Ни одной пылинке не позволено было коснуться камня. На протяжении всего процесса обработки поддерживалась постоянная температура алмаза – во избежание появления трещин и других повреждений. Результат трехлетнего труда мастеров высоко оценил патриарх алмазной промышленности Гарри Оппенгеймер, через руки которого за 70 лет работы в компании «Де Бирс» прошли тысячи драгоценных камней: «Это – самый красивый алмаз, который я когда-либо видел».

Хотя интерес средств массовой информации сосредоточился, понятное дело, на «Звезде Тысячелетия», специалистов и знатоков драгоценных камней в неменьшей степени заинтересовали одиннадцать исключительно редких синих алмазов, которые, подобно искрящимся спутникам, окружают «Звезду». Общий вес этих алмазов, обработанных в разнообразных формах, составляет 118 каратов; масса каждого из них колеблется от 5,16 до 27,64 карата. Крупнейшим из «спутников» является интенсивно-синий алмаз «Сердце Вечности» (27, 64 карата или 5,528 г), обработанный в форме сердца. Каждый из алмазов маркирован индивидуальным номером по особой технологии, составляющей «ноу-хау» компании «Де Бирс». Исключение было сделано лишь для «Звезды Тысячелетия» – этот алмаз слишком безупречен, чтобы его можно было помечать каким-либо способом.

Все 11 алмазов-спутников, по официальной информации, происходят из шахты «Премьер» в Южной Африке. Но синие алмазы подобного качества и размера чрезвычайно редки, и если такой алмаз попадется старателям хотя бы раз в год – это уже невероятное достижение. До начала XX столетия все крупные синие алмазы происходили из Индии, которая являлась единственным поставщиком камней такого рода. Индийскими по происхождению являются знаменитые синие алмазы «Надежда», «Синее Сердце», «Виттельсбах» и другие. Эти камни получили известность прежде всего из-за их невероятной редкости.

Все синие алмазы содержат примеси бора, чем и объясняется их цвет, однако обычно в синих алмазах присутствуют оттенки серого или черного. Бывает и так, что синяя окраска неравномерно распространяется по камню. Лишь очень немногие алмазы имеют по-настоящему глубокий интенсивно-синий цвет.

В наше время единственным значительным источником синих алмазов является шахта «Премьер» в Южной Африке, принадлежащая компании «Де Бирс». И все же находимые здесь синие камни составляют менее 0,1 процента от всех алмазов, добытых в этой шахте. За год в среднем здесь находят в лучшем случае один сколько-нибудь крупный синий алмаз. Лучшие синие алмазы отличаются необыкновенной красотой, которая делает их несопоставимыми с любыми другими драгоценными камням. Знатоки восхищаются ими, коллекционеры разыскивают их по всему миру. Шесть из десяти самых дорогих алмазов в мире, за которых были заплачены самые высокие цены на аукционах, – синие. Некоторые из этих уникальных камней были проданы по ценам от 550 до 580 тысяч долларов за карат, а один 20-каратный синий алмаз обошелся его покупателю более чем в 10 миллионов долларов. Сколько же тогда может стоить уникальная коллекция «Звезды Тысячелетия»? Известно, что на выставке 2000 года в Лондоне одна только «Звезда», без окружающих ее алмазов-спутников, была застрахована на 100 миллионов фунтов стерлингов. И это, как полагают специалисты, является лишь долей ее истинной цены.

Алмаз «Золотой Юбилей»

Местонахождение: королевский дворец, Бангкок, Таиланд

В 1997 году король Таиланда Рама IX праздновал свой золотой юбилей – 50-ю годовщину коронации. В честь этого события группа таиландских бизнесменов преподнесла любимому монарху подарок неслыханной ценности – огромный желто-коричневый алмаз массой 545,67 карата, получивший название «Золотой Юбилей». А до этого он просто именовался «Безымянный Коричневый»…

На сегодняшний день «Золотой Юбилей» считается самым большим ограненым алмазом в мире. Его масса на 15,37 каратов превышает массу знаменитого «Куллинана I», украшающего британский королевский скипетр. Начиная с 1908 года «Куллинан», также известный под именем «Большая Звезда Африки», удерживал звание самого большого в мире бриллианта. Однако на рубеже 1980—1990-х годов ему пришлось потесниться с этой позиции.

В 1985 году в голубоватой земле знаменитой шахты «Премьер» в Южной Африке (к слову сказать, именно здесь в 1905 году был добыт и «Куллинан») старатели нашли большой коричневый алмаз массой 755 карата (151 грамм). Сперва этот «Безымянный Коричневый» приняли за технический камень, не годящийся для ювелирной обработки. Известный огранщик Габи Толковски решил опробовать на нем новые инструменты и методы огранки, которые он собирался использовать для обработки крупных ювелирных алмазов. Эти инструменты и методы ранее еще нигде не применялись, и экспериментировать с ними на дорогостоящих камнях было бы слишком рискованно; ну а в этом случае никакими потерями это вроде бы не грозило…

Каково же было удивление всех заинтересованных лиц, когда в итоге перед ними предстал огромный желто-коричневый обработанный «подушкой» бриллиант, превышающий по массе даже знаменитый «Куллинан»! Правда, этот сверкающий гигант некоторое время оставался почти неизвестным миру – общее внимание захватил бриллиант «Столетие», также ограненный Габи Толковски для празднования столетнего юбилея алмазной корпорации «Де Бирс» в 1988 году. Время

«Золотого Юбилея» пришло только в 1995 году, когда синдикат таиландских предпринимателей купил его у компании «Де Бирс» в преддверии близящегося золотого юбилея короля Рамы IX. Стоимость покупки не разглашалась; но очевидно, что она была весьма и весьма немалой, так как правительство Таиланда поспешило объявить алмаз «золотистым топазом» – чтобы лишний раз не раздражать граждан страны, несколько лет находившейся в глубоком финансовом кризисе. На этом фоне новость о покупке огромного алмаза могла вызвать падение популярности короля и правительства, и даже массовые волнения. Даже сегодня многие жители Таиланда не подозревают о том, что огромный камень, украшающий королевский скипетр, является самым большим бриллиантом в мире.

Алмаз «Кох-и-Нур»

Местонахождение: замок Тауэр, Лондон, Великобритания

Этот камень никогда не был продан и куплен кем-либо за деньги. Так что даже приблизительную стоимость его не возьмется определить никто. Ну а что касается стоимости реальной, то о ней вообще говорить не приходится: сколько может стоить самый известный алмаз мира, обладающий самой древней историей? Если конечно, считать, что вся она целиком достоверна. Ведь порой именно история придает ценность тому или иному алмазу…

Существует поверье, что тот, кто обладает «Кох-и-Нуром», обладает властью над всем миром. По индийским преданиям, этот камень некогда принадлежал богу Кришне и был украден у него во время сна. Согласно другой версии, алмаз был подарен божеством некоему преданному человеку. Говорят еще, что владельцем камня был Карна, один из легендарных героев древнеиндийского эпоса «Махабхарата». В Иране, с которым связано несколько страниц истории «Кох-и-Нура», рассказывают, что этот алмаз носил легендарный иранский царь Афрасиаб. Сведения об алмазе, похожем на «Кох-и-Нур», можно найти в древних санскритских хрониках; считается, что он был найден в русле реки Годавари более пяти тысяч лет назад. Другие источники называют другую дату: 56 год до н. э., времена легендарного древнеиндийского героя Викрамадитья.

Большинство всех этих легенд собраны и записаны в период наивысшей популярности «Кох-и-Нура» – в 1852–1912 гг. – и всех их роднит то, что вымысла в этих рассказах гораздо больше, чем истины. Первые относительно надежные свидетельства о существовании большого алмаза, похожего по описаниям на «Кох-и-Нур», содержатся в записках Бабура, завоевателя Индии и основателя династии Великих Моголов. Из этих записок известно, что в 1304 году алмаз находился во владении раджи Мальвы, обширного государства на западе Индии. По-видимому, это была фамильная драгоценность, и камнем владели еще предки раджи. Он украшал собой тюрбан правителя, и существовало поверье, что если алмаз когда-нибудь упадет с тюрбана, то весь народ Мальвы будет обращен в рабство. Это предсказание сбылось в 1304 году, когда государство Мальва было завоевано делийским султаном Ала-уд-Дином (Аладдином; правил в 1290–1320 гг.). В собственность победителю среди прочих захваченных сокровищ перешел и «Кох-и-Нур». Однако позднее алмаз снова вернулся в руки правителей из династии Мальва – его владельцем стал Бикермаджи (Бикрам-джит), раджа Гвалиора.

Два столетия спустя, в 1526 году, в Индию вторглась армия Бабура. Позже Бабур писал в своих мемуарах: «Бикермаджи, индус, был раджой Гвалиора; более ста лет его предки правили страной… В битве под Панипатом 21 апреля 1526 года, в которой Ибрахим (делийский султан. – *Примеч. авт.)* оказался побежденным, Бикермаджи был отправлен в ад. Когда Хумаюн (сын и наследник Бабура. – *Примеч. авт.)* появился в Агре, люди Бикермаджи попытались бежать. Однако Хумаюн не дал им уйти. Они добровольно заплатили Хумаюну пешкеш (дань – *Примеч. авт.)* из драгоценных камней. Среди камней находился знаменитый алмаз, который принесли, надо полагать, по указанию султана Ала-уд-Дина. Он был так дорог, что человек, хорошо разбиравшийся в драгоценных камнях, оценил его в половину ежедневных денежных расходов всего мира. Он весит добрых восемь мишкелей (почти 187 каратов. – *Примеч. авт.).* Когда пришел я, Хумаюн преподнес мне этот пешкеш, и я возвратил ему это в качестве подарка».

Когда Хумаюн был вынужден бежать в Персию, он захватил с собой лишь этот алмаз и подарил его персидскому шаху в знак благодарности за

гостеприимство. Шах, в свою очередь, в 1547 году подарил «Кох-и-Нур» своему индийскому другу Бурхану из Ахмаднагара. Спустя еще столетие камень снова оказался в сокровищнице Великих Моголов. Не вполне ясно, как это произошло; некоторые авторы сообщают о том, что алмаз был похищен у правителей Ахмаднагара неким вельможей-предателем, который, желая получить для себя привилегии при дворе Великих Моголов, явился в Агру и вручил камень императору Шах Джахану. Произошло это событие приблизительно в 1610 году. Есть и иная версия этой истории: Мир Джумла, торговец алмазами из Коллура, преподнес этот камень Шах Джахану в 1636 м или 1637 году (правда, в этом случае речь идет скорее о «Великом Моголе»).

Шах Джахан (1627–1658), при котором империя Великих Моголов достигла наивысшего расцвета, украсил огромным алмазом свой знаменитый «Павлиний трон» (по одной из версий, «Кох-и-Нур» был в этом троне всего лишь глазом павлина. Но тогда что за камень служил другим глазом?). С тех пор бытовало поверье, что пока «Кох-и-Нур» сияет над троном Великих Моголов, династия будет продолжаться, а страна процветать.

У Шах Джахана было четыре сына. Старший, Аурангзеб, жаждал захватить престол отца и верил, что обладание «Кох-и-Нуром» принесет ему власть над всем миром. После безуспешной попытки подбить братьев на мятеж Аурангзеб в результате дворцового переворота захватил власть, убил братьев, а отца заточил в Агре, превратив тронный зал дворца в тюремную камеру. Он не посмел силой отнять у отца «Кох-и-Нур», и в течение семи лет Шах Джахан находился в заключении среди своих сокровищ. Аурангзеб неоднократно пытался заставить отца отдать ему «Кох-и-Нур», но всякий раз получал резкий отказ. Наконец, когда Аурангзеб утвердился на троне и почувствовал себя достаточно сильным, он потребовал, чтобы отец прислал ему самые крупные драгоценные камни из сокровищ тронного зала. Шах Джахан пришел в ярость. Он попросил свою дочь Джиханиру, разделявшую с ним тяготы заключения, привести рабочих с тяжелыми молотами, ступами и пестами, намереваясь уничтожить драгоценные камни. Но дочь уговорила его повременить, полагая, что с превращением в пыль сокровищ превратится в пыль и могущество династии Великих Моголов.

Шах Джахан умер в 1666 году. Неясно, находились ли все его сокровища к тому времени уже в руках Аурангзеба, или, как пишут некоторые авторы, Аурангзеб получил «Кох-и-Нур» в феврале 1666 года в Агре из рук Джиханиры. Если вторая версия соответствует действительности, то Тавернье, побывавший в сокровищнице Аурангзеба в ноябре 1665 года, не видел «Кох-и-Нура»; если же правы сторонники первой версии, то Тавернье, несомненно, видел «Кох-и-Нур». Однако в любом случае француз видел «Павлиний трон», а «Кох-и-Нур», по легенде, являлся украшением этого трона; следовательно, Тавернье не мог его не видеть! Или «Павлиний трон» украшал не «Кох-и-Нур», а какой-то другой алмаз?

Остается неясным и то, какова степень «родства» алмаза «Великий Могол», который видел и описал Тавернье, с алмазами «Кох-и-Нур» и «Орлов», известными в позднейшие времена. Во многих книгах

высказывается предположение об их идентичности, или по крайней мере идентичности «Великого Могола» и «Кох-и-Нура». Но что заставило владельцев камня распиливать его надвое (если принять ту точку зрения, что «Орлов» – это тоже часть «Великого Могола») или переогранивать камень, существенно снизив его массу?

Неизвестно и истинное происхождение алмаза. Оно, безусловно, индийское, однако одни источники связывают его с копями Голконды, другие называют совершенно другие места. Мнения исследователей расходятся и относительно названия камня. Традиционно считается, что название «Кох-и-Нур» переводится как «Гора света». Однако есть и другое мнение: это – переиначенное название Коллура, местности в Индии, где находились знаменитые в Средневековье алмазные копи и где, предположительно, мог быть найден алмаз.

В истории «Кох-и-Нура» вообще множество вопросов остается пока без ответов. Является ли «Кох-и-Нур» тем самым алмазом, который Хумаюн привез из Агры Бабуру и который в литературе иногда именуется «алмазом Бабура»? Являются ли «Кох-и-Нур», «Великий Могол» и «алмаз Бабура» одним и тем же камнем? Являются ли одним и тем же камнем «Кох-и-Нур» и «Великий Могол»? И если нет, то что за камень описал Жан Батист Таверньe под именем «Великого Могола»?

…К началу XVIII столетия империя Великих Моголов, некогда одна из самых крупных и мощных держав Востока, фактически распалась. Возникшие на ее обломках государства повели между собой кровопролитные войны. Мухаммед-Шах, последний император из династии Великих Моголов, был бессилен что-либо предпринять; могольская знать из «господ времени» на глазах превращалась в людей вчерашнего дня. Ив 1739 году на одряхлевшую империю обрушился последний удар: персидский шах Надир захватил Дели и устроил в городе невиданную со времен Тимура резню.

Все драгоценности Моголов, включая «Павлиний трон», достались Надир-шаху. Но главное сокровище – «Кох-и-Нур» – бесследно исчезло. Но ведь «тот, кто владеет этим алмазом, владеет миром»! Помня это поверье, Надир-шах начал розыски камня. Тому, кто укажет местонахождение «Кох-и-Нура», было обещано баснословное вознаграждение. Наконец, тайну алмаза выдала одна из многочисленных обитательниц гарема шаха Мухаммеда. Она рассказала, что «Кох-и-Нур» спрятан в тюрбане шаха.

Надир-шах поспешил заключить с шахом Мухаммедом мир и пригласил его на пир, устроенный по поводу примирения враждующих сторон. Во время пира, когда оба владыки сидели рядом, персидский шах предложил Великому Моголу в знак дружбы обменяться тюрбанами по старинному восточному обычаю. Отказ от такого предложения был равносилен смертельному оскорблению. И шаху Мухаммеду пришлось уступить этой просьбе. Можно лишь догадываться, какая буря страстей бушевала в этот миг в его сердце – ведь он отчетливо сознавал, что сокровище уходит от него навсегда. И можно представить себе, какие чувства обуревали Надир-шаха, когда долгожданное сокровище оказалось наконец в его руках!

Дождавшись окончания церемонии, Надир-шах бросился в свои покои, размотал тюрбан и увидел ярко засверкавший алмаз. Восхищенный

шах воскликнул: «Гора света!» («Кох-и-Нур!»). Так, по преданию, знаменитый камень получил свое имя, под которым он известен сегодня во всем мире; с этого эпизода, собственно, и берет начало история «Кох-и-Нура».

После 57 дней пребывания в Дели Надир-шах отправился в обратный путь, увозя с собой сокровища Великих Моголов. Спустя восемь лет он, получивший от придворных льстецов титул Завоевателя Мира, был убит ближайшими сподвижниками прямо в своем собственном шатре.

После смерти Надир-шаха созданное им огромное государство распалось. Персидский трон в Исфахане на очень короткое время занял сын Надир-шаха Шахрух, но он не сумел удержать власть и был свергнут. «Кох-и-Нур» попал в руки одного из военачальников Надир-шаха, афганца Ахмада Абдали (возможно, в качестве «нуззура» – подарка от низшего высшему в иранской феодальной иерархии). Абдали предпринял безуспешную попытку захватить иранский трон, после чего бежал в Афганистан и провозгласил себя правителем этой страны, приняв имя Ахмад-шаха Дуррани.

Ахмад-шах Дуррани правил Афганистаном с 1747 по 1773 год и, идя по стопам Надир-шаха, повторно совершил набег на Дели, разграбив то, что не успел разграбить его бывший патрон. Он очень дорожил «Кох-и-Нуром»: в его глазах это был символ законности его власти. После смерти Ахмад-шаха афганский трон унаследовал его сын Тимур; он перенес столицу из Кандагара в Кабул и перевез туда все фамильные сокровища, не забыв, разумеется, и «Кох-и-Нур»: ведь «тот, кто владеет этим алмазом, владеет миром»…

Тимур умер в 1793 году. Его преемником стал пятый из двадцати трех его сыновей, Заман-Мирза. Он был свергнут родным братом Шуя-уль-Мулком, но даже под пытками и угрозой ослепления отказался указать местонахождение «Кох-и-Нура». Брошенный в темницу, Заман-Мирза выдолбил в оштукатуренной стене углубление, спрятал в нем «Кох-и-Нур» и замазал отверстие измельченной штукатуркой. Алмаз был найден лишь благодаря случайности: однажды, когда в камере Заман-Мирзы находился тюремщик, кусок штукатурки со стены отвалился. Озадаченный тюремщик подошел поближе, провел рукой по стене и тут же отдернул ее: на ладони выступили капельки крови. Поняв, что в стене скрыто нечто твердое, он расковырял штукатурку и с изумлением увидел сверкающий алмаз…

Так Шуя-уль-Мулк все же стал обладателем «Кох-и-Нура». Но история еще раз повторилась: его брат Махмуд захватил трон, бросил Шуя-уль-Мулка в темницу и выколол ему глаза. Как и его предшественник, даже после многодневных пыток Шуя-уль-Мулк отказался выдать местонахождение «Кох-и-Нура». В итоге Шуя-уль-Мулку все же удалось сбежать из темницы, прихватив с собой большую часть сокровищ, включая «Кох-и-Нур».

Вместе с семьей он нашел убежище в Лахоре у сикхского раджи Ранджита Сингха (1780–1839) по прозванию «Лев Пенджаба». Сингх принял беглецов с восточным гостеприимством, но его любезность мгновенно испарилась, как только он прознал о «Кох-и-Нуре». Шуя-уль-Мулк и его жена отрицали, что им что-нибудь известно о знаменитом алмазе; пытаясь

добиться от них правды, раджа бросил их в темницу. Пытаясь откупиться, пленники посылали Сингху драгоценность за драгоценностью, но всякий раз Сингх отвечал, что удовлетворить его может только «Кох-и-Нур».

Наконец, терпение еще недавно гостеприимного хозяина лопнуло, и он решил применить пытки – причем не к слепому Шуя-уль-Мулку, твердость которого была известна, а к его жене. Женщина не выдержала истязаний. Она пообещала отдать «Кох-и-Нур», но поставила ряд условий: раджа должен был освободить пленников, гарантировать им безопасность и назначить пожизненную пенсию. Сингх согласился. Он едва не лишился разума от радости, когда в руках у него оказался знаменитый алмаз. Раджа даже заплатил за него Шуя-уль-Мулку 125 тысяч рупий и выполнил свои обещания, назначив изгнанникам пожизненную пенсию в 60 тысяч рупий в год…

Существует и иная версия истории о том, как алмаз попал в руки Ранджит Сингха: оказывается, с самого начала его гостеприимство носило корыстный характер – зная, что у Шуя-уль-Мулка хранится «Кох-и-Нур», он рассчитывал обманом или силой заполучить алмаз, и потому дал приют изгнаннику. Гость, однако, предвидел такую опасность и заранее запасся поддельной копией «Кох-и-Нура». Когда любезный хозяин сбросил маску притворства и потребовал себе «Кох-и-Нур», Шуя-уль-Мулк, поломавшись для приличия, уступил требованиям могущественного раджи и отдал ему «сокровище». Восхищению Ранджит Сингха не было пределов; это восхищение, однако, сменилось не менее сильным гневом, когда раджа узнал, что от него просто-напросто откупились куском стекла. Он немедленно приказал перерыть все имущество Шуя-уль-Мулка сверху донизу. Поиск, однако, был безрезультатен. Наконец, один из рабов свергнутого афганского правителя выдал тайну: алмаз был спрятан в очаге под кучей пепла…

Рассказывают, что когда Ранджит Сингх спросил Шуя-уль-Мулка о стоимости Кох-и-Нура, тот ответил: «Его цена – это цена удачи для того, кто им обладает: он победит всех его врагов». Другая, более известная версия ответа Шуя-уль-Мулка звучит так: «Его цена – это удар судьбы. Каждый из моих предков получил этот удар; это значит, что ты получил от меня несколько ударов. Но когда-нибудь появится некто более сильный и лишит тебя этого сокровища».

Овладев «Кох-и-Нуром», Ранджит Сингх стал строить далеко идущие планы: ведь «тот, кто владеет этим алмазом, владеет миром»! Сперва он собирался завоевать весь Пенджаб, а затем разбить и изгнать из Индии англичан. Ему удалось реализовать только первую часть своего плана: несмотря на всю «силу» алмаза, англичане явно не собирались уходить из Индии. Будучи в общем-то неглупым и трезвомыслящим человеком, раджа ясно видел, что с растущей мощью британцев ему не справиться, а если уж говорить о «Кох-и-Нуре», то эта знаменитая драгоценность приносит своим владельцам гораздо больше неприятностей, чем удач. Стремясь избавиться от некогда вожделенного талисмана, Сингх решил пожертвовать его знаменитому храму Джаганнатх в Пури, но умер в 1839 году, не успев осуществить свое намерение.

Дулип Сингх, юный наследник «Льва Пенджаба», никем даже не принимался в расчет как правитель, и после смерти Ранджит Сингха страна

быстро скатилась в анархию. Несколько сикхских военачальников на свой страх и риск начали войну против англичан, но после временных успехов потерпели жестокое поражение. В 1849 году Пенджаб и его столица Лахор были захвачены британцами. Все драгоценности, хранившиеся в тошакхане – личной сокровищнице раджей Пенджаба, были конфискованы чиновниками британской Ост-Индской компании в качестве компенсации за ущерб, нанесенный военными действиями. В числе этих сокровищ был и «Кох-и-Нур».

С 1772 года английская Ост-Индская компания из торговой организации превратилась в политического и административного хозяина Индии, и присылаемые из Лондона правительственные войска фактически находились на службе компании. И совершенно естественным ответным шагом стало решение руководства компании преподнести бесценный алмаз в дар английской королеве Виктории, тем более что и случай для этого представлялся удачный: в 1850 году предстояло отмечать 250-ю годовщину основания Ост-Индской компании.

Сэр Джон Лоуренс (1811–1879), будущий генерал-губернатор Индии (в 1864–1869 гг.), а во время описываемых событий – специальный уполномоченный британской администрации в Пенджабе, позже вспоминал, что при сдаче Лахора сикхи передали ему алмаз в старой разбитой оловянной коробке, о которой он тогда сгоряча забыл. Неделей позже из Лондона пришел запрос: где алмаз? Губернатор ответил, что не знает. В следующем письме руководство компании потребовало срочно отыскать алмаз, так как его планируется преподнести королеве. После второго отрицательного ответа Лоуренс получил приказ уже от самого премьер-министра лорда Палмерстона: немедленно отыскать алмаз! Лоуренс был в полном недоумении: какой алмаз? Где его искать? Наконец после долгих поисков один из служащих вспомнил, что видел «какой-то кусок стекла в старой оловянной коробке». К счастью, этот служащий был человек аккуратный и хозяйственный, из числа тех, что не спешит выбрасывать ненужные вещи, и в конечном счете ему удалось найти нужную шкатулку в… ящике для инструментов. В этой треснувшей оловянной коробке, без всяких предосторожностей, лежал величайший алмаз Индии – легендарный «Кох-и-Нур», «Гора Света», камень, ради обладания которым люди без колебаний были готовы расстаться с жизнью.

Из оловянной шкатулки алмаз перекочевал в пояс 37-летнего генерал-губернатора Индии графа Рамсея Джеймса Эндрю Далхаузи (1812–1860). «Я со страхом принял на себя бремя ответственности за это и никогда не был так счастлив в своей жизни, когда вошел в казначейство в Бомбее. Это было вшито в пояс, повязанный вокруг моей талии, и через пояс прикреплено к цепи вокруг моей шеи… О, мой Бог, какое облегчение было избавиться от этого!» – писал Далхаузи в одном из писем в Англию. Под «этим» он подразумевал знаменитый алмаз «Кох-и-Нур», которому теперь предстояло отправиться в Лондон. Формально камень считался «подарком» британской королеве от 12-летнего раджи Пенджаба Дулипа Сингха. Любопытно, что еще до прибытия алмаза в Англию лондонские газеты обвиняли Далхаузи в том, что он посылает королеве «проклятый» алмаз, который приносит неудачу его владельцам. Далхаузи решительно отвергал эти суеверия.

В сопровождении двух офицеров «Кох-и-Нур» был доставлен в Англию, и 3 июня 1850 года легендарный камень был преподнесен королеве Виктории на торжественном приеме в Сент-Джеймском дворце, посвященном 250-летней годовщине основания английской Ост-Индской компании. Позже он демонстрировался широкой публике на большой выставке драгоценных камней в Лондоне. Легендарный камень несколько разочаровал британцев: форма далека от совершенной, блеска мало, поверхность покрыта трещинками… Королева Виктория решила переогранить алмаз.

Для переогранки камня в 1852 году в Лондон приехал известный в то время амстердамский ювелир Ворзангер. Обработка продолжалась 38 дней (по 12 часов работы ежедневно) и обошлась в 8000 фунтов стерлингов. По завершении работы камень приобрел современную форму овального бриллианта с тройной огранкой. Впрочем, результаты переогранки вызвали еще большее разочарование, а ее целесообразность была поставлена под сомнение. В новом виде алмаз не приобрел классических пропорций бриллианта, а игра света улучшилась весьма незначительно, кроме того, оказалось, что это камень не самой чистой воды и имеет слегка сероватый оттенок. После огранки масса алмаза уменьшилась со 191 до 108,9 карата (в 1988 году он был заново взвешен; установлено, что его фактическая масса составляет 105,602 карата при размерах 36 х 31,9 х 13,04 мм). Но самое печальное то, что с потерей изначальной формы камень утратил большую долю и своей исторической ценности.

Королева Виктория носила «Кох-и-Нур» в качестве броши; после ее смерти камень был укреплен в центре переднего креста малой государственной короны, которая вначале принадлежала королеве Александре, а затем королеве Марии; после этого камень укрепили в новой короне, изготовленной фирмой «Герард и К° » для коронации королевы Елизаветы, супруги английского короля Георга VI, последнего из британских монархов, имевшего титул императора Индии. Дожившая до весьма преклонных лет, Елизавета – королева-мать, или, как называли ее англичане, «бабушка нации», скончалась в апреле 2002 года. Корона с «Кох-и-нуром» сопровождала погребальную процессию от дворца Сент-Джеймс до Вестминстер-холл и оставалась там в течение всего времени прощания с королевой-матерью и последней императрицей Индии. Интересно, что при жизни королева надевала эту корону лишь один раз – во время коронации в 1937 году. Все остальное время украшенный «Кох-и-Нуром» королевский венец хранился в лондонском Тауэре среди других драгоценностей британской короны. Он продолжает оставаться там и до сего дня.

Между тем время от времени и Индия, и Пакистан (включающий в себя территорию Пенджаба), и Афганистан выдвигают требования вернуть «Кох-и-Нур» – ведь каждая из этих стран когда-либо владела легендарным алмазом. Так, в 1976 году премьер-министр Пакистана обратился к правительству Великобритании с просьбой передать «Кох-и-Нур» Пакистану, поскольку этот алмаз является «исконным» национальным достоянием страны. Это заявление сильно взволновало общественность

Индии. Разгорелся спор, у кого больше оснований претендовать на возвращение камня; при этом каждая сторона выдвигала свои аргументы.

В октябре 1997 года, во время визита английской королевы Елизаветы II в Индию и Пакистан, приуроченного к 50-й годовщине независимости этих стран, давний спор разгорелся вновь. Множество сикхов, живущих как в Индии, так и в Пакистане, снова выступили с требованием вернуть им «Кох-и-Нур». 70-летний крестьянин из Пенджаба Беант Сингх даже объявил себя прямым потомком последнего лахорского раджи Дулип Сингха и написал от своего имени письма английской королеве и премьер-министру Тони Блэру с требованием вернуть «Кох-и-Нур»; при этом он утверждал, что не хочет алмаз для себя лично, но намеревается пожертвовать его Золотому храму в Амритсаре – главной религиозной святыне сикхов. А в ноябре 2000 года объявился еще один претендент на «Кох-и-Нур» – режим талибов в Афганистане. Талибы заявили, что алмаз – собственность Афганистана, украденная у афганского народа злонамеренными сикхскими правителями. Почти одновременно с этим комитет индийского парламента тоже призвал британцев вернуть «Кох-и-Нур» – только не в Кабул, а в Дели…

«На “Кох-и-Нур” слишком много претендентов, – комментируют эти требования британские чиновники. – Пусть они сперва выяснят между собой, кто именно является наследником прежних собственников камня. А до этого времени алмаз может спокойно лежать в королевской сокровищнице. Лучше сохранится.».

Алмаз «Куллинан»

Местонахождение: замок Тауэр, Лондон, Великобритания

Вот уже сто лет знаменитый «Куллинан» удерживает за собой звание самого большого алмаза в мире. В первоначальном виде он был величиной почти с кулак (5 х 6,5 х 10 см, масса 3106 карат или 621,3 г). Можно представить себе восторг и удивление Фредерика Уэллса, горного инженера, работавшего на знаменитой шахте «Премьер» в Южной Африке, когда в январе 1905 года ему пришлось первым из людей увидеть это ни с чем не сравнимое зрелище.

Во время традиционного вечернего обхода мест выработки Уэллс вдруг заметил, как в лучах заходящего солнца в стенке карьера что-то сверкнуло. Заинтересовавшийся инженер подошел поближе, чтобы посмотреть, что это такое. Он стоял на дне карьера глубиной около шести метров, а загадочный объект посверкивал в метре выше его. Уэллс поднялся повыше и перочинным ножом выковырял из стенки нечто…

В первый момент он подумал, что кто-то решил подшутить над ним, вдавив в стену карьера большой кусок стекла. Однако чутье специалиста подсказывало ему, что это. алмаз! Но разве бывают такие громадные алмазы? Да не сон ли это? И лишь потом выяснилось, что этот камень является всего-навсего обломком еще более крупного кристалла.

Если судьба второй части гигантского алмаза так и осталась неизвестной, то фрагмент, найденный Уэллсом, приобрел поистине мировую известность. Он получил название «Куллинан» – по имени Томаса Куллинана, одного из владельцев рудника «Премьер» и тогдашнего президента компании «Премьер Даймонд Майн». Фредерик Уэллс получил в награду за находку 2 тысячи фунтов стерлингов.

В 1907 году правительство Трансвааля купило алмаз за 150 тысяч фунтов и по инициативе Э. Оппенгеймера, в то время члена совета директоров компании «Де Бирс», 9 ноября того же года он был преподнесен английскому королю Эдуарду VII в качестве подарка к его 66-летию.

В январе 1908 года камень был передан для огранки амстердамской фирме «Братья Асшер», во главе которой стоял один из лучших в ту пору гранильщиков Европы Иосиф Асшер. Около шести месяцев он изучал уникальный камень. Это был чистейший алмаз, прозрачный, с голубоватым оттенком; виднелось небольшое число незначительных включений и несколько трещин. Было ясно, что изготовить из него один гигантский

бриллиант не удастся; мастеру предстояло расколоть камень по уже имеющимся трещинам (не создав при этом новые) и при этом постараться максимально освободиться от участков с дефектами. Наконец, наступил решающий момент: по замыслу ювелира, камень предстояло расколоть на пять частей. Во избежание неприятностей алмаз застраховали на 1 250 тысяч долларов, но даже эти огромные деньги не могли спасти уникальный камень от разрушения, если бы у ювелиров что-нибудь не заладилось.

10 февраля 1908 года в присутствии нескольких известных мастеров-огранщиков, в напряженной тишине, Асшер вставил в предварительно подготовленное V-образное углубление на поверхности алмаза лезвие инструмента, ударил по нему стальным прутом и… нож сломался. Вторая попытка была сопряжена с еще большими переживаниями, чем первая; позже говорили, что Асшер даже потерял сознание от волнения. Однако его расчет был верным – по направлению небольшой трещины алмаз раскололся на две части весом 2029,94 и 1068,09 карата соответственно. Асшер еще несколько раз повторил эту процедуру. В итоге ему удалось получить два крупных, семь средних и около ста мелких фрагментов камня. Два года ушло на их огранку. Из огромного алмаза было получено 9 крупных и 96 мелких бриллиантов общим весом 1063,65 карата. Потери при обработке составили, таким образом, 67,75 %. Два самых больших бриллианта, названные «Куллинан I» и «Куллинан II» были официально представлены королю Эдуард VII в Виндзоре. Король переименовал «Куллинан I» в «Большую звезду Африки» и приказал установить его в британском королевском скипетре.

На сегодняшний день «Куллинан I» массой в 530,2 карата является вторым самым большим бриллиантом в мире (после «Золотого юбилея»). Ограненный в форме груши с 74 гранями (его размеры составляют 53 х 44 х 29 мм), он украшает собой скипетр английских монархов, и наряду с другими сокровищами британской короны хранится в лондонском Тауэре. Здесь же можно видеть остальные восемь «Куллинанов». Обработанный «подушкой» с 66 гранями «Куллинан II» (известный также как «Малая Звезда Африки») имеет массу 317,4 карата; он помещен в центре Большой государственной короны Великобритании. 94,4-каратный «Куллинан III» и 63,6-каратный «Куллинан IV» украшают корону королевы Марии (Малую государственную корону). Остальные камни употреблены в различных ювелирных изделиях, принадлежащих королевской семье; 18,8-каратный «Куллинан V», кроме того, некоторое время использовался в короне королевы Марии в качестве замены для легендарного «Кох-и-Нура».

Алмаз «Надежда»

Местонахождение: Национальный Музей естествознания, Вашингтон, США

«Самый великолепный и редкий бриллиант глубокого сапфировосинего цвета, замечательной чистоты, наиболее совершенной огранки; он отличается правильными пропорциями. Этот несравненный драгоценный камень сочетает великолепный цвет сапфира с игрой и блеском алмаза; его можно назвать уникальным, принимая во внимание его необычный цвет, большие размеры и другие изумительные качества. Мы можем предположить, что во всем мире не существует коллекции

королевских сокровищ, которая могла бы похвастаться столь редкой и прекрасной драгоценностью. Тщетно разыскивать среди них камень, который мог бы своей редкостью, красотой и совершенством сравниться с синим бриллиантом».

Эти слова, сказанные в адрес алмаза «Надежда» в конце XIX столетия, останутся справедливыми на все времена. «Надежда» долгое время оставался самым большим синим алмазом в мире. Совершенное качество, большой размер и редкий цвет делают его уникальным. Этот волшебной красоты камень имеет долгую историю и окружен легендами. По одной из них, на алмазе лежит проклятье, и он приносит несчастье и смерть не только своим владельцам, но и всем, кто хотя бы коснулся его. А владельцев у него было немало: за три с половиной столетия алмаз неоднократно переходил из рук в руки, его крали, утаивали, перепродавали. По крайней мере трижды его огранивали заново, после чего ценность алмаза лишь увеличивалась.

История алмаза «Надежда» началась в середине XVII столетия. Именно тогда на алмазных копях Индии появился сухощавый европеец средних лет – французский торговец драгоценными камнями и неутомимый путешественник Жан-Батист Тавернье. Страсть к путешествиям овладела им еще в юности. К двадцати двум годам он обошел пешком почти всю Францию, побывал в Англии, Голландии, Швейцарии, Италии, Германии, Венгрии, Польше. Во время этих странствий молодой парижанин изучил несколько иностранных языков, что стало хорошим подспорьем в его будущей профессии.

Интерес к драгоценным камням пробудился у Тавернье во время посещения Амстердама и Антверпена – признанных центров алмазной торговли в Европе. Потом, когда Тавернье жил на Ближнем Востоке, этот интерес перерос в дело всей его жизни. Азы профессии преподали ему случайные знакомые, а основные секреты ее он постиг самостоятельно. «Учебными классами» для Тавернье стали восточные базары. Здесь, покупая и продавая всевозможные драгоценные камни, он приобрел опыт минералога и специалиста по оценке этого специфического товара. А затем началось время странствий.

За свою жизнь Тавернье совершил около шести поездок на Восток. Это были удивительно смелые и рискованные поездки, длившиеся от четырех до шести лет. А в 1638 году он вместе с братом Даниелем, художником по роду занятий, отправился в Индию.

По пути братья задержались в шахской столице Исфахане. Здесь Тавернье был принят персидским шахом Сефеви, который открыл для проезжего знатока свою сокровищницу. В опубликованном впоследствии описании своего путешествия Тавернье довольно подробно описал ее содержимое. Его рассказ содержит увлекательнейшие и бесценные сегодня сведения об уникальных камнях из шахской коллекции, судьба многих из которых так и осталась неизвестной – как впрочем, и судьба множества камней из собрания могольского императора Шах Джахана, при дворе которого братьям Тавернье также довелось побывать. Здесь, помимо прочих сокровищ, Тавернье видел огромный алмаз «Великий Могол», вес которого превышал три тысячи каратов. Дальнейшая судьба этого сокровища неизвестна: драгоценности Великих Моголов впоследствии не

раз переходили в чужие руки, но ни один из их последующих владельцев не мог похвастаться тем, что обладает этим фантастической красоты камнем.

После столицы Великих Моголов братья-путешественники посетили португальское владение Гоа на побережье Аравийского моря, а оттуда отправились в знаменитую Голконду. Здесь располагались знаменитые и до 1723 года – единственные в мире алмазные копи. Здесь же действовал крупнейший в Индии рынок драгоценных камней. И, скорее всего, именно здесь, в Голконде, в 1642 году, в руки Таверньe попал уникальный синий алмаз весом 112 и $^{3}/_{16}$ карата (приблизительно 110,5 современных метрических карата).

Неизвестно, купил ли Таверньe этот алмаз, обменял его на какой-либо другой драгоценный камень или же он добыл его как-то иначе. В своих воспоминаниях он писал о посещении алмазных месторождений, однако никогда не упоминал о совершении там каких-либо покупок. Несомненно, однако, что приобрел его Таверньe в обход тогдашних индийских законов, согласно которым все найденные драгоценные камни принадлежали Великому Моголу. По этому поводу впоследствии рассказывали всякое. Говорили, что Таверньe якобы приобрел камень за бесценок у некоего раба, нашедшего и тайно вынесшего алмаз с Коллурских копей, расположенных на берегах реки Кристина и известных как главный источник цветных алмазов. По другой легенде, Таверньe украл этот камень из святилища богини Ситы, и синий алмаз был не то глазом этой богини, не то украшал ее лоб… Как бы то ни было, происхождение камня остается загадкой.

На первый взгляд, этот густого сине-стального цвета камень казался большим сапфиром, но опытный Таверньe сразу понял, что этот алмаз – самый большой синий алмаз в мире. Он был огранен «в индийском стиле», то есть естественные плоскости кристалла были отполированы, чтобы подчеркнуть сияние камня, и это исключает версию того, что камень попал к Таверньe прямо из шахты. Может быть, синий алмаз действительно служил глазом статуи божества? Но тогда естественно предположить, что должен существовать и второй подобный «глаз», судьба которого так и осталась неизвестной.

Путешествуя по Индии, Тавернье везде, где только возможно, покупал драгоценные камни, преимущественно алмазы, нимало не интересуясь их происхождением. Правда, далеко не все свои приобретения ему удалось довезти до Европы. Из Голконды он отправился к побережью Бенгальского залива, откуда рассчитывал морем добраться до Гоа. Однако в первую же ночь налетела буря и корабль выбросило на скалы у цейлонского берега. Большей части команды и пассажирам удалось спастись, Тавернье даже не потерял своего фантастически ценного багажа. С Цейлона он поехал в Батавию – столицу голландских колониальных владений на Яве. Там Тавернье сошелся с соотечественником, неким мсье Констаном, служащим голландской Ост-Индской компании. По совету нового друга он вложил часть вывезенных из Индии камней в капитал британских и голландских факторий в Юго-Восточной Азии. Однако вскоре голландская колониальная администрация обвинила Констана в махинациях и растрате. Вместе с ним был арестован и его друг Тавернье. Дело кончилось тем, что Тавернье не только лишился капитала, вложенного в голландские фактории, но и был вынужден заплатить шестнадцать тысяч рупий за свое освобождение. Тем не менее основная часть коллекции камней осталась у Тавернье, и после многих злоключений он все-таки доставил ее в Париж.

В 1668 году, спустя тридцать лет после начала своего путешествия в Индию, Таверньe предстал перед французским королем Людовиком XIV. Блеск редчайших индийских алмазов буквально ослепил короля и его приближенных. Но даже на этом фоне огромный синий алмаз, безусловно, выглядел вне конкуренции.

Людовик XIV купил у Таверньe 44 больших и 1122 мелких алмаза, в том числе и синий. За последний король заплатил 220 тысяч ливров.

Общая сумма сделки осталось тайной, но известно, что на эти деньги Таверньe купил себе дворянский титул и большое поместье – баронство Обон, расположенное по ту сторону швейцарской границы, чтобы случайная немилость не лишила его владения, заслуженного тяжким трудом. Впрочем, в своем имении Таверньe бывал редко: неугомонный путешественник, он остался верен себе и продолжал странствовать по миру вплоть до самого последнего дня своей жизни. Он умер в России в возрасте 84 лет. Обстоятельства его смерти в точности неизвестны. Европы достиг слух, что Таверньe якобы был разорван на части дикими собаками, и впоследствии эту ужасную гибель приписали проклятию синего алмаза.

Что же касается судьбы камня, то в 1673 году, спустя четыре года после покупки, он был отдан для переогранки придворному ювелиру Пито – «варварская» огранка алмаза королю не нравилась. В королевском наказе было выражено пожелание, чтобы грани камня стали выпуклыми; если же где встретится неровность, то пусть Пито режет камень согласно ее форме. После огранки синий алмаз приобрел треугольную форму, несколько потерял в массе и стал весить 67 и $У_8$ карата (69,03 современных метрических карата). Его именовали по-разному – «Синий Алмаз Короны», «Таверньe Синий», но прочнее всего за ним закрепилось название «Французский Синий». Алмаз оправили в золото, и в торжественных случаях король носил его на шее на муаровой ленте.

Несколько лет спустя Людовик XIV подарил алмаз своей фаворитке мадам Монтеспан, но она скоро вышла из королевского фавора. На какое-то время камень оказался в руках министра финансов Николя Фуке, одного из богатейших людей Франции, который, желая впечатлить королевский двор, появился на одном из приемов с «Французским Синим» на шее. Вскоре после этого Фуке был арестован за растраты и заключен в крепость Пиньероль, где и умер пятнадцатью годами позже. Алмаз вернулся в собственность короны.

В 1749 году Людовик XV распорядился сделать новые знаки ордена Золотого Руна (Toison d'Or), для чего придворный ювелир Андре Жакемен использовал «Французский Синий» и старинные камни, принадлежавшие королевской казне – крупный белый алмаз и большую красную шпинель «Cote de Bretagne», которую одно время считали рубином. Надо ли говорить, что оформление ордена получилось чрезвычайно пышным.

Последние владельцы «Французского Синего» – несчастная королевская чета, Людовик XVI и Мария-Антуанетта – были казнены во времена революционного террора во Франции. Позднее их трагическую смерть также приписали «проклятью алмаза», хотя их предшественники, Людовик XIV и Людовик XV, владевшие камнем, благополучно правили долгие годы, преспокойно дожили до седых волос и умерли естественной смертью. К этому стоит добавить, что король и королева были не

единственными людьми, казненными в годы террора, – тысячи людей погибли на гильотине, не имея никакого отношения к «проклятому» алмазу. Так что вряд ли правомочно считать синий бриллиант «виновником» французской революции и падения Людовика XVI. Скорее, судьба короля повлияла на судьбу камня…

В 1791 году, после неудачной попытки Людовика XVI и Марии-Антуанетты бежать из Франции, драгоценности королевского казначейства были конфискованы и выставлены для всеобщего обозрения в Гар-де-Мейбл, хранилище Национального собрания. Революционные граждане, разумеется, не могли без боли душевной взирать на это зрелище, и в период с 11-е по 17-е сентября 1792 года хранилище было полностью разграблено. Все драгоценности французской короны, включая «Французский Синий», исчезли. Некоторые из них впоследствии удалось найти. Синий алмаз весом в 67 и $^{1}/_{8}$ карата исчез навсегда.

О том, что происходило с камнем в последующие двадцать лет, можно только догадываться. Одни исследователи обнаруживают его следы в Испании: на портрете испанской королевской семьи, созданном Гойей в 1799 году, среди драгоценностей королевы Марии-Луизы ясно виден крупный алмаз синего цвета. «Французский Синий» был украден до открытия в 1860 году южноафриканских алмазных россыпей, и в Европе XVIII века имелось очень немного крупных синих алмазов. Все они были наперечет, но какой из них украшал в 1799 году грудь испанской королевы?

Ряд исследователей указывает еще один след «Французского Синего» – это два синих алмаза, появившиеся в Европе в начале XIX столетия: 13,75-каратный «Брауншвейгский Синий» и 6,5-каратный «Брауншвейгский Синий II». Не являются ли они фрагментами огромного синего алмаза французских королей? Ведь в мире не было ни одного синего алмаза такого же веса и такой же формы, и укравшие его люди (а это были, конечно, не голодранцы-санкюлоты, а вполне респектабельные «просветители» санкюлотов) ясно понимали, что бесследно «Французский Синий» исчезнуть не может. Но добытый преступным путем камень мог появиться на свет лишь в «новом обличье», в новой форме. Именно таким он и предстал миру – если, конечно, это был он. И произошло это в 1812 году, спустя двадцать лет и один день с момента исчезновения «Французского Синего», когда лондонский торговец алмазами Даниэль Элиасон объявил себя владельцем крупного синего бриллианта весом в 44и $^{1}/_{4}$ карата (45,52 современных метрических карата). Этот бриллиант был описан английским ювелиром Джоном Франкиллоном (он сделал также его рисунок в цвете) в подписанном им меморандуме, на котором стояла дата: «19 сентября 1812 года».

Почему именно в 1812 году синий алмаз снова выплыл на свет? Дело в том, что согласно закону об амнистии, принятом во Франции в 1804 году, все преступления, совершенные во время революции, подлежали прощению, если с момента их совершения минуло двадцать лет. Несомненно, что Дж. Франкиллон и его клиент знали об этом. Но вот срок прошел – и теперь драгоценный камень мог появиться на рынке вполне легально!

Правда, это был он и одновременно не он. Вес камня снизился почти на 24 карата, форма изменилась на овальную, следовательно, он был

переогранен. Не из его ли осколков родились два «Брауншвейгских Синих»? Молва даже называла «автора» – голландского огранщика Вильгельма Фальса из Амстердама, через руки которого прошел синий алмаз французских королей. Этот Фальс, говорят, потом умер от горя и отчаяния после того, как его беспутный сын Хендрик украл у него драгоценный камень. Хендрик же, в свою очередь, покончил жизнь самоубийством. Так снова появляется тема «проклятого алмаза»…

Меморандум Дж. Франкиллона и сделанный им рисунок являются первым письменным свидетельством того, что синий алмаз, позднее получивший название «Надежда», существовал уже в 1812 году. И хотя сегодня невозможно доказать, что именно этот камень и был знаменитым «Французским Синим», вероятность этого предположения очень высока. Единственным способом доказательства стал бы химический анализ, позволивший сравнить алмаз «Надежда» с его предшественником, но этот анализ никогда не делался для «Французского Синего» и характеристики этого легендарного камня неизвестны. Уже в наше время ученые, в распоряжении которых имелись старинные рисунки и гравюры, сравнивая размеры и формы «Французского Синего» с размерами и формой бриллианта «Надежда», заключили, что это, скорее всего, один и тот же камень. Но если «Надежда» и «Французский Синий» являются разными камнями, то что произошло с «Французским Синим» и откуда взялся бриллиант «Надежда»? На все эти вопросы, возможно, никогда не будет дано ответа.

С 1812 по 1839 год судьба синего алмаза в точности неизвестна. Согласно некоторым данным (существуют лишь одно опубликованное в печати свидетельство и портрет), можно предположить, что в 1820-х годах он являлся собственностью английского короля Георга IV. После смерти короля в 1830 году синий алмаз был продан через частные каналы, чтобы оплатить огромные долги покойного. Новым владельцем камня стал английский банкир Генри Филипп Хоуп, увлекавшийся коллекционированием драгоценных камней и произведений искусства. Он происходил из семьи амстердамских банкиров, которая эмигрировала в Лондон во время войны с Наполеоном и успела нажить там большое состояние. Его брат Томас, писатель, был широко известен отчасти благодаря своим книгам, отчасти благодаря портрету – пародии на него и его жену, написанному французским художником Антуаном Дюбуа в 1810 году. Портрет назывался «Красавица и животное».

По фамилии своего нового владельца – Хоуп – синий алмаз и получил свое новое название (англ. the Hope – «Надежда»). Но о том, что камень находится в руках Хоупа, стало известно лишь в 1839 году, когда в Англии был издан каталог коллекции жемчужин и драгоценных камней, владельцем которой являлся Генри Филипп Хоуп. В 1851 году алмаз экспонировался на Лондонской выставке и был застрахован за миллион долларов – астрономическая сумма для того времени.

Бриллиант оставался в семье Хоупов до конца XIX века. После смерти в 1839 году неженатого и не имевшего детей Генри Филиппа Хоупа он перешел к его племяннику Генри Томасу Хоупу (ум. в 1862 г.), а от него – к старшему сыну его дочери, лорду Фрэнсису Пелхэму Клинтону, в 1887 году получившему право на фамилию Хоуп.

Лорд Фрэнсис Хоуп был известен своей расточительной жизнью и страстью к азартным играм. Эта страсть в конце концов привела его к банкротству. Неудачи преследовали его и в личной жизни – его жена, известная актриса, убежала с другим человеком. Можно, конечно, приписывать это «проклятью алмаза», хотя все его предыдущие владельцы из семейства Хоупов были вполне благополучными людьми.

В 1898 году лорд Хоуп вознамерился продать алмаз, чтобы оплатить свои многочисленные долги. Он неоднократно обращался с просьбой разрешить ему продать бриллиант, но родственники не позволяли ему сделать это. Затем последовал долгий судебный процесс, и в 1901 году лорд Хоуп, наконец, получил разрешение на продажу драгоценности.

В 1902 году алмаз был продан нью-йоркской ювелирной фирме «Джозеф Франкель и сыновья», которая перепродала его через некоего греческого брокера Абдул Хамиду II, султану Турции и Властелину мира (плюс к этому еще несколько более непритязательных титулов). Его подданные втихомолку назвали его Абдул Проклятый и Абдул Кровавый. Он заплатил за алмаз 450 тысяч долларов и подарил его Субейе – звезде гарема, одной из четырех своих жен и 233 наложниц. Однако звезда оказалось неблагодарной: она затеяла дворцовую интригу против султана, в результате чего лишилась и алмаза, и собственной головы. Но это султана не спасло, и в 1908 году в результате революции он был низложен.

А что же синий алмаз? В 1908 году он был продан сирийскому торговому агенту по имени Селим Хабиб. Известно, что он приобрел бриллиант за огромную сумму. Хабиб увез «Надежду» в Париж и в июне 1909 года выставил ее на аукцион. Однако торги не состоялись: ни одно из предложений не достигло установленной изначально цены продажи. Тогда Хабиб отказался от своих прежних намерений и продал алмаз торговцу драгоценными камнями Розенау, который перепродал его известному парижскому ювелиру Пьеру Картье. Но эта сделка уже не могла поправить финансовое положение Селима Хабиба: он окончательно разорился. Возможно, именно печальная судьба трех владельцев алмаза – лорда Хоупа, турецкого султана и Селима Хабиба – и породила легенду о «проклятом камне». Есть предположение, что выдумал эту страшилку не кто иной, как Пьер Картье. Во всяком случае, так об этом пишет Эвелин Уэлш Маклин – последняя владелица синего алмаза.

Судьбы синего алмаза и Эвелин Уэлш Маклин скрестились несколькими годами ранее, когда молодая, невероятно богатая американка, дочь богатейшего золотопромышленника, вышедшая замуж за сына газетного магната, совершила путешествие в Стамбул. Там во дворце турецкого султана она увидела громадный, неслыханной красоты синий бриллиант. А в 1910 году она снова увидела его в Париже, у Картье. Семейство Маклинов уже имело дело с парижским ювелиром: за год до этого они купили у него за 120 тысяч долларов алмаз «Звезда Востока» весом в 95 карат. И вот теперь – таинственный, приносящий несчастье, синий алмаз…

В своей автобиографии «Отец случайно наткнулся на это богатство» Эвелин Маклин вспоминает, что Картье поведал ей всю историю камня – начиная от приобретения алмаза Таверньe и до момента, когда,

покусанный бешеными собаками Селим Хабиб утопился вскоре после его продажи. Какие-либо документы, подтверждающие подлинность рассказов Картье, отсутствуют, да и вообще до начала XX века никто не слыхал ни о каком «проклятье» синего алмаза. Впрочем, нет ничего необычного и в том, что торговые агенты рассказывают всякие мифические истории, связанные с драгоценными камнями, увеличивая тем самым их таинственность, а следовательно, и ценность для покупателя.

Однако миссис Маклин не испугала «дурная» репутация камня. «То, что приносит несчастья другим, принесет счастье мне!» – твердо заявляет американка. Но оправа камня ее не устраивает. Тогда Картье заново оправляет камень и лично привозит его в США. Эвелин Маклин колеблется, но таинственный камень неудержимо манит ее, она не может сопротивляться его чарам. Заметив это, ловкий Картье предложил ей немного «поносить» алмаз – ну, скажем, на ближайший уикэнд.

«Я смотрела на камень, а камень смотрел на меня, – пишет Эвелин Маклин в своей автобиографии. – Спустя несколько часов я поняла, что действительно хочу эту вещь. Тогда я повесила камень на шею, и вверила ему мою судьбу – и для хорошего, и для плохого…»

Эвелин Маклин купила алмаз за 180 тысяч долларов (по другим сведениям – за 154 тысячи долларов). В точности неизвестно, когда это произошло, но контракт датируется февралем 1912 года. В течение нескольких месяцев молодая женщина пыталась скрыть свою покупку от свекрови – та вряд ли бы одобрила такое расточительство. Однако открыть тайну все же пришлось, и тут произошло первое несчастье в семействе Маклинов: вскоре после этого свекровь умерла. Умерла и женщина, которая находилась рядом с ней в тот момент, когда Эвелин рассказывала о своей покупке.

Неужели «проклятье» камня все же существует? Озадаченная миссис Маклин решила освятить камень.

«Мы находились в небольшой боковой комнатке в церкви, – вспоминает она об этом событии в своей автобиографии, – когда монсеньор Рассел надел свою рясу и положил мою безделушку на бархатную подушку. Пока он делал приготовления, на дворе началась сильная гроза. Комнату постоянно освещали вспышки молний. Звуки грома сотрясали церковь… Молния попала в стоявшее на противоположной стороне улицы дерево, и оно раскололось на мелкие кусочки. После того как монсеньор Рассел произнес несколько слов на латинском языке, моя душа странным образом начала успокаиваться. С тех пор я ношу этот бриллиант в качестве прекрасного амулета».

Несмотря на освящение, несчастья продолжали преследовать семью Маклинов. Отец миссис Эвелин спился и умер; ее свекор сошел с ума; ее девятилетний сын Уинсон погиб в 1918 году в автомобильной катастрофе, а дочь, вышедшая замуж за сенатора, в возрасте 25 лет покончила жизнь самоубийством (по другой версии – умерла от передозировки снотворного). Эвелин разошлась со своим мужем Эдвардом, который стал хроническим алкоголиком и в 1933 году был помещен в психиатрическую клинику, где спустя восемь лет скончался.

Несчастья могут постигнуть любую семью, но в данном случае пресса охотно подхватила легенду о «проклятом» камне. Впрочем, это

проклятье почему-то не касалось самой Эвелин Маклин. Она практически не расставалась с алмазом, носила его каждый день, а на ночь прятала его под подушку или за заднюю панель настольного радиоприемника. Однажды, когда ей потребовалась хирургическая операция, доктору пришлось употребить все свое красноречие, чтобы умолить миссис Маклин снять алмаз. Впрочем, для своих любимцев она всегда делала снисхождение: давала поиграть алмаз своему маленькому внуку Джоку или надевала его на шею своему догу по кличке Майк. Во время войны Эвелин Маклин часто навещала раненых в госпитале и охотно позволяла поносить драгоценный камень тем, кто обращался к ней с такой просьбой.

Она любила находиться в центре внимания и нередко надевала на себя все свои драгоценности, особенно во время пышных приемов и обедов. На вопрос, почему она носит столько драгоценностей сразу миссис Маклин однажды ответила: «А в этом случае мне точно известно, где они находятся». И хотя молва упорно твердила о том, что в преследующих ее несчастьях виноват «проклятый» алмаз, сама Эвелин Маклин придерживалась иной точки зрения. «Мои наблюдения убедили меня, что трагедия может произойти с любым человеком» – пишет она в своей автобиографии. – И какие бы катастрофы ни случались со мной, я не склонна связывать их с алмазом “Надежда”… Этот алмаз – ключ ко всему моему безрассудству. Некоторых приводит в трепет цена, которую я заплатила за него, но мы живем только один раз, и из всех вещей в этом мире я больше всего ненавижу скуку».

Эвелин Маклин умерла от пневмонии в 1947 году в возрасте 61 года. Свои драгоценности она завещала внукам, но вскоре их пришлось продать, чтобы оплатить накопившиеся долги. В 1949 году все ее драгоценности, включая алмазы «Надежда» и «Звезда Востока», приобрел за 1 млн долларов торговец бриллиантами Гарри Уинстон. За то время, пока камень находился в его собственности, Уинстон не раз демонстрировал бриллиант на выставках и бенефисах по всему миру, его неоднократно брали напрокат. 10 ноября 1958 года, спустя девять лет после приобретения бриллианта, Уинстон передал его в дар Смитсоновскому институту.

В настоящее время алмаз «Надежда» экспонируется в Национальном Музее естествознания в Вашингтоне. За это время он лишь четыре раза покидал хранилище. В 1962 году в течение месяца он выставлялся в Лувре, а в 1965 году совершил путешествие в Южную Африку, на выставку в Иоганнесбурге. В 1984 году алмаз был почетным гостем на выставке, посвященной 50-летию компании Гарри Уинстона, а в 1996 году был снова передан компании Гарри Уинстона для чистки и незначительной реставрации.

На протяжении многих лет считалось, что вес алмаза «Надежда» составляет 44,5 карата. В 1975 году после чистки и тщательного взвешивания и изучения было установлено, что его истинный вес – 45,52 карата. Сегодня алмаз представляет собой ограненный бриллиант яйцевидной формы, размеры которого составляют: длина – 25,60 мм, ширина – 21,78 мм и толщина – 12,00 мм. Бриллиант помещен в специальную подвеску, в которой окружен еще шестнадцатью бриллиантами белого цвета.

Американский геммологический институт в 1988 году отнес бриллиант «Надежда» к категории VS1, из-за наличия нескольких небольших пятен и одного беловатого вкрапления в камне (категория VS1 означает «очень мало включений» и характеризуется наличием очень малого количества пятен или мелких кристалликов, которые могут быть обнаружены в алмазе при 10-кратном увеличении). Цвет алмаза – это сочетание синего (который придает драгоценному камню бор) и серого цветов. Глубина и интенсивность цвета, а также случайных бликов, которые возникают в результате огранки, являются уникальными. В зависимости от угла зрения они могут быть ярко-красными, желтыми или зелеными. Помимо этого, алмаз «Надежда» обладает редким свойством испускать мощные красные лучи после его облучения коротковолновым ультрафиолетовым светом.

На сегодняшний день «Надежда» уже не самый большой, а лишь четвертый по размеру синий алмаз в мире. Но ни один из камней не сравнится с ним по глубине и насыщенности цвета, а уж тем более – по популярности. С этим алмазом связано больше легенд и тайн, нежели с каким-либо другим камнем. И несмотря на то что некоторые его тайны так и остаются неразгаданными, с уверенностью можно сказать одно: его известность и красота превзошли все другие известные в мире драгоценные камни.

Алмаз «Орлов»

Местонахождение: Государственный Алмазный фонд, Москва, Россия

Знаменитый алмаз «Орлов» массой 189,62 карата – один из самых больших и наиболее известных алмазов в мире. Ограненный в форме «высокой розы» с большим количеством маленьких граней, расположенных ярусами (общее количество граней – около 180), и почти плоский в основании, он напоминает половинку голубиного яйца с размерами 22 х 32 х 35 мм. Многие специалисты считают этот камень самым красивым бриллиантом в мире. Его история, подобно другим знаменитым алмазам индийского происхождения, окутана легендами и во многом остается загадочной.

Многие специалисты полагают, что судьба «Орлова» может быть связана с судьбой огромного алмаза, хранившегося в сокровищнице Великих Моголов и известного под названием «Великий Могол». Этот камень видел и описал известный французский торговец алмазами и путешественник Тавернье, однако судьба его до сих пор остается неясной. В то же время еще в XIX столетии ученые обратили внимание на схожесть алмазов «Великий Могол» и «Орлов». Споры по этому поводу продолжаются до сих пор.

Английский ювелир Эдвин Стритер, самым тщательным образом изучавший историю знаменитых алмазов, писал в 1882 году: «Из-за существенных различий в весе – «Великий Могол» весил 280 каратов, а «Орлов» – всего 193 карата – нельзя серьезно воспринимать подобные предположения. Нельзя допускать и того, что первый из названных камней по каким-то более или менее правдоподобным мотивам был вновь передан огранщику алмазов, который уменьшил его вес на целых 87 каратов, точно сохранив при этом первоначальную форму и очертания». Советский минералог Александр Ферсман придерживался иного мнения. Он полагал, что пересчет Тавернье индийских рати в караты не соответствует действительности: французский путешественник руководствовался соотношением 7: 8, в то время как Ферсман считал его равным 6: 10. Поэтому, по мнению Ферсмана, истинные массы «Орлова» и «Великого Могола» очень хорошо согласуются между собой: 191,7 и 189,6 карата (масса 907 индийских рати (около 545 каратов), которую Тавернье называет в качестве массы «Великого Могола», встречается только в

устных сообщениях). Наконец, в описании Таверньe говорится, что «Великий Могол» по форме является розой, «очень высокой с одной стороны». Рисунок Таверньe, сделанный по памяти, позволяет увидеть правильную форму и очень ровное основание камня, в то время как основание алмаза «Орлов» неровное. Может быть, «Орлов» – это и есть «Великий Могол», заново переограненный и утративший часть своей прежней массы?

Высказывавшиеся некоторыми специалистами предположения о том, что «Орлов» и «Кох-и-Нур» являются фрагментами одного крупного кристалла, скорее всего, ошибочны, поскольку эти алмазы существенно различаются по окраске: «Кох-и-Нур» имеет сероватый над-цвет с небольшой мутью, в то время как «Орлов» совершенно прозрачен и имеет легкий голубовато-зеленый оттенок. Вероятно, так же ошибочно и отождествление «Орлова» с камнем, известным под названием «Дарья-и-Нур» – «Море Света». Алмаз с таким названием сегодня находится в хранилище государственных драгоценностей Ирана (Тегеран). Хотя нельзя полностью исключать возможность того, что столь образное название – «Море Света» – было дано двум крупным бриллиантам…

Хотя происхождение «Орлова» покрыто туманом, несомненно одно: его история началась в Индии. Он был добыт, по всей вероятности, в Коллурских копях. Предание рассказывает, что камень использовался в качестве глаза статуи индийского божества Вишну, стоявшей в одном из храмов Южной Индии. Разные авторы именуют этот храм по-разному: «Сриранген», «Шериган», «Шерингам», «Шри-Ранга» и т. п., но ясно, что в действительности речь идет о храме Шрирангам в Тируччираппалли неподалеку от Мадраса (Юго-Восточная Индия). Этот храм расположен на большом – 27 км в длину и от 1,5 до 2 км в ширину – острове, образованном двумя рукавами реки Кавери, приблизительно в 3 км к северу от города Тируччираппалли. Посвященный богу Вишну, он вплоть до наших дней остается одной из главных святынь Южной Индии. С высоты птичьего полета храм выглядит своеобразной «матрешкой»: семь окруженных каменными стенами прямоугольных дворов «вложены» один в другой, уменьшаясь по мере приближения к центральному святилищу, известному своим Тысячеколонным залом и золотым идолом Вишну, поклониться которому приходят тысячи паломников со всей Индии. Некогда, по преданию, в глазах идола сверкали два бесценных алмаза, блеск которых не мог не привлечь внимание европейских завоевателей.

В XVIII столетии Южная Индия стала ареной борьбы между Англией и Францией, соперничавших за право обладать этими богатыми заморскими землями. В 1746 году французы захватили Мадрас, но закрепить успех помешала ссора между губернатором французской колонии Пондишерри генералом Дюплексом и адмиралом Лабурдоннэ, командующим французской эскадрой. Постепенно англичанам удалось закрепиться в Южной Индии. Французы везде, где только можно, стремились противостоять этому напору. Французский гарнизон появился и в Тируччираппалли, поблизости от храма Шрирангам…

История сохранила имя человека, благодаря которому алмаз «Орлов» – пусть и нечестным путем – попал в Европу: Ив Дерош. Этот французский солдат служил в гарнизоне Тируччираппалли. Зачарованный

слухами о двух огромных алмазах, украшающих статую индийского божества, он задумал во что бы то ни стало завладеть ими. Первым делом Дерош дезертировал из своей части. А затем приступил ко второй части тщательно вынашиваемого им плана.

Согласно обычаю, иноверцы не могли проходить далее четвертого из семи храмовых дворов, и уж тем более им запрещался вход в святая святых. Для того чтобы преодолеть это препятствие, Дерошу пришлось отречься от христианства и принять индуизм. Он сумел убедить жрецов, что он «духовно прозрел» и отныне желает посвятить себя служению Вишну. Первое время за ним пристально наблюдали, но своей ревностью в вере он постепенно сумел завоевать доверие браминов и получил доступ в Тысячеколонный зал. Его даже назначили служителем святилища. Наступил момент, которого предприимчивый авантюрист так долго ждал.

В одну из темных дождливых ночей Дерош прокрался в святилище и, трепеща от страха быть застигнутым на месте преступления, извлек из глазницы идола один из алмазов. На второй алмаз сил уже не хватило: завладев желанной добычей, француз думал лишь о том, как унести ноги. В конце концов, стоимость лишь одного этого камня с лихвой окупила бы все его старания.

Преодолев все семь стен храма, француз переплыл реку и скрылся в джунглях. Ему удалось благополучно добраться до Мадраса, где он поспешил сбыть украденный алмаз капитану английского торгового судна за 2000 фунтов. Предание утверждает, что позже Дерош был убит настигшими его браминами; но камень уже никогда не вернулся в храм.

Английский капитан привез алмаз в Лондон и там продал его еврейскому торговцу за 12 000 фунтов. Тот, в свою очередь, перепродал алмаз армянину – уроженцу Персии по имени Ходжа Рафаэль, много путешествовавшего по миру и знавшего множество языков. Он оставил Персию совсем молодым человеком, побывал во многих странах Европы, жил в Англии, а затем перебрался в Амстердам, где в 1775 году продал алмаз русскому графу Григорию Орлову (1723–1783), бывшему фавориту Екатерины II, по имени которого камень и получил свое теперешнее имя (его другое, менее распространенное название – «Амстердам»)…

Другая версия того, какими путями «Орлов» попал в Европу, несколько менее фантастична. Считается, что этот камень, хранившийся в сокровищнице Великих Моголов, был в числе добычи, захваченной в 1739 году Надир-шахом во время разграбления Дели. О его дальнейшей судьбе рассказывает знаменитый путешественник и натуралист академик Петр-Симон Паллас (1841–1811) в первом томе своего объемистого труда «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах», написанного на немецком языке. Эта книга впервые была опубликована в Лейпциге в 1801 году («Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russ. Reichs in d. J. 1793 u. 1794») и позже переведена на английский и французский языки, но на русском языке этот труд оставался неизвестным на протяжении всего XIX столетия. Лишь в 1881 и 1883 годах в «Записках Одесского общества истории и древностей» были опубликованы два его фрагмента, а в 1918 году вице-президент Одесского общества истории и древностей А.Л. Бертье-Дела-гард сделал полный перевод второго тома,

правда, опубликован он был лишь в 1999 году *(Петр-Симон Паллас.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М: Наука, 1999). Что касается первого тома, то он остается практически неизвестным русскому читателю до сих пор. Между тем именно в нем Паллас сообщает довольно любопытные сведениея о судьбе большого алмаза, происходящего из сокровищницы Надир-шаха.

«Во время моего жительства в Астрахани, – пишет Паллас, – я познакомился с наследниками Григория Сафарова Сафраса, армянина, кто продал известный большой алмаз, который ныне установлен в российском императорском скипетре. История этого алмаза столь выделяется среди таковых самой первой воды, что может, вероятно, доставить развлечение моим читателям, поскольку я таким образом смогу опровергнуть множество ложных сведений, распространенных на сей предмет.

Шах Надир имел в своем троне два больших индийских алмаза, один из которых назывался “Солнце Моря”, а другой “Луна Гор”.

После его убийства множество драгоценных украшений, принадлежавших короне, были разграблены и впоследствии тайно распроданы солдатами, разделившими между собою награбленное. Сафрас, известный в Астрахани под прозвищем «миллионщик», в то время проживал в Басре вместе с двумя своими братьями. Однажды к нему явился некий афганский военачальник (chief of the Avganians) и тайно предложил купить за очень умеренную сумму вышеупомянутый алмаз, который, вероятно, был тот самый, что назывался “Луна Гор”, вместе с очень большим изумрудом, рубином значительного размера и другими драгоценными камнями меньшей ценности. Сафрас был удивлен этим предложением и, притворившись, что не располагает достаточной суммой, чтобы купить эти драгоценные камни, попросил отсрочки, чтобы проконсультироваться с братьями относительно предмета сделки. Продавец, вероятно, что-то заподозрив, больше не появился. Сафрас, с одобрения братьев, немедленно отправился на поиски незнакомца с драгоценными камнями, но тот оставил Басру. Армянин, однако, встретил его случайно в Багдаде и заключил сделку, заплатив ему 50 000 пиастров за все драгоценные камни, бывшие в его владении.

Сафрас и его братья понимали, что эту покупку необходимо было сохранить в самой глубокой тайне, и решили пока, с учетом их коммерческих связей, оставаться в Басре. Спустя двенадцать лет Григорий Сафрас, с согласия его братьев, забрал самый большой из драгоценных камней, которые до поры были скрыты. Он отправился через Дамаск и Константинополь, и далее сушей через Венгрию и Силезию в город Амстердам, где публично предложил свои драгоценности для продажи. В числе возможных покупателей было, как говорят, английское правительство. Российский двор послал за большим алмазом, предложив возместить [Сафрасу] все разумные расходы, если не удастся сговориться о цене. Когда алмаз был доставлен [в Петербург], российский министр граф Панин, через посредничество М. Лазарева, который был тогда придворным ювелиром, сделал Сафрасу следующее предложение. Помимо требуемого им патента на потомственное дворянство, он должен был получить ежегодную пожизненную пенсию в 6000 рублей и 500 000 рублей в

наличных деньгах, пятая часть которых должна была быть выплачена по требованию, а остальные регулярными взносами в течение десяти лет. Капризный Сафрас потребовал дворянства и для своих братьев, и различные другие ренты и преимущества, и был так упрям в своих требованиях, что переговоры были прерваны, а алмаз возвращен[Сафрасу].

Сафрас остался теперь в большом недоумении. Он вовлек себя в расходы, был обязан выплатить процентщикам, у которых брал взаймы, значительные суммы, и при этом никаких перспектив продажи драгоценного камня не было… Спасаясь от кредиторов, он был вынужден скрыться в Астрахани. Новые переговоры были начаты графом Григорием Григорьевичем Орловым, кто впоследствии стал Светлейшим князем, и в итоге алмаз был куплен за 450 000 рублей наличными, вместе с предоставлением Российского дворянства. Из той суммы, как говорят, 120 000 рублей составили долю посредников в качестве комиссионных, проценты и прочие подобные расходы. Сафрас обосновался в Астрахани, а его богатство, которое он по наследству передал своим дочерям, позже, благодаря расточительности его зятьев, было в значительной степени рассеяно» *5 Pallas, Peter Simon. Travels through the Southern Provinces ofthe Russian Empire, in the years 1793 and 1794. Translated from the German. London, 1812. Vol 1, p. 276.* .

Очевидно, что Паллас услышал эту версию от наследников Сафраса, с которыми он встречался в Астрахани. Также очевидно, что Паллас ошибочно приписал «Орлову» историю другого алмаза – «Луна Гор» массой 120 каратов (по другим данным – 183 карата). Этот алмаз, по-видимому, первоначально принадлежал Великим Моголам и вместе с другими сокровищами достался в 1739 году Надир-шаху. Позже этот алмаз также перешел в собственность российской короны. Дальнейшая история его известна плохо; по некоторым сведениям, он был продан на аукционе в Лондоне в 1942 году.

Однако каким образом история «Орлова» оказалась перепутанной (а может быть, наоборот – напрямую связанной?) с историей алмаза «Луна Гор»?

По всей вероятности, эта путаница связана с именем Георгия Сафраса, через руки которого прошли оба эти камня, в легендах позже слившиеся воедино. По словам Палласа, алмаз был продан российскому правительству после того, как Сафрас «был вынужден скрыться в Астрахани», то есть несколькими годами позже после прибытия армянского торговца в Амстердам. Однако существуют свидетельства того, что алмаз, позже получивший название «Орлов» и установленный в императорском скипетре, был куплен Григорием Орловым не в Астрахани у Сафраса, где тот безвыездно провел остаток жизни, а в Амстердаме у некоего персидского торговца. Но этот купленный в Амстердаме алмаз вряд ли когда-либо бывал в казне могольских императоров – ведь, если верить легенде, он был глазом идола в южноиндийском храме и прибыл в Европу морским путем, минуя и Дели, и Персию…

Однако и тут имеются серьезные противоречия: дело в том, что ряд документальных источников сообщает о том, что прежде чем оказаться у графа Григория Орлова, алмаз «Орлов» действительно прошел через руки армянского купца по имени Григорий Сафрас, который в 1767 году положил бриллиант в Амстердамский банк. Из донесения прусского посла в России

князя фон Сольмса, отправленного в Берлин в 1773 году, следует, что этот алмаз за несколько лет до описываемых событий был привезен из Персии в Голландию. А в одном из писем астраханского купца Гилянчева губернатору И.В. Якобию, датированном 1778 годом, сообщается, что тесть Гилянчева – армянин Григорий Сафрас из Джульфы – «приобрел редкую в свете вещь – алмазный камень дорогой цены». Ав своем датированном 1771 годом завещании Сафрас просил исполнителей своей последней воли – племянников своей первой жены, придворного ювелира Ивана Лазарева и своего брата Якима – забрать из Амстердамского банка «этот восточноиндийский камень в 779 голландских гранов».

В октябре 1772 года Сафрас продал камень Лазареву (отсюда другое, также иногда встречающееся название алмаза – «Лазарев») за 125 тысяч рублей. Лазарев, в свою очередь, перепродал его графу Григорию Орлову за 1 400 000 золотых флоринов (сумма, эквивалентная 400 000 золотых рублей) с условием выплаты всей суммы в течение семи лет. Кроме того, Лазареву была назначена пожизненная пенсия в 2000 рублей и пожалована дворянская грамота.

Орлов преподнес бриллиант Екатерине II в день ее именин 24 ноября 1773 года (по старому стилю); считается, что он приобрел камень в подарок императрице, стремясь тем самым вернуть ее расположение. По другой версии, он всего лишь выступал в качестве посредника, в то время как истинным покупателем алмаза была сама Екатерина II. Как бы то ни было, история с покупкой алмаза завершилась тем, что императрица подарила своему бывшему фавориту Мраморный дворец в Петербурге. Никакой речи о возвращении Орлова прежней его роли не было, и в 1777 году окончательно удаленный от дел граф женился на своей кузине и уехал за границу. После смерти жены в Лозанне в 1782 году Орлов заболел душевным расстройством, вернулся в Россию и на следующий год скончался.

Последняя легенда, связанная с алмазом «Орлов», относится к событиям 1812 года. Рассказывают, что накануне вступления войск Наполеона в Москву драгоценный камень был спрятан в Кремле в могиле некоего священника. Когда французы заняли город, Наполеон отдал приказ разыскать алмаз. Поиски вскоре увенчались успехом: агентам императора стало известно о местонахождении камня. Наполеон в сопровождении своих гвардейцев отправился к могиле. Однако когда погребение было вскрыто и один из приближенных императора уже протянул к засверкавшему в лучах осеннего солнца алмазу святотатственную руку, из могилы неожиданно поднялся призрак священника и наслал ужасное проклятие на императора и его армию. Наполеон и его свита поспешно ретировались с пустыми руками, и вскоре французы были вынуждены оставить Москву…

С 1784 года алмаз «Орлов» украшает навершие скипетра русских царей. В настоящее время он хранится в Алмазном фонде в Москве.

Алмаз «Регент»

Местонахождение: Лувр, Париж, Франция

Алмаз «Регент» считается самым прекрасным из всех знаменитых алмазов мира и славится своим непревзойденным блеском. Это один из последних крупных алмазов, найденных в Индии. История традиционно связывает этот камень с именем Томаса Питта, губернатора Мадраса и отца и деда известных политических деятелей Уильяма Питта-старшего (1708–1778), премьер-министра Великобритании в 1766–1768 годах, и Уильяма Питта-младшего (1759–1806), премьер-министра Великобритании в 1783–1801 годах (с перерывами) и 1804–1806 годах; очень часто в разных источниках судьба алмаза ошибочно связывается с именами этих политиков.

Не вполне ясно, какими путями камень попал в руки Томаса Питта. Ясно только, что пути эти были не вполне законны, и впоследствии Питта часто упрекали за это. Последнее обстоятельство и стало одной из причин, по которой Питт решил расстаться с алмазом.

Окружающие камень легенды утверждают, что он был найден в 1701 году на одном из приисков Голконды. В необработанном виде алмаз весил около 410 каратов. Нашедший его раб был потрясен размерами камня и решил утаить его. Однако вынести алмаз с прииска было нелегко, поскольку при выходе за его пределы все работники подвергались обыску. Тогда раб киркой нанес себе глубокую рану на бедре и, обматывая рану куском полотна, спрятал алмаз в повязке. Вечером того же дня он бежал с рудников.

К побережью Индии в ту пору приставало немало европейских кораблей, и именно здесь беглец рассчитывал сбыть драгоценную находку и обрести свободу. Ему удалось отыскать английского шкипера, который за половину стоимости камня согласился переправить раба в Бомбей. Однако искушение оказалось слишком велико, и во время рейса шкипер убил несчастного беглеца, сбросил его труп в море и завладел алмазом.

В Бомбее моряк продал драгоценный камень индийскому торговцу алмазами по имени Джамхунд за сумму, эквивалентную 5 тысячам долларов. Впрочем, эти деньги не пошли ему впрок: ударившись в беспрерывные кутежи, шкипер за короткое время допился до белой горячки и повесился в припадке безумия.

В 1702 году Джамхунд продал алмаз за 20,4 тысячи фунтов стерлингов Томасу Питту, губернатору Мадраса и коменданту британской крепости Сент-Джордж (по его имени камень некоторое время носил название «Питт», которое можно встретить в некоторых источниках до сих пор). Когда позже Питт вернулся с алмазом в Англию, обстоятельства, окружающие приобретение драгоценного камня, неоднократно ставились под вопрос. Распространялись слухи о том, что Питт приобрел алмаз нечестным способом. В письме, опубликованном в октябре 1710 года в «Юропиэн мэгэзин», Томас Питт, пытаясь оправдать себя, описал детали сделки с Джамхундом, однако темный шлейф за алмазом продолжал тянуться, и, чтобы избавиться от хлопот, в 1717 году Питт продал алмаз за 135 тысяч фунтов стерлингов Филиппу II, герцогу Орлеанскому, регенту при малолетнем французском короле Людовике XV. В честь нового владельца камень получил новое название – «Регент».

Не вполне ясно, когда именно алмаз был огранен. Одни источники утверждают, что это было сделано по заказу Питта, другие – по

распоряжению герцога Орлеанского. Как бы то ни было, все сходятся на том, что огранка камня, в ходе которой его вес уменьшился с 410 до 140,5 карата, была произведена в Лондоне. Она продолжалась два года и обошлась в 5 тысяч фунтов стерлингов. Сегодня этот обработанный в форме подушки бриллиант с легким синеватым оттенком считается самым совершенным из всех исторических камней. Маленькие бриллианты, полученные из осколков камня, были распроданы за 7 тысяч фунтов стерлингов; часть их приобрел русский царь Петр I.

Алмаз «Регент» стал одним из главных сокровищ среди драгоценностей французского королевского дома. Он служил двум поколениям французских королей. «Регент» украшал собой корону, которая была возложена на голову Людовика XV в день его коронации в 1722 году, а позже – диадему, сделанную по заказу королевы Марии Лещинской. Он сверкал в короне Людовика XVI и на черном бархате большой шляпы, которую любила носить королева Мария-Антуанетта. При инвентаризации драгоценностей французской короны, проводившейся в 1791–1792 годах, комиссия ювелиров оценила этот бриллиант в 12 миллионов франков (или 480 тысяч фунтов стерлингов).

В сентябре 1792 года, после падения монархии, «Регент» наряду с другими драгоценностями французской короны был украден из хранилища в Гар-де-Мейбл. Некоторые из этих сокровищ позже были найдены; другие исчезли навсегда. «Регент», по счастью, оказался в числе первых: пятнадцать месяцев спустя он был найден на каком-то парижском чердаке.

В 1797 году алмаз был заложен берлинским ювелирам; вырученные за него деньги весьма помогли Наполеону Бонапарту заполучить желанную власть. Позже Наполеон выкупил драгоценный камень, и алмаз «Регент» украшал эфес шпаги, с которой император появился на своей коронации в 1804 году. А спустя десять лет, когда Наполеону пришлось отправиться в изгнание на остров Эльба, его жена Мария-Луиза спрятала алмаз в замке Блуа; позже она переправила его своему отцу, австрийскому императору Францу I.

Когда миновали бурные события Ста дней, связанные с возвращением Наполеона, Франц I вернул камень Франции. В 1825 году «Регент» снова украшал собой королевский венец – на этот раз Карла X во время его коронации. Драгоценный камень оставался в числе сокровищ французской короны вплоть до конца правления императора Наполеона III (1852–1870). Специально для него императрица Евгения приказала изготовить диадему в греческом стиле, которую носила в торжественных случаях.

После падения монархии значительная часть драгоценностей французской короны была продана с аукциона. Алмаз «Регент», однако, не был в этом числе. Он был признан национальным достоянием и помещен в Луврский музей, где его можно увидеть и сегодня. Лишь однажды камень покидал экспозицию музея: в 1940 году, когда немцы вступили в Париж, алмаз тайно вывезли из Лувра и спрятали в мраморной панели камина в замке Шамбор. После изгнания гитлеровцев камень был благополучно возвращен на прежнее место.

Алмаз «Санси»

Местонахождение: Лувр, Париж, Франция

Если верить легендам, «Санси» – старейший из известных в Европе алмазов. Этот бледно-желтый, обработанный в форме груши камень индийского происхождения, массой 53 карата, стал одним из первых симметрично ограненных бриллиантов.

Свое название «Санси» алмаз получил по имени Николя Арле, сеньора де Санси, французского посла в Турции, в 1570 году купившего камень в Константинополе (Стамбуле). Однако помимо Санси владельцами камня за его почти тысячелетнюю историю были более десятка индийских правителей, герцог Бургундии Карл Смелый, короли Франции Генрих III и Генрих IV, английские короли Джеймс I и Яков II, снова французские короли – Людовики XIV, XV и XVI, русский промышленник П.Н. Демидов и леди Астор…

Ранняя история алмаза, как водится, ничем не документирована и абсолютно легендарна; возможно, в ней переплелись истории двух или более камней. Считается, что он был найден в 1064 году близ Голконды индийским купцом по имени Джагаттунга, при обстоятельствах, близких к сказочным.

…Испокон веков было известно, что в этих местах горные потоки нередко вымывают из породы алмазы. Их хорошо видно сверху: они блестят под солнечными лучами на дне глубокого ущелья, кишащего змеями. Из-за отвесных стен спуститься в ущелье было невозможно; тем не менее алмазы оттуда добывали – весьма хитрым способом. Заметив блестящий камень на дне ущелья, старатели бросали вниз. живого барана – так, чтобы он упал на алмаз. Затем терпеливо ждали, когда расплющенную от падения с большой высоты тушу обнаружит орел и поднимет ее на вершину горы. Проследив за полетом орла, люди спешили за ним и отбирали у птицы алмаз, прилипший к бараньей туше.

Вот таким хитроумным способом, как гласит легенда, купцу посчастливилось добыть алмаз редкой красоты, без единой трещины, массой 101,25 карата. В ближайшем городе торговец обменял свою находку на двух молодых слонов, двенадцать верблюдов и восемьдесят золотых монет.

Так начинается легендарная биография алмаза «Санси». Сперва им владели несколько правителей княжеств Центральной Индии. Последним его владельцем был султан Кут-уд-Дин. Потом алмаз исчез – правда, не в одиночку, а вместе с великим визирем, сбежавшим от своего повелителя, и несколько десятилетий о камне не было ничего известно. Лишь в 1325 году он снова всплыл – какой-то купец, прибывший из чужих земель, продал его индийскому султану Мухаммеду. По другой версии, Мухаммед обманом завладел им, отобрав у своего отца, султана Гияс-уд-Дина. Следующие 150 лет алмаз попеременно принадлежал различным султанам, магараджам, шахам. После 1451 года он неожиданно появляется в Европе – в сокровищнице Карла Смелого, герцога Бургундского (1433–1477). С этого времени история камня приобретает несколько более определенные очертания.

По заказу Карла Смелого камень был огранен фламандским мастером Людвигом ван Беркеном, первым в Европе разработавшим в 1475 году способ огранки и полировки алмазов. Ван Беркен огранил камень на 32 грани, при этом его вес уменьшился на 48 каратов. Прежняя овальная форма была сохранена. За эту работу мастер получил 3000 золотых флоринов.

Карл Смелый верил в магическую силу камня – считалось, что он якобы предохраняет своего владельца от гибели на войне. Герцог повелел вставить алмаз в свой шлем. Однако в 1477 году в битве при Нанси Карл Смелый был убит. Алмаз из его шлема вынул некий солдат-швейцарец, который якобы даже не знал, что это такое, и пользовался алмазом как кремнем, высекая им огонь для своей курительной трубки, а затем продал всего за 1 гульден протестантскому пастору. Тот перепродал его испанскому торговцу за 3 гульдена, а тот, в свою очередь, продал камень португальскому королю. Позже сеньор Николя Арле де Санси (или его предок) якобы купил его в Португалии за 100 000 франков…

Нет никаких фактов, позволяющих утверждать, что все сказанное выше – правда. К сожалению, очень часто истина бывает затемнена

вымыслом. По всей вероятности, у тех, кто придумывал эти легенды (и это касается не только алмаза «Санси»), были свои причины скрывать правду. Реальная же история алмаза берет свое начало лишь с 1570 года. И хотя вопрос происхождения алмаза остается открытым, наиболее вероятным считается то, что сеньор Николя Арле де Санси приобрел его во время своего пребывания на Востоке в качестве посла французского короля при дворе турецкого султана.

Санси был известен как знаток и страстный коллекционер драгоценных камней. Он привез камень с собой во Францию, и король Генрих III Валуа (1574–1589), рано начавший лысеть, часто заимствовал алмаз у Санси, чтобы украсить им шапочку-ермолку, которой король прикрывал лысину. В правление следующего короля, Генриха IV Бурбона (1589–1610), Санси стал министром финансов. В 1589 году нуждавшийся в деньгах король попросил у него алмаз взаймы, чтобы в качестве залога использовать его для получения ссуды – на эти средства Генрих рассчитывал нанять солдат. Санси отослал ему алмаз со слугой-швейцарцем, но посылка не дошла до короля: посыльный пропал! Поползли слухи, что слуга попросту сбежал с драгоценным камнем. Твердо веря в его честность, Санси потратил много усилий на поиски пропавшего. Наконец, ему удалось узнать, что слуга был убит в Альпах разбойниками, а тело его погребено местными крестьянами. Приехав на место захоронения, Санси приказал откопать тело слуги. При вскрытии в желудке погибшего был обнаружен алмаз…

Позже Санси были назначен французским послом в Англию. Там, нуждаясь в деньгах, он продал алмаз королеве Елизавете (по другой версии – ее преемнику, королю Якову I). Во всяком случае, уже в 1605 году алмаз хранился в королевской сокровищнице в Тауэре, о чем свидетельствует инвентарная опись, в которой алмаз впервые появился под именем «Санси».

«Санси» оставался в Англии до 1688 (согласно другим сведениям – до 1669) года. После казни короля Карла I его вдова Генриетта-Мария передала драгоценный камень граф Уорчестерскому, от которого алмаз перешел к Якову II, последнему королю из династии Стюартов.

Потерпев поражение в сражении при Бойне, он бежал во Францию. Так алмаз снова оказался на французской земле *6 По другим источником, алмаз привезла во Францию в 1669 году королева Генриетта-Мария, вдова казненного Карла I. Нуждаясь в деньгах, она заложила алмаз герцогу Эпернону за 460 тысяч ливров. В 1657 году кардинал Мазарини оплатил долги герцога, взамен завладев его драгоценностями. Позже он завещал алмаз королю Людовику XIV. – Примеч. авт.* .

Король Людовик XIV гостеприимно принял своего собрата-изгнан-ника, но, увы, кроме крова ничем не мог помочь ему. Отчаянно нуждавшийся в деньгах Яков II начал распродавать свое имущество, и, наконец, был вынужден расстаться с алмазом. В 1695 году он продал его Людовику XIV за 25 тысяч фунтов.

Людовик XIV носил бриллиант в аграфе – нарядной застежке на шляпе. Впоследствии драгоценный камень был вставлен в корону французских королей, которой венчали на престол Людовика XV и Людовика XVI. А во время революции, в августе 1792 года, алмаз был украден из Гар-де-Мейбл вместе со всеми другими драгоценностями французской короны. Позже часть сокровищ была найдена. Однако

знаменитый алмаз, казалось, исчез бесследно.

По поручению императора Наполеона несколько агентов искали по всей Европе следы пропавшего камня. Одному из них, по имени Блейвейс, удалось обнаружить их в Вене, где, по слухам, продавался бриллиант, по описанию похожий на «Санси». Вернувшись из Австрии, Блейвейс доложил Наполеону, что выставленный на продажу камень весит лишь 50 карат, а не 53,33, как «Санси»; кроме того, он имеет коричневатый оттенок.

Вновь знаменитый алмаз объявился на свет только в 1828 году. Остается неизвестным – где он мог находиться без малого сорок лет? В литературе можно встретить глухие намеки на Испанию и испанскую королевскую семью, но никаких фактов, подтверждающих это, нет, так что всерьез относиться к подобным намекам не следует. Зато точно известно, что по крайней мере два года – с 1828 по 1830-й – алмаз находился в собственности герцогини Беррийской, дочери короля обеих Сицилий Франциска I. Она была женой, а после 1820 года – вдовой герцога Беррийского Шарля Фердинанда. Именно у нее через парижского маклера Мана Фриделейна алмаз приобрел за 500 тысяч франков Павел Николаевич Демидов, член семейства известных уральских промышленников, владелец железоделательных и медеплавильных заводов.

О покупке «Санси», который в свое время являлся достоянием государства, стало широко известно. Французское правительство предъявило судебный иск Демидову, обвинив его в том, что он приобрел краденую вещь. Обвиняемый пригласил лучшего адвоката Франции. Тот всеми силами из месяца в месяц, из года в год оттягивал слушание дела «О покупке краденого бриллианта». В конце концов честь Демидова спасла герцогиня Беррийская. Явившись в суд, она заявила, что «Санси» – один из принадлежащих ей бриллиантов и она, чтобы избежать лишнего шума, продала его через подставное лицо. А к ней бриллиант попал от ее бабки, которая получила этот драгоценный камень в подарок от Людовика XVI. Вся эта история обошлась Демидову в 150 000 франков, но в итоге он был реабилитирован и в 1835 году наконец смог вступить в обладание алмазом.

К тому времени «Санси» уже был повторно огранен. Вес его был определен в 53,5 карата по расчету, произведенному в Минералогическом обществе действительным членом его А.А. Дювалем, большим знатоком драгоценных камней. Он утверждал, что уплаченная Демидовым сумма в 500 000 франков не определяет истинной стоимости камня, который стоит «несравненно больше».

В 1836 году Демидов подарил бриллиант своей невесте – финке Авроре Карловне Шернваль. Он преподнес ей алмаз в платиновой шкатулке, инкрустированной драгоценными камнями. Кроме бриллианта в ней лежало четырехрядное ожерелье из жемчужин размером с лесной орех.

Спустя три года П.Н. Демидов скончался. После смерти мужа Аврора Шернваль-Демидова появлялась в обществе только в темных однотонных туалетах. Но ее шею всегда украшал алмаз «Санси», висящий на платиновой цепочке. Несколько лет спустя он вышла замуж за гвардейского офицера Андрея Николаевича Карамзина, сына известного русского писателя и историка Н.М. Карамзина. В мае 1854 года А.Н. Карамзин погиб на войне. Так обладательница драгоценного камня во

второй раз осталась вдовой. Впору говорить о «проклятье» алмаза…

А.К. Шернваль-Демидова-Карамзина прожила долгую жизнь и скончалась лишь в 1902 году. Однако история алмаза «Санси» остается не вполне ясной. Практически не сохранилось документальных свидетельств того, кто и когда стал новым владельцем камня. По этому поводу в отечественной литературе было высказано немало различных спекуляций, и лишь сравнительно недавно истинная история камня стала известна широкой публике.

У А.К. Шернваль от брака с П.Н. Демидовым был сын – Павел Павлович Демидов, имевший очень большое состояние. Кроме уральских заводов в России, ему принадлежали виллы и дворцы за границей.

Неясно когда именно, но не позже 1865 года к нему перешел и алмаз «Санси». В 1865 году камень, по слухам, был продан Демидовым за 20 тысяч фунтов одной лондонской фирме, которая приобрела его по заказу покупателя из Индии – Джамсетджи Джиджибхи из Бомбея. Возможно, он был всего-навсего подставным лицом, а истинным покупателем был некий индийский магараджа *7 Это утверждение, часто встречающееся в различных источниках, по-видимому, следует считать ошибочным; скорее всего, речь идет о другом камне массой 60,4 карата. – Примеч. авт.*

В 1867 году алмаз экспонировался на Всемирной выставке в Париже; в 1906 году его приобрел лорд Уильям Уолдорф Астор (кто представлял бриллиант на выставке и у кого лорд Астор купил его – неизвестно) в качестве свадебного подарка своему сыну (позже второму виконту Астору), женившемуся на Нэнси Вирджинии Лангорн. Леди Астор, ставшая первой женщиной – депутатом английского парламента, носила алмаз «Санси» в диадеме, которую надевала в особо торжественных случаях.

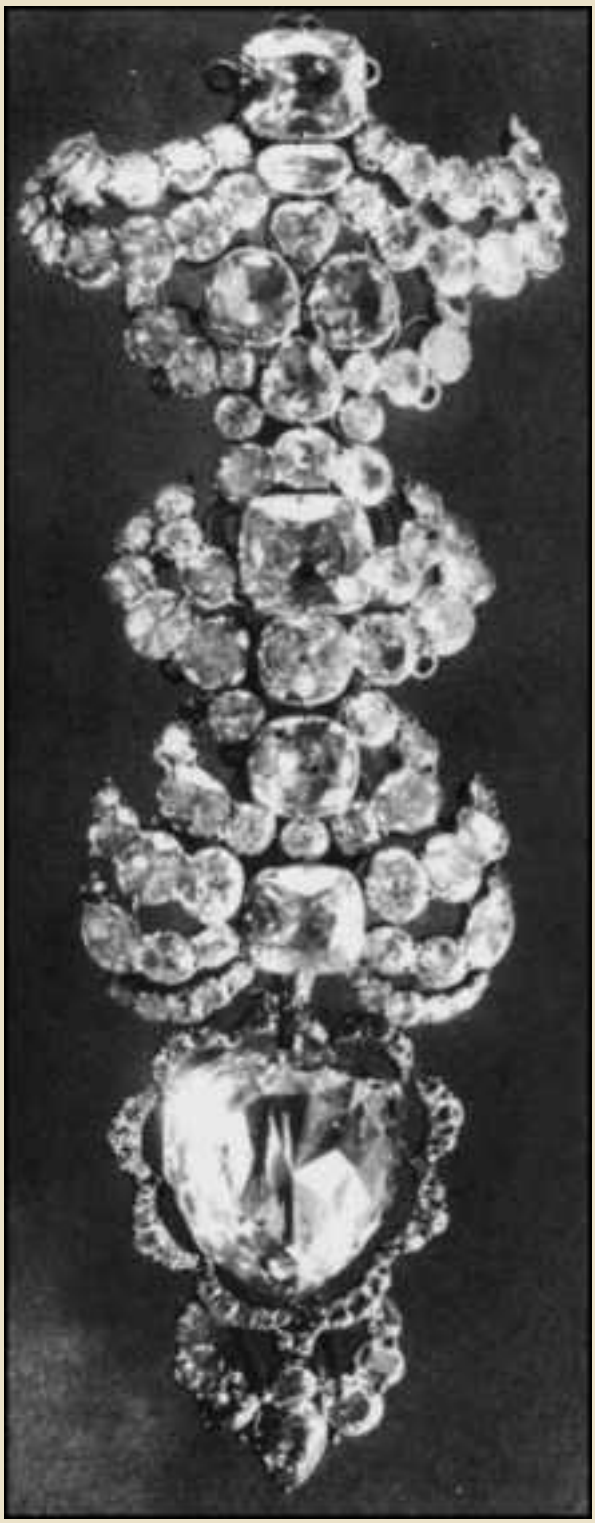
В 1962 году леди Астор дала алмаз «напрокат» для демонстрации в парижском Лувре на выставке «Десять веков французского ювелирного дела». После ее смерти в 1964 году британское правительство объявило алмаз национальным достоянием, однако в 1978 году четвертый виконт Астор продал «Санси» Франции, как считается – за 1 миллион долларов. Ныне исторический алмаз выставлен на всеобщее обозрение в Лувре.

Алмаз «Флорентиец»

Местонахождение неизвестно

Этот легендарный лимонно-желтый алмаз в 137,27 карата известен под несколькими именами – «Флорентиец», «Тосканец», «Великий герцог Тосканы», «Австрийский», «Австрийский Желтый». О том, как он выглядел, сегодня могут рассказать лишь несколько старых чернобелых фотографий, сделанных до 1921 года, да рисунок известного путешественника и торговца драгоценными камнями Жана-Батиста Тавернье. Этот рисунок опубликован в его книге «Шесть путешествий Жана-Батиста Тавернье», изданной в Париже в 1676 году, и изображает девятиугольный, ограненный «розой» камень в форме щита. Тавернье видел этот алмаз в 1657 году во Флоренции, в числе сокровищ великого герцога Тосканского.

Рассказы о ранней истории «Флорентийца» основаны на ненадежных источниках.

Считается, что это один из древнейших известных алмазов. Он попал в Европу из Индии в XIV столетии. Ювелир Людвиг ван Беркен

огранил его для Карла Смелого, герцога Бургундского (1433–1477). По преданию,

Карл потерял алмаз в 1467 году на поле битвы при Грансоне. Камень нашел солдат-швейцарец (по другой версии – местный крестьянин) и, полагая, что это просто кусок желтоватого стекла, продал его всего-навсего за 1 флорин (флорин – золотая или серебряная флорентийская монета, имевшая широкое хождение в средневековой Европе).

После этого алмаз прошел через множество рук. Он принадлежал миланскому герцогу Сфорца, затем папе Юлию II, потом перешел в собственность тосканских герцогов Медичи. Подлинная история камня начинается только с середины XVII столетия.

Когда последний представитель семейства Медичи умер, алмаз вместе с титулом великого герцога Тосканского достался Франциску Стефану Лоррену. Он женился на австрийской императрице Марии-Терезии; с ним в Вену переехал и алмаз. Он был помещен в собрание драгоценных камней короны Габсбургов во дворце Хофбург; уже в то время стоимость «Флорентийца», в пересчете на современные деньги, составляла 750 тысяч долларов.

На протяжении полутора столетий камень оставался в собственности Габсбургов и был выставлен для широкого обозрения в Музее истории искусств в Вене. В 1918 году, после падения Австро-Венгерской империи, семья свергнутого императора Карла, отправляясь в изгнание в Швейцарию, взяла «Флорентиец» с собой. После 1921 года все сведения о камне исчезают. Предполагается, что алмаз похитил некий человек, близкий к семейству экс-императора, и вывез его в Южную Америку. Циркулировали слухи, что некий большой желтый алмаз в 1920-х был привезен в США, там был переогранен и продан.

Многолетние розыски «Флорентийца» были безуспешны. По всей видимости, алмаз действительно был повторно огранен – ведь из-за необычной формы «Флорентиец» очень легко опознать, а следовательно, любая попытка продать его заведомо была обречена. Сегодня в мире имеются лишь четыре лимонно-желтых алмаза весом более 70 каратов. Три из них подозрений не вызывают – их происхождение известно. Но вот желтый алмаз, который был выставлен (и куплен) на аукционе в Швейцарии в 1981 году, вызвал повышенный интерес у специалистов. Из бесед с пожилой женщиной, выставившей алмаз на аукцион, удалось узнать, что в ее семье камень появился вскоре после Первой мировой войны. Она помнила, что алмаз сперва был очень необычной формы, но ее отец распорядился переогранить его…

Неужели следы пропавшего «Флорентийца» нашлись? С полной уверенностью, увы, утверждать это не возьмется никто. Алмаз бургундских герцогов и римских пап, правителей Флоренции и австрийских императоров официально по-прежнему числится в розыске.

Алмаз «Шах»

Местонахождение: Государственный Алмазный фонд, Москва, Россия

Этот почти не обработанный, по форме напоминающий брусок желтовато-коричневый алмаз массой 88,7 карата (считается, что первоначально он весил 95 каратов; потеря веса при огранке была небольшой и составила около 5 каратов) некогда хранился в сокровищнице Великих Моголов. Он отличается безукоризненной чистотой и представляет собой сильно вытянутый природный кристалл-октаэдр. Часть граней сохранилась в естественном виде.

Ранняя история алмаза, подобно другим индийским алмазам, во многом остается неясной. Вполне возможно, что именно «Шах» был тем самым камнем в 80–90 каратов, который, по рассказам Тавернье, некогда украшал центральную часть знаменитого «Павлиньего трона» и был окружен множеством изумрудов и рубинов. До сих пор на нем сохранилась круговая бороздка глубиной около 0,5 мм, через которую, по-видимому, проходил шнурок или цепочка для подвески камня.

Алмаз был найден, скорее всего, в Голконде не ранее середины XVI века. На одной из его пришлифованных поверхностей выгравирована

арабская надпись «Бурхан-Низам-Шах II. 1000» (1000 г. хиджры=1591 г. от Рождества Христова), сохранившая имя одного из первых владельцев камня – Бурхан-Низама, правителя небольшого индийского княжества Ахмаднагар.

Первый владелец алмаза, по всей вероятности, недолго любовался чудесным камнем, поскольку Моголы уже в 1595 году подчинили себе Ахмаднагар. Надпись на другой грани алмаза сделана уже императором из династии Великих Моголов, Шах Джаханом (1628–1658): «Сын Джехангира – Джахан Шах. 1051» (1651 г.).

Технические приемы создания мастерами XVI–XVII веков удивительной по четкости, резкости, чистоте и изяществу исполнения гравировки остаются загадкой до настоящего времени. Кроме того, эти надписи, сделанные на камне по приказу некоторых его бывших владельцев, отчасти позволяют воссоздать историю алмаза. Третья надпись относится уже к 1824 году: «Каджар Фатх-Али-шах, 1242» (1824 г.). Фатх-Али – шах Ирана из Каджарской династии, он правил страной в 1797–1834 годах. Но какими путями алмаз попал в Персию? Неизвестно. Наиболее вероятное объяснение – то, что он стал частью добычи, захваченной Надир-шахом в 1739 году во время разгрома Дели.

30 января 1829 года во время беспорядков, охвативших Тегеран, был убит русский посол, автор комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедов. Убийство дипломата грозило серьезными политическими осложнениями. Для разрешения конфликта в Петербург был направлен принц Хосров-Мирза. Во искупление происшедшего он передал царю Николаю I алмаз, который таким образом стал «ценой крови» Грибоедова. Позднее этот камень получил название «Шах» и вошел в число драгоценностей российской короны. Ныне он хранится в Алмазном фонде в Москве.

Рубин «Черный принц»

Местонахождение: замок Тауэр, Лондон, Великобритания

Во все времена рубин принадлежал к числу наиболее ценных и наиболее желанных камней. Однако большинство самых известных исторических рубинов, как выяснилось уже в сравнительно поздние времена, являются не рубинами, а всего лишь красными шпинелями. Это, однако, не снижает их исторической ценности (хотя и значительно уменьшает ценность ювелирную).

К числу таких исторических камней принадлежит знаменитый рубин «Черный Принц». Считается, что он был найден в рубиновых копях Бадахшана в Афганистане. Первое документальное свидетельство о его существовании относится к XIV веку. По одной из версий, он вошел в число драгоценностей британской короны в 1377 году, при коронации Ричарда II. По другим сведениям, первоначально им владел Мухаммед, эмир Гранады – мусульманского княжества на юге Пиренейского полуострова. Свергнутый с престола своим братом Абу Саидом, он бежал в Севилью, ища покровительства короля Кастилии Педро Жестокого (1350–1369). Король милостиво принял беглеца и обещал ему всяческую поддержку. Вскоре испанцы вторглись на земли Гранады. Педро Жестокий вызвал Абу Саида на переговоры, обещая полную безопасность; однако когда эмир и его

ближайшие помощники явились в испанский лагерь, король приказал немедленно умертвить их. В числе имущества, захваченного у казненного эмира, оказался огромный рубин размером с куриное яйцо. Этот камень (как выяснилось позже, это был не рубин, а шпинель) и вошел в историю под названием «Черный Принц».

Королю Педро вскоре тоже пришлось отправиться в изгнание: его сверг его сводный брат, Генрих Трастамара. В 1366 году Педро бежал в Бордо, где в эту пору находился двор наследника английского престола Эдуарда, «Черного принца», выдающегося полководца времен Столетней войны. С помощью англичан Педро рассчитывал вернуть себе кастильскую корону и не скупился на обещания щедро вознаградить своих новых союзников. Таким образом, драгоценный рубин перешел в руки «Черного принца» (и оттого приобрел свое наименование), а Педро Жестокий на короткое время вновь завладел троном Кастилии (спустя два года он был убит Генрихом Трастамарой в личном поединке).

25 октября 1415 года, в день битвы при Азенкуре, рубин «Черный Принц» горел алым пламенем на шлеме английского короля Генриха V. Со своей небольшой армией, численность которой уменьшилась до 15 тысяч человек, он отступал к портовому городу Кале. Англичане рассчитывали погрузиться там на суда и вернуться наконец к родным берегам. Однако в Азенкуре им преградила дорогу французская армия во главе с герцогом Алансонским – 50 тысяч человек, по трое на каждого англичанина!

В то серое утро король Генрих – в позолоченной броне, в шлеме, сверкавшим рубинами, сапфирами и жемчугом, – выделялся на фоне однообразных рядов своих пехотинцев, и неудивительно, что французские рыцари первым делом устремились к нему. Однако шлем короля представлял собой нечто большее, чем роскошное изделие декоративноприкладного искусства – он выдержал удар французского меча, при этом и огромный рубин, и сам король остались целыми и невредимыми. Взятый в плен герцог Алансонский (французы потерпели в тот день сокрушительное поражение) был немало удручен последним обстоятельством. Шлем Генриха V сегодня хранится в Вестминстерском аббатстве. На нем хорошо видны две глубоких вмятины – следы от ударов, полученных королем при Азенкуре. Однако большого рубина на шлеме уже нет – ныне он украшает собой Большую Государственную корону Великобритании. А до этого камень прошел через руки многочисленных преемников Генриха V. Считалось, что рубин символизирует стремление к победе, неукротимость духа и самоотверженность. Королева Елизавета I (1558–1603) хранила его в своей частной коллекции, а король Яков I (1603–1625) первым из британских монархов украсил рубином свою корону. Неясно, правда, когда и при каких обстоятельствах в камне было просверлено отверстие (ныне оно прикрыто маленьким рубином), с помощью которого рубин носили на шее, по восточному обычаю. Может быть, это было сделано еще при дворе гранадских эмиров?

В 1649 году, когда к власти пришел Кромвель, а король Карл II казнен, все сокровища, найденные при свергнутом монархе, были расплавлены или проданы по приказу парламента. В числе уничтоженных исторических драгоценностей была и золотая филигранная корона Эдуарда Исповедника – ее разбили на части и продали на вес. «Черный Принц» избежал уничтожения, но был продан за смехотворную цену 4 фунта и 11 шиллингов анонимному покупателю. Лишь в 1660 году камень объявился снова: его неизвестный владелец вернул его королю Карлу II после восстановления династии Стюартов. Рубин был снова установлен в королевской короне. Правда, это не спасло его от нового покушения: полковник Блуд, соблазненный размерами рубина, пытался выкрасть его, и лишь счастливая случайность помешала этому намерению осуществиться.

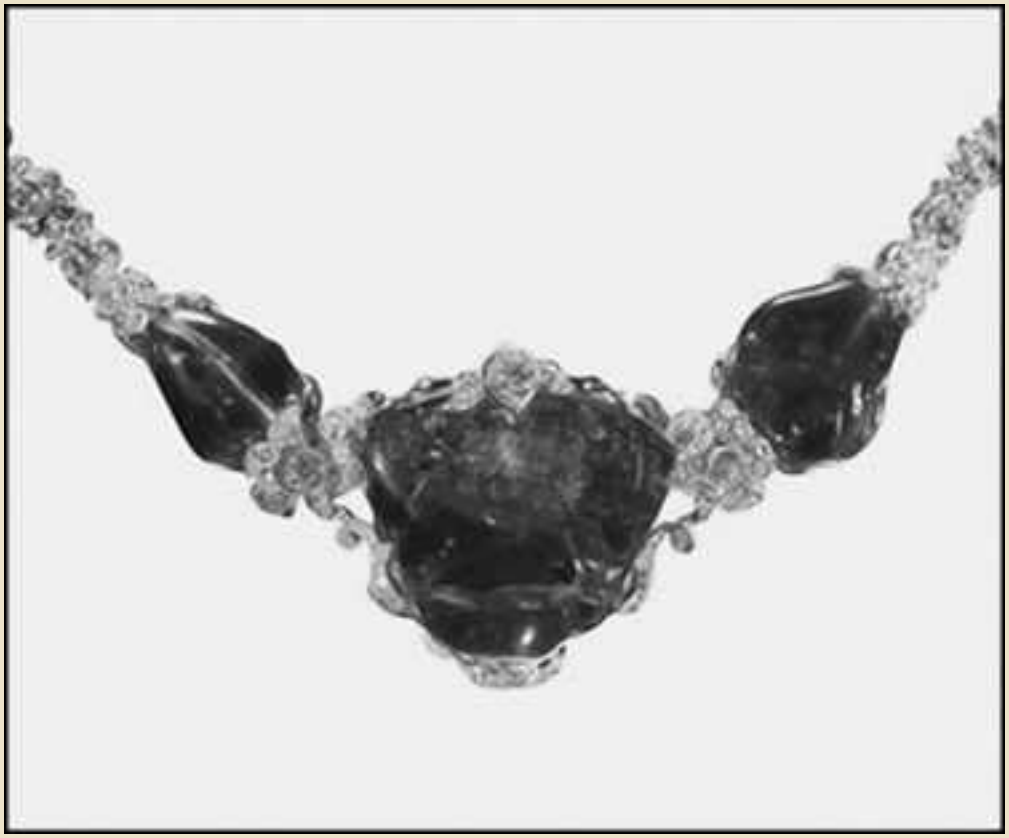
В 1688 году «Черный Принц» под названием «Большой Королевский рубин» использовался в числе драгоценностей при коронации Вильгельма и Марии Оранских. С тех пор рубин неизменно служил украшением парадной короны британских монархов, используемых в самых торжественных случаях. В 1841 году «Черный Принц» благополучно пережил пожар Тауэра, а в 1940 году – бомбардировки Лондона гитлеровской авиацией. Этот исторический камень остается доступным для широкого обозрения наряду с другими королевскими регалиями. Рубин установлен в Большой Государственной короне, выше известного алмаза «Куллинан II». Для улучшения блеска под него подложена золотая фольга. Он почти круглый; диаметр его составляет немногим более 5 см. Точный вес камня неизвестен, но, по оценкам, приблизительно может достигать 170 каратов.

Ну а сколько стоит этот камень? Эксперты, наверное, могут дать ему цену, но они же и предупредят: этот камень нельзя приобрести ни за какие деньги. Ведь ценность его не в деньгах…

Рубин Тимура

Местонахождение: Букингемский дворец, Лондон, Великобритания

Этот овеянный легендами камень массой 352,2 карата, долгое время считавшийся рубином (причем самым большим в мире!) – тоже, как относительно недавно выяснилось, не рубин, а шпинель, вторая в мире по величине. Он не огранен, а потому пропускает мало света, и кажется кроваво-темным. На Востоке он в течение шестисот лет был известен как «Хирадж-и-Алам» – «Дань мира», а на Западе за ним закрепилось название «Рубин Тимура». Предание связывает его происхождение с именем знаменитого завоевателя древности Тимура (Тамерлана).

Историю камня отчасти можно проследить по выгравированным на нем надписям, сделанным арабскими знаками на персидском языке. В первых пяти перечисляются имена правителей из династии Великих Моголов и персидских шахов, в разное время владевших рубином: шах Акбар (1556–1605) и Джехангир-шах (1605–1627), 1021 год хиджры (1612 год от Рождества Христова); Сахиб Киран Сани (Шах Джахан, 1628–1658),

1038 г. хиджры (1628 г.); Аламгир-шах (Ауранг-зеб, 1658–1707), 1070 г. хиджры (1659 г.), Бадшах Гази Махмуд Фарук Сияр (1713–1718), 1125 г. хиджры (1713 г.); Ахмад-шах Дур-и-Дуррани (1748–1772), 1168 г. хиджры (1754 год н. э.). Последняя надпись гласит: «Это рубин из двадцати пяти тысяч подлинных драгоценностей царя царей султана Сахиба Кирана, попавший в Исфахан в году 1153 (1740) из сокровищницы Индостана».

Первоначально на камне были имена и трех его первых владельцев, но позже эти надписи были удалены по распоряжению кого-то из Великих Моголов. Считается, что в числе их было и имя Тимура-Тамерлана. По преданию, камень попал в руки великого завоевателя во время захвата им Дели в 1398 году. Пробыв в Индии немногим более года, Тимур увез камень в свою столицу Самарканд вместе со всей добычей.

После смерти Тимура рубин на протяжении полутора столетий оставался в руках его преемников. После падения династии Тимуридов камень перешел в собственность персидских шахов из династии Сефевидов. Шах Аббас I, наиболее выдающийся представитель этой династии, подарил рубин Великому Моголу Джехангиру (1605–1627). Хамид (1650) и Инаят Хан (1658) утверждают в своих мемуарах, что первоначально на камне были вырезаны имена шаха Мир Шахруха, Мирзы Улугбека и Абдул Латифа – преемников Тимура. Этих имен на нем больше нет, а самая старая надпись содержит имя Джехангира и его отца шаха Акбара и относится к 1612 году. По-видимому, именно Джехангир приказал стереть имена всех своих предшественников. Предание рассказывает, что когда его любимая жена, Нур Джахан, упрекнула Джехангира за то, что он портит такой великолепный драгоценный камень, тот ответил: «Этот камень лучше сохранит мое имя для потомства, чем любая письменная история».

Сменивший Джехангира Шах Джахан именовал себя Сахиб Киран Сани – «Второй господин благоприятствующих планет». Подобным же пышным титулом некогда нарекали Тамерлана, поэтому не вполне ясно, о ком идет речь в последней надписи на рубине, сообщающей о прибытии камня в Исфахан. Эта надпись, по-видимому, была сделана Надир-шахом, захватившим в 1739 году Дели и вывезшим оттуда драгоценности Великих Моголов, включая знаменитый рубин, который, как утверждают некоторые источники, украшал знаменитый «Павлиний трон» Великих Моголов.

После убийства Надир-шаха в 1747 году рубином завладел Ахмад-шах Абдали, также известный как Ахмад-шах Дуррани. Он безуспешно пытался захватить персидский трон, но в итоге был вынужден отказаться от своих притязаний и во главе своих узбекских отрядов ушел на восток и основал собственное государство со столицей в Кабуле, позже получившее название Афганистан. Его имя – последнее из числа выгравированных на рубине.

После смерти Ахмад-шаха в 1772 году драгоценный камень вместе со знаменитым «Кох-и-Нуром» перешел к его сыну Тимуру, а затем к младшему сыну Тимура – Шуя-уль-Мулку. Последний, оказавшись на условиях почетного пленника у махараджи Пенджаба Ранджита Сингха, был вынужден расстаться со всеми своими сокровищами, включая знаменитый алмаз и не менее знаменитый рубин.

Вплоть до 1849 года «Рубин Тимура» оставался в Лахоре. Вместе с тремя меньшими по размеру шпинелями в 96, 74 и 35 каратов он являлся

частью драгоценного ожерелья с алмазами и составлял часть парадного облачения раджи. После поражения Пенджаба во Второй сикхской войне все сокровища пенджабских раджей перешли в собственность Английской Ост-Индской компании. В спешке к ним не особо присматривались, и лишь «Кох-и-Нур» удостоился особой чести быть отправленным со специальными посланцами в Лондон ко двору королевы Виктории. Остальные камни были доставлены в Англию обычным рейсовым пароходом. В описи драгоценностей ожерелье с «Рубином Тимура» значилось как «короткое ожерелье из четырех очень крупных шпинелей-рубинов». На протяжении шестидесяти лет исторический камень оставался в забвении, пока в начале 1900-х годов кто-то не перевел выгравированные на нем надписи. Таким образом исторический камень удалось опознать. Ныне он хранится в частном собрании королевы Елизаветы II и экспонируется в Индийской комнате Букингемского дворца.

Сапфир Стюарта

Местонахождение: замок Тауэр, Лондон, Великобритания

Сапфир Стюарта – один из двух исторических сапфиров, хранящихся в собрании драгоценностей английской короны. Этот крупный – 1,5 дюйма в длину и дюйм в ширину, массой 104 карата – овальный камень глубокого синего цвета (его красоту несколько портят два посторонних вкрапления) принадлежит к числу всемирно известных драгоценностей и имеет полулегендарную историю, начало которой теряется в глубиневеков.

О происхождении сапфира можно только гадать. По всей видимости, когда-то его носили на шее, подобно кулону – в одном конце камня просверлена канавка для подвешивания, что является довольно обычным для Востока. Самые ранние упоминания о нем (хотя и малодостоверные) относятся к 1214 году. Как считается, этот камень украшал собой корону шотландского короля Александра II во время его коронации. В 1296 году, во время захвата англичанами Шотландии, сапфир достался английскому королю Эдуарду I (1272–1307). Позже король Эдуард III (1327–1377) вернул камень на его «историческую родину», подарив сапфир своему зятю, шотландскому королю Давиду II. Тот, в свою очередь подарил камень своей сестре Маргарите Брюс. Она вышла замуж за Уолтера Стьюарда, и от этого брака берет свое начало род Стюартов, представители которого позже правили Англией и Шотландией.

Дальнейшая история камня не вполне ясна; возможно, он оставался фамильной драгоценностью Стюартов, переходя по наследству из рук в руки. По другой версии, камень какими-то путями попал к английскому королю Эдуарду IV (1461–1483), который украсил им государственную корону. Достоверно известно, что в XVII веке сапфиром владел король Карл II Стюарт, казненный в 1649 году; его сын Яков II, последний король из династии Стюартов, свергнутый с престола и бежавший в 1688 году во Францию, захватил камень с собой. Позже он подарил его своему сыну Карлу-Эдуарду, претендовавшему на английский трон, а тот, в свою очередь, передал его своему сыну Генри Бентинку, герцогу Йоркскому. Бентинк принял духовный сан и был более известен под именем кардинала Йоркского. Он жил во Франции, а с началом революционной резни в 1789 году бежал из Парижа в Венецию. Английский король Георг III (1760–1820) близко к сердцу принял бедственное положение своего дальнего родственника, в жилах которого текла кровь монархов Англии и Шотландии, и назначил кардиналу Йоркскому пожизненную пенсию, которую тот исправно получал вплоть до своей смерти в 1807 году. Умирая, кардинал завещал сапфир вместе с другими реликвиями семейства Стюартов принцу Уэльскому – наследнику английского престола и регенту при больном Георге III. Позже он взошел на английский трон под именем Георга IV (1820–1830).

Некоторое время сапфир находился у дочери принца-регента, Шарлотты, а после ее смерти им распоряжался ее муж Леопольд. Став королем, Георг IV настоятельно потребовал вернуть сапфир в число драгоценностей британской короны. Однако когда Леопольд после некоторого сопротивления все же вернул камень, сапфир, вместо того,

чтобы поступить в королевскую сокровищницу, заблистал на шее леди Каннингэм – фаворитки короля, для которой Георг IV, как говорили злые языки, не жалел ни своей, ни государственной казны. Лишь после смерти Георга сапфир окончательно вернулся в лондонский Тауэр, где хранятся все королевские регалии. А в 1838 году он наряду с рубином «Черный Принц» украсил Большую Государственную корону королевы Виктории. Первоначально сапфир располагался в передней части венца, но в 1909 году его заменил знаменитый бриллиант «Куллинан II», а сапфир Стюарта был перемещен на противоположную сторону короны. Драгоценный камень продолжает украшать королевский венец до сего дня и наряду с другими английскими королевскими регалиями выставлен для широкого обозрения в лондонском Тауэре.

Сапфир Святого Эдуарда

Местонахождение: замок Тауэр, Лондон, Великобритания

Сапфир Святого Эдуарда – второй исторический сапфир, хранящийся в числе британских королевских драгоценностей. Он установлен в центре креста на вершине Большой государственной короны королевы Виктории. Это камень не только исключительного цвета и блеска, но и с богатой историей, уходящей вглубь веков даже дальше, чем история знаменитого рубина «Черный Принц».

Легенда связывает название сапфира с именем англосаксонского короля Эдуарда Исповедника (1042–1066). По преданию, он был вставлен в коронационный перстень при коронации Эдуарда в 1042 году. Поверья приписывали этому камню необыкновенные свойства: считалось, например, что он способен избавить от судорог.

Рассказывают, что король Эдуард Исповедник очень восхищался Св. Иоанном Евангелистом. И однажды утром у стен Вестминстера он встретил нищего. Денег у короля с собой не оказалось, и он отдал нищему свой перстень с сапфиром.

Некоторое время спустя два англичанина, отправившись в паломничество в Святую Землю, попали в Сирии в песчаную бурю. Паломникам уже грозила гибель, как вдруг дорога перед ними внезапно осветилась, и к ним приблизился старик, предшествуемый двумя юношами, несущими свечи. Узнав, что паломники эти англичане, а Эдуард является их королем, старик привел их к гостинице, где они нашли ночлег и пропитание.

На следующее утро, когда паломники отправлялись в дальнейший путь, старик вышел их проводить. Он снял с пальца кольцо и протянул его англичанам со словами: «Верните его вашему доброму королю». Путники очень удивились: каким образом этот сириец может знать их короля?

В ответ на это старик рассказал им историю, случившуюся у стен Вестминстера, а на расспросы паломников – кто он? – ответил: «Я – Иоанн Евангелист. Когда вернетесь в Англию, передайте королю Эдуарду, что через шесть месяцев я буду рад встретиться с ним в раю».

Возвратившись в Англию, путешественники отдали кольцо королю и рассказали о необыкновенной встрече. Эдуард с удивлением узнал свой перстень, а когда паломники передали ему слова Иоанна, начал приготовления к смерти. Он действительно умер шесть месяцев спустя и был похоронен в Вестминстерском аббатстве с перстнем на пальце. Спустя двести лет его могила была вскрыта; перстень с сапфиром забрали и отдали правящему королю. С тех пор сапфир Святого Эдуарда входит в число драгоценностей британской короны. Он огранен в форме «розы», но, по всей видимости, это не первоначальный его вид; переогранка, как считают, была сделана во время правления Карла II (1625–1649).

Жемчужина «Ла Перегрина»

Местонахождение: частная коллекция, США

Жемчуг – «творение раковин», «слезы моря», «небесная роса», «пыльца лотоса»… Этот камень органического происхождения, не нуждающийся ни в огранке, ни в дополнительной обработке, ценился во все времена. Почти с уверенностью можно считать жемчуг первой драгоценностью, ставшей известной человечеству.

Сведения о нем появляются уже на заре человеческой истории. Жемчуг упоминается на страницах священных книг главнейших мировых религий – Библии, Корана и Талмуда. Украшения из жемчуга находят в древнеегипетских гробницах и в могилах правителей Древнего Китая. Греки верили, что жемчуг – это окаменевшие капли воды, упавшие с волос Афродиты, родившейся из пены морской, а японцы считали его слезами Амы – богини моря, оплакивающей свою дочь, прекрасную принцессу Кацуко, похищенную злым духом. Древние индийские тексты, написанные на санскрите, повествуют, что бог Кришна принес жемчуг из глубин моря в качестве свадебного подарка своей дочери; до сих пор в Индии формальности брачной церемонии считаются не полностью соблюденными, если невеста, невзирая на ее социальный статус, во время бракосочетания

не имеет на себе жемчуга. А в средневековой Европе существовала легенда, что это ангелы скрывают в раковинах слезы сирот и безвинно пострадавших, превращая их в драгоценности…

Во многих древних религиозных текстах жемчуг служит метафорой жизни, красоты, духовного совершенствования, нередко – небесных врат. В Коране, священной книге мусульман, жемчуг служит образом рая. В различных традициях жемчуг символизирует Луну, воду, женщину; он олицетворяет веру, милосердие, чистоту, истину. Считалось, что жемчуг восстанавливает эмоциональный баланс, способствует духовному преображению. Жемчуг употребляли для лечения заболеваний желудка, расстройств пищеварения, болезней позвоночника и воспалительных процессов. В Китае жемчуг с древних времен употреблялся в косметике, при лечении кожных заболеваний и как любовный напиток. Считалось, что жемчуг правильной формы обладает более мощным лечебным действием.

Настоящий природный жемчуг в основном происходит из Персидского залива, Красного моря, прибрежных вод Австралии и Японии. Раковина, из которой добывают самый высококачественный жемчуг – Pinctada radiata Хотя сама эта ракушка имеет довольно скромные размеры, находящийся в ней жемчуг может достигать до семи миллиметров в поперечнике. Эти раковины добывают в морях, омывающих берега Индии и Цейлона. Драгоценные жемчужины находят и в других видах моллюсков – Pinctada margaritifera, которые обитают в водах Персидского залива, и Pinctada maxima, самой распространенной жемчужнице островов Тихого океана. Розовый жемчуг обычно формируется в раковинах Strombus gigas; иногда жемчужины могут быть голубого, зеленого, редко – желтого цвета. Пресноводный жемчуг, который ценится гораздо меньше, формируется речными раковинами и имеет обычно неправильную форму.

Сохранилось множество исторических свидетельств того, что в древности жемчуг считался огромной ценностью. Александр Македонский требовал, чтобы покоренные им города выплачивали ему контрибуцию жемчугом. Римский писатель и ученый Плиний Старший считал жемчуг вторым по стоимости драгоценным камнем – после алмаза и перед изумрудом. В Римской империи он был настолько популярен, что даже существовал закон, который ограничивал аристократов в количестве жемчуга, которым они имели право владеть. Ради обладания им шли на любые жертвы: известно, что Юлий Цезарь заплатил огромную по тем временам сумму за одну исключительно красивую жемчужину.

Не меньше ценился жемчуг и во времена Средневековья, когда им украшали алтари, оклады икон, церковные облачения. Жемчуг всех форм и размеров наполнял сокровищницы всех монархов мира – от Японии и Китая до Англии и Португалии. Некоторые из сохранившихся от той поры уникальных произведений ювелирного искусства хранятся сегодня в ведущих музеях мира – Британском, Лувре, Эрмитаже, Оружейной палате, в музеях Берлина, Дрездена, Вены и других городов.

Жемчуг не столь долговечен, как другие драгоценные камни; он может «болеть», и даже умирать, рассыпаться в пыль. Считается, что средняя продолжительность жизни одной жемчужины составляет 150–200 лет. Однако сохранились жемчужные украшения, возраст которых составляет 400 и более лет, а в парижском Лувре хранится жемчужное ожерелье, датируемое IV веком до н. э. Его владелицей была древнеперсидская принцесса. Еще более древен жемчуг, найденный в Японии на археологических памятниках, относящихся к культуре Дземон, – его возраст составляет 5500 лет!

На протяжении многих лет основная часть жемчуга поступала в европейские страны из Центральной Америки, где испанские конкистадоры открыли острова, сказочно богатые жемчугом. Этот архипелаг получил название островов Жемчуга (Islas las Perlas), а его главный остров окрестили Богатым – Исла-Рика (Isla Rica). Местные индейцы украшали жемчугом свои одежды, и даже хижины и каноэ; их вождь Тумако был обвешан жемчугом с головы до ног. Некоторые жемчужины поражали

воображение: они были размером с перепелиное яйцо! Отдельные жемчужины были столь огромны и прекрасны, что получили собственные имена и имеют собственную историю.

Наиболее известна история жемчужины «Ла Перегрина» («Пилигримка»). Огромная, белоснежная, размером с голубиное яйцо и массой 112 гран (более 7 г), она имеет овальную форму и выглядит почти прозрачной. Эта жемчужина была найдена в 1560 году черным рабом-ныряльщиком у побережья островов Жемчуга. Испанские колониальные власти сочли находку столь ценной, что даровали рабу свободу. Дон Диего Темес доставил жемчужину в Испанию и преподнес ее королю Филиппу II, который, в свою очередь, отправил ее в качестве свадебного подарка своей невесте, английской принцессе Марии Тюдор. После ее смерти жемчужина вернулась в Испанию. «Ла Перегрина» оставалась в числе драгоценностей испанской короны до 1813 года, когда ее вывез во Францию Жозеф Бонапарт. Позже она совершила настоящее странствие по королевским дворам Европы, побывав в руках и Наполеона III, и королевы Виктории. Предпоследним ее владельцем был герцог Аберкромби. В 1969 году он продал историческую жемчужину на аукционе Сотбис в Нью-Йорке за 37 000 долларов. Ее приобрел известный американский актер Ричард Бартон в качестве подарка для своей не менее известной супруги – киноактрисы Элизабет Тейлор. «Ла Перегрина» остается у нее по сей день. Несколько лет назад актриса, к своему ужасу, потеряла жемчужину. После долгого поиска драгоценность была наконец найдена в… пасти ее любимой собаки.

Жемчужина Марко Поло

Местонахождение: частная коллекция, Объединенные Арабские Эмираты

Завоевания монголов проложили европейцам дорогу в далекий Китай, и западные купцы не замедлили этим воспользоваться. В XIII – начале XIV века торговля с Востоком из рук персов и арабов переходит к итальянским городам-республикам, и в первую очередь к Венеции. Среди смелых и предприимчивых венецианских купцов, которые вели торговые дела с Востоком, были два брата Поло – Маттео и Никколо. В 1254 году они нагрузили товарами галеру и отплыли в Константинополь. Оттуда братья отправились в Крым, потом на Волгу, а с Волги в Бухару. В Бухаре они прожили три года, а потом поехали в Китай и достигли Ханбалыка – столицы монгольского императора Хубилая.

Братья Поло были приняты Хубилаем и преподнесли ему богатые подарки. Они сумели завоевать расположение хана и оказаться полезными при его дворе. В Китае братья Поло пробыли несколько лет. Они выгодно распродали свои товары, накупили китайских изделий, чтобы еще прибыльнее сбыть их в Венеции, и пустились в обратный путь. Когда они уезжали из ханской столицы, Хубилай дал им письмо к папе римскому. В этом письме он просил прислать в Китай ученых людей, сведущих в науках и в христианском учении.

После многих лет странствий, в 1269 году, венецианцы опять увидели дворцы и каналы родного города, откуда уехали пятнадцать лет назад. Прожив дома три года и закупив новые товары, Никколо и Маттео вновь отправились в далекий Китай. На этот раз они взяли с собой семнадцатилетнего Марко, сына Никколо. Хан Хубилай хорошо принял купцов, которые еще в первый свой приезд богатыми подарками и своей сметливостью сумели расположить к себе хана. Трое венецианцев 17 лет пробыли на службе у китайского императора. Марко Поло быстро освоился в новой для него стране, научился говорить на чужих языках и благодаря природной смышлености и живому уму вскоре приобрел покровительство и доверие самого Хубилая. Хан давал ему важные поручения, требовавшие разъездов по обширной стране. Марко Поло оказался вполне достойным этого доверия, так как отличался выдающимися способностями. Выполняя поручения императора, Марко Поло смог постепенно объехать почти все провинции Китая. В течение трех лет он был даже губернатором одной из южных областей.

В 1295 году Марко Поло, его отец и дядя возвратились в Венецию. Рассказывают, что когда три путника в странных одеждах, обветренные и загорелые, подошли к родовому дому Поло, их поначалу отказались принять. Давно уже прошел слух, что они погибли на чужбине…

Из своего необыкновенного странствия венецианцы привезли немало всяких диковин, одной из которых стала удивительная жемчужина. По тем временам это была, вероятно, самая большая жемчужина в мире. Ее подарил Марко Поло сам император Хубилай, а ранее она принадлежала персидским царям и китайским императорам. Марко Поло стал первым

европейцем, в руки которого попало это несравненное сокровище. Местом происхождения жемчужины, по-видимому, является Персидский залив. Она имеет неправильную форму и удивительный цвет – при преобладании белого жемчужина переливается голубоватыми, розовыми и кремовыми оттенками. Ее размеры составляют 79 х 41 х 34 мм, весит жемчужина 575 каратов. Как установили специалисты, за долгую историю ее трижды просверливали – в первый раз для того, чтобы украсить диадему неизвестной женщины, во-второй – чтобы ее можно было поместить на тюрбан или корону персидского царя в числе других драгоценных камней, и в третий раз – чтобы украсить китайский церемониальный костюм. В настоящее время жемчужина отреставрирована и восстановлена в первоначальном виде.

В настоящее время жемчужина Марко Поло, или «жемчужина Арко Валлей» (это название она получила потому, что в XIX столетии принадлежала семейству австрийских графов Арко ауф Валлей), находится в частных руках. Имя владельца не разглашается. В начале мая 2007 года жемчужина была выставлена на аукцион в Дубае (Объединенные Арабские Эмираты) по головокружительной цене: начальная стоимость была определена в 8 миллионов долларов. Свой интерес к уникальной реликвии проявили потенциальные покупатели из стран Персидского залива, Китая, США, Индии и Великобритания. Однако за два часа до начала аукцион был отменен: пришла печальная новость о том, что в автокатастрофе погиб племянник президента Объединенных Арабских Эмиратов шейх Халифа бин Сайед ал-Найян. Владельцы жемчужины не отказались от своего намерения продать ее, но новая дата аукциона пока неизвестна, так что реликвия пока хранится в сейфе банка в АбуДаби.

Книги на все времена

Кумранские свитки

Местонахождение: «Храм Книги» (часть Музея Израиля), Иерусалим, Израиль

Весной 1947 года в районе Мертвого моря, в горах Рас-Фешха была сделана необычная находка. Два мальчика-бедуина, отправившиеся на поиски отбившейся от стада козы, заметили узкую расселину в скале. Расселина вела в небольшой грот, а точнее, извилистый коридор, размеры которого составляли приблизительно 8 метров в длину, 2 метра в ширину и 2,5–3 метра в высоту. То, что арабы увидели в пещере, было совершенно неожиданным: здесь, посреди разбросанных черепков и мусора, стояли восемь плотно закрытых крышками глиняных кувшинов. Все они оказались пустыми, кроме одного: в нем находились три кожаных свитка, завернутые в старую полотняную ткань. Внутренняя сторона свитков была исписана какими-то буквами.

Оба бедуина были неграмотны, но сразу поняли, что перед ними – старинные вещи, которые можно выгодно продать. Они забрали с собой кожаные свитки и несколько кувшинов, чтобы показать их торговцам древностями в Вифлееме.

Так начался долгий путь таинственных свитков, которым спустя два года суждено было стать настоящей мировой сенсацией. Часть из них

попала к главе христиан-якобитов Мар Афанасиосу Иошуа Самуилу, архиепископу Иерусалима. Поняв, что перед ним – фрагменты текстов Ветхого Завета, сделанные на древнееврейском языке, он предпринял попытку определить возраст этих рукописей. По его просьбе специалисты Американской школы восточных исследований в Иерусалиме Дж. Тревер и У. Броунли провели экспертизу свитков. Фотокопии рукописей были направлены одному из самых крупных специалистов в области исследований Палестины – профессору Уильяму Ф. Олбрайту. Олбрайт не выразил никаких сомнений в подлинности рукописей и определил, что тексты написаны приблизительно за сто лет до нашей эры.

Мировая наука не знала до сих пор ничего подобного. Самая древняя из известных к тому времени древнееврейских рукописей Ветхого завета – так называемый «Каирский кодекс» – относится к IX веку н. э. Так что находка ветхозаветных текстов, имеющих возраст на тысячу лет старше, стала подлинной научной сенсацией огромного значения.

Ученые из Американской школы восточных исследований в Иерусалиме предприняли новые поиски старинных рукописей. В частности, им удалось разыскать те свитки, которые бедуины продали различным торговцам древностями. К месту находки рукописей была направлена

специальная археологическая экспедиция, в состав которой вошли специалисты Иорданского департамента древностей, французской Библейской археологической школы в Палестине и Палестинского археологического музея. Тщательно обследовав грот, ученые собрали осколки глиняных сосудов и около 600 фрагментов кожаных свитков с древними письменами. По расчетам археологов, всего в этой пещере когда-то находилось около 50 сосудов и около 150 свитков. Часть из них, вероятно, была расхищена грабителями еще в древние времена.

Близ первой пещеры в течение нескольких последующих лет было обнаружено еще 11 гротов, из которых было извлечено около 15 000 фрагментов ветхозаветных текстов и несколько сот рукописей светского содержания.

Конечно, всех интересовал вопрос: что за люди оставили в пещерах эти загадочные свитки? Кому могло прийти в голову жить в этой мертвой пустыне, среди голых, лишенных всякой растительности скал? Неужели в древности здесь были какие-то поселения? В начале 1950-х годов археологическая экспедиция во главе с Р. де Во, директором Библейской школы ордена доминиканцев в Иерусалиме, и Д.Л. Хардингом, директором Иорданского департамента древностей, приступила к исследованию расположенного поблизости от загадочных гротов холма Хирбет-Кумран – по-арабски «холм щебня». С конца 1951 года археологи вели здесь планомерные раскопки, продолжавшиеся шесть сезонов. Со всей тщательностью здесь были раскопаны остатки целого комплекса помещений, датируемого, судя по многочисленным находкам сирийских, иудейских и римских монет, 125 годом до н. э. – 75 годом н. э. (близкую дату – от 167 году до н. э. до 233 года н. э. – дал и радио-карбонный анализ свитков). Из 153 найденных при раскопках монет 72 принадлежали ко времени, предшествовавшему правлению царя Ирода Великого (35—4 гг. до н. э.), одна – к эпохе его правления и 80 – к 70-летнему отрезку времени после его правления. Такое распределение монет указывает на то, что поселение на холме Хирбет-Кумран было покинуто в начале царствования Ирода Великого и вновь заселено после него. Из письменных источников известно, что на 7-м году царствования Ирода в Палестине произошло сильное землетрясение. Скорее всего, оно и стало причиной прекращения жизни на поселении. Среди руин Хирбет-Кумрана археологи обнаружили большую трещину в земле, протянувшуюся на 15 метров и повредившую часть построек, – вероятно, это и есть след той давней катастрофы. При этом земля осела почти на полметра и следы этого обвала хорошо заметны и сегодня. Нетрудно также заметить, что в дальнейшем стены были исправлены и восстановлены. Многие другие следы – обрушившиеся, местами почерневшие от пожара постройки, «трехкрылые» римские наконечники стрел – свидетельствуют о том, что около 67–70 годов, во время первого иудейского восстания против Рима, поселение на холме Хирбет-Кумран было взято и разрушено римскими воинами. Вероятно, именно в это смутное время жители Кумрана спрятали священные тексты в пещере, заботливо укутав их в полотняную ткань и поместив в глиняные сосуды. Вероятно, они рассчитывали когда-нибудь вернуться за ними, но никому из них это не удалось – они были убиты, захвачены в плен или рассеяны римлянами.

Но кто именно жил в этом уединенном поселении? На этот счет мнения ученых разделились. Часть исследователей встала на сторону гипотезы, согласно которой Кумран являлся местом обитания ессеев, о которых в свое время писал Плиний Старший:

«На запад от Мертвого моря, на некотором расстоянии от вредоносной прибрежной зоны и вне ее, обитают ессеи – народ уединенный и самый удивительный из всех, без женщин, без любви, без денег, живущий в обществе пальм. Однако они обновляются все время, и к ним во множестве приходят новобранцы – люди, уставшие от жизни или побуждаемые превратностями судьбы избрать их образ жизни. Таким образом, уже тысячи веков существует, сколь это не невероятно, этот вечный народ, в котором никто не рождается. Так, благодаря им приносит свои плоды раскаяние, которое их жизнь возбуждает у других».

Понять, кто такие ессеи, из сообщения Плиния невозможно. Поэтому вокруг гипотезы о ессейском происхождении Кумрана и кумранских свитков развернулась острая дискуссия. По мнению одних ученых, ессеи – члены некоей религиозной секты, которые вели отшельнический образ жизни. Другие исследователи предполагают, что это просто какая-то особая община иудеев. Третья группа исследователей вообще отрицает существование ессеев.

Пролить свет на тайну кумранских свитков могли в первую очередь сами свитки. Для изучения собранного материала – а его количество оказалось огромным – была создана специальная исследовательская группа, в которую вошли специалисты из разных стран. Состояние попавших в их руки документов было ужасающим: очевидно, в древности существовала традиция не уничтожать старые, истрепанные рукописи священных текстов, а хоронить их в укромных местах. А за истекшие две тысячи лет над ними еще основательно «поработало» время. И теперь перед учеными лежали изношенные, частично разорванные, полуистлевшие, изъеденные насекомыми и грызунами кожаные свитки. Прежде чем прочитать, их необходимо было укреплять и восстанавливать. Можно представить себе, какой колоссальный труд требуется для того, чтобы расправить каждый обрывок, предварительно увлажнив его водяным паром, затем сфотографировать его в инфракрасных лучах, затем классифицировать по характеру письма и качеству кожи, наконец, попытаться подобрать к нему другие отрывки, чтобы по возможности получить связный текст…

Между тем, когда ученые еще только приступали к разгадке кумранских свитков, два «независимых» исследователя, француз и англичанин, уже поспешили опубликовать свое собственное «сенсационное открытие»: они заявили, что результаты исследования свитков «представляют собой радикальный переворот в истории христианства». Как будто бы, следует из кумранских текстов, ессеи знали о том, что некий «учитель праведности» был распят на кресте, тело его затем было снято и предано погребению и что апостолы ожидали воскресения и возвращения на землю своего «учителя». То есть образ, а точнее прообраз, Иисуса Христа якобы уже существовал у ессеев.

«Рукописные свитки Мертвого моря – самый большой вызов христианскому учению со времени появления дарвинизма!» – напыщенно заявляли авторы гипотезы. Это необоснованное утверждение, несмотря на горячие протесты и опровержения крупнейших ученых, было тут же подхвачено и растиражировано мировой прессой. Особенно широко эта тема «освещалась» в атеистическом Советском Союзе, где приветствовалась любая глупость, лишь бы она была направлена против христианства.

Нет никакого сомнения в том, что иудейские секты существовали еще до возникновения христианства. Но поборники «самого большого вызова христианскому учению» могут в данном случае отдыхать. Кумранские тексты не содержат абсолютно ничего, что могло бы подвергнуть сомнению основные догматы христианства. Община ессеев, как это явствует из найденных в Кумране документов, была глубоко преданна традиционному иудаизму. Некоторые параллели с христианством в ессействе, правда, присутствуют, но они объясняются общими корнями обоих учений, берущих свое начало в Ветхом Завете. «Таким образом, если ессейство содержит ряд элементов, которые оплодотворили ту почву, на которой в дальнейшем родилось христианство, то не менее очевидно и то, что христианство представляет собой нечто совершенно новое, нечто, объяснимое в конечном итоге только личностью Иисуса Христа», – пишет по этому поводу один из крупнейших исследователей кумранской проблемы Ж.Т. Милик, сотрудник парижского Национального центра научных изысканий.

Открытия в Кумране, конечно же, интересны не той чушью, которую нагородили вокруг них «антирелигиозные» пропагандисты. Кумранские манускрипты ценны прежде всего тем, что они обогатили бесценными сведениями не только общую историю и историю религии, но и языковедение (наряду с основными древнееврейскими наречиями в них представлено семь других языков), палеографию – науку о древних рукописях, историю литературы, историю права (некоторые тексты из Кумрана представляют собой контракты на куплю-продажу). Это обстоятельство и обеспечило кумранским свиткам мировую известность, далеко выходящую за пределы чисто научного интереса. Сегодня известно, что основную массу кумранских находок составляют преимущественно библейские тексты и апокрифы, т. е. анонимные произведения религиозного содержания, не считающиеся боговдохновенными и поэтому не включенные в Библию. Среди них – свиток длиной семь метров, содержащий подлинный текст Книги пророка Исайи. Другие свитки содержат правила жизни в соответствии с законом Моисея, принятые в кумранской общине отшельников.

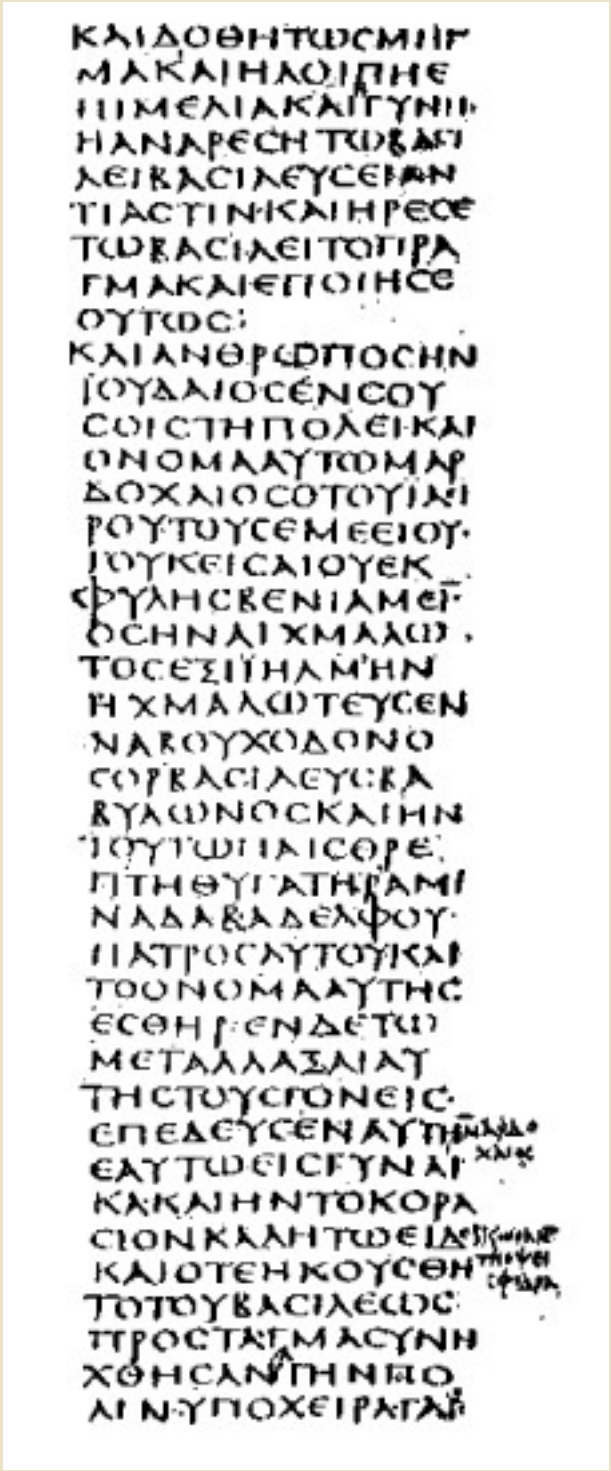
Кумранские рукописи пристально изучаются учеными всего мира. Вокруг «текстов Кумрана» еще долго будут кипеть оживленные споры. Их видят то протохристианскими, то иудео-сектантскими, а, например, известный исследователь иудейских древностей профессор Норман Голб трактует состав рукописей как обычный для ортодоксальной иудейской общины. Но все исследователи сходятся в одном: созданные на протяжении III–I веков до н. э., эти тексты являются ценнейшими документами эпохи.

Синайский кодекс

Местонахождение: основная часть – Британская библиотека, Лондон, Великобритания; отдельные фрагменты – Университетская библиотека, Лейпциг, Германия; Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия; монастырь Св. Екатерины на Синае, Египет

Синай тесно связан с историей раннего христианства. Один из исследователей святых мест на Синае, епископ Порфирий Успенский, побывавший здесь в первый раз в 1845 году, отмечал, что первыми христианами на Синае были выходцы из Нижнего Египта, которые укрывались в этих пустынных местах от гонений римских императоров Деция, Максимина и особенно Диоклетиана. Комплекс святых мест на Синае основала Елена, мать императора Константина Великого, которая во время посещения ею Иерусалима приказала наместнику Константинополя в Египте построить на Синайской горе храм, а близ него крепкую башню. В конце 373 года первый из синайских паломников, оставивших описание своего путешествия, – египетский монах Аммоний из Канопа – посетил Синай после поклонения святым местам в Палестине.

Монастырь Св. Екатерины, конечный путь паломников, направлявшихся на Синай, возведен во время правления византийского императора Юстиниана I. Его строительство было завершено в 557 году. В последующие века обитателям монастыря удалось поладить с окружающими их мусульманами. Синайский архиепископ Констандий в своей книге «Египтиада», опубликованной в 40-х годах XIX века, писал, что сам пророк Мухаммед был доволен гостеприимством, которое ему неизменно оказывали синайские христиане.

Синайский монастырь на протяжении всей своей истории сохранял относительную самостоятельность, несмотря на то что патриархи Иерусалима, Антиохии и Александрии вели из-за него тяжбу начиная с VI века. Лишь в 1575 году специальный константинопольский собор подтвердил независимость Синайского монастыря.

Одна из наиболее интересных достопримечательностей Синайского монастыря – библиотека, в которой в начале нынешнего века

насчитывалось около 2 тыс. рукописей на греческом, арабском, арамейском, персидском, грузинском, эфиопском языках. Когда в 1886 и 1894 годах были составлены и опубликованы первые каталоги, библиотека Синайского монастыря была признана вторым в мире (после Ватикана) по значению хранилищем библейских рукописей.

Поиски интересных манускриптов привели в Синайский монастырь в 1844 году малоизвестного в то время немецкого исследователя Библии Константина фон Тишендорфа. Изучив все представленные ему манускрипты и не найдя ничего заслуживающего внимания, Тишендорф уже собрался уезжать, когда ему на глаза попалась корзина для бумаг. Из корзины торчал кусок пергамента. Развернув его, он с изумлением обнаружил отрывок из одного из древнейших списков библейских текстов. В той же корзине он обнаружил еще несколько пергаментных листов, обреченных на сожжение.

Когда Тишендорф опубликовал в Лейпциге 43 листа этой рукописи, которые ему удалось приобрести, это вызвало настоящую сенсацию в научном мире.

Тишендорф еще дважды посещал Синайский монастырь (в 1853 и 1859 гг.). Однако монахи отказались продать ему весь манускрипт. Он был передан (через посредничество Тишендорфа) России. Эту весьма выгодную для России сделку удалось совершить послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву, долго торговавшемуся с монахами о размере царского пожертвования и числе орденов, полагавшихся по этому случаю синайскому духовенству. Наконец, в ноябре 1869 года был подписан акт подношения рукописи, получившего название Синайского кодекса, Александру II, который взамен пожаловал монастырю 9 тыс. руб.

Синайский кодекс оказался вторым по полноте и древности списком Ветхого и Нового Завета. Он уступает только знаменитому Ватиканскому кодексу (тоже, кстати, египетского происхождения), который датируется IV веком. Считается, что это один из 50 списков Библии, созданных по указу императора Константина Великого после принятия им христианства.

Любопытно, что сразу же после опубликования книги Тишендорфа «По святой земле» (1862 г.), где автор подробно описал историю своей находки, П. Успенский, очевидно, раздосадованный тем, что честь столь важного открытия прошла мимо него, подверг сомнению подлинность Синайского кодекса, указав на имеющиеся в нем расхождения с каноническими текстами библейских книг. Известный греческий антиквар Симониди подлил масла в огонь разгоревшейся полемики, объявив Синайский кодекс фальшивкой, изготовленной по его просьбе, ради шутки. И только после выступления в печати А.С. Норова, будущего академика, русские читатели поверили в подлинность и научную ценность Синайского кодекса.

Длительное время Синайский кодекс хранился в коллекции российских императоров в Эрмитаже. Однако в начале 1930-х годов он наряду с другими культурными ценностями, составлявшими национальное достояние нашей страны, был продан коммунистами за границу. До наших дней сохранилось, как считают специалисты, более половины первоначального объема рукописи. Самая большая часть – 347 листов, или 694 страницы – ныне хранится в Британской библиотеке в Лондоне, еще 43

листа – в Университетской библиотеке в Лейпциге (это те самые страницы, которые в свое время привез с Синая Тишендорф). В Санкт-Петербурге остались фрагменты трех листов кодекса. Наконец, важное открытие было сделано в 1975 году в Синайском монастыре: во время реставрационных работ здесь были найдены 11 ранее неизвестных листов кодекса, а также 14 фрагментов.

Синайский кодекс – одна из двух наиболее ранних христианских Библий (другая – Ватиканский кодекс, хранящийся в Риме). В его составе сохранилась самая ранняя дошедшая до наших дней копия полного текста Нового Завета и самые ранние и лучшие копии некоторых из еврейских священных писаний – в той форме, в какой они были приняты христианской церковью. Кодекс включает в себя также греческий перевод Ветхого Завета, известный как Септуагинта, и два произведения раннехристианских авторов II века: «Послание Варнавы» и (частично) «Пастырь» Ермы (до обнаружения Синайского кодекса первая из этих книг существовала лишь в латинском переводе, вторая же была известна только по названию). Все тексты, вошедшие в кодекс, написаны на греческом языке.

Специалисты, занимавшиеся исследованием Синайского кодекса, пришли к выводу, что он представляет собой остатки огромной рукописной книги, которая содержала все писания Ветхого и Нового Завета, вошедшие в церковный канон. Эта книга состояла более чем из 1460 страниц, каждая из которых имела размеры приблизительно 41 см в высоту и 36 см в ширину. Попытка объединить в один том все канонические книги совпадает по времени с принятием христианства императором Константином Великим и его устремлениями раз и навсегда «кодифицировать» тексты, составляющие Священное Писание.

Синайский кодекс исключительно важен для понимания истории христианской Библии и развития христианства. Он также является одной из важнейших вех в истории книги. Возможно, именно Синайский кодекс стал первой в истории человечества крупноформатной книгой в переплете. До этого, как известно, наиболее популярной формой являлись свитки, книги в переплетах были маленькими по формату и содержали сравнительно небольшое число страниц. По сравнению с ними Синайский кодекс был просто огромным. Для того чтобы изготовить этот том, книжникам той поры потребовалось совершить технологический рывок, сопоставимый разве что с изобретением печатного станка.

Исследователи установили, что над созданием Синайского кодекса работали как минимум три писца. К сожалению, неизвестны ни их имена, ни место или места, где они работали. Высказывались предложения, что Синайский кодекс создавался, возможно, в Александрии, Константинополе, Кесарее или каком-либо другом крупном центре греко-римского мира. Неизвестно также, когда и каким путем кодекс оказался на Синае, в монастыре Св. Екатерины (возможно, это произошло в достаточно ранние времена – например, в правление императора Юстиниана). Неясна и цель, с какой создавался Синайский кодекс. Для чего он использовался? Судя по тому, что дошедшие до наших дней фрагменты кодекса находятся в очень хорошем состоянии и практически не имеют следов износа, эта книга никогда не использовалась или очень

редко использовалась для богослужений и тем более для чтения. Скорее, это был эталон, на основе которого создавались новые рукописные копии Библии.

В настоящее время реализуется проект по воссоединению разрозненных фрагментов Синайского кодекса. Правда, воссоединение это будет не физическим, а виртуальным, в цифровой версии, которая будет доступна для ученых и широкой общественности всего мира.

Ватиканский кодекс

Местонахождение: Ватиканская Апостольская библиотека, Ватикан, Рим, Италия

Одной из самых ценных рукописей греческой Библии по праву считается Ватиканский кодекс. До открытия Синайского кодекса он считался древнейшим и важнейшим списком, и поныне Ватиканский манускрипт остается одной из самых старых существующих рукописных Библий. Первые сведения о нем относятся к 1475 году, когда рукопись была впервые упомянута в первом каталоге библиотеки Святого Престола. Второе упоминание относится к 1481 году. С тех пор и вплоть до наших дней кодекс хранится в Ватикане, за исключением короткого периода, когда Наполеон I, в конце XVIII века овладевший Римом, увез манускрипт во Францию. После падения Бонапарта рукопись вернулась в Ватикан.

Ватиканский кодекс датируется первой половиной IV столетия. Происхождение книги до сих пор остается предметом дискуссий. Отсутствие в ней декоративного оформления позволило некоторым исследователям предположить, что эта рукопись несколько старше Синайского кодекса. С другой стороны, ряд ученых полагает, что обе рукописи были в числе 50 списков Библии, которые император Константин,

приняв христианство, поручил написать Евсевию Кесарийскому (существует мнение, что Ватиканский кодекс оказался «браком» в числе этих 50 списков, из-за неполноты таблиц Евсевия и большого количества исправлений, внесенных различными писцами; кроме того, в нем нет Маккавейских книг, которые пропущены переписчиками, видимо, по невнимательности). С другой стороны, поскольку расположение новозаветных книг в Ватиканском кодексе соответствует перечню, изложенному в 39-м Пасхальном послании Афанасия Александрийского, написанном в 367 году, некоторые исследователи предполагают, что рукопись была написана александрийскими писцами для императора Констанция во время пребывания Афанасия Александрийского в Риме в 340 году. На Александрию как место происхождения книги, или, по крайней мере, на участие в работе над книгой александрийских переписчиков указывает и некоторое сходство текста Ватиканского кодекса с коптскими папирусами. Наконец, кое-какую информацию могут дать декоративные инициалы, добавленные к рукописи уже в эпоху Средневековья: по мнению специалистов, они создавались под влиянием константинопольской художественной школы X–XI веков. Высказывались также предположения, что рукопись могла быть создана в Риме, в Южной Италии, в Кесарее.

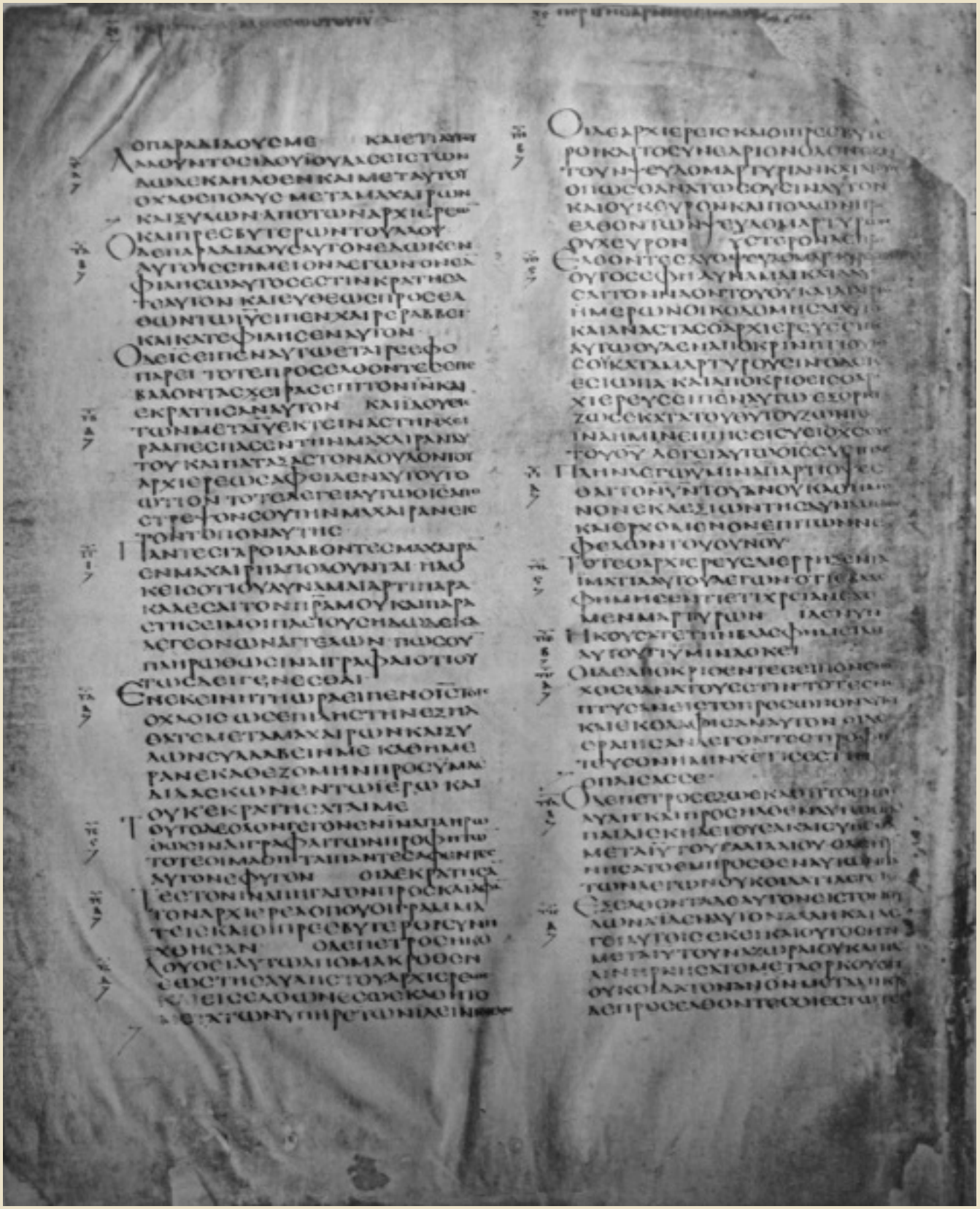
Ватиканский кодекс написан на пергаменте и содержит полный текст Септуагинты, за исключением неканонической молитвы Манассии и Маккавейских книг. Формат книги составляет 25 х 24 см. Из первоначальных 820 листов сохранилось 759. Недостает нескольких начальных глав Книги Бытия, части Второй Книги Царств и Псалтири, одного фрагмента Евангелия от Матфея и четырех посланий апостола Павла, а также Книги Откровения.

Рукопись содержит таинственные диакритические знаки – двойные точки (так называемые умлауты) на полях Нового Завета, которые, как предполагается, отмечают сомнительные с точки зрения переписчиков места текста. Всего таких знаков в тексте насчитывается 795; еще около сорока подобных знаков, возможно, просто являются помарками. Происхождение и дата появления этих загадочных пометок остаются предметом жарких дискуссий. Ряд исследователей относит по крайней мере часть знаков к IV–VI векам, в то время как другие, возможно, сделаны уже в гораздо более поздний период. Однако кто и зачем оставил эти знаки, остается загадкой.

Александрийский кодекс

Местонахождение: Британская библиотека, Лондон, Великобритания

Александрийский патриарх Кирилл Лукарис был страстным собирателем книг. Когда в 1621 году он стал константинопольским патриархом, то захватил с собой в Турцию одну из древнейших рукописей Библии на греческом языке, ныне известную как Александрийский кодекс. Спустя шесть лет, «по личным причинам», Лукарис преподнес ее в 1624 году британскому послу в Турции в качестве подарка английскому королю Якову I. Король умер до того, как ему успели вручить рукопись, поэтому получал драгоценную реликвию три года позднее уже его наследник, КарлI.

Александрийский кодекс датируется началом V века. Первоначальное происхождение рукописи неизвестно. Свое название книга получила по имени Александрии, столицы Египта в эллинистические, а затем римские времена. В ту пору этот город являлся одним из крупнейших научных центров Древнего мира, а его библиотека обладала самой большой коллекцией рукописей. Согласно преданию, именно в Александрии по заказу царя Птолемея II Филадельфа (285–246 гг. до н. э.) был осуществлен греческий перевод Ветхого Завета, над которым работали семьдесят два ученых книжника, после чего перевод получил название Септуагинта, или «Перевод семидесяти [толковников]».

Известно, что по крайней мере с 1098 года Александрийский кодекс хранился в библиотеке александрийских патриархов. Формат книги составляет 32 х 26,4 см. Она состоит из 4-х томов и содержит 773 листа: 630 листов Ветхого Завета и 143 листа Нового Завета. В состав кодекса входит полная копия Септуагинты, включая четыре книги Маккавейские и 151 псалом. Перед текстом Псалтыри вставлено «Послание к Марцеллину», приписываемое Св. Афанасию. Кодекс также содержит полный текст Нового Завета, а также Первое и Второе послания Св. Климента Римского. Часть текста утрачена: недостает некоторых листов в Книге Бытия, Первой Книге Царств и Псалтыри. Единственные художественные оформления в рукописи – декоративные виньетки в конце каждой книги.

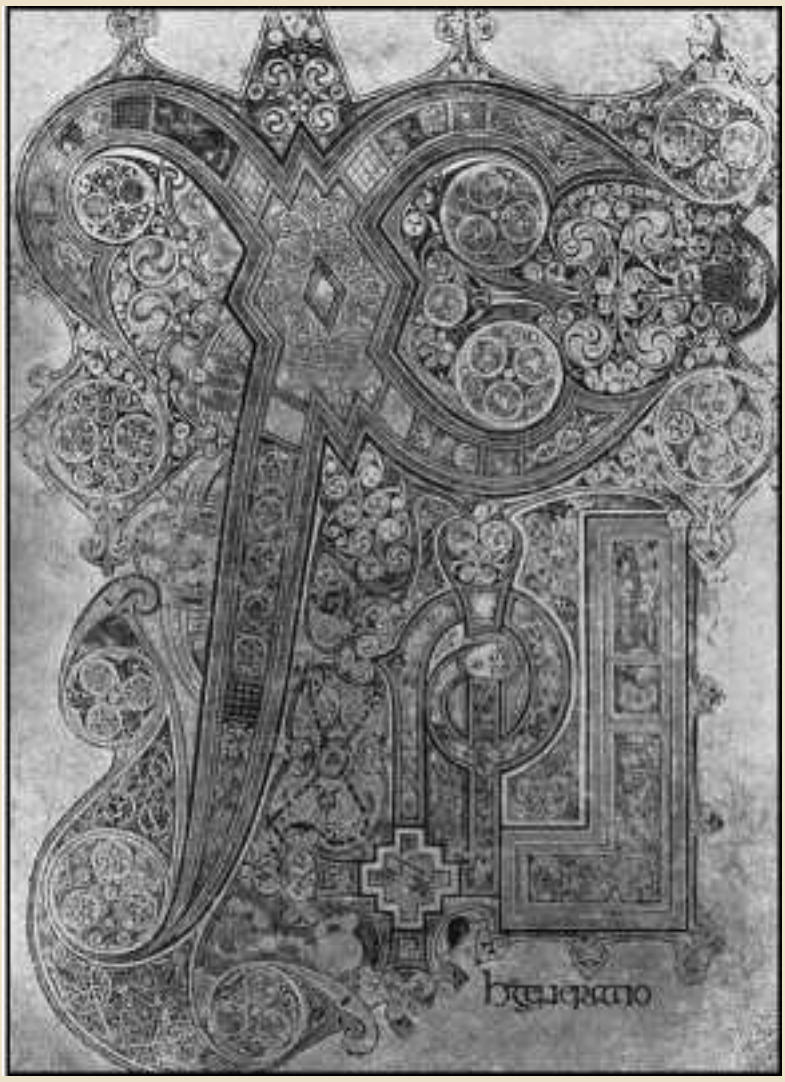
Александрийский кодекс – первая рукопись подобного рода, ставшая доступной для ученых. Его открытие привело к пересмотру греческого текста Библии на пользу всем переводчикам Священного Писания. Сегодня Александрийский кодекс является одной из наиболее полных и наиболее ранних рукописей Библии на греческом языке и наряду с Синайским и Ватиканским кодексами имеет огромную важность для науки, позволяя специалистам проводить детальный текстологическим анализ этих книг с целью правильного понимания и восстановления утраченных и искаженных позднейшими переписчиками фрагментов Библии.

«Келлская книга»

Местонахождение: библиотека Тринити-колледжа, Дублин, Ирландия

Для всего человечества оказался большим счастьем тот факт, что некий грабитель в начале XI века, похитив не представлявшую для него никакой ценности рукопись на пергаменте, изобиловавшую рисунками, забрал себе золотой футляр, в котором она хранилась, но саму рукопись оставил в целости и сохранности. Именно благодаря этому книгу удалось спасти и донести до будущих поколений.

«Келлская книга» (по-ирландски – Leabhar Cheanannais) является шедевром среди всех известных иллюстрированных рукописей эпохи раннего Средневековья. Ее иногда даже называют «самой прекрасной книгой в мире». В любом случае она не имеет себе равных во всей Западной Европе.

Иллюстрированные рукописи стали появляться главным образом в Средние века, хотя тексты с цветными картинками существовали уже задолго до нашей эры – например, древнеегипетская папирусная «Книга мертвых» (Британский музей, Лондон), относящаяся приблизительно к 1250 году до н. э. Целенаправленное и систематическое создание рукописей с тщательным написанием букв и большим количеством иллюстраций, выполненных в мельчайших подробностях, началось примерно с 500 года и продолжалось примерно до 1450 года. «Келлская книга», одна из величайших иллюстрированных рукописей среди всех, известных человечеству, была создана в период с 780 по 830 год. Книга содержит 340 листов (680 страниц), объединенных в четыре тома. Размер страниц составляет 34 х 24 см. Книга написана каллиграфическим почерком, в ней содержится большое количество миниатюр, мастерски сделанных портретов, заставок и других украшений. Рисунки, иллюстрирующие тексты

четырех Евангелий, отличаются редкостной эмоциональностью: они наполнены живыми человеческими чувствами – теплотой, радостью, горем, отчаянием.

В художественном оформлении книги ее создатели продемонстрировали широкую гамму эмоций – легкий юмор и высокое религиозное чувство, огромное жизнелюбие и глубокую любовь к окружающему миру. Каждый абзац начинается с уникальных декоративных инициалов разнообразной формы, имеющих вид различных существ, растений или геометрических фигур. Переплетенные узоры заключают в себе множество таинственных символов, обозначающих жизнь, смерть и бессмертие. На страницах книги встречаются многочисленные образы животных – кошек, птиц, мышей, рыб, ящериц, скорпионов и лошадей, причем нередко эти рисунки полны иронии.

Происхождение «Келлской книги» покрыто тайной. Кто были те писцы и живописцы, что создавали книгу, и сколько их было? Где был изготовлен этот величайший шедевр мировой культуры? Сколько времени ушло на его создание? У ученых имеются лишь догадки, однако не существует никаких окончательных ответов на эти вопросы.

Название «Келлская книга» происходит от названия Келлского аббатства в графстве Мит, Ирландия, где драгоценный манускрипт хранился на протяжении шести веков. Точная дата и место создания рукописи были и остаются предметом серьезных споров. Все исследователи, однако, сходятся в том, что «Келлская книга» является непревзойденной вершиной художественного творчества книжников, представляющих так называемую островную школу и работавших в конце VI–IX веков в монастырях, расположенных на островах Ирландии, Шотландии и северной Англии.

По мнению большинства специалистов, «Келлская книга» была создана монахами, работавшими на острове Айона, входящем в архипелаг Гебридских островов у северо-западного побережья Шотландии. В начале 560 года здесь был основан монастырь Святого Колумбы (Колумкилле). Создание уникальной рукописи началось приблизительно в конце VIII века. Анализ почерков и рисунков свидетельствует о том, что над созданием этого величайшего художественного произведения трудилось несколько человек.

Традиционно считалось, что книга была создана при жизни Святого Колумбы, возможно даже им собственноручно. Однако теперь твердо установлено, что в реальности «Келлская книга» написана на двести лет позже, около 800 года; ряд ирландских ученых считает, что она создавалась специально к 200-й годовщине смерти святого.

Существует по крайней мере пять теорий о месте происхождения рукописи и дате ее завершения. Согласно одной гипотезе, книга была от начала и до конца создана в аббатстве Айона, а затем привезена в Келлс. По другой версии, книга, возможно, была начата в Айоне и продолжена в Келлсе, но осталась незаконченной. В соответствии с третьей точкой зрения, рукопись была полностью изготовлена в скрип-ториуме аббатства Келлс. По мнению других, книга могла быть создана или по крайней мере начата в каком-то монастыре на севере Англии – возможно, в Линдисфарне, а затем привезена на остров Айону и оттуда попала в Келлс.

Наконец, рукопись может представлять собой продукт скриптория некоего неизвестного монастыря в Шотландии.

Хотя споры вокруг проблемы происхождения книги продолжаются и, вероятно, никогда не прекратятся, гипотеза о том, что книга была начата в аббатстве Айона и закончена в Келлсе, является в настоящее время наиболее популярной. Наконец, независимо от того, где именно была создана рукопись, «Келлская книга», несомненно, была произведена монахами, близко связанными с монашеским сообществом в Айоне.

Лишь по счастливой случайности книгу удалось сохранить во время варварских и жестоких набегов чужеземных захватчиков. В 795 году викинги в поисках добычи совершили ряд набегов на остров Айона. Еще раз они напали на остров в 802 году, потом спустя четыре года, а затем – еще через двадцать лет. Во время этих набегов они не только грабили, но и разрушали все постройки на острове, а также убивали монахов. К 880 году почти все реликвии были вывезены с острова в Ирландию.

«Большое Евангелие из Колумкилле» было перевезено в Келлское аббатство. В XII столетии оно было упразднено, а церковь аббатства, где хранилась рукопись, преобразована в приходскую. Слава об уникальной книге распространилась по всей стране, что не могло ускользнуть от внимания грабителей. Так, в 1009 году один грабитель украл рукопись из собора вместе с ларцом, в котором она находилась. Он снял с ларца золотую крышку, украшенную драгоценными камнями, а лежавшую внутри книгу просто выбросил за ненадобностью.

До 1654 года рукопись хранилась в Келлсе, а затем в связи с событиями гражданской войны в Англии была перевезена в Дублин. С 1661 года книга хранится в библиотеке Тринити-колледжа, но и это не смогло уберечь ее от неприятностей (хотя произошло это по неосторожности, а не в результате умышленных действий): в 1821 году переплетчик обрезал рукопись в различных местах, при этом пострадали также и иллюстрации.

В 1953 году «Келлская книга» была разделена на четыре отдельных тома.

Традиция создания иллюстрированных рукописей сохранялась еще в течение ста лет после изобретения Иоганном Гутенбергом печатного станка, после чего пришла в упадок. За долгие века в Европе в результате различных бедствий и конфликтов было утеряно множество уникальных книг, существовавших в единичных экземплярах. «Келлской книге» повезло: долгое время она хранилась в относительно безопасных условиях, вдалеке от эпицентров общеевропейских конфликтов, благодаря чему в относительной сохранности дошла до наших дней. Страницы этой замечательной книги демонстрируют прекрасные художественные способности и талант средневековых монахов, которые создали истинный шедевр. Благодаря счастливой судьбе и тщательной заботе эта книга сможет удивлять своей красотой еще многие и многие поколения.

Codex Aureus

Местонахождение: Германский Национальный музей, Нюрнберг, Германия

Термин «Codex Aureus» («Золотая Книга») распространяется на целую группу средневековых рукописей IX–XI веков, созданных с

исключительной пышностью, с использованием золотых чернил, роскошного оформления и богато иллюстрированных. В их число входят такие широко известные манускрипты, как «Codex Aureus» аббатства Лорш, Стокгольмский «Codex Aureus», известный также как Кентерберийский кодекс, «Codex Aureus» из Санкт-Эммерама, «Золотое Евангелие» Генриха III.

Одна из наиболее значительных средневековых рукописей была создана около 1000–1050 годов (согласно другому мнению – в 983–991 гг.) в бенедиктинском аббатстве Эхтернах (ныне на территории Люксембурга). Этот «Золотой Кодекс» принадлежит к числу величайших книг Средневековья.

Аббатство Эхтернах было основано в 698 году Святым Виллибродом. В эпоху Средневековья оно славилось своим скрипторием, где производились исключительные по качеству иллюстрированные рукописи. Аббатство всегда поддерживал тесные связи с расположенным поблизости епископским городом Триром, который во времена архиепископа Эгберта (933–977) превратился в крупнейший художественный центр Германии. В ту пору здесь работал один из наиболее значительных художников Средневековья, известный как мастер Грегор. По мнению современных исследователей, «Золотой Кодекс» Эхтернаха создавался либо под его непосредственным влиянием, либо под влиянием его школы.

Деятельность Эхтернахского скриптория пережила взлет при аббате Хумберте, который руководил монастырем в 1028–1051 годах. В этот период в стенах аббатства было создано несколько выдающихся

иллюстрированных рукописей, предназначавшихся для императора Генриха III (1039–1056). Вершиной этой деятельности стал «Золотой Кодекс», явивший собой наиболее яркий и значительный пример книжного дела Германии эпохи Оттонов.

Эта драгоценная книга хранилась в стенах аббатства около восьми столетий. Во времена кровавой французской революции монастырь был закрыт, бесценные рукописи, хранившиеся в его огромной библиотеке, конфискованы и проданы либо уничтожены. Но «Золотой Кодекс» уцелел. В середине 1790-х годов монахи, покидая аббатство, вывезли книгу через Майнц в Эрфурт. В 1801 году рукопись приобрел герцог Эрнст II Саксен-Готский и Альтенбургский, и в дальнейшем книга стала семейной реликвией герцогского дома Саксен-Кобург-Готских. В 1955 году «Золотой Кодекс» был куплен Германским Национальным музеем в Нюрнберге за сказочную по тем временам сумму в размере 1,1 млн марок.

В состав рукописи входят четыре Евангелия и вступительный текст, включающий в себя так называемые «каноны» Евсевия Кесарийского – систему ссылок между параллельными местами всех четырех Евангелий. Размер книги составляет 446 х 310 мм. Она заключает в себя 136 пергаментных листов. Считается, что над текстом рукописи работали два переписчика, а над миниатюрами и заставками – два художника.

Весь текст книги написан золотыми чернилами. Его сопровождает неслыханное обилие иллюстраций, выполненных с использованием киновари и ляпис-лазури. Всего рукопись содержит 16 полных страниц миниатюр, 9 полных страниц инициалов, 10 страниц «канонов» и 16 полустраниц инициалов. Кроме того, в тексте имеется еще 503 инициала меньшего размера. Открывает рукопись величественная композиция «Majestas Domini» (лат. «Величие Господа»), окруженная символами четырех евангелистов и портретами четырех великих пророков – Исайи, Иеремии, Иезекииля и Даниила. Торжественная строгость образов заставляет вспомнить об иллюстрированных рукописях, происходящих из скриптория «мастера Грегора».

Верхнее покрытие переплета, как установили специалисты, создано по крайней мере на полвека раньше, чем сама рукопись. Оно было изготовлено по распоряжению императора Оттона III и императрицы-матери Феофаны и подарено Эхтернахскому аббатству. Его украшает сцена Распятия Христа, искусно вырезанная из слоновой кости.

Эксперты оценивают современную стоимость «Золотого Кодекса» в 30 миллионов евро и называют его «самой дорогой книгой Германии». Из-за своей уникальности и огромной стоимости книга постоянно хранится в запасниках музея, в условиях, максимально обеспечивающих ее сохранность, и выставляется для публичного обозрения только один раз в 25 лет.

Остромирово Евангелие

Местонахождение: Российская национальная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, Санкт-Петербург, Россия

Остромирово Евангелие является старейшим датированным памятником древнерусской письменности. Сведения о происхождении этой

книги мы находим в пространной записи, оставленной писцом на последней странице: она создавалась для «нареченного во крещении Иосифа, а в миру Остромира, родича князя Изяслава». Князь Изяслав, о котором идет речь, – это киевский князь Изяслав Ярославич, сын Ярослава Мудрого. Из дальнейшего текста можно узнать, что Остромир был наместником Изяслава в Новгороде – посадником.

После традиционных благопожеланий заказчику и его семейству, писец приписал в конце большими буквами: «Я, Григорий диакон, написал сие Евангелие» и смиренно попросил читателей не ругать его за возможные допущенные в тексте ошибки, а исправлять их. Он также указал, сколько времени ему понадобилось на то, чтобы закончить рукопись: работа была начата 21 октября 1056 года и завершена 12 мая 1057-го. Таким образом, Остромирово Евангелие, объемом в 294 листа, переписывалось около 7 месяцев – по 1,5 листа в день. Уже в наше время ученые установили, что Григорий работал не один. Палеографический анализ показал: первые 24 листа отличаются по почерку от остальных, написанных той же рукой, что и приписка Григория. Третьим почерком написаны заглавия. А три миниатюры, которые содержатся в книге, выполнены в разных манерах – их рисовали как минимум триминиатюриста.

Текст приписки не называет место, где создавалось Остромирово Евангелие, поэтому сегодня на этот счет существуют только гипотезы. Одни исследователи высказывают мнение, что местом создания Евангелия мог быть Киев, другие называют Новгород. Существует и компромиссная точка зрения: книга написана в Новгороде, но киевлянином.

Ранняя история Остромирова Евангелия неизвестна. Предполагается, что на протяжении нескольких столетий оно хранилось в новгородском Софийском соборе. В 1701 году эта книга упоминается в описи имущества дворцовой церкви Воскресения Словущего в Московском Кремле. В 1720 году, после выхода указа Петра I о собирании «оригинальных и исторических рукописных книг», Евангелие отправили в Петербург. После этого источники молчат о нем на протяжении 85 лет. А в 1805 году бывший личный секретарь императрицы Екатерины II Я.А. Дружинин совершенно случайно нашел в ее вещах, оставшихся после смерти императрицы, старинную пергаментную книгу. Она была украшена великолепным и весьма ценным окладом более позднего времени. При ближайшем рассмотрении этой книгой оказалось Остромирово Евангелие…

«При осмотре, произведенном мною хранящегося в гардеробе покойной госуд[арыни] Екатерины II платья, нашел я в прошлом 1805 г. сие Евангелие, – писал год спустя Я.А. Дружинин. – Оно нигде в описи и в приходе не записано и потому неизвестно, давно ли и от кого туда зашло. Вероятно, поднесено было Ея В-ву [Ее Величеству] и отдано для хранения в комнаты Ея, а потом сдано в гардероб. Камердинеры и гардеробские помощники оставили его без уважения, и оно забыто».

Дружинин передал книгу в «депо манускриптов» Императорской Публичной библиотеки (ныне – Российская Национальная библиотека). Первое известие об Остромировом Евангелии в печати появилось в журнале «Лицей» за 1806 год. С этого времени началось всестороннее изучение древней рукописи.

Остромирово Евангелие относится к апракосным евангелиям, где тексты расположены по недельным и поденным чтениям, начиная с Пасхи, в соответствии с чином церковного богослужения. Апракосный тип Священного Писания был характерен для Византии, откуда и был заимствован древнерусскими книжниками. Ученые обнаружили в

Остромировом Евангелии множество так называемых экфонетических знаков, которые показывают, где следует читать более протяжно или возвышать голос.

Основной текст Евангелия содержит очень мало русизмов, что позволяет считать, что писец Григорий и его коллеги переписывали книгу с болгарского оригинала, написанного на церковнославянском языке – этой «латыни» восточнославянского мира. Поэтому Остромирово Евангелие ныне входит в сокровищницу не только русской, но и болгарской письменной культуры.

Даже при первом взгляде становится ясно, что заказчиком рукописи выступал очень состоятельный человек: это праздничная, богато украшенная книга. Ее оформление поражает своей красотой, яркостью цвета, изумительным орнаментом, великолепными инициалами и заставками, выполненными в византийской традиции. Изображения пострадали от времени: пергамент покоробился, краски местами стерлись и осыпались. Но даже в таком состоянии миниатюры сохранили свой сочный цвет. Изысканность и точность рисунка свидетельствуют о высоком профессиональном мастерстве авторов. По своим стилевым особенностям эти иллюстрации соответствуют современным им греческим образцам.

Замечательной особенностью Остромирова Евангелия являются его заглавные буквы – инициалы, отличающиеся небывалым разнообразием: так, например, инициал «В» повторяется 135 раз, но при этом каждый отличается от других и ни один инициал не повторяется дважды! На страницах книги можно увидеть причудливые орнаментальные переплетения, хищных птиц, загадочные человеческие личины, фантастических химер. Эти рисунки безукоризненно скомпонованы с текстом. Такой точности можно было добиться двумя путями: либо художник – создатель инициалов – сидел рядом с переписчиком Григорием и они работали попеременно, либо сам Григорий был блестящим графиком. В «звериных» инициалах Остромирова Евангелия заложены начала орнамента, широко распространившегося в русской рукописной традиции последующих столетий, особенно в новгородской книжности.

В книге есть три большие миниатюры с изображениями евангелистов – Луки, Марка и Иоанна с учеником Прохором. Считается, что эти миниатюры написал художник-грек, поскольку выполнены они в технике, употреблявшейся тогда исключительно в Византии. Четвертый, Матфей, так и не был написан, хотя для него был оставлен чистый лист.

Несмотря на то что эта уникальная книга всегда находилась под особым надзором, в 1932 году она была похищена прямо с библиотечной витрины. Впрочем, похитителей прельстила не сама книга, а ее массивный серебряный оклад. Сорвав его, они забросили рукопись на один из ближайших шкафов. Впрочем, далеко уйти им не удалось: грабители были пойманы с поличным.

К 900-летию Евангелие реставрировали, и ныне оно, без переплета и потетрадно сшитое, хранится в специальном дубовом футляре. Значение и ценность Остромирова Евангелия состоит не только в том, что это древнейшая русская книга, но в и том, что этот великий памятник стоит у истоков книжности и христианского изобразительного искусства Древней Руси.

Изборник Святослава 1073 года

Местонахождение: Государственный Исторический музей, Москва, Россия

Сразу же после принятия христианства Древняя Русь обратилась к творениям отцов церкви, поскольку вновь обращенные христиане нуждались в «душеполезных словах» – разъяснении христианской догматики, нравственных наставлениях. Для этого на первых порах использовались переводы на церковнославянский язык греческих энциклопедических сборников, включавших в свой состав отдельные произведения Отцов церкви или их фрагменты, а также оригинальные произведения, приписываемые признанным авторитетам византийской патристики. Эти переводы впервые начали делаться в Болгарии при царе Симеоне (893–927), а оттуда расходились по другим землям, входившим в сферу византийской культуры.

Древнейшим дошедшим до нас философско-дидактическим сборником подобного рода является знаменитый Изборник Святослава 1073 года. Он является второй по времени точно датированной древнерусской книгой. Его оригинал (протограф) был создан в Болгарии при царе Симеоне. Инициативу по переписке Изборника проявил, очевидно, киевский князь Изяслав Ярославич, а непосредственно перепиской руководил дьяк Иоанн, очевидно, занимавший высокое положение в великокняжеском скриптории. Книга написана двумя писцами, одним из которых, возможно, был дьяк Иоанн.

По-видимому, книга задумывалась как государственная реликвия. Над ней начали работать еще при князе Изяславе Ярославиче, однако завершена она была спустя три недели после того, как в 1073 году его брат Святослав Ярославич изгнал соперника и захватил Киев. Переписчикам пришлось срочно вносить в текст коррективы: они выскоблили из текста похвалы князя имя Изяслава и заменили его именем Святослава (следы этой операции и сегодня хорошо заметны на пергаментном листе). Таким образом, Изборник вошел в историю под именем Изборника Святослава.

Уникальный манускрипт был обнаружен К.Ф. Калайдовичем и П.М. Строевым в 1817 году в библиотеке подмосковного Воскресенского

Новоиерусалимского монастыря. Ныне он хранится в отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве.

Текст Изборника написан на пергаменте кириллицей и максимально приближен к греческим и болгарским оригиналам. В нем содержится более 380 статей, принадлежащих 25 авторам. Круг освещаемых Изборником областей знания поразительно широк: наряду с догматическим

богословием и вопросами христианской нравственности тут можно почерпнуть сведения по антропологии, философии, математике, филологии, естествознанию, истории… В Болгарии X века, в Киевской Руси XI – ХШ веков, а затем в Московском государстве XV–XVII веков эта книга служила настоящей энциклопедией, проливавшей свет на главные вопросы христианской культуры. В ней обсуждаются проблемы христианского богословия, разъясняются положения Библии применительно к событиям повседневной жизни, приводятся сведения по различным естественным наукам. По жанровому содержанию входящие в состав Изборника статьи могут быть отнесены к широко распространенным дидактическим жанрам «учительного слова», философского трактата, информационно-справочной статьи – т. е. к жанрам, находящимся за пределами художественной литературы. Однако для того времени, когда художественное творчество еще не являлось самостоятельной областью общественного сознания, эти жанры наряду со своей чисто практической дидактической функцией выполняли и функции художественные. В своих поучениях Отцы Церкви прибегали к эмоционально-художественным средствам выражения мысли, стремясь сделать их ясными, доступными и запоминающимися.

Основной объем (лл. 27—223) занимают так называемые «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита («Анастасиевы ответы», VII – начало VIII в.), представляющие собой свод выписок из Священного Писания и отцов и учителей церкви (Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Максима Исповедника и множества других). Их дополняют выдержки из сочинений Кирилла Александрийского,

Иустина Философа, Михаила Синкелла, Иринея Лионского, Августина и ряда других выдающихся христианских писателей. В состав Изборника включены отрывки из «Лествицы» Иоанна Синайского, трактат «Об образах» (о поэтике) Георгия Хировоска, «Летописец вкратце от Августа даже и до Константина и Зои, цесарей греческих», и многое другое. Очень интересен список «истинных и ложных книг», включающий в себя наименования каноничных книг Священного Писания и книг апокрифических, запрещенных церковью. Более 400 статей Изборника посвящены толкованию малопонятных слов и отдельных отрывков из Священного Писания и патристической литературы.

Особый интерес вызывают иллюстрации Изборника, которые по праву можно считать древнейшими русскими рисунками. Всего в книге восемь заставок, множество рисунков на полях, а на отдельных листах помещены изображения княжеской семьи и соборов Святых Отцов. Эти рисунки выполнены в византийской традиции, но несут при этом черты местной, киевской школы. Все они, за исключением группового портрета княжеской семьи, выполнены двумя художниками, руководствовавшимися при этом приемами фресковой живописи. На миниатюре лицевого листа изображен пышно украшенный храм в ортогональной проекции. Внутри него видны святители и преподобные, которые составляют собор святых отцов, чьи писания вошли в «Изборник». Эта композиция еще два раза (с некоторыми вариациями) встречается на страницах рукописи.

Уже после создания рукописи в нее был вшит согнутый пополам лист пергамента с изображением Христа («Спас на престоле») и самого великого князя Святослава и его семьи: впереди – Святослав Ярославич в

княжеской шапке и парчовом плаще, с книгой в руках, рядом его жена с маленьким сыном Ярославом, и далее толпятся четверо взрослых сыновей – Глеб, Олег, Давыд и Роман. Это редчайший случай в истории древнерусского изобразительного искусства – прижизненное изображение людей, не причисленных к сонму святых. Миниатюра сильно пострадала от потерь красочного слоя, однако по ней можно с достоверностью судить, как одевались и как выглядели первые киевские князья. Видны роскошные одежды: своеобразные «тюркские» собольи шапки, обшитое золотой каймой платье княгини. На сыновьях Святослава надеты сафьяновые сапожки, дорогие кафтаны и золотые гривны, на великом князе парчовый плащ – с фибулой. В руках он держит, надо понимать, сам «Изборник», а не традиционное Евангелие. В подписи к семейному портрету Святослав обращается к Богу с изречением из Псалтыри: «Не оставь, Господи, без внимания стремлений моего сердца, но прими нас всех и помилуй!»

С левой стороны миниатюры можно заметить изображение некоего фантастического существа, напоминающего крылатого дракона с головой собаки. Некоторые исследователи полагают, что это герб Святославичей и их потомков – черниговских князей Давыдовичей и Ольговичей. Подобное же изображение, только вырезанное в белом камне, находилось в придворном храме черниговских князей – Борисоглебском соборе, построенном в XII столетии.

Необычайно интересны рисунки знаков зодиака (лл. 250 об. – 260), отличающиеся живой непосредственностью и ясным присутствием местного, киевского колорита. Например, Стрелец изображен в виде мужчины среднего возраста с характерной для того времени прической, облаченного в короткую тунику с подобранными полами. Похожие изображения можно увидеть на фресках лестничных башен Софии Киевской.

Изборник Святослава одновременно принадлежит к культуре нескольких народов: русского, украинского, болгарского, и в этом состоит особенность этой уникальной книги. В широком смысле эта рукопись является выдающимся памятником всей славянской письменности и шедевром мирового книжного искусства.

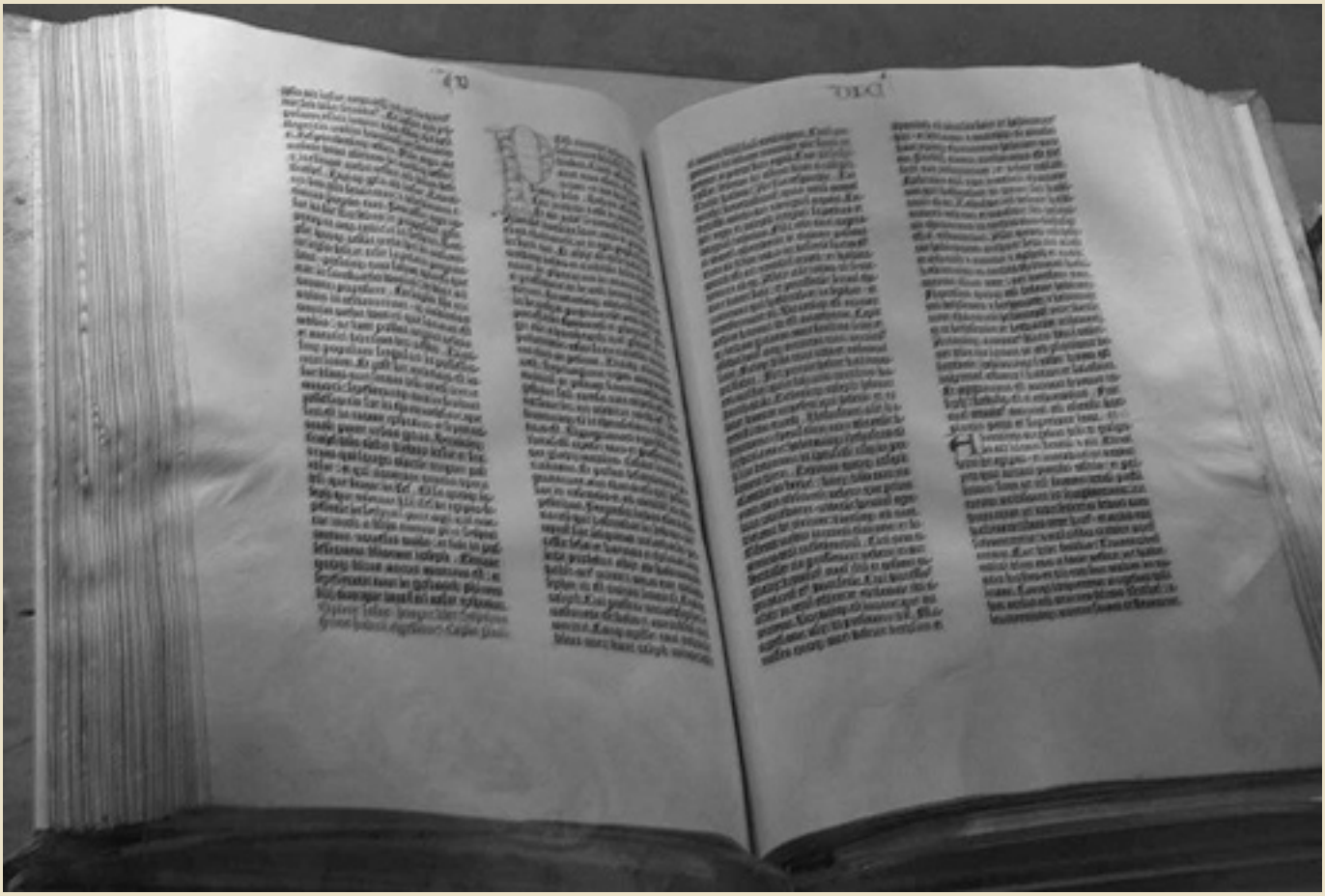
Гутенбергова Библия

Местонахождение: 48 уцелевших экземпляров книги хранятся сегодня в музеях и библиотеках 14 стран мира

В самом центре немецкого города Майнца – родине знаменитого первопечатника Иоганна Гутенберга (1399–1468) – с 1901 года действует Музей Гутенберга – один из самых старых в мире музеев, посвященных книгопечатанию. Расположенный напротив исторического Майнцского собора, он привлекает туристов и специалистов из всех уголков земного шара.

Торжества по случаю 500-летнего юбилея Гутенберга, с большим размахом проведенные в Майнце в июне 1900 года, послужили главным толчком в деле создания музея. Уже спустя год, 23 июня 1901 года, музей Гутенберга открылся для посетителей. Он был задуман не только как музей великого первопечатника, но и как музей книжного и вообще печатного

дела, экспозиция которого должна была продемонстрировать плоды, выросшие из семени, однажды посаженного Иоганном Гутенбергом. Многие издатели и изготовители печатных машин пожертвовали музею книги, различные типографские приспособления и машины. В результате постепенно сформировалась экспозиция, охватывавшая почти весь 500-летний период существования печатной книги. Со временем в структуре музея были сформированы отделы книжной графики, экслибриса, бумаги, методов печати, искусства книги и др. А в 1926 году собрание музея пополнилось драгоценной реликвией – подлинной Библией Гутенберга. В 1978 году музей стал обладателем еще одного экземпляра Библии Гутенберга – она была приобретена в Нью-Йорке. Таким образом, сегодня в музее в Майнце хранятся два из сорока восьми дошедших до наших дней экземпляров легендарной Библии Гутенберга.

Эта книга, известная также как 42-строчная Библия, представляет собой печатную версию латинской Вульгаты, напечатанную Иоганном Гутенбергом в Майнце в середине XV столетия. Вопреки распространенному заблуждению это совсем не первая печатная книга, выпущенная в свет при помощи подвижного шрифта, изобретенного

Гутенбергом, однако именно она стала главной работой великого немецкого первопечатника, и именно с нее начались революция в книжном деле и эпоха печатной книги. Книгопечатание стало одним из наиболее важных изобретений в истории человечества.

В Китае и Корее книги начали печатать задолго до XV столетия. Интересно, что именно китайцы первыми изобрели подвижной шрифт – еще за пять веков до Гутенберга. Первоначально подвижной шрифт изготовляли из глины, которую для прочности обжигали, а при печатании этот шрифт набирали в железную форму. Этот разборный шрифт – сперва глиняный, а потом металлический – не получил широкого применения в Китае. Это было невыгодно: книги выпускались в сравнительно небольших количествах, а между тем для печатания каждой книги требовалось изготовить несколько десятков тысяч отдельных иероглифов. Поэтому китайцы пошли по другому пути: они организовали печать с резных досок, сперва деревянных, а позднее бронзовых (ксилография). Лишь в XIX столетии китайское книгопечатание вновь перешло на подвижной шрифт.

Перед Гутенбергом проблема изготовления большого количества типографских знаков не стояла – латинский алфавит, как мы знаем, несравненно проще китайской иероглифики. Поэтому в своей работе он сразу остановился на подвижном шрифте. Другими изобретениями Гутенберга стали приспособление для отливки литер, типографский сплав (гарт), печатный пресс, и, что наиболее важно, он разработал единый технологический процесс производства, так как каждое изобретение в отдельности не имело большого смысла.

Ключом к экономическому успеху книгопечатания стало широкое использование бумаги. Бумага, как известно, была изобретена в Китае и лишь в эпоху позднего Средневековья получила распространение в Европе. До этого европейцы пользовались преимущественно пергаментом. Изобретение Гутенберга родилось в переходную эпоху от пергамента к бумаге (одна из копий Библии Гутенберга, ныне хранящаяся в Британской библиотеке, напечатана на пергаменте), однако именно использование бумаги обеспечило широкую популярность новому методу.

Вершиной типографского искусства Гутенберга стала 42-строчная Библия. Она состоит из двух томов и насчитывает в общей сложности 1282 страницы. Для этой книги Гутенберг изготовил 290 печатных форм, в которых сохранялись аббревиатуры и лигатуры, характерные для рукописных книг. Предполагается, что из 180 отпечатанных экземпляров Библии 150 были напечатаны на бумаге, а 30 – на пергаменте. При этом иллюстрации и заставки к каждой книге рисовались по старинке, вручную. На то чтобы полностью изготовить весь тираж, Гутенбергу понадобилось около года – время, за которое раньше переписчики могли изготовить в лучшем случае одну-единственную рукописную книгу.

Исследователи склонны считать, что за образец своей книги Гутенберг взял так называемую «Гигантскую Майнцскую Библию» – 1300-страничную рукопись, созданную в период между 1452 и 1453 годами. Подготовка к изданию Гутенберговой Библии началась вскоре после 1450 года, а первые готовые экземпляры вышли из печатной мастерской в 1454 или 1455 году. Это событие ознаменовало начало массового производства книг в Европе.

Свое название 42-строчная Библия получила из-за количества строк на каждой странице. Это название используется сегодня для того, чтобы отличить этот выпуск Библии Гутенберга от другой, более редкой 36-строчной Библии, которая также иногда именуется Библией Гутенберга. Термин «Библия Гутенберга» в строгом смысле используется только по отношению к 42-строчному выпуску. Некоторые исследователи утверждали, что 36-строчная Библия представляет собой ранний вариант Библии Гутенберга, а 42-строчная Библия была вторым, более многочисленным и усовершенствованным выпуском. Другие доказывали, что 36-строчная Библия была напечатана в 1458 году, спустя 3 года после 42-строчной Библии. Эта дискуссия закончилась после того, как было твердо установлено, что выпуск 36-строчной Библии основан на 42-строчной Библии.

Эта Библия до сих пор остается одной из самых красивых в мире печатных книг. С ее помощью Гутенберг сумел доказать, что по эстетической ценности изобретенный им новый вид книжного дела ничуть не уступает популярным в ту пору иллюстрированным рукописям. Библия Гутенберга тоже иллюстрировалась вручную, благодаря чему каждый экземпляр ее уникален.

На сегодняшний день сохранилось 48 полных или относительно полных экземпляров Библии Гутенберга: 12 – в Германии, 11 – в США, 8 – в Великобритании, 4 во Франции, по два экземпляра в Ватикане, Испании и России, по одному – в Австрии, Бельгии, Дании, Польше, Португалии, Швейцарии и Японии. В начале XX столетия существовал еще один, 49-й экземпляр Библии Гутенберга. Эта книга хранилась в библиотеке Католического университета в Лувене (Бельгия) и вместе со всем книгохранилищем погибла в 1914 году в результате военных действий Первой мировой войны.

В число сохранившихся Библий Гутенберга входят 11 полных и один частично сохранившийся экземпляры, отпечатанные не на бумаге, а на пергаменте. Кроме того, известно довольно существенное число разрозненных фрагментов Библии Гутенберга, многие из которых представляют собой просто отдельные страницы. На мировом рынке стоимость одной такой страницы может составлять от 20 до 100 тысяч долларов. 22 октября 1987 года неполный экземпляр Библии Гутенберга (часть Ветхого Завета) была продана на аукционе Кристи за 5,4 миллиона долларов, а за девять лет до этого на том же аукционе за 2,2 миллиона был продан полный экземпляр книги.

Изобретение Гутенберга не сделало прославленного первопечатника богатым, однако неслыханно обогатило все человечество. Изготовлявшиеся ранее в единичных экземплярах и стоившие неимоверных денег, книги отныне превратились в продукт массового производства и стали доступны самым широким частям населения. Распространение и обмен информацией неслыханно ускорился. Это была одна из самых великих революций в истории человеческой культуры.

До наших дней не сохранились ни печатные станки Гутенберга, ни какое-либо оборудование из его мастерской. Не осталось никакой документации, связанной с созданным Гутенбергом книгопечатным

станком, неизвестно и то, как доподлинно выглядел этот станок и когда был уничтожен. Возможно, что это произошло еще при жизни Гутенберга, приблизительно в 1462 году, когда во время вспыхнувшего конфликта между Адольфом Нассауским и Дитером Айзенбургским в Майнце сгорело много домов; среди них могло быть и рабочее помещение Гутенберга, в котором находилось все производственное оборудование.

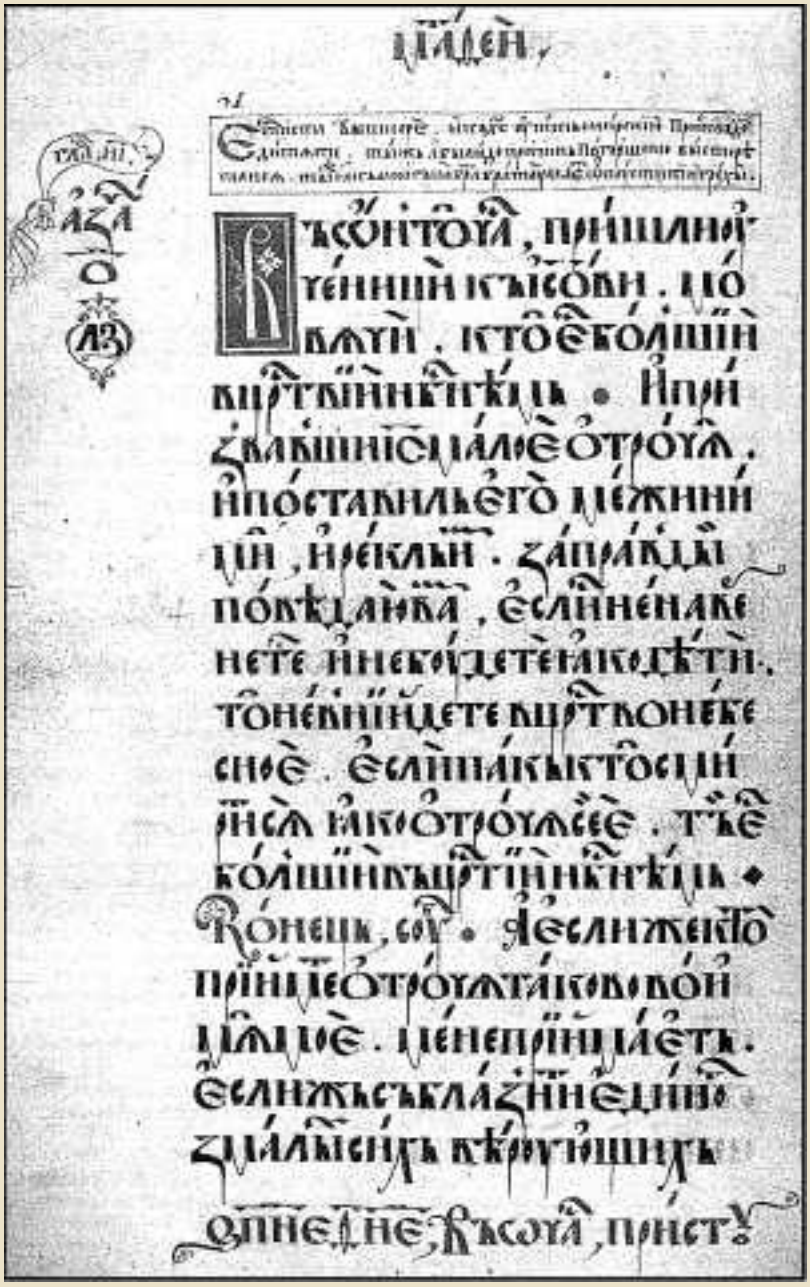
Пересопницкое Евангелие

Местонахождение: Институт рукописей Национальной библиотеки им В.И. Вернадского, Киев, Украина.

Один раз в четыре года в Верховной Раде Украины происходит церемония инаугурации нового президента страны. Согласно установившемуся обычаю, президент приносит присягу украинскому народу, положив руку на Конституцию и на древнее Пересопницкое Евангелие – духовную реликвию страны, обещая тем самым соблюдать законы не только человеческие, но и Божьи.

Почему именно Пересопницкое Евангелие стало одним из национальных символов Украины?

Эта книга во многих отношениях необычна. Специалисты называют ее феноменом в национальной культуре: ведь «Пересопницкое Евангелие» – это первый известный перевод Евангелия с церковнославянского на живой народный украинский язык. Ничего подобного Восточная Европа до той поры не знала. Церковнославянский язык, ставший литургическим языком православной церкви в славянских землях, как известно, был искусственно создан святыми Кириллом и Мефодием на основе одного из диалектов староболгарского языка, использовавшегося в окрестностях их родного города Солуни (Салоники). Очевидно, что уже в XVI веке, когда создавалось Пересопницкое Евангелие, церковнославянский язык, как и сейчас, был мало кому понятен. Один из писцов, работавших над текстом книги – «многогрішний раб» Михаил Василиевич, – специально поясняет, что она «прекладана із язика болгарського на мову руськую, то для ліпшого вирозумленя люду християнського посполитого» (под «руською мовою» в данном случае следует понимать староукраинский язык, в XVI столетии уже имевший самостоятельные грамматические правила и собственный словарный фонд). А встречающиеся в тексте польские и чешские заимствования, свидетельствует не только о знании этих языков переводчиками, но и о заметном латинском влиянии на текст Пересопницкого Евангелия (в то время многие книги Священного Писания переводились с Вульгаты).

Перевод Пересопницкого Евангелия с церковнославянского – этой «латыни» православной церкви в славянском мире – был осуществлен как раз в то время, когда во многих странах Европы, оказавшихся под влиянием протестантской реформации, начали переводить Священное Писание с латыни на национальные языки для лучшего его понимания людьми разных сословий. Зачастую эти переводы дополнялись различными комментариями – историческими, текстологическими, богословскими. Так что создатели Пересопницкого Евангелия шли в ногу со временем, действуя в русле этой традиции. В подробных комментариях, изложении правил чтения и истории создания текста заметно влияние западноевропейской богословской школы. Удивительно, однако, то обстоятельство, что Пересопницкое Евангелие, создававшееся на

украинском языке, явно предназначалось для богослужений (его текст разделен на зачала, содержит указание глав, читаемых на праздничных и будничных службах), хотя мы ничего не знаем о том, чтобы на землях Украины в XVI столетии когда-либо служилась литургия византийского обряда на иных языках, помимо греческого и церковнославянского!

Еще одна особенность Пересопницкого Евангелия состоит в том, что оно представляет собой рукопись, созданную уже в эпоху книгопечатания, когда само понятие рукописной книги уже выглядело анахронизмом. Правда, до Восточной Европы книгопечатание в ту пору еще не добралось, и благодаря этому мы имеет сегодня в своем распоряжении этот удивительный памятник книжного дела второй половины XVI столетия. В то же время ренессансное оформление рукописи свидетельствует о том, что создатели Пересопницкого Евангелия были в курсе новых европейских художественных течений.

Эта уникальная книга создавалась в 1556–1561 годах на средства «благовірної і христолюбивої княгині» Анастасии Заславской, в девичестве – Гольшанской, супруги князя Кузьмы Ивановича Заславского (Жеславского). Первая часть книги, Евангелие от Матфея, переводилась в вотчине княгини – селе Дворцы неподалеку от Изяслава. Завершилась работа спустя шесть лет в Пречистенском мужском монастыре города Пересопница на Волыни, по имени которого книга и получила свое название.

Из примечаний к тексту нам известны имена двух человек, работавших над созданием Пересопницкого Евангелия: монаха Григория, позже ставшего архимандритом Пересопницкого монастыря (был ли он писцом, переводчиком или только руководил работой над книгой – не ясно), и Михаила Василиевича, сына протопопа из Сянока (он, возможно, был не только писцом, но и художником, оформлявшим рукопись). Тексты написаны чернилами разных цветов и оттенков и разными почерками, что говорит о том, что над книгой работали несколько человек. Исследователи отмечают, что элементы использованного ими письма (устав и полуустав) присущи волынской книжной школе.

Пересопницкое Евангелие включает в себя 482 пергаментных листа форматом 380 х 240 мм. Вес книги составляет 9,3 кг. Каждая из страниц украшена причудливым орнаментом. Его дополняют красочные миниатюры. Предисловие к заглавию, тексты в рамках-заставках, номер первой главы и «зачала» в начале каждого Евангелия написаны золотом по киновари. Перед каждым разделом помещены так называемые суммарии – краткое содержание данного раздела, а на полях – глоссы, т. е. комментарии и толкования отдельных терминов. Кроме того, сам текст Пересопницкого Евангелия изобилует украинскими объяснениями малопонятных слов: «Бил же там колодязь шковль (студня або криниця)»; «и рекл так: учиню, размечу житницу мою (клуню або стодолу)». С этой точки зрения Пересопницкое Евангелие представляет большой интерес для лингвистов. В начале XX века оно даже послужило источником для «Словника юторично1’ украшсько1’ мови» под редакцией Е.К. Тимченко. В разных местах рукописи сохранились пометки на нескольких языках, относящиеся к различным эпохам.

Первоначальный переплет рукописи утрачен. В инвентарной книге Пересопницкого монастыря в записи от 25 октября 1600 года сообщается, что Евангелие было «атласом зеленым крытое, на нем серебра белого бляшек пять», а в самой рукописи (в послесловии) говорится, что на верхней доске «есть изображение распятия». Как предполагают специалисты, речь здесь идет о том, что верхняя крышка переплета была украшена четырьмя серебряными наугольниками («нарыжниками»), возможно, с изображениями четырех евангелистов и «средником» с изображением распятия Христа.

История книги в XVII веке известна плохо. В конце этого столетия она уже находилась в руках гетмана Ивана Мазепы, который в 1701 году подарил ее епископу Переяславскому. Об этом свидетельствует дарственная надпись на украинском языке, сохранившаяся на первых страницах книги. Затем книга попала в Переяславскую духовную семинарию. Здесь ее в 1837 году обнаружил известный украинский ученый Осип Бодянский. Именно он ввел уникальную рукопись в научный оборот. В связи с переводом в 1862 году духовной семинарии из Переяслава в Полтаву Пересопницкое Евангелие также совершило очередной в своей истории переезд, а в начале XX века рукопись передали полтавской библиотеке. Затем она хранилась в музее Киево-Печерской лавры. С 1947 года книга находится в фондах Национальной библиотеки Украины имени Вернадского.

«Апостол» Ивана Федорова

Местонахождение: около пятидесяти экземпляров московского «Апостола» и 85 экземпляров львовского «Апостола» находятся в различных книгохранилищах мира

До наших дней не сохранилось никаких документов, проливающих свет на истинное происхождение знаменитого восточнославянского первопечатника Ивана Федорова. Лишь приблизительно можно назвать дату его рождения – около 1510 года. И имя его в разных источниках той поры называется по-разному: Иван Федоров, Иван Москвитин, Иван Федорович (Ходорович, Хведорович). Имя «Иван Федорович» высечено на его надгробной плите, исходя из чего ряд исследователей полагает, что именно так и звали этого человека, а Федоров – московский вариант произношения его имени.

Ранние годы жизни мастера реконструируются лишь с помощью противоречивых и скупых сообщений современников и различных косвенных данных. Например, на основе геральдических знаков, которыми пользовался печатник, ученые приходят к заключению, что он, вероятно, происходил из белорусского шляхетского рода Рагоза или, по крайней мере, был связан с ним. Белорусские исследователи высказывают мнение, что Иван Федоров-Федорович был родом из села Петковичи, что на границе современных Минской и Брестской областей.

Из архивных документов известно, что некий «Johannes Theodori Moscus» учился в 1529–1532 годах в Краковском университете и в 1532 году получил там степень бакалавра; возможно, речь здесь идет именно об Иване Федорове. Это же имя встречается в списках студентов немецких учебных заведений той поры.

Независимо от того, где именно учился Иван Федоров, несомненно, что это был человек эпохи европейского Ренессанса. Как и многие его современники, он был разносторонне просвещен, владел несколькими языками – греческим, латинским, польским, при этом отлично разбирался в тонкостях церковнославянской грамматики, прекрасно знал не только издательское, но и артиллерийское дело – отливал пушки, изобрел многоствольную мортиру с взаимозаменяемыми частями. На протяжении своей жизни он бывал в Кракове, Вене и, возможно, в Дрездене, встречался с императором Рудольфом II, имел тесные связи с просвещенными людьми Европы.

Непосредственным предшественником Ивана Федорова был знаменитый белорусский просветитель Франциск Скорина (1490–1551), основатель восточнославянского книгопечатания. Существует предположение, что печатник Петр Мстиславец, товарищ и напарник Ивана

Федорова и также выходец из Белоруссии, был учеником Франциска Скорины.

В 1550–1560 годах Иван Федоров служил дьяконом церкви Николая Чудотворца Гостунского в Московском Кремле. Именно в это время в Москве начинаются первые эксперименты по организации книгопечатного дела. В сохранившихся документах, относящихся к 1556 году, упоминается «мастер печатных книг», «печатный мастер» Маруша Нефедьев, состоявший при царском дворе, которому Иван IV давал поручение привезти из Новгорода еще одного мастера, Васюка Никифорова. В это же время в Москве было отпечатано несколько книг, которые сегодня принято называть «анонимными» – они не имеют выходных данных и не указывают на тех, кто отвечал за их выпуск. Сегодня ученые единодушно относят их к предыстории книгоиздательства в Московском государстве. Первой же авторизованной и точно датированной русской печатной книгой стал знаменитый «Апостол» Ивана Федорова.

Свою издательскую деятельность Федоров начал в 1563 году вместе с П. Мстиславцем. Все, кто писал о творчестве первопечатника, согласны в том, что он был не только «мастером», притом «хитрым», т. е. искусным, как его называли современники, – он был еще и великим новатором.

19 апреля 1563 года Иван Федоров и Петр Мстиславец приступили к работе над книгой ««Деяния апостольские, послания соборные и святого Павла послания», более известной под кратким названием «Апостол» (характерно, что с «Апостола» начинал свою издательскую деятельность и Франциск Скорина в Вильнюсе). Работа эта длилась около года. В послесловии к книге, которая вышла в свет 1 марта 1564 года, говорится: «По повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии и по благословению преосвященного Макария митрополита начали изыскивать мастерство печатных книг в год 61-й восьмой тысячи в 30-й год царствования его благоверный царь повелел устроить на средства своей царской казны дом, где производить печатное дело». Это – первое письменное свидетельство о начале русского книгопечатания.

В послесловии к «Апостолу» печатники сообщали также, что эта книга издана для «украшения» новых храмов, построенных в Москве и особенно в Казани и ее окрестностях, присоединенных в 1552 году к Московскому государству. Новые церкви требовалось обеспечивать богослужебными книгами, однако, как свидетельствуют авторы предисловия, старые рукописные книги содержали множество ошибок и неточностей, поэтому Иван IV Грозный решил организовать на казенные средства типографию, в которой бы книги не только печатались, но и предварительно тщательно выверялись и редактировались.

Что представляет собой книга, с которой началась история русского книгопечатания? Она состоит из 6 ненумерованных и 262 нумерованных листов, формат страниц составляет 285 х 193 мм, отпечатана книга в два цвета. Специально для нее Иван Федоров и Петр Мстиславец разработали и отлили шрифт на базе московского полуустава. В художественно-техническом отношении книга выполнена безукоризненно. Бесспорно, что и Федоров и Мстиславец к этому времени были уже опытными мастерами, в совершенстве владевшими всеми тонкостями

типографского искусства.

С первого взгляда книга поражает необыкновенной красотой оформления. В издании много иллюстраций. Страницы «Апостола» украшены 46 заставками, отпечатанными с 20 досок. При этом мастера успешно разрешили трудности, связанные с двухцветной печатью: при двухцветном печатании надо так пригнать на отпечатках текст черных литер с красными, чтобы не происходило смещение красок. Во многих старопечатных книгах такое смещение присутствует, но в «Апостоле» краски положены с поразительной точностью. Считается, что Иван Федоров использовал здесь новый способ двухкрасочной печати с одной печатной формы в два приема. Его сущность заключалась в следующем: при наборе полосы под литеры, которые должны быть воспроизведены красным, подкладывали пробельный материал. Таким образом литеры поднимались над основным набором. На приподнятые участки формы наносили киноварь и накладывали сверху лист бумаги. После того как отпечатки киноварью были сделаны для всего тиража, красный набор удаляли, заменяя его пробельным материалом или же оставляя подкладки. Форму набивали черной краской и накладывали поверх нее красный оттиск. Киноварь печатали при большем давлении с возвышенной формы, поэтому красные буквы обнаруживают большую вдавленность в бумагу. Эта одна из характернейших особенностей изданий Ивана Федорова. Возможно также, что Федоров и Мстиславец использовали и другую технику двухпрокатной печати с одной формы: киноварь могла накатываться и печататься через «фрашкет» – лист пергамента с прорезанными отверстиями. Именно так печатали мастера в Венеции и Франциск Скорина в Вильнюсе.

При создании «Апостола» Иван Федоров проявил себя и как замечательный мастер книжной гравюры. Он самолично снабдил свой «Апостол» заставками, буквицами и большой гравюрой апостола Луки, вставленной в данную рамку, причем фигура апостола значительно отличается от принятых в то время московской традицией изображений человеческого облика в иконописи и в рукописных книгах. Эта фигура объемна: перед нами живой человек, изображение которого приближается к реалистическому. В этих работах Иван Федоров предстает как художник, знакомый с традициями рукописной книги на восточнославянских землях и при этом прекрасно знающий и понимающий достижения искусства европейского Возрождения. Подобные знания в ту пору можно было получить только за пределами Московского государства, что является лишним доказательством того, что печатник начинал свою деятельность где-то в странах Центральной Европы. «Апостол» и другие, более поздние книги Ивана Федорова свидетельствуют о том, что он хорошо знал западноевропейскую книгу и способы ее украшения. Узор заставок «Апостола» несет признаки готического стиля: листья, стебли, цветы имеют ярко выраженную заостренную форму.

«Апостол» был напечатан очень большим по тем временам тиражом – от тысячи до полутора тысяч экземпляров. Из них до наших дней сохранилось не менее 47 книг (по другим данным – около 60).

После «Апостола» двумя изданиями (в сентябре и октябре 1565 года) вышел «Часовник». Но в начале следующего года печатники внезапно

покинули Москву. Впоследствии, уже работая во Львове, Иван Федоров в послесловии к львовскому «Апостолу» обстоятельно изложил причины, побудившие его и Петра Мстиславца уехать из Москвы: их типографская деятельность прекратилась из-за «великих преследований <. > от многих начальников и священноначальников и учителей <.. > злонравных, ненаученных и неискусных в разуме людей, которые ни в грамматических тонкостях навыка не имеют и духовным разумом не наделены».

Уехав в Литву, Федоров и Мстиславец организовали типографию в Заблудове, имении гетмана Ходкевича, известного мецената и просветителя. Здесь они выпустили «Евангелие учительное» – свое последнее совместное издание. После 1569 года многолетнее содружество печатников прервалось. Мстиславец уехал из Заблудова. Федоров в 1570 году еще отпечатал у Ходкевича «Псалтырь» с «Часословцем», но в 1572 году также покидает Заблудов и перебирается во Львов. Здесь при помощи украинских мещан из Львовского братства при Успенской ставропигиальной церкви ему удалось организовать новую типографию, где Иван Федоров повторно отпечатал свой знаменитый «Апостол».

Следует сказать, что типография Ивана Федорова не была первой книгопечатней на украинских землях. Из документов, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве во Львове, известно, что еще в 1460 году, то есть во времена Гутенберга, в городе уже существовала типография (когда она прекратила свое существование, неизвестно). Таким образом, Иван Федоров является не «отцом» украинского книгопечатания, а зачинателем постоянной издательской деятельности на украинских землях. Он занимает одно из почетных мест в истории украинской культуры.

264-страничный львовский «Апостол» Ивана Федорова увидел свет 15 февраля 1574 года. Он стал первой в Украине точно датированной печатной книгой. Шрифт и часть заставок в ней были заимствованы из московского «Апостола», но концовки и узорные инициалы были изготовлены заново. Кроме гравюры с изображением евангелиста Луки, повторяющей с некоторыми изменениями гравюру московского издания, во львовском «Апостоле» помещены еще две иллюстрации: родовой герб гетмана Ходкевича и чрезвычайно сложная композиция из замысловато сплетенных ветвей, на фоне которых симметрично расположены герб города Львова и типографский знак Ивана Федорова – герб рода Рагоза. Но самое важное отличие львовского «Апостола» от московского издания – это 9-страничное послесловие, написанное Иваном Федоровым и озаглавленное как «Настоящая повесть показывает, откуда началась и как создавалась эта печатня». В послесловии обстоятельно рассказывается о тех событиях, которыми были наполнены годы, предшествовавшие львовскому периоду жизни первопечатника, о причинах, побудивших его прекратить типографскую деятельность в Москве.

Предполагают, что львовский «Апостол» был напечатан в количестве 1000–1200 экземпляров. К сегодняшнему дню сохранилось лишь 85 книг.

Во Львове прошли последние годы жизни первопечатника. Его издательская деятельность оказала большое влияние на развитие украинского книгопечатания. Прямым наследником федоровской

типографии стала типография Львовского братства, действовавшая на протяжении многих десятилетий.

5 декабря 1583 года Иван Федоров скончался. Его похоронили на кладбище львовского Онуфриевского монастыря. На могиле установили надгробную плиту с типографским знаком первопечатника и лаконичной надписью: «Друкарь книг, пред тем невиданных».

Острожская Библия

Местонахождение: около 260 сохранившихся экземпляров находятся в музеях, библиотеках, архивах 23 стран мира

Вторая половина XVI столетия стала особой эпохой в истории украинской культуры. В это время под влиянием происходивших в Европе процессов начались радикальные реформы церковной жизни, возрос интерес к просветительской деятельности. В это время началось и развитие книгопечатения на украинских землях, связанное прежде всего с именем Ивана Федорова.

На рубеже 1574–1575 годов произошла знаменательная встреча Ивана Федорова с князем Константином-Василием Острожским. Этот богатый украинский магнат, меценат и просветитель уже давно думал об издании полной славянской Библии. До той поры не существовало полного перевода Священного Писания на славянский язык, имелись только переводы отдельных ее частей. Для осуществления этой цели князь Острожский собрал в своем родовом гнезде, Остроге на Волыни, кружок высокообразованных людей, занимавшихся педагогической и литературной деятельностью. Из этого кружка выросла знаменитая Острожская академия. Иван Федоров был человеком, в котором очень остро нуждался князь, так как для осуществления просветительской деятельности в Остроге не хватало типографии.

В начале 1575 года Иван Федоров уехал из Львова в Острог, оставив свою львовскую типографию на попечение сына. Это было время, когда ученые Острожской академии вели напряженную работу по подготовке к печати полного текста славянской Библии. Первая попытка подобного рода была предпринята в 1488–1499 годах в Новгороде архиепископом Геннадием, в результате чего на свет появилась рукописная Библия, получившая название Геннадиевской. Эта была очень большая работа, и князь Острожский не без основания надеялся опереться на нее в своей деятельности.

После долгих хлопот московский царь Иван IV прислал в Острог так необходимый острожским книжникам список Геннадиевской Библии, однако этого оказалось недостаточно: Геннадиевская Библия, при всей своей несомненной ценности, представляла собой перевод преимущественно с латинской Вульгаты, причем местами неудачный, в то время как в византийской традиции чаще использовалась более древняя греческая Септуагинта. Требовалось искать другие источники. Князь Острожский разослал своих посланцев по многим странам христианского мира – в Италию, Грецию, Сербию, Болгарию – с задачей искать преимущественно церковнославянские и греческие канонические тексты Библии. Однако требовались и другие источники – польские, чешские, латинские. В своей работе острожские книжники использовали и латинскую Вульгату (так называемую Пражскую Библию 1488 года), перевод Библии Франциска Скорины, и, как считается, некоторые еврейские оригиналы Священного Писания. Для перевода книг с латинского, греческого и древнееврейского языков князь Константин пригласил в Острог специалистов из крупнейших научных центров того времени: Падуи, Венеции, Кракова, с Афона.

В итоге за основу для перевода ветхозаветных книг была взята греческая Септуагинта (а не Геннадиевская Библия, как это иногда утверждают). Используя уже существующие старославянские переводы, составители Библии сверяли их с Септуагинтой. Дополнительно с греческого языка перевели Книгу Эсфирь, Песнь песней, Книгу Премудрости Соломона. При этом переводы с греческого отдельных книг Священного Писания сверялись и исправлялись в соответствии с

латинскими текстами (например, книги Товита и Юдифь). Возможно, острожские книжники обращались также и к чешскому переводу Библии. Впервые в истории славянской Библии текст был поделен на разделы – этот прием книжники князя Острожского заимствовали из Вульгаты. В итоге была проделана огромная работа – фактически Острожская академия подготовила первое научное издание Библии, в поисках «аутентичного» текста осуществив широкий сравнительный анализ разнообразных источников. Даже в Западной Европе подобную работу никто до того времени не делал.

Подготовка к изданию Острожской Библии (такое название эта книга получила по месту своей публикации) стала настоящим научным подвигом. Другим подвигом стало ее издание. Эта задача легла на плечи Ивана Федорова и его сотрудников. Острожская Библия стала главной работой первопечатника, его шедевром, выдающимся памятником украинской и всей славянской культуры.

Печатание книги растянулось на полтора года. При этом Федоров впервые в мире использовал целых шесть видов типографских шрифтов. Из Львова он сумел привезти только крупный московский шрифт «Апостола», которым печатал свои последние книги. Но для Библии этот шрифт был непригоден – книга получилась бы чрезмерно большой.

Поэтому пришлось изготовить два новых шрифта: один, очень выразительный и красивый – для основного текста, другой, мелкий – для примечаний. А крупный московский шрифт был использован для титульных страниц.

Острожская Библия стала первым полным изданием Библии, напечатанным на церковнославянском языке кириллическим шрифтом. Известны два ее тиража, датируемые 12 июля 1580 года и 12 августа 1581 года. Они почти одинаковы, лишь иногда проглядывает разница в наборе, орнаментике; во втором издании исправлены некоторые опечатки. Всего книга насчитывает 628 листов и 1256 страниц и завершается издательским знаком и колофоном Ивана Федорова. Текст напечатан в два столбца, что явилось новым приемом в книжном деле Восточной Европы. Кроме текстов Священного Писания издание включает в себя предисловие князя Константина Острожского, предисловие ректора Острожской академии Герасима Смотрицкого и послесловие Ивана Федорова. Послесловия в обоих изданиях разные, и это, пожалуй, составляет основное отличие тиражей 1580 и 1581 годов.

Графическое оформление книги достаточно скромно и отличается и от московского, и от львовского «Апостола». Печатники отказались от иллюстраций, предпочтя им простые орнаментальные украшения. Выделяется лишь изображение на титульном листе помещенного в картуш герба князя Константина Острожского. Заставки содержат орнаментальные мотивы, которые в то время были широко распространены в украинской рукописной книге. Редкой красотой и выдержанностью стиля отличаются многочисленные инициалы. Все они имеют форму прямоугольников, обведенных по краям белой линией. Как и заставки, заглавные литеры выполнены с использованием растительных мотивов, однако симметрия, свойственная заставкам, в них нередко нарушена.

Тираж этой первой полной церковнославянской Библии был по тем временам весьма значительным – около 1000–1500 экземпляров. Ее выход в свет стал крупным событием церковной и культурной жизни Восточной Европы. В своем предисловии князь Константин Острожский обращался ко всем славянам, прося их принять Библию «не как вещь земную, но как дар небесный», и этот призыв был услышан не только в славянском мире, но и далеко за его пределами. Острожская Библия получила широкое распространение среди народов, придерживавшихся византийского обряда, – не только славянских, но и среди молдаван и румын. Строгая научность издания была по достоинству оценена во всей Европе: экземплярами Острожской Библии обладали библиотека Оксфорда, шведский король Густав II, кардинал Барберини, многие ученые и общественные деятели того времени. Князь Константин Острожский подарил один экземпляр Острожской Библии папе Григорию XIII, а московский царь Иван Грозный – послу английской королевы Елизаветы. Текст Острожской Библии со временем стал каноническим текстом Священного Писания в России, Украине, Беларуси. На ее основе были созданы Московская «первопечатная» Библия 1663 года, Елизаветинская Библия 1751 года.

Непреходящее значение Острожской Библии для мировой библеистики стало одной из причин того, что до наших дней сохранилось более 260 экземпляров этой книги. Они находятся сегодня в музеях, библиотеках и архивах Украины, России, Беларуси, Польши, Литвы, Румынии, Ватикана, Греции, Сербии, Венгрии, Чехии, Эстонии, Голландии, Болгарии, Франции, Великобритании, США, Канады, Австрии, Германии, Финляндии, Узбекистана и Киргизии.

Коран султана Бейбарса

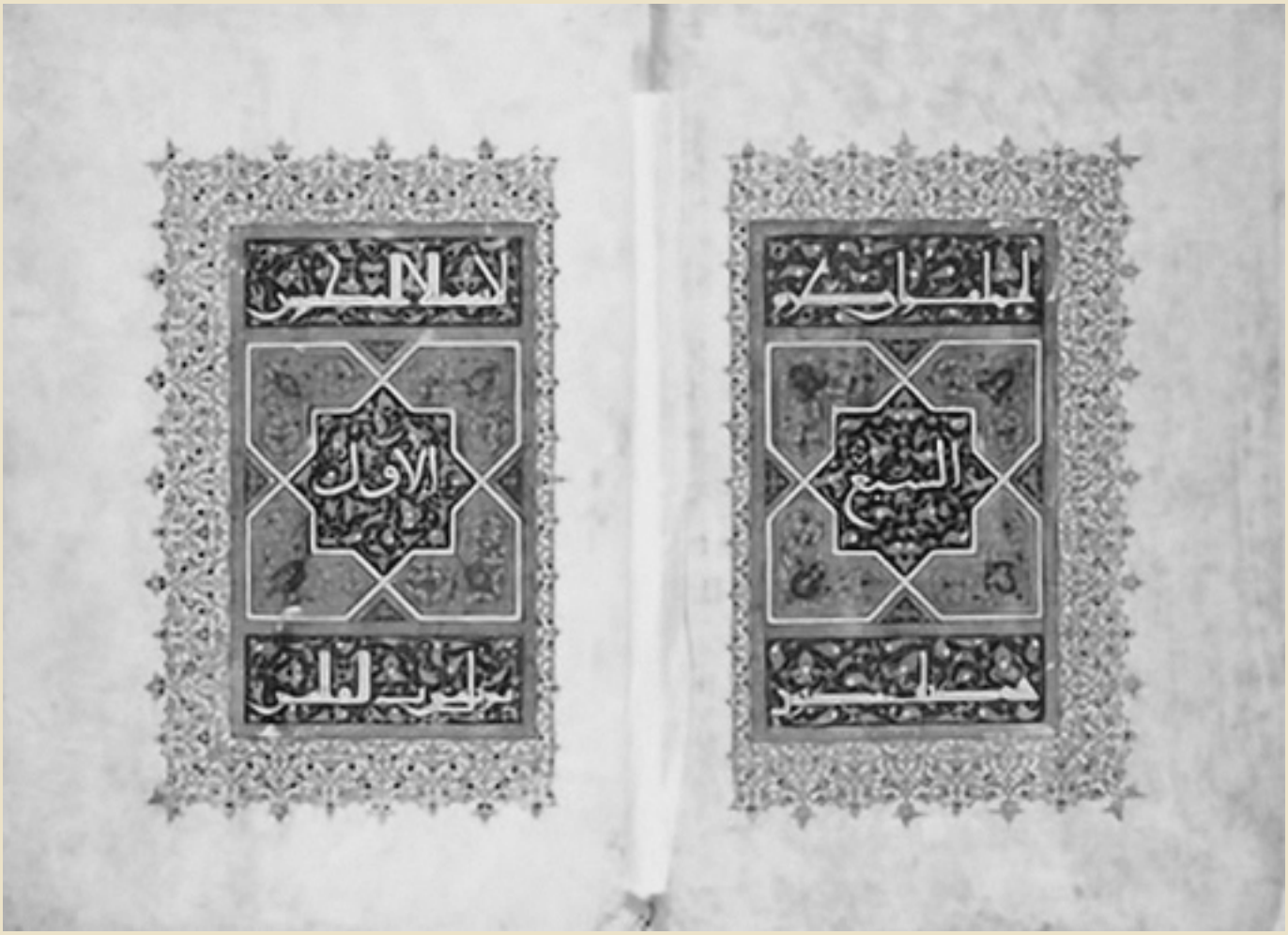
Местонахождение: Британская библиотека, Лондон, Великобритания

Эта великолепная книга выделяется даже в огромной коллекции Британской библиотеки. Ее отличает не только роскошное оформление, но и богатая история. Писец-каллиграф Мухаммед ибн аль-Вахид, художники Мухаммед ибн Мубадир, Айдугди ибн Аллах аль-Бадри и другие создавали ее в Каире в 1304–1306 годах по заказу высокопоставленного придворного по имени Бейбарс ал-Музаффар Рукн ад-Дин, который позже стал султаном Бейбарсом II, правителем мамлюкского Египта.

Традиция формировать отряды мамлюков (воинов-рабов тюркского или кавказского происхождения) восходит еще ко временам багдадских халифов. В Египте мамлюкскую гвардию впервые создал один из последних султанов из династии Айюбидов (правила в 1171–1254), Малик Салех. Он разместил своих гвардейцев на острове Рода, и поэтому первую, тюркскую династию правивших в Египте мамлюкских султанов, сменивших Айюбидов, называют «бахритскими» мамлюками (от арабского слова «бахр» – «большая река»), чтобы отличить их от династии черкесских мамлюков.

Мамлюкские султаны правили страной в течение почти трех веков – с 1251 до 1517 года, когда Египет был завоеван турками-османами. Период мамлюкского владычества – это время страшного хаоса и непрерывных

феодальных междоусобиц. В среднем пребывание мамлюкского султана на египетском троне не превышало пяти с половиной лет. Тем удивительней огромное количество великолепных зданий и архитектурных памятников, которые украсили Каир в мамлюкскую эпоху. Одной из причин расцвета Египта при мамлюках было то, что им удалось сосредоточить в своих руках левантийскую торговлю, и в первую очередь торговлю восточными специями, ставшими весьма популярными в Европе после Крестовых походов. Каир превратился в торговый центр и перевалочный пункт караванного пути, связывавшего восточные страны с Европой.

Султан Бейбарс II правил очень недолго – всего 11 месяцев (1309 г.). Его имя вошло в историю прежде всего благодаря знаменитому Корану, изготовленному по его заказу еще в ту пору, когда он занимал одну из главных административных должностей в Мамлюкском султанате. Эта книга является самым ранним датированным рукописным Кораном, дошедшим до нас с мамлюкского периода. Уникальность рукописи придают также использованный ее создателями шрифт, размер, особенности иллюстративного оформления – все они необычны для Египта начала XIV

столетия.

Согласно сообщениям арабских авторов, на изготовление книги Бейбарс потратил 1600 золотых динаров (в те времена ежемесячный бюджет семьи среднего класса составлял всего два динара). Современники описывали Коран как одно из чудес исламского мира. Текст каждого из семи его томов написан золотыми чернилами с использованием орнаментального шрифта «сульс». Обычно он использовался для декоративных заголовков, а тут этим шрифтом написана целая книга!

Мухаммед ибн аль-Вахид, работавший над текстом Корана султана Бейбарса, был очень талантливым каллиграфом. Этот Коран – единственный дошедший до наших дней известный образец его работы. Уроженец Дамаска, Мухаммед ибн аль-Вахид учился в Багдаде у очень известного писца Якута аль-Мустасими, который считается одним из лучших арабских каллиграфов всех времен. Приехав в Египет, аль-Вахид работал в каирской мечети Аль-Хаким и быстро завоевал себе славу блестящего мастера. По сообщениям современников, переписанный им Коран, даже без каких-либо иллюстраций или других декоративных украшений, можно продать за целую тысячу динаров. Правда, те же современники отмечают, что Мухаммед ибн аль-Вахид был очень ленив и имел обыкновение заставлять своих учеников делать свою работу вместо себя, а затем продавал этот труд как свой собственный.

По всей видимости, еще в Багдаде Мухаммед ибн аль-Вахид познакомился с художником Мухаммедом ибн Мубадиром. О последнем мы знаем очень мало. Багдад в ту пору являлся одним из крупнейших центров книжного дела на Арабском Востоке, и знакомство с работой ибн Мубадира над Кораном Бейбарса показывает, что он, по-видимому, учился в Багдаде либо в каком-то другом городе Ирака. Ибн Мубадир руководил группой художников, работавших над художественным оформлением Корана султана Бейбарса. В нем образцы типично мамлюкского искусства сочетаются с орнаментом, характерным Анатолии и Ирана. Многие декоративные элементы встречаются в прихотливом резном убранстве каирских мечетей и мавзолеев, построенных в эпоху мамлюков.

Коран султана Бейбарса дошел до наших дней в удивительно хорошей сохранности. Такое ощущение, что на протяжении семи веков им очень редко пользовались – он скорее являлся драгоценной реликвией, чем книгой в полном смысле этого слова. Существует предположение, что Бейбарс заказал его в качестве вклада в монастырь суфиев, сооружавшийся при его участии. Работа над Кораном завершилась в 1306 году, а монастырь был достроен в 1309 году. Однако достоверных свидетельств о том, что драгоценная рукопись хранилась именно там, у нас нет. Напротив, ранние египетские источники сообщают, что Коран первое время находился в мечети Ал-Хакима. Известно, что Бейбарс, еще будучи высокопоставленным чиновником, руководил восстановлением минаретов мечети Ал-Хакима, разрушенных землетрясением в 1303 году, что подтверждает его давние связи с этой мечетью. Сведения о том, что уникальная рукопись хранилась в монастыре суфиев, и о том, что Бейбарс с самого начала предназначал ее для этого монастыря, относятся уже к XVI столетию.

В 1858 году Коран султана Бейбарса – один из самых ценных с художественной точки зрения списков Корана – был куплен библиотекой Британского музея.

Исторические реликвии

Палетка Нармера (Образование древнеегипетского государства)

Местонахождение: Египетский музей, Каир, Египет

Между 3400–3100 годами до н. э. на территории Египта возникли два независимых царства, в каждом из которых был свой правитель. Северное царство, носившее название Красная Земля (Нижний Египет), располагалось в Дельте и тянулось на юг вдоль долины Нила до Атфиха. Его столицей был город Пе (возле древнего Депа, впоследствии переименованного в Буто). Сейчас Пе и Деп называют Телль-эль-Фараун («Курган фараонов»). Главным божеством Северного царства являлась богиня-кобра Эджо, или Уаджет. Царь Красной Земли жил во дворце в Пе и носил Красную корону.

Южное царство, или Белая Земля, протянулось в долине Нила от Атфиха до Джебель-Сильсиля. Его столица Нехен (впоследствии Гиераконполь) находилась на западном берегу Нила возле современного города Эдфу. На восточном берегу, почти против Нехена, располагался город Нехеб (Эль-Каб), являвшийся центром культа богини-коршуна Нехбет, покровительницы Южного царства.

Приблизительно в 3100 г. до н. э. царь Менес, правитель Юга (раньше египтологи отождествляли его с Нармером), объединил Красную и Белые Земли, положив начало 1-й династии египетских фараонов. Традиция приписывает ему роль создателя исторического Египта.

В 1897–1899 годах археологи Ж.Э. Квибель, Ф.У. Грин и С. Кларк вели раскопки главного храма в Гиераконполе (Нехене), где был обнаружен огромный склад вотивных приношений; в основном они относились ко времени правления первых династий. В числе других предметов, обнаруженных археологами, оказалась шиферная палетка, ныне известная как палетка Нармера, являющаяся, вероятно, подношением царя Менеса богу в благодарность за одержанную им победу. Она датируется концом IV тысячелетия до н. э. Известность этого памятника сегодня может сравниться только с Розеттской плитой Британского музея, по которой Франсуа Шампольон первым из своих современников прочел египетские иероглифы.

Сделанная из шифера и покрытая рельефными изображениями, палетка Нармера имеет высоту 64 см и являет собой прекрасный образец больших церемониальных палеток, которые появились на позднем этапе додинастического периода. На этих палетках вырезались различные сцены, благодаря чему они превратились в средство для передачи важных исторических событий. Палетка Нармера – не исключение. Она была изготовлена в ознаменование победы Южного Египта над Северным и объединения долины Нила в единое государство. Таким образом, палетка Нармера – первый памятник объединенного Египта, каменная летопись начала его истории. Рельефы на обеих сторонах плиты представляют пять сцен, из которых четыре рассказывают о победе царя Юга над северянами.

На лицевой стороне изображен фараон в белой короне, убивающий плененного северного правителя; за ним следует слуга, несущий глиняный сосуд для воды и сандалии царя (его фигура в два раза меньше фигуры

царя), а ниже этой группы – два убитых воина. Иероглифическая надпись над головой северного правителя гласит: «Гор приводит (царю) пленников из Нижнего Египта». Это один из древнейших образцов египетскогописьма.

На обратной стороне изображено завоевание Нижнего Египта. Царь в красной короне побежденного Севера идет во главе процессии смотреть на обезглавленные трупы врагов – эта сцена, возможно, происходит либо на поле боя, либо в Нехенском храме, где в ознаменование победы были принесены в жертву несколько пленников. Внизу – царь в образе быка, разрушающий вражескую крепость и топчущий врага. В средней части этой стороны – символическая сцена культового, но неясного содержания: двое мужчин держат на веревках двух фантастических животных с телом пантеры и змеиной шеей.

Таким образом, палетка изображает правителя Юга, победившего северян (лицевая сторона) и ставшего царем объединенного Египта (оборотная сторона).

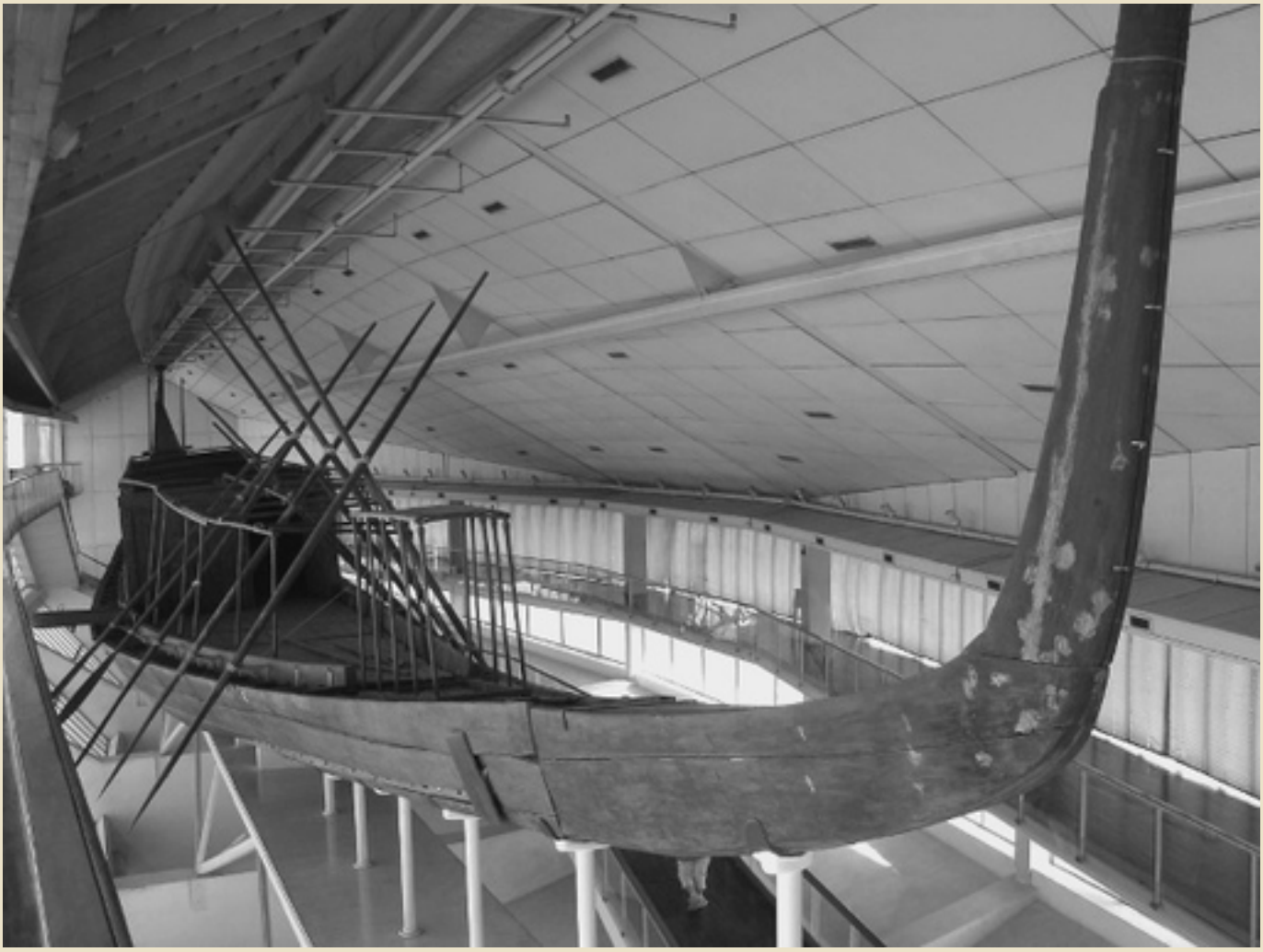
Палетка Нармера отличается чертами, знаменующими новые веяния в древнеегипетском искусстве. Каждая сцена является законченным целым и в то же время частью общего замысла памятника. Сцены расположены поясами, одна над другой, – отныне так будут строиться стенные росписи и рельефы в искусстве Древнего Египта. Вообще основные особенности этих канонов на плите Нармера уже имеются, причем ясен и путь их сложения. С одной стороны, здесь проявились новые черты, показывающие овладение художником более высоким мастерством в передаче действительности: пропорции фигур почти правильны, отмечены мускулы, положение каждого человека четко охарактеризовано различием одежд, головных уборов, атрибутов. И наряду с этим мастер, вырезавший палетку Нармера, использовал приемы, идущие из далекого прошлого, – показ социального различия действующих лиц разницей в масштабах их фигур, изображение различных частей тела человека, животного и птицы с разных точек зрения. Очевидно, что авторитет царской власти в ту пору уже был достаточно высок: мастер явно стремится возвеличить образ царя всеми доступными средствами – непомерным усилением масштабов его фигуры, сохранением пережитков древних тотемистических представлений в изображении царя в виде мощного быка, подчеркиванием тесной связи царя с божеством. Так, в главной сцене над головой убиваемого царем пленного дано символическое изображение победы Нармера: бог Гор в виде сокола протягивает царю веревку, привязанную к голове северянина, выступающей из проросшей болотистыми растениями земли – дельты Нила. Таким образом, палетка Нармера знаменует завершение развития искусства додинастического периода египетского общества и вместе с этим – рождение искусства династического Египта.

Память о существовавших когда-то двух царствах сохранялась еще долгое время спустя после объединения: Египет по-прежнему называли «Обеими Землями», фараон носил Красную и Белую короны – либо порознь, либо вместе, в виде «двойной короны», – а символы юга (осока) и севера (пчела и папирус) продолжают встречаться в изображениях и на архитектурных формах. Богини Эджо и Нехбет (известные как «две владычицы») стали покровительницами и защитницами фараона.

Солнечная ладья фараона Хеопса (Хуфу) – Самый древний корабль в
Местонахождение: Музей солнечной ладьи, Гиза, Египет

Весной 1954 года рабочие под руководством главного инспектора египетского Департамента древностей Заки Нура и инженера Камаль эль-Маллаха производили расчистку южного подножия пирамиды Хеопса. Почти столетие место это служило отвалом для многих экспедиций, проводивших раскопки некрополя в Гизе. Оно стало свалкой щебня, мусора и грунта. Приносимый пустыней ветер увеличивал ее размеры, и в результате дюны около пирамиды стали такими большими, что вблизи не было видно самого чуда света. Проще простого было бы убрать свалку бульдозером, но археологи решились на ручную расчистку в надежде, что могут попасться предметы, упущенные предыдущими экспедициями.

Ничего ценного, однако, не попадалось. Но Маллах настаивал на снятии наслоений вплоть до скального грунта. Во-первых, этого требовала сама технология раскопок, а во-вторых, Маллах подметил одну несуразицу, совершенно не свойственную древним египтянам, приверженцам строгой симметрии: когда-то пирамиду окружали стены двухметровой высоты – могильная и священная ограда заупокойного комплекса. Но если северная стена отстояла на 23,6 метра, то южная пролегала почти на 5 метров ближе. Для этого должна была быть причина!

Предчувствия не обманули Маллаха: на глубине 17 метров пошел новый слой из щебня и грязи, еще во времена Хеопса затвердевшей до прочности цемента. Маллах вооружился щупом и скоро обнаружил следы бледно-розового раствора, который состоял из сульфата кальция и двуокиси железа. Подобный раствор употреблялся в эпоху Древнего царства. Неожиданно щуп «утонул». Сомнений не оставалось: внутри была пустота…

Когда был снят слой щебня и грязи, перед археологами предстали два ряда каменных известняковых блоков, идущих параллельно южной стене пирамиды. Один ряд насчитывал 41 каменную плиту, второй – 40. Все указывало, что они перекрывают две выдолбленные в скале траншеи. Вес каждой плиты (как потом выяснилось) составлял 16–17 тонн. Качество кладки и примененный раствор не оставляли сомнений в том, к какому времени относится сооружение. Рабочие углубились еще на два метра и обнаружили высеченные в скале выступы, на которых и покоились плиты перекрытия. Сенсация не заставила себя ждать.

26 мая в одной из плит восточного ряда было пробито отверстие. Стоявшие вблизи ощутили запах благовоний, возраст которых приближался к пяти тысячам лет. Маллах взял зеркальце и направил в

темноту траншеи солнечный зайчик. Первое, что он увидел, – лопасть весла, затем отраженный луч выхватил из глубины контуры большой лодки…

В отверстие спустили фотоаппарат. На полученных снимках была отчетливо видна носовая часть судна, похожая на связку стеблей папируса. Фотоаппарат зафиксировал и надпись в картуше на внутренней стене. В нем стояло имя фараона Джедефры – сына и наследника Хеопса. Этим снимался вопрос о хозяине лодки: кому же хоронить Хеопса, как не наследнику!

Находка археологов имела международный резонанс: был обнаружен самый древний корабль на земле! Священную барку фараона ученые искали давно. Все египетские пирамиды расположены в некрополях – древних городах мертвых, которые раскинулись на западном берегу Нила. И это не случайно: по представлениям древних египтян, страна мертвых лежит именно на западе. Египтяне верили, что по небу плавают два корабля: дневная и ночная барка. Ночная барка шла с запада на восток, так же как и убывающий серп луны, который в конце месяца исчезает на востоке – там, где утром восходит солнце. Дневная барка совершала обратный путь с востока на запад, так же как солнце, луна и звезды, ежедневно появляющиеся на небе. Два лунных серпа, которые появляются то справа, то слева от солнца, символизировали смерть и воскресение.

Ритуал погребения фараона включал в себя перенесение тела умершего с восточного на западный берег Нила, повторявшее путь дневной, солнечной барки. Сама барка из-за своих размеров не могла поместиться в усыпальнице царя, но, может быть, она помещалась где-то поблизости от нее?

Из построек, окружавших Великую пирамиду, до наших дней сохранились лишь развалины верхнего (заупокойного) храма и три пирамиды-спутницы. Следы заупокойного храма открыл в 1939 году египетский археолог Абу Сейф. Этот храм располагался к востоку от пирамиды! и его фасад имел протяженность 100 египетских локтей (52,5 метра). Перед ним был устроен двор с 38 квадратными гранитными столбами, 12 таких же столбов стояло в вестибюле перед небольшим святилищем. По обе стороны от него при раскопках были найдены два выдолбленных в известняковом плато углубления, в которых когда-то стояли «солнечные ладьи фараона». Но, к сожалению, эти сухопутные «доки» оказались пусты.

Ученым были известны барки, высеченные из камня или выложенные из кирпича-сырца, которые служили скорее всего лишь ложем для хранения так и не обнаруженных деревянных частей. В некрополе Абу-Роаш около пирамиды Джедефры было обнаружено каменное ложе в форме челнока. Сохранились нетронутыми пять барок фараона Хефрена, высеченные в скале вблизи его гробницы. Но они не могли служить ложем для деревянных, судя по их строению, и, вероятно, были только изнутри выложены деревом. К этому же типу принадлежит лодка фараона V династии Униса, высеченная вблизи его пирамиды и облицованная известняком. Позади храма фараона Ниусерра в Абидосе выложена из кирпича большая священная лодка, по форме напоминающая тростниковую. В гробницах знати сохранились многочисленные деревянные

модели священных барок и лодок. Следует упомянуть 6 деревянных лодок одинакового размера (длина их 9,09 метра) неизвестного назначения и без снаряжения, найденных Морганом в Дашуре. Морган полагал, что на этих лодках везли царскую мумию и погребальную утварь, потому что с лодками были найдены гигантские сани-волокуши, на которых, вероятно, тащили лодки по пустыне. Вот и все, что к тому времени было известно о священных ладьях фараонов. Никто не знал не только их устройство, но спорили даже об их назначении.

Департамент древностей принял решение извлечь обнаруженное судно и восстановить его. Руководить работами поручили профессору Абдель Абубакру, реконструкцию – главному реставратору египетских древностей Ахмеду Юсефу Мустафе. Однако принять решение проще, чем выполнить. Ахмед Юсеф (а равно и все остальные) понятия не имел, как строили корабли древние египтяне. Реставраторы ничего не знали о состоянии дерева: перенесет ли оно после пятитысячелетнего заточения свежий воздух и солнечный свет. Дабы защитить барку от резкой перемены влажности, над траншеей необходимо было соорудить навес, а чтобы убрать многотонные плиты перекрытия, инженерам требовалось изобрести специальные приспособления.

Но все трудности были преодолены. 23 ноября, через полгода после открытия, в присутствии многочисленных гостей и иностранных дипломатов была поднята первая плита. Это сделали два подъемных крана, страховавшие друг друга, чтобы, не дай Бог, плита не сорвалась и не раздавила барку. Как всегда в таких случаях, вспомнили древних египтян, приволокших эти плиты и уложивших лишь с помощью катков, канатов и рычагов. Место после каждой снятой плиты тут же прикрывали деревянным щитом. Работы велись очень осторожно, и последняя плита была снята лишь 28 января 1955 года.

Даже непосвященный понял бы, что барка находится в разобранном состоянии, потому что ее длина превышала длину траншеи. Сверху барку покрывал слой известковой пыли, образовавшийся еще в древности. Затем шел слой материи, которая распалась и восстановлению не подлежала. Доски обшивки были перевязаны веревками и переложены циновками, сделанными из тростника и ситника. Они рассыпались при малейшей попытке взять их в руки. Носовая часть ладьи представляла собой две длинные, изогнутые и заостренные доски. Точно так же выглядела корма. В середине среди мелких деталей и досок настила лежало весло. Было очевидно, что египтяне не просто побросали в яму части корабля, а сделали это продуманно и системно. Между тем на восстановление корабля в первозданном виде ученые очень рассчитывали. Требовалось определить и функциональное назначение этого и подобного ему судам: то ли это катафалк, то ли корабль из флотилии фараона, то ли священная солнечная барка, на которой фараон, сын Солнца, Ра, вместе с отцом совершает ежедневное путешествие с востока на запад.

Только через полтора года Ахмед Юсеф смог приступить к извлечению из траншеи деревянных частей судна и их консервации. Все это время он занимался изучением приемов и техники древнеегипетского кораблестроения. Но первые данные об этом относились лишь к римскому времени, когда барке Хеопса уже миновало 2,5 тысячи лет. Правда, в

некоторых гробницах имелись барельефы, изображавшие строительство лодок, но подробности на них можно было трактовать двояко, и даже трояко. Реставратор сам работал на верфях, построил множество копий всевозможных лодок в масштабе один к десяти, и все равно чувствовал, что единственный способ реконструкции – это ощупать каждую доску и найти места состыковки с другими. Как в головоломке! Только ответственность слишком велика, чтобы ошибаться…

По мере поднятия и фиксации различных элементов судна становилось очевидно, что уложены они в определенном порядке. Следовательно, можно было рассчитывать на положительный результат. В июне 1957 года траншея, наконец, опустела. Царская ладья состояла из 651 детали. Большинство из них были сделаны из ливанского кедра, остальные – из акации, сикоморы и юбы. Кроме этого, были обнаружены кусок черного базальта, служившего молотком, несколько медных осколков, камни, служившие балластом, и много метров каната, устилавшего дно. Реликвий и ценностей не оказалось.

Весь первый год Ахмед Юсеф с помощниками делали чертежи и изготавливали модели каждой отдельной части. Пытаясь понять, как могла выглядеть конструкция корабля, Ахмед Юсеф вычертил около 300 схем предполагаемой сборки ладьи. И все-таки реставратору пришлось пять раз собирать корабль, прежде чем он остался доволен своей реконструкцией. На первую сборку у него ушло около двух лет, на последнюю – три месяца. В 1968 году, через 14 лет после обнаружения, ладью наконец выставили в специально построенном для нее музее близ пирамиды Хеопса.

Итак, ладья фараона оказалась деревянным судном, которому намеренно придали форму большого челна, изготовленного из связок стеблей папируса. Такие челны плавали по Нилу еще за 5000 лет до Р. Х. В собранном виде ладья имеет 43,4 метра в длину и 5,9 метра в центральной, самой широкой части. Глубина составляет 1,78 метра, максимальная осадка – 1,48 метра, водоизмещение – около 45 тонн. Внутри корабль напоминал вытянутую в длину половинку ореховой скорлупы. По бортам лежали длинные доски, служившие опорой палубного настила. На них были уложены поперечные доски самой палубы. В носовой части десять тонких деревянных колонн с капителями, стилизованными под бутоны лотоса, поддерживали балдахин. Для чего был устроен этот навес – неясно. Вероятно, под ним прятался от палящих лучей солнца капитан или жрец, руководивший священной церемонией во время плавания.

Главная палубная каюта занимала всю кормовую часть. Перед ней была небольшая прихожая. Двери прихожей и каюты были размещены так, что посторонний взгляд не мог проникнуть внутрь. Внутри самой каюты три деревянные колонны с пальметтами наверху поддерживали крышу. Пять пар гребных весел, длиной 6,5–8,5 метра, крепились на передней палубе, еще два рулевых весла располагались на корме. Вряд ли, однако, ладья когда-нибудь плавала на «собственной тяге». Л. Кассон считает, что ее тянули на буксире, потому что матросы в столь важном ритуальном обряде не подразумевались: их место занимали приближенные и жрецы, которые с помощью весел только корректировали ход судна.

Основной тайной ладьи Хеопса была и остается проблема ее назначения. Открывший ладью Маллах ни секунды не сомневался, что

имеет дело со священной Солнечной баркой, в которой бог Солнца Ра проплывает по дневному небосводу вместе со своим сыном (в данном историческом контексте – вместе с Хеопсом, ибо каждый фараон считался сыном Ра). Но у Маллаха нашлось много противников. Во-первых, говорили они, зачем Ра понадобилась лодка Хеопса, когда у него есть своя? Во-вторых, в траншее не нашлось никаких атрибутов священной Солнечной ладьи: не было ни изображений самого бога, ни священных жуков-скарабеев. Наконец, солнечные барки никогда не управлялись с помощью весел. Весла богу ни к чему, да и кого он за них посадит? Фараонов, своих детей?

Ахмед Юсеф считает, что царская ладья использовалась в деле хотя бы один раз. Его уверенность базируется на следах, оставшихся на самом судне. Главный реставратор уверен, что ладья была погребальной, то есть катафалком, и участвовала в похоронной процессии во время перемещения тела фараона из столицы Мемфиса в царский некрополь в Гизе.

Знаток древних кораблей Б. Ландстрем отмечает полное отсутствие на барке краски и магических предохраняющих талисманов. Отсюда, делает вывод он, ясно, что лодка построена специально для того, чтобы отвезти мумию фараона к святым местам Египта: в Саис, Буто и Абидос. А вот доктор Искандер, проводивший химическую реставрацию, думает, что ладью построили прямо возле траншеи, разобрали и захоронили, так как в обмазке известняковых блоков найдено множество щепок кедра, акации и других пород деревьев. Ему возражают: почему же тогда траншея оказалась на 9 метров короче ладьи? Выходит, каменотесы не знали, что они будут хоронить. Но аргумент этот слабый: как раз каменотесы-то и могли знать, что в разобранном виде для ладьи больше места не потребуется.

Наконец, хранитель египетских древностей Британского музея И. Эдвардс высказал точку зрения, которая как будто примиряет всех: из пяти судов, некогда захороненных вокруг пирамиды Хеопса, одни участвовали в погребальной процессии, а другие предназначались служить фараону в загробной жизни.

Свод законов царя Хаммурапи (Месопотамия) Великие цивилизации

Местонахождение: Лувр, Париж, Франция

«Арам-Нахараим» – «Сирией между реками» называется верхнее Двуречье в Ветхом Завете. Мы знаем эту страну под именем Месопотамии. Две великие реки, Евфрат и Тигр, превратили эту страну в колыбель одной из самых древних мировых культур.

Около 4400–4300 годами до н. э. в Южом Ираке, на берегах рек Тигр и Евфрат, возникла убейдская земледельческая культура, развитие которой привело к сложению цивилизации шумеров. Слава шумерских городов-государств, таких, как Урук, Ур, Лагаш, ставших носителями самой передовой культуры своего времени, дошла до наших дней. Шумеры создали одно из величайших достижений человеческого гения: на рубеже IV и III тысячелетий им удалось передать человеческую речь с помощью знаков и, таким образом, создать первую в истории человечества систему

письма. Шумерские архитекторы изобрели арку. Шумеры одомашнили кур, создали первый агротехнический календарь, первый в мире рыбопитомник, первые в мире лесозащитные насаждения, первый библиотечный каталог, они записали первые в мире медицинские рецепты.

Распад государства шумеров привел к тому, что политический центр Месопотамии медленно, но верно стал перемещаться вверх по Евфрату, через города Исин и Ларсу, пока не закрепился в маленьком городе, впервые упоминаемом только во времена III династии Ура. Его называли Вавилон – «врата бога». По преданию, Вавилон был древней столицей Саргона Великого, который перенес свой престол отсюда в другой, новопостроеннный им город. Этим он вызвал гнев Мардука, бога-покровителя Вавилона, и тот наложил на Саргона страшноепроклятие.

Вавилон долгое время вел скромное существование. Вероятно, когда-то он находился в зависимости от более важных южных городов – Исина и Ларсы. Росту и обогащению города весьма способствовало его выгодное положение на пересечении торговых путей.

Возвышение Вавилона началось в первой половине II тысячелетия до н. э., во времена правления царя Синмубаллита. А уже при его сыне, великом царе Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), Вавилон достиг своего первого расцвета.

На протяжении почти тридцати лет Хаммурапи вел непрерывные боевые действия. Он подчинил своей власти города Урук, Исин, Ларсу, Мари, Ашшур и стал правителем огромной территории. Уничтожив своих врагов, он принялся за союзников, среди которых были и цари государства Мари, расположенного к северо-западу от Вавилона. Но более всего Хаммурапи прославился составлением самого всеобъемлющего в истории Древнего мира свода законов. Он регламентировал правила поведения и ответственность за совершение различных преступлений на территории Месопотамии. Эти законы гарантировали право людей на частную собственность, а также затрагивали практически все другие стороны жизни вавилонского общества, устанавливая права и ответственность людей при ведении торговых операций, получении ссуды, участии в деятельности различных предприятий, заключении контрактов, вступлении в брак, супружеской измене, разводе, усыновлении детей, наследовании, определяли права детей и место религии в обществе, всеобщую воинскую

повинность, а также ответственность за обман, кражу, грабеж, насилие, разбой и убийство. Эти законы способствовали более быстрому и справедливому свершению правосудия. В зависимости от совершенного преступления по отношению к преступнику могло быть применено несколько видов наказаний, начиная от наложения штрафа, конфискации собственности и всеобщего осмеяния и вплоть до отсечения руки или смертной казни путем сжигания на костре или утопления. Именно по этим, изданным Хаммурапи, законам осуществлялось управление обществом в Месопотамии.

282 параграфа этого свода высечены на двухметровом базальтовом столбе, верхушка которого украшена изображением бога солнца Шамаша, восседающего на троне на вершине горы и передающего законы стоящему перед ним царю Хаммурапи. Ниже этого изображения начертан свод законов, состоящий из сорока девяти столбцов клинописного текста. В конце текста царь призывает свой народ: «Пусть он заставит прочесть мной написанный памятник, и пусть он услышит мои драгоценные слова, а мой памятник пусть покажет ему его дело. Пусть он увидит свое решение, пусть успокоит свое сердце и пусть скажет: Хаммурапи, владыка, который для людей, как родной отец, справедливо управлял страной!»

Свод законов Хаммурапи является одним из величайших документов древней юриспруденции и одним из наиболее полных собраний юридических законов древности. Другими древними сводами законов, дошедшими до нас из глубины веков, являются законы царя Ур-Нам-му, реформы Урукагины, а также хеттские и библейские заповеди.

После смерти Хаммурапи в 1750 году до н. э. власть перешла к его сыну, однако он с трудом мог поддерживать порядок на территории унаследованного им царства. С этого времени началось падение могущества древней Вавилонии. По прошествии примерно одного столетия Вавилонское царство уже не могло больше противостоять натиску захватчиков. Сперва его захватили и разграбили хетты, за ними на Вавилонское царство напали касситы, которые не только покорили его, но и надолго обосновались на его территории. Неизвестно, где на протяжении всего этого времени хранилась стела с высеченным на ней сводом законов Хаммурапи.

Конец Вавилонского царства приходится примерно на 1160 год до н. э., когда воинственные эламиты, возглавляемые царем Шутрук-Нах-хунте, провели ряд успешных военных операций и окончательно покорили Вавилон, подчинив своей власти. Эламиты захватили множество вавилонских городов, уничтожив сотни, если не тысячи местных жителей. После разбоев и грабежей, совершенных на территории Вавилонского царства, эламиты в конце концов вернулись в свою столицу – Сузы, захватив статую верховного вавилонского бога Мардука и многие другие известные скульптурные произведения Месопотамии, включая стелу, созданную в честь победы аккадского царя Нарамсина, и стелу со сводом законов Хаммурапи. Лишь длительное упорное сопротивление захватчикам жителей Вавилонии позволило предотвратить полное покорение их царства эламитами, которые вынуждены были вернуть им статую бога Мардука. Однако вернуть стелу с высеченным на ней сводом законов Хаммурапи эламиты отказались.

В соответствии с бытовавшей в то время практикой стирания надписей с захваченных памятников и заменой их собственными посвящениями, эламиты уничтожили часть высеченных на стеле законов Хаммурапи, но в силу каких-то причин – возможно, из-за последовавшего предупреждения о том, что на головы тех, кто тем или иным образом повредит стелу, будет наслано проклятие – никаких новых надписей на месте стертых сделано не было. Монументальный каменный столб, на изготовление и перевозку которого требовались огромные материальные и физические затраты, в конце концов был размещен в одном из храмов в Сузах. Спустя несколько столетий царство эламитов пришло в упадок, и все сведения о стеле теряются. Лишь в начале 1902 года французские археологи во время раскопок, проводившихся в Иране неподалеку от местонахождения древней эламской столицы – города Сузы, вновь обнаружили стелу. Ее изучение позволило ученым лучше изучить и понять законы и культуру одной из древнейших мировых цивилизаций.

Фестский диск (Крито-минойская цивилизация)

Местонахождение: Археологический музей Ираклиона, Ираклион, о. Крит, Греция.

Остров Крит расположен в самой крайней точке огромной горной дуги, протянувшейся через Эгейское море к Малой Азии – маленький темный камень на «винноцветной» ладони моря. Легенды и мифы Древней Греции прославили этот остров сказаниями о богах и героях, прекрасных царевнах и о первом полете человека в небо.

На Крите, в пещере горы Дикта, родился верховный бог Олимпа Зевс – сын «Великой матери» Реи. Она бежала сюда, спасая своего сына от людоеда-отца, титана Кроноса, пожравшего всех своих остальных сыновей, опасаясь, что один из них, согласно предсказанию, свергнет его. Пчелы приносили маленькому Зевсу мед, коза Амальтея кормила его своим молоком, нимфы охраняли его. До сих пор сохранилась эта огромная пещера, вход в которую скрыт зарослями тамариска.

Сюда, в обетованный цветущий край, перенес Зевс по морю, превратившись в златорогого быка, похищенную им красавицу Европу – дочь финикийского царя. И здесь, на Крите, Европа родила от Зевса сына – будущего правителя острова, Миноса.

Легенды рассказывают, что царь Минос был столь жесток и высокомерен, что боги в наказание послали ему сына-чудовище. Это чудовище явилось плодом не менее чудовищного греха, совершенного женой Миноса – Пасифаей. Она отличалась неслыханным сластолюбием. Зная это, бог морей Посейдон подослал к Пасифае белоснежного быка, от которого она и родила Минотавра, человека с бычьей головой, питавшегося человечьим мясом.

Минотавр жил в огромном дворце – Лабиринте, построенном на Крите знаменитым зодчим Дедалом, с бесчисленными коридорами, столь хитроумно запутанными, что ни один смертный, раз попав во дворец, уже не мог выйти оттуда и погибал в пасти Минотавра. Каждые девять лет жители заморских земель, подвластных Миносу, присылали семь юношей и семь девушек в жертву Минотавру.

Отважный герой Тесей, сын афинского царя Эгея, убил Минотавра и, совершив этот подвиг, благополучно выбрался из лабиринта по клубку ниток, который дала ему влюбленная красавица Ариадна, дочь царя Миноса.

С Крита взлетели Дедал и Икар на крыльях из перьев, скрепленных воском, но Икар слишком высоко поднялся к солнцу, воск растаял, и он упал в море, в память о нем названное потом Икарийским.

На Крите великий Геракл совершил свой седьмой подвиг – укротил знаменитого критского быка, переплыл на нем море и доставил быка в подарок афинскому царю Эврисфею…

Бесчисленны художественные произведения, созданные на эти сюжеты и в античном мире, и в эпоху Ренессанса. Имена их героев по сей день остаются нарицательными. И возможно, этим легендам так и суждено было остаться легендами, если бы однажды на Крит не приехал Артур Джон Эванс, хранитель Оксфордского музея Эшмолин. Именно ему суждено было открыть одну из величайших цивилизаций древности, получившую название крито-минойской.

Эванс провел на Крите почти сорок лет. Шли годы, а работам все не было конца. Сорок лет в разных местах острова копал Эванс, ибо поверил – и настолько, что заявил об этом публично, – что обнаруженное им здание не что иное, как развалины легендарного Лабиринта.

Однажды сэра Артура Эванса спросили, почему он, не колеблясь, заявил о том, что открыл «Дворец Минотавра», хотя никаких достоверных фактов, подтверждающих правоту его слов, еще не было.

Он ответил: «Я поверил в ариаднину нить истории – мифы». Ему возразили: «Но ведь они слишком красивы, чтобы показаться истиной?» Тогда Эванс сказал: «Любой самый красивый узор на ковре вышит обычной нитью, скрученной из овечьей шерсти. Так говорят на Крите. Я забыл про фантастические узоры и увидел нить, скрученную из фактов…»

Сейчас в любом труде, посвященном истории Крита, можно увидеть детальный план «Дворца Миноса» в Кноссе, составленный в результате раскопок Эванса, его учеников и коллег. 16 тысяч квадратных метров составляла его площадь. В нем было множество залов, пристроек, кладовых, соединенных бесконечными лестницами, коридорами, переходами. Более тысячелетия строился Лабиринт – столько же, сколько существовала минойская цивилизация.

О своих исследованиях Эванс рассказал в четырехтомном труде, в котором разделил всю историю крито-минойской культуры на три основных периода: раннеминойский, уходящий в бронзовый век (III–II тысячелетия до н. э.), среднеминойский (примерно до 1600 года до н. э.) и позднеминойский – самый короткий, заканчивающийся примерно 1250 годом до н. э. Период расцвета критской культуры Эванс отнес ко времени перехода от среднеминойской к позднеминойской эпохе – то есть примерно к 1600 году до н. э., предположительному времени жизни и царствования Миноса. Оказалось, что раскопанные Генрихом Шлиманом циклопические крепости-города в материковой Греции – Микены и Тиринф, поразившие исследователей своим богатством и мощью, первоначально были всего лишь провинциальными городами минойской державы.

Тысячи предметов, обнаруженных на Крите и сэром Артуром Эвансом, и другими учеными, хранятся в Археологическом музее Иракли-она, современной столицы острова. Этот музей – крупнейшее в мире собрание произведений искусства и исторических памятников крито-минойской цивилизации, уникальное по своей красоте и законченности. Посетителей неизменно поражает богатство и разнообразие экспозиции. Большинство представленных здесь объектов происходят из Кносса, остальные – из других мест острова. К числу всемирно известных памятников минойской культуры принадлежат хранящиеся в музее Ираклиона Фестский диск, «Богиня со змеями», вазы из Айя-Три-ады и Като Закроса, подлинные фрески из дворца в Кноссе,

изображающие игры с быком (в самом Кносском дворце их теперь заменяют копии).

Проблема происхождения и гибели народа, населявшего Крит, и поныне остается главной проблемой для всех археологов, для всех ученых, занимающихся древнейшим периодом античной истории. Кто же все-таки был создателем критской культуры, строителем замечательных дворцов Кносса и других городов и поселений острова? Кто жил на Крите до прихода туда греков?

Согласно Гомеру, остров населяли пять различных народов – критяне, кидоны, ахейцы, дорийцы, пеласги. По сведениям Геродота, критский царь Минос не был греком, однако Фукидид свидетельствует об обратном. Артур Эванс склонялся к гипотезе об африканско-ливийском происхождении населения Крита. Дерпфельд, бывший сотрудник Шлимана, в 1932 году утверждал, что критское искусство зародилось в Финикии. Есть гипотеза о том, что предками критян являлись хетты, выходцы из Малой Азии, и кртияне говорили на языке, близком к хеттскому – то есть были индоевропейцами. Есть и прямо противоположная точка зрения – цивилизация Крита создана не индоевропейцами. Высказывалось предположение, что вся критская культура является лишь частью ахейской, т. е. греческой. Однако многое говорит за то, что греческая цивилизация была в то время значительно ниже критской.

Нитью Ариадны, которая вывела бы из этого лабиринта, могла бы стать письменность. На Крите обнаружено несколько тысяч табличек со знаками линейного письма, в том числе архив Кносса. Эти знаки различны – существует линейное письмо «А», более древнее, и линейное письмо «Б», относящееся к XV–XIV веками до н. э. Последнее представляет собой тексты на греческом языке, записанные критскими знаками и в критской манере слогового письма. Это может означать только одно: в XV веке до н. э. Кноссом правили говорившие на греческом языке чужеземцы. Что касается линейного письма «А», то попытки его расшифровки до сих пор не увенчались успехом.

Возможно, что древнейшие жители Крита говорили на языке, который исследователи называют «минойским» и который не был ни греческим, ни вообще индоевропейским и не состоял в родстве ни с одним из известных науке языков. Расшифровка письма «А» помогла бы не только приподнять завесу над некоторыми тайнами древних письменностей, но и выяснить ряд нерешенных вопросов, связанных с историей Крита. Дополнительную сумятицу вносит еще один тип критского письма – иероглифический.

Практически единственным известным памятником этой письменности является знаменитый терракотовый диск диаметром в 15 сантиметров, найденный итальянским археологом Луиджи Пернье 3 июля 1908 года на южном побережье Крита, среди руин Фестского дворца, разрушенного катастрофическим землетрясением около 1400 года до н. э. На протяжении сотни лет тревожит он воображение ученых.

Загадка Фестского диска – одна из величайших тайн мировой истории. Для чего он был создан? Где и кем? Что означает? Ответов нет, одни предположения. Ученые расходятся и в датировке диска: одни полагают, что он был создан между 1850 и 1600 годами до н. э., другие

датируют его 1400 годом до н. э., третьи относят к XIV веку до н. э.

Диск изготовлен из обожженной глины и имеет 15 см в диаметре и толщину чуть более одного сантиметра. На поверхности каждой стороны диска прорезаны спирали, а в них размещены группы символов, напоминающих иероглифы, которые выдавлены в глине специально сделанными инструментами-пинтадерами. Группы разделены линиями, пересекающими спираль; в каждую группу входит от 2 до 8 символов – слова? Предложения? Или надпись на диске слоговая, то есть отдельные знаки обозначают слоги, а не буквы?

Сторона А содержит 123 символа в 31 группе, сторона В имеет 119 символов в 30 группах. Многие из символов повторяются как на стороне А, так и на стороне В. Всего на диске имеется 241 символ, включая 45 уникальных, объединенных в 61 «слово» – 31 на одной стороне и 30 на другой. Изучая их, ученые установили, что знаки были выдавлены на глины с помощью специальных штампов, после чего диск был обожжен в огне для придания ему долговечности. Но неужели эти штампы изготовили только для одного-единственного диска? Не может быть! А раз так, то где-то должны находиться и другие надписи, изготовленные тем же способом!

Должны. Но их нет. За истекшие сто лет нигде в мире не было найдено ничего подобного Фестскому диску. Никаких аналогий! А между тем символы, сопоставимые со знаками на загадочном диске, в небольшом числе найдены среди других критских надписей (сегодня за этой письменностью закрепилось название «критская иероглифика»). Однако их слишком мало. Нет никаких других текстов, с которым можно было бы сопоставить текст Фестского диска, и нет образцов для перекрестных ссылок. Известны и примеры спирального расположения надписей: подобные тексты находят и на Крите, и в Эгейском бассейне, и в Этрурии. То есть нельзя говорить, что Фестский диск не имеет никаких подобий в окружающей его культурной среде. Однако при этом он по-прежнему остается уникальным явлением.

Количество гипотез, объясняющих происхождение Фестского диска, не поддается исчислению; наиболее любопытны из них те, что связывают минойскую культуру с древними мегалитическими культурами Англии и атлантического побережья Франции. Надпись на Фестском диске не расшифрована до сих пор, несмотря не бессчетное число попыток, и серьезные ученые склонны полагать, что она будет расшифрована лишь в том случае, если найдется еще достаточное число аналогичных надписей. Пока же все попытки обречены на неудачу – Фестский диск содержит слишком мало информации для анализа.

Маска Агамемнона (Троянская война)

Местонахождение: Национальный Археологический музей, Афины, Греция

«Златообильные» Микены… Легендарный город, где правил победитель троянцев, «владыка мужей» царь Агамемнон. Именно сюда, следуя указаниям Гомера, отправился Генрих Шлиман после того, как раскопал на Гиссарлыкском холме руины древней Трои. И снова ариаднина нить легенд не подвела его.

В 1876 году, 54 лет от роду, Шлиман приступает к раскопкам в Микенах. В 1880 году он открывает сокровищницу царя Минии в Орхомене. В 1884 году он начинает раскопки в Тиринфе… Так шаг за шагом из глубины времен стала проступать и приобретать очертания древняя цивилизация, которая до этого была известна только из «сказок» слепого Гомера. Эта цивилизация была распространена на всем восточном берегу Греции и на островах Эгейского моря, а ее центр, вероятно, находился на острове Крит. Шлиман обнаружил только ее первые следы, но открыть ее истинные масштабы было суждено Артуру Эвансу.

Троя, судя по описаниям Гомера, была очень богатым городом. Микены же были еще богаче. Именно сюда Агамемнон и его воины доставили богатую троянскую добычу. И где-то здесь, по мнению некоторых античных писателей, находилась гробница Агамемнона и его друзей, убитых вместе с ним.

Память о «владыке мужей» Агамемноне, одном из самых могущественных и богатых правителей Древней Греции, никогда не угасала. Великий Эсхил посвятил ему свою знаменитую трагедию. Около

170 года до н. э. в Микенах побывал греческий географ Павсаний, который описал величественные руины города. Теперь у развалин дворца Агамемнона стоял Генрих Шлиман.

В отличие от Трои здесь его задача во многом облегчалась тем, что Микены не нужно было искать. Место, где находился древний город, было видно совершенно отчетливо: остатки огромных сооружений вырисовывались на вершине господствующего над окружающей местностью холма.

Шлиману удалось найти и исследовать девять купольных гробниц (в свое время их принимали за печи для выпечки хлеба). Самая известная из них носила название «Сокровищница Атрея» – по имени отца Агамемнона. Это было подземное куполообразное помещение высотой более тринадцати метров, своды которого были сложены из огромных камней, держащихся лишь силой собственной тяжести. Гробница глубоко врезана в склон холма, к ней ведет открытый коридор – «дромос» длиной 36 м и шириной 6 м. Десятиметровой высоты вход в гробницу когда-то украшали колонны из зеленого известняка и облицовка из красного порфира. Внутри – круглое помещение усыпальницы диаметром 14,5 м, перекрытое куполом диаметром 13,2 м. «Сокровищница Атрея» вплоть до сооружения римского Пантеона (II в. н. э.) являлась самым большим купольным сооружением древнего мира.

Греки верили, что эта гробница – хранилище несметных богатств микенских царей: Пелопса, Атрея и Агамемнона. Однако поиски Шлимана показали, что все девять гробниц в Микенах были разграблены еще в древние времена. Где же скрываются сокровища Агамемнона?

Найти эти сокровища Шлиману помог уже упоминавшийся древнегреческий географ Павсаний, автор «Описания Эллады». В его тексте Шлиман отыскал одно место, которое считал неверно переведенным и неверно интерпретированным. И именно это указание стало отправной точкой поисков.

«Я приступил к этой большой работе 7 августа 1876 года вместе с 63 рабочими, – писал Шлиман. – Начиная с 19 августа в моем распоряжении находились в среднем 125 человек и четыре телеги, и мне удалось добиться неплохих результатов».

«Неплохими результатами» Шлиман называет пять шахтовых гробниц, относящихся к XVI веку до н. э. и расположенных вне крепостных стен. Уже первые находки, сделанные здесь, намного превзошли своим изяществом и красотой аналогичные находки Шлимана в Трое: обломки скульптурных фризов, расписные вазы, терракотовые статуэтки богини Геры, формы для отливки украшений, глазурованная керамика, стеклянные бусы, геммы…

У Шлимана отпали последние сомнения. Он писал: «Я нисколько не сомневаюсь, что мне удалось найти те самые гробницы, о которых Павсаний пишет, что в них похоронены Атрей, царь эллинов Агамемнон, его возница Эвримедон, Кассандра и их спутники».

6 декабря 1876 года была вскрыта первая могила. В течение двадцати пяти дней жена Шлимана Софья, его неутомимая помощница, рыхлила землю ножом и просеивала ее руками. В могилах были найдены останки пятнадцати человек. Их останки были буквально засыпаны

драгоценностями и золотом, дорогим оружием. В то же время имелись совершенно явные следы поспешного сожжения тел. Те, кто хоронили их, даже не дали себе труда дождаться, пока огонь полностью сделает свое дело: они просто забросали полусожженные трупы землей и галькой с поспешностью убийц, которые хотят замести свои следы. И хотя драгоценные украшения свидетельствовали о соблюдении погребального ритуала того времени, могилы имели такой откровенно неприличный вид, который мог уготовить своей жертве только ненавидящий ее убийца.

«Я открыл для археологии совершенно новый мир, о котором никто даже и не подозревал», – писал Шлиман. Клад, найденный им в гробницах микенских владык, был огромен. Лишь много позже, уже в XX столетии, его превзошла знаменитая находка гробницы Тутанхамона в Египте.

В первой могиле Шлиман насчитал пятнадцать золотых диадем– по пять на каждом из усопших; там же были обнаружены золотые лавровые венки. В другой могиле, где лежали останки трех женщин, Шлиман собрал более 700 золотых пластинок с великолепным орнаментом из изображений животных, медуз, осьминогов, золотые украшения с изображением львов и других зверей, сражающихся воинов, украшения в форме львов и грифов, лежащих оленей и женщин с голубями. На одном из скелетов была золотая корона с 36 золотыми листками. Рядом лежала еще одна великолепная диадема с приставшими к ней остатками черепа.

В открытых им гробницах Шлиман нашел бесчисленное множество золотых украшений, украшения из горного хрусталя и агата, геммы из сардоникса и аметиста, секиры из позолоченного серебра с рукоятками из горного хрусталя, кубки и ларцы из чистого золота, выполненную из золота модель храма, золотого осьминога, золотые перстни с печатями, браслеты, тиары и пояса, 110 золотых цветов, около трехсот золотых пуговиц. Но самое главное – он нашел золотые маски микенских царей и золотые нагрудные дощечки, которые должны были защищать усопших от врагов в потустороннем мире. Золотые маски запечатлели черты лиц древних владык Микен. Самая великолепная из этих масок впоследствии получила название «маска Агамемнона». Впрочем, как и в случае с «кладом Приама», шлимановская датировка находок оказалась неверна: не останки Агамемнона оказались в микенских гробницах – там были захоронены люди, жившие примерно на 400 лет раньше.

Дама из Эльче (Средиземноморская колонизация)

Местонахождение: Национальный Археологический музей, Мадрид, Испания

Некоторые древние царства на восточном побережье Средиземного моря сегодня объединены под названием, которым в древности пользовались греки, – Финикия, хотя ни в какой период истории они не составляли единого государства. Эти города-государства, границы которых чаще всего совпадали с линией городских стен, были в свое время главными центрами мировой торговли. Сюда сходились караванные пути с многих направлений. Самыми важными были маршруты, проходившие от Персидского залива, конечного пункта морского пути из Индии, через Вавилон, Пальмиру и Дамаск к Средиземному морю, и «Дорога благовоний», по которой, кроме прочих ценностей, переправлялись

всевозможные пряности с юга Аравийского полуострова, за две тысячи километров.

Предметы производства большинства известных в то время стран сбывались в финикийских городах-государствах: золото из Нубии, серебро с гор Тавра, медь с Синая, пряности и слоновая кость из Индии, глазурованные вазы с Крита, стекло и керамика, парча и полотно из Дамаска. Здесь можно было купить мази, притирания и масла, а также красящие и косметические вещества для нужд придворных дам.

Но финикийские государства были не только важными торговыми центрами, но и центрами высокоразвитых ремесел. Финикийцы славились искусством обработки дерева и техникой судостроения. Кедровый лес Ливанских гор был желанным товаром для многих стран. Финикийские столяры принимали участие в строительстве храмов в Вавилоне, Фивах и Иерусалиме; суда, построенные на финикийских верфях, охотно покупали египетские фараоны. А когда хетты научились получать железо, финикийцы стали первыми, кто освоил методы плавки и закалки стали.

Жители Финикии рано начали осваивать морские пути на запад, вдоль побережья Северной Африки. Так как в те времена навигация была довольно примитивной, то даже такие опытные мореплаватели, как финикийцы, старались плавать только вдоль побережья, не теряя из виду берега. В связи с этим они были вынуждены устраивать стоянки для своих судов примерно через каждые 30–35 км – расстояние, которые их корабли могли пройти за день. Эти поселения были, скорее всего, не постоянные, а временные, типа факторий – опорных пунктов в торговле с местным населением. А одной из первых финикийских колоний на северном побережье Африки, основанной выходцами из Тира, стал Карфаген (по-финикийски – Quart Haddasht, «Новый город»), располагавшийся близ современного города Туниса. Традиционной датой его основания считается 814 год до н. э. Исключительно благоприятное положение Карфагена – в самом центре североафриканского побережья, на скрещении главных морских путей – и наличие удобной просторной гавани, вмещавшей до 200 галер, быстро выдвинули его в ряд крупнейших городов античности.

Карфаген основал колонии на восточном побережье Иберии (нынешней Испании). Там же находились и греческие колонии. Таким образом, искусство античной Испании оказалось под сильным влиянием различных культурных течений, и местных, и занесенных извне. Памятником той далекой и во многом загадочной для нас эпохи ныне является удивительная находка, обогатившая культурное наследие античности еще одним шедевром.

4 августа 1897 года в Алькудии, приблизительно в 2 км к югу от города Эльче (провинция Аликанте) при случайных обстоятельствах был найден высеченный из известняка бюст женщины, названный по месту находки «Дамой из Эльче». Город Эльче был известен еще во времена иберов. Позднее древние греки основали здесь свою колонию под названием Элисе (Хелисе), а римляне переименовали город в Колонию Юлия Илиси Аугуста.

Французский знаток древностей Пьер Пари приобрел скульптуру и отправил ее во Францию. Вплоть до начала Второй мировой войны она экспонировалась в Лувре. В 1940–1941 годах правительство Виши и испанское правительство вели переговоры о возвращении «Дамы из Эльче» в Испанию, и 27 июня 1941 года скульптура была наконец выставлена в мадридском музее Прадо, а затем перемещена в Национальный Археологический музей, где и остается до сего дня.

С момента своего обретения «Дама из Эльче» приобрела широкую известность и до сих пор остается предметом острых дискуссий. Бюст, местами сохранивший следы яркой раскраски, как принято считать, изображает женщину (некоторые полагают – мужчину), облаченную в очень сложный головной убор со странными большими «катушками» по обеим сторонам лица. Это тяжелое убранство, равно как и массивные украшения на груди, напоминают изделия карфагенского художественного ремесла. В то же время в строгой величавости образа, его высокой одухотворенности и благородстве с налетом смутной печали дышит художественный гений Эллады. Отверстие в задней часть скульптуры указывает на то, что она, возможно, использовалась как погребальная урна. Предположительно бюст

был изготовлен в IV–III веках до н. э.

Находка «Дамы из Эльче» вызвала большой интерес в научных кругах и заставила ученых пристальнее взглянуть на культуру древних иберов. Считается, что скульптура создана местными мастерами, однако в ней несомненно присутствуют следы иных культурных веяний: одни специалисты полагают, что эллинистических, другие – что этрусских, третьи видят в «Даме из Эльче» признаки тесных иберо-карфагенских связей, а некоторые даже находят здесь черты искусства американских индейцев. Это может свидетельствовать о том, что местные мореплаватели – скорее всего, финикийцы или карфагеняне – побывали в Америке задолго до Колумба.

Херонейский лев

Местонахождение: Херонея, Греция

Битва при Херонее, произошедшая в начале августа 338 года до н. э., стала самой большой победой македонского царя Филиппа II и одновременно подвела черту под классическим периодом истории Древней Греции. Несмотря на героическое сопротивление, греки потерпели у стен Херонеи поражение, ознаменовавшее конец их свободы…

В середине IV века до н. э. царем Македонии стал Филипп II (359–336 гг. до н. э.). Он значительно расширил границы своего государства, подчинив ряд племен, живших на севере Балкан, и в итоге сумел превратить Македонию в первоклассную державу. Филипп провел реформу армии, сделавшую ее самой мощной силой на Балканском полуострове. Македонская армия была закалена в бесчисленных походах, среди сподвижников царя появилось много талантливых военачальников. Захватив Пангейские рудники, Филипп начал чеканить золотую монету и в отличие от большинства полисов не испытывал затруднений в финансировании своих военно-политических мероприятий. Трезвый политик, прекрасно ориентировавшийся во внешнеполитической ситуации, Филипп стал умело вмешиваться в дела Греции, с выгодой для себя используя внутренние раздоры среди греческих государств.

Усиление Македонии и возраставшее вмешательство Филиппа в греческие дела привели к серьезным противоречиям среди граждан Афин и других греческих полисов. Огромные средства, которыми располагал царь Македонии, позволяли ему подкупать греческих политических деятелей, но помимо этого у него имелось и немало бескорыстных сторонников, рассчитывавших, что покровительство Филиппа принесет Греции политическую и социальную стабильность. Сопротивление македонскому царю возглавили Афины, а вдохновителем и организатором этой борьбы стал выдающийся оратор Демосфен, в своих страстных речах призывавший греков оставить взаимные распри и объединиться в борьбе за свободу и независимость. Большинство афинских граждан понимало, что владычество македонян уничтожит демократические порядки, которые еще сохранились в Афинах, и было готово отстаивать независимость своей родины.

Демосфену удалось создать сильный союз, в который вошли Афины, Коринф, Аргос, Фивы и ряд других греческих полисов. В первых числах

августа 338 года до н. э. около города Херонеи (в Беотии) произошло решающее сражение: объединенные силы греков сошлись в битве с македонским войском. Историки расходятся в оценке того, какими силами располагали соперники: одни утверждают, что численным превосходством обладали греки, другие – что македонцы. Называются и разные цифры, характеризующие силы сторон. Сегодня преобладает точка зрения о том, что в армии Филиппа Македонского насчитывалось около 22 тысяч воинов, силы греков были сопоставимы по численности или несколько превышали силы македонян. Правым крылом македонского войска командовал сам Филипп, левым – его восемнадцатилетний сын Александр, будущий великий полководец; в центре стоял опытный военачальник Антипатр.

Несмотря на отчаянное сопротивление греков, македоняне одержали решительную победу. В битве при Херонее особой славой покрыл себя «Священный отряд» из Фив, насчитывавший 300 отборных молодых воинов. 254 из них пали на поле брани, остальные 46 израненными попали в плен к врагу, изумленному их стойкостью.

На месте героической гибели «Священного отряда» скорбящие граждане Фив воздвигли 5-метровый мраморный монумент, изображающий раненого льва. Об этом памятнике сообщает греческий географ II века н. э. Павсаний в своем «Описании Эллады». Он пишет, что этот лев был установлен над братской могилой фиванцев, героически павших в борьбе против царя Филиппа. В дальнейшем монумент был забыт. Поэтому когда в 1818 году фрагменты мраморного льва неожиданно были найдены, это стало настоящей сенсацией. Памятник был заново собран и установлен на пьедестале на том самом месте, где был обнаружен. Во время греческой освободительной войны 1821–1822 годов монумент опять пострадал: один из греческих генералов, решив, что под монументом спрятано сокровище, расколол памятник и нашел под его постаментом копья и щиты погибших фиванцев. В 1879 году исследованиями участка занимался греческий археолог Г. Сотериадис. На том самом месте, где стоит лев, он обнаружил массовое захоронение с останками 254 человек – предположительно, павших воинов «Священного отряда». В 1902 году, после завершения всех работ, воссозданный из обломков мраморный лев был установлен на новый пьедестал.

Саркофаг Александра Македонского

Местонахождение: Археологический музей, Стамбул, Турция

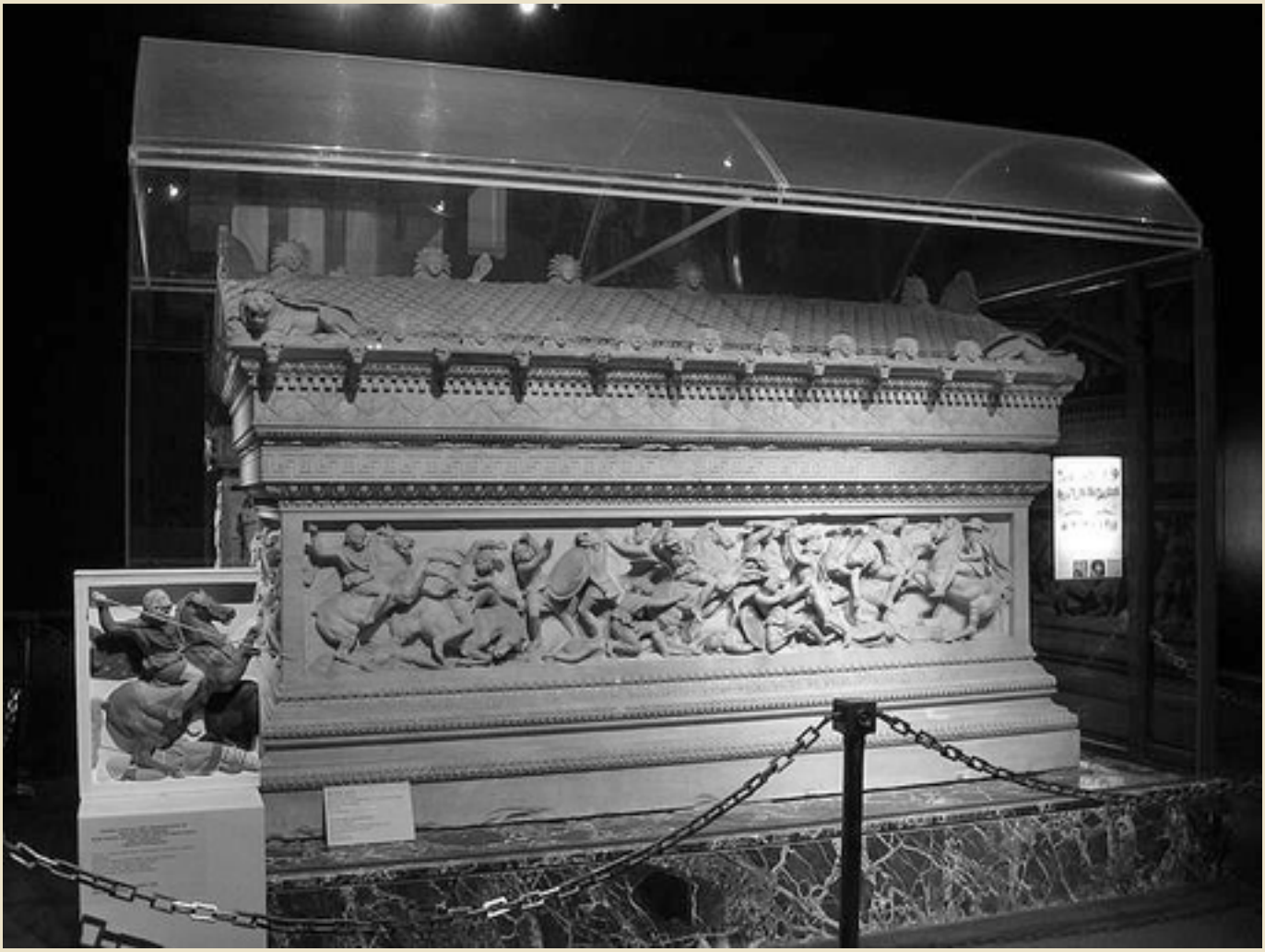
К имени Александра Македонского неизменно добавляют – «Великий». Так называли его и современники, и те, кто родился позже. Военные историки ставили его выше Цезаря, Густава Адольфа, принца Евгения Савойского, Фридриха II Прусского и Наполеона. Он был способен реформировать армию и вести дискуссии о Гомере, создать единую денежную систему огромной империи и ставить драмы Еврипида, основывать города и вести переписку с Аристотелем…

Александр поразил воображение современников своими блестящими победами над персидским царем Дарием. Затем его армия перешла Гиндукуш и вторглась в Индию. Победа следовала за победой. Однако силы греко-македонцев таяли, солдаты устали, сам Александр был тяжело ранен. В 325 году до н. э. он возвратился в Вавилон, где стал строить планы покорения Северной Африки – вплоть до Гибралтара. Но в 323 году до н. э. в возрасте 33 лет он скончался…

После его смерти империя развалилась. Сподвижники Александра – диадохи боролись не только за трон, но и за право владения телом Александра: два года оно прилежало там, где он умер, – в спальных покоях дворца, набальзамированное жрецами, выписанными из Египта. Было очевидно, что тот из диадохов, в чьей стране будет воздвигнута усыпальница Александра, станет обладателем символа, означавшего особый статус главного наследника.

Последняя воля царя гласила: он должен быть погребен в оазисе Сива, где жрецы некогда приветствовали его как сына Зевса-Амона. В соответствии с последней волей усопшего греческий инженер Филипп сконструировал колесницу на рессорах, с колокольчиками и с четырьмя дышлами; в нее были запряжены 64 мула. На колеснице был установлен мраморный саркофаг, на золотой крышке которого лежали оружие

Александра и щит из Трои. Опираясь на колонны из слоновой кости, над ним возвышался балдахин, украшенный драгоценными камнями, подобный небесному своду.

В Дамаске колесницу с саркофагом встречал царь Египта Птолемей, один из диадохов. Но он не отвез саркофаг в Сиву, а доставил его в Мемфис (321 г. до н. э.), а позднее в Александрию, где, как считается, тело великого полководца и нашло свое последнее пристанище. В 30 году до н. э., как сообщает римский историк Светоний, император Август «осмотрел тело Александра Великого, гроб которого вынесли из святилища: в знак преклонения он возложил на него золотой венец и усыпал тело цветами». Император Септимий Север (193–211 гг. н. э.) повелел замуровать усыпальницу, и с тех пор неизвестно, где она находится.

Спор о местонахождении могилы Александра Македонского возник давно. С одной стороны, источники свидетельствуют, что она находилась в Александрии, что подтверждает Светоний, а с другой стороны, надпись на стеле в оазисе Сива (290 г. до н. э.) свидетельствует о том, что Птолемей

выполнил посмертное распоряжение царя и захоронил его останки в Сиве. В то же время известно, что саркофаг Александра Македонского сегодня находится в Стамбуле, и история его обретения кардинально отличается от всех египетских версий о местонахождении могилы Александра…

Долгие годы Стамбул был столицей могущественной Оттоманской империи, со всех концов которой сюда привозились многие бесценные памятники древних культур. Археологический музей в Стамбуле создан видным турецким ученым Хамди-беем. Здание музея, построенное в 1892 году, расположено рядом с дворцом Топкапы. Здесь собраны многие ценнейшие памятники древности. Среди античных памятников имеются превосходные произведения, созданные мастерами Греции, Рима, Византии, стран Древнего Востока. Наиболее важный и интересный из них– саркофаг Александра Македонского.

В 1887 г. крестьянин из деревни Айя, расположенный близ ливанского города Сайды (древний Сидон), случайно обнаружил древнее захоронение. В результате раскопок, проведенных под руководством Хамди-бея, был открыт подземный некрополь с несколькими саркофагами. Среди них оказался саркофаг Александра Великого – один из самых великолепных памятников древнего мира. Археологи полагают, что саркофаг был изготовлен еще при жизни Александра близко знавшими его афинскими скульпторами Лисиппом и Леокаресом.

Саркофаг имеет в длину 3,46 м, в ширину – 1,95 м и в высоту – 2,12 м. На одной из его сторон изображена сцена сражения войск Александра Македонского с армией персидского царя Дария. Крайний слева всадник, с копьем в руках, – Александр; он смело бросается на персидского военачальника, на лице которого отражаются ужас поражения и близость смерти. Конь победителя высоко взмыл, как бы чувствуя, что он несет великого полководца. В середине барельефа изображен персидский воин, который просит пощады у македонянина, гордо восседающего на коне.

На другой стороне показано великодушие Александра, который после победы сумел расположить к себе вчерашних противников; они изображены вместе на охоте. Александр и Гефестион спешат на помощь персу, на коня которого бросился огромный лев. На четвертой стороне саркофага также изображена охота, но в ней принимают участие одни только персы. Видимо, скульпторы хотели выразить идею единения всех народов огромной империи Александра Великого. Основание и крышка саркофага украшены ювелирной резьбой, по углам крышки изваяны лежащие львы.

Трудно сказать, в какой мере находка этого саркофага связана с легендами о погребении Александра Македонского. Возможно, этот тот самый саркофаг, который встречал в Дамаске царь Птолемей. А может быть, это так называемый кенотаф – могила, не содержащая погребения. Ведь тогдашний правитель Сирии Селевк Никатор тоже был одним из сподвижников Александра, и тоже претендовал на особый статус среди других диадохов. Поэтому ему было важно обладать «собственной» усыпальницей великого царя. Ну и, наконец, может быть, это действительно гробница Александра?

Капитолийская волчица (Рождение Рима)

Местонахождение: Капитолийский музей, Рим, Италия

Рим – это три тысячелетия человеческой истории. Не зря его именуют «Вечным городом»: несмотря на многочисленные нашествия и разрушения, несмотря на катастрофу, постигшую город во времена падения Римской империи, многие творения духа и рук человеческих сохранились здесь нетленными. Все, созданное в Риме, кажется, живет вечно – древние камни вновь и вновь оживают в памятниках различных эпох, и даже древняя Аппиева дорога сегодня продолжает оставаться одной из главных городских магистралей.

Рим возник в VII веке до н. э. В античную эпоху он стал столицей одного из крупнейших и могущественнейших государств в истории человечества. В период расцвета древнего Рима здесь насчитывалось около 2 млн жителей. Границы Римского государства и сферы его влияния простирались от Британских островов до побережья Северной Африки, от Гибралтара (Геркулесовых столбов) до Армении и Ирака. Существуют вполне надежные и бесспорные свидетельства того, что римские корабли сумели даже достичь берегов Америки и вернуться обратно.

Первоначальным центром Рима является Капитолий – самый низкий и небольшой по площади из семи холмов Вечного Города. Согласно легенде, название его происходит от имени этрусского воина Толи, череп которого был найден при строительстве храма Юпитера на вершине холма. В древности Капитолий был одновременно крепостью, религиозным и политико-административным центром – акрополем Рима. На одной из двух его вершин возвышался храм Юпитера, построенный в конце VI века до н. э. этрусским царем Тарквинием Гордым. Его украшали терракотовые скульптуры Юпитера и Геркулеса работы этрусского мастера Вулки. Этот же мастер на рубеже VI–V веков до н. э. отлил из бронзы знаменитую «Капитолийскую волчицу», ставшую символом Рима. Она была поставлена на Капитолийском холме в ознаменование великого события в истории Рима – свержения династии этрусских царей и провозглашения Римской республики.

Почему волчица?

Предание рассказывает, что двух братьев-близнецов Ромула и Рема, ставших впоследствии основателями Рима, в детстве вскормила волчица. Их матерью была Рея Сильвия – дочь Нумитора, царя Альбы-Лонги, которую ее дядя Амулий, захватив престол, заключил ее под стражу, а младенцев бросил в реку Тибр. Однако Ромула и Рема вскоре прибило к берегу, где они и встретили волчицу. Затем младенцев нашли и воспитали пастух Фаустул и его жена Акка Ларентия. Возмужав, Ромул и Рем вернули власть своему деду Нумитору. Спустя четыре года они отправились к Тибру искать место для основания своего собственного города. Рем выбрал низменность между Палатинским и Капитолийским холмами, но Ромул настаивал на том, чтобы основать город на Палатинском холме. В результате между братьями вспыхнула ссора, в ходе которой Ромул убил Рема. Раскаявшись позже в этом убийстве, Ромул назвал новый город в честь брата – Римом, и стал его первым царем. Ромулу приписывается создание сената, состоявшего в то время из 100 «отцов». Он же установил знаки отличия верховной власти, учредил должность ликторов, разделил народ на 30 курий, по именам сабинских женщин, учредил три трибы: рамнов, тициев и луцеров. Ему же приписывается разделение римлян на патрициев и плебеев. День 21 апреля 753 года до н. э. считается датой основания города: тогда плугом была проведена борозда вокруг Палатинского холма. А эмблемой Рима на долгие годы стала волчица, некогда спасшая братьев-младенцев. Ее образ чеканили на римских монетах, ее бронзовая статуя украшала римский Капитолий. Эту

ставшую хрестоматийной скульптуру, как и вообще все, что связано с древнеримской историей, сегодня можно увидеть во дворце-музее, увенчивающем вершину Капитолийского холма.

Фасады дворца выходят на площадь, созданную по проекту великого Микеланджело. Само это место буквально дышит историей. Здесь некогда высился храм Юпитера – центр общественной жизни древнего Рима. У его стен шумел рынок, здесь обнародовались императорские декреты и собирались римские граждане для обсуждения важных дел.

Здесь «гуси Рим спасли», своим галдежом разбудив стражу во время ночной вылазки галлов; здесь после убийства Цезаря Брут обратился с пламенной речью к римлянам; здесь Сивилла предсказала императору Августу рождение Христа. Здесь в 1341 году венчали лавровым венком великого поэта Петрарку.

В многочисленных залах музея собрана богатейшая коллекция картин, гобеленов, мозаик, древних саркофагов и барельефов, изделий из бронзы. Здесь хранится и подлинник знаменитой на весь мир «Капитолийской волчицы».

Изваял скульптуру, как уже говорилось выше, этрусский мастер. Первобытный страх перед неизведанным, перед звериной мощью природы или судьбы не был изжит в мироощущении этрусков. Образ Зверя, несомненно, тревожил их. И в образе Капитолийской волчицы этот образ предстает перед нами во всем его грозном великолепии. Нельзя не принять во внимание, что изваяние, прославлявшее Ромула и Рема, создавалось этрусским скульптором для его злейших врагов – римлян. Римляне приняли замысел автора: хищный зверь охраняет благополучие города, как волчица оберегает покой младенцев.

С большой наблюдательностью скульптор изобразил тело хищного зверя с втянутыми боками и выступающими сквозь кожу ребрами. Пасть волчицы оскалена, уши насторожены, упруго напряжены передние лапы. Оскалившись, глядит она на нас, не предвещая ничего доброго. Сильный зверь, крепко вцепившийся напряженными передними лапами в землю и повернувший морду с оскаленной пастью, будто защищает младенцев Ромула и Рема. Замечательное литье, декоративная проработка деталей – и самый острый реализм в изображении устрашающей силы. Своеобразна манера мастера трактовать одни детали статуи вполне реалистично, другие – предельно обобщенно и упрощенно. Кожа, сквозь которую на боках волчицы проступают ребра, оскаленная пасть – убедительно достоверны, но напряженность передних лап чрезмерна, они кажутся крепкими подпорками. Шерсть, будто выстриженная, чтобы не закрывать очертания ребер, показана лишь на шее и спине; завитки шерсти напоминают декоративный орнамент.

В некоторых местах на поверхности бронзовой шерсти волчицы остались следы позолоты. В 65 году до н. э. в статую ударила молния и на ее задних лапах до сих пор можно видеть оплавленные места.

Известно, что скульптор изобразил под волчицей вскормленных ею младенцев Ромула и Рема. Однако впоследствии эти фигурки исчезли и были воссозданы лишь в XVI веке.

Клад из Надьсентмиклоша

Местонахождение – Музей истории искусств, Вена, Австрия

3 июля 1799 года крестьянин из венгерского села Надьсентмиклош (ныне Сынниколӑу-Маре, Румыния), расположенного на севере исторической области Банат, работая на винограднике, обнаружил на глубине 1,5 м проржавевший железный сундук. В присутствии владельца виноградника таинственная находка была извлечена из земли, крышка откинута, и… перед глазами собравшихся людей предстало удивительное собрание старинной золотой посуды: чаш, кувшинов, блюд, кубков, общим числом 23 и общим весом 9,945 кг. Драгоценные сосуды украшали изображения людей, зверей, птиц, крылатых чудовищ, растительный и геометрический орнамент. На одном из кувшинов в круглых медальонах были помещены изображения конного воина в кольчуге, ведущего пленного врага; охотника, стреляющего из лука; оленя, терзаемого грифоном; обнаженной женщины, танцующей с цветами в руках.

Торговец шерстью из Вены, оказавшийся по делам в Надьсентмиклоше, вызвался доставить драгоценную находку в столицу. Австрийский император Франц пришел в восхищение. По его распоряжению сокровище было приобретено императорским собранием нумизматики и антиквариата. С той поры сотни ученых и любителей истории изучали золотой клад из Надьсентмиклоша. Все они пытались найти ответы на одни и те же вопросы: когда были изготовлены драгоценные сосуды? Кем? Кому они принадлежали? Кто и почему скрыл их в земле? Было высказано множество гипотез, но и сегодня, спустя двести лет, следует признать, что нет убедительного ответа ни на один из этих вопросов.

Сегодня все непредвзятые исследователи согласны в том, что предметы, найденные в составе Надьсентмиклошского клада, не имеют никаких прямых признаков для датировки и определения этнической принадлежности их создателей и владельцев.

Разрешить загадку можно только на основе косвенных признаков, путем поисков аналогий и сравнительного анализа стилистических особенностей. Идя этим путем, ученые заключили, что изделия из Надьсентмиклошского клада принадлежат к культуре кочевых народов широкого пояса степей, простирающегося от Китая до Карпат. Золотые сосуды из Надьсентмиклоша несут на себе признаки самых разнообразных культурных, стилистических и религиозных влияний: центральноазиатские и персидские (сасанидские) мотивы соседствуют с эллинистическо-римскими и византийскими, языческие элементы – с изображениями христианского креста. Тщательный анализ стилистических особенностей и технологических приемов показал, что сосуды изготовлены как минимум в двух различных производственных мастерских, или, говоря шире – принадлежат к двум различным художественным школам, и созданы в разное время. Тем не менее эти разнотипные и разновременные сосуды были совершенно преднамеренно собраны в одном месте. Что это может означать?

Чрезвычайно высокое качество изделий, тщательность, с какой они изготовлены, позволяет говорить о том, что клад из Надьсентмиклоша представляет собой казну какого-то очень знатного человека, скорее всего – правителя некоего степного народа. До появления в Карпатском бассейне

этот народ, по-видимому, долгое время кочевал в степях и, возможно, проделал весьма далекий путь. По обычаям кочевников (и не только кочевников) послы, отправлявшиеся от правителя одного народа к другому, приносили с собой ценные дары. Таким образом, клад из Надьсентмиклоша может представлять собой собрание подобного рода даров, сокровищницу, пополнявшуюся на протяжении десятилетий. Подобное объяснение позволяет понять, почему клад из Надьсентмиклоша является таким «космополитическим».

Но правитель какого именно народа обладал этим сокровищем? Существует целый список претендентов на эту роль. Земли Баната, где был найден клад, в эпоху Великого переселения народов служили своеобразным «проходным двором», где не побывал, кажется, только ленивый. Здесь проходили гунны, готы, гепиды, сарматы, авары, болгары, мадьяры (венгры), печенеги, наконец, в XII столетии сюда переселились половцы (куманы). При этом следует иметь в виду, что многие из этих раннесредневековых этносов в действительности представляли собой конгломераты различных народов, исторгнутых из глубин азиатского континента, говоривших на самых разных – германских, тюркских, иранских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских – языках. С учетом неопределенности, а точнее – широты стилистических характеристик предметов из Надьсентмиклошского клада, это сокровище могло принадлежать практически любому из правителей вышеназванныхнародов.

А когда был зарыт клад? Тут мнения ученых сильно расходятся. Разброс дат колеблется от V до X столетия. Согласно одной версии, клад из Надьсентмиклоша был схоронен в конце IV – начале V века и представляет собой не что иное, как сокровищницу знаменитого предводителя гуннов Аттилы. Однако большинство специалистов сегодня сходится во мнении, что клад относится ко второй половине VIII – первой половине IX столетия, а искать его владельца следует в «аваро-болгаро-мадьярском» треугольнике: теоретически сокровище могло принадлежать аварам, болгарам или венграм.

В этом пункте беспристрастные исследователи порой вынуждены сталкиваться с различного рода политическими спекуляциями, не имеющими никакого отношения к науке. В современной Болгарии можно услышать совершенно безапелляционные заявления, что клад из Надьсентмиклоша представляет собой казну одного из протоболгарских (протоболгары – группа племен, преимущественно тюркских, ставших одним из компонентов современной болгарской нации) правителей и принадлежит к сфере раннесредневековой болгарской культуры. С другой стороны, еще в первые годы после открытия клада из Надьсентмиклоша утверждалось, что этим сокровищем владел легендарный мадьярский вождь Арпад (IX в.), и следовательно, оно представляет собой собрание реликвий венгерского народа. Что же касается третьей стороны – аваров, то этот народ, как известно, давным-давно сошел с исторической сцены, так что заступиться за него на политическом уровне сегодня некому. Но тем не менее большинство серьезных ученых связывает происхождение клада из Надьсентмиклоша именно с аварами.

Авары пришли в Карпатский бассейн из Центральной Азии во второй половине VI века. К VII столетию они создали обширную империю –

каганат, ядро которого располагалось на землях современной Венгрии, между реками Дунаем и Тисой. Отсюда авары совершали нападения на византийские владения. В этническом отношении Аварский каганат не был однородным. Еще во время своего движения через Причерноморье авары присоединили к себе остатки гуннов и некоторые протоболгарские племена. На землях, подвластных каганату, жили также гепиды и славяне. Основные кочевья аваров располагались в центральной части Среднедунайской низменности, где ими была создана система хрингов – оборонительных сооружений, состоявших из системы концентрических валов. Главный из этих хрингов, служивший резиденцией кагана и его окружения, располагался на месте современного города Тимишоары (венг. Темешвар) – в 60 км к юго-востоку от Надьсентмиклоша. Может быть, именно аварскому кагану и принадлежало найденное в 1799 году сокровище?

Интересно, что многие золотые изделия, обнаруженные археологами в аварских погребениях, по своим стилистическим особенностям чрезвычайно близки к предметам из Надьсентмиклошского клада. Существует даже гипотеза, что большая часть аварских золотых изделий имеет общее происхождение и изготовлена из тех самых нескольких тонн золота, которые авары захватили у византийцев во времена войн, происходивших в период между 567 и 626 годами. Характерно, что на двух сосудах из Надьсентмиклошского клада вырезаны надписи на греческом языке, что также позволяет отнести их к эпохе тесных аваровизантийских контактов.

Загадкой остаются надписи двух других типов, обнаруженные на сосудах из Надьсентмиклоша. Одна из них представляет собой надпись греческими буквами, но на неизвестном языке. Другие тринадцать коротких надписей выполнены знаками, напоминающими руны. Тщательный анализ позволил заключить, что эти надписи сделаны на разных языках и различаются между собой наборами знаков. Они исполнены руками разных людей, в разное время и, по-видимому, даже в разных географических пунктах – собственно говоря, так же, как и сами золотые сосуды. Все попытки дешифровки этих надписей пока не дали удовлетворительных результатов. Подавляющее большинство ученых считает, что язык надьсентмиклошских надписей – тюркский, однако даже на этой основе пока никому не удалось адекватно перевести хотя бы один из текстов. По другой версии, язык надьсентмиклошских надписей может относиться к угро-финской (то есть являться языком древних мадьяр), а согласно третьей версии – к тунгусо-маньчжурской группе. Существует и компромиссная точка зрения: в современном венгерском языке достоверно выявлен ряд тунгусо-маньчжурских заимствований, так что можно полагать, что в древности их было гораздо больше. Кстати, сам факт присутствия тунгусо-маньчжурских языков в Карпатском бассейне в эпоху Аварского каганата не должен вызывать удивления. Во-первых, тюркское или монгольское происхождение авар до сих пор не доказано; во-вторых, все согласны в том, что аварская племенная конфедерация представляла собой конгломерат различных народов, говорящих на разных языках. Интересно, что то же самое можно сказать и о протоболгарах: как пишет современный болгарский публицист Божидар Димитров, «нам ничего

неизвестно о расовом типе болгар. Кстати, само название болгар означает “смесь”. Вероятно, оно было дано современниками именно чтобы подчеркнуть, что этот народ представляет собой смесь самых разных народов».

Крах Аварского каганата наступил в конце VIII столетия. В 791 году франки, поддержанные отрядами славян-карантанцев (современные словенцы), двумя армиями вторглись в пределы аварских владений. В 796 году фриульский маркграф Эрих нанес аварам решающий удар и захватил их главный хринг – «столицу» каганата. Возможно, именно в это время казна аварских правителей была укрыта в земле близ Надьсентмиклоша. Оставшись невостребованным – остатки аваров были переселены завоевателями в западную часть современной Венгрии, – драгоценный клад пролежал в земле ровно тысячу лет, пока, наконец, крестьянский заступ при случайных обстоятельствах не явил его миру. Сегодня даже те ученые, кто оспаривают аварское происхождение сокровища, согласны в том, что клад из Надьсентмиклоша представляет собой уникальный, не имеющий никаких аналогов памятник эпохи Великого переселениянародов.

Несторианская стела

Местонахождение: музей «Лес стел», Сиань, провинция Шэньси, Китай

Долгое время Китай оставался закрытым от всего остального мира, и лишь в начале XVII века здесь появились христианские миссионеры-иезуиты. И надо же было такому случиться, что именно в эту пору, а точнее – в 1625 году, близ Чанъаня (Сианя), китайский кули при рытье котлована для постройки случайно обнаружил каменную стелу двухметровой высоты с тщательно вырезанным на ней императорским декретом, повествовавшим об успехах христианских миссий в Китае за тысячу лет до этого!

Находка стелы и расшифровка ее текста, состоящего из 1789 слов, размещенных в 82 строках, стали неслыханной сенсацией, потрясшей всю Европу.

Из этого текста христианский мир узнал о необычайно широком распространении своего вероучения в Китае в VII и VIII веках. Это казалось невероятным. Что касается тогдашних «просвещенных» людей, то поверить в столь небывалую находку, да еще представленную монахами, оказалось выше их сил. Многие заподозрили подлог. Вольтер, известный своим фундаментальным невежеством и подчеркнуто злобным отношением к церкви, на всех углах кричал о «благочестивом мошенничестве». Полемика продолжалась до середины XIX века. Только в 1826 году тщательное исследование, произведенное Клапротом, сделало подлинность стелы вероятной, а в 1857 году это было окончательно доказано. Памятник, получивший название «Чанъаньской стелы» («стелы Сианьфу») и датированный 779–781 годами, подтверждал, что в VI–VII веках проповедь христианства охватила огромные пространства от Средиземноморья до Тихого и Индийского океанов.

Высота стелы составляет 236 см, ширина – 86 см, толщина – 25 см. Высеченный на ней текст написан по-китайски и повторен по-сирийски:

«В то время как светлейший император Тайцзун во славе и блеске начал свое счастливое царствование, просвещая свой народ и мудро управляя им, в царстве Великий Цинь жил человек высокой добродетели по имени Олопен; прорицая по светлым облакам, он принес сюда священные рукописи и, наблюдая за гармонией ветров, преодолел трудности и опасности. В 9-й год Чжэн-Гуань Олопен прибыл в Чанъ-ань. Император послал своего министра-военачальника Фан Сюань-лина во главе эскорта в западное предместье, чтобы встретить и сопровождать гостя. Его рукописи были переведены в библиотеке. После того как в частных покоях учения эти были проверены, император признал их справедливыми и истинными и приказал проповедовать их и распространять…»

Человек, которому едва не удалось христианизировать Китай, был сирийским монахом. Написание его имени дается по-разному: Олопен, Олопун, Алопен. Дата прибытия Олопена в Китай расшифровывается как 635/636 год н. э. – таким образом, сирийский проповедник сумел проникнуть в Поднебесную из Сирии («царства Великий Цинь») в переходное, еще беспокойное время незадолго до окончательного разгрома арабами иранской державы Сасанидов. В ту пору Китаем правила династия Тан (618–907). Знаменитый император Тайцзун (626–649) – одна из самых выдающихся личностей в истории Срединной империи. Почетный прием, оказанный Олопену, и его крайне быстрый успех при императорском дворе позволяют сделать вывод, что император Тайцзун чрезвычайно благосклонно относился к христианской религии, которую он считал справедливой и истинной, оказывая ей всяческое содействие в своей огромной державе. В период его правления и позднее христианство в Китае добилось беспримерно огромных успехов. Во всех городах были построены церкви. Огромную важность имеет содержащееся в тексте стелы упоминание о переводе Священного Писания в императорской библиотеке и обсуждении его в личных покоях императора.

Период процветания христианства в Китае продолжался целых 200 лет. Правда, это было христианство не в его ортодоксальной форме: речь здесь идет о несторианстве. Это влиятельное течение раннего христианства получило название по имени константинопольского патриарха Нестория, низложенного в 431 году на церковном соборе и вскоре умершего в Египте. Несториане, сплоченные и искусные в проповеди, жили среди многих народов, в том числе и в странах ислама, так что сохраняли влияние в Азии вплоть до прихода татар в середине XIII века. Среди них было много страстных путешественников и географов (возможно, один из них – знаменитый космограф VI века Козьма Индикоплов, автор «Христианской топографии»). Этнокультурной основой несторианства была сирийская (арамейская) литература, письменность и культура. Сирийцы жили на стыке культур, их называют народом переводчиков, купцов и миссионеров. Сирийское письмо или его модификации широко применялись народами Центральной Азии; сирийская литургия с незапамятных времен и вплоть до появления европейцев в XVI в. служилась в церквах «христиан апостола Фомы» на Малабарском побережье Индии.

С середины V века Восточная Сирия и Месопотамия приняли несторианскую доктрину. В 484 году в Ктесифоне (Селевкия-на-Тигре) был создан несторианский патриархат (в 1927 г. немецкие ученые откроют здесь христианский храм VI в.). Отсюда несторианство двинулось по Великому шелковому пути все дальше на восток, вплоть до Турфанского оазиса и Китая. К 630-м году здесь уже существовала митрополия и несторианские монастыри; они процветали примерно два столетия. Следы распространения несторианства на восток в другом, обходном направлении, обнаружила французская археологическая экспедиция на острове Харк в Персидском заливе – христианские катакомбы, возможно, восходящие к концу III века. Это дает основания предполагать, что в Китай сирийские христиане могли проникнуть не только караванными путями, но и по морю.

О самом Олопене ничего неизвестно, кроме того, что о нем сообщается в тексте Чанъаньской стелы. Мы не знаем ни дат его рождения и смерти, ни причины его прибытия в Китай, ни маршрута путешествия. Неизвестна также и его родина. Только потому, что текст стелы составлен на сирийском языке, полагают, что Олопен прибыл из Сирии, но этот довод ничем не подтверждается. Неизвестно и его подлинное имя: как нередко бывает при переводе китайцами иностранных имен, сама форма имени Олопен искажена до неузнаваемости.

Олопен был лишь первым известным по имени христианином, но навряд ли первым проникшим в Китай. Известно, что незадолго до его появления китайская императрица при неизвестных обстоятельствах «получила некоторые сведения о христианстве». Императрица умерла спустя год после появления Олопена при дворе, но даже без ее покровительства христианскому проповеднику была предоставлена широкая арена деятельности.

Еще в течение всего VIII века христианство сохраняло свое влияние в Китае. Правда, согласно сообщению Чанъаньской стелы, уже в 699 и 713 годах в отдельных местах христиане подвергались гонениям, вызванным подстрекательством отдельных китайских бонз, но эти мелкие эпизоды не имели широких последствий. Императоры Сюань-цзун (713–755) и Су-цзун (756–762) чрезвычайно покровительствовали христианству, и их преемники некоторое время продолжали еще относиться к христианской религии вполне благосклонно. Наивысшего расцвета христианство достигло примерно около 840 года. В то время в Китае проживало около 260,5 тыс. христиан, среди которых было немало министров.

Перелом произошел при фанатичном императоре У-цзуне (841–846), издавшем в 845 году эдикт, направленный против всех чужеземных священнослужителей и религий. За этим последовали жестокие гонения на христиан. Все церкви были разрушены. В 845 году в Китае насчитывалось около 3 тысяч христианских священников, но когда в 980 году один христианский монах приехал в Китай с Запада морским путем, он не застал здесь ни одной церкви и встретил всего лишь одного единоверца. Между тем еще в XV и XVI веках в Европе ходили слухи, будто китайцы исповедуют христианство.

В других странах Восточной и Центральной Азии христианство также почти повсеместно было искоренено. Тем не менее следы его

сохранялись необычайно долго. Как бы то ни было, эпизод с распространением христианства в Китае после появления там Олопена чрезвычайно интересен. Если бы император зашел так далеко, что сам принял крещение, то трудно даже представить себе, какие всемирно-исторические последствия повлекло бы за собой это событие! В такой стране, как Китай, примеру Сына неба, вероятно, очень скоро последовало бы подавляющее большинство подданных. Крупнейшая держава Азии стала бы христианской страной! Почему же дело до этого не дошло, почему император не сделал из своего покровительства христианству последнего, решающего вывода? Это, увы, осталось тайной.

Дюрандаль, меч Роланда (Арабское вторжение в Европу)

Местонахождение: Рокамадур, департамент Ло, Франция

Мой светлый Дюрандаль, мой меч булатный,
Как ты на солнце блещешь и сверкаешь!
Ты в Морианском доле дан был Карлу —
Тебя вручил ему господний ангел,
Чтоб ты достался лучшему вассалу,
И Карл меня тобою препоясал.
С тобой я покорил Анжу с Бретанью,
С тобою Мэн и Пуату я занял;
С тобой громил я вольный край нормандский;
С тобой смирил Прованс, и Аквитанью,
И всю Романью, и страну ломбардцев;
С тобою бил фламандцев и баварцев;
С тобой ходил к полякам и болгарам;
С тобой Царьград принудил Карлу сдаться;
С тобой привел к повиновенью саксов,
Ирландцев, и валлийцев, и шотландцев,
И данниками Карла сделал англов;
С тобою вместе покорил все страны,
Где ныне Карл седобородый правит.
С тобой расстаться больно мне и жалко.
Умру, но не отдам тебя арабам.
Спаси нас, Боже, от такого срама! —

с этими словами прославленный граф Роланд, герой средневековой эпической поэмы «Песнь о Роланде», обращается к своему мечу. Подобно многим другим мечам, известным нам из мифологии, литературы и истории, меч Роланда имеет собственное имя. Его зовут Дюрандаль. Мечам, своим постоянным спутникам в бранных делах, средневековые воины часто давали названия, отражавшие лучшие качества металла, его закалку и твердость. Считается, что имя меча Роланда, «Дюрандаль», происходит либо от прилагательного «dur» – «твердый», либо от глагола «durer» – «быть прочным, устойчивым», что указывает на его исключительную твердость. Существует и иное объяснение: в «Саге о Карле Великом» этот меч носит имя «Дюрумдаль» (Dyrumdali), от старонорвежского dyrum – «дорогой», «драгоценный», и dali – от dalr, что означает «впадина», «вмятина». В итальянских источниках меч Роланда (Орландо) именуется

Дурлиндана, Дуриндана; священник Конрад, автор немецкого варианта «Песни о Роланде» (XIII век), называет его Дурендарт. Как бы то ни было, все без исключения сходятся на том, что Дюрандаль был необыкновенным мечом.

Согласно итальянскому преданию, этот меч когда-то принадлежал знаменитому троянскому герою Гектору. По другой версии, его вручил императору Карлу Великому сам Ангел Господень. Граф Роланд получил Дюрандаль из рук Карла Великого. В Средние века в рукоять меча зачастую помещали особо чтимые реликвии. Не был исключением и Дюрандаль: из «Песни о Роланде» мы узнаем, что в его рукояти хранились

…кровь Василья, зуб Петра нетленный,
Власы Дениса, божья человека,
Обрывок риз Марии-Приснодевы.

Эти реликвии были вделаны в рукоять меча самим Роландом.

Поводом для создания эпической поэмы послужили события августа 778 года, когда Карл Великий совершил набег на захваченные арабами («сарацинами», «маврами») земли Северной Испании. Войска Карла осадили Сарагосу, однако спустя несколько недель император был вынужден снять осаду и вернуться во Францию. В Пиренеях, в Ронсевальском ущелье, на арьергард Карла напали баски, поддержанные маврами. Весь отряд и его начальник были убиты. Карл Эйнхард, биограф и приближенный императора, в своей «Жизни Карла Великого» сообщает о том, что в этом сражении погибли «Эггихард, королевский стольник, Ансельм, пфальцграф, и Хруодланд, префект Бретонской марки». Упоминание о «Хруодланде» (Роланде) – единственное историческое свидетельство существования рыцаря с таким именем. Согласно преданию, Роланд был племянником Карла Великого, но этот факт нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Как бы то ни было, именно эпизод с гибелью франкского арьергарда в Ронсевальском ущелье в августе 778 года лег в основу героической эпопеи о Роланде и со временем, обогатившись рядом позднейших дополнений, получил широкое распространение по всей Западной Европе. Противниками франков в поэме представлены сарацины (хотя в реальности воины Карла погибли в сражении с басками), а сам благородный Роланд стал идеалом христианского рыцаря.

Наряду с Роландом широкую популярность приобрел и его меч Дюрандаль. Согласно одной из легенд, ударом этого меча Роланд открыл проход в Пиренеях, известный сегодня как «Брешь Роланда». Особым драматизмом наполнены строки поэмы, в которых рыцарь навсегда прощается со своим верным мечом. Роланд не допускает мысли, что его оружие достанется сарацинам, и перед смертью пытается уничтожить меч, разбив его о камень:

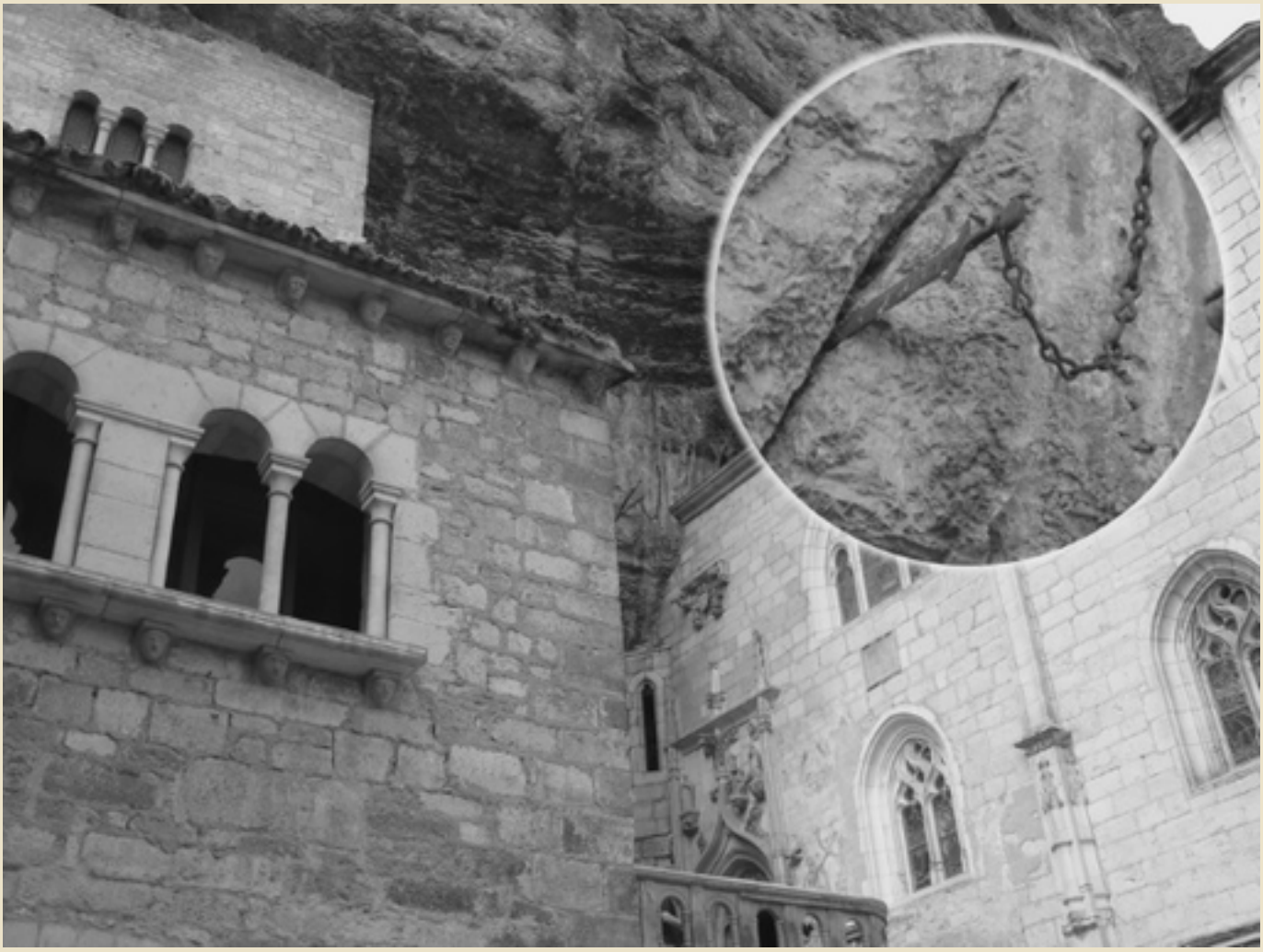
Почуял граф, что смерть его настигла,
Встал на ноги, собрал остаток силы,
Идет, хотя в лице и ни кровинки.
Пред темной глыбой он остановился,

По ней ударил десять раз сердито.
О камень меч звенит, но не щербится.
Граф молвит: «Богоматерь, помоги мне,
Пора нам, Дюрандаль, с тобой проститься.
Мне больше ты уже не пригодишься.
С тобой мы многих недругов побили,
С тобой большие земли покорили.
Там Карл седобородый правит ныне.
Владеть тобой не должен враг трусливый:
Носил тебя вассал неустрашимый,
Такого край наш больше не увидит».
Бьет граф теперь мечом по глыбе красной.
Сталь не щербится – лишь звенит о камень.
Бьет граф Роланд теперь по глыбе серой.
Немало от нее кусков отсек он;
Сталь не щербится – лишь звенит, как прежде,
Меч, невредим, отскакивает кверху.
Граф видит – все усилья бесполезны
И тихо восклицает в сокрушенье:
О Дюрандаль булатный, меч мой светлый,
<…>
Да не послужит сталь твоя неверным.
Пусть лишь христианин тобой владеет,
Пусть трус тебя вовеки не наденет!

Все усилия сломать меч оказываются тщетными – Дюрандаль слишком прочен. На залитом кровью поле битвы, где не осталось ни одной живой души, а лишь горы трупов, умирающий Роланд прикрывает своим телом Дюрандаль и рог Олифант. До последней минуты он рассчитывает спасти меч от рук врагов.

Почуял граф, что близок час кончины;
Чело и грудь объял смертельный холод…
Бежит Роланд… и вот под сенью ели
На мураву зеленую он пал.
Лежит ничком, к груди своей руками
Прижал он меч и зычный Олифант,
Он лег лицом к стране испанских мавров,
Чтоб Карл сказал своей дружине славной,
Что граф Роланд погиб, но победил.

Как сложилась дальше судьба легендарного меча? Предания, бытующие на юге Франции, утверждают, что Дюрандаль не погиб. Его можно видеть и сегодня!

Историческое селение Рокамадур, расположенное на юго-западе Франции, давно стало настоящей меккой для художников и археологов: первых привлекает необычайная живописность этих мест, вторых – богатое прошлое окрестностей Рокамадура. Однако более всего это селение славится своим знаменитым санктуарием Девы Марии, на протяжении многих столетий привлекавших сюда паломников из разных стран Европы, среди которых были и короли, и епископы, и дворяне, и простолюдины. Старинные постройки лепятся прямо к поверхности скалистого утеса, поднимающегося на высоту около 150 метров. Увенчивает эту группу массивных зданий церковь Нотр-Дам (построена в 1479 г.), где хранится деревянная статуя Черной Мадонны, особо почитаемая местными жителями. Врата церкви выходят на террасу, известную под названием плато Сен-Мишель. Здесь паломников ждет необычное и волнующее зрелище: из трещины в скале торчит старинный рыцарский меч, прикованный к скале. Меч покрыт ржавчиной, а его лезвие, как говорят, обломано, но это и есть Дюрандаль, меч легендарного Роланда…

Подлинность этого предания никто не проверял, хотя меч можно увидеть собственными глазами и даже потрогать его. Примечательно, что легенды связывают основание Рокамадора со святым Марциалом

(Марсилием), проповедовавшим Евангелие на юго-западе Галлии. Имя Марсилий тоже встречается в тексте «Песни о Роланде», правда, так там зовут не христианского святого, а мусульманского правителя Сарагосы. Тем не менее совпадение имен любопытное. Любопытен и такой факт: как говорят, именно меч из Рокамадора вдохновил Дж. Р.Р. Толкиена на создание образа сломанного меча в его знаменитой эпопее «Властелин колец». В романе Толкиена меч носит имя Андрил, и некоторые энтузиасты видят в этом переосмысленное название меча благородного рыцаря Роланда – Дюрандаль.

Гобелен из Байе (Норманнское завоевание Британии)

Местонахождение: Центр Вильгельма Завоевателя, Байе, департамент Кальвадос, Франция

В январе 1066 года умер, не оставив после себя наследника, англосаксонский король Эдуард Исповедник. Претензии на трон многих могущественных феодалов при отсутствии прямого преемника грозили обернуться кровавой драмой, так что ближайшее будущее Англии выглядело очень и очень тревожным. На следующий же день после смерти Эдуарда опустевший королевский трон поспешил занять Гарольд Годвинсон, граф Уэссекский. Это, однако, послужило лишь прологом к истории последнего завоевания Британии.

Тостиг Годвинсон, изгнанный во Фландрию брат Гарольда, не собирался признавать власть узурпатора и собирал войска, чтобы силой занять английский трон. Норвежский король Гарольд Хардрад, бдительно следивший за событиями в соседних странах и использовавший любую возможность для расширения границ своего королевства, также был готов вторгнуться в Англию. Наконец, герцог Нормандии Вильгельм был убежден в том, что является законным наследником Эдуарда. Он заявлял о том, что король обещал передать ему свою корону и что сам Гарольд Годвинсон поклялся поддержать Вильгельма в качестве преемника Эдуарда после того, как Вильгельм добился его освобождения из французской тюрьмы.

Гарольд Годвинсон ожидал вторжения со всех сторон. Развязка не заставила себя ждать. В том же 1066 году изгнанный Тостиг заключил союз с королем Норвегии Харальдом Хардрадом, и они вместе напали на северную Англию. Король Гарольд двинулся им навстречу и одержал победу при Стамфорд-Бридж. Часть англосаксонских сил осталась удерживать север, в то время как Гарольд Годвинсон двинулся на юг, чтобы встретиться в битве с другим захватчиком, Вильгельмом Нормандским.

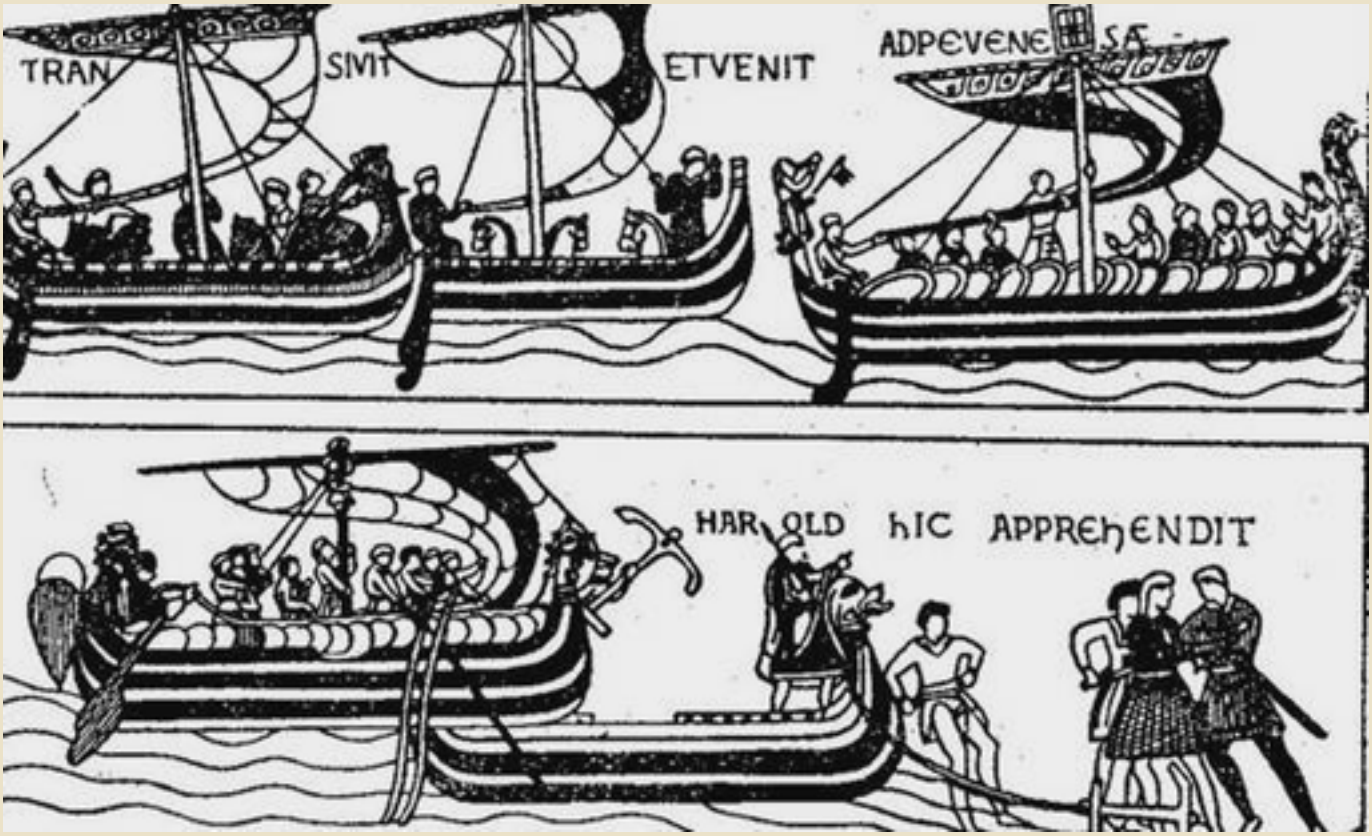
Вильгельм долгое время откладывал нападение из-за дувших с моря неблагоприятных ветров; между тем продовольственные запасы подходили к концу, а в его армии отмечались многочисленные случаи дезертирства. Понимая, что набрать новое войско на территории Англии будет невозможно, Вильгельм обратился за помощью к норманнским сеньорам. Ему удалось привлечь под свои знамена профессиональных воинов едва ли не со всей Европы.

27 сентября, вскоре после наступления темноты, Вильгельм со своей армией, состоявшей приблизительно из восьми тысяч воинов, на ста

кораблях отплыл из Сент-Валери-сюр-Комм и на следующее утро высадился в Певенси на побережье Британии. Армия короля Гарольда стояла лагерем в Йорке. 14 октября 1066 года противники сошлись в битве при Гастингсе. Силы противников были примерно равны – в распоряжении Гарольда было около 9 тысяч человек, и дрались они с крайним ожесточением. Чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону. Судьба боя решилась лишь после того, как случайная стрела попала Гарольду в глаз и смертельно ранила его. Это придало сил норманнам и вместе с тем внесло смятение в ряды англосаксов. Часть англосаксонского войска бросилась в бегство. Оставшиеся воины заняли оборону на вершине холма, сомкнув ряды вокруг тела погибшего короля. Их положение было безнадежным: норманны окружили их со всех сторон. Тем не менее бой продолжался до темноты. В какой-то момент удача едва было не улыбнулась англосаксам: герцог Вильгельм, преследуя отступающих дружинников Гарольда, неосторожно углубился в лес и чуть было не погиб. Он спасся лишь чудом, и после этого остатки англосаксонского войска были разбиты.

Ни одно сражение не было выиграно с большим трудом, чем битва при Гастингсе, и ни одна победа не повлекла за собой более глобальных последствий. Казалось бы, это было всего лишь заключительное сражение в войне за престол небольшого островного королевства. В действительности же битва эта послужила поворотной точкой: именно от нее начинается отсчет целого ряда событий, который завершится созданием могущественной Британской империи, еще более грандиозной, чем древнеримская.

В последующие десять лет после битвы при Гастингсе на свет появилось поистине удивительное художественное произведение, в мельчайших деталях воссоздающее события 1066 года. Речь идет о знаменитом гобелене из Байе. На этом очень длинном и узком (ширина 51 сантиметр при длине около 70 метров) холсте яркими шерстяными нитями различных цветов вышиты 58 сцен, последовательно изображающих все основные эпизоды завоевания Британии Вильгельмом Нормандским. Каждый сюжет сопровождают надписи на латинском языке. Настоящая историческая хроника на ткани!

В точности неизвестно, кто выполнил эту работу и кто был ее заказчиком. Во Франции традиционно считалось, что вышивкой занималась супруга Вильгельма – королева Матильда Фландрская вместе со своими служанками (поэтому гобелен из Байе иногда называют еще гобеленом королевы Матильды); тем самым она решила воздать должное своему мужу. Однако в XX веке это предположение было опровергнуто учеными, которые пришли к выводу, что заказчиком гобелена был сводный брат Вильгельма – Одо де Кунтвиль, епископ французского города Байе. С первых дней своего существования гобелен хранился в соборе Бойе, построенном в 1070-х годах; возможно, он был закончен в 1077 году как раз к освящению собора. Существуют также предположения, что гобелен мог быть создан при участии или по заказу герцогини Эдит Уэссекской или в аббатстве Сен-Флорин в долине Луары. Две последние версии специалисты считают малоубедительными.

Непосредственными создателями гобелена, по-видимому, были англосаксонские мастера, работа которых славилась в те годы во всей Европе. На это указывает несколько фактов: во-первых, епископ Одо имел владения в Кенте и имел прямую возможность привлечь лучших мастеров для изготовления гобелена; во-вторых, латинские надписи, вышитые на гобелене, содержат следы влияния староанглийского языка; в– третьих, техника окраски нитей и использованные при этом красящие пигменты растительного происхождения соответствуют технике и пигментам, использовавшимися в ту пору английскими ремесленниками. Основные цвета – терракотовый, сине-зеленый, темно-желтый, оливково-зеленый,

синий. В последующие века гобелен несколько раз реставрировался, при этом были использованы нити других оттенков: светло-желтый, оранжевый, светло-зеленый.

Хотя изделие из Байе традиционно именуется гобеленом, это не тканый гобелен в строгом смысле этого слова, а вышивка шерстяной пряжей на полотне. Гобелен состоит из восьми частей и благодаря своей значительной длине и сравнительно небольшой ширине имеет вид длинной красочной ленты. На гобелене вышиты люди, животные, корабли, оружие, деревья, здания и другие предметы, причем все они изображены в контексте определенных сцен.

Вышивка исполнена с очень высоким мастерством: все изображения на гобелене детализированы (например, выражения лиц людей и орнамент на костюмах), отличаются глубиной и контрастностью, текстовые надписи хорошо различимы. Эта точность в деталях придает гобелену из Байе характер исторического документа: с максимальной достоверностью на нем изображены средневековое оружия, одеяния, постройки и другие объекты.

История, которая в картинках рассказывается зрителям на гобелене, начинается с беседы во дворце короля Эдуарда Исповедника: он отдает приказ Гарольду ехать в Нормандию и объявить Вильгельму, что он, Эдуард, избрал его своим преемником. Гарольд отправляется в путь в сопровождении воинов верхом на лошадях, перед ним бежит свора охотничьих собак. По пути в церкви в Сассексе (она сохранилась до сих пор) Гарольд обращает к Всевышнему мольбу, желая получить благословение для успешного выполнения порученного ему задания. После этого Гарольд и его воины садятся обедать, но тут им сообщают, что ветер сменился и благоприятствует путникам. Гарольд и сопровождающие его воины поднимаются на борт ожидающих их кораблей.

В пути их застает шторм, и корабли сбиваются с намеченного курса. Поэтому вместо того, чтобы высадиться на побережье Нормандии, путники оказываются на побережье Понтье. Они высаживаются на берег, где Гарольда берет в плен граф Ги де Понтье, владелец этих земель. Представители герцога Вильгельма, узнавшего о похищении Гарольда, приезжают в замок Понтье. Однако им не удается добиться освобождения Гарольда, о чем они спешат сообщить герцогу. Тот отправляет двух рыцарей, чтобы те освободили пленника. Граф Ги де Понтье освобождает Гарольда и передает его Вильгельму, который привозит Гарольда в свой замок. Здесь между ними происходит некая беседа: по мнению историков, Вильгельм предлагал Гарольду руку одной из своих дочерей. После этого Вильгельм ведет норманнскую армию, к которой присоединился и Гарольд, в поход, целью которого было изгнать Конана II, герцога Бретонского. Путь был очень сложным – по дороге лошади постоянно проваливались в зыбучие пески, которыми изобиловала бухта Монт-Сент-Мишель. Норманны атаковали врага. Потерпев поражение в сражении, герцог Конан передает Вильгельму ключи от города. Вильгельм благодарит Гарольда за помощь, после чего привозит его с собой в Байе, где англосаксонский герцог приносит присягу Вильгельму, обязуясь поддержать его в качестве преемника Эдуарда Исповедника.

Гарольд возвращается в Англию и сообщает обо всем происшедшем королю Эдуарду. Вскоре тот умирает. Саксонские аристократы

предлагают, чтобы английская корона перешла к Гарольду. Однако спустя четыре месяца после коронации на небе появляется «звезда с волосами» – комета (как установлено сегодня – комета Галлея, появившаяся на небе 24 апреля 1066 года). В ней видят предвестника будущих неудач: по мнению астрологов, она не сулит ничего хорошего. Любопытно, что изображение кометы Галлея на гобелене из Байе – первая в истории визуальная фиксация этого небесного тела.

Между тем создатели гобелена плетут свою историю дальше. К герцогу Вильгельму отправлены посыльные, которые должны сообщить ему о том, что Гарольд вопреки своей клятве стал английским королем. По приказу Вильгельма его люди сразу же начинают рубить деревья и строить корабли. Другие собирают оружие и несут его на строящиеся суда. Пешие и конные воины Вильгельма грузятся на корабли. Флот пересекает Ла-Манш, и армия Вильгельма высаживается на побережье Британии. Нормандцы спешат к Гастингсу. Разведчики сообщают Вильгельму о положении и действиях армии противника. В стане Гарольда тоже идет лихорадочная подготовка к битве.

И вот началось сражение. Англосаксы несут потери, в числе убитых – два брата Гарольда, Ливайн и Гирд. В рядах нападающих тоже немало погибших. Вильгельм поднял забрало своего шлема, чтобы его воины видели, что он жив, и продолжает сражаться. Гарольд смертельно ранен. Его оставшиеся в живых воины бегут с поля сражения, и Вильгельм, герцог Нормандии, подчиняет себе Англию… Два последних фрагмента гобелена утрачены: ученые полагают, что на них была изображена коронация Вильгельма.

Изготовление гобелена из Байе заняло около десяти лет. К моменту окончания работы положение Вильгельма в завоеванной стране было уже достаточно прочным. Однако до самых последних дней своего царствования он был вынужден то и дело подавлять вспыхивавшие тут и там восстания: для большинства англосаксов он так и остался чужеземным захватчиком.

Первое письменное свидетельство о существовании гобелена относятся к 1476 году (он упоминается в перечне предметов, хранившихся в ризнице собора в Байе), хотя известно, что раз в год его по традиции выставляли на широкое обозрение. Научный мир узнал о существовании гобелена только в конце XVII столетия. В 1730-х годах впервые были опубликованы гравюры с точным воспроизведением рисунков на гобелене, и это стало настоящей сенсацией: впервые в научный оборот был введен столь уникальный памятник истории. Впрочем, его уникальность была очевидна только для людей образованных, в то время как «просвещенные» сторонники Вольтера и Руссо думали иначе. В 1792 году, во времена кровавой французской революции, уникальный гобелен был похищен из разграбленной ризницы собора в Байе и употреблен для… покрытия фургона с боеприпасами. Только вмешательство местного адвоката спасло бесценную реликвию. В 1803 году Наполеон распорядился вывезти гобелен в Париж: готовилось вторжение в Англию, и император рассчитывал использовать гобелен в пропагандистских целях: ведь этот исторический документ тоже рассказывал о вторжении в Англию, успешно осуществленном Вильгельмом Завоевателем за семь с половиной веков до

этого. Однако в отличие от герцога Нормандии Наполеон оказался менее удачлив. Запланированное вторжение так и не состоялось, и гобелен был возвращен в Байе. Ныне он хранится в местном музее, в специальном помещении с особым режимом освещения, под стеклом. Эти меры необходимы для того, чтобы минимизировать риски повреждения уникального изделия средневековых мастеров от яркого света и загрязненного воздуха.

Змеевик Владимира Мономаха (Расцвет Киевской руси)

Местонахождение: Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия

Князь Владимир Мономах (1053–1125) был одним из наиболее ярких деятелей русского Средневековья. О нем слагали былины (в которых из-за одинаковости имен его имя слилось с именем другого популярного князя, Владимира I Святого). Позже молва связала с ним легенду о царских регалиях («шапке Мономаха»), якобы полученных Владимиром Мономахом от византийского императора.

Он родился в 1053 году, по всей вероятности, в Киеве; его матерью была дочь императора Константина IX Мономаха, Мария. Шестнадцать лет (1078–1094) Владимир Мономах княжил в Чернигове. Позже в своем автобиографическом «Поучении» он так вспоминал об этом периоде своей жизни: «И вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня на бедре меч оторвал,

медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул, и Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал – в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей».

Эти захватывающие подробности опасных приключений князя на охоте вспомнились историкам после того, как в 1821 году в лесах под Черниговом, на реке Белоус, местными жителями при случайных обстоятельствах был найден большой золотой амулет-змеевик, в дальнейшем получивший наименование «Черниговской гривны». Он представляет собой круглый чеканный медальон, в центре лицевой стороны которого изображен архангел Михаил. Его окружает кольцевая греческая надпись «Свят, свят, свят…». По внешнему краю тянутся лилии-крины. Центр оборотной стороны занимает женская голова в клубке из восьми змей; змеиные извивы завершаются драконьими головами. Ее окружают две надписи – одна на греческом языке, и вторая, славянскими буквами: «ГОСПОДИ, ПОМОЗИ РАБУ СВОЕМУ ВАСИЛИЮ. АМИН». Изготовлен змеевик весьма искусно – очевидно, он принадлежал какой-то знатной персоне, может быть, даже княжеского происхождения.

Необычная находка поступила в Эрмитаж и сразу вызвала в научной среде множество толков. Одним из первых «Черниговскую гривну» изучал филолог и нумизмат Карл Моргенштерн. Он пришел к заключению, что это – медаль, выбитая князем Владимиром Святым по поводу победы христианской веры над язычеством. Ряд исследователей поддержал этот вывод. Высказывалось мнение, что в упомянутом на змеевике Василии следует видеть византийского императора Василия Македонянина (правил в 867–886 гг.).

Киевский митрополит Евгений (Болховитинов) высказал мысль о том, что гривна могла быть связана и с Владимиром Святым, и с Владимиром Мономахом. И.И. Срезневский первым однозначно высказался в пользу того, что «имя Василия напоминает о князе Владимире; место нахождения заставляет думать о Владимире Мономахе». Известный нумизмат И.И. Толстой сомневался в справедливости этого вывода. Как бы то ни было, любые заключения по поводу принадлежности змеевика являются и будут являться лишь более или менее обоснованными догадками, так как со стопроцентной достоверностью установить ее невозможно. С этой точки зрения название «Черниговская гривна» выглядит более уместным, однако в популярной литературе за этим артефактом закрепилось другое название – «змеевик Владимира Мономаха» («гривна Владимира Мономаха»).

Загадкой для исследователей долгое время оставалась греческая надпись на оборотной стороне амулета. Она была сделана с ошибками, пропусками и, по-видимому, на каком-то диалекте греческого языка. Первым, кто предложил правдоподобный вариант дешифровки надписи, был профессор Дерптского университета Крузе. Он определил ее как заклинательную и перевел так: «Черная родильница очернила себя злом (яростию), пресмыкалась в прахе, как змея, и шипела, как дракон, и рычала, как лев, и была в ужасе, как ягненок, [когда победил ее архангел Михаил]». По его мнению, речь здесь идет о победе архангела Михаила над

змием, т. е. язычеством. Другой вариант дешифровки предложил Г.С. Дестунис: соглашаясь с тем, что эта надпись – заклинательная, он прочел ее следующим образом: «Матица черная, почернелая, как змей, [ты] вьешься, и как дракон, свищешь, и как лев, рычишь, и как ягненок,спи[шь]».

Позднее аналогичные амулеты, за которыми в научной литературе закрепилось условное название змеевиков, были найдены во многих местах на территории бывшей Киевской Руси. Различаясь в деталях, все они выполнены в относительно едином стиле: это двусторонние подвески в виде круглых медальонов (реже – иной формы), несущие на одной стороне изображение Христа, Богоматери или святых, а на другой так называемую змеевидную композицию – совершенно нехристианский мотив, представляющий собой изображение человеческой головы (реже – полуфигуры или полной фигуры), окруженной змеями. По археологическим данным, змеевики появились в древнерусском быту в XI–XII веках и сохранялись до XV–XVI веков. По мнению большинства исследователей, амулеты-змеевики имеют несомненно византийское происхождение и были принесены на Русь в рамках единого культурного процесса, связанного с христианизацией Восточной Европы.

В самой Византии змеевики начали использоваться ненамного раньше: как отмечают специалисты, магический образ змееволосой или змееногой богини (в которой некоторые склонны видеть Медузу

Горгону, известную из древнегреческих мифов) появился около X века, причем в готовом, явно заимствованном откуда-то виде, не неся на себе следов дальнейшего формирования. Древнейшие византийские змеевики – круглые металлические амулеты – имеют на одной стороне изображение человеческой головы с исходящими из нее змеями (число змей может быть различным), а на другой – заклинательную формулу. Христианских символов на них нет. Дальнейший поиск возможного места происхождения «змеиной композиции» привел ученых в Малую Азию. На это указывает множество факторов: нетрадиционная для Византии круглая форма подвесок, изображение змей, солярный характер композиции, астральные знаки, встречающиеся на отдельных амулетах-змеевиках. А один из ранних исследователей «Черниговской гривны» М.И. Соколов идет еще дальше, обнаруживая корни «змеиной композиции» в далекой Месопотамии: «Для меня представляется несомненным, что эти амулеты, употреблявшиеся среди русских и византийских христиан, являются отражением суеверия, ведущего свое начало с Востока, из древней Халдеи, и всего ближе соответствуют тем демоническим и магическим представлениям и учениям, какие изложены в известной Testamentum Solomonis, этой иудейско-византийской перелицовке древней халдейской магии».

Историки давно обсуждают вопрос: не связана ли популярность «змеиной композиции» в Византии с распространением учения павликиан – одного из наиболее значительных по размаху и последствиям раннесредневековых еретических движений. Зародившись в VII веке в Армении, эта дуалистическая ересь в VIII–IX веках получила широкое распространение в Малой Азии и в европейских владениях Византийской империи. В средневековой Болгарии наследниками учения павликиан были так называемые богомилы (богумилы). Через богомилов на Русь проникали

еретические сочинения, которые в те времена церковь именовала «болгарскими баснями». Еще в XIX столетии известный церковный историк, археограф и писатель архимандрит Леонид (Кавелин) высказал мнение, что «все эти «змеевики» есть не что иное, как «богумильские наузы» (амулеты): одно из средств, которыми богумилы старались пропагандировать в народе свои «дуалистические» верования, заимствованные ими у гностиков, преимущественно же у их предшественников манихеев и павликиан… Предназначались эти наузы, очевидно, для ношения ради охранения человека от враждебного влияния, при борьбе двух начал: доброго и злого, от последнего при помощи первого».

Из Византии традиция массового ношения змеевиков перешла на Русь. Многие русские змеевики несут на себе греческие надписи. Это показывает, что их первоначальное распространение на Руси было связано с греческими мастерами, находившимися в ближайшем окружении церковных иерархов, большинство из которых было греческого происхождения. Несмотря на чужеземное происхождение и связь с «книжной» культурой, змеевики прочно и надолго вошли в мир народных верований. Очевидно, что традицию изготовления змеевиков со временем переняли и древнерусские ювелиры времен Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, что неудивительно: в те времена Киевская Русь испытывала влияние множества различных культур. В Киеве целые кварталы были населены иноземцами – греками, евреями, армянами. Пришельцы из Скандинавии принесли в русские земли традиции искусства эпохи викингов, купцы с Востока – красочный замысловатый орнамент, столь характерный для исламского искусства. Наконец, принятие христианства связало Русь с художественной культурой Византийской империи, одной из наиболее могущественных мировых держав той поры.

Тисона, меч Сида (Реконкиста)

Местонахождение: Кафедральный собор, Бургос, Испания

В 711 году воины Арабского Халифата, подчинив Северную Африку, начали вторжение в Европу. Остановленные у границ Франции Карлом Великим, арабы ограничились только завоеванием Пиренейского полуострова, и единственным островком христианства на Пиренеях оставалось крошечное испанское королевство, занимавшее в ту пору дальний северо-западный угол полуострова. Вступившие на испанскую землю завоеватели были поражены мужеством испанцев. «Они как львы в своих крепостях и как орлы в своих гнездах», – писал арабский полководец Муса.

«Все, дошедшее до своего предела, начинает убывать», – говорит арабская пословица. Выдохшееся наступление мавров (испанское название «мавры» (moros) распространялось на всех мусульманских завоевателей, пришедших из Северной Африки (Магриба), как арабов, так и берберов) сменилось реконкистой – так в Испании называют процесс освобождения Пиренейского полуострова от арабского владычества. Почти восьмисотлетняя борьба с маврами была не только цепью военных походов, но и широким колонизационным движением, связанным с закреплением и

экономическим освоением отвоеванных территорий. Этот сложный, противоречивый, еще не в полной мере всесторонне изученный процесс определил особенности развития народов Пиренейского полуострова, оказал влияние на уклад жизни народа, содействовал росту национального самосознания.

Героическая эпоха реконкисты породила множество ярких исторических деятелей, вокруг которых постепенно стал складываться романтический ореол. Одной из таких легендарных личностей стал доблестный рыцарь Родриго Диас де Вивар (1043–1099). В народном эпосе, в котором описываются его боевые подвиги и драматическая история любви к красавице донье Химене, он получил прозвище Сид, Сид Кампеадор. На многие века Сид стал образцом кастильского рыцаря: сильный, верный, храбрый, мудрый, образованный, он был добрым христианином и смелым воином.

Сид родился в небольшом селении Вивар, расположенном в 7 км от Бургоса (по другой версии – в самом Бургосе).

Его отец умер, когда будущему герою едва-едва исполнилось 15 лет. Юность Сида прошла при дворе кастильского короля Фернандо I, где он воспитывался вместе с сыном монарха, принцем Санчо. В дальнейшем их связывали крепкие узы дружбы. При дворе и в школе при монастыре Сан-Педро де Карденья Сид получил хорошее образование. Позже он даже представлял интересы монастыря в судебных процессах, а король Альфонсо VI поручал ему ответственные дипломатические миссии. Однако более всего Сид прославился на поле брани.

С 1065 года Сид принимал участие во всех военных действиях, которые испанские короли вели против мавров, покрыв себя доблестью и совершив множество подвигов. Он был правой рукой кастильского короля Санчо II, друга своей юности. Как подлинный герой эпоса, Сид был несравненным воином и полководцем. Никто не мог победить его в единоборстве. Мужество Сида, неоднократно проявленное им в боях, стало нарицательным.

После гибели Санчо II при осаде Саморы в 1072 году кастильский трон занял Альфонсо VI. С этого времени судьба Сида резко изменилась. Новый монарх завидовал популярности неустрашимого рыцаря и боялся его. Он удалил Сида от двора, напоследок подсластив эту горькую пилюлю: с согласия Альфонсо VI Сид в 1074 году женился на донье Химене Диас, правнучке короля Альфонсо V. Это, однако, не улучшило отношений прославленного рыцаря с королевским двором, и в 1081 году Сиду пришлось отправиться в свою первую ссылку. В знак солидарности 300 лучших кастильских рыцарей отправились в изгнание вместе с ним.

Шесть лет Сид провел в ссылке. Он возвратился в Бургос в 1087 году. И хотя Альфонсо VI в дальнейшем не раз поручал ему ответственные задания, натянутые отношения с королем продолжали сохраняться.

В 1089 году монарх вновь отправил Сида в изгнание. Несмотря на это в последующие десять лет популярность Сида в народе достигла своего пика. А в 1094 году Сид совершил свой главный подвиг: руководимые им кастильские войска после долгой осады овладели Валенсией.

Став королевским наместником Валенсии, Сид проявил себя незаурядным и мудрым администратором. Вместе с тем в последние пять лет жизни ему еще не раз приходилось браться за оружие. Незадолго до смерти он еще раз снискал себе громкую славу, разгромив под стенами Валенсии 150-тысячную армию алморавидского полководца Мухаммада.

10 июля 1099 года Сид умер. Весь христианский мир оплакивал его смерть. Отважный рыцарь был похоронен в кафедральном соборе Бургоса, рядом со своей супругой, доньей Хименой. Посмертная слава Сида, пожалуй, даже превзошла прижизненную. В народе о нем рассказывали легенды, поэты и драматурги не раз обращались к жизни и подвигам легендарного рыцаря. Наиболее известны средневековая «Песнь о моем Сиде» (XII в.) и трагедия французского драматурга Пьера Корнеля «Сид» (1637). А одной из наиболее почитаемых реликвий Испании стал меч Сида – легендарная Тисона, слава которой сопоставима со славой Эскалибура,

знаменитого меча короля Артура.

Этот меч Сид захватил в качестве трофея у арабского полководца Малик Букара (Бухара). Он изготовлен в Кордове (Андалусия). Длина меча составляет 103 см, весит он 1,1 кг. На лезвии выгравированы две надписи. Одна из них гласит: «YO SOY LA TIZONA FUE FECHA EN LA ERA DE MILLE QUARENTA» («Я – Тисона, меня сделали в 1040 году эры»). Под «эрой» здесь подразумевается испанское средневековое летосчисление, которое берет свое начало в 38 году до Р.Х. Таким образом, меч можно датировать 1002 годом христианской эры. Вторая надпись представляет собой начало христианской молитвы «Аве, Мария» (Радуйся, Мария») на латинском языке: «AVE MARIA ~ GRATIA PLENA ~ DOMINUS TECUM» («Радуйся, Мария, исполненная благодати; Господь с Тобой»).

На протяжении последних шестидесяти лет, начиная с 1944 года, меч Сида экспонировался в Музее испанской армии (бывший Королевский Арсенал) в Мадриде. Владельцем его, однако, было семейство маркизов Фальсес. Еще в 1516 году испанский король Фердинанд наградил этим мечом маркиза Фальсес в благодарность за его службу. Как говорят, помимо меча ему были предложены на выбор обширное землевладение и дворец, но маркиз предпочел меч Сида. В дальнейшем Тисона постоянно хранилась в семье и передавалась из поколения в поколение. В конце 1930-х годов, во время Гражданской войны в Испании, республиканские солдаты похитили меч из разграбленного фамильного замка в Наварре и попытались контрабандой вывезти его из

Испании, однако эта попытка была пресечена франкистами. Франсиско Франко, который очень любил сравнивать себя с Сидом, неоднократно пытался заполучить меч легендарного рыцаря, но ему удалось добиться лишь согласия маркизов Фальсес на то, чтобы меч отныне демонстрировался в Музее испанской армии.

В конце 2006 года владелец меча, дон Хосе Рамон Суарес дель Отеро-и-Вельюти, маркиз Фальсес, принял решение продать меч испанскому государству. И тут разразился скандал. Владелец оценил меч в 6 миллионов евро, но позднее снизил эту цифру до 1,5 миллиона евро. Испанское министерство обороны отказалось покупать меч за такие деньги, предложив маркизу всего-навсего 400 тысяч евро. Маркиз пригрозил, что продаст меч за границу. В дело вмешалось испанское правительство: ссылаясь на закон об охране культурного наследия, оно запретило маркизу вывозить национальную реликвию за пределы Испании. В итоге покупатель все-таки нашелся: в мае 2007 года меч приобрели власти провинции Кастилия и Леон с тем, чтобы поместить его в кафедральном соборе Бургоса, рядом с могилами Сида и доньи Химены. Стоимость сделки составила 1,6 миллиона евро. И тут министерство культуры Испании выступило с неожиданным заявлением: меч Сида… фальшивка!

В подтверждение своих слов представители министерства ссылались на четыре авторитетных заключения, подписанных специалистами центра Национального наследия Испании, Археологического института, Королевской исторической академии и независимым экспертом – профессором-медиевистом Хосе Годоем. Сходясь в том, что этот меч никогда не принадлежал легендарному

рыцарю, авторы экспертных заключений существенно расходились во мнениях относительно того, что может представлять из себя это оружие. Одни безоговорочно признавали, что меч изготовлен в XI столетии, другие (Хосе Годой) отодвигали эту дату на три-четыре столетия позже. В заявлении министерства культуры утверждалось, что о том, что выставленный в Музее испанской армии меч не является подлинным мечом Сида, стало известно еще в 1999 году. Вместе с тем невозможно отрицать высокую историческую ценность этого оружия: подобных экземпляров во всей Испании сохранилось только четыре. Что же касается стоимости меча, то она, по оценкам специалистов, могла составлять 200–300 тысяч евро.

Последняя фраза сильно подпортила эффект, произведенный неожиданным заявлением министерства культуры. Поползли слухи, что испанское правительство просто некрасиво и мелочно торгуется из-за бесценной исторической реликвии. До сих пор никто не сомневался в том, что меч, более 60 лет демонстрировавшийся в военном музее, когда-то принадлежал национальному герою страны. Эти сомнения почему-то всплыли только тогда, когда речь зашла о покупке меча.

Правительство Кастилии и Леона продолжает настаивать на подлинности меча. Еще ранее эксперты Королевского Арсенала заключили, что меч действительно некогда принадлежал Сиду. Они датируют это оружие XI столетием и подтверждают, что он изготовлен в одной из андалузских мастерских. Кроме того, маркиз Фальсес представил документы, подтверждающие историю меча по крайней мере до 1400 года.

Как бы то ни было, легендарное оружие вернулось к своему хозяину и ныне хранится в кафедральном соборе Бургоса – города, где Сид, возможно, родился и где вот уже более девяти столетий он спит вечным сном.

Рожденный в час добрый, стал всюду известен.
В Арагоне с Наваррой царят его дети.
Монархи испанские – Сидово семя.
Гордятся они достославным предком.
Расстался мой Сид с этим миром бренным
В Троицын день, да простит его небо!
Дай Бог того же и всем нам, грешным.
Вот что за подвиги Сид содеял.
На этом рассказ наш пришел к завершенью.
Аминь! Да сподобится рая писавший.
Писано в мае Педро аббатом
В год тысяча триста и сорок пятый.
Кто книгу прочел, пусть вина поставит,
А коли нет денег – закладывай платье.

(«Песнь о моем Сиде»)

«Книги привилегий» Колумба (Открытие Америки)

Местонахождение: Генуэзская копия – Генуэзский муниципалитет, Генуя, Италия; Парижская копия – Министерство иностранных дел, Париж, Франция; Верагуанская копия – архив Совета по делам Индий, Севилья, Испания; Вашингтонская копия – библиотека Конгресса, Вашингтон, США

«Была полночь 11 октября 1492 года. Еще каких-нибудь два часа – и свершится событие, которому суждено изменить весь ход мировой истории. На кораблях никто полностью не осознавал этого, но буквально все, от адмирала до самого молодого юнги, пребывали в напряженном ожидании. Тому, кто первым увидит землю, обещана награда в десять тысяч мараведи, а теперь уже всем было ясно, что долгое плавание близится к концу… Сутки были на исходе, и в светлой звездной ночи три суденышка, подгоняемые попутным ветром, стремительно скользили вперед…».

Таким в описании американского историка Дж. Бейклесса предстает волнующий миг, предшествовавший открытию Америки.

Alexander

За два месяца до этого, 3 августа 1492 года, три небольших каравеллы – «Санта-Мария»,

«Пинта» и «Нинья» вышли в открытое море из порта Палос на атлантическом побережье Испании и взяли курс на запад. На борту – около 100 человек команды, минимум продовольствия и снаряжения. Во главе экспедиции стоял незаурядный человек, одержимый мечтой пересечь с востока на запад Атлантический океан и добраться до сказочно богатой Индии. Его звали Христофор Колумб (испанский вариант имени – Кристобаль Колон), и был он уроженцем Генуи, состоявшим на испанской службе.

День проходил за днем, неделя за неделей, а океанской пустыне, казалось, не будет конца. Запасы продовольствия и пресной воды подходили к концу. Люди устали. Адмирал, часами не сходивший с мостика флагманского корабля, все чаще слышал за своей спиной возгласы недовольства и угрозы со стороны матросов.

В ту последнюю ночь впереди маленькой флотилии шел капитан Мартин Пинсон на «Пинте», а вахтенным на носу судна был матрос Родриго де Триана. Именно он и увидел первым землю, вернее – отблески призрачного лунного света на белых песчаных холмах. «Земля! Земля!» – закричал матрос. Спустя минуту прозвучал гром орудийного выстрела, возвестивший о том, что долгожданная земля за океаном – Индия? – наконец-то обнаружена. На кораблях убрали паруса и стали с нетерпением ждать рассвета.

Утром в пятницу, 12 октября 1492 года, первые лучи солнца осветили загадочно темневшую впереди землю. «Этот остров, – записывает Колумб в своем дневнике, – очень большой и очень ровный, здесь много зеленых деревьев и воды, а посредине расположено большое озеро. Гор же никаких нет».

С кораблей спустили шлюпки. Ступив на берег, адмирал водрузил королевское знамя и объявил открытую землю владением Испании. Все здесь казалось необычным и новым: природа, растения, птицы, животные. И, к радости испанцев, эта земля оказалась обитаемой! Ее населяли веселые и добродушные люди со смуглой, красноватого оттенка кожей. «Все они ходят нагие, в чем мать родила, и женщины тоже, – записывает Колумб. – И люди, которых я видел, были еще молоды! всем им было не более 30 лет, и сложены они были хорошо, и тела и лица у них были очень красивые, а волосы грубые, совсем как конские, и короткие… Черты лица у них правильные, выражение приветливое… Цветом же эти люди не черные, а такие, как жители Канарских островов».

Туземцы называли свой остров Гуанахани. Колумб окрестил вновь открытую землю именем Сан-Сальвадор (Спаситель). И хотя в то знаменательное утро 12 октября 1492 года жизнь огромного Американского континента внешне ничем не была нарушена, появление трех каравелл у берегов острова Гуанахани (из группы Багамских островов) означало, что Америка вступила в новую, полную драматических событий эру…

Вдохновленный удивительными, полными романтики рассказами Марко Поло, Христофор Колумб начал готовиться к морскому путешествию на запад «в Индию» еще в 1480 году. Он искал поддержки у многих европейских правителей, однако все они отклоняли его план как слишком дорогостоящий и непрактичный. Но вскоре интерес к идее Колумба проявили испанский король Фердинанд и королева Изабелла, хотя они также считали, что запрашиваемая для организации экспедиции сумма слишком велика. Тем не менее они снабдили Колумба судами, подобрали экипаж, финансировали подготовку к плаванию.

В то время отправлявшиеся в дальний путь первооткрыватели заранее оговаривали все вопросы, связанные с будущими открытиями: свои права, собственность на владение, размеры вознаграждения и т. д. Однако Колумб потребовал для себя таких больших привилегий, что Фердинанд и Изабелла были ошеломлены. В результате дело затянулось. Колумб терпеливо ждал шесть лет, надеясь на то, что король и королева в конце концов предоставят ему все запрошенные привилегии, но в конечном итоге понял, что его мечтам не суждено сбыться. Разочарованный, он покинул королевский двор, однако вскоре после этого его друг, королевский казначей Луис де Сантангель, убедил королеву Изабеллу в том, что риск, связанный с финансированием предстоящей экспедиции, является значительно меньшим по сравнению с той прибылью, которую может принести она в случае успеха. Если же Колумб найдет другой источник финансирования для своей экспедиции, то сделанные им открытия не принесут никакой пользы Испании. В конце концов, долгие переговоры привели к тому, что Колумб получил королевскую поддержку, о которой так мечтал.

Среди привилегий, предоставленных Колумбу в апреле 1492 года, были: титул адмирала; назначение его губернатором всех земель, открытых им в ходе экспедиции; и освобождение от 10-процентного налога на все доходы – золото, серебро и ценности, – которые будут им получены в этих землях. С годами Колумб значительно расширит свои права, или привилегии, а документы, подтверждающие его право на них и подписанные Фердинандом, Изабеллой и рядом королевских чиновников, попадут в различные инстанции.

Возвращение Колумба в Испанию в марте 1493 года превратилось в подлинный триумф великого мореплавателя. Он был осыпан почестями и многочисленными наградами. И хотя из своего первого плавания Колумб привез лишь горсть жалких побрякушек из низкопробного золота, яркие перья диковинных птиц да нескольких полуголых туземцев, главное было сделано: этот генуэзец нашел на западе, далеко за океаном, новые земли. Испанский двор уже грезил в мечтах будущими сокровищами «Западных Индий», и в предвкушении будущих баснословных прибылей адмиралу был открыт щедрый кредит.

Во втором плавании Колумба через Атлантику участвовало уже 17 кораблей и более чем 1500 человек. Были открыты новые крупные острова – Ямайка и Гаити, населенные многочисленными индейскими племенами. Однако золота, пряностей, драгоценных камней – словом, всего того, к чему стремились участники экспедиций и те, кто их финансировал, – отыскать не удалось. Звезда Колумба стремительно покатилась вниз. Он

еще сумел организовать два похода в Западное полушарие, открыл часть Центральной Америки (Никарагуа, Коста-Рика, Панама), где (в основном у панамских индейцев) получил довольно значительное количество золота. Но вожделенных сокровищ он так и не нашел, и королевский двор не простил Колумбу этого «обмана».

Еще после своего второго плавания Колумб начал сводить воедино привилегии, которых он добился в Новом Свете. На протяжении нескольких лет адмиралу удалось получить несколько бумаг, подтверждавших его права, однако эти документы были далеко не полны. Колумб добивался, чтобы ему были предоставлены все отсутствующие документы. Так как он находился в постоянных разъездах, то нуждался в надежном человеке, которому мог бы передать все свои документы на хранение. Такого человека он нашел в лице своего друга, монаха Гаспара Горрисио, проживавшего в Севилье.

Опасаясь того, что документы, подтверждающие его право на привилегии, могут быть утеряны, повреждены или украдены у него, Колумб хотел размножить их и разослать в различные места, где бы они могли храниться в безопасности. Позиции Колумба в Испании теперь значительно пошатнулись, и он хотел заручиться гарантией того, что он и его потомки смогут воспользоваться этими правами и привилегиями, которые, по его мнению, он честно заслужил. 5 января 1502 года в доме Колумба собрались судьи и нотариусы Севильи. Изучив подлинники документов, находившихся в распоряжении Колумба и подтверждавших его права на привилегии, они уполномочили нотариусов снять с них копии.

«Описываемые события происходили в Севилье в среду пятого января, в тысяча пятьсот втором году от Рождества Христова, – записал один из свидетелей произошедшего. – В этот день, в час вечерней мессы или незадолго до этого, в доме адмирала Индии, который находится в описываемом мною городе в приходе церкви Санта-Мария, перед Эстебано де ла Рока и Педро Руисом Монтеро, алькальдом города Севильи, представителем наших монархов – короля и королевы, и в моем, Мартина Родригеса, писца города Севильи, присутствии, а также в присутствии ряда других свидетелей, почтивших своим присутствием известного лорда адмирала дона Христофора Колумба, являющегося губернатором всех вновь открытых земель, ряд документов, привилегий и гарантий за подписью испанской королевской семьей были переписаны на бумагу и пергамент, подписаны их королевскими именами, скреплены свинцовыми печатями, висевшими на цветных шелковых нитях, и опечатаны цветной восковой печатью, на задних страницах документов; все они были подписаны рядом приближенных к королевскому двору чиновников, почтивших Колумба своим приходом».

Колумб получил официальную бумагу от королевской семьи, в которой подтверждалась подлинность копий, снятых с документов о привилегиях. Все эти копии были сделаны на пергаменте и на бумаге. Однако не все они точно соответствовали оригиналу: при их сравнении можно было обнаружить некоторые различия (биограф Колумба Ф. Дж. Давенпорт заявил в 1909 году, что так называемая Генуэзская копия была сделана с оригинала, Парижская копия, по крайней мере, частично основывалась на ней, а Вашингтонская – на Парижской).

Колумб распорядился относительно этих «Книг привилегий» следующим образом: две пергаментных копии следовало отправить Николо Одериго в Геную. Бумажная копия должна была быть передана Алонсо Санчесу де Карвахалу, доверенному лицу Колумба на острове Гаити (Эспаньола). Третью копию, пергаментную, предстояло вместе с оригиналом отправить в монастырь де лас Куэвас к брату ГаспаруГоррисио.

В мае 1502 года Колумб отбыл из Кадиса в свою последнюю экспедицию к берегам Нового Света. А между тем его «кодексы привилегий» начали свое собственное путешествие…

Две пергаментные копии, отправленные Николо Одериго, тщательно сохранялись им в безопасном месте и впоследствии были переданы потомкам; один из них и представил эти копии в 1670 году генуэзским властям. Позднее пути этих копий разошлись. В 1805 году одна из генуэзских копий была захвачена и увезена в Париж вместе со многими другими культурными и художественными ценностями, награбленными Наполеоном. После падения Наполеона и подписания Францией соглашений, предусматривающих возврат награбленных ценностей странам, из которых они были вывезены, большая часть сокровищ вернулась в Италию. Но кодекс привилегий Колумба так и не был возвращен, и его судьба оставалась неизвестной на протяжении многихлет.

Другая генуэзская копия долгое время хранилась в семье графа Микеланджело Камбиасо. Потомки графа собирались продать его коллекцию исторических документов, но власти Генуи обратились к королю Сардинии Виктору Эммануилу I, который в 1816 году приказал вернуть все документы, включая и «Книгу привилегий» Колумба, в Геную. В настоящее время этот документ хранится в городском архиве. Там же находятся и три письма, написанные Колумбом с 1502 по 1504 год, в том числе и то, в котором он высказывается по поводу данных ему документов о привилегиях.

Что случилось с копией, увезенной на Эспаньолу и переданной Алонсо Санчесу де Карвахалу, неизвестно, так как с тех пор ее никто и никогда больше не видел.

Судьба оригинала «Книги привилегий» и написанной на пергаменте копии, которая была отправлена в монастырь де лас Куэвас в Севилье, также неизвестна. Долгое время они хранились в монастырском архиве, а в 1609 году были вывезены оттуда одним из потомков Колумба.

По прошествии более чем двухсот лет, в 1818 году, эта история получила неожиданное развитие. Эдвард Эверетт, профессор греческой литературы Гарвардского университета, приобрел во Флоренции несколько пергаментных документов, содержавших различные привилегии, дарованные Христофору Колумбу испанским королем Фердинандом и королевой Изабеллой. Может быть, это и были те документы, которые некогда хранились в севильском монастыре? В 1823 году Эверетт получил возможность познакомиться с Генуэзской копией, а в следующем году упомянул о документах Колумба в одной из своих статей. Однако тогда на историческую ценность этих материалов никто не обратил внимания.

В 1892 году, в связи с празднованиим 400-летия открытия Америки, в Генуе было опубликовано факсимиле с хранившейся в городском архиве

пергаментной копии, а американский исследователь Генри Харрис опубликовал текст копии «Книг привилегий Колумба», обнаруженной им в 1880 году в архивах Департамента иностранных дел Франции в Париже. Это была та самая копия, что в свое время конфисковали французы в Генуе во время вторжения Наполеона. Готовя предисловие к этому изданию, Харрис познакомился со статьей Эверетта, опубликованной в 1824 году, и предположил, что копия Эверетта может являться еще одной, ранее неизвестной копией «Книги привилегий Колумба». Он сразу же загорелся мыслью сравнить ее с уже известными науке Парижской и Генуэзской копиями.

Харрис обратился за помощью к сыну Эверетта, Уильяму, однако тот ответил, что не знает ничего о местонахождении документов, принадлежавших его отцу. Впоследствии, однако, Уильям Эверетт неожиданно нашел эти материалы в старом письменном столе отца. Он привез их в Англию, однако официальные власти заявили, что эти бумаги не представляют для них никакого интереса. Эверетт вернулся в Массачусетс и снова положил документы в ящик стола, отбросив все мысли об их исторической важности.

Через несколько лет в его доме случился пожар, но, к счастью, огонь не затронул документов Колумба. Тогда Эверетт решил предпринять вторую попытку установить историческое значение этих бумаг. На этот раз он привез документы Уилберфорсу Эмсу, личному библиотекарю Джеймса Ленокса, известного американского библиофила. Эмс сразу же понял огромную историческую важность этих бумаг и сообщил о находке специалистам библиотеки Конгресса США. По прошествии нескольких месяцев, в 1901 году, библиотека приобрела эти документы, ныне известные как Вашингтонская, или Флорентийская, копия.

Неизвестно, какими путями эта копия оказалась во Флоренции. Историки выдвигают на этот счет несколько версий. Согласно одной из них, старший сын Колумба, Луис, продал эти бумаги в Италию в 1502 году. По другой версии, эти документы, заверенные Мартином Родригесом в 1502 году, во время суда по делу Балдассара Коломбо – итальянца, объявившего себя потомком Колумба, – были представлены им в суде в качестве доказательства того, что он является законным наследником великого мореплавателя. В 1605 году он мог законно или незаконно привезти эти документы с собой в Италию.

А что же произошло с оригиналом «Книги привилегий»? На этот счет никаких сведений нет. Можно только предположить, что часть этих документов в настоящее время входит в состав так называемой Верагуанской копии «Книги привилегий». Верагуанская копия является старейшей из всех существующих сегодня «Книг привилегий Колумба», так как содержит документы, датируемые с 1497 по 1498 год. Большинство документов, входящих в состав этого тома, относятся к периоду до начала третьей экспедиции Колумба в Новый Свет в мае 1498 года, а одна бумага была написана во время его пребывания в Санто-Доминго (она датируется 4 декабря 1498 года). Генуэзская, Парижская и Вашингтонская копии основываются, по крайней мере частично, на Верагуанской копии.

История Верагуанской копии известна мало, за исключением того, что когда-то она являлась частью архива проживавшего в Мадриде герцога

Верагуа (будучи одним из потомков Колумба, он получил свой титул в честь одной из открытых адмиралом областей в Новом Свете, позднее ставшей частью Панамы). В 1927 году этот сборник документов стал собственностью испанского государства. Однако в Верагуанской копии содержится неполный перечень привилегий Колумба, и по этой причине историческая ценность копий, сделанных в 1502 году, намного превышает значение верагуанских материалов. Они являются полными или почти полными сборниками документов, связанными с жизнью Колумба и дарованными ему привилегиями, и лучше отражают характер предпринятых им путешествий.

«Книги привилегий» Колумба позволяют узнать много нового об открытии европейцами западной половины земного шара. В них отразились все мечтания и надежды, амбиции и цели, которые побудили отважного мореплавателя более пятисот лет тому назад пуститься в опасное путешествие, ставшее поворотным моментом в истории всего человечества. Колумб умер 20 мая 1506 года в полном забвении и нищете. Современники, как это нередко бывало в истории, не сумели по достоинству оценить истинное значение сделанных им открытий. Да и сам он так и не понял, что обнаружил совершенно новый, дотоле неизвестный европейцам континент, до конца жизни считая открытые им земли Индией. Лишь после экспедиций В.Н. де Бальбоа, Ф. Магеллана и А. Веспуччи стало очевидно, что за просторами Атлантики лежит совершенно новая, неведомая земля. Эту землю позже назвали Америкой – по имени Америго Веспуччи, а не Колумбией, как того требовала справедливость. Вся значимость открытий Колумба была понята и подтверждена лишь в 20—30-е годы XVI века, когда после завоевания богатых царств ацтеков и инков в Европу хлынул широкий поток американского золота и серебра. То, что великий мореплаватель так упорно искал в «Западных Индиях», оказалось не утопией, не бредом безумца, а самой настоящей реальностью…

Камень Солнца (Ацтекский календарь)

Местонахождение: Национальный музей антропологии, Мехико, Мексика

Племена ацтеков вторглись в цветущую долину Мехико около 1160 года. Они довольно быстро восприняли от соседних народов высокую культуру, происходящую по прямой линии от древней цивилизации Теотиуакана. Это благотворное воздействие позволило ацтекам за 200–300 лет совершить стремительный скачок от варварства к могучей империи, столицей которого стал прекрасный Теночтитлан.

Как и все народы Месоамерики, ацтеки пользовались двумя календарями. Ацтекский солнечный год – шиуитль, или шиупоуалли («счет лет»), имел, как и общеупотребительный сегодня, 365 дней, но делился на 18 месяцев по 20 дней в каждом. В конце года к ним прибавлялось еще 5 добавочных дней, так называемых «несчастных» – немонтеми. Начало ацтекского года соответствовало 12 февраля, а конец – 11 февраля. Каждый месяц имел свое название, даже для каждого дня ацтекского месяца было свое обозначение и название: 1-й день – аллигатор (сипактли), 2-й – ветер (эке-катль), 3-й– дом (калли), 4-й – ящерица (кетцпаллин), 5– й– змея (коатль), 6-й – смерть (микуицтли), 7-й – олень (мацатль), 8-й – кролик

(точтли), 9-й – вода (атль), 10-й – собака (ицкуинтли), 11-й – обезьяна (оцоматли), 12-й – тростник (акатль), 13-й – трава (малиналли), 14-й – ягуар (оселотль), 15-й – орел (куаутли), 16-й – гриф (коцкакуаутли), 17-й – движение (оллин), 18-й – нож (текпатль), 19-й – дождь (квиа-утль), 20-й – цветок (шочитль). При этом каждый день было связан с каким-нибудь божеством: например, первый день месяца, сипактли (аллигатор), был посвящен богу Тонакатекухтли, второй день – Кецалько-атлю, шестой – богу дождя Тлалоку и т. д. Каждый час дня и ночи (ацтеки исчисляли день и ночь раздельно) тоже имел свое имя и своего бога.

Был у ацтеков и второй календарь – 260-дневный ритуальный цикл, носивший название тональпоуалли («счет дней»). Этот «священный календарь жрецов» состоял из 260 дней и разделялся на 13 месяцев по 20 дней. Происхождение и значение этого календаря ученые объяснить затрудняются.

Календарная система ацтеков завершалась так называемыми циклами, каждый из которых продолжался тринадцать лет. Четыре цикла образовывали ацтекский «век», состоявший из 52 лет. В конце каждого такого «века» ацтеки всегда ожидали огромной, разрушительной катастрофы. К этому концу света ацтеки готовились в последние пять «несчастных» дней пятьдесят второго года цикла. Начало каждого нового века ознаменовывалось 12-дневным ритуалом «шиумольпилли». Связанные с этими днями ритуалы выражали раскаяние и страх перед наступающим «концом света» и радость по поводу того, что ожидаемая катастрофа не

произошла и наступил новый век.

Ожиданием грядущей катастрофы была пронизана вся космогония ацтеков, центром которой являлся миф о Пяти великих эрах, или Пяти Солнцах. Первым Солнцем было Солнце Ночи, или Солнце Земли. Оно изображалось в виде головы ягуара (Оселотонатиу) и воплощало царство тьмы, где не было надежды на избавление. Там жили созданные богами великаны, в итоге растерзанные хищниками. Второе Солнце было

Солнцем Дыхания (Экекотонатиу) – чистый дух, предназначенный для возрождения. Благодаря ему люди, чтобы спастись от истребления ураганами, превратились в обезьян. Третье Солнце было Солнцем Огненного Ливня (Киаутонатиу). Тогда мир оказался залитым ливнем из лавы и огня, от которого спаслись лишь птицы. Четвертое Солнце было Солнцем Воды (Атонтиу). Оно исчезло в водах Всемирного потопа, во время которого появились рыбы. Пятое, и последнее Солнце – Наоллин, Солнце Движения. Это эпоха, которая продолжается до сих пор: Пятое Солнце светит и поныне.

Самое известное и, возможно, самое древнее изображение Пятого Солнца находится в центре огромного круглого базальтового монолита весом 24 т, диаметром 3,6 м и толщиной 1,22 м. Его часто можно увидеть в различных туристических, научных, филателистических и других изданиях под названием «ацтекский календарь». Другое, более правильное название монолита – Камень Солнца (исп. Piedra del Sol). В этом монументальном памятнике действительно воплотились календарные представления ацтеков, однако современные ученые полагают, что он ни в коем случае не был календарем в прямом смысле этого слова. Скорее всего, круглый монолит служил алтарем, на котором или перед которым совершались человеческие жертвоприношения, связанные с наиболее важными (очевидно, календарными) обрядами.

Сами ацтеки называли этот огромный камень «Орлиным шаром». Он создавался на протяжении целого ацтекского «века»: 52 года (1427–1479), и был посвящен главному ацтекскому божеству: Солнцу. Первоначально монолит находился в главном храме ацтекской столицы, Теночтитлана. Он был установлен в вертикальном положении, обращен к югу и расписан яркими красками: красной, синей, желтой, белой. Когда испанцы завоевали Теночтитлан, камень оказался погребенным глубоко в земле: то ли конкистадоры использовали его в качестве фундамента для собора, построенного на месте языческого храма, то ли просто закопали реликвию, не сумев уничтожить ее. Повторно Камень Солнца был обнаружен 17 декабря 1790 года при земляных работах. Впоследствии он был вмонтирован в стену западной башни кафедрального собора мексиканской столицы, а в 1885 году тогдашний президент республики генерал Порфирио Диас распорядился передать реликвию Национальному музею археологии и истории.

На Камне Солнца в символическом виде представлена вся ацтекская космология. Здесь изображены и четыре бедствия, которые привели к упадку четырех предшествующих Вселенных, и основные циклы ацтекского календаря, и бог Пятого Солнца Тонатиу, который, как считали ацтеки, был способен предотвратить грядущую мировую катастрофу, ради чего требовалось совершать регулярные человеческие жертвоприношения

в его честь. Лицо бога Тонатиу изображено в центре Камня Солнца. Божество увенчано короной, украшено серьгами, ожерельем, носовой вставкой. Морщины на лице демонстрируют преклонный возраст Пятого Солнца. Высунутый язык имеет форму обсидианового ножа – намек на то, что это божество привыкло питаться кровью и человеческими сердцами. Таким ножом жрецы обычно вспарывали грудную клетку несчастных жертв, вырывая сердце и возлагая его в качестве жертвы на алтарь кровожадного бога. Сердца жертв запечатлены и на Камне Солнца: божество крепко сжимает их в своих когтях…

В четырех квадратных рамках, расположенных вокруг центральной фигуры, расположены символы первых четырех Солнц, которые погибли. Справа вверху – ягуар, символ Первого Солнца, слева – ветер, под ним – огненный дождь, и справа внизу – вода. Фигура, образованная четырьмя Солнцами, расположенными в четырех углах правильного квадрата, и пятым в центре, представляет собой символ бесконечности.

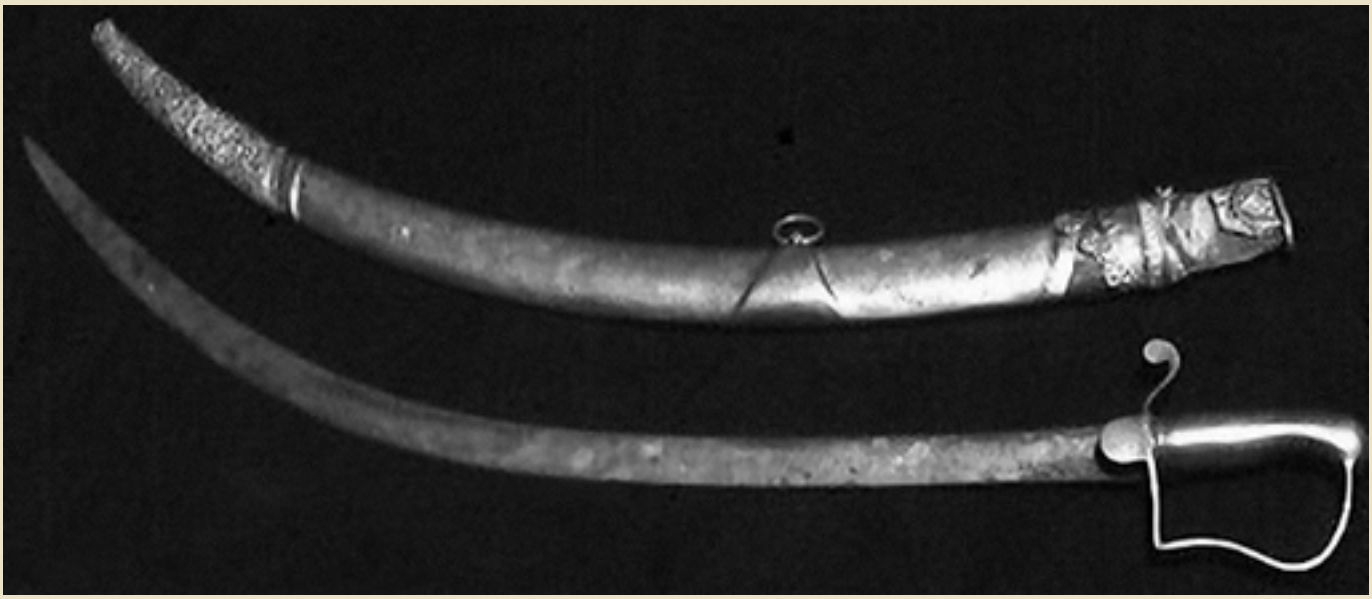
Центральную фигуру окружает концентрический круг, состоящий из двадцати прямоугольников с заключенными в них символами, каждый из которых соответствует одному из двадцати дней ацтекского месяца, расположенных по часовой стрелке. Следующий концентрический круг содержит несколько прямоугольных секций, в каждую из которых заключено пять точек – как полагают, они изображают пять дней ацтекской недели. Восемь углов, делящих камень на восемь частей, как считают, изображают собой лучи солнца, помещенные в строгом соответствии со сторонами света. Вокруг – два огненных змея, которые, согласно одной из версий, также являются Тонатиу, или же Шиутекутли – богом огня. Головы змея встречаются в нижней части камня, а их тела разделены на секции, в которых изображены символы огня и ягуара. Эти секции, как полагают, представляют собой ацтекские 52-годичные циклы-«века». На самом краю огромного диска можно заметить восемь одинаковых, равномерно распределенных отверстий. По одной из версий, Камень Солнца, возможно, служил солнечными часами, и в этих отверстиях стояли горизонтальные палки, тени от которых падали на резные фигуры календаря, отмечая время. Впрочем, что касается версий относительного того, для чего именно мог служить Камень Солнца, то в них недостатка нет. С его помощью ацтекские жрецы, возможно, пытались предсказать наступление света, а может быть, монолит просто был призван символизировать тот хрупкий мир, в котором мы живем, постоянно балансируя на грани Жизни и Смерти, Бытия и Небытия, Дня и Ночи. Может быть, Камень Солнца действительно служил календарем, а может быть, с самого начала задумывался как алтарь. Великие воины и правители разных народов встречали на нем последний миг своей жизни, устремив взор в небеса, где ослепительно сияло Пятое Солнце, Солнце Движения, Наоллин…

Сабля Типу-Султана

Местонахождение: Шрирангапатнам, штат Карнатака, Индия

И враги, и друзья называли его «Тигром Майсура». Без малого два десятилетия Типу-Султан, правитель небольшого южноиндийского

княжества Майсур, практически в одиночку противостоял всем попыткам англичан установить полный контроль над Индией. Он был главным препятствием британскому господству в Индии, опасным и непреклонным противником англичан, и когда он погиб, его противники, по-видимому, испытали большое облегчение.

Типу-Султан (1750–1799) стал правителем Майсура в 1782 году, сменив на троне своего отца Хайдара-Али, также заклятого врага англичан. Он перенял от отца многие из его талантов, равно как и ненависть к чужеземным захватчикам. Энергичный и деятельный, он был мало похож на тогдашних индийских владык, которых презирал за их лень и сибаритство. Типу-Султан получил хорошее образование, интересовался научными, техническими и культурными достижениями Европы и широко внедрял их в своем собственном княжестве. Майсурская армия была организована и обучена по-европейски, были заложены основы собственного военно-морского флота, европейские офицеры обучали индийских моряков. Типу-Султан провел небывало прогрессивную по индийским меркам административную реформу, впервые в Индии осуществив разделение администрации на военную, гражданскую и судебную и создав ряд ведомств (финансовое, военное, морское, коммерческое, строительное, почтовое), по функциям и структуре напоминающих министерства. «Тигр Майсура» покровительствовал торговле и промышленности, создавал государственные мануфактуры, защищал местных купцов, давал льготы ремесленникам. Он, как считали современники, был неплохим поэтом, знал несколько языков и, хотя был набожным мусульманином, с известной терпимостью относился к другим религиям и даже (по настоянию французов) построил первую в Майсуре христианскую церковь. Впрочем, во всей его внутренней политике

отчетливо присутствует исламский уклон (например, в его княжестве мусульмане были освобождены от всех налогов), и это обстоятельство отталкивало от Типу-Султана широкие массы индуистов и тем самым существенно ограничивало его ресурсы.

Типу-Султан взошел на престол Майсура в разгар Второй англо-майсурской войны (1780–1784). Подавив заговор феодалов, попытавшихся посадить на трон его слабоумного брата, Типу-Султан разбил и окружил в крепости Беднур английскую армию. Британцы начали переговоры о сдаче. Типу-Султан согласился принять почетную капитуляцию и с честью выпустить осажденных из Беднура, однако перед тем как выйти из города, англичане разграбили и сожгли его. Тогда Типу-Султан приказал раздеть всех офицеров и солдат, обыскать их, а потом в цепях отправить в Майсур. В результате война вспыхнула с новой силой. В 1786–1787 годах Типу-Султан нанес сокрушительное поражение объединенным силам враждебных индийских княжеств: маратхов и Хайдарабада, однако вернул противникам часть ранее захваченных у них земель, рассчитывая склонить соперников к совместным действиям против англичан. Он ясно понимал, что противостоять англичанам может только союз индийских государств. Но индийские князья опасались усиления Майсурского княжества, а кроме того, в их глазах Типу-Султан был человеком низкого происхождения (его отец Хайдар-Али был выходцем из простонародья и начал свою карьеру простым солдатом), и они считали ниже своего достоинства вступать в союз с «плебеем».

Сознавая, что «враждебность Типу-Султана британскому имени и интересам открыто им признана и неотвратима», генерал-губернатор Британской Ост-Индской компании Корнуоллис заключил союз с маратхами и Хайдарабадом против Майсура. Третья англо-майсурская война (1789–1792) увенчалась успехом англичан и их союзников. Столица Типу-Султана Шрирангапатнам (Серингапатам) была осаждена, и, несмотря на героическое сопротивление, Типу-Султан был вынужден подписать с англичанами мирный договор, по которому он терял половину земель, выплачивал огромную контрибуцию и отдавал заложниками своих малолетних сыновей.

Но «Тигр Майсура» не был сломлен. Уже спустя несколько лет после тяжелого поражения Майсур вновь окреп и возглавил сопротивление англичанам. Типу-Султан продолжал призывать всех правителей Индии объединиться в борьбе против колонизаторов, но те оставались глухи к этим призывам. Революция в далекой Франции пробудила в Типу-Султане новые надежды. В 1798 году Типу-Султан прямо обратился к Наполеону за помощью и отправил посольство на остров Маврикий (Иль-де-Франс), принадлежавший в ту пору французам. В Лондоне забили тревогу. Новый генерал-губернатор Ричард Уэлсли был преисполнен решимости покончить с «Тигром Майсура». Он объединил под своим началом британские экспедиционные силы в Индии и армии индийских союзников – маратхов и Хайдарабада, а также сумел тайно склонить на свою сторону нескольких крупных майсурских военачальников, обещав им вернуть отнятые Типу-Султаном владения и привилегии. Сторонником англичан стал даже первый министр Майсура Мир Садык.

Началась Четвертая англо-майсурская война (1798–1799). Силы были слишком неравны, однако на требование капитулировать Типу-Султан ответил категорическим отказом. После долгой осады столица Майсура была захвачена 4 мая 1799 года при помощи предателей, снабдивших англичан схемой укреплений и открывших в нужный момент ворота. Во главе небольшого отряда личной охраны Типу-Султан сражался до последнего и был тяжело ранен. Уцелевшие гвардейцы уложили правителя в паланкин и, пытаясь спасти ему жизнь, умоляли Типу-Султана сдаться победителям. Тот ответил: «Лучше умереть львом, чем жить сто лет шакалом!» Истекающий кровью Типу-Султан еще успел нанести последний удар саблей английскому мародеру, пытавшемуся завладеть драгоценным поясом и оружием раненого, и был тут же добит.

Генерал Уэлсли долго искал тело майсурского правителя. Лишь тяжело раненный слуга Типу-Султана, единственный, кто уцелел в кровавой схватке, сумел указать англичанам место, где лежал прах поверженного героя. Коснувшись его тела шпагой, Уэлсли сказал свите: «Теперь Индия наша, господа!»

«Тигр Майсура» стал национальным героем Индии. Его память свято чтится индийцами. Место гибели Типу-Султана отмечено обелиском, одиноко высящимся среди развалин Серингапатама, а каждый год в день смерти Типу-Султана над его могилой гремят большие барабаны – так, по традиции, в армии «Тигра Майсура» отмечали победу.

В захваченном Ширангапатнаме англичанам досталась немалая добыча. Одной из самой больших драгоценностей была сабля Типу-Султана. Генерал Джордж Харрис, командующий британским экспедиционным корпусом, наградил этим прославленным в боях оружием генерал-майора Дэвида Берда, командира шотландского полка, особо отличившегося при штурме майсурской столицы. Именно он во главе своих солдат первым ворвался во дворец Типу-Султана. В память об этом событии на 91-сантиметровом лезвии меча была выгравирована надпись: «Меч Типу-Султана, найденный во дворце после того, как Серингапатам был взят штурмом 4 мая 1799 года, подарен генералу Берду от имени всей армии ее командующим генерал-майором Харрисом как символ его высокой доблести и храбрости в бою, в котором Типу-Султан был убит». Наряду с этой на лезвии сохранилась другая, более старая надпись на персидском языке, сделанная арабскими буквами: «Меч правителя». Меч заключен в деревянные ножны, обтянутые зеленым бархатом и отделанные серебром.

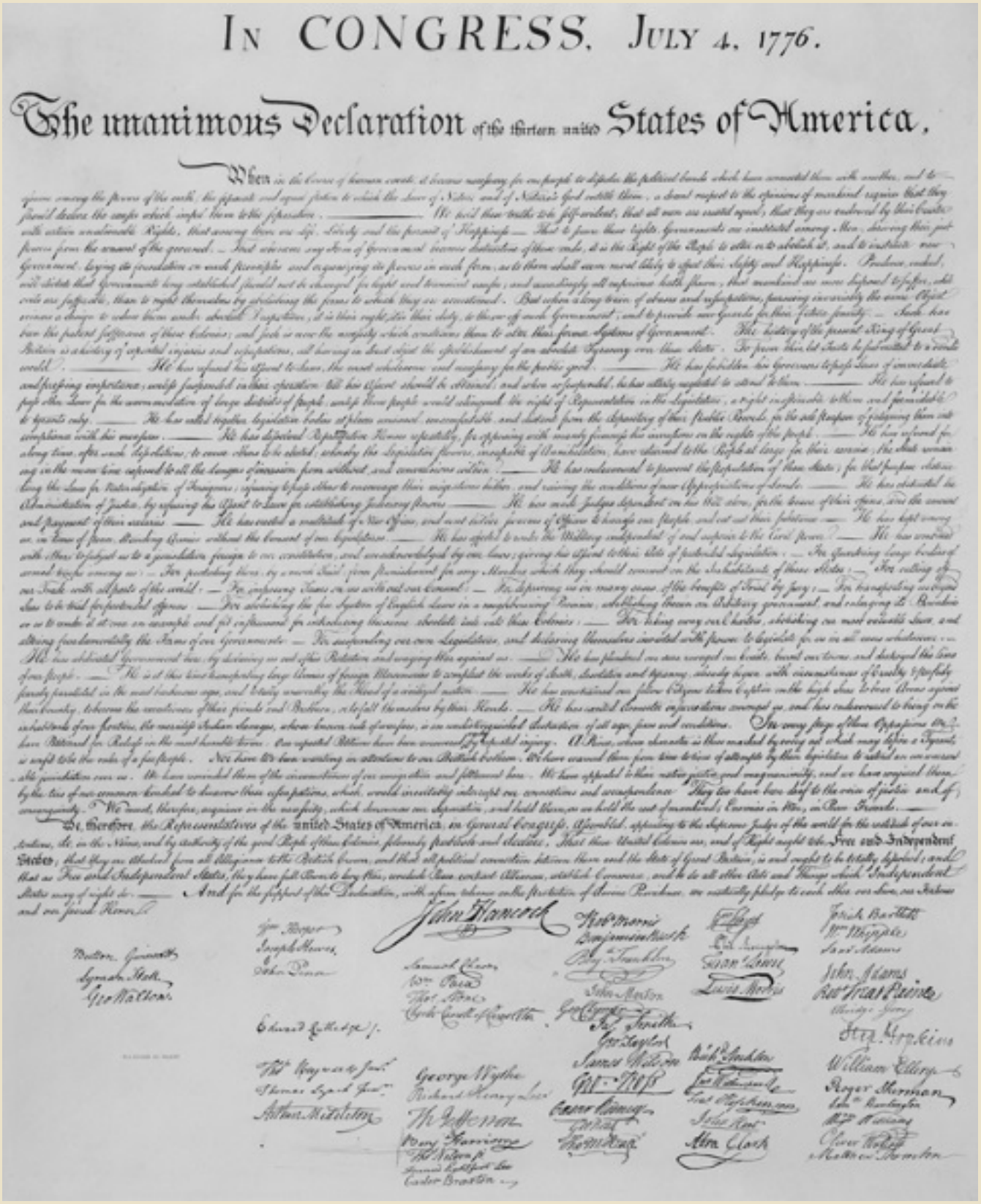
Более двухсот лет меч Типу-Султана хранился у потомков генерала Берда. Осенью 2003 года реликвия, оцениваемая в 200 тысяч фунтов стерлингов, была продана на аукционе в Лондоне. Покупателем стал крупный индийский предприниматель Виджайя Маллия. Он заявил, что его главным желанием является вернуть меч на родину, где миллионы индийцев чтят Типу-Султана как национального героя. «Это – законная собственность Индии, и я решил возвратить ее. За исключением нас, никто не имеет право обладать этим мечом», – заявил Маллия на пресс-конференции. В 2004 году меч Типу-Султана впервые был выставлен для публичного обозрения в Ширангапатнаме во время ежегодного праздника, посвященного памяти «Тигра Майсура».

Декларация независимости США (Тринадцати колоний)
Местонахождение: Национальный архив, Вашингтон, США

К весне 1775 года, после многочисленных притеснений и нарушений прав территорий Нового Света, находившихся под управлением Англии, тринадцать североамериканских колоний начали борьбу за свои интересы. Ранее колонисты неоднократно обращались к британцам, пытаясь по справедливости решить возникшие проблемы, однако все их просьбы оставались без внимания. Однако конфликт все более обострялся, и вскоре колонистам пришлось взяться за оружие. Первое столкновение между английскими войсками и американской милицией произошло 19 апреля 1775 года. Военные действия велись с переменным успехом. Британские войска превосходили ополчение колонистов боевой выучкой и численностью, но американцы сражались с большей энергией и воодушевлением.

10 мая 1775 года в Филадельфии собрался Второй континентальный конгресс представителей всех тринадцати колоний, который быстро завоевал высокий авторитет и стал играть роль правительственной власти. При этом, однако, конгрессмены по-прежнему не стремились к отделению от Англии, а лишь отстаивали права североамериканских колоний от притязаний английского правительства и парламента. Однако все попытки решить дело путем переговоров не увенчались успехов. Наконец, 7 июня 1776 года делегат от штата Вирджиния Ричард Генри Ли внес на рассмотрение конгресса предложение о том, чтобы колонии полностью освободились от власти Великобритании и стали «свободными и независимыми государствами».

Спустя три дня был образован комитет, которому предстояло выразить предложение Р. Ли в виде декларации. Он работал в Филадельфии с 11 по 28 июня 1776 года. Автором основной части документа стал Томас Джефферсон; внесли свою лепту и другие члены комитета: Джон Адамс, Бенджамин Франклин, Роберт Ливингстон и Роджер Шерман.

IN CONGRESS, JULY 4, 1776.

The unanimous Declaration of the thirteen united States of America,

Современные исследователи полагают, что работая над текстом Декларации независимости, Джефферсон вдохновлялся трудами

английского философа Джона Локка, который почти за девяносто лет до этого горячо поддержал стремление англичан свергнуть монархию, а также Вирджинской декларацией прав Джорджа Мейсона (она во многом походила на Декларацию независимости Джефферсона).

28 июня проект Декларации был вынесен на рассмотрение конгресса, и через три дня среди конгрессменов начались дебаты. Подавляющее большинство депутатов (за исключением нескольких человек) поддержало решение немедленно разорвать все политические отношения с Британией. 2 июля Второй Континентальный конгресс проголосовал в поддержку Декларации, объявив, что отныне тринадцать североамериканских колоний становятся «свободными и независимыми штатами» и что «вся политическая связь между ними и государством Великобритания является и должна быть полностью расторгнута». Тем не менее конгресс работал над проектом Декларации еще в течение двух дней, изменив ряд положений ее первоначального текста. В конце второго дня, 4 июля 1776 года, конгресс принял окончательный проект Декларации независимости, ставшей эпохальным документом не только американской, но и мировой истории. Это была первая перенесенная на практическую почву декларация прав человека, опиравшаяся на передовые теории английских философов XVII века, французских просветителей XVIII века и традиции борьбы за свободу американских колонистов. «Все люди сотворены равными, – гласит Декларация независимости, – все они одарены Создателем некоторыми неотъемлемыми правами, к числу которых относятся право на жизнь, свободу и стремление к счастью… Всякий раз, когда форма правления начинает противоречить этим целям, право народа – изменить ее либо вовсе уничтожить и учредить новое правительство…». Впервые в истории человечества официальный документ провозглашал принцип народного суверенитета как основу государственного устройства.

Принятый конгрессом текст был передан редактору одной из филадельфийских газет Джону Данлапу, который на всех парах помчался в издательство, где размножил утвержденную Декларацию независимости североамериканских штатов. Несколько экземпляров было роздано государственным чиновникам, чтобы они могли поставить в известность об этом событии всех местных жителей. И хотя фактически независимость была провозглашена еще 2 июля, день, когда Декларация была официально принята и напечатана – 4 июля, – стал национальным праздником США.

В период с 19 июля по 2 августа писец (возможно, им был Тимоти Мэтлак из Филадельфии) каллиграфическим почерком переписал текст Декларации независимости на специально подготовленном для этого пергаменте, изготовленном из кожи молодого животного (овцы или теленка). Написанный крупным почерком на одном пергаментном листе размером 75,5 см на 62 см, этот документ 2 августа 1776 года был скреплен подписями всех членов конгресса. Первым поставил подпись председатель конгресса Джон Хэнкок (его подпись оказалась самой крупной), в числе других подписавших документ были Бенджамин Франклин, Джон Адамс, Сэмюэл Адамс, Ричард Генри Ли и Томас Джефферсон. Однако на этом заседании присутствовали не все представители конгресса, поэтому к

поставленным пятидесяти подписям в течение нескольких месяцев добавилось еще несколько. После этого пергамент был отправлен в здание, где заседал Пенсильванский конгресс.

С этого момента начались странствия Декларации.

Первое из двадцати пяти путешествий, совершенных Декларацией за 176 лет ее существования, началось 12 декабря 1776 года, когда этот документ вместе с другими официальными бумагами был отправлен в Балтимор, где происходило заседание конгресса. Впоследствии Декларация перевозилась в Филадельфию, Ланкастер, Йорк, Аннаполис, Трентон и Нью-Йорк, где оставалась в течение пяти лет, прежде чем снова вернулась в Филадельфию в 1790 году. В 1800 году Декларация совершила путешествие по воде в округ Колумбия, в новый город, где обосновалось правительство США (этот город стал столицей федерации североамериканских штатов и получил название Вашингтон). В течение первых десяти лет она сменила здесь по крайней мере три места: казначейство, «Семь зданий» и здание военного министерства.

С началом англо-американской войны 1812 года над Декларацией нависла серьезная угроза. Очевидно, что британцам доставило бы немалое удовольствие увидеть этот документ сожженным. Однако американцам удалось спасти национальную реликвию еще до того, как англичане захватили Вашингтон и начали поджигать правительственные здания.

Наиболее безопасным местом был в ту пору штат Вирджиния, поэтому текст Декларации отправили туда и укрыли на мельнице, расположенной на берегу реки Потомак, поблизости от Большого водопада; затем, когда возникла опасность вторжения британцев и на эту территорию, ее перевезли в другое место и спрятали в подвале частного дома в Лисберге.

По окончании войны Декларация независимости снова вернулась в столицу Соединенных Штатов. Однако на этом ее бедствия не закончились. В начале 1817 года тогдашний госсекретарь США Ричард Раш заметил, что подписи на Декларации начали выцветать (он объяснил это «действием времени»). Несмотря на это правительственные чиновники продолжали достаточно вольно обращаться с этим драгоценным документом. В начале 1820-х годов Конгресс постановил сделать несколько факсимильных копий с оригинала текста Декларации, чтобы раздать их президенту и вице-президенту, а также губернаторам штатов, другим официальным и должностным лицам, и различным организациям, образованным по поручению президента. Эти копии предлагалось изготовить методом «влажного копирования», который привел бы к полной утрате части чернил, которыми была написана Декларация. К счастью, в итоге авторы затеи остановились на другом способе копирования, благодаря чему документ уцелел.

Последующие перемещения Декларации с места на место способствовали дальнейшему ухудшению ее состояния. В 1841 году документ был отправлен в патентное бюро министерства внутренних дел. На протяжении более тридцати лет Декларация была выставлена для всеобщего обозрения в зале, где подвергалась действию солнечного света; в результате чернила продолжали выцветать и блекнуть. В октябре 1870 года репортер «Исторического журнала» привлек внимание

общественности к состоянию исторического документа, заявив, что «через несколько лет от священной реликвии останется только один пергамент».

В 1876 году Декларация была возвращена на свое старое место в Филадельфии, в бывшее здание Конгресса (Индепенденс-Холл). К этому времени, по свидетельству современников, документ «поблек и стал крошиться на кусочки». Патентное бюро снова обратилось с просьбой предоставить ему для хранения Декларацию независимости, однако вместо этого в марте 1877 года было решено выставить ее в библиотеке штаба Военно-морского флота США. Это решение, как оказалось, спасло документ от неминуемой гибели: вскоре после этого здание патентного бюро сгорело во время пожара.

Беспокойство в связи с постоянно ухудшающимся состоянием реликвии продолжало расти. Группа правительственных чиновников обратилась к Национальной академии наук с просьбой определить, может ли Декларация независимости быть восстановлена; однако специалисты, исследовав рукопись, заключили, что любая химическая обработка документа может повлечь за собой еще большие повреждения. Они рекомендовали «закрыть оригинал текста рукописи не пропускающей свет крышкой или просто вынуть ее из рамки и поместить в портфель».

В 1894 году Декларация независимости была помещена в стальной сейф, находившийся в Министерстве иностранных дел США. Однако в 1921 году президент Соединенных Штатов Уоррен Г. Гардинг принял решение, согласно которому все исторические документы, в том числе Декларация независимости и Конституция США, должны были быть выставлены для всеобщего обозрения в Библиотеке Конгресса. Процесс передачи Декларации затянулся и завершился лишь спустя два года.

В декабре 1941 года, когда японцы напали на Перл-Харбор и началась война, было решено обезопасить реликвии от возможного ущерба в результате военных действий. Текст Декларации, Конституцию, а также ряд других документов перевезли в хранилище драгоценных металлов в Форт-Нокс (штат Кентукки). В апреле 1943 года Декларация снова вернулась в Вашингтон, где сначала была выставлена в Мемориале Джефферсона в честь празднования двухсотлетия со дня его рождения, а затем вернулась в Библиотеку Конгресса.

В конце 1940-х годов специалисты выдвинули веские аргументы в перемещения исторических документов в Национальный архив – там они будут сохраняться и экспонироваться в лучших условиях, чем в Библиотеке Конгресса; кроме того, по закону они принадлежали Национальному архиву. Таким образом в декабре 1952 года документы были перевезены в помещение Национального архива. 13 декабря состоялась торжественная церемония передачи документов, а уже через два дня их выставили в специальных витринах для всеобщего обозрения. Здесь Декларация независимости хранится по сей день. Эта реликвия, равно как и другие исторические документы, хранится в пуленепробиваемом стеклянном ящике, в котором она выставляется днем для всеобщего обозрения. В конце дня документы отправляются в пятитонный стальной сейф, а утром вновь извлекаются оттуда.

Подписи, поставленные членами Конгресса на Декларации, в настоящее время стали практически невидимыми, хотя текст еще можно

прочитать, особенно с помощью специальных фильтров. Служащие Национального архива уверяют, что когда во время регулярного осмотра документ вынимается из хранилища на свет, то текст на нем можно прочесть без особого труда. Таким образом, ныне тщательно оберегаемая от любых внешних воздействий служащими Декларация независимости пережила множество невзгод и опасностей и сегодня продолжает являться свидетельством тех благородных идеалов, которые были провозглашены в 1776 году основателями Соединенных Штатов Америки.

Корона и золотой лавровый венок императора Наполеона

Местонахождение: Лувр, Париж, Франция

В марте 1804 года сенат Французской республики обратился к первому консулу Наполеону Бонапарту с предложением сделать его власть наследственной, а именно – провозгласить его императором. 18 мая того же года сенат утвердил закон, первая статья которого гласила: «Правительство республики доверяется Императору, который принимает титул императора французов». Первоначально это звание воспринималось многими как особая форма признания исключительных военных заслуг Наполеона. Титул императора ассоциировался с Римской империей, железная поступь легионов Бонапарта – с доблестью римских легионов. «Я принимаю этот титул, который вы нашли полезным для блага народа», – сдержанно ответил Наполеон посланцам сената. А 10 фримера (1 декабря) сенат в полном составе явился в Тюильрийский дворец, чтобы сообщить результаты всенародного плебисцита: три миллиона пятьсот семьдесят две тысячи голосов поданы за провозглашение Наполеона императором французов.

Торжественная церемония коронации состоялась холодным декабрьским днем 1804 года. Наполеон организовал ее столь же тщательно и всесторонне, как и свои военные кампании. Общее руководство церемонией было возложено на графа Луи Филипа де Сегюра. Архитекторы Шарль Персье и Пьер Фонтень отремонтировали сильно поврежденный в дни кровавой французской революции собор Парижской Богоматери и оформили его интерьеры в стиле Империи, художник Жан-Батист Исабей разработал эскизы костюмов. Римский папа Пий VII прибыл в Париж, чтобы освятить восшествие на трон императора Наполеона I.

2 декабря в соборе Парижской Богоматери состоялась торжественная церемония коронации. На нее явились десятки депутаций от различных городов Франции, армии и флота, законодательных собраний, органов судебной власти и т. д., и т. п. Процедура коронации во многом повторяла традиционную процедуру коронации последних французских королей из династии Бурбонов, однако Наполеон добавил к ней многое из обычаев, использовавшихся во времена Карла Великого, короля франков (с 768 г.) и императора Священной Римской империи с 800 по 814 год. Правда, церемония коронации Карла Великого включала в себя процессию двенадцати девственниц с зажженными свечами, однако кто-то из окружения Наполеона полушутя-полусерьезно заметил, что после пятнадцати лет революции отыскать в Париже такое количество

девственниц будет затруднительно. В итоге ритуал пришлось сосредоточить вокруг «императорских» регалий.

Одним из драматических эпизодов кровавой французской революции стало разграбление и уничтожение древних регалий французской короны. Поэтому все принадлежности для коронации Наполеона пришлось делать заново. Известный ювелир Мартин Бьенне изготовил по заказу императора золотую корону в средневековом стиле. В соответствии с традицией, она состоит из восьми полуарок, сходящихся к центру – золотой сфере, на вершине которой помещено распятие. Эта корона получила название короны Карла Великого. Так именовался древний коронационный венец французских королей, уничтоженный в годы французской революции. Восстанавливая это наименование, Наполеон апеллировал к имени великого деятеля французского и европейского Средневековья, продолжателем дел которого, очевидно, считал самого себя.

Другая корона была изготовлена в форме золотого лаврового венца и была призвана напомнить о другой героической эпохе, не менее любимой Наполеоном – о временах Римской империи. В Древнем Риме лавровый венок считался высшим знаком воинской доблести и знаком достоинства римских императоров. Первые императоры не имели никаких корон, а носили только лавровый венок. Возложение на голову Наполеона золотого лаврового венка (к слову, обошедшегося казне в 8 000 франков) напоминало о традициях той давней эпохи и рождало у современников множество ассоциаций между Римской империей и империей Наполеона.

Помимо двух корон, для торжественной церемонии были изготовлены алмазная диадема для императрицы Жозефины, золотая цепь ордена Почетного легиона, держава, коронационный перстень. В рукоять коронационного меча Наполеона был вмонтирован знаменитый алмаз «Регент» – одна из немногих реликвий, уцелевшая после разграбления «революционными гражданами» сокровищ французской короны.

Традиционным местом коронации французских королей являлся собор в Реймсе, однако для церемонии коронации Наполеона было избрано другое место – собор Парижской Богоматери. На весь пышно обставленный ритуал потребовалось по одним сведениям – три часа, по другим – целых пять часов, причем в течение церемонии Наполеон несколько раз менял костюмы. Современники, оставившие свои воспоминания об этом торжественном акте, расходятся в подробностях. Согласно расхожей версии, восходящей к «Мемуарам» недоброжелательно настроенной к Наполеону герцогини д'Абрантес, Бонапарт, вырвав корону из рук папы римского, сам возложил ее на свою голову: якобы он не хотел получать свою корону из чужих рук. Свидетельства других очевидцев опровергают это утверждение: согласно, например, графу Сегюру, церемония прошла в полном соответствии с планом. Папа римский благословил короны и другие регалии, после чего их положили на алтарь. Наполеон приблизился к алтарю, взял в руки корону Карла Великого и возложил ее себе на голову. Потом снял корону и увенчал себя золотым лавровым венком. С короной Карла Великого в руках, с золотым лавровым венком на голове Наполеон приблизился к вставшей на колени Жозефине и коснулся короной ее головы. «Бедный, наивный корсиканец! – замечает по этому поводу А.З. Манфред, автор книги «Наполеон Бонапарт». – Он, верно, и в самом деле надеялся, что эта комедия переодеваний, эта выставленная напоказ роскошь, это богатство, великолепие торжественной церемонии, граничащей с театрализованным представлением, с балаганом, могут упрочить новую власть».

Коронация Наполеона осталась запечатлена не только в мемуарах современников, но и на монументальном полотне знаменитого французского художника Жака-Луи Давида. Прославившийся в 1780-е годы как великий мастер кисти, воспевший в своих картинах революционные идеалы, позже – якобинец, член Комитета общественной безопасности и друг Робеспьера, к началу XIX столетия Давид стал придворным живописцем Наполеона, бестрепетно угождавшим вкусам и требованиям своего августейшего покровителя. Выполняя поручение императора, художник работал над полотном «Коронация» четыре года. Эта огромная

картина должна была стать инструментом политической пропаганды – Давид прекрасно понимал, что надо писать.

Сегодня благодаря полотну Давида мы можем увидеть это отделенное от нас почти двумя столетиями торжество: бордовый бархат и блеск белого шелка, темные зеленые тона и темное золото короны в руках императора, яркие мундиры свиты маршалов, высших сановников империи… В центре – фигура императора в длинной, до пола, белой тунике, отороченной горностаем, с золотой короной в руках, возлагаемой на голову Жозефине. Это – своеобразный знак, намекающий на продолжение рода: императрица должна родить наследника, который займет трон после смерти Наполеона. Вся картина проникнута аллюзиями, призванными напоминать о связи между империей Бонапарта и Римской империи. Эту связь Наполеон будет подчеркивать постоянно на протяжении всего своего недолгого правления. На монетах императора изображали увенчанным лавровым венком, наподобие римских императоров; в таком же виде он запечатлен многочисленными скульпторами.

Империя Наполеона просуществовала исторически ничтожный срок – всего десять лет. Вернувшие себе королевский трон Бурбоны стремились ликвидировать те остатки культа Наполеона, что еще сохранялись во французском обществе. В 1819 году все императорские регалии, включая золотой лавровый венок, столь часть изображавшийся живописцами и скульпторами, были уничтожены. От венка уцелел только один золотой листок. Ныне он бережно сохраняется как реликвия, заключенный в специальный футляр.

Что касается «короны Карла Великого», то ее решено было оставить в качестве компенсации за уничтоженную в годы революции древнюю коронационную корону французских королей. Правда, использовать ее по прямому назначению больше так никому и не довелось. Король Людовик XVIII Бурбон, брат убитого Людовика XVI, взойдя в 1814 году на французский трон, решил не устраивать коронацию. Его наследник Карл X, став королем в 1824 году, восстановил традицию коронаций в Реймсе и был коронован с использованием единственной уцелевшей от предреволюционных времен французской королевской короной – короной Людовика XV. Наполеон III, став французским императором в 1852 году, отказался от обряда коронации. А в 1885 году Национальное собрание Франции приняло решение продать большую часть королевских и императорских регалий и драгоценностей с тем, чтобы воспрепятствовать всем попыткам реставрации монархической власти. Лишь несколько предметов было сохранено благодаря их исторической ценности. В их число попала и корона Наполеона – «корона Карла Великого». Ныне эта реликвия, напоминающая о бурной эпохе наполеоновских войн и Первой империи, демонстрируется в парижском Лувре.

Компьенский вагон (Окончание Первой мировой войны)

Местонахождение: мемориальный музей в Компьенском лесу, департамент Уаза, Франция

Пикардия, историческая область на севере Франции, где велись наиболее ожесточенные сражения Первой мировой войны, до сих пор хранит память о тех далеких событиях. И в городах, и в сельской местности то и дело можно увидеть воинские захоронения, памятники, восстановленные после войны дома и церкви, на стенах которых сохранились отметины от пуль и осколков. Здесь же, в Пикардии, находится один из наиболее значительных мемориалов, посвященных Первой мировой войне. Он устроен в не совсем обычном месте – в лесу близ города Компьен, где в заключительные месяцы Первой мировой войны располагался штаб главнокомандующего союзными силами на Западном фронте маршала Фоша. Именно здесь, в Компьенском лесу в ноябре 1918 года было подписано историческое перемирие между странами Антанты и Германией, положившее конец четырехлетней бойне – именно так окрестило Первую мировую войну потрясенное человечество. Масштабы вызванных ею потерь – прежде всего людских – были беспрецедентны для мировой истории.

Компьенский лес невелик – его площадь составляет 144,85 кв км. В глубь его уходит железнодорожный путь, на котором когда-то стоял штабной поезд маршала Фоша. Сюда же в ноябре 1918 года приехала немецкая делегация, возглавляемая депутатом рейхстага и членом германского правительства Маттиасом Эрцбергером. Именно ему принц Макс Баденский, последний канцлер кайзеровской Германии, поручил вести переговоры о перемирии. Канцлер предполагал, что Эрцбергер как

гражданское лицо и вдобавок католик будет более приемлемой фигурой для французов, чем какой-нибудь кадровый прусский военный. Кроме того, Эрцбергер был известен как пацифист. Немецкая делегация пересекла линию фронта на пяти автомобилях и в течение десяти часов ехала через опустошенную и разоренную войной Северную Францию. Ее конечной целью был секретный военный объект в Компьенском лесу, где под сенью деревьев и прикрытием тяжелой дальнобойной артиллерии стоял штабной поезд маршала Фоша. Впрочем, за три дня переговоров Фош появлялся только дважды: в первый день, чтобы спросить немцев, что они хотят, и в последний день, чтобы подписать мирное соглашение. В промежутке немецкая делегация обсуждала детали соглашения с французскими и британскими офицерами. Переговоров, по существу, не было. Союзники продиктовали немцам условия перемирия, предусматривавшие немедленный отвод германских армий за линию Рейна, сдачу тяжелого вооружения и военных кораблей, полную демилитаризацию Германии. Германия должна была также аннулировать Брест-Литовский мирный договор с Советской Россией и Бухарестский мирный договор с Румынией, заключенные в 1918 году. Эти требования носили ультимативный характер. Члены немецкой делегации были в состоянии лишь выразить формальный протест в связи с резкостью поведения союзников и снять несколько заведомо невозможных требований (например, от Германии требовали выдать большее количество подводных лодок, чем в реальности обладал немецкий флот). Но отказаться от подписания перемирия Эрцбергер и его коллеги были не в состоянии: на них давили не столько союзники, сколько события в Германии – в стране начиналась революция. В воскресенье, 10 ноября, парижские газеты сообщили о том, что кайзер Вильгельм II отрекся от престола. Новый канцлер Германии, социалист Фридрих Эберт, экстренно телеграфировал Эрцбергеру, что уполномочивает его подписать мирное соглашение. Командующий германской армией Пауль фон Гинденбург со своей стороны требовал подписывать мир на любых условиях…

11 ноября 1918 года представители Германии и Антанты собрались в переоборудованном вагоне-ресторане компании «Compagnie Internationale des Wagons Lits et des Grandes Express Européens», входившем в состав штабного поезда маршала Фоша. Перед тем, как поставить свою подпись, Эрцбергер произнес краткую речь, возражая против жестких условий перемирия, и в заключение заявил: «Нация, насчитывающая семьдесят миллионов, может пострадать, но не может погибнуть!» В ответ на это маршал Фош презрительно буркнул: «Très bien» («Это хорошо»).

Между 17: 12 и 17: 20 по парижскому времени все участники переговоров поставили свои подписи под соглашением. Со стороны союзников документ подписали маршал Франции Фердинанд Фош, верховный командующий силами Антанты; лорд Адмиралтейства адмирал Росслин Уэмисс, представитель Британии; генерал Вейган, начальник штаба Фоша. Со стороны Германии – Маттиас Эрцбергер; граф Альфред фон Оберндорф, представитель германского министерства иностранных дел; от имени армии – генерал-майор Детлев фон Винтерфельдт; от имени флота – капитан Эрнст Ванзелов. Перемирие должно было вступить в силу в 23: 00 по парижскому времени. За две минуты до мира немецкий снайпер

застрелил канадского солдата. Это была последняя кровь этой войны…

Окончательно условия мира между государствами Антанты и Германией были обсуждены и приняты на Парижской конференции 1919 года и закреплены Версальским договором того же года. Франция и ее союзники праздновали победу; но эта победа уже таила в себе семена новой войны. Помпезные парады по случаю завершения войны не могли затушевать ни политической нестабильности в Германии и Италии, ни Гражданской войны в России, ни острых национальных конфликтов в Центральной Европе, ни устремлений германских милитаристов, жаждавших реванша. Они не замедлили сказать свое слово: Маттиас Эрцбергер, поставивший свою подпись под текстом Компьенского перемирия, в 1921 году был убит бывшими морскими офицерами – лейтенантом Генрихом Шульцем и младшим лейтенантом Генрихом Тилессеном, членами террористической организации «Консул». Рост реваншистских настроений привел к власти в Германии Гитлера. 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война, а в мае 1940 года гитлеровцы вторглись во Францию. В течение месяца французская армия и ее союзники, британцы и бельгийцы, были разгромлены.

Когда Гитлеру доложили о том, что французское правительство просит о перемирии, он лично назначил местом переговоров Компьенский лес. С его точки зрения это должно было стать актом мести французам за унижение 1918 года. Продиктовав оскорбительные условия перемирия в том же самом месте, где когда-то надменные союзники в ультимативной форме ставили свои условия немцам, Гитлер показал тем самым всему миру, что Франция не просто разбита, но и поставлена в такое беспомощное положение, что не в состоянии сохранить свое достоинство.

Акт мести был продуман до самых мелочей. По требованию Гитлера из захваченного немцами Парижа в Компьен был доставлен тот самый исторический вагон, где было заключено перемирие 1918 года (к тому моменту он находился в музее). Вагон поставили на то же самое место, где он стоял в 1918 году. Гитлер сидел на том же самом стуле, на котором сидел маршал Фош, диктуя свои условия представителям побежденной Германии. После чтения преамбулы соглашения Гитлер, стремясь выразить презрение к французским делегатам, демонстративно оставил вагон, оставив вести переговоры генерала Вильгельма Кейтеля, своего начальника Генерального штаба.

Условия перемирия, продиктованные Франции, были намного более жесткими, чем те, что были предложены Германии в 1918 году. Они предусмотрели немецкую оккупацию всего севера и запада Франции вплоть до испанской границы, чтобы обеспечить немцам доступ к французским портам на побережье Ла-Манша и Атлантического океана. Численность французской армии сводилась к минимуму. Французский флот следовало разоружить, однако Гитлер не стал требовать его выдачи Германии, поскольку Гитлер понимал, что дальнейшее давление на Францию может привести к возобновлению военных действий – французы еще располагали достаточными силами в Северной

Африке. Оставшуюся вне зоны оккупации треть территории Франции оставили «свободной» (в конечном счете она была оккупирована Германией в 1942 году).

Французская делегация во главе с генералом Шарлем Хюнтцигером попыталась смягчить наиболее жесткие условия перемирия, однако Кейтель ответил, что торг неуместен и что французы должны либо принять, либо отклонить перемирие. Учитывая ситуацию, в которой находилась Франция, у Хюнтцигера не было никакого другого выбора. Один из пунктов перемирия гласил, что пока война с Великобританией не окончилась, все французские военнопленные должны оставаться в заключении до конца военных действий. Никто из членов французской делегации не верил, что Британия, оставшаяся в одиночестве, сможет противостоять Гитлеру более двух-трех месяцев. Поэтому никто из них не стал возражать против этого пункта. В итоге полтора миллиона французов были вынуждены провести пять лет в лагерях для военнопленных.

Перемирие между нацистской Германией и Францией, получившее название Второго Компьенского, было подписано в 18: 50 22 июня 1940 года и вступило в силу 25 июня 1940 года в 0: 35. Тремя днями спустя гитлеровцы уничтожили мемориальный комплекс в Компьенском лесу, посвященный событиям 1918 года. Оставили только статую маршала Фоша: Гитлер приказал сохранить ее. Исторический вагон был вывезен в Берлин в качестве военного трофея вместе с мемориальной плитой, на которой была высечена надпись на французском языке: «ЗДЕСЬ ОДИННАДЦАТОГО НОЯБРЯ 1918 ГОДА БЫЛА СОКРУШЕНА ПРЕСТУПНАЯ ГОРДОСТЬ ГЕРМАНСКОГО РЕЙХА, ПОБЕЖДЕННАЯ СВОБОДНЫМИ – НАРОДАМИ, КОТОРЫХ ПЫТАЛАСЬ ПОРАБОТИТЬ».

В течение нескольких лет Компьенский вагон хранился в Берлине, а в 1944 году был вывезен в деревню Кравинкель в Тюрингии. В 1945 году, незадолго до конца войны, вагон был уничтожен эсэсовцами, а его остатки закопаны – гитлеровцы очень опасались, что их во второй раз заставят подписывать капитуляцию именно в этом вагоне, ставшем своеобразным символом войн XX столетия.

После войны французские власти силами немецких военнопленных восстановили мемориал в Компьенском лесу в состоянии, близком к довоенному. Была собрана и воссоздана мемориальная плита, разбитая нацистами. Что же касается исторического вагона, то его пришлось заменить копией. Это – точно такой же типовой вагон-ресторан фирмы «Compagnie Internationale des Wagons Lits et des Grandes Express Européens», что и тот, который служил в свое время маршалу Фошу. Внутри стоят стол и стулья с указанием того, где именно сидел тот или иной участник исторических переговоров, разложены факсимильные копии документов, а пепельница на столе хранит окурок сигары, который, как считается, курил во время переговоров сам маршал Фош. Есть здесь и детали вагона подлинного: после воссоединения Германии в 1989 году жители Кравинкеля выкопали сохранившиеся части уничтоженного гитлеровцами вагона и в 1992 году доставили их во Францию. А 5 мая 1994 года на территории мемориала в Компьенском лесу был посажен привезенный из Кравинкеля маленький дуб, символизирующий надежду на вечный мир между Германией и Францией.

Знамя Победы (Победа над нацизмом во Второй мировой войне)

Местонахождение: Центральный музей Вооруженных сил, Москва, Россия

До конца Второй мировой войны оставались считанные дни. 21 апреля 1945 года советские войска начали непосредственный штурм Берлина, а к исходу 29 апреля завязались бои за Рейхстаг. Это монументальное неоренессансное здание в центре Берлина, где во времена империи и Веймарской республики заседал германский парламент, построено в 1884–1894 годах по проекту архитектора Пауля Валлота. В результате поджога в ночь с 27 на 28 февраля 1933 года, обстоятельства которого остаются неясными до сих пор (согласно распространенному в ту пору мнению, поджог осуществил голландский коммунист ван дер Люббе), полностью выгорел пленарный зал. С марта 1933 года и вплоть до конца Второй мировой войны здание Рейхстага не использовалось для парламентских заседаний, однако в заключительной стадии боев за Берлин советское командование придавало Рейхстагу большое символическое значение: падение Рейхстага знаменовало конец гитлеровского Третьего рейха.

Бои в центральной части Берлина вела 3-я ударная армия 1-го Белорусского фронта. Еще заранее для каждой из девяти ее дивизий были изготовлены красные знамена, учрежденные Военным советом армии. Та из дивизий, которая сумеет первой пробиться к Рейхстагу и захватить его, должна была водрузить знамя над поверженным символом Третьего рейха. По воспоминаниям бывшего начальника политотдела 3-й ударной армии полковника Лисицына, «еще до начала Берлинской операции мы узнали, что некоторые наши соседи распорядились изготовить по одному красному знамени для водружения над Рейхстагом – высшим органом государственной власти фашистской Германии. Я предложил изготовить не одно, а девять знамен – по числу стрелковых дивизий нашей армии. Военный совет одобрил предложение.

Я вызвал начальника армейского Дома Красной Армии Г. Голикова: нам выпала высокая честь сшить будущие знамена Победы. Каким материалом располагаем? Решили обойтись без излишеств: шить из обыкновенного кумача, но со строгим соблюдением размеров и формы Государственного флага страны… Женщины взяли ножницы, иголки с нитками, шили и кроили. Слез не скрывали. Пожалуй, в этот момент многие из нас поняли, как близок конец этой бесчеловечной войны. Художник В. Бунтов рисовал в верхнем левом углу, у древка, серп и молот со звездой. Киномеханик С. Габов мастерил древки (в основном из карнизов для штор) и крепил к ним полотнища».

Все знамена были изготовлены по единому образцу: на красном полотнище размером 188 на 82 см – пятиконечная звезда, под ней серп и молот, справа внизу у древка – номер. Знамя за номером пять 22 апреля было вручено 150-й стрелковой дивизии (командир – генерал-майор В.М. Шатилов). Именно этому соединению наряду со 171-й стрелковой дивизией (командир – полковник А.И. Негода) 79-го стрелкового корпуса пришлось вести непосредственные бои за Рейхстаг.

На острие атаки 150-й стрелковой дивизии находился 756-й полк полковника Ф.М. Зинченко. 29 апреля, форсировав реку Шпрее, его первый

батальон под командованием капитана Степана Неустроева захватил здание германского министерства внутренних дел и гестапо, в просторечии именовавшееся «домом Гиммлера». Между ним и Рейхстагом простиралась обширная Королевская площадь, перегороженная рвом. Здание Рейхстага было хорошо подготовлено к обороне, его защищал сильный гарнизон, так что первая попытка батальона Неустроева утром 30 апреля с ходу ворваться в Рейхстаг закончилась большими потерями. Бой продолжался целый день, а тем временем в штабе полка уже готовили группу знаменосцев, которой предстояло водрузить знамя Победы над захваченным Рейхстагом.

Из воспоминаний генерала В.М. Шатилова, командира 150-й стрелковой дивизии:

«К рассвету 30 апреля весь «дом Гиммлера» был нашим. Но, понятно, далось это ценой немалых потерь. Около четырнадцати я <…> связался с Зинченко. Он доложил, что рота Сьянова дерется на той стороне рва, но пробиться к главному входу пока не может. В боевые порядки отправился Неустроев.

– А Знамя? – поинтересовался я. – Где Знамя Военного совета? Ведь как ворвутся, его сразу водружать надо!

– Знамя у меня на НП. Не с кем отправить его, товарищ генерал, людей нет…

Только я положил трубку, аппарат настойчиво загудел.

– Товарищ генерал, – послышался голос Зинченко, – все в порядке, нашел бойцов! Сержант Егоров и младший сержант Кантария. Из разведвзвода полка. Надежные ребята, орлы! Сейчас отправляю их со Знаменем в боевые порядки».

Знамя перед атакой вручал разведчикам командир 756-го полка полковник Ф.М. Зинченко. Вспоминает бывший комсорг полка лейтенант Н.М. Беляев:

«На рассвете исторического дня 30 апреля нашей 150-й дивизии поставлена боевая задача штурмовать рейхстаг. Необходимо было подготовить не менее трех человек из разведчиков, которые с батальоном Неустроева пойдут со знаменем в рейхстаг.

Обсуждение кандидатур знаменосцев длилось недолго. Сразу вспомнили о боевых качествах сержанта Михаила Егорова, многократно проверенных в разведке. Миша, пожалуй, самый молодой, но и самый опытный из всех: с 1941-го партизанил на Смоленщине, награжден медалью Партизану Великой Отечественной, боевыми орденами, среди которых – орден Славы III степени. Второй возникла кандидатура младшего сержанта Мелитона Кантарии – смелого, горячего, верного в разведке товарища.

На КП командир нашего 756-го полка Федор Матвеевич Зинченко берет в руки завернутое древко. Разворачивает – и мы видим государственный флаг Советского Союза. На нем – серп и молот, написанные серебряной краской, над ними – пятиконечная звезда. Внизу стоит номер флага – “5”.

– Наша задача – установить флаг над рейхстагом, – говоритЗинченко».

В штурме Рейхстага участвовали три батальона. Стремление бойцов как можно скорее захватить здание и поднять над ним Красное знамя было настолько велико, что идя в бой многие запаслись полотнищами или просто

лоскутами красной ткани. В дело шло все, что попадалось под руку – матрацы, наволочки, шторы, полотенца… С этими импровизированными флагами солдаты ринулись в бой.

Первыми через главный вход в рейхстаг ворвались бойцы батальона капитана Неустроева и штурмовая группа разведчиков-артиллерис-тов во главе с капитаном Владимиром Маковым. Знаменная группа в составе батальонного замполита лейтенанта Алексея Береста и сержантов Михаила Егорова и Мелитона Кантария под прикрытием группы

разведчиков начала пробираться на верхние этажи. «Внезапно каменная лестница оборвалась – целый марш оказался разбитым, – пишет в своих мемуарах генерал В.М. Шатилов. – Замешательство было недолгим. “Я сейчас”, – крикнул Кантария и метнулся куда-то вниз. Вскоре он появился с деревянной стремянкой. И снова бойцы упрямо полезли вверх.

Вот и крыша. Они прошли по ней к громадному всаднику. Под ними лежали укутанные в дымные сумерки дома. Кругом метались вспышки. По кровле постукивали осколки. Где прикрепить флаг? Около статуи? Нет, не годится. Ведь было сказано – на купол. Ведущая на него лестница шаталась

– она была перебита в нескольких местах.

Тогда бойцы полезли по редким ребрам каркаса, обнажившегося из-под разбитого стекла. Передвигаться было трудно и страшно. Карабкались медленно, друг за другом, мертвой хваткой цепляясь за железо. Наконец достигли верхней площадки. Прикрутили ремнем к металлической перекладине Знамя – и тем же путем вниз. Обратный путь был еще труднее и занял больше времени.

Когда Егоров и Кантария предстали перед Неустроевым, на часах было без десяти одиннадцать вечера. А пять минут спустя Зинченко торжественно доложил мне по телефону:

– Товарищ генерал, Знамя Военного совета укреплено на куполе рейхстага в двадцать один час пятьдесят минут по московскому времени!»

И сейчас, годы спустя, вокруг этого события продолжаются споры: когда в реальности над Рейхстагом был поднят красный флаг? Кто первым его поднял? В воспоминаниях очевидцев и документах тех лет содержится, увы, слишком много противоречий. Тот же В.М. Шатилов, например, в исторический день 30 апреля 1945 года отправлял в штаб 79-го стрелкового корпуса совершенно иные сообщения: «Доношу в 14.25 30.4.45, сломив сопротивление противника в кварталах северо-западнее здания рейхстага 1/756 СП и 1/674 СП, штурмом овладели зданием рейхстага и водрузили на южной его части красное знамя…» То есть знамя было поднято еще днем!

Сегодня историки склонны полагать, что причиной этой путаницы стало стремление выдать желаемое за действительное. Сам Ф.М. Зинченко уже после войны так объяснял произошедшее: «Всему виной поспешные, непроверенные донесения. Бойцы подразделений, залегших перед рейхстагом, несколько раз поднимались в атаку, пробивались вперед в одиночку и группами. Кому-то из командиров и могло показаться, что его бойцы если не достигли, то вот-вот достигнут заветной цели. Ведь всем так хотелось быть первыми!»

Несмотря на отправленное «наверх» сообщение о взятии Рейхстага, бои за Рейхстаг продолжались. Штурмовым группам удалось ворваться в здание лишь ближе к вечеру, уже под покровом темноты.

У центрального, западного входа сразу запестрели самодельные красные флажки. Группа разведчиков 136-й артиллерийской бригады в составе капитана В.Н. Макова, старших сержантов Г.К. Загитова, А.Ф. Лисименко, А.П. Боброва, сержанта М.П. Минина около 22.40 сумела пробиться на кровлю и поднять Красное знамя над аллегорической скульптурной композицией «Германия», располагавшейся над западным входом. Именно это знамя стало первым поднятым над Рейхстагом знаменем Победы (этот факт спустя много лет был подтвержден Институтом военной истории МО РФ). Наконец, уже ночью группа в составе Алексея Береста, Михаила Егорова и Мелитона Кантария в сопровождении группы автоматчиков выбрались на кровлю здания над противоположным, восточным входом и здесь без всяких помех закрепили знамя на конной статуе императора Вильгельма. Оно оставалось там вплоть до окончания боев за Рейхстаг 2 мая, а во второй половине того же дня по приказу командира полка Зинченко было перенесено на купол здания.

Разбирательство по поводу того, кто же именно первым поднял Красное знамя над Рейхстагом, тянулось еще долго, и, наконец, в мае 1946

года командиры трех батальонов, штурмовавших последний оплот Третьего рейха – капитан В.И. Давыдов, капитан С.А. Неустроев и старший лейтенант Н.Я. Самсонов, а также сержанты М.А. Егоров и М.В. Кантария получили звания Героев Советского Союза. Лейтенанта А.П. Береста из этого списка вычеркнули, подвиг группы капитана Макова был забыт.

Сегодня достоверно установлено, что в ходе штурма над Рейхстагом было водружено несколько красных знамен, причем Знамя Победы, поднятое Берестом, Егоровым и Кантария, стало далеко не первым. Однако в официальной историографии Знаменем Победы считается лишь оно.

В июне 1945 года Знамя Победы было с особыми почестями доставлено в Москву и после Парада Победы на Красной площади передано на вечное хранение в Центральный музей Вооруженных сил, экспонатом которого остается до настоящего времени. Оно представляет собой простое кумачовое полотнище на древке, окрашенном красной краской. В правом верхнем углу полотнища – серп и молот, над ним пятиконечная звезда, нарисованные белой краской. Такой же краской сделана надпись на знамени: «150 стр. ордена Кутузова II ст. Идрицк. див. 79 с.к. 3 У.А. I БФ». («150-я стрелковая ордена Кутузова II степени Идрицкая дивизия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта»). На древке – цифра 5. Она означает, что знамя, которому суждено было стать Знаменем Победы, было пятым по счету среди тех девяти, что были вручены дивизиям 3-й ударной армии перед штурмом Берлина.

Спускаемый аппарат космического корабля «Восток» (Первый пилотируемый полет человека в космос)

Местонахождение: Музей РКК «Энергия», Королев, Россия

День 12 апреля 1961 года начался знаменитым гагаринским «Поехали!». Позже этот день назовут «утром космической эры».

Первый полет человека в космос стал одним из самых ярких и запоминающихся событий XX столетия. Советский военный летчик старший лейтенант Юрий Гагарин (1934–1968) на корабле «Восток» в 09: 07 по московскому времени стартовал с космодрома Байконур и совершил первый в истории человечества космический полет вокруг Земли. Он пробыл в космосе 108 минут и благополучно вернулся на Землю.

Человек издавна мечтал подняться в космос. Но только в XX веке эта мечта стала воплощаться в реальность. В 1903 году в одном из журналов появилась статья К.Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами», где впервые обосновывалась возможность межпланетных перелетов. В 1920—1930-х годах идеи Циолковского развивали Ю.В. Кондратюк, американский изобретатель Р. Годдард, немецкий профессор Г. Оберт. В декабре 1930 года в Москве была создана Группа изучения реактивного движения (ГИРД) под руководством С.П. Королева и Ф.А. Цандера. Благодаря самоотверженной работе энтузиастов уже в 1933 году взлетела первая жидкостная ракета. А с 1950-х гг. началась реализация советской космической программы.

Полету Ю.А. Гагарина предшествовала большая и напряженная работа по подготовке и осуществлению запусков первого спутника, первого живого существа и, наконец, космического корабля в автоматическом режиме с манекеном человека на борту и с возвратом спускаемого аппарата на Землю. Все было внове, никто не мог с уверенностью сказать заранее, как поведет себя организм человека в условиях космического полета. Гагарину предстояло дать ответ на простейшие вопросы, например, можно ли принимать пищу в невесомости. Не было уверенности, выдержит ли его психика.

И вот по всему миру разнеслось сообщение ТАСС: «12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник “Восток” с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника “Восток” является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик-космонавт майор Юрий Алексеевич Гагарин». Сто восемь минут, которые понадобились для того, чтобы обогнуть нашу планету, стали первыми минутами космической эры, и потому они так потрясли и взволновали мир. Международная авиационная федерация (ФАИ) в июле 1961 года с протокольной точностью зарегистрировала: первый пилотируемый космический полет совершил гражданин СССР Юрий Алексеевич Гагарин. Корабль «Восток» стартовал в 6 часов 07 минут по

Гринвичу и приземлился в 7 часов 55 минут. Продолжительность полета – 108 минут. Максимальный груз, поднятый на орбиту – 4 725 кг, максимальная высота полета – 327 км.

Космический корабль «Восток», на котором совершил свой исторический полет Юрий Гагарин, состоял из сферического спускаемого аппарата (одновременно выполнявшего функции орбитального отсека) массой 2,46 тонны и диаметром 2,3 м, и конического приборного отсека массой 2,27 тонны и максимальным диаметром 2,43 м. Отсеки механически соединялись между собой при помощи металлических лент и пиротехнических замков. Вес космического корабля составлял 4725 кг, а вместе с последней ступенью ракеты-носителя – 6170 кг. Управление кораблем осуществлялось автоматически. В полете непрерывно поддерживалась связь с Землей.

Атмосфера внутри корабля представляла собой смесь кислорода с азотом под давлением в 1 атмосферу (760 мм ртутного столба). Спускаемый аппарат имел два иллюминатора, один из которых размещался на входном люке, чуть выше головы космонавта, а другой, оснащенный системой ориентации, в полу у его ног. Во время полета космонавт находился в специальном скафандре, обеспечивающем при необходимости его пребывание в разгерметизированной кабине корабля в течение 4 часов и защиту при катапультировании из гермокабины на высотах до 10 000 м. После полета спускаемый аппарат вместе с находящимся в нем оборудованием и космонавтом возвращался на Землю.

Конструктивно было предусмотрено два варианта возвращения космонавта: в катапультируемом кресле и внутри спускаемого аппарата. Последнее было довольно рискованным делом: спускаемый аппарат, хотя и имел собственный парашют, не был оснащен средствами выполнения мягкой посадки, что грозило оставшемуся в нем человеку как минимум серьезными ушибами.

Существовала и еще одна трудность: разрабатывая спускаемый аппарат, конструкторы остановились на осесимметричной сферической форме, как наиболее хорошо изученной и имеющей стабильные аэродинамические характеристики для всех диапазонов углов атаки. Основной вес спускаемого аппарата был сконцентрирован в одной части, таким образом, при движении по баллистической траектории он автоматически разворачивался тяжелой частью вниз. Это решение позволяло обеспечить приемлемую массу тепловой защиты и реализовать наиболее простую схему спуска с орбиты. Однако выбор баллистической схемы спуска обуславливал большие – восьмикратные! – перегрузки, которые предстояло испытать человеку, находящемуся на борту корабля.

При возвращении на Землю Гагарин и руководители полета решили избрать катапультирование. Для космонавта катапультирование и спуск на парашюте стали еще одним испытанием. Он вспоминал:

«…на высоте примерно около 7 000 метров происходит отстрел крышки люка№….катапультировался – быстро, хорошо, мягко, ничем не стукнулся. Вылетел с креслом. Смотрю, выстрелила эта пушка, ввелся в действие стабилизирующий парашют… Отцепляется стабилизирующий, вводится в действие основной парашют – и тут мягко так, я ничего даже не заметил, стащило. Кресло ушло от меня, вниз пошло… Затем раскрылся

запасной парашют, раскрылся и повис вниз, он не открылся, произошло просто открытие ранца… Тут слой облачков был, в облачке поддуло немножко, раскрылся второй парашют, наполнился, и на двух парашютах дальше я спускался. Трудно было с открытием клапана дыхания в воздухе, получилась такая вещь, что этот клапан, когда одевали, попал под демаскирующую оболочку – и он под подвесной системой, под этой демаскирующей оболочкой, так все притянуло, минут шесть я все старался его достать. Но потом взял расстегнул демаскирующую оболочку, с помощью зеркала вытащил этот самый тросик и открыл его нормально».

В 10.55 Гагарин приземлился возле деревни Смеловка в Саратовской области. Обгоревший спускаемый аппарат упал на пахотное поле колхоза «Ленинский путь», юго-западнее города Энгельса. Из-за сбоя в системе торможения место приземления оказалось удалено на 110 км от запланированной точки в районе Волгограда.

Сегодня обугленный спускаемый аппарат «Востока» хранится в музее РКК «Энергия» – того самого предприятия, где под руководством С.П. Королева разрабатывался первый космический корабль. Поверхность этого «шарика» испытала температуру в 3500 градусов по Цельсию! Тем не менее теплозащита выдержала, аппарат благополучно вернулся на землю, и даже после совсем не мягкой посадки на нем продолжали исправно работать все приборы. Сегодня этот аппарат – главный и единственный свидетель того самого дня, с которого берет свое начало космическая эра человечества.